ANNALES CONTEMPORAINES

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

издаваемый при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, А. И. Гуковскаго, В. В. Руднева.

XII

30 Сентября 1922 г.

ПАРИЖЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр

1. **А. М. Ремизовъ.** — ДОЛЯ. (Повѣсть). Гл. I—XIV 1
2. **Евг. Замятинъ.** — „ДѢТСКАЯ". (Разсказъ) 42
3. **Андрей Бѣлый.** — ПРЕСТУПЛЕНІЕ НИКОЛАЯ ЛЕТАЕВА. — Продолженіе 53
4. **В. М. Зензиновъ.** — НЕНА. (Изъ воспоминаній) 69
5. **Ѳ. Сологубъ.** — „ВИЖУ РОСЫ И ПОЮ"... „ТЫ—ВОСКРЕСЕНІЕ!"... „КАКЪ Я СЪ ТОБОЙ НИ СПОРИЛЪ, БОЖЕ"... (Стихотворенія) 102
6. **Вл. Г. Короленко.** — „ЗЕМЛИ, ЗЕМЛИ!" (Наблюденія, размышленія, замѣтки). Гл. VII—XI 105
7. **М. О. Гершензонъ.** — I. ПАЛЬМИРА. — II. ЧЕЛОВѢКЪ, ОДЕРЖИМЫЙ БОГОМЪ 125
8. **Е. Д. Кускова.** — ПЕСТРЫЯ КАРТИНКИ 138
9. **И. И. Бунаковъ.** — ПУТИ РОССІИ. Статья четвертая 164
10. **Ст. Ивановичъ.** — ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ СОЦІАЛИЗМА . . . 211
11. **К. Грюнвальдъ.** — ВЕЛИКОБРИТАНІЯ И ИНДІЯ. Окончаніе 236
12. **С. О. Загорскій.** — РУССКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ГЕНУѢ И ГААГѢ 262
13. **М. В. Вишнякъ.** — НА РОДИНѢ

(I. «Судъ» надъ правыми эсъ-эрами. — Фарсъ на лобкомъ мѣстѣ. — Видимость государственности. — «Эпизодъ гражданской войны». — Условная казнь. — Новое въ старомъ. — Соціально опасныя преступленія и преступники-рецидивисты. — Сильные духомъ и низкіе местью. — Цѣли «процесса». — Его достиженія. — II. П. с.-р. въ фокусѣ общественнаго вниманія. — «Судъ» надъ эсъ-эрами, какъ «исторія пролетарской революціи». — Пятилѣтняя тяжба между мартомъ и октябремъ, п. с.-р. и р. к. п. — Почему не удалась «хорошая революція?» — Почему «удался» октябрь? — Оставшійся выходъ. — III. «Грязная» политика и «постылыя» партіи. — Политическія партіи какъ «форма» современной государственности. — Политическіе принципы и релятивный нигилизмъ. — Пересмотръ партійной идеологіи. — Ревизія западно-европейскаго соціализма. — Ревизія программы п. с.-р. — Безоговорочный отказъ отъ всякой диктатуры. — Признаніе классовой борьбы за фактъ, а не норму. — Наилучшій исходъ переустройства поземельныхъ отношеній. — Частно-хозяйственное начало въ промышленности. — Учредительное Собраніе — завтрашній день русской исторіи). 298

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ:

14. **Мих. Цетлинъ.** — ПЛЕМЯ МЛАДОЕ. (О „Серапіоновыхъ братьяхъ") 329

15. **Б. Шлецеръ.** — „ЗАКАТЪ ЕВРОПЫ" 339

16. **КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:**

С. Ивановъ. — Вѣра Фигнеръ: „Запечатлѣнный трудъ". Ч. I. Изд. „Задруга". Москва. 1921 г. 349

М. А. — Alexander Block. Die Zwölf. Переводъ Вольфганга Грегера, съ иллюстр. В. Н. Масютина. Изд-во „Нева". Берлинъ . . . 361

В. Р. — „Единый соціалистическій фронтъ съ большевиками". (Проф. Г. Г. Шпиттау: „Революція и народное хозяйство въ Россіи". Изд. Центр. Т-ва Кооперат. Изд.-ва. Берл. 1922) 362

М. В. — „Заря". Органъ соціалъ-демократической мысли. 1922. № № 1, 2, 3, 4 и 5 367

Прив.-доц. С. Карцевскій. — Новая книга о языкѣ. (F. Vendryes: Le Langage, introduction linguistique à l'histoire. Paris. 1921 370

Б. Шлецеръ. „Мысль". Журналъ Петербургскаго Философскаго Общества, подъ ред. Э. Л. Радлова и Н. О. Лосскаго 376

Б. Ш. — Э. Радловъ: Очеркъ исторіи русской философіи. Пб. 1922 378

Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ въ Редакцію „Соврем. Записокъ" 380

Содержаніе предыдущихъ книжекъ журнала „Соврем. Записки".

Объявленія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Окончаніе романа **М. А. Алданова „9 Термидора"** по желанію автора будетъ помѣщено цѣликомъ въ 13-й книгѣ „Современныхъ Записокъ".

Д О Л Я

ПОВѢСТЬ

1.

Оля говорила на «о»:

— бочоно-чокъ,

— коро-ва.

У Оли были три разныя куклы:

— каминскія — каменныя, которыя бьются,

— журнальскія — изъ «Моды» вырѣзанныя, изъ модныхъ журналовъ,

— тряпинскія — нянька Фатевна изъ тряпокъ дѣлала; и одна восковая.

У Оли было розовое любимое платье и двѣ любимыя кофточки: кинареечная и голубая съ вафлями,

и была еще у Оли кофточка ночная завѣтная.

Жарко лѣтомъ въ Ватагинѣ.

А Оля жары не любитъ.

Оля очень любила купаться: разъ десять въ день норовитъ выкупаться — кожа съ шеи слѣзала.

А то заляжетъ на кровать, обложится яблоками, лежитъ и читаетъ, и цѣлый день такъ до вечера, пока теплынь не схлынетъ.

И совсѣмъ еще маленькая — въ третьемъ классѣ — Оля за лѣто перечитала множество разныхъ книгъ и, конечно, безъ толку — и когда въ седьмомъ классѣ студентъ Черкасовъ станетъ давать Олѣ книги и среди нихъ ока-

жется не мало читанныхъ, Оля прочитаетъ ихъ, какъ вновѣ — Тургенева, Толстого, Достоевскаго.

Въ пятомъ классѣ у всѣхъ подругъ Олиныхъ гимназистокъ-сверстницъ были наколоты булавкой иниціалы ихъ «симпатій» — имена гимназистовъ, въ которыхъ онѣ влюблены.

Олѣ тоже очень хотѣлось носить на рукѣ вензель и, не отставая отъ другихъ, она наколола себѣ —

Н. В.

Наталью Васильевну, любимую учительницу русскаго языка, которая однажды вывела Олѣ въ четверть вмѣсто пятерки четыре:

— за мятыя тетрадки.

Въ шестомъ классѣ Марина Завѣтновская познакомила Олю съ гимназистомъ Гусаровымъ.

— Я потому хочу съ вами познакомиться, что я полякъ: стою за освобожденіе Польши. А вы малоросска — стоите за освобожденіе Малороссіи.

Тутъ въ первый разъ услышала Оля, что надо кого-то освобождать и стоять за кого-то — —

Въ седьмомъ классѣ Оля стала коготки показывать.

Какъ-то заболѣло горло и пѣть Олѣ запретилъ докторъ. Четвертымъ урокомъ было пѣніе, а пятымъ Законъ Божій. Оля осталась въ классѣ и сѣла учить катехизисъ.

Классная дама Марья Терентьевна, замѣтивъ Олю одну въ классѣ, пристала къ Олѣ, отчего не идетъ въ залъ?

— Горло болитъ.

— Идите пѣть.

— Не пойду.

— Давайте книгу!

Марья Терентьевна схватила за катехизисъ — а Оля не даетъ.

И Марья Тереньтьевна не уступаетъ.

Стали тянуть — одна за одинъ конецъ, другая за другой — тянули, тянули —

катехизисъ и разорвали.

— Дрянь!

— На своей аршинъ мѣряете! — вспыхнула Оля.

На слѣдующій день Олю вызвали къ начальницѣ.

Начальница гимназіи Варвара Ивановна — Индюшка, постная и сухопарая, съ лица вылитая батюшка Аристотелевъ, только безъ всякаго украшенія — ни бороды, ни усовъ: носъ башмакомъ, губы подшлепки, какъ плямки, глаза сыпичьи, спереди проборъ или, какъ сама выражалась, „r a i e", а сзади осмерка.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Пятнадцать.

— Что же съ вами будетъ, когда вамъ будетъ двадцать лѣтъ?

Оля молчала: и что тутъ отвѣтить?

Тутъ начальница вскокопула со стула:

— Гадкая, мерзкая, злая, безсовѣстная, безсердечная дѣвчонка!

— Варвара Ивановна...

— Какъ вы смѣли нагрубить Марьѣ Терентьевнѣ?

— Варвара Ивановна...

— Вы еще разговаривать! гадкая, мерзкая, злая, безсовѣстная, безсердечная дѣвчонка!

И во всю большую перемѣну отчитывалась Оля.

Оля должна извиниться передъ классной дамой.

— Марья Терентьевна! — Оля встрѣтила классную даму, выходя отъ начальницы, — Варвара Ивановна сказала, чтобы я попросила у васъ извиненія.

И разошлись всякій по своему.

Урокъ прошелъ спокойно. А послѣ звонка Олю снова вызвали къ начальницѣ.

— Извинились?

— Да.

— Что жъ вамъ сказала Марья Терентьевна?

— Губы надула и пошла.

— Что? — вскоконула начальница, — не смѣть ходить въ гимназію! Гадкая, мерзкая, злая безсовѣстная, безсердечная дѣвчонка!

И кончилось тѣмъ, что за поведеніе поставили Олѣ тройку.

И цѣлую недѣлю Оля не ходила въ гимназію.

Вызывали изъ Ватагина Наталію Ивановну: она должна была объясняться съ начальницей за Олю, — а то бы Олю исключили.

Въ старшихъ классахъ законоучителемъ былъ батюшка Аристотелевъ, котораго звали «тако». А прозвали такъ за то, что гимназисткѣ, читавшей Отче нашъ и кончившей—

«яко на небеси, тако и на земли»

— тако и въ вѣдомости! — сказалъ батюшка Аристотелевъ и поставилъ единицу.

А былъ другой батюшка — Свободинъ, у котораго младшая дочь утонула, Іовъ многострадальный.

На похоронахъ, когда батюшка до самаго кладбища ползъ за гробомъ, Оля говорила растерявшейся Катѣ, подругѣ своей:

— Надо быть сильной!

— И смѣлой! — скажетъ Оля, но ужъ въ восьмомъ классѣ, когда придется давать пробный урокъ и изъ всего класса вызовется первая Оля.

Послѣдній гимназическій годъ Оля жила въ Покидошѣ подъ глазомъ тетки Марьи Петровны. Марья Петровна еще до Пасхи уѣхала въ имѣніе и вся весна прошла безнадзорно. И вотъ какъ-то появившись по дѣламъ въ городѣ, Марья Петровна напустилась на Олю, что ходитъ она въ Казенный садъ гулять со студентами и особенно съ Черкасовымъ.

— Откуда вы знаете?

— Такъ тебѣ и скажу! Точно не знаешь, весь Покидошъ, какъ на ладони.

2.

Такъ отъ куколъ, любимаго платья, завѣтной ночной кофточки черезъ безчисленныя купанья и вензель Натальи Васильевны, выравнивъ «о», Оля сильная и смѣлая подо-

шла къ книгамъ — къ Тургеневу, Толстому, Достоевскому и къ какому-то невѣдомому міру, гдѣ надо за что-то стоять и что-то освобождать, и вотъ очутилась въ кругѣ, который весь, какъ на ладони.

И этотъ тѣснѣйшій покидошенскій кругъ былъ какъ крыломъ опахнутъ сплетней.

А въ сплетнѣ послѣдній непререкаемый доводъ и въ самыхъ невѣроятныхъ утвержденіяхъ и отзывахъ:

— говорятъ!

И любая несообразица, сочиненная про человѣка, причемъ, какъ всегда въ сплетнѣ, опорочивающая человѣка, принималась за сущую правду, разъ —

— говорятъ!

И ты хоть тресни, увѣряй и божись, все равно не убѣдишь и не разувѣришь, разъ —

— говорятъ!

И никуда не скроешься.

И если ты тише воды и ниже травы, все равно, это говорятъ найдетъ и тебя, и твою тишину и скрыть непремѣнно прицѣпитъ къ какому-нибудь поскуднѣйшему поскудству, и тебя все равно ошельмуютъ.

Живому человѣку, если ты силенъ и смѣлъ, одинъ есть выходъ — вырваться изъ этого круга съ его послѣднимъ «говорящимъ» судомъ или —

самъ заговоришь.

Оля это живо почувствовала и твердо рѣшила: кончитъ гимназію и въ Петербургъ на курсы.

И это рѣшеніе было для нея настоящимъ завѣтомъ безповоротно.

Но какъ это ей устроить? — выбраться изъ Ватагина совсѣмъ не такъ просто!

Сказаться дома — — нѣтъ, лучше ужъ не говорить: столько будетъ всякаго разговору и всего —

Потомъ вѣдь все сгладится и будетъ такъ, словно бы иначе и не могло быть: увидятъ, что ничего нѣтъ страшнаго и всякое «говорятъ» ерунда, а Наталья Ивановна будетъ

даже гордиться, что вотъ Оля въ Петербургѣ учится на курсахъ —

Оля это хорошо знаетъ.

Но Олѣ вотъ чего не хочется: очень ей тяжело будетъ уѣхать, ни слова не сказавъ отцу.

И это постоянно мучило Олю.

Съ экзамена Оля домой шла одна — тамъ гора есть и на горѣ древняя церковь — первая на Руси — ильинская — подымалась она въ гору, а сама думала и думала.

Ужъ скоро послѣдній экзаменъ, поѣдетъ она въ Ватагино и тамъ до осени, а въ августѣ опять въ Покидошъ за аттестатомъ, а съ аттестатомъ — и ужъ для нея все очень ясно — не домой, а прямо въ Петербургъ.

Только что же она отцу-то скажетъ?

Съ горы навстрѣчу Олѣ спускался старичокъ-странникъ.

И когда поровнялся онъ съ Олей, поднялъ такъ руку, какъ отъ солнца.

— Какъ пройти въ Ильинскую церковь?

— Да ты отъ нея идешь! — точно обрадовалась Оля, глядя на старика своими удивленными глазами, — вонъ она, церковь!

А странникъ точно не слышитъ, все смотритъ и руку такъ, какъ отъ солнца.

— Образъ Николы угодника возьми съ собой въ дорогу.

И пошелъ, не обернулся, пошелъ своей дорогой — подъ гору.

А Оля стояла на горѣ и смотрѣла въ слѣдъ своими совьими удивленными глазами.

«Образъ Николы угодника возьми съ собой въ дорогу!» — повторялись слова.

А ея тяжелая дума, какъ тяжелыя цѣпи — —

И вдругъ ей стало совсѣмъ легко.

Она поняла — и все обернулось къ ней яснымъ лицомъ и увѣренно.

И когда въ Ватагинѣ, въ послѣднюю недѣлю лѣта, наступилъ день — вечеръ — Оля разсказала отцу о странникѣ, какъ встрѣтила на Ильинской горѣ, его слова —

— Никола чудотворецъ, — сказалъ Александръ Павловичъ, — покровитель дѣвицъ! — и перекрестился, — хорошо, поѣзжай, вотъ твоя икона будетъ. Только куда ты ее возьмешь такую большую, пусть она повиситъ пока у меня, моего отца благословеніе. А я тебѣ другую дамъ, поѣду въ Меженинку, тамъ куплю.

И на другой день къ вечеру у Оли была маленькая иконка Николы угодника.

И ничего Оля не взяла изъ дому, только этотъ образокъ.

И ни слова не сказавъ, поѣхала въ Покидошъ за аттестатомъ.

И получивъ аттестатъ — все какъ думала — не вернулась Оля въ Ватагино, а прямо на вокзалъ — въ Петербургъ.

3.

Въ вагонѣ единственный сосѣдъ Оли понемногу разговорился.

Узнавъ, что Оля только что кончила гимназію, онъ спросилъ, что она дальше думаетъ дѣлать?

— На курсы поступлю! — отвѣтила Оля и сказала про это громко въ первый разъ.

— Обрѣжете свои чудесные волосы, вамъ, вѣдь, лѣтъ шестнадцать?

— Шестнадцать, — весело отвѣтила Оля.

Веселость ли Оли или ужъ просто такой сосѣдъ попался говорунъ, сталъ онъ разсказывать о Петербургѣ: какой это чудесный городъ Петербургъ, какъ онъ хорошъ въ бѣлыя ночи, и какія такія бѣлыя ночи въ Петербургѣ, но главное почему хорошъ Петербургъ —

— Все можно достать.

Очень было интересно Олѣ.

— А я умѣю гадать, дайте я вамъ погадаю!

Оля протянула руку.

И онъ долго смотрѣлъ на ладонь.

— Три человѣка будутъ для васъ имѣть значеніе.

Олѣ понравилось.

— А что еще, еще скажите!

Онъ опять взялъ ея руку и опять, повернувъ къ себѣ ладонью, пристально разсматривалъ.

И вдругъ поблѣднѣлъ весь и выпустилъ руку.

— Я очень нервный, — сказалъ онъ.

И поднялся.

И тамъ въ коридорѣ сталъ у окна.

А Олѣ стало чего-то страшно.

Она перешла въ дамское отдѣленіе, открыла окно. —

А на волѣ такія мелкія звѣзды.

И мелкія не могли онѣ такъ высоко держаться, дрожали, срывались, летали —

подъ стукъ колесъ,
стелили звѣздами путь.

4.

Благословенна ты, моя родина, что на твоей землѣ послѣ долгой зимы идетъ весна и свѣтитъ солнце такое сильное и яркое, — кажется, нѣтъ его сильнѣй и ярче и въ самой Африкѣ, гдѣ родятся черные арапы.

И на этотъ разъ, вѣрная, ты не обманула, и чуть май пришелъ, — вонъ вся земля съ полемъ, лѣсомъ и рѣкой и то море за полемъ, лѣсомъ и рѣкой — обѣтованное, откуда, играя, восходитъ солнце, загорѣлись радостнымъ утромъ, озолоченнымъ звѣздной росой, и поднялся неугомонный щебетъ раннихъ птицъ и разливной затрелилъ соловьиный щелкъ, и шелъ, наполняя душу, волнующій вешній шумъ —

сама весенняя пѣла земля, ея каждая травка — каждый полевой цвѣтокъ.

*

Дорога отъ станціи до Бобровки, старой усадьбы Черкасовыхъ, еще не запыленная и не задернявшая, не искатанная телѣгами, проходила лѣсомъ, счастливымъ своей первой зеленью, какъ счастлива показалась весело переговаривающаяся пара, прокатившая въ легкомъ тарантасѣ, запряженномъ сытыми воронымъ.

Три странницы, присѣвшія въ кустахъ у зацвѣтающей сирени — три сѣдыя ночныя птицы, пробужденныя топотомъ коней и утренними молодыми голосами, подняли головы и, пережевывая сухарики, долго провожали и дѣвушку въ простой соломенной шляпѣ и статнаго черномазаго спутника ея въ алой раздувающейся рубахѣ, которая, мелкая, горѣла —

алое крыло прорѣзающей лѣсъ подстрѣленной птицы.

— Царевичъ съ царевной, подай имъ Богъ счастья! — сказала одна.

— Въ чистомъ полѣ сложить ему голову! — сказала другая.

А третья слѣпая, самая старшая, сказала:

— Не избудетъ судьбу, самъ порѣшится.

И мудрыя, всѣ три, подобравъ съ колѣнъ крошки, чтобы птицамъ отдать, подвязали за плечи порыжѣлыя въ странствіи кожаныя сумки, помолились и тронулись въ путь:

одна — на западъ,
другая — на востокъ,
а третья — за солнцемъ глаза застилаетъ — не видно.

Доля — Невѣста — Весна.

Родіонъ, заспанный конюхъ, плетущійся порожнякомъ, вдругъ сообразилъ, что не простыя это странницы — вѣдь-

мы, стеганулъ лошадь и, запустивъ всю пятерню въ волоса, неизвѣстно къ кому обращаясь, промолвилъ:

— Роптаться не слѣдуетъ.

5.

Время было еще такое раннее и весь домъ Черкасовыхъ со всѣми его обитателями и добромъ, оставшимся отъ запасливыхъ ключницъ, этого ока недреманнаго надъ знатными расточительными дѣдами, погруженъ былъ въ сладкій непробудный сонъ и ничуть не зарился распахнуть дверь съ балкона въ садъ и нисколько не заботился, что ужъ солнце высоко взошло надъ Бобровкой и что садъ на зарѣ еще бѣлѣе сталъ.

Одна бѣлоснѣжная собаченка Кушка, навостря чуткое ухо, разгуливала по широкому зеленому двору отъ крыльца до широко распахнутыхъ воротъ и, подобно всѣмъ старымъ, старалась отыскать хозяйскимъ глазомъ непорядокъ:

— и почему Сенька-кривой залѣнился и скотины въ поле не гонитъ, развѣ не знаетъ?

— и почему свиньи дрыхнутъ, когда поросяткамъ самая пора гулять?

— и гдѣ это видано, чтобы индюшата молчали?

Такъ придираясь, спрашивала Кушка, но вотъ и сама она по какимъ-то невѣдомымъ песьимъ соображеніямъ, остановилась, покорно присѣла и, задравъ заднюю ногу и закрывъ глаза, все забывая на свѣтѣ, уткнула мордочку себѣ въ колѣни.

И ужъ ничѣмъ не одобрила такую же раннюю, такую же старую древнюю ключницу Нелиду Максимовну.

Охота пуще неволи — и Нелида Максимовна, озабоченная и суетящаяся, успѣла ужъ добрыхъ десятокъ разъ перебѣжать изъ дома во флигель и, несмотря на свою одышку и на то, что въ клубахъ имѣла чуть ли не сажень, казалось,

не только не устала, а какъ бы лѣтъ двадцать съ плечъ своихъ сбросила.

Еще вчера ввечеру, когда молодой Черкасовъ — такъ величали въ Бобровкѣ и далеко по округу чуть не до Ватагина студента Владиміра Михайловича — когда отдавалъ онъ приказаніе сонному конюху Родіону приготовить къ петербургскому поѣзду его любимыхъ лошадей, у Нелиды Максимовны сперло дыханіе въ предчувствіи радостной неожиданности.

Кромѣ того, на вечерней зарѣ пѣтухъ пѣлъ — это къ вѣстямъ.

А когда послѣ ужина, простясь съ матерью, Владиміръ Михайловичъ вмѣсто того, чтобы итти къ себѣ въ кабинетъ, какъ это обыкновенно дѣлалъ съ своего возвращенія въ деревню, вышелъ на балконъ и, окликнувъ проходившую Нелиду Максимовну, попросилъ ее приготовить комнаты для Ольги Александровны Ильменевой, при чемъ, помимо воли своей, улыбнулся, Нелида Максимовна все поняла и даже оробѣла,

потому что очень ужъ все поняла въ точности.

6.

Ильменевы и Черкасовы считались сосѣдями. Говорили когда-то, что отъ Бобровки до Ватагина — имѣнія Ильменевыхъ — рукой подать.

Въ дѣйствительности же рука, которая мѣряла версты, ужъ конечно, не могла принадлежать простому смертному землемѣру, а по крайней мѣрѣ одному изъ богатырей — великановъ, чьи могилы курганами подымались среди широкой, звенящей жаворонкомъ, зеленой гусиной степи.

Въ самомъ дѣлѣ: не считая шестичасового пути по желѣзной дорогѣ, еще на лошадяхъ съ полсотни верстъ набиралось, а въ сугробы да въ расторопицу и вся сотня — путь, какъ видно, не малый и рука совсѣмъ не при чемъ.

Но была во всемъ этомъ, пожалуй, и своя правда и, когда говорили о сосѣдствѣ Бобровки съ Ватагинымъ, ничуть не лгали:

разстояніе скрадывалось тѣми добрыми и пріятельскими отношеніями, какія завязались у стариковъ — Ильменева и Черкасова, — еще когда въ молодости служили оба въ одномъ полку и затѣмъ вмѣстѣ участвовали въ одной и той же кампаніи — воевали съ турками.

А вотъ съ нѣкоторыхъ поръ, лѣтъ такъ двадцать, двадцать пять назадъ, дѣло пошло по другому — разстояніе замѣтно стало увеличиваться, со смертью же старика Черкасова оно выросло въ какой-то сказочный сибирскій путь, запустѣлъ путь и всякая тропа пропала.

И ужъ всѣ попытки возстановить старое, и возстановить его наперекоръ непонятно теряющейся возможности, ровно бы и сама судьба подталкивала, всѣ какъ есть кончались неудачей:

что-то вдругъ поднялось между двумя семьями и упорно не подпускало ихъ близко другъ къ другу.

*

А гдѣ таилась причина?

почему все такъ вышло?

Толковали разное, кто на что, ни полслова путнаго: кто на зайца косого, изъ-за котораго будто бы старикъ Черкасовъ на охотѣ съ Ильменевымъ поспорилъ, кто на старую Черкасову, будто бы повздорившую съ Ильменевой еще въ ранней молодости, когда, на какомъ-то балу танцуя, одна у другой кавалера перебила, кто на времена, кто на обстоятельства. И вмѣстѣ съ тѣмъ ясно чувствовалось, что дѣло не въ зайцѣ, не въ танцахъ, не во временахъ, не въ обсто-

ятельствахъ, и что въ сущности никакой видимой причины нѣтъ и не было —

словомъ, рознь безпричинна...

Развѣ такъ ужъ все съ причиной?

А такъ какъ все, что совершается безпричинно, прежде всего страшно, то всѣ философы и охотники посудачить вдругъ уперлись лбомъ въ стѣну, и такъ постарались извернуться, что въ концѣ концовъ оказалось:

никогда и никому не было дѣла ни до Ильменевыхъ, ни до Черкасовыхъ, и если бы въ одинъ прекрасный день обнаружилось, что обѣ семьи уничтожили другъ друга или, наоборотъ, очутились бы вмѣстѣ въ одномъ домѣ подъ однимъ кровомъ, распивая чаи, все равно, никому не пришло бы въ голову просто чихнуть отъ неожиданности.

Нелида Максимовна, на глазахъ которой и старики состарились и выросъ Владиміръ Михайловичъ, всей душой сокрушалась и не могла забыть прошлое — хорошее, держа на умѣ-разумѣ печальное — теперешнее.

Не находя причины совершившемуся, валила весь грѣхъ на кошку:

кошка перебѣжала дорогу между Бобровкой и Ватагинымъ!

Была въ Бобровкѣ такая черная кошка Ласка, и вотъ какъ-то вышла Ласка со двора погулять и пропала. А вернувшись, видъ имѣла провинившійся и все курлыкала, будто жаловалась своей покровительницѣ, что не въ ней тутъ вина, а что п о с л а л и ее, и, курлыкая, говорила по своему на кошачьемъ своемъ языкѣ, кто тотъ сильный, сильнѣе воли человѣка, звѣря, птицы, кто послалъ ее перебѣжать дорогу между Бобровкой и Ватагинымъ.

Не понимая разговоръ кошкинъ и видя, какъ все вдругъ вразбродъ пошло, Нелида Максимовна тутъ же пообѣщалась наказать Ласку, чтобы впредь ей бѣгать повадки не было, но какъ-то такъ все случалось, что откладывала она ученье, а и жаль было кошки: очень ужъ ласковая.

А когда въ одинъ прекрасный день, принявъ твердое рѣшеніе правильный свершить судъ, приготовила она свѣ-

жихъ прутьевъ и такихъ свѣжихъ, что по-голу и по-шерсти хлещутъ больно, умираетъ вдругъ старый Черкасовъ Михаилъ Дмитріевичъ, и въ тотъ же самый день къ вечеру кошки какъ не бывало:

пропала.

— Куда?

— Для чего?

— Опять бѣгать?

— Да, конечно — перебѣгать дорогу и кликать бѣду.

— Спасъ Многомилостивый, Пресвятая Мати Божія, Богородица, чтобы всѣ сыты были, здоровы, счастливы, да чтобы было всякое благополучіе въ домѣ, миръ и тишина, отъ огня упаси, отъ смерти напрасной и отъ худого глаза!

Плакала, молилась отъ желанья съ теплымъ сердцемъ, убивалась Нелида Максимовна, вспоминая свою любимицу, и пеняла, что за всю любовь — постъ научила постить, въ разговѣнья говядиной лакомила! — тварь ничего ей не выдумала, какъ только мѣшать согласію.

*

Два желанія лелѣяла старая ключница: поженить Владиміра Михайловича съ Ольгой Александровной и помирить его съ сестрой Варей, — глубокія желанія, такъ въ самые корни сердца вросшія, что не повѣрить въ ихъ осуществленіе — умереть легче, да такъ ей и по картамъ выходило, такъ во снѣ видѣлось.

Владиміръ Михайловичъ старше Вари на два года. Въ дѣтствѣ очень дружные, водой не разольешь. И вотъ однажды, играя въ какую-то замысловатую разбойничью игру, Варя ударила его по лицу. И съ того дня словно что-то откололо брата отъ сестры: стали другъ для друга совсѣмъ какъ чужіе, и все врозь. Варя пробовала не разъ заговаривать первая, но изъ этого ничего не выходило. Самое большее, былъ онъ вѣжливъ и только.

Чему приписать такое отчужденіе? Злопамятнымъ назвать?

— нѣтъ, этого за нимъ не замѣчалось.

Правда, была у него одна мучительная черта — особенная живость воспоминаній:

вспоминая какое либо событіе, онъ испытывалъ то самое чувство, какъ если бы событіе совершалось на самомъ дѣлѣ.

Но вѣдь это было такъ давно, когда ударила его Варя!

Нелида Максимовна все дѣлала, чтобы помирить, и ничего не сдѣлала.

Въ прошломъ году вдругъ осѣнила ее мысль, что и тутъ не безъ кошки, ея рукъ дѣло. И чтобы окончательно освободиться изъ подъ власти неблагодарной и злой твари, задумала она извести кошку.

Но какъ извести?

Искать — не отыщешь, ловить — да гдѣ же ловить?

Одно средство испытанное и вѣрное, къ которому не прибѣгала она уже много-много лѣтъ, потому что зря — грѣхъ, оставалось въ запасѣ.

Она сдѣлала Ласкину фигурку изъ воска, шерстяной ниткой перевязала фигурку кругомъ крѣпко, перевязывая, на каждомъ узлѣ произносила слова, какія въ этихъ случаяхъ произносить полагалось, потомъ, потомивъ въ путахъ несчастную, терпѣливо сожгла ее на медленномъ жаркомъ огнѣ.

Помолилась Богу и стала ждать, что будетъ.

Дня не прошло, приходитъ пастухъ Сенька-Кривой съ жалобой на коровницу Аграфену и сообщаетъ новость:

видѣлъ онъ Ласку, но въ видѣ самомъ невозможномъ — всю изрѣзанную и исколотую — дохлую.

— Слышишь, дохлую! Есть таки правда на бѣломъ свѣтѣ!

Нелида Максимовна только руками всплескивала отъ безмѣрнаго, заливавшаго всю ее удовольствія.

А Сенька-Кривой тутъ ей лапки да хвостикъ, да такъ что-то, какой-то комочекъ, въ родѣ мордочки Ласкиной въ доказательство передалъ, не облизнулся.

Пообѣщала она пастуху полтинникъ, а лапки и хвостикъ въ печкѣ сожгла, — слава Тебѣ, Господи!

И вотъ какъ запѣть соловью да расцвѣсть всѣмъ цвѣтамъ, ѣдетъ Оля въ Бобровку.

Оля — подруга Вари, она выйдетъ замужъ за Владиміра, Оля помиритъ сестру съ братомъ.

И тогда уже больше ничего не надо, спокойно старая ляжетъ въ могилу.

7.

Прибирая комнаты во флигелѣ и приготовляя все, что надобилось къ встрѣчѣ Оли, Нелида Максимовна представляла себѣ, какъ все устроится по хорошему — честно, хвально, радушно, и дорога между Бобровкой и Ватагинымъ ляжетъ скатертью, какъ попируетъ она на свадьбѣ, какъ Оля въ Бобровкѣ жить останется, а потомъ — и это, пожалуй, самое завѣтное — Бобровка огласится дѣтскимъ крикомъ, и ужъ маленькій Черкасовъ будетъ прибѣгать къ ней сказку послушать да за медовыми пряниками.

А ужъ что говорить, эти пряники умѣла она такъ вкусно дѣлать, что всякій, кто бы его ни отвѣдалъ, и въ погоду и въ любой часъ, натощакъ или плотно заправившись, все равно, забывалъ отъ удовольствія всѣ слова и русскія и не русскія и одно держалъ въ памяти: разсыпчатый пряникъ-удивительный, что наливчатый яблочекъ, а жизнь разлюли-малина! — либо, удивленный медовой пріятностью, такъ на всю жизнь, вспоминая его, словно бы застывалъ въ удивленіи.

Вотъ за какимъ пряникомъ прибѣжитъ маленькій кудрявенькій Черкасовъ.

Экипажъ въѣхалъ въ ворота и, рысью прокативъ мимо дома по двору, завернулъ къ флигелю.

Нелида Максимовна бросилась къ окну —

Но ея ноги, не выдержавъ, подкосились, и, присѣвъ, она выпустила изъ рукъ полную ладышку съ варенцомъ.

— Мати Еглицкая, Мати Казанская, Мати Астраханская, спаси и сохрани отъ бѣдъ и напасти и помилуй отъ напрасныя смерти, и вы, горы аѳонскія, отвратите, станьте мнѣ въ помощь!

шептала растерянно старуха, подбирая съ пола черепки и ужъ не зная, кого укланивать поклонами, словами уговаривать, кого на защиту звать отъ грядущей нечаянности. Отъ дурной! — а дурную предвѣщали мелко-разбитые страшные черепки.

И тряслась вся, какъ тряслась дѣвчонкой, когда, поставленная обмахивать мухъ со стараго барина, зазѣвавшись, задѣвала его темный птичій крючкомъ носъ.

— Спасъ Многомилостивый, Пресвятая Мати Божія, Богородица, только мира хочу я дому и всѣмъ живущимъ въ немъ, только мира!

Съ веселымъ радостнымъ смѣхомъ распахнулись двери и заглушили воркотню древней ключницы.

8.

Несмотря на то, что Ильменевы и Черкасовы были когда-то дружны, дѣти ихъ, учась въ одномъ и томъ же губернскомъ городѣ, въ Покидошѣ, познакомились другъ съ другомъ сами:

съ Варей Оля была въ одномъ классѣ и жили въ одномъ пансіонѣ, а знакомство съ Черкасовымъ произошло уже много позже.

Всякій разъ въ воскресенье ,возвращаясь изъ церкви въ пансіонъ, Оля замѣчала высокаго чернаго гимназиста, непремѣнно попадавшагося ей на улицѣ, — гимназистъ продѣлывалъ это такъ:

быстро обогнавъ Олю, возвращался медленно назадъ ей навстрѣчу.

Такія встрѣчи продолжались двѣ зимы.

Двоюродный братъ Оли, Саша Краснопольскій, участвовалъ въ маевкѣ, устроенной ихъ классомъ по случаю

окончанія гимназіи, и послѣ разсказывалъ Олѣ, что одинъ гимназистъ на маевкѣ сказалъ ему:

«Я и тебя люблю и твою сестру люблю, она такая славная!»

Этотъ гимназистъ и былъ тотъ самый черненькій, встрѣчавшій Олю по воскресеньямъ — Владиміръ Черкасовъ.

Какъ-то вскорѣ послѣ этого Оля зашла къ своей гимназической подругѣ Катѣ Козловской: обѣ переходили въ пятый классъ и вмѣстѣ готовились къ экзаменамъ. Провожая Олю, Катя заговорилась у калитки — Катя уже влюблялась и охотница была посудачить, зная всѣхъ наперечетъ, и гимназистовъ, и студентовъ, и офицеровъ.

Былъ свѣтлый, тихій день, тихій теплый вѣтеръ нѣжно ласкалъ лицо и, ластясь, игралъ въ волосахъ.

Оля пропускала мимо ушей болтовню Кати —

тотъ странный голосъ, какой, можетъ быть, только ей и слышался по веснамъ, вдругъ зазвучалъ гдѣ-то очень близко: не то кто-то кликалъ, какъ кличутъ издалека на полѣ, не то кто-то пѣлъ, какъ поютъ безъ словъ, протяжно съ захватомъ, и нечеловѣческій это былъ голосъ, становилось грустно и всю подымало — итти куда-то хотѣлось, безъ дороги, безъ цѣли, только бы итти.

И вотъ мимо прошелъ тотъ черненькій высокій гимназистъ.

— Это, знаешь, — сказала Катя, — Владиміръ Михайловичъ Черкасовъ, на рѣдкость красивый!

А Олѣ стало пріятно, что она — с и м п а т і я этого «на рѣдкость красиваго» гимназиста, и никто объ этомъ не знаетъ, только она одна.

Легко и весело шла Оля домой въ своемъ коричневомъ платьѣ съ чернымъ передникомъ, шалунъ-вѣтеръ расплеталъ ея тяжелую свѣтло-русую косу, и тотъ голосъ звучалъ ей такъ близко — весенній.

Молчаливыя таинственныя встрѣчи по воскресеньямъ прекратились.

Но Олѣ вспомнился черненькій гимназистъ, и думала она:

«Вотъ въ Петербургѣ, — а Петербургъ казался ей чѣмъ то особеннымъ, какимъ то сказочнымъ Ирiемъ, страной вѣчной весны, — тамъ, въ этомъ Петербургѣ живетъ студентъ, который думаетъ обо мнѣ больше, чѣмъ даже мама».

Только на слѣдующую весну Оля встрѣтила Черкасова. Она шла къ подругѣ въ гости и на мосту увидѣла его:

онъ посмотрѣлъ на нее и словно улыбнулся —

такъ всегда онъ будто улыбался, когда глядѣлъ пристально и особенно.

Онъ показался ей почернѣвшимъ, и она подумала:

«Это тамъ въ Петербургѣ, должно быть, чернѣютъ».

На Святки съѣхавшіеся студенты устроили вечеринку. На вечеринкѣ двоюродный братъ Саша Краснопольскій представилъ Олѣ Черкасова.

Такъ состоялось знакомство.

И хотя въ этотъ вечеръ не было произнесено между ними ни одного слова, — Оля нарядная, въ голубой кофточкѣ, все время танцовала, Черкасовъ совсѣмъ не танцовалъ, — съ этого вечера началось ихъ сближеніе.

Весной, когда снова пріѣхали въ Покидошъ студенты, началось катанье на лодкахъ.

Всякій разъ, если участвовала Оля, появлялся Черкасовъ.

Послѣ катанья онъ провожалъ ее домой.

Онъ былъ старше ея на цѣлыхъ пять лѣтъ, а робѣлъ передъ ней, какъ школьникъ, и сначала стѣснялся заходить за ней, приглашая черезъ кого нибудь изъ своихъ товарищей, и только потомъ сталъ заходить и самъ.

Обыкновенно дорогой заводился разговоръ о Петербургѣ.

— Вотъ вы скоро кончите гимназію, что же вы будете дѣлать?

— Поѣду въ Петербургъ на курсы.

Черкасовъ одобрилъ рѣшеніе Оли ѣхать на курсы и сталъ давать ей книги, а потомъ разспрашивалъ, что ей понравилось.

Отъ Тургенева и Толстого Оля была въ восторгѣ, а книги по аграрному вопросу едва дочитала, скучно.

Подруги Оли, — и Катя Козловская, и Лида Оленина, и Маруся Ивановичъ, и Лиза Милорадовичъ, всѣ были влюблены въ Черкасова, и прожужжали ей уши:

— какой онъ красивый!

Однажды, причаливъ къ берегу, Оля съ Катей вышли, Черкасовъ ставилъ лодку: въ бѣломъ кителѣ, высокій, высоко запрокидывая голову, держался онъ живописно.

Оля, невольно заглядѣвшись на него, подумала:

«А и вправду, какой онъ красивый, а руки маленькія, совсѣмъ какъ у меня, только смуглыя».

— А посмотри, Оля, какіе у него глаза, — сказала Катя, — такихъ большихъ и темныхъ ни у кого нѣтъ.

Кромѣ катанья на лодкахъ, устраивали прогулки въ общественный садъ.

Всякій разъ, если участвовала Оля, появлялся Черкасовъ.

Онъ блѣднѣлъ при ея встрѣчѣ, каждый ея взглядъ, каждый шагъ, каждое слово получали для него значеніе. Онъ не могъ этого скрывать, всѣ знали.

И для Марьи Петровны, подъ глазомъ которой жила Оля въ Покидошѣ, нашлось не мало разговоровъ: гостя въ Ватагинѣ, она разсказывала старой Ильменевой, какъ Оля соловьевъ ходила слушать, —

— и не съ подругами, а съ своимъ соловьемъ, но что это ничего — партія хорошая.

Когда кончились экзамены и Оля уѣхала въ деревню, началась переписка.

Въ первомъ же письмѣ Черкасовъ разсказывалъ Олѣ всю свою исторію.

Онъ давно знаетъ Олю: когда въ первый разъ онъ увидѣлъ ее въ гимназической церкви, — она была совсѣмъ-

совсѣмъ дѣвочкой — въ сердцѣ его что то вздрогнуло, и дѣло его жизни было сдѣлано. Она ему страшно понравилась. И съ тѣхъ поръ онъ слѣдилъ за ней, онъ постоянно отыскивалъ мѣста, гдѣ могъ увидѣть ее... Во время экзаменовъ онъ, бывало, на бульварѣ поджидалъ ее и, когда она проходила, ему хотѣлось всякій разъ встать со скамейки и сказать зазубренную приготовленную фразу: простите меня, я такъ хочу съ вами познакомиться, а не знаю, какъ это сдѣлать. И вечеринку онъ тогда на Рождествѣ для нея устроилъ, чтобы только познакомиться. Что ему въ ней понравилось? Все. Глаза въ особенности: за чистоту, за невинность, еще за что-то, чего онъ передать не можетъ.

Оля, получивъ первое письмо, между прочимъ, подумала:

«а вотъ всѣ и дома и тетка говорили, что у меня глаза сѣрые и некрасивые, и чтобы чаще я закрывала ихъ!».

Переписка продолжалась весь годъ.

Оля писала рѣдко. Она ждала его писемъ. Вѣдь весь интересъ заключался для нея въ Петербургской жизни.

У Оли было одно желаніе — скорѣе кончить гимназію и начать самой эту заманчивую жизнь въ Петербургѣ,

гдѣ все настоящее, и люди, всякіе кружки, все.

А то послѣднюю зиму Оля попала въ одинъ гимназическій кружокъ, и ей тамъ очень не понравилось.

На первомъ собраніи въ этомъ кружкѣ предложенъ былъ вопросъ:

есть Богъ или нѣтъ?

Гимназисты отрицали, а Оля и другія гимназистки, напротивъ, говорили, что Богъ есть.

Тутъ Веригинъ-восьмиклассникъ вдругъ заявилъ, что вопросъ рѣшенъ:

— Бога нѣтъ по большинству голосовъ.

Оля возмутилась: большинства вовсе не было.

Но Веригинъ ничего не хотѣлъ знать, тѣмъ и кончилось: никакого Бога нѣтъ.

Предложили другой вопросъ:

можно ли носить корсетъ и танцовать?

И опять по такому же большинству голосовъ рѣшили:

и носить корсетъ и танцовать безнравственно.

Получивъ аттестатъ и золотую медаль, Оля поѣхала въ Петербургъ и поступила на Бестужевскіе курсы.

Въ Петербургѣ вскорѣ встрѣтилась съ Черкасовымъ.

Онъ для нея все исполнялъ, о чемъ бы она ни попросила.

А она относилась къ нему просто и легко, не понимая того чувства, какое съ каждой встрѣчей вростало ему въ сердце все глубже и заполняло его душу все сильнѣе.

Оля еще никого не любила и не представляла себѣ эту любовь, когда другой, забывая себя и все кругомъ, и время и мѣсто, видитъ въ тебѣ и только въ тебѣ весь міръ, все.

9.

Какое счастье для Черкасова, что Оля на его землѣ, въ ихъ домѣ, — вотъ сейчасъ сидитъ она и пьетъ чай, вотъ она смотритъ на него —

да оттого и все такъ хорошо и счастливо!

И неужели такія богатыя комнаты въ этомъ маленькомъ флигелѣ? — онъ ничего до сихъ поръ не замѣчалъ!

Да онъ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, онъ видитъ ее и слышитъ ее.

Черкасовъ вышелъ изъ флигеля, — и какъ сталъ, такъ и остался стоять, и даже не почувствовалъ, что, забывъ пригнуться, ударился больно головой о дверную притолоку.

Онъ просто не вѣритъ себѣ, что она здѣсь.

А что бы было, если бы онъ опоздалъ къ поѣзду? Вѣдь одна то она безъ него не пріѣхала бы! Это онъ отыскалъ ее въ вагонѣ и уговорилъ, — она хотѣла прямо въ Ватагино.

Но когда-то-нибудь — онъ вѣритъ — она и сама пріѣдетъ, такъ сразу, неожиданно...

Какой онъ счастливый!

— Владиміръ Михайловичъ, вы не разучились свистать?

Оля уже переодѣлась: она была въ розовой легкой кофточкѣ и выглядѣла совсѣмъ какъ тогда, въ Покидошѣ, весной у калитки.

— Онъ у насъ соловей, — ввернула Нелида Максимовна, хлопотавшая пуще прежняго.

Оля пришлась ей по душѣ — рослая, румяная, чернобровая — такую именно прочила она въ жены Черкасову: подъ ладъ и подъ стать ему.

Одно смущало старуху: волосы у Оли были коротки, ровно бы подстриженные.

— Хотите изъ Фауста? — Черкасовъ готовъ былъ просвистать все, что угодно, и даже такое, что никакому не поддавалось высвисту.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше изъ Демона! Помните, какъ мы въ Маріинскомъ театрѣ? вы, я и Зина...

Когда отошли отъ дома и повернули въ поле, Оля принялась разсказывать о послѣднихъ Петербургскихъ событіяхъ, —

объ арестахъ.

Все это было вновѣ для Оли и такъ важно.

И она уже не смѣялась, какъ смѣялась дорогой, глядя на лѣсъ, о которомъ много и часто вспоминала за зиму въ Петербургѣ со своей первой подругой, тоже курсисткой, Зиной Рашевской.

10.

Призывомъ къ столу на завтракъ и обѣдъ служилъ въ Бобровкѣ не колоколъ, какъ это водилось встарь, а истошный голосъ, испускаемый изъ сложенныхъ сердечкомъ сдобныхъ губъ Нелиды Максимовны, приподнимавшейся всякій разъ неестественно высоко на цыпочки.

И звукъ выходилъ такой пронзительный, что вся, какая ни на есть домашняя птица, отъ гуся до курицы, шарахалась, кто куда, какъ отъ подтишковой собаченки Сокола.

либо отъ того лягаваго буяна, который въ жаркіе дни злой гонялся за птицей, полагая должно быть,

что птицы и блохи — одно и тоже.

На этотъ разъ, когда пришло время, Нелида Максимовна, желая щегольнуть передъ гостьей, пустила во всю голову такую свиную трель, что даже самъ стервятникъ, затѣявшій было полакомиться индюшонкомъ, повернулъ куда-то къ желѣзнодорожной станціи и съ досады выругавшись, должно быть, крѣпко, по стервятски, намѣтилъ пышную шляпку какой-то красавицы, томно прогуливающейся въ ожиданіи поѣзда тамъ — у желтыхъ вокзальныхъ отдѣленій.

Но ни на окрикъ Нелиды Максимовны, ни на стервятскую ругань, протянувшуюся было бѣлой пуховой тучкой, впрочемъ тутъ же растаявшей, никто, кажется, не обратилъ никакого вниманія, развѣ однѣ тѣ сѣрыя птички, зобатыя даровымъ зерномъ залежавшихся хлѣбныхъ грузовъ, воробушки, ремезя и чирикая по шпаламъ, вдругъ взлетѣли подъ крышу вокзала и, образовавъ что-то въ родѣ не то герба, не то вензеля, притворились электрическими лампочками.

По прежнему небо нѣжилось въ своей сини такое синее, что ужъ глубже представить мудрено, а солнце, задержавшись подъ старымъ прудомъ, въ которомъ водились когда то и благородныя стерляди и сомы усатые и до сихъ поръ въ илѣ живутъ, и, какъ быть бѣдѣ, снятся садовнику Григорію, майское солнце припекало жарко, творя силой своей чортъ знаетъ что.

Федоръ Фалалеичъ — бывшій земскій начальникъ, проживавшій въ Бобровкѣ въ качествѣ родственника, человѣкъ степенный и всѣми уважаемый, которому при прощаніи мужики поднесли икону да жетонъ золотой, всурьезъ вообразилъ себя великой подводной лягушкой, усѣлся на плотикъ и, важно поглаживая длинными тонкими пальцами свои сѣденькія бачки,

заквакалъ ужъ самой обыкновенной лягушкой.

А на другомъ концѣ пруда, гдѣ вербы, Куземка, Артюшка и Купряшка да дѣвчонка Евгенька и Васютка, скинувъ съ себя рубашенки, превратились въ арапчатъ и, сущіе чертенята, съ визгомъ и крикомъ лѣзли другъ на друга, чтобы другъ друга безъ остатку поѣсть.

Такъ все переиначивалось и перемѣшивалось, да и мыслимо ли было ожидать другого въ такой веселый полдень.

Битый часъ истекъ съ призыва, а въ столовой все летали однѣ мухи и, наѣдаясь до отвалу, сонныя садились на старыя картины —

на лошадей и дамъ въ голубомъ, прогуливающихся съ кавалерами у закрытаго зеленью замка,

на этихъ пестрыхъ птицъ и тяжелыхъ морскихъ рыбъ, отъ которыхъ вѣяло моремъ.

Только когда бѣлоснѣжная Кушка, успѣвшая хорошо всхрапнуть на солнышкѣ, поднялась съ мягкой травы и, ступая бережно на свои деликатныя лапки, довольная, что поспѣетъ въ самый разъ, а закусить ей вообще не мѣшало, привѣтливо кланяясь всему живому полдню, направилась къ крыльцу,

— двери въ столовую широко раскрылись.

*

Елена Степановна Черкасова, несмотря на то, что была женщина и старая, и маленькая, и хрупкая, и занимала такъ мало мѣста, какой-то внутренней силой своей, не поведя пальцемъ, все тронула, а подъ живыми глазами ея все сразу ожило и зашумѣло, и съ блюда, давно остывшаго, ей Богу повалилъ густой, вкусный паръ.

Слѣдомъ за Еленой Степановной, прихрамывая, сѣменилъ Федоръ Фалалеичъ въ своемъ парадномъ сюртукѣ, надушенный тѣми духами, какими онъ душился въ царскіе дни, въ именины, да всякій разъ, когда собирался сниматься въ фотографіи.

Оля вошла ужъ снова съ тѣмъ молодымъ заразительнымъ хохотомъ, отъ котораго просто, не зная причины, самому хохотать хочется.

За Олей Владиміръ Михайловичъ.

Послѣдней явилась Варя, такая же смуглая и тонкая, какъ братъ, но въ движеніяхъ своихъ напоминающая того измученнаго, у котораго ноги подкашиваются, а стоять и двигаться все таки почему-то надо.

«И къ чему и зачѣмъ, чего имъ нужно?»

не жужжали, а бормотали бормотыя недовольныя мухи, переполошившіяся отъ шарканья стульевъ и шмыганья шаговъ вошедшихъ людей, которые послѣ всякихъ привѣтствій, усѣвшись за столъ,

мухамъ мѣшали.

Пахомычъ и Терентій — старые слуги, видавшіе на своемъ вѣку не мало видовъ, отъ которыхъ человѣку по гробъ жизни не отдѣлаться, держались до крайности надменно, наводя выправкою своею подобающую всѣмъ хорошимъ домамъ чинность, невольно передающуюся и предметамъ, какъ одушевленнымъ, такъ и неодушевленнымъ.

Пробравшаяся было въ переднюю бѣлоснѣжная Кушка, почуявъ грозу, повернула назадъ на крыльцо и, зайдя съ чернаго хода, сунулась въ кухню и благополучно обошла главнаго повара Лаврентія Мокеича, который готовилъ какое то такое изъ ряда вонъ замысловатое блюдо, что, самъ ужъ не вѣря, что такая штука возможна,

выбѣгалъ поминутно провѣтриться.

Тутъ съ поджатымъ хвостомъ, получивъ хорошаго пинка отъ полповара Кондратія, не выпускавшаго изо рта папироску и сѣявшаго поварскую брань на поваренка Асташку, какъ пепелъ на кушанье, прошмыгнула Кушка какъ-то очень ужъ быстро черезъ хозяйскую по коридору, да по лѣстницѣ прямо въ комнату Вари,

чтобы терпѣливо ждать благопріятнаго случая попасть къ вкусному завтраку.

11.

Такъ повелось: когда за столомъ появлялся посторонній, время шло путанно, шумно и говорливо.

Никого не слушая и никому рта не давая раскрыть, говорила Елена Степановна.

И оттого, что глаза ея бѣгали такъ безпокойно живо, вся она подпрыгивала на стулѣ, какъ на конѣ, а вилка въ ея цѣпкихъ рукахъ, тоже прыгая, сверкала иглой, а слова ея, вылетавшія удивительно быстро, трынкой тренькали.

Елена Степановна устремилась на Олю и закидывала ее вопросами о Петербургѣ, о тѣхъ общихъ знатныхъ друзьяхъ, имѣя къ которымъ доступъ, Оля, однако, никогда не заходила, о знаменитомъ русскомъ философѣ — другѣ ея покойнаго мужа, о которомъ Оля хоть и слышала, но ни строчки не читала, и о многомъ другомъ, что Олю вовсе не интересовало.

Но Еленѣ Степановнѣ въ сущности до всего этого не было никакого дѣла и, продолжая разспрашивать, она вспоминала свою веселую и блестящую петербургскую жизнь, когда покойный мужъ ея на парадахъ и балахъ былъ такъ великолѣпенъ и такъ неотразимъ,

что всѣ дамы при встрѣчѣ съ нимъ падали въ обморокъ.

— Падали въ обморокъ, — выговорила Елена Степановна, сама какъ будто удивившаяся такому обстоятельству, но тотчасъ же увѣровала и понеслась дальше.

Воспоминанія о мужѣ у Елены Степановны не только не остывали, а съ каждымъ годомъ становились все ярче, и съ каждымъ годомъ въ памяти всплывали на свѣтъ Божій все новыя и такія неожиданныя подробности, отъ которыхъ — встань изъ гроба покойный — и самъ либо уши развѣсилъ бы, либо принялся бы открещиваться.

Но такова ужъ любовь — большая сказочница.

Упомянувъ о балахъ и парадахъ, Елена Степановна вспомнила всѣ петербургскія интриги, изъ-за которыхъ старикъ Черкасовъ вынужденъ былъ выйти въ отставку, и они ужъ навсегда поселились въ Бобровкѣ, и наступили дни какого-то сплошного счастья, никогда не измѣнявшаго имъ, счастливѣйшимъ въ свѣтѣ.

А упомянувъ о своемъ прошломъ счастьѣ, чѣмъ обычно заключались воспоминанія, Елена Степановна впервые

остановила глаза на Олѣ и, скользнувъ по ея подстриженнымъ волнистымъ волосамъ едва прикрывавшимъ шею, такъ подпрыгнула вмѣстѣ со своей тарелкой, что бѣдный Федоръ Фалалеичъ, приноровившійся къ цыплячьему крылышку, чтобы обглодать его повкуснѣе, отъ такой внезапности захотѣлъ проглотить крылышко —

и, не ахнувъ, подавился.

Впрочемъ, печальное происшествіе скоро было улажено съ помощью Лаврентія Мокеича, знавшаго какую-то такую точку гдѣ-то на спинѣ, подъ лопаткой, по которой, если хватить покрѣпче кулакомъ, то непроходящій предметъ — кость или косточка — немедленно выскакивали или, что бывало не такъ ужъ часто,

проскочитъ куда-то въ самую глубь потроховъ — и званія не останется.

А такъ какъ подобныя недоразумѣнія случались сплошь да рядомъ, то работа повара не вызывала ни малѣйшаго замѣшательства.

Пахомычъ и Терентій служили такъ же важно, да пожалуй поважнѣе, потому что въ разсказахъ Елены Степановны мелькали все важныя особы, а время проносилось богатое, не такими пустяками и завидное.

«Не дождешься, знать, такого, — думали себѣ и Пахомычъ и Терентій, — развѣ что, если дастъ Богъ, на томъ свѣтѣ служить назначатъ».

Елена Степановна настойчива, не могла успокоиться, не узнавъ всю подноготную — что разъ выговорено, на томъ и упрется, такой складъ, — да и не могла она представить себѣ,

что бы сказалъ покойный Михаилъ Дмитріевичъ, увидя Олю безъ ея тяжелой, свѣтло-русой косы?

Вступился Владиміръ Михайловичъ, взявшійся передать всю возмутительную, какъ онъ выразился, исторію съ косой.

*

Когда Оля пріѣхала въ Петербургъ, у нея осталось двѣнадцать рублей — всего-то было тридцать, да восемнадцать на дорогу пошли. Первое время она не обѣдала — одинъ филипповскій пирожокъ въ день — вотъ и все.

Писать домой останавливала мысль о возможномъ отказѣ, и притомъ всякое обращеніе къ роднымъ было бы съ ея стороны нѣкоторой сдачей; она твердо опредѣлила: разъ поступивъ противъ, не побоявшись тѣхъ страховъ, какими ее пугали дома, стоять до конца.

Курсистка Финикова, на которую Оля смотрѣла, какъ на образецъ, — Финикова носила синюю ситцевую кофточку съ горошкомъ и никакихъ украшеній, — она и надоумила Олю:

«Обрѣжь косу и деньги получишь!».

И пошли въ парикмахерскую на 7-ю линію.

«Я хочу обрѣзать волосы», — сказала Оля.

«Ну что вы, такіе прекрасные волосы. Это невозможно, я просто не могу согласиться».

«Все равно, у нея лѣзутъ».

«Я дамъ вамъ лекарство, и перестанутъ».

«Нѣтъ, я хочу обрѣзать», — по своему сказала Оля.

«Ну, на меня тогда не пеняйте!».

«А за сколько вы купите мою косу?» — спросила Оля, когда ужъ обрѣзали косы.

«Двадцать пять рублей».

«Какъ дорого!» — подумала Оля.

Изъ парикмахерской Оля пошла разыскивать Черкасова; она узнала его адресъ, но все не могла собраться: вѣдь столько было хлопотъ — и съ комнатой и съ курсами.

Черкасовъ жилъ на Звѣринской, — это совсѣмъ не далеко.

И все-таки досадно: его не было дома, пошелъ обѣдать.

Оля рѣшила дождаться.

На кровати лежала брошенная студенческая тужурка. Оля надѣла тужурку.

А тутъ и Черкасовъ вернулся.

Очень обрадовался:

«Какой у меня хорошій студентъ сидитъ!»

Оля разсказала о косѣ, но тогда онъ едва ли что слышалъ, — такъ онъ обрадовался Олѣ.

*

— Коса была рѣдкой величины,—горячился Черкасовъ, какъ будто дѣло шло о чемъ-то гораздо болѣе важномъ, о какомъ-то оскорбленіи, нанесенномъ Олѣ, — да о такой косѣ въ пѣсняхъ поется. А эти несчастные, этотъ парикмахеръ, безъ всякихъ, не снявъ даже ленты съ косы, подъ корень ее обрѣзалъ. И это изъ за какихъ-то двадцати пяти рублей!

—Да всѣ ваши курсы одного волоска не стоятъ! — подскочила Елена Степановна, воспломенявшаяся быстрѣе всякаго трута.

— Я себѣ этого никогда не прощу, я долженъ былъ чутьемъ отыскать васъ, и какъ вамъ не грѣхъ: знали мой адресъ, обѣщали извѣстить...

Посмотрѣвъ съ упрекомъ на Олю, Черкасовъ бросилъ салфетку и всталъ изъ за стола.

Елена Степановна, дрожавшая надъ сыномъ, какъ надъ покойнымъ своимъ мужемъ, — сходство и въ лицѣ и въ манерахъ было поразительное, — принялась его успокаивать.

— У Оли такіе чудесные волосы, повѣрь, на будущее лѣто выростетъ еще длиннѣе коса. Я слышала, въ извѣстномъ возрастѣ стричься прямо таки необходимо, доктора говорятъ.

— Нѣтъ, я понимаю, не писать роднымъ...

— Конечно, выростутъ еще длиннѣе, — говорила Елена Степановна, — по поясъ выростутъ.

— Даже ленты не сняли! — не успокаивался Черкасовъ, расхаживая такими шагами, что вся посуда звенѣла.

— Да перестаньте-же, Владиміръ Михайловичъ!

Оля, вспыхнувъ, ударила по столу.

Черкасовъ поднялъ упавшую салфетку и вдругъ сѣлъ.

Глаза его налились, темные, теперь слегка рыжеватые отъ заблиставшей въ нихъ мысли:

онъ ужъ ни на минутку не оставитъ Олю, будетъ слѣдить за каждымъ ея движеніемъ, за каждымъ ея шагомъ, будетъ ей домомъ, братомъ, матерью.

— Я давно хочу васъ спросить, Ольга Александровна, — воспользовавшись наступившимъ успокоеніемъ, церемонно привставъ, обратился къ Олѣ совершенно оправившійся Федоръ Фалалеичъ, — и прошу великодушно простить за мой нескромный вопросъ. Вы, какъ Петербургская жительница, находясь, такъ сказать, у самыхъ истоковъ событій, должны быть освѣдомлены: правду это говорятъ что Средиземнаго моря больше не существуетъ?

Вопросъ былъ такъ крутъ, что Оля, высоко поднявъ свои черныя брови, на минуту смѣшалась, но, припомнивъ разсказы Вари о чудакѣ-дядюшкѣ и о тѣхъ чудачествахъ его, надъ которыми еще когда-то въ пансіонѣ вмѣстѣ потѣшались, она, лукаво перемигнувшись съ Варей, весело сказала:

— Нѣтъ, неправда, пока еще существуетъ.

— Скажите! — покачалъ головой Федоръ Фалалеичъ.

И, поднявъ палецъ, укоризненно погрозилъ промелькнувшему въ дверяхъ Лаврентію Мокеичу, пришедшему посмотрѣть на господъ:

какъ они эту самую штуку его ѣсть будутъ, которую онъ все-таки, не смотря на всѣ свои сомнѣнія, состряпалъ, и такъ ловко — всѣ пальчики оближешь.

Оля, больше не выдержавъ, такъ расхохоталась, что даже Варя, не проронившая ни слова, заразилась ея весельемъ, а бѣлоснѣжная Кушка, воспользовавшись случаемъ, не теряя минуты, появилась въ столовой.

Только одинъ Черкасовъ нахмурился.

— Теперь пойдутъ глупости, — пробормоталъ онъ недовольно.

— А что тотъ хитрецъ, — Федоръ Фалалеичъ даже прищурился отъ удовольствія, — тотъ, который носился съ проектомъ соединить Волгу съ Днѣпромъ — за три рубля?

Но тутъ судьба повернула немилосердно: выступила совсѣмъ ужъ неожиданно Елена Степановна, вспомнившая о

управляющемъ, который долженъ былъ давно ужъ вернуться изъ города и привезти справку изъ суда о спорныхъ покосахъ — запутанномъ дѣлѣ, начатомъ еще при покойномъ Черкасовѣ.

А управляющій, какъ оказалось — это была постоянная исторія — вовсе и не думалъ ѣздить, ссылаясь на погоду,

которая должна была, по его соображеніямъ, перемѣниться и непремѣнно къ худшему.

Елена Степановна вспылила и первая поднялась изъ за стола.

Да и всѣмъ ничего другого не оставалось, какъ тоже встать: послѣднее хитрое блюдо Лаврентія Мокеича было съѣдено, чашки допиты, да и солнце, перейдя отъ пруда ко двору, зажгло такимъ нестерпимымъ жаромъ всю столовую, что сидѣть больше стало не въ мочь.

12.

Федоръ Фалалеичъ, страннымъ образомъ происходящій изъ тѣхъ Обровъ, отъ которыхъ давнымъ давно не осталось ни одного Обрина, о чемъ, впрочемъ, считалъ онъ своимъ долгомъ заявлять въ первую же голову при знакомствѣ, присталъ къ Олѣ показать ей нѣчто такое, что ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ, ни даже на южномъ полюсѣ она не встрѣтитъ.

— Лилипутовъ? — попробовала догадаться Оля.

— Не лилипутовъ, а гордость Бобровки — ученаго журавля!

Но пока очередь дошла до журавля, Федоръ Фалалеичъ извелъ Олю не столько своими коллекціями стариннаго оружія и собраніями всевозможныхъ грамотъ и медалей, сколько своими разсужденіями по поводу предметовъ, совсѣмъ не относящихся ни къ оружію, ни къ медалямъ.

И самый заядлый философъ, Левъ Шестовъ, проводящій дни свои въ разсужденіяхъ, позавидовалъ бы его

искусству вить доказательства по преимуществу — отъ противнаго.

Наконецъ, выступилъ знаменитый журавль.

Это былъ самый обыкновенный и притомъ заморенный журавль, не внушающій къ себѣ никакого довѣрія, если бы не чудесное свойство, какимъ журавль славился:

по неисповѣдимымъ законамъ, вопреки всякому здравому смыслу, проглотивъ пустой стаканъ, журавль оставлялъ вмѣстѣ съ отбросами цѣлыхъ два стакана, и притомъ удивительно схожихъ между собой и по толщинѣ стекла и по размѣру.

Насколько это была правда, не провѣряли, да и провѣрить было бы мудрено.

Но самъ Федоръ Фалалеичъ, въ головахъ котораго спалъ журавль, клялся и божился, что это была самая настоящая правда и въ доказательство сомнѣвающимся показывалъ два небольшихъ хрустальныхъ стаканчика, точь въ точь какіе подавались къ столу,

но будто бы вышедшихъ изъ самого журавля!

И хотя Нелида Максимовна не досчитывалась въ буфетѣ какъ разъ двухъ, но эти два, какъ ей помнится, были ею же собственноручно разбиты еще въ день рожденія Владиміра Михайловича и, стало быть, винить во лжи Федора Фалалеича она, единственная свидѣтельница, не имѣла никакого права,

а стало быть, показываемые стаканчики были подлинно журавлиные.

Въ мужскомъ обществѣ, гдѣ всѣ до одного, подымая на смѣхъ Федора Фалалеича, совѣтовали ему, немедля, открыть стеклянный заводъ, онъ выражался просто и коротко, въ дамскомъ же обществѣ, гдѣ безъ всякихъ увѣреній склонны были повѣрить въ журавлиные стаканы, витіеваго и безтолково.

Такъ и теперь, вертя передъ Олей стаканчики, онъ пространно объяснялъ ей суть ихъ происхожденія и, ужъ теряя надежду, что она хоть мало-мальски сообразитъ, готовъ былъ сказать по просту —

Подоспѣвшая во-время Варя увела Олю къ себѣ на верхъ.

*

Оля любила Варю за молчаливость и скрытность — такая она была и въ гимназіи и въ пансіонѣ.

И Олѣ было пріятно посидѣть въ тихой свѣтлой комнатѣ съ балкономъ въ бѣлый садъ, вспомнить изъ недавней гимназической жизни такое легкое, хоть пережитое и не всегда легко, но что вспоминается просто и весело.

— И всегда вы, Варя, такая печальная, — сказала Оля, обнимая Варю.

— Вотъ посмотрите, Оля, — Варя раскрыла альбомъ, — это когда Владиміру было девять мѣсяцевъ — съ кормилицей снятъ а это гимназистомъ приготовишкой, а это въ пятомъ классѣ, а это, когда кончалъ...

— Черненькій гимназистикъ!

— А это горнякомъ... только послѣдней его нѣтъ, университетской.

— Хотите, Варя, я вамъ достану! — и, глядя ей въ глаза, Оля поцѣловала ихъ, влажные отъ слезъ.

— А тамъ, — съ усиліемъ сказала Варя, — на столѣ наша гимназическая группа.

Оля поднялась, взяла карточку и стала разсматривать.

Припомнилась гимназія и всѣ страхи и уловки, связанныя съ ней. И хотя прошелъ всего-на-всего годъ, а казалось, все это было въ незапамятныя допотопныя времена.

Въ группѣ сняты были однѣ гимназистки и ни одного учителя, ни классныхъ дамъ, ни начальницы, — Оля настояла, чтобы никого не приглашали и ужъ, конечно, Индюшку, — подъ такимъ прозвищемъ ходила начальница.

— Помните, Оля, какъ передъ обѣдней Индюшка говорила намъ, чтобы мы клали по шести поклоновъ, а гимназисты по три: «потому что женщина должна быть вдвое религіознѣй!»

— Еще бы!

И Оля представила Индюшку говорящей на актѣ напутственное слово окончившимъ гимназисткамъ:

— «желаю, чтобы вы вели себя такъ, чтобы никто ничего дурного про васъ не сказалъ, нѣтъ, чтобы ни дурного, ни хорошаго, чтобы о васъ ничего не говорили!»

— Я ее передъ отъѣздомъ разъ видѣла. Гляжу, идетъ навстрѣчу. Я скорѣе на другую сторону.

— А вотъ и вы! — Оля нашла въ группѣ Варю, — ну, совсѣмъ арапченокъ.

— Учитель географіи, Яковъ Степановичъ, называлъ меня индуской, помните?

— Конечно, индуска! — Вы стали еще смуглѣе, Варя.

— Когда мы еще маленькія были, папа намъ разсказывалъ, будто мы происходимъ отъ какого-то хана, а наша Бобровка — станъ, а рѣчка — рѣка Каялъ; папа любилъ сочинять родословныя. Сядетъ, бывало, съ Федоромъ Фалалеичемъ въ диванной, курятъ и выдумываютъ. А мы всему вѣрили. Мы играли въ набѣги — у насъ много было верблюдовъ и коней, мы грабили золото и серебро, мы пѣли дикія пѣсни, мы плясали у черныхъ шатровъ, одинъ разъ мы задумали перекочевать въ степи...

— Ольга Александровна, я васъ жду! — окликнулъ съ лѣстницы Черкасовъ.

Оля обѣщала ему пройти посмотрѣть библіотеку въ старомъ Охотничьемъ домикѣ и совсѣмъ забыла.

— Ну и что же дальше? — шопотомъ спросила Оля, погрозивъ Варѣ, чтобы та не шелохнулась.

Черкасовъ снова окликнулъ, и ужъ въ голосѣ его прозвучало раздраженіе.

А онѣ, непохожія, черная и бѣлая, одна съ желанной улыбкой русская, другая съ испуганными глазами индуска, стояли прижавшись другъ къ другу.

Черкасовъ поднялся еще на ступеньку — въ комнату Вари онъ никогда не входилъ.

Но отвѣта не было.

— Идите, Оля, умоляю васъ!

— Я сейчасъ, догоню! — рѣзко крикнула Оля.

И въ отвѣтъ ей послышались ужъ легкіе шаги, скользившіе внизъ по лѣстницѣ.

Олѣ не хотѣлось оставлять Варю, но жалость, которую почувствовала она къ этой несчастной, вдругъ повернула ея мысли и она рѣшилась лучше итти смотрѣть Охотничій домикъ.

13.

Слава Богу, что Федоръ Фалалеичъ погруженъ былъ въ чтеніе августовскаго номера прошлогоднихъ Московскихъ Вѣдомостей — газеты въ Бобровкѣ иначе и не читали, — и когда Оля спускалась съ балкона, онъ ее не замѣтилъ.

А то пришлось бы ей плохо: зная, что она у Вари, Федоръ Фалалеичъ нарочно усѣлся въ проходной комнатѣ, держа наготовѣ множество вопросовъ.

У балкона ждалъ Черкасовъ, и Оля пошла съ нимъ по усыпанной лепестками дорожкѣ къ Охотничьему домику.

Но за нѣсколько шаговъ отъ домика, откуда-то изъ за куста, словно бабочка, выпорхнула Нелида Максимовна и принялась Христомъ Богомъ умолять Олю итти съ ней на птичій дворъ,

— а то лучшаго времени не выбрать!

По мнѣнію Нелиды Максимовны всѣ тонкости куроводства необходимо знать будущей молодой хозяйкѣ.

И такъ она упрашивала, такъ цѣловала Олю въ плечико, что отказать не было силъ.

Надо было имѣть великое терпѣніе, чтобы вынести всѣ подробности.

Къ счастію у Оли при отсутствіи всякаго терпѣнія было рѣдкое свойство: она могла слушать своего собесѣдника и не слышать ровно ни одного слова, вся отдаваясь своимъ мыслямъ.

Нелида Максимовна показывала разные примѣры, прося непремѣнно запомнить —

и никому не сказывать, а то пропадетъ!

Надѣвъ на руку рукавицу и, держа въ рукавицѣ яйцо, подкладывала она яйца подъ насѣдку, чтобы цыплята были мохноногіе,

и выдѣлывала при этомъ всевозможныя штуки, объясняя, что надо дѣлать, чтобы вывелись куры разной или одной и той же масти,

потомъ перечислила дни и часы подкладыванія.

— Да Боже упаси въ воскресенье: одни болтуны будутъ.

И еще многое, очень полезное для хозяйства толковала Нелида Максимовна, всего и не перечислишь.

Покончивъ съ птичникомъ, Нелида Максимовна потянула Олю въ кладовую, гдѣ хранилось много запасовъ и всякихъ сластей.

И тамъ повторилось все то же, что и въ птичникѣ: объясненія слѣдовали за примѣрами, примѣры за объясненіями.

— Я больше всего люблю пастилу, — сказала, очнувшись, Оля, когда все уже было исчерпано.

И сказала это очень некстати.

Нелида Максимовна и ждала только случая, чтобы продлить свою рѣчь и, не мигнувъ, какъ по писанному, принялась пастилу объяснять.

— Изъ брусники пастилы дѣлать такимъ образомъ, — ужъ не говорила, а пѣла Нелида Максимовна, — перекатавъ бруснику, накласть ее въ котелъ, налить чистою водою, такъ, чтобы вся въ ней погрязла, и варить ее потуда, какъ только ягоды лопаться станутъ, процѣдить ихъ потомъ сквозь рѣшето, и какъ вытечетъ вода, рѣшето снять и поставить надъ лотками, чтобы такъ онѣ и ночевали, пока совершенно обсякнутъ. Потомъ протереть ихъ сквозь рѣшето, а послѣ сквозь сито и положить три мѣры морсу и четвертую меду, а ежели пожелать слаще, то и пятую мѣру, и бить мутовкою часовъ шесть, послѣ того наливать надобно сей густой морсъ тонко и сушить на солнцѣ. Можно его въ день налить три раза, когда позволитъ погода, только бы высохло. Доску же мазать постнымъ масломъ и вытереть

гораздо, и наливать столько разъ, сколько изволишь имѣть пастилу толсту. Пастилы яболчныя простыя дѣлать такимъ образомъ...

Нелида Максимовна всхлипнула отъ удовольствія.

— Испечь яблоки, протереть сквозь рѣшето и въ кринкѣ бить мутовкою, потомъ класть патоку и опять бить мутовкой, и наливать на доски и сушить. Яблоки варить такимъ образомъ...

Но тутъ Черкасовъ, пробродившій безъ толку по всѣмъ птичникамъ и скотнымъ дворамъ, отыскалъ, наконецъ, Олю.

Нелида Максимовна и не досказала, какъ варить яблоки.

Слѣдуя за ними по саду, не могла ужъ сдержать своего умиленія, и, представляя себя на свадьбѣ, не шла, а семенила, какъ это дѣлается, когда ведутъ молодыхъ,

— эхъ, гулянье мое!

При чемъ лицо ея сіяло не хуже садоваго шара, а шаръ горѣлъ теперь подъ солнцемъ во всю свою серебряную силу.

14.

Оля начинала раскаиваться, что согласилась заѣхать въ Бобровку, а не проѣхала прямо домой въ Ватагино.

Оля вообще была такъ устроена, что не могла долго находиться на людяхъ, — они начинали тяготить ее.

Ей ужъ надоѣли хуже горькой рѣдьки и разсказы Елены Степановны о своемъ покойномъ мужѣ, и несуразности Федора Фалалеича, и Нелида Максимовна со своимъ умиленіемъ и наукой, и заботливость Черкасова, и Варя, готовая всякую минуту расплакаться и даже бѣлоснѣжная Кушка, шмыгающая всюду и вездѣ надменная, не хуже Пахомыча и Терентія.

День закончился страннымъ объясненіемъ съ Федоромъ Фалалеичемъ.

Послѣ обѣда, когда Оля пошла къ себѣ во флигель, чтобы переодѣться и итти на прогулку, Федоръ Фалалеичъ подъ предлогомъ моціона отправился за ней слѣдомъ, усѣлся на крылечкѣ и терпѣливо дожидался ея выхода.

*

Сразу лѣзть со своимъ дѣломъ Федоръ Фелалеичъ считалъ неделикатнымъ, а потому напередъ разсказалъ Олѣ случай съ коровницей Аграфеной, — Аграфена проходила въ это время по двору, подоткнутая, въ высокихъ сапогахъ, съ подойникомъ.

Въ прошломъ году Аграфена наѣлась шиповнику и въ желудкѣ у ней выросли бородавки и такъ какъ извести бородавки не было никакихъ средствъ, то коровница собралась помирать.

— И если бы не чистотѣлъ, желтымъ сокомъ котораго она питалась цѣлыхъ семь недѣль, то непремѣнно бы померла! А затѣмъ я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться.

Федоръ Фелалеичъ остановился, голосъ его дрогнулъ.

— Чудный закатъ! солнце закосилось, спускается на западъ. Всю бы жизнь любовался! Вотъ оно, свѣтлое, закроетъ свои красныя очи, наступитъ ночь... пройдемте, Ольга Александровна, по инерціи въ садъ!

— Да мы сейчасъ всѣ пойдемъ гулять, — возразила Оля.

Но Федоръ Фелалеичъ пропустилъ мимо ушей.

— Вы единственный человѣкъ, — сказалъ онъ, — да, сегодня, когда я васъ увидѣлъ, я все понялъ. Я за каждую вашу бровь отдалъ бы пару воловъ! — и, протянувъ руку Олѣ, пхнулъ ногой колитку.

И волей-неволей они очутились въ саду.

— Въ чемъ дѣло? — спросила Оля, нарушая наступившее молчаніе своего торжественнаго спутника.

— Люди такъ мало видятъ, — началъ Федоръ Фалалеичъ, — и кто способенъ заглянуть въ питомникъ души? Былъ у меня знакомый прокуроръ — извѣстный всей Рос-

сіи Миракс Мираксовичъ Плушковъ. И всѣ только и видѣли въ Мираксѣ славнаго прокурора и восхищались его знаменитыми рѣчами. А на самомъ дѣлѣ Миракс, далекій отъ всѣхъ земныхъ суетъ, всю жизнь возился со своей образцовой оранжереей и объ одномъ мечталъ, чтобы зацвѣли у него огурцы къ Рождеству. Такъ и я. Я далекъ отъ всѣхъ низменностей Нелиды Максимовны и насмѣшки Владиміра меня не трогаютъ. Высокія мысли насомы въ моемъ сердцѣ. Вѣрите ли вы, что можно спасти человѣчество?

— Вѣрю, — сказала Оля, не понимая, къ чему клонится вся эта загадочная рѣчь.

— Я такъ и зналъ. Вотъ мы любовались закатомъ солнца. Но кто же знаетъ путь къ солнцу? Кто укажетъ дорогу къ этому источнику вѣчнаго свѣта? А вѣдь все спасеніе человѣчества только и зависитъ отъ этого. Безъ пути нельзя.

Они удалялись въ глубь сада по протоптанной дорожкѣ къ пруду.

— Федоръ Фалалеичъ, а какъ же туда пробраться, на сонце? — спросила Оля, едва сдерживаясь отъ душившаго ее хохота.

— Я знаю, — Федоръ Фелалеичъ остановился и, оглянувшись, заговорилъ шопотомъ, — извѣстно ли вамъ о существованіи величайшаго изобрѣтенія человѣческаго генія — о фуникулярныхъ желѣзныхъ дорогахъ?

— Какъ же, — сказала Оля, — я что-то читала.

Федоръ Фалалеичъ вдругъ опустился на колѣни.

— Примите мою мечту. Вы единственная, съ которой могу совершить этотъ путь къ солнцу на фуникулярной желѣзной дорогѣ и повести къ источнику свѣта все человѣчество. И тогда человѣчество спасено будетъ. Мы освободимъ землю!

Голосъ его звучалъ вдохновенно, а глаза становились слѣпыми отъ слезъ.

— Встаньте, Федоръ Фалалеичъ, — смущенно сказала Оля.

— Такъ вы согласны? — вскочилъ Федоръ Фалалеичъ и, сжимая руку Оли, смотрѣлъ на нее съ восторгомъ, — мы осуществимъ нашу мечту, мы понесемся къ солнцу, мы поплывемъ на залетучихъ крыльяхъ по облакамъ журавлемъ!

Чѣмъ бы все это кончилось, одному Богу извѣстно, и скорѣе всего Оля просто-на-просто расхохоталась бы, если бы не оголтѣлая стая черкасовыхъ ребятишекъ, посланная въ розыски бѣглецовъ:

сорвачи такъ окружили Олю и Федора Фалалеича, съ такимъ пронзительнымъ визгомъ, что хоть ты раздай каждому въ шею колотошку, а расклеится и самый дружный разговоръ.

Алексѣй Ремизовъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

ДѢТСКАЯ

РАЗСКАЗЪ *)

У капитана Круга были брови. То есть, брови, конечно, были и у всѣхъ тутъ въ клубѣ: брови были у блестящихъ, бѣлокипенныхъ моряковъ, офицеровъ; брови были — очень искусныя — у мадемуазель Жоржъ; очень тоненькія — у Павлы Петровны; замызганныя — у Семена Семеныча, шерстяныя — на заячьей мордочкѣ у китайца изъ буфета. Но никто не зналъ что есть брови у офицеровъ, у мадемуазель Жоржъ, у Семена Семеныча, у китайца: знали только, что есть брови у капитана Круга.

Такъ онъ былъ бы, пожалуй, даже незамѣтенъ. Небольшого роста; бритое, мѣдное отъ морского вѣтра, вѣчно запертое на замокъ лицо. И вдругъ — брови: двѣ рѣзкихъ, прямыхъ, угольно-черныхъ черты — и лицо запомнилось навѣки изъ всѣхъ.

Въ рукѣ у капитана Круга — неизмѣнная сигара. Передъ нимъ — робкая заячья мордочка. Капитанъ Кругъ не отрываетъ глазъ отъ пепела на кончикѣ сигары.

— Я тебѣ сказалъ — три бутылки въ «дѣтскую» наверхъ. Готово?

Голосъ ровный, покрытый очень толстымъ слоемъ пепла, и только еле замѣтно надвинулись брови. Но у китайца моментально вростаетъ голова въ плечи, вздрагиваетъ подносъ въ рукахъ, онъ бормочетъ: «се-минутъ, се-ми-

*) Изъ сборника, имѣющаго выйти въ изд. З. И. Гржебина; печатается съ разрѣшенія издательства. Ред.

нутъ» — и мчится въ буфетъ, а изъ буфета по щербатой винтовой лѣстницѣ на антресоли: тамъ — «дѣтская».

Когда перебирались наверхъ въ «дѣтскую», всѣ клубные уставы — и вообще всѣ уставы — оставались внизу. Тутъ играли по рублю фишка; тутъ устраивали «чайный домикъ»; тутъ, въ бѣлыхъ японскихъ съ драконами обояхъ — видны черныя дыры отъ револьверныхъ пуль.

Торопливо, задыхаясь въ дыму, горятъ свѣчи; туча табачнаго дыма, и нѣтъ потолка, нѣтъ стѣнъ — просто пространство. Похоже на тихоокеанскій туманъ, когда нѣтъ ничего — и все есть, какъ во снѣ, и какъ во снѣ, — все нелѣпо и все просто.

Давно выпиты три бутылки и еще три. Играть еще не начинали: надо подождать, пока не кончится внизу. Капитанъ Кругъ медленно переводитъ глаза съ кончика сигары на кончикъ туфли мадемуазель Жоржъ, на тонкій съ золотой стрѣлкой чулокъ. Эту золотую, указующую путь, стрѣлку, знали всѣ, кто видѣлъ мадемуазель Жоржъ на эстрадѣ.

— Ну что же, мадемуазель, будете сегодня отыгрываться? Не на что? Пустяки! Взаймы хотите?

Лѣвая бровь у капитана Круга взведена вверхъ, какъ курокъ, — и всѣ ждутъ: ну сейчасъ... Мадемуазель Жоржъ — на самомъ краешкѣ стула, и глаза у нея быстрые, какъ у птицы: можетъ быть, сейчасъ клюнетъ крошку изъ рукъ, можетъ быть, встрепыхнется — и въ окно.

— А хотите такъ, не взаймы?

Въ отвѣтъ — легкій птичій кивокъ мадемуазель Жоржъ.

— Угумъ, прекрасно... (сигара сбросила пепелъ). Ну что-жъ: четвертной — за каждые два вершка до колѣнъ; сто — за каждые два вершка выше.

Щеки у мадемуазель Жоржъ бѣлыя отъ пудры, и ничего не замѣтно. Но уши загорѣлись, и красныя пятна на плечахъ, на шеѣ. Обводитъ глазами клѣтку изъ человѣчьихъ лицъ, хватается глазами — но не за что ухватиться.

Мадемуазель Жоржъ встряхиваетъ локонами, улыбается — очень весело — и начинаетъ подымать платье.

Пышнощекій съ дѣтскими ямочками мичманъ восторженно раскрылъ ротъ и не спускаетъ съ Круга молитвенныхъ глазъ. Вдругъ вытаскиваетъ изъ кармана желтый складной аршинчикъ:

— Кругъ, вотъ у меня есть — позвольте я? Ей Богу, а? Позвольте!

Кругъ молча кивнулъ. Мичманъ съ аршинчикомъ опускается на колѣни передъ мадемуазель Жоржъ.

— Четыре... Шесть... Поларшина..:

Уже бѣлое кружево, и между чернымъ и бѣлымъ — розовѣетъ тѣло.

— Деньги... — голосъ у мадемуазель Жоржъ такой, что ясно: кто-то ее схватилъ, держитъ за горло.

Капитанъ Кругъ медленно перелистываетъ новенькія хрусткія бумажки и передаетъ ихъ мадемуазель Жоржъ. И снова: мичманъ съ ямочками выкрикиваетъ: «Десять! Двѣнадцать!»; мадемуазель Жоржъ улыбается, все отчаяннѣй и отчаяннѣй бьется глазами въ клѣткѣ изъ лицъ; капитанъ Кругъ поспѣшно расплачивается за каждые два вершка...

— Подъ таба-акъ! — по-волжски кричитъ мичманъ, сіяя.

Мадемуазель Жоржъ получила все, что могла. Сунула деньги въ карманъ, выскочила изъ-за стола, забилась въ мышиный какой-то уголокъ, втиснулась въ стѣну.

Мичманъ съ ямочками восторженно, съ обожаніемъ глядитъ на брови капитана Круга.

— Нѣтъ, откуда у васъ столько деньжищъ, капитанъ Кругъ? Нѣтъ, ей-Богу, а?

Запертое на замокъ лицо; пауза. Брови сдвигаются въ одну рѣзкую, съ размаху зачеркивающую, прямую.

— Откуда? Былъ пиратомъ — стрѣлялъ котиковъ въ запрещенномъ районѣ. Выгодно, но довольно опасно. А потомъ поставлялъ уголь — вамъ на военные корабли. Еще выгоднѣй — и совершенно безопасно. Вы, моряки — народъ отмѣнно любезный.

Мичманъ закрылъ ротъ. Безпомощно оглядывается назадъ, но сзади — кто обнаружилъ невидимое пятно на ру-

кавѣ, кто потерялъ спички и усиленно ищетъ ихъ по всѣмъ карманамъ.

— Капитанъ Кругъ, вы... Я хочу сказать, что я просто...

— Да, я слушаю. Итакъ — вы просто...

Барометръ летитъ внизъ — на бурю, но къ счастью — въ дверяхъ громкое сопѣнье, и изъ тумана — огромная тюленья туша путейца, неизвѣстно почему извѣстнаго подъ названіемъ «Маруся». За нимъ — гарнизонный отецъ Николай и Семенъ Семенычъ съ Павлой Петровной. У Семена Семеныча — одинъ погонъ по обыкновенію оторванъ и шлепаетъ, какъ туфля. Внизу — кончилось, расходятся, кто — по домамъ, кто — сюда — въ «дѣтскую».

Капитанъ Кругъ стряхнулъ пепелъ съ сигары и (пожалуй, это было уже лишнее: пепла ужъ не было) постучалъ сигарой о край пепельницы.

— А Семенъ Семенычъ опять съ своимъ ангеломъ-хранителемъ! Ну что-жъ, Павла Петровна, высочайше разрѣшите ему поиграть немного?

Павла Петровна — какъ будто и не слышитъ. Усѣлась въ тотъ самый мышиный уголокъ, откуда только что выскочила мадемуазель Жоржъ — мадемуазель Жоржъ торопилась взять карты. Семенъ Семенычъ пододвинулъ себѣ стулъ, вскочилъ со стула: «Нѣтъ, правда же, Павленька, я нынче только на полчаса. Понимаешь, надо же...» Потомъ торопливо перетащилъ стулъ на другой конецъ стола — подальше отъ Круга; потрогалъ боковой карманъ; смахнулъ рукою невидимую пыль съ лица.

— Ну что-жъ, какъ вчера: фишка — рубль? — спросилъ Кругъ свою сигару.

Мичманъ съ ямочками уже снова влюбленно глядѣлъ на сигару, на руку, на брови.

— Ей-Богу, а? По рублю — давайте, а? Вотъ это игра!

Путеецъ Маруся сморщился. Семенъ Семенычъ вскочилъ, куда-то метнулся. «Ахъ, да бишь...» — и опять сѣлъ, очень старательно. Это ничего, что по рублю: тѣмъ

скорѣе можно отыграться. Главное — осторожно, не волнуясь...

Но послѣ третьей таліи, какъ всегда, ужъ дрожали у Семена Семеныча руки, все чаще смахивалъ съ лица — и лицо все больше выцвѣтало, все больше становилось похоже на старый дагерротипъ изъ альбома.

Альбомъ — тамъ, въ уголку, на колѣняхъ у Павлы Петровны. Не глядя, перелистываетъ тысячу разъ видѣнныя выцвѣтшія лица. Не глядя, видитъ: вокругъ свѣчей на столѣ кружатся, обжигаются и опять летятъ на огонь ночныя бабочки-совки; и странное кольцо людей сумасшедше, лихорадочно, всей силой человѣческаго духа молитъ, чтобъ вышли десятка и тузъ — двадцать одно. Вотъ опять Семенъ Семенычъ лѣзетъ въ карманъ за бумажникомъ — и видитъ Павла Петровна заплатку на карманѣ: вчера пришила заплатку на томъ мѣстѣ, гдѣ пуговица бумажника проѣла сатинъ.

Семенъ Семенычъ всталъ. Улыбнулся — такъ, какъ улыбаются лица на дагерротипахъ: указательный палецъ заложенъ въ золотообрѣзанную книгу — выдержка десять секундъ. Улыбнулся, смахнулъ рукою съ лица:

— У меня тутъ нѣту... Я сейчасъ — внизу, въ шинели...

Нѣтъ, не въ шинели, а у соннаго, сердитаго буфетчика. Павлѣ Петровнѣ ужъ знакомо это. Буфетчикъ пальцемъ водитъ по книгѣ и щелкаетъ, щелкаетъ на счетахъ, какъ будто никакого Семена Семеныча тутъ вовсе и нѣтъ. А Семенъ Семенычъ лепечетъ — только, чтобъ не молчать, и похлопываетъ буфетчика по плечу съ такой осторожностью, что ясно: буфетчикъ одѣтъ не въ пиджакъ, а въ мыльный пузырь, и тронуть чуть посильнѣй — все лопнетъ, и уйдетъ Семенычъ ни съ чѣмъ.

А потомъ — все то же, что было вчера, и недѣлю назадъ, и мѣсяцъ. Семенъ Семеничъ войдетъ въ спальню, когда по стѣнѣ ужъ поползетъ блѣдно отпечатанный переплетъ окна; притворится, будто не знаетъ, что Павла Пет-

ровна притворяется спящей; прямо въ сапогахъ — на диванъ и до первыхъ колесъ по мостовой будетъ ворочаться и вздыхать, а днемъ опять вытащитъ бульдогъ изъ средняго ящика и сунетъ въ шинель, и опять тайкомъ приберетъ бульдогъ Павла Петровна...

За столомъ Кругъ барабанилъ пальцами; ждали Семена Семеныча. И неожиданно для себя Павла Петровна сказала вслухъ то, что невслухъ говорила уже цѣлый мѣсяцъ:

— Послушайте, Кругъ, за что вы ненавидите Семена Семеныча?

Капитанъ Кругъ сдвинулъ брови, черная прямая черта рѣзко раздѣлила міръ надвое. Въ нижнемъ мірѣ — капитанъ Кругъ пожалъ плечами.

— Вы ненавидите, и нарочно взвинчиваете, и чтобъ онъ проигрывалъ. Это подло. И, если я раньше хоть не... хоть немного...

Но тутъ Павла Петровна остановилась: надъ чертой — въ верхнемъ мірѣ — промелькнула легкая дрожь, дрожь пробѣжала по мѣди до запертыхъ на замокъ губъ. На секунду Павлѣ Петровнѣ все стало ясно, все стало вырѣзаннымъ изъ чернаго молніей — и тотчасъ же забылось, какъ черезъ секунду забывается такой какъ будто отчетливый сонъ. И ужъ не знала Павла Петровна, что стало ясно.

А мѣдь — снова была мѣдью, и мѣдь смѣялась:

— Вы замѣтили, господа: когда Семенъ Семенычъ проигрываетъ, онъ начинаетъ умываться, вотъ этакъ — вродѣ какъ муха лапкой...

И помолчавъ немножко — ни къ тому, ни къ сему:

— А мухи — чудныя очень. Помню, одинъ разъ оторвалъ мухѣ голову, а она — ничего, безъ головы ползаетъ себѣ — и умывается. А чего умывать: головы нѣту.

Путеецъ Маруся сморщился отъ безголовой мухи, и стало видно, что онъ — правда Маруся. Отецъ Николай

покачивалъ лысой, какъ у Николая Мирликійскаго, съ сѣдымъ вѣнчикомъ головой: можетъ быть, Николай Мирликійскій все понималъ; можетъ быть, Николай Мирликійскій былъ очень пьянъ.

Павла Петровна черезъ туманъ шла къ дверямъ, ни на кого не глядя: потому что знала, к а к ъ она ходитъ, и знала — всѣ не спускаютъ съ нея глазъ.

— А затѣмъ? — вернулся Семенъ Семенычъ; по плечу шлепалъ, какъ туфля, оторванный погонъ. Сзади шелъ заячелицый китаецъ съ бутылками.

Все гуще дымъ, все быстрѣе голоса, лица, брови, сѣдой вѣнчикъ, карты, ямочки на щекахъ. Полъ качается, какъ палуба — однажды Семенъ Семенычъ ходилъ на шкунѣ капитана Круга, тогда на шкунѣ была и Павла Петровна, и тогда началось...

У Семена Семеныча — третій разъ подрядъ черный, острый, ненавистный тузъ. Если-бъ десятка — Боже мой, если-бъ хоть восьмерка... Еще тузъ: два туза, двадцать два...

Все. Семенъ Семенычъ умывается лапкой, покачивается. Все, что принесъ съ собой, и все, что было взято у буфетчика...

— Да вы пересядьте, Семенъ Семенычъ... — это, кажется, мичманъ, и кажется, онъ подмигиваетъ Кругу. — Вы пересядьте съ отцомъ Николаемъ — и вотъ увидите: повезетъ! — ямочки подмигиваютъ.

Трудно это — встать со стула. Но всталъ Семенъ Семенычъ, и медленно плыветъ передъ нимъ образъ Николая Мирликійскаго въ вѣнчикѣ.

— А, нѣ-нѣтъ! Съ переодѣваньемъ! Нельзя! Семенъ Семенычъ — въ рясу! А то ишь ты! Нѣ-ѣтъ!

Таковъ игрецкій обычай. И Николай Мирликійскій — въ офицерской тужуркѣ съ оторваннымъ погономъ, а Се-Семенъ Семенычъ въ рясѣ.

— Не смѣтъ смѣяться! Молокососъ! Убью! — кричитъ Семенъ Семенычъ мичману, весь трясется — а можетъ

быть и не мичману это «убью». Нѣтъ, конечно, не мичману — и цѣлуется съ мичманомъ — Господи, какіе у него милыя ямочки! — цѣлуется съ отцомъ Николаемъ.

Отца Николая сморило.

— Послушай, за-заюшка, ты меня разбуди черезъ полчаса: у меня въ четыре заутреня, — наказываетъ отецъ Николай китайцу. — Меня, по-па, па-панимаешь? По-па...

Заплетается языкъ — и, должно быть, заплетаются руки: вмѣсто своего кармана — Николай Мирликійскій сунулъ подъ столомъ бумажки на колѣни Семену Семенычу. А можетъ быть — вовсе и не спьяну это отецъ Николай, и тутъ что-то другое: кто знаетъ?

Забылъ Семенъ Семенычъ, что онъ въ рясѣ: будто не въ рясѣ, а только что выбритый и въ снѣжномъ, чуть прикрахмаленномъ кителѣ, какъ у мичмана, и съ ямочками, — крикнулъ Семенъ Семенычъ:

— Карту!

— Карту? А чѣмъ отвѣчать будете? — Спокойный, покрытый пепломъ, голосъ.

Да, на столѣ передъ Семеномъ Семенычемъ — пусто. Но онъ беретъ съ колѣнъ мирликійскія бумажки не глядя, кидаетъ ихъ тому — Кругу, и Кругъ хруститъ новенькими бумажками:

— Тысяча... тысяча триста — тысяча триста пятьдесятъ. А въ банкѣ — девять. Не подойдетъ.

Семенъ Семенычъ не видитъ, но слышитъ отчетливо рѣзкую, черную черту. И уже нѣтъ кителя — снова ряса.

— У меня — дома... лепечетъ Семенъ Семенычъ.

— Дома? Дома у васъ только и осталось — Павла Петровна.

Колода насмѣшливо щелкаетъ въ рукахъ у Круга, на сотую долю секунды передъ Семеномъ Семенычемъ мелькаетъ тузъ — сверху колоды, а подъ тузомъ — неизвѣстно почему, но Семенъ Семенычъ знаетъ это, безошибочно чувствуетъ каждымъ своимъ волосомъ, каждымъ нервомъ — подъ тузомъ десятка, и, опрокидывая рукавомъ рясы чей-то стаканъ, онъ протягиваетъ руку.

— На Павлу Петровну? Идетъ! Выиграете — вашъ банкъ. А нѣтъ — —

Капитанъ Кругъ, конечно, шутитъ. Всѣмъ ясно, что онъ шутитъ. И только Семенъ Семенычъ понимаетъ — еще тогда, на шкунѣ, онъ понялъ — но тутъ, сверху, тузъ, а подъ тузомъ десятка, и сейчасъ онъ сгребетъ всю эту кучу — и въ карманы, и всему конецъ. Ахъ, въ рясѣ, кажется, не бываетъ кармановъ — ну все равно...

— Карту!

Тузъ. Ага? Еще карту. Двойка. Но какъ же двойка? Вѣдь Семенъ Семенычъ ясно чувствовалъ тамъ десятку — совершенно ясно.

— Еще одну... Десятка. Ага? Я такъ и зналъ — тузъ и десятка! — и Семенъ Семенычъ открываетъ карты побѣдоносно.

А вокругъ него рушится смѣхъ, и онъ, засыпанный обломками, падаетъ обратно на стулъ, выкарабкивается и, ничего не понимая, умывается, умывается лапкой.

— Чудакъ! Да вѣдь двойка же еще! Двойку-то вы взяли или нѣтъ? — радостно, до слезъ, захлебывается мичманъ. — Тузъ да десятка, да двойка — двадцать три. Ну, давайте по пальцамъ — ну?

Всѣ смѣются, у всѣхъ — зубы, одни зубы. И только — неизвѣстно отчего — мадемуазель Жоржъ плачетъ. Щеки у нея расписаны грязными лясами — краска съ бровей; на остромъ кончикѣ птичьяго носа — смѣшная свѣтлая капля.

И къ мадемуазель Жоржъ, нелѣпо размахивая крыльями рясы, кинулся Семенъ Семенычъ, заелозилъ губами по лясамъ, по свѣтлой каплѣ.

— Жоржинька... Жоржинька... Павленька...

И зарывается головою все глубже, прячетъ голову отъ зубовъ — одни зубы.

— Мы съ тобой... Выпей, выпей, голобчикъ, — хлюпаетъ мадемуазель Жоржъ и поитъ его изъ своего стакана.

Семенъ Семенычъ глотаетъ соленое и потомъ изъ стакана — колюче-сладкое. Все чаще — въ вискахъ; все быстрѣе языки свѣчей, заячья мордочка, ямочки, зубы...

И вдругъ — стопъ: листъ бѣлой бумаги. Краешекъ стола; сладкое, липкое кольцо — слѣдъ отъ стакана; въ кольцѣ — муха; и рука съ сигарой — пододвигаетъ къ мухѣ листъ бѣлой бумаги.

— Ну-съ, пишите: «Мною, нижеподписавшимся, бывшая моя жена Павла Петровна, за сумму девять тысячъ пятьсотъ рублей»... Теперь цыфрами: девять тысячъ пятьсотъ...

Семенъ Семенычъ подулъ на муху: муха зажужжала жалобно, но взлетѣть не могла. Ну, пусть... Завернулъ рукавъ рясы, подписалъ покорно.

— Ой, Кругъ, будетъ вамъ! Ой, умру, не могу больше! — захлебнулся мичманъ, ямочки трясутся отъ смѣха.

Семенъ Семенычъ смахнулъ невидимую паутину съ лица: Господи, ясно-же — все это шутка, ну просто — шутка. Вотъ сейчасъ — совершенно ясно. Розовѣетъ выцвѣтшая, дагерротипная улыбка, Семенъ Семнычъ поднимаетъ глаза. Мичманъ — онъ совсѣмъ еще мальчикъ, и такія милыя ямочки. И Кругъ... что-же — можетъ быть, даже и Кругъ — —

Капитанъ Кругъ медленно складываетъ листъ бумаги. Запертое на замокъ лицо. Рѣзкая, черная черта бровей.

Было такъ, очень давно, въ классѣ: задѣланное въ раму класснаго окна синее небо, на подоконникѣ — пронзительные воробьи. И Семенъ Семенычъ написалъ классное сочиненіе о веснѣ — стихами. А потомъ стоялъ около каѳедры, и гусиное перо — разъ! — черная черта черезъ весну.

Черная черта зачеркнула Семена Семеныча:

— Ну вотъ — все въ порядкѣ. Завтра же отправлюсь получать по векселю.

Нѣтъ, это же шутка, конечно... Это же — конечно... Все чаще, все торопливѣй Семенъ Семенычъ умывается лапкой, и какія-то слова въ головѣ — липкія, непослушныя, неповоротныя.

— Маруся, ну хоть вы... Вѣдь я же знаю... Ну, ради Бога, скажите, не существуетъ же въ возможности дѣй-

ствительность — я хочу — въ дѣйствительности возможность...

— А-а, ничего не существуетъ! Отстаньте! — Морщится Маруся.

Окно выцвѣтаетъ, блѣднѣетъ, виденъ черный крестъ рамы: за окномъ начинается несуществующая дѣйствительность — день, обычный, нелѣпый, смѣшной, жуткій, какъ всѣ дни.

Откуда-то зайченокъ — китаецъ. Нагнулся надъ запрокинутымъ вѣнчикомъ Николая Мирликійскаго, трясетъ за плечо:

— Четыре часа. Велѣлъ будить. Вставай, четыре часа!

Голова въ бѣломъ вѣнчикѣ покачнулась, прорѣзались глаза. Мутно обводятъ кругъ, потомъ на себя: тужурка, оторванный погонъ, такой знакомый. Ну да: значитъ — Семенъ Семенычъ. И сердито зайченку-китайцу:

— Ты кого это бу-будишь? Нѣтъ, ты кого будишь, а? Я тебѣ кого велѣлъ будить, а? — языкъ непослушный, вязкій.

— Тебя. Церковь надо.

— Нѣтъ, ты зачѣмъ меня будишь? Я тебѣ велѣлъ отца Николая, а ты кого? А? Ослѣпъ, не видишь?

«Дѣтская» трясется отъ смѣха. Зайченокъ стоитъ растерянно: запутался. И испуганно, мутно, какъ дагерротипы въ альбомѣ, глядитъ Семенъ Семенычъ: «Кто я? Я не существую. Ничего не существуетъ.»

На крышкѣ стола передъ нимъ, въ гладкомъ, липкомъ кольцѣ — муха все еще взвизгиваетъ и тщетно пытается взлетѣть вверхъ.

Евг. Замятинъ.

СПБ. 1920.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ НИКОЛАЯ ЛЕТАЕВА

(Продолженіе)

Эдакое такое свое.

И ужъ утро!

Заглянешь въ окно; и — общапканъ вороньими лапками снѣгъ; и ворона къ воронѣ прижалась у желоба: холодно — хохлятся; утро — невзрачное, нелюбопытно; скучно.

Вращается веретень дней — тѣнь тѣней.

Моя дѣтская одноконная, синяя; шкапъ; маминъ шкапъ: очень маленькій столикъ, два стула, постель Генріетты Мартыновны; и постелька: моя; сундучекъ и комодикъ; на стулѣ кувшинчикъ и тазикъ; за дверью на вѣшалкѣ — платья, и юбки, и кофточки, вывернутыя и глядящія глупо подмышникомъ; принадлежало все это не мнѣ; Генріеттѣ Мартыновнѣ; въ темномъ углу этажерка съ игрушками; образъ надъ нею, старинный; таинственный изумрудъ зеленѣйше сверкалъ на кровавый рубинъ изъ вѣнца Богородицы, ямой руки ухватившей перловое тѣло младенца.

Я знаю, что выпадетъ, выпадетъ, ихъ сребородіе снѣгъ: накладетъ серебрянниковъ въ кляклую оттепель;

*) См. „Совр. Зап.“ кн. XI.

но — оловянныя лужи проступятъ и къ вечеру сдѣлаютъ синій ледокъ (будетъ рдянь), онъ сбѣжитъ хлопотливою струечкой; снова появится въ большемъ количествѣ; все забѣлѣетъ хлопчатою массой; и лужи остынутъ окладами холода: кладами льда:

—„Es ist Kalt."

Насвисталъ, побѣжалъ продувной вѣтрогонъ — въ неживой небосклонъ: свирѣпѣвшихъ временъ; уже въ крикахъ слезливыя клавиши: мамочка сѣла въ столовой играть; уже хлынуло въ ушки: хохочутъ уже надо всѣмъ. Запорхали событія жизни въ безбытіи звуковъ; и мама, склоняясь надъ чернымъ и рѣзанымъ ящикомъ, взоромъ ушла въ бѣлозубіе клавишей; вижу браслетка блистающе прыгаетъ съ маленькой ручки; серьга брилліантитъ лиловенькой искоркой; мама припала головкою къ звукамъ, дивуяся взлетными бровками (подъ завитушечкой) — звукамъ; она разыгралась; не видитъ, не слышитъ; и перетрясомъ головки она говоритъ: „Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!" Никогда, Низачто!" — „Какъ вы смѣете, звуки?"

А звуки-то смѣютъ; посмѣетъ ли мамочка? Искорка только одна „это" смѣетъ; и побѣжала съ лиловыхъ оттѣнковъ зелеными: стала — оранжевой...

Мы съ Генріеттой Мартыновной слушаемъ.

Да, Генріетта Мартыновна, нѣмочка, вовсе не злая — нѣмая, нѣмая: говаривалъ пала о ней;

— „Удивительно, знаете ли, ограниченная натура!"

Она понимала — все, все:

— „Понимаете?"

— „Ja".

— „Понимаете?"

— „Ja, o gewiss —selbstverständlich!"

Бывало поспоритъ съ учеными папочка; дядя катаетъ свой катышокъ хлѣба, заохавши:

— „Чортъ знаетъ что, не поймешь!"

Генріетта Мартыновна выскажетъ:

— „Я поньяля!"

И курносо уставится папа, подбросивши ножикъ.

—„Все поняли?“

Ножикъ поймаетъ.

— „О, ja!“

— „И Спинозу и Канта?“— а пальцы по скатерти пляшутъ горошками.

— „Ja, selbstverständlich!“

— „Ну хорошо же!“

Привскочивъ, бѣжитъ въ кабинетъ своимъ правымъ, покатымъ плечомъ, раскачавши по воздуху лѣвую руку; и выбѣгаетъ оттуда съ огромною математическою книгою: фыркать на насъ тарабардою.

— „Це на ашъ два, фи-би-ку, корень энный изъ „и“, минусъ, плюсъ дельта „а“, дельта „бе“, дельта „цэ“, дельта „де“... Понимаете?“

— „Ja, o gewiss!“

— „Повторите.“

— „Плюсъ, миньюсъ... ja, ja, und so weiter!“

И папочка бурно подскачетъ (и даже подшаркнетъ) — любилъ, подшутивши, подпрыгнуть, подшаркнувъ: отъ этого падали бюстики (Пушкинъ себѣ откололъ такимъ образомъ баку); и руки свои разведетъ юмористикомъ онъ, наклонясь шепоточкомъ надъ дядечкой:

— „Видите, видите!..“

— „Я — говорилъ.“

— „Недалекая вовсе бѣдняжка!“

Она развивала во мнѣ блѣднодушіе!

А завелась просто такъ (очень многое въ жизни заводится т а к ъ: блошки, крошки, пылинки!); подуешь изъ ротика; и помутнѣло отъ ротика; ты нарисуешь на потномъ пятнѣ угловатую рожу трясущимся пальчикомъ, а отъ нея потекутъ къ подоконнику капельки влаги дыханья; пятно отечетъ, и появится снова тотъ розовый домъ Старикова напротивъ; подъ нимъ людогонъ побѣжалъ по дорогѣ временъ; знаю: омути есть осажденіе влаги дыханья; и вотъ надышали на зеркало мнѣ Генріетту Мартыновну; кто-то дохнулъ передъ зеркаломъ; и поте-

рявъ отраженіе, зеркало стало — белесымъ туманомъ; дохнули еще: и — сидитъ Генріетта Мартыновна съ очень хорошенькимъ личикомъ, бѣлымъ, какъ мѣлъ, съ бѣложелтой косою, — такая какая-то вся: блѣдногубая, блѣдно-безвѣкая, нѣмо вперяясь въ себя передъ маминымъ зеркаломъ, лучше ее отражающимъ: невыразительно смотритъ, оскаливши ротъ, на безкровныя блѣдныя десны и... —

Въ хлопнувшихъ, лопнувшихъ громко желѣзныхъ листахъ закаталась погромная крыша подъ вѣтромъ — надъ нами; и хриплою психою вѣтеръ поднялся въ трубѣ; и ужъ Альмочка песинской пѣсней ему подвываетъ изъ темной передней:

— „Чего ты?“

Да, снѣгопись вызвѣздитъ свой серебрянникъ, когда вѣтрогонъ побѣжитъ въ небосклонъ — по дорогѣ временъ, когда въ лопнувшихъ, хлопнувшихъ громко желѣзныхъ листахъ закатается крыша надъ нами: — то — вѣтеръ.

. . . . . .

Какъ мама уйдетъ, — Генріетта Мартыновна тихо идетъ за альковъ: посмотрѣться: глядится, глядится — и эдакъ, и такъ; завернетъ безотвѣтственный носикъ и силится, глазки скосивши, увидѣть свой собственный профиль; я знаю уже: она — вымутень зеркала; пальчикомъ тронешь — ощупаешь только стекло; за стекломъ же увидишь: херръ Цетта, иль Германа; знаю: она — не она; это — Цеттъ, о которомъ съ подругой онѣ говорятъ на бульварѣ, когда мы гуляемъ; онѣ называютъ херръ Германа — Цеттомъ; и „Цеттъ“ этотъ прочно засѣлъ у нея въ головѣ.

Тереблю за рукавъ, — обернется, уставится блѣдною немочью и, поморгавъ, мнѣ покажетъ безкровныя десны надъ глянцами ровныхъ, фарфоровыхъ зубокъ; едва я разслышу:

— „O, du: dummes Kind!“

И — уткнется опять: и — не жди ничего; занимая себя самого, я брожу по пустой, отишавшей квартирѣ;

подъ рукомойникомъ сяду на корточки; дверцы открою — смотрю; и стоитъ тамъ ведро; я — потрогаю: склизкая „тля-тля". Граненая мѣдная ручка отъ двери меня занимаетъ: она — зеленѣетъ: ее ототрутъ кирпичемъ — онъ толченый; украдкой лизнулъ я: не вкусенъ кирпичъ; ручку мнѣ хочется отвертѣть; ну, — а ну-ка, а ну-ка! Разлапое кресло косится орѣховымъ деревомъ; мнѣ улыбается лакъ; подойду и грызну его зубками: нѣтъ, — онъ не вкусенъ! — А, ну-ка: пойду выковыривать глину изъ печки; я выковыряю кусочекъ, да — въ ротикъ: — мнѣ нравится; эдакое какое-то въ привкусѣ! Глинка!..

Изъ каждаго зрѣетъ свое, чего мнѣ не понять; „десять" — это: поднятіе пальчиковъ ручекъ; и я — не отвѣтилъ; „свое" — не „мое"; и „свое" это — скрытый предметъ; у другого, у всякаго: мнѣ не понятный; разъ мама сказала:

Да, да: онъ же съ „шикомъ"... И да: у него есть т а к о е в о т ъ э д а к о е — с в о е.

— „Какъ? какое?"

— „Такое вотъ!" — ручкой помахала подъ лобикомъ; глазки же въ скатерть: такая какая-то вся возбужденная.

И — улыбнулась.

Меня осѣнило: у каждаго спрятано гдѣ-то — „свое", о которомъ нельзя говорить, что оно: можно только шептаться, какъ... громко шепталась съ подругою Генріетта; „свое" у ней — Цеттъ, или Германъ; херръ Германъ таится — подъ „Цеттомъ"; его называютъ „п р е д м е т о м ъ"; у каждаго этотъ „предметъ"; онъ у мамы; у папы — иной: тотъ самый, какой у мужчинъ; свой предметъ укрываютъ они; но раздѣнь ихъ — „предметъ" обнаружится.

Знаю, у каждаго „эдакое такое" ростетъ, копошася отчетливымъ шорохомъ шопота, а объясненіе спрятано въ складкахъ зажатаго рта подъ рѣсницами; внятно я слышалъ: Дуняша — гуляетъ съ приказчикомъ; эту Дуняшу держать невозможно; гуляю и я съ Генріеттой Мартыновной; помню, увидѣвъ меня, мама сдѣлала глазками:

— „Ахъ!“
— „Помолчите!“
— „Оставьте!“
— „Ребенокъ...“
— „Нельзя...“

Понимаю: я — сдѣлалъ „р е б е н к а“: кувыркъ! Мама, косу на грудь перекинувъ, кусала ее и покосилась на тетю:

— „Смотри-ка на Котика“
— „Онъ кувыркается...“
— „ И не вдомекъ!..“

Захватила въ охапку меня, да и „бацъ“ — на кроватку: хохочетъ, играетъ, катаетъ: подшлепнула; я — завизжалъ; мы визжали; а послѣ...—

— Намекъ сталъ д о м е к о м ъ; расширились внятно врата пониманья — въ завратныя дали; — толкую: — Дуняша гуляетъ съ приказчикомъ: это — не важно; Дуняша заходитъ съ гуляній къ приказчику: дѣлаютъ что то и это важнѣе. — Кухарка имѣетъ „свое“: появленье Петровича въ кухнѣ допущено; и что-то дѣлаютъ; что-то надѣлали; послѣ являются: „Котики“; какъ это тамъ происходитъ, — не знаю; но — знаю — явился откуда-то очень криклиивый Егорка, — въ прошедшемъ году; и отправился онъ въ „Воспитательный домъ“; и Дуняша сказала, что ей очень стыдно, когда Афросинья ночуетъ съ своимъ „мужикомъ“; — да: такъ вотъ оно что — неприлично лежать съ мужикомъ; и Дуняшу держать невозможно за то, что она, нагулявшись съ приказчикомъ, ходитъ къ приказчику: спать.

Не мужикъ ли приказчикъ?

— „Да какъ сказать, Котикъ, пожалуй что — да...‘

И невидящимъ взглядомъ обмѣривъ меня исподлобья, какъ будто ему предложили ученый вопросъ, папа въ двери толкнулся изъ комнаты, чтобы вшептывать что-то въ страницы: тамъ все у него вѣдь „свое“.

Всего болѣе это „свое“ („в о т ъ т а к о е в о т ъ“, жуткое) — въ папочкѣ; я чрезъ него сотрясался отъ страха

не разъ: — такъ: племянника папы я увидѣлъ однажды; и онъ мнѣ понравился; а между тѣмъ государственный былъ онъ преступникъ, отправленный въ жаркій Ташкентъ, съ Кистяковскимъ: — поднесъ ему кубики, вывалилъ ихъ на колѣни къ нему:

— „Выстрой домикъ!“

Но онъ отмахался:

— „Нѣтъ, нѣтъ!“

— „ Не умѣемъ...“

— „ Мы все разрушаемъ“...

А я ему:

— „Выстрой!“

Онъ выстроилъ — прелесть какой! — папа послѣ потеръ подбородокъ трясущимся пальцемъ и выставилъ армію доводовъ противъ племянника, тяжко ногой припадалъ на полъ и, разрѣзавши въ воздухѣ фразы свои разрѣзалкой какъ книгой:

— „Единая цѣлость Россіи...“

— „Да, да, Вячеславенька, — знаешь ли — созидалась годами!..“

— „А вы — все разрушить!“

И мнѣніе папы разрѣзанной книгой открылось предъ нами:

— „Ну вотъ-съ, Вячеславенька, ты осознялъ ужъ отчасти свои заблужденья...“

И долго ходилъ онъ разохавшись:

— „Все Антоновичъ!“

— „Да, да!“ —

— „Антоновичъ“ — подтопнетъ на словѣ, бывало, настаиваетъ и глазомъ, и носомъ „науськаетъ, знаешь ли ты, Вячеславенька, васъ, молодежь, а самъ — въ сторону, въ сторону!“ — Охнетъ: и знаю; въ глазахъ у него совершится при этомъ разгромъ, будто вынесли все: вмѣсто полной мыслительной жизни квартиры — пустое осталося мѣсто; пустое — отъ ужаса, что Антоновичъ и шайка его несомнѣнно погубятъ единство Россіи.

Въ моемъ представленьи давно Антоновичъ, давно провонялъ на весь Кіевскій Округъ рѣшеньемъ украсть убѣжденья: Володички, Гореньки, Силочки, Димки, Вадимки, Олежки, такъ точно, какъ онъ обокралъ Вячеславеньку: — да, несомнѣнно тутъ э д а к о е т а к о е с в о е, — потому что старикъ Антоновичъ — профессоръ, какъ папа, изъ Кіева; это обманъ, это — „цеттъ“ или маска: подъ ней Антоновичъ, какъ кажется, — душемутительный каверзникъ, банный плескунъ, даже шайникъ, а это скверньй, чѣмъ разбойникъ; тотъ просто, присѣвъ при дорогѣ, кидается острымъ ножемъ, передзызганнымъ прежде точильщикомъ, прямо пыряетъ въ животъ, и — уходитъ, кряхтя съ очень толстымъ мѣшкомъ на спинѣ, — залегать въ лопушинникѣ; этотъ — отъявленный каверзникъ, скромно надѣвши профессорскій форменный фракъ, вылѣзаетъ изъ бани сплошнымъ „А н т о н о в и ч е м ъ“, то-есть такимъ, кто приходитъ въ парами пыхтящую б а н ю, п о в ѣ с и в ш и ф о р м е н н ы й ф р а к ъ, обнаруживать ужасы голыхъ мужчинъ; и, весь мыльный, и пахнущій плѣсенью, броситъ туда, въ свою шайку, племянника папы, котораго только что выкралъ онъ, — пуститъ туда кипятку изъ подъ баннаго крана; племянникъ, еще неустойчивый молодой человѣкъ — растворится, какъ мыло: да, да: пониманіе — дѣвочка въ бѣленькомъ платьицѣ — пляшетъ; и темныя няни приходятъ бормочущимъ роемъ: ужасно невнятно, но — страшно занятно! — уже побѣжалъ вѣтрогонъ, по дорогѣ временъ: само время, испуганный заяцъ, бѣжало, прижавъ свои уши.

Оторванно хлопаетъ гнутымъ желѣзнымъ листомъ подъ окошкомъ громимая вывѣска въ трудной натугѣ: аукаетъ, охаетъ, ахаетъ все, что ни есть; и — потомъ все что есть, присѣдаетъ молчать подъ окошкомъ до новаго выбѣга: слышу изъ кухоньки звуки:

— Дзанъ, дзанъ! — это, знаю, толбузятъ тупѣющимъ пестикомъ въ кухнѣ миндаль.

И задумаюсь я надо всѣмъ этимъ міромъ — и браннымъ и тлѣннымъ! Прислушаюсь я, какъ безглаво, без-

руко проходятъ нѣмѣйшія тѣни въ чернѣйшія ниши; тамъ сходка тѣней; тамъ ихъ многое множество; уголъ прессуетъ ихъ мрачно; въ углу закатались шуршащіе шарики: мыши; и — быстроногіе домыслы изъ головы побѣжали по комнатамъ; и безголово повисли сквознымъ руконогомъ тѣней; руконогъ побѣжалъ по паркетамъ — на стѣны; со стѣнъ — къ потолку; — изъ тѣней приподымется вдругъ чернорогій — безногъ упадетъ многоручьемъ, обручитъ, обхватитъ и будетъ высасывать все, что ни есть, изъ меня, изливая въ себя; и я буду метаться совсѣмъ невѣсомою тѣнью въ его существѣ; и упляшетъ со мною въ огромныя дали, за окна, гдѣ — въ лопнувшихъ, лопнувшихъ громко желѣзныхъ листахъ закаталась погромная крыша, громимая свистомъ:

—„Ай, ай!“

Прибѣгаю назадъ къ Генріеттѣ Мартыновнѣ; и тереблю за рукавчикъ ее; отвернется отъ зеркала, тихо уставится блѣдною немочью, тихо покажетъ безкровныя десны и скажетъ:

— „Was willst du?“

— „O du dummes Kind!“

И — не жди ничего: ничего не придумаетъ.

Помню — она все бѣлѣла; кругомъ же блѣднѣло; и блѣдно сѣрѣло, и сѣро темнѣло — въ углахъ; такъ часами сидѣла предъ маминымъ зеркаломъ; вдругъ она — вскочитъ, возьметъ меня за руку: быстро бѣжимъ мы отъ зеркала — черезъ гостиную — въ дѣтскую; это — звонокъ, очень громкій: скрипятъ половицы; пошелъ самоходъ; это папа идетъ коридоромъ изъ темной передней, закашлявшись, въ форменномъ фракѣ, свисая большой головою направо и глядя на все исподлобья; онъ правой рукою прижалъ очень толстый портфель, бросивъ въ воздухи лѣвую и барабаня по стѣнамъ дрожащими пальцами; все умолкаетъ; лишь вѣтеръ погромомъ проходитъ по крышамъ; въ окошкѣ посыпался снѣгомъ сплошной серебрянникъ; и хриплою психой завыла изъ папиной комнаты печка; изъ трубъ выкидными клочкастыми дымами хле-

щетъ по крышамъ и окнамъ; смотрю изъ окошка: усѣлись въ темнѣйшія ниши бѣлѣйшія крыши; грызунчики мыши — играютъ все тише.

Не жди ничего.

Развѣ вотъ — Малиновскую...

Въ хмурый октябрь перебили намъ кресла въ оливковый цвѣтъ; да: и въ хмурый октябрь появилась у насъ — Малиновская! — зеленоносая, зеленолобая: сѣрый одеръ въ черносѣрой косыночкѣ — ѣдко вошла переплющеннымъ плющикомъ: воздухъ испортила мамѣ вопросикомъ:

—„А почему, дорогая, у васъ появилась отдѣльная спальня? Такъ — да: такъ — и все!“

„Такъ и все“ у нея прибавлялось ко всякому слову; такое ужъ свойство, замѣтилъ я въ ней: появляться туда, гдѣ свершался процессъ разобщенья чего бы-то ни было; всѣ сообщенья ея приводили всегда къ разобщенью; она сообщитъ что-нибудь, — разобщится веселое общество въ злые фонтанчики ссоръ: — и фонтанчикъ такой начиналъ забивать между папой и мамой; да, да, говорятъ, людоѣдъ поѣдомъ ѣстъ людей; говорятъ про нее, что она поѣдомъ ѣстъ людей; людоѣда такая!

Я помню событія года и строй мѣрныхъ мѣсяцевъ именно съ этого времени: да, съ октября (въ октябрѣ я родился); октябрь этотъ былъ очень снѣжный!

Зима! Всѣ дома, точно гробы: суровы сугробы; въ трубѣ свищетъ злостью; ворона подъ окнами перебѣгаетъ съ обглоданной костью. Гляди: Малиновская будетъ тебѣ: — „Такъ и все!“ — И она появлялась: ее уважали ужасно въ профессорскомъ кругѣ; что скажетъ Варвара Семеновна, то есть законъ; и она говорила такія пріятныя вещи; бывало истаютъ они сладкогрушевымъ вкусомъ въ устахъ, коль отвѣдаешь этихъ вещей; и навѣрное вскрикнешь потомъ: отъ желудочной боли и рѣзи въ кишкахъ; — говорила такія пріятныя вещи мужьямъ о мужьяхъ; и — такія невкусныя вещи: мужьямъ о ихъ женахъ; мужья говорили:

— „Варвара Семеновна, — да! Человѣкъ уважаемый: двадцать пять разъ прочитала она отъ доски до доски Соловьева, историка".

Жены же ихъ отвѣчали:

— „Ужасный педантъ!"

И прибавилъ однажды у насъ дядя Ершъ:

— „Она — просто зеленый одеръ!"

Появилась въ зеленой гостиной (при красной гостиной не помню ее!)

Содержала квартиру свою въ лакированномъ блескѣ она; у нея было два только платья: одно — блѣдно сѣрое; и другое — зеленое; въ первомъ она выѣзжала; а во второмъ принимала; у насъ говорила она, обнимая за талію мамочку:

— „Да, такъ и все, дорогая... Вездѣ у всѣхъ пыль... Такъ и все... Я сейчасъ же срываю съ себя это платье... Такъ все... А то, знаете ли, на подолѣ привозишь съ собой изъ гостей столько пыли, что послѣ приходится Аннушкѣ полъ подметать... И Николай вотъ Ирасовичъ то же..." — Да, да; Николаемъ Ирасовичемъ обрывались всѣ разговоры ея: — Николай же Ирасовичъ былъ ея мужъ, предпочевшій лѣтъ двадцать назадъ опуститься въ могилу, чѣмъ жить такимъ способомъ... —

У Малиновской такъ чисто, такъ чисто, что слуги уже не метутъ восковые паркеты, а... лижутъ ихъ; или, присѣвъ, ноготкомъ, прислюнявивъ его, отскребаютъ игриво пылинку отъ полу; мнѣ кажется: тамъ натираютъ полы языкомъ, какъ и все, что случится въ профессорскомъ кругѣ; а у стѣны стоятъ доски, обитыя сѣрой суконной матеріей, чтобъ, невзначай, прислонившись къ обоямъ, на нихъ не оставилъ профессоръ своей головой маслянистаго пятнышка; даже подметки шагреневыхъ туфель самой Малиновской чисты, такъ чисты, что изъ нихъ варятъ супъ, подавая гостямъ; и профессоръ отвѣдаетъ съ радостью блюдо отъ этой подметки; полна она сладости, сладости всюду; — въ одной лишь постели заводятся гадости: — утромъ ей тошно отъ... собственной

смятой постели; и на торжественномъ, именинномъ обѣдѣ у насъ объ этомъ одномъ говоритъ, не боясь, что во время такихъ разговоровъ останется блюдо нетронутымъ.

— „Знаете, — да, дорогая моя; я какъ встану, такъ все, — вонъ изъ комнаты, вонъ; такъ и все; не могу, дорогая, я вынести вида постели неубранной; такъ — да, да, да: такъ и все; а то вырветъ."

И блюдо нетронуто: всѣхъ обнесутъ; и никто ни кусочка: — „А отчего вы не скушаете, дорогая моя: такъ и все?"

— „Ахъ, Варвара Семеновна!"...

— „Да? Вы страдаете несвареніемъ пищи?... Такъ: да..."

И она принимается, высказавъ все, что могла о себѣ разсказать, выговаривать вслухъ „Николая Ирасыча".

— „У Николая Ирасыча, да, дорогая..."

Надѣялись мы, что съ постелью его обстоитъ дѣло лучше...

Пріѣздъ Малиновской связался съ зеленой обивкой гостиной, съ узнаньемъ, что сказка предметовъ есть волосы, войлокъ и пыль, съ учащеніемъ ссоръ въ нашемъ домѣ, съ вмѣшательствомъ въ нашу семейную жизнь постороннихъ ушей, огорчающихъ мамочку; да, Малиновская знала о всѣхъ (и была вездѣсуща); я слышалъ про то, что и стѣны имѣютъ какія-то уши:

Какія же?

Думаю я: Малиновской!

Развѣситъ у насъ свои уши (сухіе грибы принималъ одно время за уши ея); и узнаетъ она, что у насъ появилась новая лампа:

— „Такъ все, дорогая!"

—„А я вотъ всегда говорю: постоянство и вѣрность — естественное украшеніе женщины..."

— „Кстати..."

— „Скажите: зачѣмъ вы купили такую роскошную лампу, когда у васъ старая лампа еще не испорчена."

— „А почему вы — такъ все — перемѣстили гостиную?“

— „Непостоянная вы, дорогая моя!“

— „Такъ и все!“

— „Я всегда говорю: постоянство и вѣрность — естественное, такъ и все...“

— „Николай мой Ирасовичъ!“

— „Да!“

— „Такъ и все!“

— „Говорилъ то же самое...“

— „Да!“...

Мама послѣ — рыдаетъ; а провисень шторъ зеленѣетъ у насъ разлагая свѣтъ дня; зеленѣемъ и мы безутѣшно.

Уже Генріетта Мартыновна тихо надѣла на голову гладкую шапочку съ синей вуалькою: въ мушкахъ; идемъ на Арбатъ погулять: въ людогоны. Долеты широкихъ пролетовъ открылись обзоромъ Арбата: летитъ сребоперый снѣжокъ; и пушисто ложится; ворона съ карниза нахохлилась: шарикомъ; саночки рѣжутъ полозьями снѣгъ, до камней; припустилось бѣжать ярконосое, злое хмурье, въ башлыкахъ; и бѣгутъ гимназистики въ синихъ фуражкахъ, украшенныхъ бабочкой; прыснетъ въ лицо серебристою свиснью; я — бѣленькій; мы отрясаемся; брызжемъ на землю мокрѣющей снѣженью; тамъ, у кондитера Фельша, въ окнѣ разбросали конфетки въ оранжевыхъ, гладкихъ бумажкахъ; и то — „Пекторалъ“: карамельки отъ кашля — скорѣй бы закашлять! Другое окошко: его не люблю: тамъ стоитъ гуттаперчевый мальчикъ, приставленный къ мячику; мячикъ съ такимъ наконечникомъ ... нѣтъ — не люблю его! Разъ заходили сюда: Генріетта Мартыновна здѣсь покупала подмышники; дальше, въ окошкѣ, кофейники, мѣдныя баночки, — неинтересны; Мосье Реттерэ интереснѣй: сидитъ за прилавкомъ, такой чернобровый, такой чернобрадый: — потомъ его видывалъ сѣденькимъ, и наконецъ я недавно стоялъ предъ могильнымъ крестомъ, гдѣ почилъ отъ трудовъ онъ — такой чернобровый, такой чернобрадый, не то что

мужчины, бѣгущіе здѣсь, на морозѣ: они — бѣлодѣды; они — синегубы; и даже прошелъ черномордикомъ — негръ!

Вотъ сапожникъ Гринблатъ, гдѣ меня узнаютъ, гдѣ меня ублажаютъ; вотъ Бланкъ и Арбатская площадь (у Бланка любуюсь я чучеломъ волка и клѣтками съ пестрыми птицами; ахъ, не люблю углового кофейнаго дома и вывѣски я: „Карлъ Мора...“)

Ай, ай, ай!

Повалило хлопчатою массой: слетаютъ пушинки, меринъ проѣзжій совсѣмъ посѣдѣлъ; побѣжалъ перепудренный пудель, наткнулся на глупую тумбу и вдругъ завилялъ, будто встрѣтилъ знакомаго: нюхаетъ жадно визитную карточку песика — храбро подниметъ мохнатую ногу на глупую тумбу: — мнѣ папа разсказывалъ: песики песикамъ пишутъ открыки на тумбѣ; и песикъ, прочтя своимъ носикомъ буковки песика, храбро подниметъ мохнатую ногу на глупую тумбу! — Вотъ дѣти бѣгутъ: бѣлоглавики! Личики красны, какъ клюковки; важно одинъ пуховой бѣлоглавикъ ко мнѣ подбѣжалъ; поиграть; его — знаю: Капризникъ!

Сворачиваемъ въ Малый и въ Кисловскій переулокъ; боюся невнятицъ; а здѣсь есть невнятица — „э д а к о е т а к о е с в о е“: два грифона, крылатые; и я боюсь двухъ крылатыхъ грифоновъ, поднявшихъ двѣ лапы надъ бойкимъ подъѣздомъ; боюся двухъ желтыхъ оскаленныхъ каменныхъ львовъ на воротахъ какого-то дома: вотъ спрыгнутъ: — такіе же точно теперь — два грифона, подъявши двѣ лапы надъ бойкимъ подъѣздомъ, — сидятъ: все еще. И сидятъ два оскаленныхъ, каменныхъ льва на воротахъ такого же дома: того же все дома! Недавно еще проходилъ по Никитской (совѣтской Никитской): мотоциклетка стрѣляла бензиномъ; членъ Вцика, въ ушастой снѣжающей шапкѣ, пронесся на черномъ авто:—поглядѣлъ очень твердымъ лицомъ на меня; я свернулъ въ Малый Кисловскій; и я увидѣлъ, чего я боялся тому назадъ—тридцать пять лѣтъ: я увидѣлъ грифоновъ, крылатыхъ, подъявшихъ двѣ лапы надъ бойкимъ подъѣздомъ, двухъ

желтыхъ оскаленныхъ львовъ на воротахъ того же все дома. Меня поражало „с в о е“ выраженье гриффоновъ, кровавый какой-то оскалъ желтыхъ львовъ; это снова „с в о е“ и при этомъ „с в о е“, столь ужасное; знаю: „с в о е“ Афросиньи, Петровича, мамочки не столь ужасно, какъ это „с в о е“ выраженіе львовъ: непонятно, чудовищно. — Столь же чудовищно это „с в о е“ только въ... папочкѣ: — Да, Чебышевъ, математикъ: „с в о е“ онъ то самое: то есть невнятица, бредъ; „Ч е б ы ш е в ъ“ — невозможно обмолвиться: объ Антоновичѣ можно еще; „Ч е б ы ш е в ъ“ же запретенъ; скажи „Антоновичъ!“ — налитіе жилъ на краснѣющемъ папиномъ лбу я увижу немедленно; только скажи: — „Чебышевъ!“ и — смертельная блѣдность проступитъ на лбу.

Если папу столкнуть съ Чебышевымъ, — случится тяжелая мерзость: мгновенно косматыми станутъ они; и безъ крика завозятся оба одинъ надъ другимъ, совершая съ сопѣніемъ подлое что-то; и дверь предварительно громко защелкнувши; только увидятъ другъ друга, за руки ухватятся; и побѣгутъ въ кабинетикъ; и мама зальется слезами:

— „Пустите!“

Въ отвѣтъ лишь глухая возня: Чебышева надъ папой, иль папы надъ нимъ; и пошлютъ за пожарными: взламывать двери; взломаютъ, войдутъ: среди крови, кровавый дрожитъ Чебышевъ — обезсмысленно, папы ужъ нѣтъ; или нѣтъ Чебышева, а папа, клочкастый, затрепанный, залитый кровью, копается — въ красной говядинѣ — точно собака какая-то.

О Чебышевѣ сказали однажды, забывши про папу, который, свисая на правый бокъ головой и махая рукой съ разрѣзалкою (лѣвой) — на цыпочкахъ вышелъ; и всѣ позабыли его; скоро я забѣжалъ въ кабинетикъ; и вотъ два окна кабинетика, точно огромныхъ два глаза багровыхъ (былъ вечеръ) расширились, тихо багря косяки, рукомойники, стекла; во всемъ этомъ красномъ расхаживалъ папа, — о нѣтъ, не расхаживалъ: бѣгалъ на цыпоч-

кахъ, тихо крича про себя; и рукою зажатою въ крѣпкій кулакъ, на крутыхъ поворотахъ — „разъ-разъ-разъ-разъ разъ“ — ударялъ очень быстро по воздуху!

Падалъ на руки онъ очень большой головой: точно голову эту на плечи сажали съ усиліемъ два человѣка, сперва надорвавшись: сидѣла она какъ-то такъ на боку.

Повернули съ Арбата на Малый на Кисловскій — ишь ты безлюдіе: знаю: гриффоны съ подъятою лапою ждутъ; и — за мною протянуты; но боюся и плачу; прошу повернуть; повернули — безлюдіе кончилось; снова пошли людогоны; сапогъ золотой надъ Гринблатомъ качается въ воздухѣ; все потемнѣло; и мнѣ одиноко и строго; за снѣжными тучами все черезчуръ напряглось: ужасаетъ; и вотъ занялся огонекъ — такой вѣщій; онъ злѣетъ изъ близкаго дома; и все чебышится, гриффонится, гримассируетъ, львовится; все подвываетъ; всѣ окна — чернѣютъ: садятся подъ окна; и ночь чернорого уставилась въ окна, а въ окнахъ — безглазое!

. . . .

Андрей Бѣлый.

Н Е Н А

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ)

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. О. Ф.

Съ момента встрѣчи и до самой ея смерти мы почти не разлучались. За эти три съ половиной года мы разставались всего лишь нѣсколько разъ и не на долго — все остальное время прожили вмѣстѣ, и если не душа въ душу, то во всякомъ случаѣ въ такой дружбѣ и взаимной привязанности, какихъ я, по крайней мѣрѣ, не испытывалъ ни раньше, ни позднѣе.

Наша встрѣча произошла ранней весной.

Послѣднюю зиму въ качествѣ ссыльнаго мнѣ пришлось провести въ Верхоянскѣ — кончался третій годъ моей ссылки, впереди оставалось еще два года.

Только тотъ, кто самъ испыталъ на себѣ прелести верхоянской зимы, пойметъ, что значитъ приближеніе весны на далекомъ сѣверѣ. Достаточно сказать, что въ томъ году (это было въ 1913 г.) въ январѣ морозы достигали — 71 градуса по Цельзію (т. е. — 57 градусовъ по Реомюру) и я въ своей юртѣ предпочиталъ чуть не недѣлями пить чай безъ сахара, чѣмъ идти за нимъ въ сосѣднюю лавочку, находившуюся отъ меня въ какой-нибудь сотнѣ саженей. Когда надо было въ такой морозище выйти на улицу — въ лавочку или по сосѣдству въ гости къ товарищу, я снаряжался, какъ въ серьезную экспедицію: надѣвалъ мѣховые штаны, заячьи чулки, поверхъ нихъ

оленьи торбаса, на себя накидывалъ двойную оленью рубашку (кухлянку) съ огромнымъ чепцомъ, отороченнымъ вокругъ лица волчьимъ хвостомъ, а руки пряталъ въ чудесныя бѣлыя рукавицы, сшитыя изъ шкуры съ оленьихъ ногъ — подарокъ одной юкагирки (среди юкагировъ я кочевалъ близъ рѣки Индигирки, недалеко отъ океана). И даже въ такомъ одѣяніи верхоянскій морозъ давалъ себя знать...

О приближеніи весны можно было догадываться уже въ мартѣ. Но не потому вовсе, что стало тепло — нѣтъ, выше — 40 — 35 градусовъ мороза термометръ не поднимался. О веснѣ говорило лишь солнце — оно теперь раньше поднималось, позднѣе закатывалось, а главное — оно какъ-то ярче и побѣдоноснѣе сіяло. Нигдѣ потомъ — ни подъ тропиками, ни на самомъ экваторѣ (а мнѣ пришлось побывать и тамъ) — не видѣлъ я такого торжественнаго, побѣднаго свѣта! Солнце величественно поднималось утромъ среди безграничнаго простора снѣговъ и весь день до поздняго вечера сверкало на всегда безоблачномъ блѣдно-голубомъ небѣ такимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, отражаясь миріадами алмазныхъ искръ въ снѣгу, что въ эти мѣсяцы нельзя было долго оставаться подъ открытымъ небомъ безнаказанно для глазъ — безъ темныхъ консервовъ или безъ якутскихъ волосяныхъ очковъ ходить было невозможно.

Въ серединѣ апрѣля весна уже стучалась въ окна — солнечные лучи сдѣлались настолько яркими, что оконныя льдины, замѣняющія на сѣверѣ стекла, начинали потѣть изнутри. Уже лѣнь было надѣвать шубу, чтобы достать заготовленныя у юрты дрова или ледъ, необходимый для приготовленія чая. Выбѣжишь, бывало, въ одной курткѣ во дворъ и нарочно подольше возишься съ дровами, не обращая особеннаго вниманія на морозъ. Если зимой на улицѣ градусовъ 20 мороза, въ Верхоянскѣ говорятъ — „сегодня теплый день!“

Послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ съ верхоянскимъ исправникомъ мнѣ удалось его убѣдить,

что на третій годъ ссылки я имѣю право перебраться въ предѣлахъ того же Верхоянскаго округа въ другое мѣсто. Такимъ мѣстомъ я намѣтилъ себѣ селеніе Булунъ въ низовьяхъ Лены, которое считалось въ административныхъ кругахъ мѣстомъ еще болѣе суровой ссылки, чѣмъ Верхоянскъ и находилось отъ послѣдняго на разстояніи не меньше тысячи верстъ къ сѣверу. Меня Булунъ привлекалъ тѣмъ, что лежалъ на Ленѣ, что туда два раза за лѣто приходилъ пароходъ, главнымъ же образомъ тѣмъ, что это было... новое мѣсто. А страсть бродяжить за тѣ два слишкомъ года, что я прожилъ въ Якутской области, сдѣлавъ за это время по ея сѣверу на оленяхъ и собакахъ не менѣе шести тысячъ верстъ, у меня была велика.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля на трехъ нартахъ я выѣхалъ изъ Верхоянска. Впереди ѣхалъ тунгусъ — ямщикъ съ длиннымъ шестомъ („таяхъ"), которымъ онъ направлялъ бѣгъ оленей, за нимъ другая нарта съ моей кладью, сзади я въ своей кибиткѣ.

Есть въ этой ѣздѣ на оленяхъ своя прелесть, даже свое, если угодно, очарованіе. Не знаю, съ чѣмъ можно сравнить это странствованіе по безпредѣльному сѣверу Якутской области — развѣ съ плаваньемъ по морю. Но здѣсь — больше разнообразія. Вы ѣдете по колоссальной безлюдной пустынѣ и можете проѣхать нѣсколько сотенъ верстъ, не встрѣтивъ жилья, не встрѣтивъ даже ни одного человѣка. Дорогу ямщикъ больше угадываетъ какимъ-то наитіемъ. Обычно думаютъ, что Якутская область и особенно ея сѣверъ — это безграничная тундра, ровная какъ доска, безлѣсная, однообразная... Приморская тундра дѣйствительно отвѣчаетъ такому представленію, хотя и она вся перерѣзана пологими холмистыми возвышеніями. Сама же Якутская область, наоборотъ, поражаетъ своимъ разнообразіемъ. Здѣсь и огромные дремучіе лѣса, и ложбины, и скалы, и ущелья, прорѣзанныя въ горахъ безчисленными рѣками и рѣчушками. Помню, какъ я былъ пораженъ, когда съ Индигирки откочевывалъ на югъ къ Верхоянску: въ теченіе нѣсколькихъ дней между якутскимъ селеніемъ

Абый, лежащимъ на Колымской дорогѣ, и Верхоянскомъ, мы ѣхали среди грандіозныхъ скалистыхъ горъ ущельемъ которое своими размѣрами значительно превосходило прославленное Дарьяльское ущелье. И не только размѣрами — не боясь впасть въ преувеличеніе, я бы сказалъ, своей величественностью и своей дикой красотой...

По пустынѣ намъ пришлось ѣхать и теперь. Отъ Верхоянска до Булуна считается что-то около девятисотъ верстъ. Но версты въ Якутской области екатерининскія (по 700 саженей!), да и кто ихъ когда провѣрялъ? Здѣсь навѣрное было больше тысячи... Сдѣлали мы эту дорогу въ двѣ слишкомъ недѣли и ѣхали быстро.

Быстро скользили мы извилистымъ ложемъ рѣчушекъ, пересѣкали большіе лѣса, взбирались на какія-то горы, съ бѣшеной быстротой скатывались съ нихъ по необозримымъ снѣжнымъ равнинамъ, иной разъ въ пути наблюдали, какъ всходило солнце, нерѣдко останавливались на ночлегъ уже при звѣздахъ. Мой ямщикъ, тунгусъ Тута, старался на ночеву завернуть куда-нибудь въ сторону, къ знакомымъ тунгусамъ или якутамъ. Я же всегда старался настоять, чтобы ночевать намъ приходилось въ „поварняхъ“. Поварнями называются юрты, построенныя на общественный счетъ спеціально для нуждъ проѣзжающихъ. Онѣ всегда не жилыя, но теоретически въ нихъ долженъ быть заготовленъ для нуждъ путешественниковъ ледъ (для приготовленія чая) и дрова. Я предпочиталъ поварни, такъ какъ въ нихъ не было той смрадной вони и грязи, которыми всегда полны жилыя якутскія юрты, а кромѣ того тишина и одиночество болѣе соотвѣтствовали тому ликующему душевному настроенію, которое тогда у меня было благодаря веснѣ и тому, что, вырвавшись изъ Верхоянска, отъ стараго я ѣхалъ къ новому, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Тута, наоборотъ, предпочиталъ юрты своихъ земляковъ, такъ какъ, во первыхъ, тамъ ему было меньше работы и хлопотъ съ оленями, а, во вторыхъ, что можетъ быть для него было еще важнѣе, онъ могъ отвести свою душу въ разговорахъ о

послѣднихъ новостяхъ — вѣдь онъ ѣхалъ изъ города Верхоянска! А гость да еще съ новостями — это событіе, для такого гостя всегда найдется и лишній жирный кусокъ оленины и лишняя тарелка строганины...

Большею частью побѣдителемъ оказывался въ этой упорной и глухой борьбѣ за мѣсто ночлега я — и не только потому, что я былъ тойонъ, а онъ — всего лишь ямщикъ, но еще и потому, что жилыхъ то юртъ на нашей дорогѣ было мало...

Я и сейчасъ съ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ путешествіи. Нигдѣ и никогда я не чувствовалъ себя такъ близко къ природѣ, какъ здѣсь, въ этихъ странствіяхъ. Всѣ путы порваны — старыя надоѣвшія мѣста навѣки оставлены, впереди — неизвѣстное будущее. Такое ощущеніе вѣроятно испытываетъ птица во время весенняго перелета. И сейчасъ, когда я пишу это, передо мной развертывается цѣлая лента. Вотъ дикое узкое ущелье съ нависшими скалами, засыпанное снѣгомъ, на которомъ сверкаетъ весеннее солнце. Ущелье идетъ причудливыми зигзагами, за каждымъ изъ которыхъ можно увидѣть что-нибудь неожиданное... И, дѣйствительно, одинъ разъ мы натолкнулись на нѣсколькихъ дикихъ оленей, которые въ испугѣ прыснули вовсѣ стороны, другой разъ за выступомъ шагахъ въ тридцати неожиданно увидали на горномъ склонѣ приманку тунгусовъ-охотниковъ, такъ называемыхъ „чубуку“ (горныхъ барановъ)... Вотъ огромная лысая гора съ черными камнями, съ которыхъ вѣтеръ сдулъ снѣгъ — на вершинѣ ея шестъ со множествомъ болтающихся на волосяныхъ ниткахъ пестрыхъ лоскутковъ, это якутскій жертвенникъ „духу мѣста“. Ясно вспоминаю сейчасъ одну ночеву въ крошечной поварнѣ среди ровныхъ и молчаливыхъ, засыпанныхъ снѣгомъ горъ, въ которой едва-едва могли мы съ Тутой помѣститься вдвоемъ. При свѣтѣ ярко пылающаго веселаго камелька мы долго пили вечеромъ чай, причемъ я не жалѣлъ подбавлять въ него рома... Тута развеселился и гортаннымъ голосомъ, съ закрытыми глазами, покачиваясь всѣмъ тѣломъ, распѣвалъ

свои пѣсни, а я со сладкой грустью слушалъ его, не спуская глазъ съ пылающихъ смолистыхъ дровъ и думалъ о томъ, что было мнѣ такъ дорого и что осталось тамъ, далеко, далеко... Потомъ Тута, наклонившись ко мнѣ и положивъ свои ладони на мои колѣна, что-то горячо и долго мнѣ говорилъ, а я въ отвѣтъ говорилъ ему свое... И мы весело кивали другъ другу головой, похлопывали другъ друга по плечу и каждый былъ доволенъ собесѣдникомъ, хотя Тута ничего не понималъ по русски, а я ничего „не слышалъ“ по тунгусски. Скоро онъ раздѣлся догола — они всѣ спятъ здѣсь совершенно обнаженными, закрывшись лохмотьями мѣхового одѣяла — и заснулъ у самаго камелька съ блаженной улыбкой на лицѣ. А я вышелъ изъ поварни и долго любовался серебряными горами, на снѣгу которыхъ сверкалъ мѣсяцъ и звѣзды, дождался солнца, отъ котораго порозовѣли всѣ вершины и смотрѣлъ на невиданную картину борьбы между собой на снѣжномъ просторѣ вечерней и утренней зорь, которыя здѣсь въ это время уже сходятся вплотную, на борьбу между мѣсяцемъ, звѣздами и солнцемъ...

А днемъ я пьянѣлъ отъ этого солнца. Глаза слѣпли даже подъ синими консервами. Солнце сверкало ослѣпительно и все кругомъ наполняло опьяняющей радостью. Давно уже я запряталъ подъ себя кухлянку и ѣхалъ въ одной мѣховой курткѣ, накинувъ лишь на ноги свое песцовое одѣяло. На колѣняхъ у меня лежалъ истрепанный Пушкинъ — въ однотомномъ изданіи Павленкова, и я въ упоеніи громко декламировалъ его, со смѣхомъ подмѣчая иногда на себѣ удивленые взгляды Туты, который вѣроятно думалъ, что я молюсь, и любовно гладя бархатистые весенніе рога и нѣжныя губы „заводного“ (т. е. запасного) оленя, который былъ привязанъ сзади къ моей нартѣ и который, когда я протягивалъ къ нему руку, боязливо косился на меня своимъ огромнымъ темно-каримъ влажнымъ глазомъ...

На рѣчкѣ Хараулахъ, т. е. „Черная Вода“, уже впадавшей въ Лену, Тута завезъ меня на ночеву къ своему

пріятелю ламуту. Ламутами называются тунгусы, живущіе близъ моря — ЛАМ по тунгусски значитъ море. Дома оказалась только старуха. Она немедленно придвинула мѣдный чайникъ къ огню, соскребла ножемъ кожу съ великолѣпнаго озерного чира (особенно цѣнящаяся на сѣверѣ рыба), настругала строганину, подала на тарелкѣ копченые кусочки оленины, напоминающіе сухарики изъ чернаго хлѣба, угостила даже такимъ лакомствомъ, какъ копченый оленій языкъ и сырой мороженый мозгъ изъ оленьихъ ногъ (смѣю увѣрить, что послѣднее было особенно вкусно — нѣчто среднее между сливочнымъ масломъ и сливочнымъ мороженымъ). Въ свою очередь я заварилъ въ крутомъ кипяткѣ мороженые пельмени, досталъ банку сгущеннаго молока, ржаные сухари... Нашъ пиръ оказался на славу. Старуха ламутка, похожая лицомъ на сморщенное печоное яблоко и мой Тута долго и съ удовольствіемъ послѣ ѣды рыгали ради уваженія ко мнѣ, такому хорошему нюча-тойону (русскому начальнику).

Вотъ здѣсь, то въ ламутской юртѣ и произошло то знакомство, о которомъ я хотѣлъ разсказать.

Вскорѣ послѣ того, какъ я усѣлся на оронъ (нары), на подложенныя подъ меня въ нѣсколько рядовъ оленьи шкуры, мое вниманіе было приковано къ сѣренькому шарику, который безостановочно шмыгалъ по юртѣ подъ ногами у присутствовавшихъ. То онъ вскочитъ на оронъ, съ орона ко мнѣ на колѣни, оттуда подъ столъ, визжитъ уже подъ ногами у старухи, отброшенный ея ногой, весело впивается острыми зубенками въ ея подолъ, оживленно и забавно размахивая хвостикомъ, стрѣлой проскальзываетъ въ пріоткрытую дверь и уже гдѣ то тамъ заливается серебрянымъ лаемъ на дворѣ...

Это была прелестная маленькая собаченка, пушистая, сѣренькая какъ мышь, съ потѣшной мордашкой, какъ у лисицы, съ острыми торчкомъ стоящими ушами. Всего больше походила она именно на лисенка.

Я привыкъ на сѣверѣ къ собакамъ, на Индигиркѣ я прожилъ съ одной собаченкой душа въ душу цѣлый годъ, цѣнилъ и любилъ ихъ и никогда не удивлялся тому, что здѣсь всѣ могутъ такъ по долгу, цѣлыми часами, разговаривать о собакахъ. Въ жизни сѣверянъ собака играетъ огромную роль — это ихъ другъ, помощникъ, стражъ, хранитель, „наша единственная скотинка“, какъ любовно говорилъ мнѣ одинъ русскоустинецъ. Не только своихъ собственныхъ собакъ, но на округу въ 100-200 верстъ всѣ знаютъ собакъ „въ лицо“, ихъ имена, даже характеръ и особенности каждой. Я самъ присутствовалъ при разговорахъ, когда не только собравшаяся молодежь, но и серьезные промышленники по долгу и горячо обсуждали статьи той или иной собаки. И я самъ близко къ сердцу принималъ и понималъ ихъ волненіе, ихъ интересъ.

Теперь, увидѣвъ эту маленькую сѣренькую собачку, я сразу отмѣтилъ ее среди всѣхъ остальныхъ мною раньше видѣнныхъ. Она поразила меня не только своей красотой и граціей. Она какъ то сразу завоевала меня своимъ веселымъ характеромъ, своей подвижностью. Пока она была въ юртѣ, буквально ни на минуту не оставалась она спокойной. То она залѣзетъ подъ оронъ и съ торжествомъ тащитъ оттуда шкурку рыбы или начинаетъ тянуть конецъ запрятанной сѣти, за что мимоходомъ получаетъ звонкій шлепокъ отъ старухи... Съ визгомъ летитъ въ сторону и вотъ уже снова за работой, пытаясь тащить черезъ всю юрту брошенную въ углу кухлянку... Порой на минутку сядетъ на заднія лапки и замретъ, комично заломивъ одно ухо и навостривъ другое...

Я не могъ оторваться отъ нея, такъ она была потѣшна и красива. Наша дружба завязалась очень скоро. Попробовалъ дать ей сухарикъ — она понюхала, не поняла и умчалась прочь. Я обмакнулъ сухарикъ въ сладкое сгущенное молоко — такой же результатъ. Тогда поймавъ ее на оронѣ, я вымазалъ молокомъ ея мордашку — она съ гримасой стала слизывать липкое молоко и... сразу

почувствовала прелести цивилизаціи. Сладкое молоко ей, конечно, очень пришлось по вкусу, кусочекъ сухарика былъ немедленно изгрызенъ ея тонкими, какъ булавки, зубенками. Теперь она уже не отходила отъ меня и на ночь уютно устроилась у меня въ ногахъ подъ моимъ одѣяломъ. Это оказалось рѣшающимъ моментомъ — наша дружба съ тѣхъ поръ была заключена.

Еще съ вечера я завелъ со старухой разговоръ объ этой собаченкѣ. — „Торгуй, эмяксин, ыт!“ (т. е. — „старуха, продай собаку.“) — Старуха рѣшительно покачала головой. — „Нѣтъ!“ — Я зналъ, какъ промышленники дорожатъ своими собаками и не удивился этому отказу, хотя, конечно, отказывать въ чемъ либо гостю и считается на сѣверѣ верхомъ невѣжливости.

Раздобыть для себя эту веселую собаченку вдругъ запало мнѣ въ душу — я рѣшилъ настоять на своемъ.

На другой день я нарочно тянулъ отъѣздъ, чтобы дождаться хозяина. Утромъ мнѣ показали привязанную къ дереву собаку — похожую на сѣраго волка, нѣсколько легче и изящнѣе его складомъ. Это была мать такъ понравившейся мнѣ собаченки. Она спокойно лежала въ снѣгу и почти не обращала вниманія на свою шаловливую дочь, которая съ визгомъ бѣгала вокругъ нея, теребила ее за хвостъ, за уши, перелѣзала черезъ нее... Только иногда, какъ будто равнодушнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ любовнымъ движеніемъ, оскаливая бѣлоснѣжные зубы, брала ее въ пасть поперекъ туловища и отбрасывала въ сторону. Онѣ обѣ въ эту минуту не походили на собакъ — это были играющіе другъ съ другомъ звѣри.

Хозяинъ старухи вернулся домой, когда солнце стояло уже высоко. Онъ осматривалъ свои пасти и привезъ двухъ добытыхъ песцовъ. Длинное чаепитіе, строганина, оленина... Длинный, медлительный разговоръ на волапюкѣ съ репертуаромъ изъ якутскихъ словъ, мнѣ извѣстныхъ. Старуха, конечно, уже разсказала ему во всѣхъ подробностяхъ о нашей несостоявшейся сдѣлкѣ. Продастъ или не продастъ? — задавалъ я себѣ вопросъ.

Я уже собираюсь въ путь, уже завязываю вокругъ куртки потуже ремень. — „Хозяинъ, — говорю я равнодушнымъ голосомъ, — торгуй ыт!“ — „Торгуй нету, — съ поклономъ отвѣчаетъ мнѣ старикъ, — бери такъ.“— Это означало, что онъ не могъ мнѣ, какъ почетному гостю, отказать въ моей просьбѣ — онъ предлагалъ мнѣ собаку въ подарокъ. Но я уже зналъ обычаи сѣвера. — „Бахыбо, хозяинъ“ (т. е. спасибо) — пожалъ ему обѣими руками его руку и далъ ему тоже какъ подарокъ десять рублей... Всѣ церемоніи сѣверныхъ обычаевъ были соблюдены.

Когда моя нарта тронулась, у меня на колѣняхъ лежала моя собаченка, испуганно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ любопытствомъ выглядывая изъ подъ одѣяла. Я здѣсь же окрестилъ ее „Неной“ — Нена на языкѣ морскихъ ламутовъ значитъ — собака.

Такъ началась моя жизнь съ Неной.

Черезъ пару дней я уже былъ въ Булунѣ. Моя нарта остановилась передъ домикомъ, въ которомъ жили „государственные“. Среди нихъ были мои пріятели, съ которыми я сидѣлъ въ Иркутской, Александровской и Якутской тюрьмахъ, съ которыми вмѣстѣ шелъ по этапу въ Якутку. Оставивъ Нену въ нартѣ подъ одѣяломъ, я вошелъ къ нимъ. Послѣ первыхъ минутъ встрѣчи я, выждавъ моментъ, съ искусственно смущеннымъ лицомъ, заявилъ имъ: — „товарищи, прежде чѣмъ селиться у васъ, я долженъ предупредить — я не одинъ, со мной спутница...“ — Съ удовольствіемъ я замѣтилъ, какъ всѣ трое лукаво и многозначительно между собой переглянулись. Мы всѣ вмѣстѣ вышли къ нартѣ и я торжественно приподнялъ одѣяло — Нена уже сидѣла, вопросительно поглядывая на насъ и навостривъ свои остренькія уши. На лицахъ товарищей я прочиталъ разочарованіе.

Но скоро она сдѣлалась и ихъ любимицей. Посерединѣ избы къ потолку у насъ была привязана для нея игрушка — на длинномъ шнуркѣ круглая чурка на высотѣ ея роста. Нена часами играла съ ней, носясь за ней круга-

ми по комнатѣ, визжа отъ наслажденія и порою злобно рыча отъ негодованія, когда чурка раскачнувшись, стукала ее по лбу. За Неной ухаживали всѣ, но признавала она только меня. Меня она очень скоро признала своимъ хозяиномъ и я увѣренъ, что это чувство она потомъ пронесла черезъ всю свою жизнь. Это, пожалуй, не была любовь, не была вѣрность и преданность — собачья привязанность, конечно, больше всего этого. Я увѣренъ, что обо мнѣ она думала и на своемъ собачьемъ языкѣ называла меня только такъ: „Онъ!“ — обязательно со знакомъ восклицательнымъ. Черезъ меня воспринимала она всю жизнь, отъ меня шло для нея все ... А я — былъ къ ней внѣшне строгъ, но въ душѣ платилъ ей горячей любовью и она это хорошо понимала.

Очень быстро Нена сама нашла себѣ въ нашей избѣ мѣсто — на моемъ одѣялѣ въ ногахъ, причемъ часто свою мордашку она клала на мои ноги и такъ засыпала. Вечеромъ она сама залѣзала ко мнѣ на ту импровизированную кровать, которую мы съ товарищами соорудили въ первый же день моего пріѣзда и слѣзала съ нея только утромъ, когда я самъ позволялъ ей это. Нерѣдко, просыпаясь и открывая глаза, я уже встрѣчался глазами съ ней и понималъ, что она нетерпѣливо ждала этого момента и проситъ, чтобы я ей разрѣшилъ спрыгнуть на полъ.

Мы были неразлучны — гдѣ былъ я, тамъ всегда была и она. Необычайно быстро, съ легкостью звѣреныша оріентировалась она въ обстановкѣ и никогда не ошибалась, когда мы послѣ долгихъ прогулокъ возвращались домой — она всегда первая указывала мнѣ дорогу. Видно было, что въ лѣсу она чувствовала себя еще лучше, чѣмъ дома и подмѣчала въ немъ такія тайны, мимо которыхъ я порой проходилъ равнодушно. Я довѣрялъ ей безгранично. Когда вскрылась Лена, я даже рискнулъ переѣхать вмѣстѣ съ ней на „вѣткѣ“ на другую сторону — рѣка здѣсь около трехъ верстъ шириною и течетъ мощнымъ полноводнымъ потокомъ между двухъ камен-

ныхъ береговъ. Меня предупреждали не дѣлать такого опыта, но я еще на Индигиркѣ постигъ искусство плаванія на „вѣткѣ“ (узкій плоскодонный челнъ на одного человѣка съ двухлопастнымъ весломъ) и довѣрялъ Ненѣ. И, дѣйствительно, на удивленіе всѣмъ благополучно одолѣлъ эту трудность, рискуя не только собой и Неной, но также ружьемъ и фотографическимъ аппаратомъ. Нена за весь переѣздъ не сдвинулась съ мѣста и лежала, положивъ голову на переднія лапы, не спуская ни на мгновеніе глазъ съ меня.

Мы бродили съ нею вмѣстѣ по болотамъ и по лѣсамъ, сидѣли въ „засядкѣ“, карауля гусей и лебедей, жили по нѣсколько дней вдвоемъ въ импровизированномъ шалашѣ. И видно было, что такая жизнь ей больше всего по вкусу.

На лѣто я поселился въ Булунѣ отдѣльно у одного якута, разгородивъ свою комнату на двѣ коморки — спальную и кабинетъ. Нена всегда лежала подъ моимъ письменнымъ столомъ и иногда я украдкой подмѣчалъ, какъ она утромъ потихоньку выглядывала изъ своей комнаты, не всталъ ли уже „Онъ!“ — ей хотѣлось поскорѣе на улицу. Я притворялся спящимъ и она покорно возвращалась на свое мѣсто. И слышно было, какъ она снова укладывалась на свою „постель“ (такая же оленья шкура, какъ у меня), тяжело при этомъ вздыхая.

Къ осени она уже вполнѣ сложилась. Это была прелестная собака — никогда ни раньше, ни позднѣе не приходилось мнѣ видѣть такой красавицы. Средняго роста, на точеныхъ ножкахъ, съ прямой, какъ стрѣла, спиной, острая морда съ глянцевитымъ чернымъ носомъ, пушистый хвостъ. Красивые темно-каріе глаза съ огромнымъ чернымъ зрачкомъ. Вся сѣрая, немного дымчатаго цвѣта, съ чернымъ ремнемъ по хребту. Къ зимѣ она обзавелась густой пушистой шубкой, которая блестѣла, будто вычищенная керосиномъ. Всегда она была чиста и опрятна, очень слѣдя за своимъ туалетомъ и часами себя обли-

зывая — ея сухая шерсть трещала электрическими искрами, когда ее гладили.

Она понимала все, что я ей говорилъ и отвѣчала мнѣ глазами. Въ одиночествѣ я привыкъ разговаривать съ собой вслухъ и часто самъ не зналъ, съ кѣмъ я разговариваю — съ собой или съ Неной. Но всегда былъ убѣжденъ, что нашъ разговоръ намъ обоимъ хорошо понятенъ.

У нея былъ характеръ. Это не былъ вовсе тотъ добродушный песъ, съ которымъ я прожилъ на Индигиркѣ и который безропотно и безъ всякихъ думъ сносилъ все, что я съ нимъ дѣлалъ. Нена хорошо разбиралась въ моихъ собственныхъ поступкахъ. Она хорошо понимала, если я ее наказывалъ за дѣло и принимала это наказаніе, какъ должное, но она обижалась, если я ее наказывалъ въ пылу раздраженія несправедливо. Тогда она старалась держаться вдали отъ меня и своимъ поведеніемъ всячески подчеркивала мою несправедливость: когда я ее звалъ, дѣлала видъ, что въ первое время не слышитъ и отворачивалась съ явно обиженнымъ видомъ даже отъ тѣхъ лакомыхъ кусковъ, которые я ей протягивалъ. Тогда мы мирились и она это принимала, какъ должное — въ знакъ примиренія она быстро, но безъ особой угодливости лизала мою руку и наши дружескія отношенія сразу возстанавливались.

Было въ ней что то отъ дикаго звѣря, отъ раздолья и приволья той тундры и того лѣса, среди которыхъ она родилась. Иногда она куда то на нѣсколько часовъ уходила и знакомые якуты, пріѣзжавшіе въ Булунъ, мнѣ разсказывали, что встрѣчали ее одну въ лѣсу — въ 15—20 верстахъ отъ нашего селенія. Тамъ она за кѣмъ то гонялась, на кого то охотилась. Въ прогулкахъ съ нею я нерѣдко замѣчалъ, что мѣста, по которымъ я шелъ впервые, ей уже хорошо извѣстны. Послѣ такихъ прогулокъ она приходила съ виноватымъ видомъ, сейчасъ же ложилась на свою «постель» и засыпала, вздрагивая во снѣ и во снѣ лая какимъ то нутрянымъ еле слышнымъ лаемъ — очевидно,

она снова переживала только что испытанныя впечатлѣнія. Особенно она дорожила тѣмъ, что добывала сама — пойманная мышь, съ которой она сначала какъ кошка играла, а затѣмъ цѣликомъ проглатывала, ей, очевидно, была гораздо дороже и казалась вкуснѣе, чѣмъ даже строганина или копченая юкола изъ рыбы, такъ пріятно хрустящая на зубахъ. Когда она сердилась, у нея щеткой поднималась на хребтѣ шерсть, злобно приподнимались губы и пасть ощерялась острыми бѣлоснѣжными зубами. Даже мнѣ становилось тогда жутко — такъ походила она въ эти мгновенія на разозленнаго звѣря — волка, лисицу, песца. Но за всю свою жизнь ни меня, ни кого-либо изъ моихъ друзей она ни разу не укусила. Удивляло меня еще то, что она хорошо различала людей, съ которыми я былъ въ сношеніяхъ: она строго отличала моихъ друзей отъ людей, мнѣ безразличныхъ или мнѣ непріятныхъ. Ей, несомнѣнно, передавалось мое настроеніе. «Онъ!» былъ для нея тѣмъ камертономъ, по которому она настраивалась всегда и вездѣ.

Къ зимѣ Нена превратилась уже въ совершенно взрослую, сложившуюся собаку. Общественное мнѣніе Булуна безапелляціонно высказывалось въ томъ смыслѣ, что моя Нена, несомнѣнно, является въ Булунѣ лучшей собакой. Только нѣкоторые робкіе голоса неувѣренно называли еще «Мойтрука» (по якутски «Ошейникъ»), здоровеннаго тунгусскаго пса, принадлежавшаго мѣстному псаломщику. Пріѣзжающіе въ Булунъ тунгусы-промышленники засматривались на Нену, разспрашивали, чья и нѣкоторые пытались у меня ее «торговать». Я, конечно, отвѣчалъ имъ лишь улыбкой.

Здѣсь, на сѣверѣ, всѣ собаки дѣлятся на двѣ категоріи — на ѣздовыхъ и на промышленныхъ. Первая категорія — ѣздовыя собаки — являлась наиболѣе распространенной, можно сказать — основной; это рабочій скотъ, на которомъ возятъ дрова, ледъ, ѣздятъ по ловушкамъ. Это народъ грубый, вульгарный, неинтеллигентный, нѣчто

вродѣ россійскихъ «дворняшекъ». Это онѣ наполняютъ безсмысленнымъ, треплющимъ нервы воемъ длинныя зимнія ночи. Онѣ имѣются у каждаго хозяина, — смотря по его достатку, собачья запряжка колеблется отъ шести до четырнадцати штукъ. Наоборотъ, промышленныя собаки принадлежатъ къ собачьей аристократіи. Гораздо чаще встрѣчаются онѣ у кочевниковъ — и то не больше одной, двухъ. Ихъ берегутъ, ихъ не кормятъ вмѣстѣ съ другими, съ хозяиномъ онѣ находятся въ гораздо болѣе интимныхъ отношеніяхъ, входя въ кругъ его семьи: съ промышленной собакой играютъ дѣти хозяина, она находится всегда у палатки или даже въ самой палаткѣ. Ее очень рѣдко запрягаютъ въ нарту, съ нею ранней осенью по глубокому снѣгу ловятъ песцовъ, она же помогаетъ держать табунъ оленей вмѣстѣ.

Нена, конечно, была промышленная собака. Но я не хотѣлъ пренебрегать ея воспитаніемъ и нѣсколько разъ пускалъ ее въ запряжкѣ съ другими ѣздовыми собаками. Черезъ три раза она уже постигла это искусство, и при желаніи мнѣ небольшого труда стоило бы сдѣлать изъ нея «передовую собаку», т. е. такую, которая бѣжитъ впереди, тянетъ и увлекаетъ за собой всю запряжку. Эти «передовыя собаки» на сѣверѣ особенно высоко хозяевами цѣнятся. Мнѣ не было нужды превращать Нену въ рабочую собаку, но ея наука мнѣ все же пригодилась; когда приходилось на себѣ выволакивать нарту съ дровами изъ снѣга или когда позднѣе надо было лѣтомъ тащить на себѣ «вѣтку» вверхъ по Ленѣ — я припрягалъ Нену и она всегда добросовѣстно исполняла свои обязанности.

Гораздо больше обратилъ я вниманія на Нену въ другомъ отношеніи: я всегда бралъ ее съ собой на охоту. И здѣсь она была на высотѣ положенія: она выгоняла на меня зайцевъ, вынюхивала горностаевъ, отыскивала бѣлокъ, всегда обращала мое вниманіе на куропатокъ, мимо которыхъ зимой такъ легко пройти. Для нея эти прогулки были сплошнымъ наслажденіемъ, блаженствомъ.

Такъ ясно я сейчасъ вижу ее передъ собой: съ огромными усиліями, барахтаясь въ глубокомъ рыхломъ снѣгу, бѣжитъ она впереди моихъ лыжъ; она постоянно оглядывается на меня, широкая пасть разинута, изъ пасти среди острыхъ бѣлыхъ клыковъ свисаетъ темно-алый, почти малиновый языкъ, съ котораго капаетъ слюна; глаза горятъ отъ возбужденія, все тѣло трепещетъ, вся она порывъ, нетерпѣніе — вмѣстѣ съ тѣмъ ея вниманіе раздѣлено между мною, хозяиномъ, который каждую минуту можетъ ей отдать приказаніе и стремленіемъ мчаться все дальше впередъ, все дальше въ завлекательную, таинственную глубь лѣса, гдѣ такъ много всего — шороховъ, запаховъ, слѣдовъ ...

Нена не была моей рабочей собакой, но она и не была моей охотничьей собакой — она была гораздо больше всего этого. Нена была моимъ вѣрнымъ, испытаннымъ — можно сказать единственнымъ другомъ. Я жилъ въ Булунѣ очень одиноко и былъ далекъ даже съ товарищами по ссылкѣ и по судьбѣ — больше, чѣмъ они, меня интересовала моя собственная внутренняя жизнь: сѣверная ссылка и въ особенности прожитый передъ этимъ годъ на Индигиркѣ въ полномъ одиночествѣ располагали къ самоуглубленію. При такомъ настроеніи Нена, конечно, была для меня другомъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Моя жизнь безъ нея была бы въ то время совершенно иной, и даже сейчасъ, оглядываясь на прошлое, я не представляю, какъ бы я тогда прожилъ безъ нея. Она не навязывалась мнѣ сама, она рабски мнѣ подчинялась и всегда охотно принимала мою ласку. Всю свою жизнь она приспособила къ моимъ привычкамъ — изъ дому она выходила лишь тогда, когда я ей это разрѣшалъ, часами могла она спать подъ столомъ, пока я сидѣлъ за нимъ за своими книгами и тетрадями, съ величайшей радостью сопровождала меня во всѣ мои близкія и дальнія прогулки. Она несомнѣнно изучила мой характеръ и, такъ какъ я велъ довольно регулярный образъ жизни, то и сама отличалась необыкновенной консерватив-

ностью въ своихъ привычкахъ. Конечно, она чуяла меня еще издали, отличая отъ всѣхъ другихъ, прекрасно знала мой голосъ. Я пріучилъ ее къ свисту и былъ одинъ — особенный и пронзительный, на который она спѣшила, гдѣ бы онъ ее не застигъ. Когда я вечеромъ шелъ спать и Нены не было въ избѣ, я обычно влѣзалъ на крышу своего домика и оттуда нѣсколько разъ пронзительно свисталъ этимъ особымъ свистомъ, извѣстнымъ только ей и мнѣ. И всегда проходило не больше нѣсколькихъ мгновеній, рѣдко когда больше полуминуты, какъ Нена вырывалась откуда то изъ мрака ночи и радостно бросалась мнѣ на грудь. При этомъ она иногда отъ стремительнаго бѣга такъ тяжело и прерывисто дышала, что мнѣ было несомнѣнно, что мой свистъ заставалъ ее гдѣ то далеко и она, очевидно, бросая все, мчалась на мой призывъ. Кстати скажу: Нена никогда не выла, лай же ея я слышалъ всего лишь нѣсколько разъ въ жизни — когда что-нибудь особенно ее поражало.

Къ веснѣ я ждалъ отъ Нены приплода и не скрою, что немало этимъ обстоятельствомъ волновался. Нена охотно давала себя ощупывать, ложилась для этого сама на бокъ и, повернувъ ко мнѣ голову, смотрѣла на меня вопрошающими и недоумѣвающими глазами — она какъ будто спрашивала меня: что это во мнѣ завелось, что это во мнѣ шевелится?.. И прижатой ладонью я ясно чувствовалъ эти движенія, они, наконецъ, стали видны даже на глазъ. Наконецъ, пришелъ и самый день.

Это было вечеромъ, я мирно занимался за своимъ столомъ, Нена вотъ уже нѣсколько часовъ какъ то упорно не хотѣла оставить своей постели, которую я со всѣхъ сторонъ обложилъ шкурами, чтобы не дуло съ полу. Вдругъ я услышалъ въ ногахъ какую то подозрительную возню и, бросивъ книгу, нагнулся надъ Неной. Она какъ то странно, пригнувшись къ землѣ, кружилась на мѣстѣ, какъ бы ища болѣе удобнаго положенія, затѣмъ легла. Все тѣло ея дрожало мелкой дрожью. Затѣмъ она вдругъ вся изогнулась, закричала какимъ то страшнымъ новымъ

голосомъ — и въ ногахъ ея появился черный комочекъ величиною съ кулакъ. Съ озабоченнымъ видомъ, оскаливъ зубы, Нена осторожно разрывала клыкомъ облекавшій этотъ комочекъ пузырь... Я тихо позвалъ ее по имени и осторожно погладилъ ея голову. Она вся была мокрая — мокрая отъ испытываемой муки и волненія. Она только на мгновеніе скосила на меня глаза и мимоходомъ слегка лизнула мою руку, давая тѣмъ знать, что она понимаетъ мое участіе и принимаетъ ласку. Въ промежутокъ часа въ ногахъ Нены уже копошились четыре комочка — все съ тою же заботливостью вынимала ихъ Нена изъ пузыря, облизывала ихъ до суха своимъ горячимъ воспаленнымъ языкомъ. И они, эти живые, но еще слѣпые комочки жизни, уже тыкались носами въ материнскіе соски и съ жадностью ихъ сосали. Какъ зачарованный стоялъ я на колѣняхъ надъ Неной и наблюдалъ за этой тайной рожденія. Кто научилъ всему этому Нену, кто подсказалъ ей, что она должна была дѣлать? Я смотрѣлъ и думалъ о таинственной мудрости жизни, неразгаданной мудрости инстинкта... Четыре сухихъ и чистенькихъ блестящихъ комочка лежали въ ногахъ Нены и въ тишинѣ ночи слышно было, какъ они тянули молоко и имъ захлебывались. Счастливая мать лежала неподвижно съ закрытыми отъ утомленія и блаженства глазами...

На утро я внимательно разсмотрѣлъ новорожденныхъ — всѣ четверо показались мнѣ очаровательными. Всѣ четверо имѣли острыя мордашки, торчащія уши и никто изъ нихъ не пищалъ, а только безпомощно растопыривалъ ноги, когда я держалъ его на вѣсу за хвостъ — пріемъ, который примѣняютъ на сѣверѣ для опредѣленія качества родившихся собакъ: если щенокъ при этой операціи не кричитъ, изъ него вырастетъ добрая собака. Всѣ четверо выдержали испытаніе и я отъ души поздравилъ Нену.

Съ жадностью принялась Нена за тѣ лакомые куски, которые я ей приготовилъ. Но тутъ же она меня и насмѣшила. Нена всегда отличалась необычайнымъ чувствомъ

собственности — только за мной однимъ признавала она право отбирать у нея куски, отбирать вещи, ей принадлежавшія. Стоило появиться кому-нибудь постороннему — и Нена всегда, бывало, торопливо проглатывала тѣ куски, которые она оставила, наѣвшись уже досыта. То же чувство собственности она распространяла и на мои вещи, ревниво оберегая ихъ отъ всѣхъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ покушеній на нихъ извнѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ признать, что Нена никогда не «пакостила». «Пакостливой» собакой на сѣверѣ называютъ такую, которой нельзя ничего довѣрить. Нена, наоборотъ, отличалась необыкновенной честностью: ее даже голодной можно было смѣло оставить одну въ комнатѣ и она никогда ничѣмъ не соблазнялась — никогда не брала того, что ей не принадлежало — какимъ бы лакомствомъ это для нея ни являлось. Я часто дѣлалъ Ненѣ такія испытанія и она изъ нихъ всегда выходила блестяще. Но за свое она держалась крѣпкс — чувство собственности къ принадлежавшему Ненѣ по праву у нея было необыкновенное — единственное, въ чемъ я могъ упрекнуть ея характеръ. И вотъ здѣсь случилось такъ, что одинъ изъ ея комочковъ, насосавшись досыта и безтолково тыкаясь во всѣ стороны своей слѣпой мордочкой, перевалился на Ненины куски. И вдругъ со смѣхомъ и изумленіемъ я увидалъ, какъ Нена ощерила свои зубы и зарычала. Правда, рычаніе это не было сердитымъ, она выводила при этомъ какія то рулады и подвизгиванія. Я даже чувствовалъ въ ея голосѣ какое то недоумѣніе. И я долго хохоталъ, но, кажется, и понималъ: дѣйствительно, что то живое, шевелящееся подбирается къ кускамъ (ея кускамъ!), но вмѣстѣ съ тѣмъ это живое есть часть ея самой... Какъ разрѣшить эту дилемму — любовь къ своей собственности, любовь къ себѣ самой... Было отъ чего Ненѣ придти въ недоумѣніе въ ея новомъ, непонятномъ положеніи... Нена вопросительно смотрѣла на меня и какъ будто просила разъяснить, что же все это значитъ, въ концѣ концовъ?..

Жизнь моя наполнилась новымъ содержаніемъ. Долгими часами наблюдалъ я, какъ жила семья Нены, какъ въ каждомъ изъ ея членовъ день за днемъ росло сознаніе. И клянусь — это было интереснѣе многихъ книгъ, которыя у меня стояли на полкахъ! Слѣдить за самимъ источникомъ и теченіемъ жизни, за тѣмъ, какъ возникаетъ и оформляется сознаніе, какъ живое существо — источникъ жизни для другихъ въ будущемъ — въ буквальномъ смыслѣ слова открываетъ глаза на весь Божій міръ, какъ оно воспринимаетъ первыя впечатлѣнія жизни и въ нихъ разбирается — развѣ это не живая философія, не живая наука? И я съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣлъ, наблюдалъ, слѣдилъ — и учился многому.

Надо было дать дѣтямъ Нены имена. Я придумалъ для нихъ оригинальныя клички изъ области якутскихъ междометій. Единственнаго сына Нены я назвалъ «Оксе!» — выраженіе удивленія и уваженія, которое якуты издаютъ при каждомъ неожиданномъ явленіи. Красивую бѣлосѣренькую дочку Нены звали «Сепъ!», равносильное англійскому all right!, съ желтыми подпалинами — «Аллярхай!», т. е. «бѣда! Боже мой!» и сплошь сѣренькую, какъ двѣ капли воды похожую на самое Нену, когда она была щенкомъ я, естественно, назвалъ также «Неной». Каждый такимъ образомъ былъ опредѣленъ, каждый получилъ свое мѣсто. И каждый изъ нихъ очень скоро проявилъ свои особыя индивидуальныя черты характера.

Моей любимицей была «Сёпъ» или, какъ я ее звалъ, «Сёпушка». Это была на рѣдкость ласковая и милая собаченка. Сочетаніе бѣлаго съ сѣрымъ было очень красиво и шерсть ея была какая то особенно пушистая и нѣжная, какъ у первосортнаго песца, окраской своей она даже мѣстами походила на голубого песца блѣдно-дымчатаго цвѣта. Сёпъ была наиболѣе игривымъ щеночкомъ. Маленькая Нена была точнымъ повтореніемъ матери, но благодаря хорошему питанію матери она сдѣлалась немного тучной и, грѣшнымъ дѣломъ, больше другихъ любила и поѣсть и

поспать. Поэтому въ дружескомъ кругу мы ее еще прозвали «купчихой» — якутскихъ купчихъ съ такими наклонностями въ Булунѣ было, дѣйствительно, нѣсколько. «Аллярхай» была быть можетъ наименѣе удачнымъ произведеніемъ Нены — какъ то безъ особенной индивидуальности. Что касается «Оксе», то это была серьезная штука. Головастый, съ крупными лапами, крѣпко сколоченный, онъ значительно отличался отъ своихъ изящныхъ и легкихъ сестеръ. Не знаю почему, но я былъ къ нему какъ то пристрастенъ — за проступки я его наказывалъ строже, чѣмъ другихъ — между тѣмъ, какъ сейчасъ припоминаю, это былъ очень добродушный песъ. Случаются такія несправедливости въ семьяхъ. Моя несправедливость отразилась на его характерѣ — я замѣчалъ, что, играя съ другими, онъ бѣдняга, всегда косился однимъ глазомъ на меня, и — стоило мнѣ сдѣлать рѣзкое движеніе, какъ онъ уже начиналъ кричать и стрѣлой неуклюже несся подъ кровать или на постель къ матери. Любопытно было наблюдать, какъ своей придирчивостью къ нему я внушалъ ему слишкомъ низкую оцѣнку самого себя. Росъ и развивался онъ быстрѣе своихъ сестеръ, но долго тщательно избѣгалъ дракъ съ другими собаками и, въ случаяхъ столкновенія, предпочиталъ ретироваться. Но однажды я замѣтилъ, какъ онъ вынужденъ былъ къ оборонѣ, такъ какъ отступленіе ему было отрѣзано: съ жалобнымъ визгомъ онъ вцѣпился въ ухо своему противнику и своей здоровенной черной лапой нанесъ другой собаченкѣ такой ударъ, что та перевернулась. Эффектъ былъ неожиданный — остальные противники подались назадъ, а самъ онъ въ недоумѣніи остановился. Этотъ моментъ переродилъ его характеръ — онъ вдругъ почувствовалъ свою силу и тогда уже самъ рѣшительно перешелъ въ наступленіе. Противники съ визгомъ разсыпались. Съ момента этой стычки Оксе сталъ другимъ — теперь онъ охотно самъ нападалъ на собакъ и сознаніе своего явнаго физическаго превосходства доставляло ему видимое удовольствіе. Оксе сталъ достойнымъ сы-

номъ Мойтрука. Скоро всѣ булунскія собаки должны были почувствовать это его превосходство. Но ко мнѣ онъ сохранилъ прежній піэтетъ, связанный со страхомъ — отголоскъ его дѣтскихъ воспоминаній.

Когда щенята подросли, мнѣ пришлось раздать ихъ пріятелямъ и знакомымъ въ Булунѣ. Но они долго еще ходили ко мнѣ въ гости и забавно было смотрѣть, какъ Нена при встрѣчахъ каждаго изъ нихъ обслѣдовала, заботливо обнюхивая со всѣхъ сторонъ — какъ будто она ихъ при этомъ свидѣтельствовала и, быстро закончивъ эту операцію, равнодушно отходила въ сторону. Казалось, она имъ говорила: «выросъ — и живи своимъ умомъ, нечего больше на мать разсчитывать!»

Пришелъ май, чувствовалось уже приближеніе весны. Давно уже прилетѣли первые ея вѣстники — жизнерадостные «снѣгирьки» (лапландскіе подорожники). Появились, наконецъ, и чайки. Ждали гусей.

Еще зимой я рѣшилъ встрѣчать эту весну въ Сиктяхѣ, маленькомъ лѣтнемъ рыбачьемъ поселкѣ, верстахъ въ двухстахъ выше Булуна по Ленѣ. Благодаря особымъ природнымъ условіямъ — сдавленности въ этомъ мѣстѣ ленской долины — Сиктяхъ для охотниковъ представлялъ особый интересъ: тамъ былъ всегда особенно интенсивный весенній пролетъ всякой болотной дичи — лебедей, гусей, утокъ, куликовъ. А я въ это время увлекался орнитологіей и Сиктяхъ намѣтилъ для себя, какъ наблюдательный пунктъ.

Въ путь отправился я въ первыхъ числахъ мая. Я самъ управлялъ оленями и нарта моя быстро мчалась вдоль береговъ или по самой Ленѣ между огромныхъ изломанныхъ «торосовъ» (льдины), поставленныхъ торчкомъ во время осенняго рѣкостава. Нена бѣжала сзади. При ѣздѣ на оленяхъ собака никогда не бываетъ «простая» (т. е. непривязанная), такъ какъ обычно олени пугаются собаки и бросаются отъ нея, сломя голову, въ сторону. Нена понимала это и не протестовала, — хотя мнѣ и было ее

жалко, но я боялся повредить ея репутаціи въ глазахъ моего проводника-якута, посадивъ ее на нарту. Ѣхать пришлось по кочевьямъ тунгусовъ и оленныхъ якутовъ, которые въ это время года мѣняютъ свои пастбища. Ночевали мы въ ихъ палаткахъ изъ оленьей ровдуги (выдѣланная на подобіе замши кожа). Нена немедленно забиралась въ палатку и спала всегда у меня въ ногахъ, ни на минуту не покидая хозяина. Она хорошо знала свое мѣсто.

Тутъ впервые она меня поразила однимъ своимъ качествомъ, которое позднѣе мнѣ такъ часто приходилось подвергать испытанію — она удивила меня своей необычайной способностью приспособленія къ новой обстановкѣ. Это чувство приспособленія, несомнѣнно, было у нея врожденное — отъ тѣхъ ея дикихъ предковъ, которые жили всегда на лонѣ природы. Она чувствовала, видимо, себя во время этого моего кочеванія и въ тунгусскихъ палаткахъ такъ, какъ будто всю свою жизнь только и дѣлала, что кочевала и жила по палаткамъ среди снѣговъ. Для меня очевидно было, что такая перемѣна жизни ей даже нравилась.

Черезъ три дня восхитительнаго путешествія мы пріѣхали въ Сиктяхъ. Тамъ было около 6—8 нежилыхъ якутскихъ юртъ, мнѣ предстояло поселиться въ одной изъ нихъ. Съ помощью якута-проводника я выбралъ ту, которая мнѣ показалась опрятнѣе и сохраннѣе, очистилъ камелекъ и внутренность юрты отъ снѣга и подтащилъ къ ней свою «вѣтку», которую предусмотрительно привезъ съ собой на особой нартѣ изъ Булуна. Затѣмъ напоилъ проводника чаемъ и отправилъ его во свояси. Я остался одинъ съ Неной — на сотни верстъ кругомъ не было живой человѣческой души.

Три или четыре первые дня мнѣ пришлось затратить на оборудованіе своего дома. Послѣдній разъ въ немъ жили лѣтомъ, зимнія пурги, конечно, жестоко его потрепали. Ту груду московскихъ и петербургскихъ газетъ, которую я привезъ съ собой для чтенія, пришлось истратить на то,

чтобы по возможности заткнуть всѣ тѣ многочисленныя щели, изъ которыхъ вывалился мохъ. Затѣмъ надо было запастись льдомъ для чайника и для кухни, натащить дровъ. Въ этой работѣ мнѣ добросовѣстно помогала Нена.

Зажилъ я Робинзономъ. Гуси еще не показывались. Я или на лыжахъ бродилъ съ Неной по окрестностямъ или лежалъ въ своей юртенкѣ за книгой, грѣясь у камелька. Мерзъ, немножко голодалъ, но былъ счастливъ.

Есть какое то неизъяснимое наслажденіе въ такой жизни — вдали отъ людей, вдали отъ всего, наединѣ съ самимъ собой, среди дикой и чужой обстановки. Солнце уже перестало закатываться, ночью оно становилось розовымъ и волшебнымъ свѣтомъ окрашивало снѣгъ. Бормотали по ночамъ куропатки. Однажды онѣ даже устроили свое токовище у меня на крышѣ, чѣмъ привели Нену въ неописуемое волненіе. Но и я оказался чрезвычайно воспріимчивымъ къ голосамъ весны. Первый же пролетѣвшій надъ Сиктяхомъ гусь прогналъ мой сонъ — я немедленно услыхалъ его крикъ и вскочилъ съ постели.

Съ этой минуты я потерялъ покой. Гуси — сначала парами, потомъ вереницами. Стройными станицами пролетали царственные лебеди, звонко трубя серебряными голосами. Шумливыми черными толпами низко надо льдомъ рѣки стремились утки. Безконечное множество куличковъ-песочниковъ, плавунчиковъ, турухтановъ, камнешарокъ. Бекасы, кроншнепы... Кого, кого тутъ не было. Притаившись за льдиной, я сидѣлъ съ ружьемъ и не могъ налюбоваться на это нашествіе. Скоро мнѣ надоѣло стрѣлять и двухстволку я замѣнилъ биноклемъ. Мнѣ нравилось, лежа на снѣгу, слѣдить за южнымъ горизонтомъ, откуда текла Лена. Я смотрѣлъ, какъ изъ-за горизонта одна за другой появлялись стаи птицъ, какъ вѣеромъ, пучками, пачками разбрасывались онѣ по воздуху — непрерывно, непрестанно. Это походило на какой то фейерверкъ, какъ будто гдѣ то тамъ далеко, на горизонтѣ, пучками другъ за другомъ вылетаютъ звѣзды римскихъ свѣчей и разсыпаются въ вы-

шинѣ. Воздухъ былъ полонъ ликующаго весенняго гама, видно было, что сами птицы опьянены своимъ количествомъ, своимъ крикомъ, весной, солнцемъ.

Нена должно быть переживала нѣчто подобное тому, что переживалъ я. Она послушно лежала рядомъ въ снѣгу и не отрываясь глядѣла на этотъ птичій потокъ — глаза ея горѣли.

Около мѣсяца прожилъ я въ Сиктяхѣ — изъ нихъ не меньше двухъ сплошныхъ недѣль продолжалась эта вакханалія сѣверной весны.

Солнце уже растопило льдину въ моемъ окнѣ и мнѣ пришлось замѣнить ее вдвое сложеннымъ листомъ Русскихъ Вѣдомостей. Въ ночь на первое іюня наступилъ такъ долго жданный моментъ — тронулась Лена.

Кто не видѣлъ ледохода на Ленѣ, тотъ не можетъ себѣ и представить этой картины во всемъ ея величіи. По размѣрамъ своимъ Лена считается одной изъ самыхъ большихъ въ мірѣ рѣкъ — если не ошибаюсь, ее считаютъ третьей (сначала, кажется, Амазонка, потомъ Нилъ). Длина ея досихъ поръ не установлена — кто считаетъ 2.700 верстъ, кто 3.500. Ширина ея у Якутска — около 10 верстъ, нѣсколько ниже достигаетъ 60 верстъ (конечно, съ островами), но возлѣ Сиктяха и Булуна она сдавлена каменными берегами и идетъ однимъ русломъ шириною не болѣе трехъ верстъ — какъ бы въ каменномъ жерлѣ. О силѣ и количествѣ воды въ Ленѣ можно судить по тому, что ширина ея морской дельты равняется пятистамъ верстамъ! Тамъ она разбивается на безчисленное количество рукавовъ и интересно, что до сихъ поръ еще не найдено то основное русло, которымъ Лена впадаетъ въ океанъ, прокладывая себѣ дорогу къ морю черезъ груды ила, песка, вырванныхъ съ корнями деревьевъ, вынесенныхъ громадой водъ... Уже по однимъ этимъ даннымъ можно судить, что изъ себя долженъ представлять ея весенній ледоходъ. Добавьте къ этому, что ледъ на Ленѣ достигаетъ 3—4 аршинъ толщины. Теперь вообразите сами, что можетъ происходить на Ленѣ во вре-

мя ледохода, когда образуется въ какомъ-нибудь мѣстѣ ея заторъ. Заторъ происходитъ обычно въ изгибѣ рѣки, гдѣ собирается много льдинъ, и образуетъ естественную плотину. Вся масса воды и колоссальныхъ льдинъ, напираетъ на эту плотину — вода быстро поднимается, льдины — величиной въ цѣлые дома — сталкиваются, растираются въ порошокъ или громоздятся одна на другую. А сзади идетъ новая вода, идутъ новыя льдины... Во сколько лошадиныхъ силъ должно образоваться здѣсь давленіе? — Какой математикъ разрѣшитъ эту задачу? Я видѣлъ, какъ льдинами Лена срѣзала края берега съ деревьями съ такой же легкостью, съ какой ножъ рѣжетъ масло. Я наблюдалъ однажды въ теченіе по крайней мѣрѣ полуминуты грандіозную картину фонтана изъ огромныхъ льдинъ, которыя съ чудовищной силой выбрасывались на воздухъ... И все кругомъ полно гула и грохота, сопровождаемаго стекляннымъ звономъ разсыпающихся льдинокъ...

А какіе храмы, часовни, памятники остались на берегахъ, когда схлынула первая бурная вода! Какимъ сверкающимъ свѣтомъ сверкали они на фонѣ черной воды и голубого неба, прозрачные какъ стекло, какъ леденцы! Какъ интересно было пролѣзать запутаннымъ, причудливымъ лабиринтомъ между этими перевернутыми, поставленными торчкомъ, нагроможденными одинъ на другой такъ, что они образовывали своды, торосами...

Проходили по рѣкѣ уже послѣднія льдины, а берегъ все еще былъ усѣянъ этими громадами. Вотъ, наконецъ, показался и первый паузокъ съ рыбаками, плывущими на низовые пески Лены изъ Якутска. Мы съ Неной давно уже караулимъ этотъ моментъ — наши вещи собраны и сложены. Я нѣсколько разъ стрѣляю изъ ружья, мнѣ съ паузка отвѣчаютъ тѣмъ же (таковъ здѣсь обычай) — и паузокъ подходитъ къ берегу. Черезъ нѣсколько минутъ мы съ Неной вмѣстѣ съ нашими вещами уже на паузкѣ. Тамъ, вмѣстѣ съ якутами-рыбаками, обтрепанный русскій — оказывается, какой то заблудшій въ Якутскъ актеръ. Онъ раз-

сказываетъ мнѣ якутскія новости, угощаетъ меня жареной картошкой — лакомство, которое въ Булунѣ весной всегда является такимъ желаннымъ и такимъ вкуснымъ.

Черезъ сутки я уже дома, въ Булунѣ. Насъ торжественно, съ ружейными выстрѣлами, встрѣчаетъ все населеніе — я радостно здороваюсь съ товарищами, Нена озабоченно обнюхиваетъ своихъ выросшихъ дѣтей, которыя визжатъ отъ радости.

Проходитъ лѣто. Приближается конецъ моей ссылки — съ послѣднимъ пароходомъ я ѣду въ августѣ въ Якутскъ. Новыя впечатлѣнія, новая для Нены пароходная обстановка. Ее, видимо, поражаютъ эти перемѣны и она инстинктивно жмется ко мнѣ, увѣренная въ томъ, что я все знаю, все понимаю.

Якутскъ произвелъ на нее сильное впечатлѣніе своими улицами, домами, множествомъ народа (по сравненію съ Булуномъ, конечно, гдѣ всего то было не больше тридцати домовъ). Но, признаться, и я былъ взволнованъ. Вѣдь я уже четыре года не видѣлъ такого большого города, четыре года жилъ по существу въ условіяхъ охотничьей, кочевой жизни. Помню, съ какимъ изумленіемъ остановился я при встрѣчѣ съ какой то мѣстной щеголихой, одѣтой по послѣдней модѣ, дошедшей до Якутска. Была она въ очень короткой и очень узкой юбкѣ и я былъ такъ пораженъ ея необыкновеннымъ видомъ, что остановился и смотрѣлъ ей вслѣдъ, пока она не скрылась изъ вида. Но я также замѣтилъ, что и прохожіе съ любопытствомъ на меня оглядываются — очевидно, и мой сѣверный костюмъ отличался отъ мѣстнаго. Со смѣхомъ поймалъ я себя также на томъ, что, ходя по городу, я, оказывается, предпочиталъ ходить серединой улицы, а не тротуаромъ. Очевидно, за эти четыре года одичаніе коснулось и меня.

Нена въ Якутскѣ обращала на себя большое вниманіе и меня прохожіе нерѣдко спрашивали, не волкъ ли это. Мнѣ такое вниманіе къ ней было пріятно.

Теперь каждый день подносилъ Ненѣ сюрпризы. Большіе дома, лѣстницы, большія комнаты, на улицахъ какія то странныя грохочущія сооруженія на колесахъ (Нена въ своей жизни видѣла только сани), какія то необыкновенныя собаки.

Пора было возвращаться въ Россію. Сначала на пароходѣ до Витима, и затѣмъ до Жигалова на «шитикахъ» (небольшія крытыя лодки), которые на канатѣ тянутъ лошади, наконецъ, на перекладныхъ отъ Жигалова нѣсколько сотъ верстъ до Иркутска. Около мѣсяца продолжалось наше путешествіе. За это время я еще больше полюбилъ Нену за ея неприхотливость и готовность примириться съ любой обстановкой. Цѣлыми днями она мирно лежала въ каютѣ, ничѣмъ не выдавая своего присутствія и съ благодарностью принимая отъ меня предложеніе прогуляться по берегу во время остановки парохода. Смирно сидѣла она рядомъ со мной на кормѣ шитика и, наконецъ, что было, вѣроятно, для нея наиболѣе мучительно — не меньше недѣли просидѣла у меня въ ногахъ въ тѣсномъ тарантасѣ на перекладныхъ. Ни разу она не протестовала, ни разу она меня не ослушалась.

Иркутскъ, конечно, былъ уже значительно серьезнѣе Якутска. Помню, что и я волновался, подъѣзжая къ нему — вѣдь здѣсь была уже желѣзная дорога, по которой черезъ семь дней можно домчаться до Москвы, здѣсь можно было получить отвѣтъ на свое письмо черезъ двѣ недѣли, значитъ очень скоро узнать все и обо всѣхъ... Съ нетерпѣніемъ соскочилъ я съ пыльнаго тарантаса, остановившагося передъ гостиницей. Нена, конечно, выскочила еще раньше меня. И какъ не былъ я взволнованъ пріѣздомъ, я не могъ не обратить вниманія на поведеніе Нены. Выпрыгнувъ изъ тарантаса, она бѣжала по мостовой, низко опустивъ голову и обнюхивая на бѣгу каждый камень — временами она останавливалась и скребла лапой. Бѣдная дикарка была, очевидно, поражена, почему это всѣ камни лежатъ такъ

ровно и такъ близко одинъ къ другому ... Я испыталъ чувство гордости за городскую цивилизацію.

Повидимому, Нену сильно смущали тѣ разнообразные запахи, которыхъ такъ много всегда въ каждомъ городѣ. Я долго не могъ понять, почему она всегда въ такомъ волненіи останавливается на углу, мимо котораго намъ часто приходилось проходить, — пока не встрѣтилъ однажды на немъ татарина, продававшаго лисьи шкурки: на этомъ углу, оказывается, была его любимая стоянка.

Однажды я испыталъ съ Неной довольно непріятное приключеніе. Мы прогуливались по Большой улицѣ, причемъ Нена чинно бѣжала впереди меня по тротуару. Вдругъ она сдѣлала нѣсколько большихъ прыжковъ, догнала шедшую впереди даму и, вставъ на заднія лапы, оперлась передними на ея спину — у Нены, оказывается, появилась потребность обязательно понюхать горжетку изъ песца, которая была на шеѣ этой дамы. Можно себѣ представить тотъ визгъ, который подняла испуганная дама, подвергшаяся неожиданному нападенію «волка», глупость моего положенія и недоумѣніе Нены, которой я строго выговаривалъ за ея поступокъ. Съ тѣхъ поръ на улицѣ я уже не спускалъ Нену съ ремня.

По желѣзной дорогѣ ѣхать оказалось гораздо легче, чѣмъ я думалъ.

За эти пять тысячъ верстъ желѣзнодорожнаго пути я еще больше оцѣнилъ поразительную способность Нены къ приспособленію — для такой дикарки, какой по существу оставалась Нена, прожить цѣлую недѣлю въ трудныхъ условіяхъ вагонной жизни было, конечно, настоящимъ подвигомъ.

Въ Москвѣ среди домашнихъ Нена произвела фуроръ — они знали уже о ней по моимъ письмамъ и ждали ее. Очень скоро сдѣлалась она любимицей дома.

Особенно подружилась она съ моей маленькой племянницей. Вѣрочка была въ восторгѣ, когда я сшилъ Ненѣ упряжь и заставилъ ее возить Вѣрочку въ саняхъ по дво-

ру — даже посторонніе любовались этимъ, какъ невиданнымъ зрѣлищемъ. Любила еще Вѣрочка играть съ Неной въ прятки. Для этого онѣ вдвоемъ спускались вечеромъ въ контору, когда тамъ уже кончались занятія. Вѣрочка зажигала во всѣхъ комнатахъ электричество и пряталась гдѣнибудь за дверью или подъ конторкой, откуда и кричала свое: «ку-ку, Нена!» — Нена срывалась съ мѣста и начинала носиться по большимъ комнатамъ, перепрыгивая черезъ стулья, вскакивая на столы, но ничего съ нихъ не роняя, проявляя необыкновенную энергію и подвижность. Въ эти минуты Нена была такъ красива! Горящіе глаза, алый языкъ въ разинутой пасти, бѣлые клыки — и сама вся трепещущая, вся напряженная. Со смѣхомъ я замѣчалъ, какъ она стремглавъ проскакивала мимо той двери, за которой пряталась Вѣрочка, косясь въ то же время на нее однимъ глазомъ. Она поняла смыслъ игры и несомнѣнно дѣлала видъ, что не замѣчаетъ Вѣрочки — она, которой вовсе не нужны были глаза, чтобы знать навѣрняка, за какой дверью Вѣрочка пряталась, она, которая издали носомъ своимъ все уже чуяла и распознавала. Но она хотѣла продлить удовольствіе Вѣрочкѣ, хотѣла продлить удовольствіе отъ этой игры и бѣготни самой себѣ. И обѣ довольныя возвращались наверхъ — Вѣрочка, разгоряченная, хохочущая, съ растрепанной косичкой, Нена — тоже возбужденная, съ высунутымъ языкомъ, оскаленной пастью. И придя наверхъ, Нена послушно ложилась на свой коврикъ и часами лежала смирно, зная, что наверху не полагается буянить.

Вездѣ въ магазинахъ и на улицахъ Нена обращала на себя вниманіе. Ее знали всюду на Кузнецкомъ мосту, на углу котораго мы въ то время жили — незнакомые люди подходили ко мнѣ и спрашивали, чья это собака и что это за порода. И это вниманіе къ Ненѣ доставляло мнѣ истинное удовольствіе.

Когда въ Москвѣ открылась собачья выставка, я нашелъ время сидѣть съ Неной цѣлыми днями и принялъ,

какъ нѣчто должное, когда Ненѣ жюри присудили золотую медаль и большую серебряную. Аттестатъ объ этомъ я повѣсилъ дома надъ ея коврикомъ.

Мнѣ приходилось за это время нѣсколько разъ уѣзжать по дѣламъ въ Петербургъ и разставаться съ Неной — и мы потомъ, послѣ разлуки, оба одинаково радовались встрѣчамъ. Нена при видѣ меня бросалась мнѣ на грудь и какъ то въ мгновеніе ока проводила горячимъ языкомъ по всему моему лицу — я бранился, но въ душѣ всегда былъ доволенъ. Домашніе мнѣ разсказывали, что безъ меня Нена ходила какая то потерянная и сразу находила себя при моемъ возвращеніи — она успокаивалась и безъ всякаго приглашенія снова переселялась на ночь въ мою комнату.

Больше года прожили мы съ Неной въ Москвѣ.

Въ концѣ лѣта мнѣ необходимо было по дѣламъ съѣздить въ Забайкалье. Съ большой неохотой разставался я съ Неной, тѣмъ болѣе что мои домашніе уѣзжали на Кавказское Черноморье и мнѣ приходилось отправлять ее туда. Я боялся, что родившаяся на далекомъ сѣверѣ Нена не сможетъ акклиматизироваться къ югу, да еще въ самый знойный лѣтній періодъ.

Полтора мѣсяца я былъ въ отсутствіи и изъ Сибири прямо проѣхалъ къ Черному морю.

Нену я нашелъ въ полномъ здравіи. Она даже поразила меня своимъ цвѣтущимъ видомъ и тѣмъ, что какъ будто вполнѣ приспособилась къ обстановкѣ, которая такъ непохожа была на долину Хараулаха и на низовья Лены.

Въ первый день моего пріѣзда радости Нены не было границъ. Она прыгала вокругъ меня, лизала мнѣ руки и лицо, ни на шагъ не отходила отъ меня. На ночь она, конечно, сама пришла ко мнѣ въ комнату и устроилась на коврикѣ возлѣ моей кровати. Она лежала, положивъ между лапъ голову и не спуская съ меня глазъ и я понималъ, что она говорила мнѣ своимъ молчаливымъ взглядомъ: «ну,

наконецъ то опять все въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ — «Онъ!» здѣсь, «Онъ!» со мной».

Опять, какъ бывало въ Булунѣ, я уходилъ съ Неной въ лѣсъ и горы. Она рыскала между деревьевъ, принюхивалась къ каждому слѣду, оставленному зайцемъ — какъ и на сѣверѣ, безъ труда читала книгу лѣсныхъ тайнъ и совсѣмъ не боялась колючекъ, которыхъ такъ много въ черноморскихъ лѣсахъ и которыя для тамошняго путника являются такой непріятной помѣхой.

Каждое утро провожала она меня къ морю, но никогда не подходила къ нему близко и ложилась среди кустовъ, пристально слѣдя издали за «Его!» платьемъ, пока я купался. Напрасно я звалъ ее къ себѣ изъ воды — она неподвижно лежала на мѣстѣ, несомнѣнно страдая отъ того, что не могла исполнить моихъ приказаній. Только изъ разспросовъ я понялъ, почему она всегда держалась на такомъ почтительномъ отдаленіи отъ моря. Когда Нена въ первый разъ очутилась на берегу, она смѣло подбѣжала къ водѣ и попробовала напиться. Но море обмануло ее — Нена скорчила гримасу, нѣсколько разъ съ недовольнымъ видомъ покрутила головой и отбѣжала въ сторону. Съ той поры она прониклась недовѣріемъ къ морю и даже я не могъ переубѣдить ее въ этомъ.

Къ моему большому удивленію Нена полюбила южное солнце. Она часами лежала на солнечномъ припекѣ, когда мы, наоборотъ, старались спрятаться отъ солнца въ тѣнь. Это были настоящія солнечныя ванны — шерсть ея становилась такой горячей, что трудно было къ ней прикоснуться. И когда я съ удивленіемъ спрашивалъ Нену, какъ она можетъ это терпѣть, она лишь закидывала назадъ голову, чтобы заглянуть мнѣ въ глаза и лѣниво била кончикомъ хвоста по землѣ.

Мнѣ не удалось прожить долго вмѣстѣ съ Неной — дѣла звали меня назадъ въ Москву. Ѣхалъ я неохотно и съ болью въ душѣ разставался съ Неной — какъ будто предчувствовалъ, что это была наша послѣдняя встрѣча. Еще и

сейчасъ я вижу, какъ она стоитъ за калиткой, просунувъ свою острую морду между досокъ и долгимъ немигающимъ взглядомъ глядитъ мнѣ вслѣдъ. Еще сейчасъ слышу ея надрывающій полулай-полувой, которымъ она провожала мой отъѣздъ, прыгая вдоль забора.

Въ каждомъ письмѣ изъ дому мнѣ писали о Ненѣ, такъ какъ знали, что я по ней скучаю не меньше, чѣмъ она по мнѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я началъ получать о ней тревожныя свѣдѣнія: Нена плохо ѣстъ, скучаетъ, сильно похудѣла. У нея начались какія то судороги, какъ будто ее начала трепать лихорадка. Начали давать ей хининъ — не помогаетъ.

Наконецъ, получилъ отъ сестры письмо, которое начиналось такими словами: «у насъ большое горе — не знаемъ, какъ тебѣ написать объ этомъ. Ты, конечно, догадался — я говорю о Ненѣ. Да, Нена сегодня умерла... Мы ее похоронили на томъ мѣстѣ, которое ты такъ любилъ — у «трехъ братьевъ», помнишь — тѣхъ трехъ дубовъ, откуда видны и море, и долина и горы»...

Мнѣ не стыдно признаться, что при чтеніи этого письма я плакалъ.

В. Зензиновъ.

Вижу росы, и пою:
Ахъ, когда къ престолу Божью
Я взойду по бездорожью
И печаль мою пролью!

Вижу лодку, и пою:
Ты, ладья, рѣкой широкой
Въ запредѣльный край далекій
Унеси тоску мою.

Вижу землю, и пою:
Ты возьми, земля, земное,
Для Любви моей иное
Отъ тебя я утаю.

Вижу солнце, и пою:
На закатѣ дымно-аломъ
Ты окутай покрываломъ
Душу скорбную мою.

Вижу небо, и пою:
Въ раскаленную дорогу
Къ несказанному чертогу
Душу вознеси мою.

13 мая 1922.

Ѳедоръ Сологубъ.

— Ты — Воскресеніе! Ты, Смертью смерть поправъ,
Свершила темный путь, — скажу ль, необратимый?
— Я — Воскресеніе, и ты со мной, любимый.
Смотри, какъ радужно сверканье райскихъ травъ! —

— А горечь терпкая земныхъ твоихъ отравъ,
И этотъ грозный рокъ, нѣмой, неумолимый?
— Въ обидѣ горестной, въ тоскѣ невыносимой
Прошла я тяжкій путь, но этотъ путь былъ правъ. —

— Ко мнѣ ты низошла горящимъ серафимомъ.
Вся жизнь моя была во тьмѣ ползущимъ дымомъ.
Простила ли ты мнѣ безумство дикихъ дней? —

— Предъ нами вѣчный міръ, безмѣрный, многоликій.
Я — Воскресеніе! Во мнѣ огонь великій.
Смотри, какъ таетъ дымъ тѣхъ низменныхъ огней. —

15 апрѣля 1922.

Ѳедоръ Сологубъ.

Какъ я съ Тобой ни спорилъ, Боже,
Какъ на Тебя ни возставалъ,
Ты въ небѣ на змѣиной кожѣ
Моихъ грѣховъ не начерталъ.

Что я Тебѣ? Твой рабъ ничтожный,
Или Твой сынъ, иль просто вещь,
Но тотъ, кто жилъ во мнѣ, тревожный,
Всегда горѣлъ, всегда былъ вѣщъ.

И много ль я посѣялъ зеренъ,
И много ль зарослей я сжегъ,
Но я и въ бунтѣ былъ покоренъ
Твоимъ велѣньямъ, вѣчный Богъ.

Ты посѣтилъ меня, и горемъ
Всю душу мнѣ Ты сжегъ до тла, —
Съ Тобой мы больше не заспоримъ.
Все рѣшено, вся жизнь прошла.

Въ оцѣпенѣніи жестокомъ,
Какъ бурею разбитый челнъ,
Я уношусь большимъ потокомъ
По прихоти безмѣрныхъ волнъ.

11 марта 1922.

Ѳедоръ Сологубъ

ЗЕМЛИ, ЗЕМЛИ!

(Наблюденія, размышленія, замѣтки).

(Продолженіе).*

VII.

Прокламаціи въ 1902-мъ году.

Это было ровно черезъ десять лѣтъ послѣ астыревскихъ прокламацій и моей дорожной встрѣчи, описанной въ первой главѣ, когда въ нашемъ тихомъ землеробномъ краю тоже появились прокламаціи. И опять это было весной.

По шляхамъ, начинавшимъ просыхать послѣ довольно суровой безснѣжной зимы, раннимъ утромъ проѣзжающіе на базаръ мужики увидѣли разбросанные тамъ и сямъ листочки. Чтобы ихъ не уносило вѣтромъ, кто-то старательно придавливалъ ихъ камешками или грудой земли. Бумажки кидались въ глаза. Мужики останавливали возы, медлительно сходили съ нихъ, подымали листочки, прочитывали, если попадались грамотные, или увозили съ собой для прочтенія.

Характерно. Отъ Петра Павловича Старицкаго, стараго земца, предсѣдателя уѣздной земской управы я слышалъ (со словъ исправника), что ни одного экземпляра

*) „Совр. Зап.", кн. XI.

долгое время не было доставлено въ полицію... Пришлось употребить особыя мѣры, чтобы добыть таинственный листокъ. Какъ-то въ уѣздную управу пришелъ довольно богатый казакъ, землевладѣлецъ полтавскаго уѣзда изъ подъ дер. Лисичьей, гдѣ, какъ говорили, появилось особенно много прокламацій. Онъ разсказалъ П. П. Старицкому, что исправникъ по пріятельству просилъ его достать для него хоть одну прокламацію. Казакъ былъ человѣкъ популярный, „благодѣтель" деревни, дававшій деньги въ ростъ, снабжавшій въ долгъ сѣменами и землей въ аренду. Однимъ словомъ, человѣкъ изъ того слоя, который въ то время былъ такъ близокъ властямъ и силенъ въ деревнѣ. Желая услужить начальству, онъ призвалъ одного изъ своихъ кліентовъ, у котораго, какъ онъ зналъ, навѣрное былъ листокъ. Но тотъ отвѣтилъ рѣшительно, что у него «тоі бумаги немае»...

— Ну, якъ у васъ для мене нема бумажки, то у мене для васъ нема ни земли, ни зерна... нечогисенько...

Подъ такимъ ощутительнымъ давленіемъ, бумажка нашлась. Въ ней говорилось о землѣ.

Стали, разумѣется, искать корней и нитей. Въ Лисичьей жилъ между прочимъ поднадзорный студентъ Алексенко. Казакъ, не называя прямо, намекалъ все-таки, что молва считаетъ его центромъ этой агитаціи, какъ вѣроятно въ другихъ мѣстахъ считались центрами другіе поднадзорные. У Алексенко произвели обыскъ. Но когда захотѣли произвести и у его знакомыхъ молодыхъ крестьянъ, то мужики, говорятъ, заволновались, не дали понятыхъ, не позволили сотскимъ итти съ полиціей.

Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ явился и самъ Алексенко.

Это оказался юноша небольшого роста, смирнаго вида, съ нервнымъ лицомъ и большими печальными, какъ будто испуганными глазами. Слухи о его важной роли, очевидно, его обезпокоили. Зная, что я жилъ тогда въ домѣ предсѣдателя управы Старицкаго, онъ просилъ узнать

у него, что именно говорилъ ему казакъ изъ подъ Лисичьей. Я спросилъ его откровенно и „между нами“ — было ли что нибудь въ этомъ родѣ съ его стороны. Онъ отвѣтилъ (и я увѣренъ, съ полною искренностью), что никакихъ прокламацій не разбрасывалъ и не передавалъ, и всѣ его отношенія съ деревенскими сверстниками, съ которыми онъ росъ въ деревнѣ, ограничивались дружескимъ знакомствомъ съ чтеніемъ легальныхъ книгъ.

Тѣмъ не менѣе его вскорѣ арестовали и его фигура, по разнымъ стороннимъ разсказамъ, вскорѣ выросла до сказочныхъ размѣровъ могущественнаго агитатора, державшаго въ рукахъ всю округу...

Мнѣ, наконецъ, удалось достать одинъ экземпляръ прокламаціи. Это оказался простой переводъ одной изъ прокламацій къ рабочимъ, не особенно даже приспособленный къ деревнѣ. Въ ней говорилось, что царь окруженъ господами и что народу необходима свобода собраній и слова для обсужденія своихъ нуждъ. Составители, очевидно, не придавали листку значенія прямого призыва, а только, какъ когда-то я и Астыревъ, пытались возбудить въ народѣ интересъ къ борьбѣ за политическую свободу.

Кстати и годы были тяжелые. Были сильные неурожаи. Въ моей записной книжкѣ отмѣчено между прочимъ: „Продовольствіе изъято изъ вѣдѣнія земства, а земскіе начальники ведутъ его прямо по лукояновски... Передаютъ о случаяхъ поразительной небрежности... Народъ не видитъ выхода вообще, а тутъ еще тяжелая и мало обѣщающая весна“.

Трудно опредѣлить, какую именно роль играли въ дальнѣйшемъ прокламаціи. Характерна во всякомъ случаѣ необыкновенная воспріимчивость къ нимъ. Газеты того времени отмѣчали появленіе разныхъ толковъ и слуховъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ составлялись даже постановленія сходовъ, касающіяся земли и необходимости надѣленія ею. Съ однимъ такимъ

газетнымъ извѣстіемъ изъ Воронежской губерніи въ памяти моей связывается характерный эпизодъ.

Я проѣзжалъ черезъ Харьковъ и съ вокзала везъ меня престарѣлый извозчикъ, какъ разъ изъ Воронежской губерніи. Это былъ совершенно сѣдой старецъ, суровый деревенскій консерваторъ или, какъ впослѣдствіи называли, „черносотенецъ". Дорогой онъ разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ въ Харьковѣ „безобразятъ студенты". Это было вскорѣ послѣ одной изъ манифестацій: студенты и рабочіе вышли на улицу, побили (по установленной традиціи) окна въ редакціи газеты Юзефовича, казаки ходили въ атаку съ нагайками и т. д. Старикъ негодовалъ на студентовъ и рабочихъ и съ большимъ злорадствомъ передавалъ отзывъ какихъ-то офицеровъ, обѣщавшихъ скорую расправу съ „этими сволочами". Мнѣ стало любопытно, что онъ скажетъ о требованіяхъ деревни, и я прочелъ ему краткую выдержку о постановленіяхъ крестьянъ Воронежской губерніи. Дѣйствіе этого извѣстія оказалось прямо поразительнымъ. Старецъ повернулся ко мнѣ на своихъ козлахъ и, нимало не осуждая деревенской крамолы, спросилъ только съ необыкновеннымъ захватомъ:

— А скажи, пожалуйста, можетъ ли это ихнее постановленіе дѣйствовать?...

И потомъ долго говорилъ про себя что-то, изъ чего я понялъ только, что деревенское вѣрноподданичество грозитъ въ земельномъ вопросѣ не меньшими осложненіями чѣмъ деревенскій радикализмъ. Они могутъ различно относиться къ студенту, но къ землѣ относятся одинаково.

VIII.

„Грабижка".

2 апрѣля 1902 г. я занесъ въ свою записную книжку слѣдующее:

„Въ то время, когда я пишу эти строки, мимо моей квартиры ѣдутъ казаки, поютъ и свищутъ. Идутъ точно въ походъ и даже сзади везутъ походную кухню, которая дымитъ за отрядомъ... Полтава теперь является центромъ усмиряемаго края, охваченнаго широкимъ аграрнымъ движеніемъ".

Бунтомъ этого назвать было нельзя. Бунта, въ смыслѣ какого бы то ни было открытаго столкновенія съ войсками, даже съ полиціей, или противодѣйствія властямъ, нигдѣ не было. Въ томъ углу, гдѣ у Ворсклы сходятся четыре уѣзда (Валковскій и Богодуховскій, Харьковской губерніи, Полтавскій и Константиноградскій, Полтавской), внезапно, какъ эпидемія или пожаръ, вспыхнуло своеобразное и чрезвычайно заразительное движеніе, перекидывавшееся отъ деревни къ деревнѣ, отъ экономіи къ экономіи, точно огонь по стогамъ соломы. Пронесся слухъ, будто велѣно — (кѣмъ велѣно — въ точности неизвѣстно) отбирать у господъ землю и имущество и отдавать мужикамъ. Приходили въ помѣщичьи экономіи, объявляя объ указѣ, отбирали ключи, брали зерно, кое-гдѣ уводили скотъ, расхищали имущество. Насилій было мало, общаго плана совсѣмъ не было. Была лишь какая-то лихорадочная торопливость... Вскорѣ, впрочемъ, выяснилась нѣкоторая общая идея: бывшіе помѣщичьи крестьяне шли противъ бывшихъ господъ. Случалось, что мужики защищали экономіи отъ разгрома, но не изъ преданности господамъ или чувства законности, а потому, что громить приходили «чужіе», тогда какъ это были «наши паны.» При этомъ исчезало различіе между богатыми и бѣдными крестьянами. Въ общемъ отмѣчали даже, что начинали по большей части деревенскіе богачи. И какъ только это начиналось, по дорогамъ къ экономіямъ валилъ народъ на убогихъ кляченкахъ, запряженныхъ въ большіе возы, на волахъ, а то и просто пѣшкомъ, съ мѣшками за спиной. Брали торопливо, что кому доставалось. Богачи увозили нагруженные возы, бѣдняки уносили мѣшки и тотчасъ же бѣжали опять за новой добычей...

Потомъ, разумѣется, началась расправа. Приходило начальство, объявляло, что никакого указа не было, напоминало о «неизмѣнной царской волѣ» и, конечно, тотчасъ же принималось сѣчь. Мужики встрѣчали начальство смиренно, по большей части на колѣняхъ. Колѣнопреклонныхъ брали по вдохновенію или по указаніямъ «свѣдущихъ людей», растягивали на землѣ и жестоко пороли нагайками. Сѣкли стариковъ и молодыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, мужчинъ и женщинъ. Такимъ образомъ, по старой самодержавной традиціи, возстановлялось уваженіе къ закону...

Въ Полтавской губерніи тогда губернаторомъ былъ Бельгардъ, до тѣхъ поръ ничѣмъ не выдѣлявшійся и довольно безличный. Харьковской губерніей правилъ кн. Оболенскій, прежде Екатеринославскій губернаторъ, фигура довольно яркая. О немъ много писали въ связи съ его войной съ земствомъ и отрицаніемъ голода (къ которому онъ относился чисто по лукояновски). Оба губернатора — тусклый и яркій — дѣйствовали какъ будто одинаково: приходили, сгоняли мужиковъ, растягивали на землѣ, сѣкли... Только Бельгардъ, какъ человѣкъ «съ добрымъ сердцемъ», при сѣченіи, какъ говорили, проливалъ слезы. Оболенскій никакой чувствительности не проявилъ и выступилъ въ походъ такъ бодро, что въ Харьковѣ шутили, будто у него на ходу «играла даже селезенка». Сразу же, только сошедши съ поѣзда, кажется въ Люботинѣ, по дорогѣ въ какую то экономію, онъ встрѣтилъ мужика съ нагруженнымъ возомъ. Не входя въ дальнія разбирательства, онъ приказалъ сопровождавшимъ его казакамъ растянуть мужука и «всыпать». Баба кинулась къ мужику. Тутъ же растянули и бабу...

Вскорѣ послѣ этого въ нашу мѣстность пріѣхалъ министръ Плеве. Онъ отказался остановиться въ губернаторскомъ домѣ и прожилъ день или два въ вагонѣ у Южнаго вокзала. Въ любой конституціонной странѣ въ такихъ обстоятельствахъ не удовольствовались бы судомъ, а непремѣнно произвели бы изслѣдованіе, которое выяснило

бы глубокія причины явленія. У насъ «изслѣдованіе» министра Плеве на мѣстѣ не имѣло другихъ результатовъ, кромѣ того, что чувствительный Бельгардъ получилъ отставку до такой степени неожиданную, что узналъ объ ней только изъ телеграммы своего замѣстителя, кн. Урусова. Оболенскій, наоборотъ, получилъ поощреніе... Очевидно, «внезапное обостреніе аграрнаго вопроса» привело высшую правительственную власть къ одному только выводу: старое средство — порка — признается цѣлесообразнымъ и достаточнымъ. Но пороть слѣдуетъ безъ излишней чувствительности...

Движеніе стихло такъ-же быстро, какъ и возникло, какъ легко вспыхивающая и такъ-же легко потухающая солома...

Всѣ очевидцы показывали согласно, что при появленіи военной силы все покорялось, и награбленное возвращалось собственникамъ. Очевидно, порка не была средствомъ усмиренія, а являлась скорѣе прямымъ наказаніемъ...

Среди бытовыхъ эпизодовъ этого движенія мнѣ особенно запомнился слѣдующій. Управляющій крупныхъ Кочубеевскихъ имѣній, разбросанныхъ въ нѣсколькихъ губерніяхъ, В. А. Муромцевъ, бывшій петровецъ, человѣкъ умный, установившій съ населеніемъ хорошія отношенія и, главное, не потерявшій головы и сохранившій полное спокойствіе во время этихъ и послѣдующихъ событій, разсказывалъ мнѣ:

— Вы знаете, у насъ, кромѣ центральной экономіи въ Полтавской губерніи, есть еще другія, находящіяся въ завѣдываніи отдѣльныхъ управляющихъ. Одна изъ такихъ экономій находится въ Екатеринославской губерніи. Движеніе въ этой губерніи не достигло такихъ крупныхъ размѣровъ и такихъ рѣзкихъ формъ. Оно лишь назрѣвало, но не разыгралось прямыми безпорядками. Такъ случилось, между прочимъ, и въ той экономіи, о которой я говорю. Завѣдывалъ ею управляющій-швейцарецъ, давно прожившійся у насъ, человѣкъ умный и справедливый.

Мужики чувствовали, что онъ честно исполняетъ свои обязанности по отношенію къ владѣльцу, но не пользуется случаемъ прижать мужика, использовать его трудное положеніе, выжать лишнее. Къ нему относились поэтому хорошо.

Но вотъ и туда долетѣли слухи объ «указѣ». Броженіе сказалось сразу же предъявленіемъ разныхъ небывалыхъ требованій. Какъ яркій примѣръ разсказчикъ привелъ слѣдующій эпизодъ. Является къ нему старый пастухъ и предъявляетъ претензію на... 18 паръ сапоговъ. Исторія этого требованія такова: старикъ служилъ въ экономіи съ незапамятныхъ временъ. Въ прежніе годы онъ получалъ жалованье натурой: столько-то зерна, столько-то картофелю и... ежегодно „пару чобіт“ отъ экономіи... 18 лѣтъ назадъ, кажется, по иниціативѣ этого же управляющаго, жалованье натурой было переведено на деньги на условіяхъ, выгодныхъ для рабочихъ. Но теперь вдругъ старый пастухъ нашелъ, что неполученіе сапогъ ему обидно и что ему слѣдуетъ стребовать всѣ 18 паръ...

Старикъ былъ человѣкъ солидный, добросовѣстный, его цѣнили въ экономіи, и онъ въ сущности не мечталъ ни о чемъ больше. Управляющій призвалъ его и сталъ „балакать“ съ нимъ просто, по душѣ. Черезъ короткое время старикъ махнулъ рукой... Оказалось, что онъ уступалъ общественному мнѣнію: для чего-то нужно, чтобы мужики предъявляли какъ можно больше требованій, и только тогда они „получатъ права“.

Однажды обширный экономическій дворъ оказался заполненнымъ окрестными мужиками. Вызвали управляющаго и объявили объ указѣ: дѣлить помѣщичью землю. — Я еще не получалъ такого указа, отвѣтилъ тотъ. Все равно, скоро получишь. Надо, чтобы къ тому времени все было готово. Давай, усчитаемъ всю панскую землю. Она теперь будетъ наша.

Умный швейцарецъ не противился. Мужики за это рѣшили допустить къ раздѣлу и его. Вынесли столы, разложили на нихъ планы, стали считать. Впереди стояли

„богатыри“, бѣднота жалась подальше. Всѣ были потомки бывшихъ крѣпостныхъ и всѣ проявляли огромный интересъ къ учету земли. Но какъ ни считали, припоминая каждый клинъ и каждое урочище, — оказывалось, что по раздѣлу земли на всѣхъ очень мало. „Громаду“ охватило раздумье и разочарованіе: отъ раздѣла одной помѣщичьей земли богаче не станешь. А въ это время кто-то обратилъ вниманіе на одного изъ коноводовъ — деревенскаго богача который стоялъ впереди и принималъ въ расчетахъ самое дѣятельное участіе.

— Какъ же это, — сказалъ этотъ кто-то. Вотъ тутъ людямъ не хватитъ и по полъ-десятины. А у васъ же, дядьку, своей земли сотни полторы десятинъ.

Заявленіе подѣйствовало, какъ разорвавшаяся бомба... Поднялись пылкіе споры. Богачи доказывали, что они такіе же внуки „крѣпаковъ“, и имѣютъ поэтому право на долю въ раздѣлѣ. Бѣднота кричала о своей нуждѣ. Закипѣла рознь, и вскорѣ экономическій дворъ опустѣлъ. Такъ въ томъ мѣстѣ не было ни грабижки ни усмиренія. Какъ будто деревня остановилась въ раздумьѣ.

Этотъ разсказъ часто вспоминался мнѣ впослѣдствіи, когда я думалъ о томъ, почему въ 1905 году накипавшее было народное движеніе стихло, и еще такъ долго деревня поставляла правительству покорныхъ депутатовъ, поддерживавшихъ думскій консерватизмъ. Деревня тогда еще не разслоилась. Въ ней первую роль игралъ еще по-прежнему деревенскій богачъ, выступавшій всюду ея официальнымъ представителемъ. Онъ же нерѣдко руководилъ и грабижкой. Но деревня уже почуяла близкую рознь, назрѣвшую въ ней, и сама испугалась послѣдствій.

Объ этомъ впрочемъ мнѣ придется говорить еще далѣе.

IX.

Судъ и законъ.

Разумѣется „грабижка“ было движеніе въ высокой степени безсмысленное. Но вѣдь вопіющее безсмысліе бы-

ло неразлучно съ каждымъ шагомъ въ этомъ больномъ вопросѣ русской жизни, какъ со стороны массы, такъ и со стороны правящихъ классовъ.

Участниковъ „грабижки“ пришлось предать суду, чтобы внушить массѣ идею о „карающемъ законѣ“. Но при этомъ самый законъ оказался въ очень затруднительномъ двусмысленномъ положеніи. Одна изъ основныхъ истинъ уголовной юстиціи состоитъ въ томъ, что никто не можетъ нести дважды наказаніе за одно и то же преступленіе. А г. г. губернаторы, предавая жестокой поркѣ колѣнопреклоненныхъ крестьянъ, несомнѣнно совершали дѣйствіе. которое иначе, какъ наказаніемъ, назвать нельзя. Такимъ образомъ судъ для „водворенія идеи права“ долженъ былъ прежде всего перешагнуть черезъ явное безправіе.

Къ сожалѣнію, русскій судъ того времени не привыкъ останавливаться передъ такими „небольшими затрудненіями“. Неудобство состояло лишь въ томъ, что защита тотчасъ же принялась выяснять настоящій характеръ административныхъ дѣйствій. Энергичные предсѣдатели стали останавливать защитниковъ и лишать ихъ слова. Тогда защитники отказывались отъ защиты, заносили въ протоколъ мотивы протеста и демонстративно оставляли залъ засѣданій, который такимъ образомъ становился ареной бурныхъ и скандальныхъ для правосудія эпизодовъ.

При такихъ условіяхъ открывалась судебная сессія и въ Полтавѣ. Мнѣ лично пришлось при этомъ играть нѣкоторую косвенную роль. Дѣло въ томъ, что отголоски нѣкоторой моей литературной извѣстности проникли къ тому времени въ мѣстную крестьянскую среду, хотя и въ довольно своеобразномъ видѣ. Меня почему-то считали теперь адвокатомъ, и ко мнѣ стали приходить кучки крестьянъ, прося защиты. Съ другой стороны, кружокъ адвокатовъ, какъ мѣстныхъ, такъ и столичныхъ, организуя защиту на широкихъ началахъ и зная, съ какимъ интересомъ я отношусь къ мѣстнымъ дѣламъ, счелъ удобнымъ назна-

чить мою квартиру мѣстомъ для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ защитой. Было важно, чтобы крестьяне не попали къ «ходатаямъ», уже раскидывавшимъ свои сѣти, и то обстоятельство, что мужики направлялись массами ко мнѣ, дѣлало удобнымъ мое посредничество.

Однимъ изъ первыхъ на этомъ адвокатскомъ совѣщаніи былъ поставленъ вопросъ — какой линіи поведенія держаться защитѣ. Было извѣстно, что общая инструкція предсѣдателямъ уже послѣдовала, и на выясненіе вопроса о характерѣ „административныхъ воздѣйствій“ было наложено запрещеніе. Продолжать ли при этомъ условіи защиту каждаго подсудимаго по существу, или ограничиться общимъ протестомъ и демонстративнымъ уходомъ защитниковъ? Мнѣнія раздѣлились. Въ общемъ — столичная адвокатура въ большинствѣ стояла за протестъ. Мѣстные адвокаты смотрѣли иначе... Возникли пренія. При этомъ обратились къ моему мнѣнію. Для меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что огромное большинство подсудимыхъ крестьянъ желаетъ защиты по существу, и я сказалъ, что на мой взглядъ желаніе самихъ подсудимыхъ играетъ здѣсь рѣшающую роль. Эта точка зрѣнія была принята. Послѣ этого кое-кто изъ столичныхъ адвокатовъ охладѣлъ къ дѣлу, а мнѣ было предоставлено направлять мужиковъ, ищущихъ защиты, къ представителямъ мѣстнаго кружка защитниковъ, который уже распредѣлялъ кліентовъ между участниками.

Въ эти дни моя передняя, кухня и кабинетъ густо наполнялись мужиками. Интересуясь характеромъ движенія, я опрашивалъ ихъ, записывая наиболѣе характерные эпизоды, и давалъ записочки къ Е. И. Сіяльскому и другимъ мѣстнымъ адвокатамъ. Такимъ образомъ въ Полтавѣ бурныхъ сценъ въ судѣ не было. Защитники ограничивались протокольнымъ протестомъ противъ стѣсненія судебнаго слѣдствія, но защиту продолжали. Можетъ быть это отразилось отчасти на смягченіи судейскаго настроенія, и приговоры получались сравнительно

мягкіе. Многіе подсудимые были довольно неожиданно оправданы...

X.

„Изъ-за чего вы хлопочете?“

Послѣ суда нѣкоторые изъ крестьянъ, благодарные за оправданіе, стали приходить ко мнѣ съ предложеніемъ вознагражденія. Сначала предлагали деньги. Когда я отказывался, то говорили:

— „Може хоть мишокъ пшеницы, або картофельки...

Когда я отъ этого отказался, это вызвало недоумѣніе.

— Что-жъ у васъ есть своя земелька на селі? Нема? Ну, може домъ у городі? И того нема?.. Такъ чімъ-же вы кормитесь? Изъ за чего хлопочете?

— Я писатель... Пишу книги...

— Та чи-жъ можно этимъ кормиться? — спрашивали они съ недоумѣніемъ и недовѣріемъ...

Наученный горькимъ опытомъ деревенскій житель плохо вѣритъ въ безкорыстныя услуги. Настойчивые разспросы ихъ заставили и меня задуматься. Изъ за чего я хлопочу въ самомъ дѣлѣ, и дѣйствительно ли хлопочу безкорыстно? Почему меня, интеллигентнаго городского человѣка, такъ занимаетъ эта нелѣпая грабижка и участь ея виновниковъ, что я трачу на нихъ столько времени и настроенія?

Я давно уже чувствовалъ нѣкоторое нерасположеніе къ обычнымъ разсказамъ о безкорыстномъ „доброхотствѣ“ интеллигенціи. Въ этихъ внушеніяхъ мужику и въ его недовѣріи чувствовалось что-то унизительное. Теперь я попробовалъ поставить вопросъ прямѣе и реальнѣе, въ болѣе понятной для моихъ собесѣдниковъ формѣ.

Я взялъ съ полки книжку „Русскаго Богатства“, показалъ на обложкѣ свою фамилію, надпись „Цѣна 8 рублей“, объяснилъ, что такое журналъ, и что значитъ подписка. Потомъ показалъ свою книгу „Въ голодный годъ“

и на ней цѣну „1 рубль“ ... Такимъ образомъ я объяснилъ: „чѣмъ я кормлюсь“.

— Вотъ и о вашемъ дѣлѣ въ журналахъ и газетахъ уже написано. Люди вѣрятъ, что мы пишемъ правду о томъ, что дѣлается на свѣтѣ, и покупаютъ наши книжки. А мы, писатели, этимъ живемъ и, какъ видите, живемъ не хуже вашего.

Это сразу выяснило дѣло и вполнѣ опредѣлило наши отношенія. Нѣсколько человѣкъ послѣ этого стали посѣщать меня для бесѣды. Когда же они прочитали мой „Голодный Годъ“, наши отношенія приняли совершенно дружескій характеръ. Они поняли, чѣмъ я кормлюсь, и поняли также, что литература часто идетъ въ пользу, а не во вредъ ихнимъ интересамъ. Имъ стало до извѣстной степени понятно также, изъ-за чего я хлопочу, почему намъ, интеллигентнымъ людямъ, нужна законность и свобода, и почему мы возмущаемся произволомъ и насиліемъ. Имъ нужна земля, намъ нужна свобода ... Мы стараемся доказать, что свобода нужна и имъ.

Помню особенно троихъ изъ тогдашнихъ моихъ посѣтителей. Одинъ былъ солидный мужикъ среднихъ лѣтъ, сравнительно зажиточный, хотя и малоземельный. Два другіе — деревенскіе пролетаріи. Когда стѣна недовѣрія, отдѣлявшая насъ вначалѣ, разрушилась, они разсказали мнѣ много интереснаго. Прежде всего сообщили, что прислалъ ихъ ко мнѣ „паничъ“. — „Какой паничъ?“ — „Та помѣщикъ ...“ — „Котораго вы грабили?“ — „Авже-ж ... Паничъ, ничего сказать, добрый ... „Бижитъ каже швидче до городу, та спытайте такого-то человіка“. Та вінъ, бачте, той паничъ, и самъ студентъ“ ...

Установилась взаимная откровенность. Въ первые дни знакомства на мой вопросъ, читали ли они прокламаціи, мужики отвѣчали неизмѣнно: „Та мы-ж неграмотни“... Но теперь они цитировали чуть ли не страницы изъ книжечки „Дідъ Евменъ“ (кажется такъ. Это былъ переводъ старой брошюрки 70-хъ годовъ „Хитрая Механика“). На мое замѣчаніе, что „вотъ вы-же мнѣ говори-

ли, что неграмотны", мужики хитро усмѣхнулись. — „Були таки, що прочитали намъ". Они соглашались, что грабижка было дѣло нелѣпое и нехорошее, но самый солидный изъ нихъ сказалъ въ заключеніе:

— Хай воно и такъ... Та бачте: якъ дитына не плаче, то и маты не бачe...

Кто это мать, которая должна услышать? Для многихъ это былъ по-прежнему царь, и его вниманіе деревня надѣялась привлечь своей вспышкой... Но за царемъ теперь чуялось для нѣкоторыхъ еще что-то... Рождалась идея о какой-то еще силѣ, смутно понимаемой, неопредѣленной, но уже зарисовавшейся на горизонтѣ... Деревня стучалась въ таинственную дверь въ надеждѣ, что ее услышитъ кто-то, грядущій въ жизнь... Это былъ грозный симптомъ, но самодержавіе „имѣло очи, еже не видѣти, и уши, еже не слышати". Меня тогда же поразило упорство, съ какимъ эти крестьяне настаивали на необходимости „поравнять богатыхъ и бѣдныхъ". Они соглашались, что это чрезвычайно трудно. Это имъ показала самая грабижка.

— И съ грабижки богатый везетъ панское добро возами, а бѣдный тащится пѣшкомъ съ мѣшечкомъ... Но все-таки упрямо заканчивали они: и пусть хоть Христосъ сойдетъ съ неба, а поравнять нужно.

Они охотно выслушивали мои возраженія. Мы какъ будто понимали другъ друга. Въ мое расположеніе къ нимъ они теперь вѣрили, понимали, въ чемъ состоитъ нашъ интеллигентскій интересъ къ свободѣ, и почему мы хотѣли бы видѣть въ нихъ союзниковъ для ея достиженія. Я пытался выяснить, какъ въ общемъ мы понимаемъ земельную реформу. Дѣло это трудное, требуетъ напряженія всѣхъ государственныхъ силъ на почвѣ свободы. Въ грабижкѣ же мы имъ не союзники и, если я и адвокаты содѣйствуемъ теперь ихъ защитѣ, то лишь потому, что возмущаемся беззаконнымъ насиліемъ и стѣсненіемъ свободы въ обсужденіи и постановкѣ земельнаго вопроса.

Нѣкоторое время они еще посѣщали меня, приходя для разговоровъ. Затѣмъ я уѣхалъ въ Петербургъ, потомъ перемѣнилъ квартиру и мы потеряли другъ друга изъ виду...

XI.

Разговоръ съ Толстымъ. Максимализмъ и государственность.

Въ томъ же 1902 году мнѣ пришлось побывать въ Крыму, и я не упустилъ случая посѣтить Толстого, который лежалъ тогда больной въ Гаспарѣ. Чеховъ и Елпатьевскій, оба писателя и оба врача, часто посѣщали Толстого и разсказывали много любопытнаго объ его настроеніи.

Чувствую, что мнѣ будетъ нелегко сдѣлать послѣдующее вполнѣ понятнымъ для моихъ читателей изъ народа. Толстой въ одной чертѣ своего характера отразилъ съ замѣчательной отчетливостью основную разницу въ душевномъ строѣ интеллигентныхъ людей и народа, особенно крестьянства.

Самъ великій художникъ, создавшій геніальныя произведенія мірового значенія, переведенныя на всѣ языки, онъ лично, какъ человѣкъ, легко заражался чужими настроеніями, которыя могли овладѣть его воображеніемъ.

Это вообще наша черта, черта интеллигентныхъ людей. Жизнь намѣревается сдѣлать изъ насъ, по окончаніи образованія, помѣщиковъ или чиновниковъ, или инженеровъ, вообще людей, служащихъ извѣстному строю. Но самый этотъ строй стоитъ въ слишкомъ разительномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что порождаетъ въ душахъ честная и просвѣщенная мысль. Отъ этого у насъ сынъ помѣщика нерѣдко отрицаетъ право частной собственности на землю, а сынъ чиновника презираетъ и ненавидитъ чиновничество. Отсюда - же постоянный разладъ между мыслью и жизнью. Мысль — это начало дѣйствія, и она влечетъ молодежь въ одну сторону, а жизнь и практи-

ческія требованія выгоды — въ другую. Въ большинствѣ случаевъ жизнь беретъ свое, и, пройдя бурный періодъ молодыхъ увлеченій, большинство образованныхъ молодыхъ людей вступаетъ на торную дорогу и понемногу свыкается съ ней. Но въ душѣ, какъ лучшія воспоминанія, навсегда остается слѣдъ молодыхъ, наивныхъ, полныхъ неопытности, но свѣтлыхъ и безкорыстныхъ неклассовыхъ „ошибокъ юности".

Толстой въ высокой степени умѣлъ отражать въ своихъ произведеніяхъ эту черту интеллигентной души, ищущей правды среди сознанной неправды жизни. Пьеръ Безухій въ „Войнѣ и Мирѣ" Левинъ въ „Аннѣ Карениной", много другихъ лицъ въ разныхъ разсказахъ — это все люди мятущіеся, чувствующіе душевный разладъ, ищущіе правды и, какъ самъ Толстой, тоскующіе о душевномъ строѣ, цѣльномъ и безъ разлада между мыслью и дѣломъ. Такой душевный строй мы называемъ „непосредственностью". У Толстого вся жизнь была тоска о непосредственности.

Такого разлада не знаетъ простой народъ. Онъ жилъ вѣка въ угнетеніи, долго „все терпѣлъ во имя Христа", трудился и надѣялся, совсѣмъ не задумываясь надъ причинами общественнаго неустройства, все приписывалъ судьбѣ. Толстой всегда завидовалъ этому душевному состоянію простыхъ людей. Еще въ молодости онъ преклонялся передъ иными крестьянами до такой степени, что одно время старался подражать работнику Юфану даже въ движеніяхъ. Потомъ, уже ставъ великимъ писателемъ, угадывалъ и заражался настроеніемъ простыхъ душъ. Въ „Войнѣ и Мирѣ" онъ изобразилъ солдатика Каратаева, который совсѣмъ не умѣетъ выразить своихъ мыслей, но который казался ему воплощеніемъ глубокой мудрости. Толстой успѣлъ внушить это свое преклоненіе передъ народной непосредственностью читателямъ и критикамъ, и одно время „Каратаевщина" служила выраженіемъ глубокой народной мудрости. Тоже нужно сказать

объ Акимѣ въ „Власти Тьмы", который не можетъ вылущить своей мысли изъ корявой оболочки; „тае, тае", но устами котораго тоже говоритъ высшая мудрость народа.

Эта способность заражаться народными настроеніями опредѣлила крупнѣйшіе повороты во взглядахъ самого Толстого. Въ „Войнѣ и Мирѣ", изучая исторію отечественной войны, онъ проникся настроеніемъ борьбы за отечество до такой степени, что почти оправдывалъ убійство партизанами плѣнныхъ. Потомъ его стала привлекать смиренная народная вѣра, и отъ нея онъ перешелъ къ первобытному христіанству. Отсюда его теорія о непротивленіи. Нельзя противиться злу насиліемъ, хотя бы даже дикари зулусы начали убивать и рѣзать насъ, насиловать женщинъ, избивать дѣтей. Лучше погибать, чѣмъ защищаться силой. Теперь, когда въ Россіи происходили событія, выдвигавшія предчувствіе непосредственныхъ массовыхъ настроеній, мнѣ было чрезвычайно интересно подмѣтить и новые уклоны этой великой души, тоскующей о правдѣ жизни. Въ немъ несомнѣнно зарождалось опять новое. Чеховъ и Елпатьевскій разсказывали мнѣ между прочимъ, что Толстой проявляетъ огромный интересъ къ эпизодамъ террора. А тогда отчаянное сопротивленіе кучки интеллигенціи, лишенной массовой поддержки, могущественному еще правительству принимало характеръ захватывающей и страстной борьбы. Недавно убили министра внутреннихъ дѣлъ Сипягина. Произошло покушеніе на Лауница. Террористы съ удивительнымъ самоотверженіемъ шли на убійство и на вѣрную смерть. Русская интеллигенція, по большей части люди, которымъ уже самое образованіе давало привилегированное положеніе, какъ ослѣпленный филистимлянами Самсонъ, сотрясали зданіе, которое должно было обрушиться и на ихъ голову. Въ этой борьбѣ проявилось много настроенія, и оно, въ свою очередь, начинало заражать Толстого. Чеховъ и Елпатьевскій разсказывали мнѣ, что когда ему передали о послѣднемъ покушеніи на Лау-

ница, то онъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и сказалъ съ досадой:

— И навѣрное опять промахнулся.

Я привезъ много свѣжихъ извѣстій. Я былъ въ Петербургѣ во время убійства Сипягина и разсказалъ между прочимъ отзывъ одного встрѣченнаго мною сектанта — простого человѣка:

— Оно, конечно, убивать грѣхъ... Но и осуждать этого человѣка мы не можемъ.

— Почему же это? — спросилъ я.

— Да ты вѣрно читалъ въ газетѣ, что онъ подалъ министру бумагу въ запечатанномъ пакетѣ?

— Ну такъ что же?

— А мы не можемъ знать, что въ ней написано... Министру, братъ, легко такъ обидѣть человѣка, что и не замолишь этой обиды. Нѣтъ, уже, видно, не намъ судить: Богъ ихъ разсудитъ.

Толстой лежалъ въ постели съ закрытыми глазами Тутъ его глаза раскрылись и онъ сказалъ:

— Да, это правда... Я вотъ тоже понимаю, что какъ будто и есть за что осудить террористовъ... Ну, вы мои взгляды знаете... И все-таки...

Онъ опять закрылъ глаза и нѣсколько времени лежалъ, задумавшись. Потомъ глаза опять раскрылись, взглядъ сверкнулъ острымъ огонькомъ изъ подъ нависшихъ бровей, и онъ сказалъ:

— И все-таки не могу не сказать: это цѣлесообразно.

Я былъ къ этому отчасти подготовленъ. Въ письмѣ, которое Толстой послалъ Николаю II, уже замѣтна была перемѣна настроенія: совѣты, которые онъ даетъ Николаю II-му, проникнуты уже не отвлеченнымъ христіанскимъ анархизмомъ, а извѣстной государственностью и необходимостью уступокъ движенію.

Но все таки я удивился этому полуодобренію террористическихъ убійствъ, казалось бы чуждыхъ Толстому. Когда же я перешелъ къ разсказамъ о грабижкѣ, то Толстой сказалъ уже съ видимымъ полнымъ одобреніемъ:

— И молодцы.

Я спросилъ:

— Съ какой точки зрѣнія вы считаете это правильнымъ, Левъ Николаевичъ?

— Мужикъ берется прямо за то, что для него всего важнѣе. А вы развѣ думаете иначе?

Я думалъ иначе и попытался изложить свою точку зрѣнія. Я никогда не былъ ни террористомъ, ни непротивленцемъ. На всѣ явленія общественной жизни я привыкъ смотрѣть не только съ точки зрѣнія цѣлей, къ которымъ стремятся тѣ или другія общественныя партіи, но съ точки зрѣнія тѣхъ средствъ, которыя онѣ считаютъ пригодными для ихъ достиженія. Очень часто самыя благія конечныя намѣренія приводятъ общество къ противоположнымъ результатамъ, тогда какъ правильныя средства даютъ порой больше, чѣмъ отъ нихъ первоначально ожидалось. Эта точка зрѣнія прямо противоположна максимализму, который считается только съ конечными цѣлями, а Толстой разсуждалъ именно какъ максималистъ. Справедливо и нравственно, чтобы земля принадлежала трудящимся. Народъ выразилъ этотъ взглядъ, а какими средствами, — для Толстого-непротивленца, отрицающаго даже физическую защиту — все равно. У него была вѣра старыхъ народниковъ: у народа готова идея нормальнаго общественнаго уклада. Марксисты держались такого же взгляда, только для нихъ носителями этого лучшаго будущаго являлся городской пролетаріатъ.

Лично я давно отрѣшился отъ этого двусторонняго классового идолопоклонства. Можетъ быть потому, что жизнь кидала меня такимъ прихотливымъ образомъ, что мнѣ пришлось видѣть и, главное, почувствовать всѣ слои русскаго народа, начиная отъ полудикарей якутовъ или жителей такихъ лѣсныхъ угловъ европейскаго сѣвера, гдѣ не знаютъ даже телѣгъ, и кончая городскими рабочими. Я зналъ, что этой таинственной готовой мудрости нельзя найти ни въ одномъ классѣ. Крестьянинъ умѣетъ пахать землю, но въ земельномъ вопросѣ въ широкомъ смы-

слѣ разбирается не лучше, а хуже, чѣмъ многіе изъ тѣхъ, которые не умѣютъ провести борозду плугомъ. Я уже упоминалъ, какъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ Казанской губерніи два огромныхъ крестьянскихъ общества шли другъ на друга войной изъ-за земли. Дѣло дошло до вмѣшательства войскъ, и вожаки враждующихъ обществъ были приговорены къ смертной казни. Значитъ у этихъ крестьянъ не нашлось общаго начала, которое помогло бы имъ притти къ миролюбивому рѣшенію вопроса о землѣ даже другъ съ другомъ... Во время „грабижки" въ качествѣ такого общаго начала являлось крѣпостное прошлое. Болѣе нуждающіеся крестьяне устранялись отъ раздѣла лишь потому, что они не были крѣпостными даннаго помѣщика. Можно ли, съ такими узкими темными взглядами на земельный вопросъ, разрѣшить удовлетворительно эту самую запутанную и сложную задачу нашей жизни? Не ясно ли, что только государство съ общегосударственной возвышенной точки зрѣнія, при напряженіи всенароднаго ума и всенародной мысли, можетъ рѣшить задачу широко и справедливо. Конечно, для этого нужно государство преобразованное. Изъ-за этого преобразованія теперь идетъ борьба и льется кровь... Изъза ограниченія самодержавнаго произвола мы всѣ мечемся, страдаемъ и ищемъ выхода.

Все это я постарался по возможности кратко изложить теперь передъ больнымъ великимъ писателемъ, въ душѣ котораго всѣ злобы и противорѣчія нашей жизни сплелись въ самый больной узелъ. Онъ слушалъ внимательно. Когда я кончилъ, онъ еще нѣкоторое время лежалъ съ закрытыми глазами. Потомъ глаза опять раскрылись, онъ вдумчиво посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Вы, пожалуй, правы.

На этомъ мы въ тотъ разъ и разстались. Впослѣдствіи, когда революціонная волна 1905 года упала, Толстой опять вернулся къ христіанскому анархизму и непротивленію.

Владиміръ Короленко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАЛЬМИРА*)

«Въ одиннадцатомъ году царствованія турецкаго султана Абдулъ-Гамида, сына Ахмеда, въ то время, когда побѣдоносное русское войско овладѣло Крымомъ и водружало свои знамена на побережьѣ, ведущемъ къ Константинополю, я путешествовалъ по Оттоманской имперіи и объѣзжалъ страны, бывшія нѣкогда царствами Египта и Сиріи.

«Я прибылъ къ городу Гемсу на берегу Оронта; здѣсь, находясь вблизи Пальмиры, лежащей въ пустынѣ, я рѣшилъ самъ осмотрѣть ея знаменитые памятники. И вотъ, послѣ трехъ дней пути по выжженной пустынѣ, проѣхавъ долину, усѣянную пещерами и могилами, я, вдругъ, при выходѣ изъ нея, увидѣлъ на равнинѣ поразительную картину развалинъ. Неисчислимое множество великолѣпныхъ колоннъ, подобно аллеямъ нашихъ парковъ, уходили симметрическими рядами въ безконечность. Среди нихъ высились большія зданія, одни цѣлыя, другія полу-разрушенныя. Со всѣхъ сторонъ земля была покрыта такими обломками — карнизами, капителями, кусками колоннъ, архитравами, пилястрами, — все изъ бѣлаго мрамора, чудесной работы. Три четверти часа я шелъ вдоль этихъ развалинъ и наконецъ вступилъ въ ограду обширнаго зданія, бывша-

---

*) Предлагаемые два очерка М. Гершензона: „Пальмира“ и „Человѣкъ, одержимый Богомъ“, войдутъ въ составъ сборника „Пальмира“, подготовляемаго къ печати издательствомъ „Эпоха“. Ред.

го нѣкогда храмомъ солнца. Здѣсь мнѣ оказали гостепріимство бѣдные арабскіе земледѣльцы, хижины которыхъ стояли на самой паперти храма, и я рѣшилъ провести здѣсь нѣсколько дней, чтобы подробно изучить красоту всѣхъ этихъ сооруженій.

«Каждый день я выходилъ и осматривалъ какой нибудь изъ памятниковъ, покрывающихъ равнину. И въ одинъ вечеръ, когда, погруженный въ раздумье, я незамѣтно достигъ «долины могилъ», — я поднялся на окружающія ее высоты, откуда взоръ господствуетъ сразу и надъ всѣмъ пространствомъ развалинъ, и надъ безпредѣльностью пустыни. Солнце только что сѣло; блѣдно-красная полоса еще обозначала его слѣдъ на отдаленномъ горизонтѣ Сирійскихъ горъ. Съ востока полный мѣсяцъ всходилъ на голубомъ фонѣ надъ плоскими берегами Евфрата, небо было чисто, воздухъ покоенъ и ясенъ; гаснущій блескъ дня скрадывалъ жуть темноты, первыя вѣянія ночной прохлады умѣряли зной раскаленной земли. Пастухи увели своихъ верблюдовъ; взоръ не улавливалъ уже никакого движенія на однообразной сѣрой равнинѣ; глубокое безмолвіе царило въ пустынѣ, — лишь изрѣдка слышался заунывный крикъ какой-нибудь ночной птицы или шакала. Тьма сгущалась, и сквозь сумракъ я могъ различать уже только бѣлѣющіе призраки колоннъ и стѣнъ».

Сѣвъ на обломокъ колонны, Вольней — (потому что это его разсказъ) — предался глубокому размышленію.

«Я говорилъ себѣ: здѣсь процвѣталъ когда-то богатый городъ; здѣсь было средоточіе могучаго царства. Да! Эти мѣста, теперь столь пустынныя, — нѣкогда въ ихъ предѣлахъ кипѣло жизнью многолюдное населеніе; по этимъ, нынѣ безлюднымъ дорогамъ двигалась дѣятельная толпа. Эти стѣны, гдѣ теперь царитъ угрюмое молчаніе, непрерывно оглашались звуками ремеслъ, кликами веселья и празднествъ; эти груды мраморныхъ обломковъ образовали стройные дворцы, эти разбитыя колонны украшали величественные храмы, эти обрушившіяся галереи окаймляли

общественныя площади. Сюда стекалось многочисленное населеніе для святыхъ обязанностей своего культа, для трогательныхъ нуждъ своего пропитанія; сюда промышленность, источникъ наслажденій, привлекала богатства всѣхъ странъ, здѣсь Тирскій пурпуръ обмѣнивался на драгоцѣнную Сирійскую пряжу, нѣжныя ткани Кашмира — на великолѣпные Лидійскіе ковры, янтарь Балтики — на жемчугъ и благовонія Аравіи, золото Офира — на олово Туле.

«А теперь — вотъ что осталось отъ этого могущественнаго города: жалкій скелетъ! Вотъ что уцѣлѣло отъ громадной державы: темное и безполезное воспоминаніе! Шумныя скопища, тѣснившіяся подъ этими портиками, смѣнились мертвымъ безлюдьемъ, многоголосый шумъ площадей смѣнило гробовое молчаніе, богатство торговаго города превратилось въ безобразную бѣдность. Царскіе дворцы сдѣлались убѣжищами дикихъ звѣрей, загоны для скота стоятъ въ преддверіи храмовъ и отвратительныя пресмыкающіяся обитаютъ въ святилищахъ боговъ... Почему угасла такая слава? почему плоды столькихъ трудовъ обратились въ ничто? Такъ вотъ какъ гибнутъ созданія человѣка! вотъ какъ исчезаютъ царства и народы!

«И въ моей памяти ярко ожила исторія минувшихъ временъ. Я вспоминалъ тѣ далекіе вѣка, когда двадцать славныхъ народовъ обитали въ этихъ мѣстахъ. Я видѣлъ Ассирію на берегахъ Тигра и Халдею на берегахъ Евфрата, Персію, простершую свое владычество отъ Инда до Средиземнаго моря. Я перечислялъ себѣ царства Дамаска и Идумеи, Іерусалима и Самаріи, воинственныя государства филистимлянъ и торговыя республики Финикіи. Я говорилъ себѣ: въ этой Сиріи, теперь почти обезлюдѣвшей, насчитывалось тогда сто могущественныхъ городовъ; эти пространства были покрыты селами, мѣстечками, деревушками. Куда ни кинуть взглядъ, всюду были видны обработанныя поля, людныя дороги, густыя поселенія. Куда дѣвались тѣ

времена изобилія и жизни? что сталось со всѣми этими прекрасными созданіями человѣческихъ рукъ? Гдѣ валы Ниневіи, стѣны Вавилона, дворцы Персеполя, храмы Бальбека и Іерусалима? Гдѣ флоты Тира, верфи Арада, мастерскія Сидона и это множество матросовъ, кормчихъ, купцовъ, солдатъ? и эти земледѣльцы, и эти жатвы, и эти стада, и все это творчество живыхъ существъ, которымъ гордилось лицо земли? Увы! я объѣхалъ эту опустошенную землю! Я посѣтилъ мѣста, бывшія ареною столько славъ, и видѣлъ лишь запустѣніе и безлюдье! Я искалъ старыхъ народовъ и ихъ созданія, и видѣлъ лишь ихъ слѣдъ, подобный тому, какой оставляетъ стопа путникавъпескѣ. Храмы обвалились, дворцы лежатъ въ обломкахъ, пристани засыпаны, города разрушены, и безлюдная земля представляетъ печальное кладбище... Великій Боже! Что же вызываетъ такіе ужасные перевороты? Почему такъ глубоко измѣнилась участь этихъ мѣстъ? почему разрушилось столько городовъ? Почему это древнее народонаселеніе не воспроизводилось и не продолжалось?» (Volney, Les ruines, t. I, ch. I-II)

Можно простить Вольнею его краснорѣчіе за правду и теплоту его грусти; гдѣ еще умѣстнѣе полноводіе слова, нежели здѣсь? Онъ выразилъ чувство, которое неизбѣжно рождается во всякомъ человѣкѣ, умѣющемъ чувствовать и размышлять; та-же грусть охватила бы на его мѣстѣ каждаго изъ насъ и то же скорбное недоумѣніе возникло бы помимо воли въ каждомъ умѣ. Странная вещь! На нашихъ глазахъ ежеминутно распадается созданное, и однако, наперекоръ этому неизмѣнному опыту, мы твердо вѣримъ въ неразрушимость вещей и оттого недоумѣваемъ при видѣ развалинъ; нашъ первый вопросъ — почему? Мало того: мы сами поминутно разрушаемъ, — все наше творчество есть разрушеніе формъ для созданія новыхъ, — а въ какомъ-то цѣлостномъ и надмірномъ чувствѣ мы беззавѣтно убѣждены, что сама верховная воля поручилась всякому воплощенному бытію въ его неразрушимости, и потому увѣ-

ренно знаемъ разрушеніе недолжнымъ, неправымъ, — вопіющимъ нарушеніемъ вѣчнаго благого закона.

Дѣло въ томъ, что это чувство несправедливости при видѣ развалинъ есть вовсе не объективное, но совершенно личное, волевое чувство. Рѣчь идетъ не о Пальмирѣ, развалины которой я созерцаю: mutato nomine de me ipso fabula narratur. Каждый храмъ, каждый домъ, каждый промыселъ и культъ на этомъ мѣстѣ былъ организованной формой; здѣсь были безчисленныя и прекрасныя организованныя формы, и совокупность ихъ образовала одну полную индивидуальность — Пальмиру. Но я самъ — такая же цѣльносложная индивидуальность; и для себя я — прообразъ всякой организованной формы, всѣхъ Пальмиръ, бывшихъ, сущихъ и будущихъ. Не Пальмира разрушена: въ ней разрушена индивидуальность, я самъ, живой, разрушенъ въ ней! Я смотрю, чувствую, мыслю, — и однако я безвозвратно умеръ, въ прошломъ или будущемъ — не все ли равно! Моя личность не можетъ, не смѣетъ быть разрушена; каждое мое дыханіе подтверждаетъ мнѣ эту увѣренность, — безъ нея я не могъ бы ни творить, ни жить. Значитъ, и никакая другая личность не можетъ быть разрушена, и Пальмира должна цвѣсти понынѣ. Почему же она погибла? Ужасъ, ужасъ! Нарушенъ самый незыблемый законъ мірозданія, міръ сошелъ со своей орбиты — какъ теперь жить? — Вотъ почему видъ развалинъ вызываетъ въ насъ горестное удивленіе: эта гибель организованной формы есть прообразъ нашей собственной смерти.

Личности данъ одинъ, но внутренно-противорѣчивый законъ: разрушать другія личности, чтобы утверждать себя неразрушимой. Отчего въ ней равно сильны — увѣренность въ разрушимости всѣхъ остальныхъ созданій, и увѣренность въ своей собственной неразрушимости. Когда же разумъ, созрѣвъ, ставитъ въ общей формѣ вопросъ о судьбѣ личнаго бытія и на основаніи объективнаго опыта отвѣчаетъ, какъ и естественно: все возникающее обречено гибели, — личность тайно въ себѣ отвергаетъ этотъ отвѣтъ,

какъ ложь и кощунство, потому что она для себя увѣрена въ противномъ. Такъ происходитъ разрывъ въ душѣ, противоборство двухъ сознаній: знаю, что Пальмира рано или поздно должна была погибнуть, какъ гибнетъ всякая организованная форма, — и знаю, что она не должна была погибнуть, какъ самъ чувствую мою личность во-вѣки неугасимой. И такъ какъ всякое созданіе для насъ — Пальмира, то зрѣлище всякой смерти ранитъ насъ тѣмъ неразрѣшимымъ противорѣчіемъ.

А если разложить это чувство на смыслы, получится забавная глупость. Гамлетъ на кладбищѣ съ горькимъ смѣхомъ говоритъ о человѣческой участи. Черепъ Іорика — тоже, что развалины Пальмиры. Бѣдный Іорикъ! Куда дѣвались твои шутки, пѣсни и остроты? Александръ Македонскій покорилъ полъ-міра, а когда умеръ, — разложился въ прахъ и, можетъ быть, этимъ прахомъ, смѣшаннымъ съ водою, замазали втулку пивной бочки. Гамлету почти дурно; онъ говоритъ, что его собственныя кости болятъ при видѣ этихъ могильныхъ костей. Чего же онъ хотѣлъ бы? То, что есть и что видитъ, — смерть и сопуствующее ей разрушеніе, — кажется ему ужаснымъ; очевидно, правильнымъ и хорошимъ онъ призналъ бы противоположное. Онъ былъ бы удовлетворенъ, если бы Іорикъ и Александръ Великій были живы и сейчасъ — и почему только до этой минуты? — нѣтъ, разумѣется во-вѣки! Но при обычномъ ходѣ дѣлъ Іорикъ давно сдѣлался бы старикомъ и утратилъ бы свою кипучую живость, и Александръ за полтора тысячелѣтія одряхлѣлъ бы до жалкаго слабоумія. Конечно, не такими Гамлетъ хотѣлъ бы видѣть ихъ передъ собою: Іорикъ долженъ былъ бы жить вѣчно такимъ, какимъ онъ былъ во цвѣтѣ силъ, Александръ — какимъ онъ побѣждалъ и пировалъ въ Персеполѣ. Теперь пусть бы Гамлетъ свои частныя пожеланія, о Іорикѣ и Александрѣ, обобщилъ универсально, какъ того требуетъ здравый смыслъ, — оказалось бы, что онъ требуетъ дѣленія всемірной исторіи на двѣ

части: каждое созданіе должно до своего полнаго расцвѣта расти и развиваться, а съ этого момента оставаться неизмѣннымъ, т. е. жизнь должна быть на-половину динамической, на-половину статической. Іорикъ до сихъ поръ пѣлъ бы пѣсни и сыпалъ остроты, Александръ, все еще 30-лѣтній, по-прежнему молніеносно проходилъ бы со своимъ войскомъ страну за страной, побѣждая и пируя послѣ побѣдъ. Точно того же хочетъ Вольней. И онъ въ своей мечтѣ безсознательно повелѣваетъ исторіи раздѣлиться: до расцвѣта Пальмиры — ростъ, накопленіе, восхожденіе, съ момента расцвѣта — однообразное цвѣтеніе. Но вѣдь Пальмира была не одна въ мірѣ; она возрастала не сама въ себѣ, а на счетъ окружавшихъ ее организованныхъ формъ, защищаясь и нападая въ кругу индивидуальностей, подобныхъ ей, поглощая извлекаемыя ею изъ нихъ родовыя силы, — т. е. она могла возрастать только въ силу всемірно-историческаго динамизма; а для того, чтобы во второй періодъ, о которомъ мечтаетъ Вольней, она могла оставаться равномѣрно-цвѣтущей, вокругъ нея должна была бы установиться полная неподвижность, и такъ какъ окружающія ее индивидуальности также, разумѣется, были окружены другими индивидуальностями, то должно было бы остановиться все на поверхности земли. Малѣйшая пылинка можетъ остаться неизмѣнной только въ томъ случаѣ, если прекратится всякое движеніе въ мірѣ. Слѣдовательно, мечтаемая Вольнеемъ Пальмира была бы всемірнымъ вампиромъ: въ тотъ день, когда она достигла расцвѣта, должно было бы навсегда остановиться расцвѣтаніе всѣхъ другихъ Пальмиръ, всѣ созданія должны были бы навсегда остаться такими, какими ихъ засталъ этотъ день. Гамлетъ, скорбя о смерти Іорика, своей обратной мечтой обрекаетъ самого себя навѣки остаться ребенкомъ, какимъ Іорикъ носилъ его на плечахъ. Какая смѣшная глупость!

Да! Но и какая неизбѣжная, какя трогательная глупость! Въ основаніи ея — неискоренимый инстинктъ самосохраненія, субъективно сказывающійся безусловной вѣ-

рой личности въ ея неразрушимость. Отсюда неизбѣжное умозаключеніе: если я неразрушимъ, то и всякая другая организованная форма, всякое «не — я», неразрушима. Но такъ какъ, по закону вещей, личность можетъ существовать только на счетъ другихъ личностей, т. е. разрушая ихъ, то, постулируя безсмертіе «не—я», я тѣмъ самымъ постулирую смерть своего «я»; или вторая посылка, неминуемо вытекающая изъ первой, неминуемо убиваетъ ее. Человѣкъ живетъ двойной жизнью: нагнувшись надъ цвѣткомъ, умиляется его красотѣ и страстно благословляетъ его на вѣчное цвѣтеніе, — но въ то же самое мгновеніе, когда благословляетъ, — срываетъ его.

Мнѣ жаль цвѣтка, это живое «не—я», внѣположное воплощеніе моего «я», которое я изъ чувства самосохраненія инстинктивно хочу знать неразрушимымъ, и которое однако какъ разъ изъ самосохраненія и непремѣнно долженъ уничтожить, чтобы ассимилировать себѣ. Мы похожи на древнія царства, которыя неустанно покоряли сосѣднія страны — и среди своихъ побѣдъ твердо вѣрили въ собственную непобѣдимость. Оба эти чувства: потребность побѣждать другихъ и вѣра въ свою непобѣдимость, вложены въ насъ природой; безъ нихъ жизнь была бы невозможна. Но надъ обоими, какъ бѣлое облако, восходитъ третье, ненужное и безсмысленное, но не природное, а наше, человѣческое чувство: моя, Гамлета, Вольнея грусть надъ развалинами Пальмиры. Воля животнаго безъисходно ограничена природной цѣлесообразностью, — только человѣкъ перешагнулъ этотъ кругъ; тайное желаніе Гамлета, чтобы Александръ былъ вѣчно юнъ, идетъ наперерѣзъ законамъ природы. Подлинно-человѣческое въ мірѣ одно: volo, quia absurdum.

М. Гершензонъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ОДЕРЖИМЫЙ БОГОМЪ

Одичалый, угрюмый, ни съ кѣмъ не общаясь, онъ недѣли и мѣсяцы живетъ въ тупомъ оцѣпененіи и тяжко томится; а внутри его неустанно идетъ глухое броженіе, словно совершается химическій процессъ. И вдругъ изъ броженія вспыхнетъ опредѣленная безотчетная потребность, — и онъ идетъ, точно гонимый вихремъ, идетъ безъ мысли, въ какомъ-то изступленіи, пока дойдетъ за много миль въ то мѣсто, куда ему велѣла идти душа, не объясняя зачѣмъ. Его видъ пугаетъ встрѣчныхъ по дорогамъ; но они знаютъ его: зимою и лѣтомъ въ шкурѣ мѣхомъ наружу, подпоясанный кожанымъ поясомъ, простоволосый, съ израненными отъ дороги голыми ступнями, это — пророкъ Илія. И люди говорятъ между собою: «Духъ Божій опять несетъ его куда-то».

Внезапно, страшный, предсталъ царю и обжегъ его предсказаніемъ долгой засухи; а самому духъ Божій велѣлъ на это время идти къ потоку Хораѳу и жить тамъ. Тамъ ручей поилъ его и вороны носили ему пищу. Когда-же ручей высохъ отъ бездождія, духъ повелѣлъ ему идти въ Сарепту. Путь былъ далекій и вѣрно сильный зной; дойдя до города, онъ изнемогъ отъ голода и жажды. Увидавъ вдову, собиравшую хворостъ, онъ попросилъ у нея напиться, потомъ въ догонку крикнулъ ей, чтобы принесла ему также кусокъ хлѣба. На ея отвѣтъ, что, собравъ дрова, она хочетъ изъ послѣдней горсти муки и послѣдней ложки масла ис-

печь хлѣбъ для себя и своего сына, онъ говоритъ ей: «сдѣлай такъ, но раньше испеки небольшой опрѣснокъ и принеси мнѣ»; значитъ, такъ ослабѣлъ, что не можетъ ждать, пока она испечетъ настоящій хлѣбъ: пусть это будетъ хоть прѣсная лепешка. Такъ гонитъ его съ мѣста на мѣсто, и онъ самъ за минуту не знаетъ, куда духъ пошлетъ его. Онъ говоритъ царскому слугѣ: «пойди, скажи царю, что я жду его здѣсь»; но слуга взмолился: «Царь давно тебя ищетъ; пока я пойду къ нему, духъ Божій опять унесетъ тебя невѣдомо куда, и онъ, не найдя тебя на этомъ мѣстѣ, велитъ казнить меня за обманъ». И когда огненная колесница унесла Илію на небо, сыны пророковъ настояли на томъ, чтобы послать искать его: можетъ быть духъ Божій опять унесъ его и повергъ гдѣ-нибудь на горѣ или въ долинѣ, какъ бывало столько разъ. Его гонитъ безъ причины изъ Іерусалима въ Вирсавію, оттуда за сорокъ дней путикъ Хориву, оттуда черезъ пустыню въ Дамаскъ, или въ другой разъ — изъ Галгала въ Виѳиль, оттуда въ Іерихонъ, оттуда къ Іордану. Люди называютъ это: «Духъ Господень носитъ его», или еще иначе: «Рука Божья на немъ». Такъ сказано: «И была на Иліи рука Господня: онъ опоясалъ чресла свои и бѣжалъ предъ Ахавомъ до самого Изрееля». Какое зрѣлище! царская колесница мчится подъ проливнымъ дождемъ отъ Кармила въ Изреель, а впереди, въ изступленіи, не чувствуя ни потоковъ сверху, ни острыхъ камней и грязи подъ ногами, бѣжитъ безумный человѣкъ въ звѣриной шкурѣ. И, добѣжавъ, навѣрное упалъ безъ дыханія. Это истязаніе было ненужно, — дѣло было сдѣлано раньше и кончено къ отъѣзду царя, — но такъ внезапно внушилъ ему духъ, и онъ долженъ былъ повиноваться.

Онъ — точно безвольный рабъ. Но присмотритесь къ нему — что онъ? Какъ садовникъ обрѣзаетъ вѣтви у растенія, чтобы оно не тратило соковъ, такъ онъ лишенъ всего, что образуетъ личную жизнь людей. Наша жизнь устремлена наружу; личность истощаетъ свою силу на буйную поросль вѣтвей, старается выслать ихъ изъ себя какъ можно больше числомъ, какъ можно длиннѣе и лиственнѣй. Это

наши замыслы, привязанности, предпріятія, — всѣ наши чувства, мысли и дѣла, которыя простерты въ міръ. Илія стоитъ, какъ голый стволъ, питаемый одними своими корнями: вѣрно могучіе корни! — только далеко вверху небольшая крона — лицо. Его личность вся съ невиданной силой сосредоточена внутри, его воля — стихійная воля, и его воля — его мышленіе. Оттого внутренній голосъ не дробится у него въ вѣтвяхъ, какъ у насъ, а мгновенно и чисто доходитъ до его слуха непреложнымъ приказомъ, которому невозможно не повиноваться. Это называется: «И было къ нему слово Господне». Онъ слышитъ свой внутренній голосъ, какъ объективное сужденіе или велѣніе, и потому онъ нетерпимъ, онъ въ своемъ личномъ опытѣ не знаетъ ни колебаній, ни заблужденія. Онъ не можетъ понять людей: «Долго ли вы будете хромать на о б а колѣна? Если Іагве есть Богъ, то послѣдуйте ему, а если Ваалъ, то ему послѣдуйте». Но онъ знаетъ навѣрное, что Богъ — Іагве, и потому онъ во имя Іагве пророчествуетъ казни и самъ казнитъ. И оттого-же онъ чрезъ свои корни непосредственно воспринимаетъ міровую жизнь, « и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье». Онъ уже слышитъ шумъ приближающагося дождя, когда небо еще совершенно безоблачно; онъ знаетъ мѣсто и часъ своего вознесенія. Какъ Пушкинскій пророкъ, онъ подлинно видитъ и слышитъ, тогда какъ мы подслѣпы и глуховаты. Люди вѣроятно думаютъ, что онъ въ своей одержимости ничего не видитъ кругомъ; а онъ зорко смотритъ и помнитъ. Въ рѣшительную минуту, въ озареніи наивысшаго экстаза, онъ вдругъ — какъ всегда — ощущаетъ въ себѣ непреклонное рѣшеніе, велѣніе Бога: Поставить Азаила царемъ сирійскимъ, Іиую — царемъ израильскимъ, и Елисея помазать въ пророки послѣ себя. Онъ конечно раньше видѣлъ ихъ всѣхъ и пристально разглядѣлъ, — теперь только вспомнилъ. Онъ навѣрное не слышитъ людскихъ дрязгъ и сплетенъ, но что нужно, то слышитъ. Когда Ахавъ неправедно присвоилъ себѣ виноградникъ Навуѳея, Илія, бывшій вдали, тотчасъ явился — конечно, по слуху въ народѣ; и когда Охозія по-

слалъ спросить совѣта у чужеземнаго Бога, онъ также мгновенно узналъ.

Такъ наперекоръ своей видимой безличности онъ — личность безконечно болѣе каждаго изъ насъ, — нечеловѣчески концентрированная личность.

Но трудно человѣку, бренной и вожделѣющей плоти, поминутно всю жизнь чувствовать на себѣ руку Бога. Духъ, повелѣвающій Ильѣ, обнажилъ его кругомъ. У него нѣтъ ни жены, ни дѣтей, ни постояннаго крова, ни какого-либо имущества, ни одной привязанности, ни одной радости, ничего своего, личнаго. Духъ оставилъ ему только то, безъ чего невозможно самое существованіе: шкуру для тѣла, кусокъ хлѣба и мяса, да случайный кровъ отъ непогоды. И вся его жизнь въ подчиненіи духу — сплошное изнуреніе. Я представляю себѣ его спящимъ: какое измученное лицо! Онъ не ропщетъ, но иногда не въ силахъ удержать стона. Спасая свою жизнь отъ царицы-язычницы, онъ ушелъ далеко въ пустыню, сѣлъ подъ можжевеловымъ кустомъ и просилъ себѣ смерти. Его мольба тронула бы и каменное сердце; онъ проситъ: «Довольно уже, Господи! возьми душу мою». Онъ проситъ не отпускной, а именно смерти. Онъ знаетъ, что никакая сила не можетъ отпустить его на волю, чтобы онъ жилъ, какъ другіе люди, — потому что духъ, владѣющій имъ, — его собственная душа; только смерть можетъ освободить его.

Образъ Иліи возвышается въ исторіи человѣчества, какъ великанъ среди пигмеевъ. Онъ — величайшій изъ героевъ по Карлейлю, изъ тѣхъ, что безотчетно знаютъ и беззавѣтно исполняютъ велѣнія міровой воли. Я сказалъ, что эти велѣнія мгновенно доходили до него непреложнымъ приказомъ; о комъ еще изъ людей можно это сказать? — даже Христосъ однажды усомнился и былъ искушаемъ. Велѣнія міра звучатъ трубнымъ звукомъ въ каждомъ изъ насъ, но этотъ звукъ обыкновенно доходитъ до нашего сознанія заглушенный и искаженный безчисленными перегородками, которыя сама личность помогала внѣшнему соблазну воздвигнуть въ ней. Блеснетъ мимолетная мысль, и

погаснетъ. Другая мысль ярче загорится, побуждая волю дѣйствовать, и воля высылаетъ въ направленіи мысли слабое усиліе, какъ бы ложноложку амебы, которое робко ощупываетъ и вяло силится схватить. Третья мысль вспыхнетъ пламенемъ, и вотъ дѣйствіе выдвигается увѣренно, уже не ложноножка, а крѣпкій органъ духа, знающій свою власть надъ вещами. Самая легкая наша греза, и убѣжденіе, за которое человѣкъ идетъ на смерть, они — одной породы, образованы изъ одной субстанціи. Образъ Иліи изваянъ европейскимъ народнымъ разумомъ, какъ предѣльный образъ человѣка, и мудро одѣтъ имъ въ звѣриную шкуру далекаго прошлаго. Эта первозданная цѣльность духа стала невозможна, — да она и не нужна. Не хочетъ и не долженъ человѣкъ быть одержимымъ, чтобы рука Бога вела его почти физически. Онъ долженъ пройти чрезъ всѣ сомнѣнія своего ума и чрезъ всю глухоту и каменность своего сердца, долженъ все раскрыть и сознать въ себѣ; тогда онъ станетъ Ильею, свободно и весело исполняющимъ волю Хозяина.

М. Гершензонъ.

ПЕСТРЫЯ КАРТИНКИ

Кто изъ насъ, русскихъ, не былъ загипнотизированъ французской революціей? Кто съ жадностью не бросался въ молодости на изученіе ея великихъ людей и событій? Какъ весело теперь танцуютъ на улицахъ Парижа въ день 14-го іюля... Забыли кровь, забыли грязь,—помнятъ только великое. Конечно, и будущія русскія поколѣнія будутъ жить только результатами революціи, а не ея отдѣльными эпизодами. Но для насъ, современниковъ огромныхъ событій, смыслъ которыхъ никто изъ насъ не можетъ учесть полностью, — для насъ важна сейчасъ каждая деталь, каждая черта психологическихъ переживаній и измѣненій, каждый уклонъ въ ту или иную сторону!

И странное впечатлѣніе производятъ эти «детали». Событія, несомнѣнно, огромныя, кто-бы и какъ-бы ихъ ни оцѣнивалъ. А на поверхности великаго такое множество людишекъ мелкихъ, съ низменными душенками, съ потребностью безцѣльнаго мучительства ни въ чемъ неповинныхъ людей... Неужели и тогда, сто тридцать лѣтъ тому назадъ, великіе принципы свободы, равенства и братства были завернуты въ кровавыя лохмотья этихъ *деталей* революціи?

Во внутренней тюрьмѣ В. Ч. К. — самой страшной по режиму изъ всѣхъ тюремъ Россіи, — у меня была особенная потребность перечитывать Ламартина, щедраго на описанія конкретныхъ чертъ кровавыхъ событій. Красавица Люси Дантонъ, печальная м-ме Роланъ, гордая Шарлотта Корде, величественный, неподкупный сектантъ Робеспьеръ, жестокій и грязный Маратъ, мясникъ, замучившій дофина, и тысячи другихъ именованныхъ дѣятелей...

Поднимешь глаза отъ книги, — сидятъ кругомъ сосѣдки по камерѣ. Простыя, русскія лица, такія блѣдныя, усталыя... Тоже участницы великихъ событій. Кто онѣ такія? Съ именами? Нѣтъ. Это — безчисленныя жертвы В. Ч. К. Это *массовый* элементъ, заполняющій сейчасъ тюрьмы Россіи. Нѣтъ у нихъ ни именъ, ни желанія увѣковѣчить себя въ исторіи. Это — тѣ, о которыхъ Ламартинъ и другіе бытописатели сообщаютъ только суммарно: десятками, сотнями тысячъ наполняли подвалы Парижскихъ тюремъ, на огромныхъ колымагахъ ѣхали на эшафотъ, съ крикомъ или молча совали головы подъ ножъ гильотины, или тысячами гибли отъ голода и эпидемій. Что они думали? Что чувствовали? Переживали? Какъ относились къ революціи? Были-ли ея дѣйствительными врагами и противниками? Не знаемъ ничего... А кто ихъ мучилъ? За что? И тѣ, безчисленные мелкіе людишки революціонныхъ трибуналовъ Франціи, — эти слѣдователи, посылавшіе сотни и тысячи людей на смерть, — кто помнитъ теперь ихъ имена? Кто описалъ ихъ пріемы и обращеніе съ ихъ жертвами?

Да, странное сочетаніе. Грандіозный размахъ, стираются цѣлые слои, переворотъ почти космическій — сверху до низу. А здѣсь въ камерѣ, сидятъ самые простые, обыкновенные люди, скорѣй, обыватели, — ѣдятъ, пьютъ, смѣются, то веселятся, то плачутъ, не думая о революціи... ни о какихъ ея сдвигахъ...

Да, сочетаніе странное. А если нарисовать просто картинки, сфотографировать лишь то, что видитъ глазъ и слышатъ уши, — какъ все это далеко отъ «великости!». Иной разъ станетъ просто смѣшно.Какъ? Вотъ эта дѣвушка съ длинными косами, постоянно шепчущая какія-то слова, — постоянно смотрящаяся въ обломокъ зеркала, — это — дѣятель революціи? Но вѣдь она едва ли можетъ правильно произнести это слово... «Релюлюція», говоритъ смотрительница Таганской тюрьмы, потѣшавшая насъ въ камерѣ забавными разсказами и попавшая въ тюрьму за передачу записки заключенному... Релюлюція...

Здѣсь, заграницей, на свободѣ, хочется записать именно эти картинки, какъ нибудь схватить колоритъ *простого,* того обычнаго, чѣмъ наполнена сейчасъ русская жизнь. Лучше всего это сдѣлать безсистемно, какъ связываются эпизоды въ памяти, безъ претензіи на цѣльность. Пусть броситъ читатель, если это скучно. Но если бы схватить сейчасъ моментальной фотографіей, но въ большомъ числѣ, вотъ эти пестрыя картинки, въ нихъ, несомнѣнно, ярко отразилась бы *психологія быта,* то простое и ежедневное, чѣмъ живетъ сейчасъ Россія.

I.

Чистая, но унылая камера внутренней тюрьмы В. Ч. К. Лубянка 2. Кровати — простыя доски, сколоченныя какъ наскоро сдѣланный гробъ покойнику. Постоянно, не менѣе двухъ разъ въ недѣлю обвариваемъ ихъ кипяткомъ, а клопы все таки откуда-то наползаютъ. Тюфяки — грязные, набитые какой то трухой. Самое скверное — множество людей приходятъ безъ простынь, одѣялъ и подушекъ. Постоитъ, посмотритъ, брезгливо сморщится, но усталость возьметъ свое, — ляжетъ и на голыхъ доскахъ, — все равно.

Здоровье заключенныхъ въ этой тюрьмѣ быстро разрушается: по мѣсяцамъ сидятъ безъ воздуха, съ крошечной форткой, выходящей на вонючій дворъ. Прогулокъ — никакихъ и никогда. Пища — самая скудная. Если нѣтъ передачъ — человѣкъ пропадаетъ. Передачи поставлены образцово; три раза въ недѣлю можно передавать, что угодно: бѣлье, пищу, хлѣбъ, чай. Нельзя только ножницъ, ножей, карандашей, бумаги, газетъ (въ другихъ совѣтскихъ тюрьмахъ всѣ газеты читаются свободно), книгъ (книги передаются лишь въ видѣ исключенія). Ни разу я не слышала жалобъ, чтобы хотя бы что нибудь изъ передачъ пропало. Счастливицы, получающія передачу, всегда дѣлятся съ другими. Бѣдность заключенныхъ такова, что изъ 10 передачу получаютъ въ каждой камерѣ не болѣе 3—4, а то и 2.

Стража — вѣжливая, хотя и пугаетъ своей суровостью. Самыя непріятныя — латышки, разносящія обѣдъ. Онѣ почему-то съ нескрываемымъ презрѣніемъ относятся ко всѣмъ заключеннымъ. Эти же латышки убираютъ коридоры тюрьмы. Въ коридорахъ безукоризненная чистота.

Есть своеобразный родъ мучительства въ этой тюрьмѣ: выпускъ пачками (всей камерой) въ уборную всего два раза въ день, утромъ и вечеромъ, хочешь — не хочешь. Въ остальное время — хоть умри, не выпустятъ. Это коллегіальное шествіе и пребываніе по истинѣ мучительно. Камеры ведутъ непрерывную борьбу за лишній выпускъ. При тюрьмѣ — амбулаторія, врачъ, фельдшера. Когда во всей Россіи не было самыхъ обыкновенныхъ лекарствъ, въ этой тюрьмѣ можно было получить все. Къ сожалѣнію, врачъ (г. Кабанъ) глупъ и врядъ ли понимаетъ много въ своей профессіи.

Есть прекрасная баня, недавно устроенная. Радость доставляетъ эта баня неизъяснимую. Будили насъ иногда въ 3 часа ночи, если въ это время падала очередь на нашу камеру, — никто не отказывался, всѣ шли съ восторгомъ. Передъ этимъ вы-

дается по кусочку мыла, а неимущимъ — рубашки. Каждый день заключеннымъ выдается по 8 папиросъ или табакъ и бумага. Стража обязана по просьбѣ и стуку въ дверь давать «прикурить».

Никакія перестукиванія и вообще сношенія между камерами не допускаются и невозможны. Во-первыхъ, отвѣчаетъ вся камера, во-вторыхъ, виноватый отсидитъ въ карцерѣ.

Три раза въ недѣлю камеры обходитъ начальникъ тюрьмы и принимаетъ заявленія, спрашиваетъ, не боленъ ли кто, не нуженъ ли врачъ, нѣтъ ли жалобъ на стражу.

Въ общемъ, если бы прибавить прогулки и иное отношеніе къ естественнымъ человѣческимъ потребностямъ, физически тамъ выдержать можно было бы. Говорятъ, что одиночки въ этой же тюрьмѣ — ужасны: сырыя, темныя, въ нижнемъ подвальномъ этажѣ. Много крысъ. И я помню, какъ Н. М. Кишкинъ чудесно копировалъ старую большую крысу, приходившую къ нему каждый вечеръ вмѣстѣ съ другими товарками. Съ ними, въ сырой одиночкѣ своей, онъ велъ непрерывную борьбу. Иногда стукнетъ чѣмъ нибудь, чтобы разбѣжалась пріятная компанія, но на стукъ сбѣгается другая, — стража.

— Что вы стучите?

— На крысъ, не видите развѣ, сколько ихъ.

— Ну-къ штожъ, крыса и крыса. Стучать нельзя...

— Я знаю, что крыса, да вѣдь я — въ одиночкѣ, зачѣмъ-же онѣ подсаживаются ко мнѣ.

Аргументъ успокаиваетъ, стража ретируется.

Между прочимъ, сидя въ этой крысиной одиночкѣ, Н. М. Кишкинъ не покидалъ своей работы въ качествѣ члена Комитета Помощи Голодающимъ. Однажды приходитъ къ намъ начальникъ тюрьмы, Дукесъ, и говоритъ: «Гражданки, если вы не доѣдаете хлѣбъ и корки, — сдавайте ихъ особому сборщику, котораго я поставлю. Это пойдетъ голодающимъ... Мы хлѣбъ будемъ сушить...» Гражданки съ такой готовностью откликнулись на предложеніе, что я только тутъ, въ этой голодной тюрьмѣ, отчетливо поняла, что можно было-бы сдѣлать въ Россіи со всѣми этими людьми, если-бъ найти дорогу къ ихъ сердцу и если-бъ дать имъ свободу дѣйствовать... Каждую корочку собирали съ тѣхъ поръ старательно и сдавали все сборщику. Потомъ уже я узнала, что идею эту подалъ Дукесу Н. М. Кишкинъ...

Въ Россіи всѣ привыкли къ физическимъ страданіямъ. Кто недоѣдаетъ, кто совсѣмъ голый, у кого изъ брюкъ колѣнки торчатъ, все это ничего, переносятъ стойко. Мученія по истинѣ неслыханныя начинаются (да и кончаются-ли когда нибудь?)

тогда, когда вы чувствуете полное, абсолютное свое безсиліе передъ гнуснѣйшей моральной обстановкой, въ которой протекаетъ жизнь. То Стекловъ отдаетъ въ печати приказъ «приласкать интеллигенцію», ибо она нужна имъ, большевикамъ, то ухарской митингъ, на которомъ кривляются паяцы и грозятъ «бандиту имперіализма Ллойдъ-Джорджу» или подхалиму буржуазіи Мильерану, и которыхъ жадно слушаютъ тысячи русскихъ рабочихъ, то завѣдомый воръ — коммунистъ начинаетъ кричать о чести пролетаріата, то, наконецъ, бывшій царскій охранникъ подъ шапкой коммуниста творитъ пытки въ нѣдрахъ чрезвычайки... А главное, куда ни повернись — вездѣ оффиціальная ложь, все пропитано какой-то липкой невыносимой ложью, и кажется иногда, что именно въ болотѣ этой лжи потонетъ все, что есть и было чистаго въ странѣ...

Вотъ и въ этой чистой тюрьмѣ, по которой нерѣдко водятъ иностранцевъ, представителей III-го Интернаціонала, — что за атмосфера тамъ, внутри?

Приведутъ бывало кого-нибудь съ допроса, брякнется человѣкъ на кровать и заведетъ такую истерику, что сбѣгается вся стража, зовутъ доктора, фельдшера...

— Что такое? Что такое, чего вы такъ кричите?

— Онъ... онъ... онъ... онъ сказалъ — къ разстрѣлу, если не скажу...

— Какъ къ разстрѣлу? Да вѣдь вы же говорили намъ, что никогда ни въ чемъ не участвовали?

— Ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ, — лепечетъ женщина, захлебываясь отъ рыданій. А онъ...

— Да перестаньте. Пугаетъ онъ и больше ничего.

Успокоится одна, заводитъ другая.

Помню, разъ привели къ намъ дѣвушку. Глаза красивые, лукавые, волосы завитые, платье бѣлое, легкое, все въ кружевахъ. Ни подушки, ни одѣяла, ни полотенца. Пришла и прямо въ этомъ бѣломъ платьѣ повалилась на тюфякъ. Какъ всегда — къ «новенькой» — большой интересъ. Обступили. Кто, откуда, за что?

— Я познакомилась съ нимъ на бульварѣ, такъ вотъ за это...

— Съ кѣмъ?

— Да съ Жанчикомъ-то. Онъ изъ эстонской миссіи.

— Ну?

— Ну, а они пришли и говорятъ — на какой почвѣ? Я — смѣюсь, не скажу, говорю. А они — берутъ меня. Тутъ я имъ и призналась: на почвѣ любви, съ Жанчикомъ-то... Не вѣ-

рятъ; говорятъ — врете, на почвѣ шпіонажа. А я и не знаю, что это за штука такая — шпіонажъ.

— Да вы чѣмъ занимались-то вообще-то, что дѣлали?

— Что дѣлала... — Лукавые глаза смѣются... Въ камерѣ хохотъ. Съ этого момента между камерой и дѣвушкой установились странныя отношенія. Ее приласкали, она перестала скулить и разсказывала массу забавнѣйшихъ эпизодовъ изъ области своихъ «занятій на бульварахъ» въ столицѣ революціи... Дѣвушка видѣла и «комиссарчиковъ» и «матросика съ Авроры», и обо всѣхъ умѣла разсказать столько забавнаго, проявляла при этомъ столько остроумія и житейской наблюдательности, что камера хохотала до упаду, получала выговоры отъ «свекра», т. е. старшаго по стражѣ, который однажды пообѣщалъ даже насъ всѣхъ связать. Дѣвушка прижилась, всѣ дѣлились съ ней передачами, и она какъ ребенокъ отдыхала и отъ бульваровъ, и отъ первыхъ воспоминаній объ арестѣ. Стала каждый вечеръ завиваться. А такъ какъ бумага къ передачѣ запрещалась, то мы старательно складывали кусочки бумаги, въ которые завертывалась передача, чтобы Надя могла завиться. Прошло двѣ недѣли. На Надю нападалъ хохотунъ главнымъ образомъ тогда, когда она въ папильоткахъ, въ рубашенкѣ (мы выучили ее стирать на доскѣ и гладить «холоднымъ способомъ», безъ утюга, ея единственную рубашенку) лежала вечеромъ въ постели и вспоминала смѣшныя вещи изъ прошлаго.

— Нѣтъ, какъ хотите. Сколько ни видѣла я русскихъ, и комиссарчиковъ, и просто такъ, — нѣтъ лучше моихъ эстончиковъ и Жанчика. А то вотъ еще литовцы...

— Да что это вы, Надя, все по миссіямъ. Ужъ и въ самомъ дѣлѣ не шпіоните-ли вы?

Заливается, хохочетъ. Вдругъ — щелкъ замокъ. Стража.

— Ипатова Надежда, — къ допросу!

— Какъ, ночью?

— Собирайся живѣй! Ну, живѣй!

А папильотки? Руки трясутся, слезы брызнули, — что дѣлать съ папильотками?

— Послушайте, гражданинъ, говорю стражнику, уйдите изъ камеры, пока она одѣнется.

— Ну, чего тамъ, не видалъ штоль.

— Уйдите. Не стыдно вамъ? Вѣдь вы только задерживаете. Безъ васъ скорѣй одѣнется.—Уходитъ. Слушается. Мы всѣ бросаемся къ Надѣ, начинаемъ срывать папильотки, кудри сыплются, — а дѣвушка бѣлая, бѣлая, совсѣмъ обомлѣла.

— Надя, Надя! Придите, дѣтка, въ себя. Ну, что вы это.

— Не могу... не пойду... Ногъ, ногъ нѣтъ... Не могу...

Слезы тихо, тихо льются. Лицо все бѣлѣе и бѣлѣе. Наконецъ, одѣта. Почти подъ руки ведемъ, сдаемъ стражнику. Знаемъ, что будетъ долго, долго, безконечно долго итти по темнымъ коридорамъ внутренней тюрьмы, пока не дойдетъ до комнаты слѣдователя. Мнѣ иногда казалось, что эти коридоры безъ освѣщенія нарочно придуманы для эффекта устрашенія. Даже днемъ жутко итти. Ночью никто не можетъ пройти по нимъ, не держась за руку стражника. Иначе разобьешь на поворотахъ лобъ или просто свалишься.

Ушла Надя. Никто въ камерѣ не говоритъ ни слова. Никто не спитъ. Точно вся камера слилась душой съ этой дѣвушкой съ бульвара, которую допрашиваетъ сейчасъ слѣдователь. За эти двѣ недѣли мы, конечно, вполнѣ убѣдились, что это — дѣйствительно дѣвушка съ бульвара и больше ничего. За что-же ее таскаютъ? Проходитъ часъ, бьютъ на башнѣ часы. Еще часъ. Всѣ молчатъ. Третій часъ ночи. Нади все нѣтъ.

Вдругъ коридоръ оглашается крикомъ, смѣшаннымъ съ истерическими рыданіями. Всѣ невольно вскакиваютъ. Голосъ Нади.

— «Пустите, да пустите, черти. Пустите!

Какая-то возня, крикъ. Къ глазку мы не имѣемъ права подходить. За это — темный карцеръ на много дней. Многія быстро одѣлись, чтобы взять дѣвушку отъ стражника, когда онъ ее введетъ.

Дѣйствительно, не то что вводятъ, а чуть-чуть не вносятъ. Блѣдна какъ смерть, волосы растрепаны, глаза блуждаютъ. И опять это обычное среди рыданій — «онъ сказалъ... онъ сказалъ... я не могу... онъ сказалъ...»

— Надя, Надя. Замолчите, сейчасъ-же,—кричу я на нее. Сколько разъ испробовала я этотъ строгій окрикъ. Истерика тотчасъ-же стихаетъ. Садимся на постель, гладимъ руки, волосы. Въ чемъ дѣло?

— Онъ сказалъ... Что вы дѣлали съ Жанчикомъ? Признавайтесь.

— Ничего, ей Богу-же ничего. Что вы ко мнѣ пристали? Ничего...

— Ну, разсказывайте. За что онъ вамъ привезъ духи эстонскіе и шоколадъ. За что? Вѣдь вы служите въ штабѣ?

— Я служила, когда была повинность. Теперь не служу.

— Но поддерживаете связь съ служащими штаба съ одной стороны, съ Жанчикомъ съ другой?

— Никакой я связи ей Богу не поддерживаю. Только съ Жанчикомъ.

— Что съ Жанчикомъ?

— Да связь-то, я вѣдь вотъ вамъ сто разъ разсказывала. Подошелъ на бульварѣ. Подарилъ билетъ. Поѣхали въ театръ, ну...

— Ну, вотъ что, говоритъ слѣдователь, такъ какъ вы запираетесь, то я вамъ сейчасъ приготовлю мягкую постельку, а то на доскахъ въ нашей тюрьмѣ жестко...

— Какую постельку? Что такое?

— А такое. Вы еще не знаете нашихъ постелекъ? Онѣ мягенькія, для вашего пухлаго тѣльца какъ разъ подходящія... Беретъ меня, продолжаетъ Надя, за подбородокъ, а въ другой рукѣ, а въ другой рукѣ — револьверъ. Я какъ заору! Упала, кричу и бьюсь, бьюсь и кричу. А онъ — съ револьверомъ и все шепчетъ: «хотите постельку? Мягкую, мягкую!» Тутъ я больше ничего не помню. Вотъ и привели назадъ...

Съ этого дня Надю стали постоянно вызывать по ночамъ на допросъ. Каждый вечеръ, ложась спать, она крестилась и тряслась. Папильотокъ уже не завивала. Приходила съ допроса вялая, блѣдная.

— Я уже больше не боюсь разстрѣла. Пусть...

— А что-же, все говоритъ — на разстрѣлъ?

— Постоянно. Мнѣ и Жанчика теперь не жалко, никого, никого. Все равно.

Она перестала ѣсть, кашляла, блѣднѣла. Затѣмъ меня перевели въ другую камеру и я уже не могла ничего о ней знать. Мѣсяца черезъ два съ половиной меня перевели въ Бутырки, въ одиночный корпусъ. Режимъ — легкій, съ прогулками. И вотъ однажды на прогулкѣ подходитъ ко мнѣ дѣвушка и говоритъ: «Вамъ просила передать поклонъ Надя, она здѣсь».

— Какъ? Все въ тюрьмѣ?

— Да, и будетъ, повидимому, сидѣть безъ конца.

— Да за что-же, ради Бога?

— Не люби эстонскаго Жанчика! — засмѣялась дѣвушка.

Мнѣ очень хотѣлось увидѣть Надю, но меня такъ скоро увезли изъ Бутырокъ снова во внутреннюю тюрьму, что я не успѣла «соорудить» такое свиданье. Гдѣ-то она теперь? Завиваетъ-ли свои папильотки, сидитъ-ли еще въ тюрьмѣ или снова на бульварѣ караулитъ новаго Жанчика, за котораго опять — какъ опасная контръ-революціонерка — попадетъ въ тюрьму.

Кромѣ этой Нади встаютъ въ памяти и другія фигуры. Вотъ красивая танцовщица, стройная и тонкая, — изъ Констан-

тинополя. Камера вскорѣ-же раскусила ее: танцовала передъ нами весьма удивительные пируэты какъ служащая че-ка... Вотъ дѣвушка пѣвица и поэтесса, — ровно никакого отношенія къ политикѣ не имѣла никогда. Сидѣла по подозрѣнію въ знакомствѣ «съ однимъ молодымъ англичаниномъ». Вотъ замученная полька-вдова. На волѣ осталось двое маленькихъ дѣтей и старуха мать безъ всякихъ средствъ. Цѣлую ночь плачетъ, худѣетъ, ничего не ѣстъ. Совершенно истекаетъ кровью, — не можетъ ходить. Потомъ уже въ Бутыркахъ болѣе опытные врачи, чѣмъ нашъ Кабанъ, констатировали ракъ, далеко зашедшій... Повезли въ больницу на операцію. Умоляла отпустить къ дѣтямъ, къ старухѣ матери. Безплодно. Вотъ свѣтлая дѣвушка, жел. дор. служащая. Наивная, милая. Плакала о томъ, что въ ея комнатѣ, запечатанной послѣ обыска, осталась живая канарейка безъ воды и пищи. Мы утѣшили ее тѣмъ, что предложили подать слѣдователю заявленіе съ просьбой освободить невинную канарейку и передать ее роднымъ. Такъ и было сдѣлано. Послѣ этого слѣдователь любезно обѣщалъ ей на допросѣ освободить не только канарейку, но и ее, если... если она дастъ нѣкоторыя объясненія о поведеніи своей сослуживицы...

— Вы то ни въ чемъ не виноваты, мы это знаемъ, говорилъ ей слѣдователь.

— Зачѣмъ-же взяли меня?

— Въ качествѣ свидѣтельницы.

— Развѣ свидѣтельницы сидятъ?

— Сидятъ! Ихъ-то, пожалуй, больше у насъ, чѣмъ виноватыхъ.

— Какъ-же это... Не полагается...

— Что не полагается? У насъ все полагается. Вотъ вы скажите: кольца онъ ей дарилъ?

— Кто?

— Начальникъ вашъ. Вѣдь онъ ухаживалъ за вашей подругой?

— Я не знаю...

— Ну, какъ не знаете, сколько разъ провожали ее къ нему...

— А вы почемъ знаете?

— Мы-то? Мы все знаемъ. Понимаете-ли—все... Вздохнете вы, соврете, все знаемъ. Вотъ скажите: они цѣловались на службѣ? Кольцо онъ ей дарилъ?

— Какое кольцо? Я-же вамъ сказала, не знаю.

— Ну-съ? А канареечка? Желтенькая канареечка? Не хотите развѣ къ ней? Сейчасъ-же выпущу и ее и васъ. Только про кольцо скажите.

— Ну вотъ вы какая! А еще подругой называетесь! Ваша-то подружка изъ-за васъ долго просидитъ.

— Какъ изъ-за меня?

— Да такъ. Пока не скажете, дарилъ-ли онъ ей кольцо — ни ее, ни васъ, ни канарейку не выпустимъ.

Приходитъ назадъ дѣвица. Плачетъ. Сказать развѣ? Вѣдь пустяки, любовныя дѣла... Ей и въ голову не приходитъ спросить: а зачѣмъ они, эти любовныя дѣла ему, чрезвычайщику? Чего ему нужно?

Вотъ толстая, упитанная дама. Продала какое-то мыло. Повидимому, — по спекулянтскимъ дѣламъ. Вотъ деревенская дѣвушка, грязная, вшивая. Была сама надзирательницей Таганской тюрьмы; теперь сидитъ за передачу записки заключенному... Остроумная. Релюцію, релюлюцію, говоритъ, не люблю... Проходятъ вереницей и другія лица. Все это люди — рѣшительно никакого отношенія къ политикѣ не имѣющіе. Нерѣдко мѣняются роли... Посидитъ заключенный. Перезнакомится со слѣдователями... Получитъ приглашеніе... «помочь совѣтской власти». Согласится. А почему-же нѣтъ? Развѣ у всѣхъ этихъ случайныхъ жертвъ революціи есть какіе-нибудь предразсудки?

— А я ему сказала: мнѣ все равно какая власть, лишь бы меня не трогала, разсказываетъ на допросѣ одна изъ сокамерницъ.

— Значитъ, если самодержавіе вернется — вамъ все равно? задаетъ вопросъ слѣдователь.

— Конечно, все равно. Мнѣ то какое дѣло. Вы деретесь, а я то тутъ причемъ? Отпустите меня, вотъ и все. Не могу больше сидѣть у васъ тутъ. Да и какое мнѣ дѣло?

— Послушайте, товарищъ,—мягко говоритъ слѣдователь. — Не хотите-ли папироску?

— Ну, и хочу. А все-таки отпустите.

— Отъ васъ зависитъ... Вы должны содѣйствовать какъ гражданка крѣпости совѣтской власти. Понимаете?

— Чего понимать-то? Отпустите и только.

— Вы можете выйти, когда захотите. Но прежде всего — маленькій экзаменъ, и мы съ вами будемъ друзьями... У васъ память хорошая?

— А на что вамъ память-то моя? Васъ никогда не забуду. Во вѣкъ.

— Благодарю. Но вотъ что. Я васъ вызову черезъ недѣлю. Вы должны запомнить все, что говорится въ камерѣ. И если вы передадите все вѣрно, — я васъ выпущу... Тогда мы поговоримъ подробнѣе...

— А какъ же вы узнаете, вѣрно-ли я вамъ все разскажу?

— О, объ этомъ не безпокойтесь... Это вѣдь только экзаменъ... Я передъ тѣмъ какъ вызвать васъ буду уже точно знать, что говорилось въ камерѣ...

Уходитъ. Разсказываетъ намъ. Мы предлагаемъ исходъ: замолчать на всю недѣлю и такимъ образомъ облегчить дѣвицѣ ея положеніе. Камера умолкаетъ. Это было жуткое, жуткое молчаніе. Стража удивлялась, — что это съ нами? Никто не смѣется, никто не промолвитъ ни слова. Завѣдомая шпіонка-танцовщица пробовала разбить молчаніе, заговорить. Никто не отвѣчалъ.

Черезъ недѣлю дѣвушку вызываютъ... Взбѣшенный слѣдователь, дѣйствительно, все знаетъ: наканунѣ вечеромъ была вызвана на допросъ танцовщица...

— Что-же это вы? Такъ поняли мое порученіе? Блестяще! Придется посидѣть еще и еще...

Но вѣдь есть и такія, которыя дѣйствительно блестяще порученіе выполняютъ, — становятся друзьями, содѣйствуютъ «укрѣпленію совѣтской власти». И сколько ихъ! Если ей все равно, — самодержавіе, соціализмъ, коммунизмъ, — то почему не отвязаться отъ тюрьмы какой угодно цѣной? Особенно если такъ натянутся нервы, что страхъ или апатія сметутъ все, всякое возмущеніе и сопротивленіе...

Опять углубляюсь въ Ламартина, Жореса, во всѣ эти перипетіи Конституанты, Горы, Жиронды. Великія событія. Неужели и вы протекали среди желтыхъ канареекъ, любовныхъ колецъ и прочей дикой белиберды?

Поднимешь голову, — снова тѣ-же простыя лица, жуткій шопотъ — онъ сказалъ... я сказала... онъ сказалъ... на разстрѣлъ...

Ночью пробивается лунный свѣтъ сквозь замазанное окно. Полъ-камеры спитъ... Ворочаются, тяжко вздыхаютъ, чешутся... А утромъ — опять совмѣстное шествіе въ уборную, опять бездѣлье, бездѣлье безъ конца... Но до чего-же все это глупо въ концѣ концовъ!

До какой степени вся эта публика, наполняющая сейчасъ совѣтскія тюрьмы, далека отъ революціи или отъ контръ-революціи, до чего вся она обывательски невинна, мнѣ показала моя негласная анкета. Люди въ камерѣ мѣнялись, — уводили, приводили, но характеръ ихъ оставался все тотъ же: ультра-обывательскій.

На вопросъ, знаютъ-ли они В. Н. Фигнеръ, П. Н. Милюкова или Гучкова, неизмѣнно слѣдовалъ отвѣтъ: «кто такіе? Не знаю». Керенскаго, Ленина, Троцкаго — знали всѣ. О другихъ-же членахъ Временнаго Правительства и нынѣ дѣйствующихъ

большевикахъ не имѣли ни малѣйшаго представленія. О Ленинѣ и Троцкомъ знали гораздо больше въ частушкахъ и анекдотахъ, чѣмъ въ ихъ дѣлахъ. Въ Бутыркахъ о нихъ и о «Рыкапѣ» сочинены великолѣпныя пѣсни, жаль, что не имѣю ихъ текста.

Сидятъ, сидятъ бывало, — скука дикая, мои книги всѣ серьезныя, не подходятъ. Вдругъ разражаются хохотомъ.

«Приставили къ Ленину красноармейца. Новенькаго. Ленинъ ему и говоритъ: вотъ что, братъ. Разбуди меня завтра ровно въ 7 часовъ.

— Слушаю-съ . . . ваше . . .

— Пришло утро. Идетъ красноармеецъ къ двери. Безъ ¼ 7. Какъ его назовешь? Шепчетъ: Ваше сіятельство . . . г. Ленинъ. Нѣтъ. Не сіятельство . . . Ваше благородіе . . . Нѣтъ, тьфу ты. Какое благородіе, когда онъ пролетарій. Товарищъ? Нѣтъ, какой онъ мнѣ товарищъ! . . Ваше . . . Батюшки! — Семь часовъ! Какъ угорѣлый летитъ красноармеецъ къ двери, но все еще не знаетъ, какъ же его назвать? Благимъ матомъ кричитъ:

— Вставай, проклятьемъ заклейменный!! Вставай!

Вотъ послѣ такого анекдота, вся камера будетъ цѣлый день хохотать и повторять:

— Вставай, вставай, проклятьемъ заклейменный!

Иногда хохотъ такъ шуменъ, что влетитъ стража и дастъ нагоняй: «Сбѣсились, ей Богу сбѣсились. Это во внутренней-то тюрьмѣ! Тише, вы!»

А потомъ опять допросъ, слезы, истерика. А, быть можетъ, — разстрѣлъ.

Что это за населеніе и зачѣмъ оно сидитъ по тюрьмамъ, бросаетъ семьи, отрывается отъ малыхъ дѣтей . . . А вѣдь сколько времени уходитъ у другихъ, ихъ родственниковъ на обслуживаніе сидящихъ, приносъ передачъ, хлопоты и т. д.

Совершеннѣйшая дикость! Единственное оправданіе всей этой чуши съ кровавымъ налетомъ въ томъ, что «такъ было и во Французской революціи», такъ будетъ и во всякой . . . Но вѣдь какъ ни сравнивай, — прошло 130 лѣтъ, и сейчасъ . . . вѣкъ электричества и желѣзныхъ дорогъ! XX-й вѣкъ . . .

Эта безпросвѣтная тупость чекистовъ и ихъ вдохновителей особенно ярко бросалась въ глаза въ такихъ обширныхъ тюрьмахъ какъ Бутырки, гдѣ приходилось сталкиваться уже не только съ женщинами съ ихъ — Жанчиками и канарейками, а съ огромнымъ населеніемъ мужскимъ. За исключеніемъ двухъ привилегированныхъ корпусовъ,—Жока и Мока (женскія одиночныя камеры и мужскія одиночныя камеры), гдѣ сидѣли на-

стоящіе уже политики стараго типа — эс-эры, эс-деки и анархисты, въ остальныхъ населеніе было подобрано по тому-же дикому признаку преслѣдованія обывателя, какъ и во внутренней тюрьмѣ. Я долго думала, зачѣмъ это дѣлается. Это вѣдь даже не въ выгодахъ большевиковъ. Пришла къ заключенію, что разъ созданъ обширный чекистскій аппаратъ, онъ долженъ себя оправдывать и ... работать. «Чека — это часовой революціи», говорятъ вожаки. Лацисъ, одинъ изъ самыхъ жестокихъ слѣдователей, который сейчасъ мирно торгуетъ во главѣ «большого торговаго дѣла» на Нижегородской ярмаркѣ, еще опредѣленнѣе характеризовалъ работу че-ка: «Не ищите на слѣдствіи матеріаловъ и доказательствъ того, что обвиняемый дѣйствовалъ дѣломъ или словомъ противъ совѣтовъ. Первый вопросъ, который вы должны ему предложить — къ какому классу онъ принадлежитъ, какого онъ происхожденія, воспитанія, образованія и профессіи». *)

Значитъ, истреблялись классы, сословія, образованные слои. Но гдѣ же этотъ «классъ» или образованіе у дѣвушки съ бульвара или у трудящагося человѣка изъ управленія жел. дороги? Вотъ и въ мужскихъ корпусахъ. Ну, еще офицеры — понятно, они дрались противъ красныхъ, а вотъ всѣ эти — совѣтскіе служащіе, крестьяне, коммунисты, провинившіеся передъ партіей, торговцы, артисты, учителя — а въ общемъ рѣшительно ничего цѣльнаго, характернаго. Я бы даже не сказала, что все это явно анти-совѣтскій элементъ. Нѣтъ. Есть множество безразличныхъ, которые скорѣе въ тюрьмѣ становятся «ясными» — или будущими чекистами и шпіонами или же наоборотъ — убѣжденными анти-большевиками.

Есть одно общее настроеніе, характерное для всего этого населенія тюрьмы. Это своего рода фанатизмъ, признаніе неизбѣжности такого рода переживаній въ моментъ, «когда народъ взбѣсился». Часто вы слышите особенно отъ мужчинъ, — мужчинъ здоровыхъ, сильныхъ, — фразы: « ну и разстрѣляютъ! Все можетъ быть. Теперь ни отъ чего не отказывайся». «Не спасешься, какъ ни реви и ни кричи». «Что-же дѣлать, разъ мерзавецъ на тебѣ поѣхалъ, надо его везти».

Лично я ни разу не слышала очень бурнаго протеста, не встрѣчала ярко выраженной думы — а какъ-же отъ всего этого избавиться? Этотъ фаталистическій уклонъ до того заразителенъ, что черты его я подмѣчала даже и у такихъ убѣжденныхъ людей, какъ заключенные Жока и Мока.

*) Газета „Красный терроръ" отъ 1-го октября 1918.

Между прочимъ оба эти корпуса необычайно интересны и достойны совершенно особаго описанія. Тамъ картинки взаимоотношеній старыхъ политиковъ-соціалистовъ съ теперешними властителями до того ярки и колоритны, такъ отличны отъ всѣхъ этихъ «мягкихъ постелекъ», запугиваній и пр., что даже стража понимала это и совершенно иначе вела себя въ Мокѣ и Жокѣ. Сейчасъ описывать это не могу... Стоятъ передъ глазами приговоренные эс-эры. Вотъ веселая пѣвунья, всегда бодрая и всегда на службѣ у товарищей, въ заботѣ о нихъ, староста Жока — Евгенія Моисеевна Ратнеръ. Вотъ Гоцъ, Тимофеевъ и Донской, съ которыми всегда встрѣчались на прогулкѣ или перекликались изъ оконъ Жока... Гдѣ они теперь? Въ подвалахъ внутренней тюрьмы? Случайно эти люди уцѣлѣли отъ гнѣва царскаго самодержавія. Какое изумительное продолженіе той-же самой линіи! Какъ будто бы выростаетъ и неотступно слѣдуетъ за всѣми этими агентами «диктатуры пролетаріата», за слѣдователями-коммунистами, тѣнь самодержавія... Или смѣшались вмѣстѣ два антипода, чтобы достигнуть одной цѣли — развратить народъ до ненависти къ свободѣ?

Нѣтъ. Этого — не будетъ... Тюрьма 21-22 годовъ почти уже не улавливаетъ анти-большевистскихъ движеній. Они зрѣютъ въ сторонѣ отъ «аппарата» и вспыхнутъ столь-же стихійно, какъ октябрьскій пожаръ. А такъ какъ всякому аппарату нужно упражненіе, то многочисленные чекисты и упражняются въ «борьбѣ» съ обывательской массой, случайно подвертывающейся подъ его колеса.

II.

Въ тюрьмѣ, быть можетъ, отъ бездѣлья, приходилъ въ голову вопросъ: неужели вотъ объ этихъ отвратительныхъ повадкахъ чекистовъ освѣдомлены съ точностью идейные большевики? Ну, напримѣръ, такіе какъ Скворцовъ, Ногинъ, Рыковъ, Теодоровичъ, — и другіе не захлебнувшіеся властью и считавшіеся въ прошломъ фанатиками, но безукоризненно честными людьми? Неужели они все это видятъ, знаютъ? Конечно.

Когда мой знакомый обратился однажды къ Скворцову съ просьбой вмѣшаться въ чекистскій произволъ и помочь освобожденію нѣсколькихъ больныхъ интеллигентовъ, Скворцовъ отвѣтилъ: « Я членъ коммунистической партіи и не могу мѣшать слѣдствію... »

Слѣдствію! Вотъ этому самому слѣдствію, которое завтраже можетъ перейти въ «исполненіе, т. е. дѣйствительно по-

стлать мягкую постельку въ сырой землѣ? Сколько пафоса потратилъ покойный В. Г. Короленко на убѣжденіе Луначарскаго... Что бы сказалъ теперь покойный Короленко, если-бъ слышалъ рѣчь Луначарскаго на судѣ въ процессѣ соціалистовъ-революціонеровъ? Это превращеніе прежнихъ «соціалистовъ» въ башибузуковъ чисто азіатскаго типа — поистинѣ изумительно. Нѣтъ, конечно Влад. Галактіон. ошибался. Никогда фанатикъ не можетъ быть гуманистомъ. «Сердце» фанатика всегда молчитъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о «врагѣ». Гуманизмъ — рѣшительно противоположенъ фанатизму. Эти верхніе, управляющіе — безнадежны. Они полностью выявили себя въ своей ужасающей по антикультурности сущности. Но кто составляетъ ихъ «аппаратъ»? На какой подпоркѣ они сидятъ? Прочна-ли она? Существуетъ-ли во всемъ аппаратѣ та круговая порука, которая какъ клятва связываетъ сознательные слои коммунистической партіи?

Хотѣлось внимательно всмотрѣться въ нихъ, живыхъ носителей этого аппарата. Кто это такіе, вотъ эти чрезвычайщики? Люди всякаго званія и состоянія: рабочіе, крестьяне, реалисты, сыновья священниковъ, повара, студенты (послѣднихъ очень много), бывшіе охранники. Рѣже всего можно встрѣтить бывшихъ судейскихъ или юристовъ. Слѣдственный и судебный аппаратъ безъ людей соотвѣтствующаго образованія! Даже глава Революціоннаго Трибунала, — Крыленко, — только маленькій провинціальный учитель... Во главѣ одного изъ важнѣйшихъ отдѣловъ В. Ч. К. стоитъ поваръ изъ ресторана «Вѣны». Лацисъ, этотъ жесточайшій слѣдователь — студентъ университета Шанявскаго. Не потому-ли всѣ они такъ ненавидятъ интеллигенцію, что внутренно, непроизвольно, сознаютъ все свое ничтожество передъ силой знанія и настоящаго убѣжденія? Въ этой ненависти, несомнѣнно, есть чувство личной обиды, сознаніе, что полнота-то власти есть, а уваженія къ ней, къ этой власти, нѣтъ рѣшительно ни у кого. Это-же чувство личной обиды, сознаніе своей «отверженности» отъ всѣхъ есть и на верхахъ. Никогда еще съ такой полнотой отношенія между властью и интеллигенціей страны не выливались въ это старое русское «мы и они», какъ за эти пять лѣтъ.

Сейчасъ положеніе страны таково, что эта оторванность власти и презрѣніе къ ней со стороны всѣхъ сознательныхъ элементовъ болѣе невозможно. Самые отчаянные «бандиты» изъ чрезвычаекъ и исполкомовъ начинаютъ чувствовать, что они какъ будто повисаютъ въ воздухѣ. Начинается это «повисаніе» съ самыхъ прозаическихъ вещей: кормленіе «воеводъ на мѣстахъ» становится скуднымъ. Населеніе обобрано до послѣд-

ней степени, а крестьянство — прижимисто, къ тому-же выучилось расправляться съ неугодной ему властью «своими средствами»: то убьетъ «нечаянно», въ пьяной дракѣ комиссара, то выроетъ могилы и закопаетъ ночью живьемъ сборщиковъ продналога, то разорветъ на мѣстѣ ни въ чемъ неповинныхъ статистиковъ, какъ были разорваны въ Воронежской губ. жена и дочь покойнаго профессора В. И. Анисимова и съ ними еще 38 человѣкъ («не переписывай для большевиковъ хлѣба!»), то приколетъ красноармейцевъ, расположившихся на ночлегъ въ деревнѣ. Большевистская, помогающая совѣтской власти деревня проснулась и смотритъ во всѣ глаза — кто это надъ ней? Кому она отдалась? Еще хуже положеніе въ городахъ. Когда центральный аппаратъ скушалъ всѣ цѣнности, пересталъ быть «щедрымъ», пересталъ посылать на мѣста *вагонами* бумажки и продукты, — былъ изданъ приказъ: перевести всѣ мѣстныя учрежденія, многочисленныя и прожорливыя на мѣстныя же средства. На какія? Крестьянство и безъ того платитъ продналогъ, а горожане до такой степени обнищали, что едва перебиваются съ козами и огородами, чтобы только не умереть съ голоду. Развѣ они въ состояніи платить? Помню, какъ вывертывали эти горожане электрическія лампы, не имѣя возможности заплатить и той мизерной платы, которую брала Кашинская электрическая станція. Сидѣли съ крошечными ночниками, при нихъ работали, при нихъ же учились дѣти... Бѣдность — ни съ чѣмъ прежнимъ не сравнимая. Кто можетъ платить? Попробовалъ Кашинскій исполкомъ для удобства и скорости обложенія схватить купцовъ, посадить ихъ въ тюрьму и требовать отъ родныхъ «выкупа». Но центральная власть разъяснила мѣстнымъ сатрапамъ, что методы 17-18 годовъ не годятся, что надо брать налоги со всего населенія. А «все» населеніе — въ буквальномъ смыслѣ этого слова — нищее. Какъ-же организовать систему мѣстныхъ налоговъ, необходимыхъ для содержанія многочисленныхъ мѣстныхъ учрежденій? Между прочимъ эта проблема сейчасъ будетъ стоять во всей своей ужасающей неразрѣшимости не только передъ большевистской властью, но и передъ всякой другой. Города обнищали до полной невозможности содержать себя безъ какой-то помощи извнѣ.

Сочныя большевистскія учрежденія, еще такъ недавно соблазнявшія своей щедростью всѣхъ потерявшихъ прежнія средства къ существованію, теперь — не въ состояніи платить ни сотрудникамъ, ни «сочувствующимъ». «Записываться» въ коммунистическую партію и получать въ силу этого привилегированныя мѣста — стало невыгодно. Началось бѣгство... Куда глаза глядятъ... А въ такихъ оплотахъ какъ чрезвычайки на-

чались опасныя сомнѣнія, пикантные разговоры... Вотъ провинціальная чека.

Приходимъ какъ ссыльные регистрироваться. Съ мѣста въ карьеръ:

— Понимаете, что дѣлается-то? Лишили насъ пайковъ... Чортъ знаетъ, что.

— Дѣйствительно. На что-же жить-то будете?

— Нѣтъ, вы подумайте: можно-же дойти до такого безобразія, чтобы лишить пайковъ самыя нужныя учрежденія!

— Но вѣдь вы будете-же получать жалованье...

— Жалованье, жалованье! Что вы такое говорите. На кой чортъ мнѣ это жалованье, когда черезъ мѣсяцъ я вмѣсто лимона получу уже одну сгнившую лимонную корку. Угонись за нимъ, за лимономъ то. Сегодня 11, а завтра пять. Вотъ вамъ и лимонъ.

— А мѣстные налоги?

— Налоги! Что я съ ружьемъ штоль выбивать ихъ пойду. Кто понесетъ то? Всѣ голы какъ соколы, скоро безъ рубашекъ бѣгать станемъ.

— Такъ какъ-же будете жить-то?

— Думать надо. Такъ подохнешь... Дѣти вѣдь, семья...

Первый разъ слышала я, — и все чаще и чаще — отъ «правыхъ рукъ» большевистскаго аппарата эту роковую фразу: — «дѣти, семья... Коммунизмъ, такъ высоко поднявшій многія и многія существованія, давшій многимъ и многимъ семьямъ временный отдыхъ и наслажденіе прелестями «буржуазной жизни», — теперь ослабѣваетъ не по днямъ, а по часамъ въ своихъ возможностяхъ. Теперь долженъ наступить отдыхъ и для другой стороны, вотъ для всѣхъ этихъ Надь, плачущихъ и кричащихъ женщинъ, неизвѣстно за что наполняющихъ тюрьмы и лагеря.

— Понимаете, говоритъ чрезвычайщикъ, наверху совсѣмъ ошалѣли. Предоставили всего 10 пайковъ для населенія тюрьмы. Остальныхъ заключенныхъ велятъ тоже перевести на мѣстныя средства. Гдѣ я ихъ возьму, эти мѣстныя средства?

— Да зачѣмъ вамъ арестовывать то публику? Посмотрите, какой мирный народъ, — не трогайте его, не таскайте, не мучьте, тогда и мѣстныя средства скоро найдутся. А то здоровый народъ загоняете въ тюрьмы, сидятъ безъ дѣла, да еще кормить надо.

— Это вѣрно... задумчиво говоритъ чрезвычайщикъ. Къ тому-же у насъ, въ Кашинѣ, никакой контръ-революціи нѣтъ. Народъ хорошій...

— Т. е. что, — все коммунисты?

— Какіе коммунисты? очнулся чрезвычайщикъ. Нѣтъ, конечно; но это — не бунтари, живутъ себѣ и живутъ. Никакихъ грабителей, огороды поразвели.

— Такъ чего же вы тоскуете, что только 10 пайковъ на тюрьму?

— Тоскуете . . . Странные вы какіе . . . Жить-то всѣмъ надо . . .

Что означало это «жить всѣмъ надо» въ связи съ отпускомъ пайковъ на тюрьму, — неизвѣстно. Очевидно, этими отпусками пайковъ жили не одни заключенные. Плохо стало, куда ни повернись.

Еще болѣе поразило меня настроеніе во внутренней тюрьмѣ, куда мы попали на одинъ день при перевозѣ насъ изъ одного города ссылки въ другой. Въ комендатурѣ насъ встрѣтили какъ старыхъ знакомыхъ.

— А! Члены Голоднаго Комитета!

Здѣсь попутно надо замѣтить, что вообще къ членамъ Комитета отношеніе всѣхъ чрезвычаекъ было удивительное: всякое заявленіе наше, всякое замѣчаніе начальнику тюрьмы выслушивалось внимательно и обычно грубаго отношенія на себѣ мы не испытали. Привычные пріемы — вызовы по ночамъ, идіотскіе допросы безъ всякаго смысла и соотвѣтствія съ дѣломъ, все это было. Но общее отношеніе — величайшей корректности. Не знаю, чѣмъ объяснить. — Такъ вотъ — входимъ въ комендатуру. Садимся. Почти тотчасъ же насъ обступаютъ служащіе и сторожа.

— Г. профессоръ!*). Какъ же это вы думаете, къ чему мы идемъ?

— Т. е. какъ?!!

— А вотъ насчетъ денежнаго обращенія. Жить, понимаете-ли, стало совершенно невозможно. Цѣны скачутъ, пляшутъ, какъ ни вертись, все не хватаетъ. Какъ же вы думаете, куда мы идемъ?

Мужъ обстоятельно объясняетъ — куда: къ полному банкротству и краху. Выслушиваютъ внимательно. Молчатъ. Прежде схватили бы за шиворотъ и такой бы «крахъ» показали . . . Теперь — нѣтъ. Что-то шевелится въ головѣ. Что-то мучитъ и не даетъ жить. «Семья, дѣти» . . . А сверху перестали литься золотой дождь . . . Коммуна, великая россійская коммуна, перестаетъ быть «прибыльнымъ» дѣломъ. Даже Надю соблазнять и нанимать нельзя, — и ей надо платить, да и кого хватать? Торговцы открыто торгуютъ, спекулянтами стали сами комму-

*) Обращеніе къ моему мужу.

нисты, контръ-революціонеровъ — нѣтъ, или, напротивъ, — всѣ сплошь, — гдѣ же настоящая работа? Поневолѣ задумаешься, станешь чесать затылокъ и спрашивать вражескій лагерь — да куда-же мы идемъ?

А тутъ дрязги, пищи мало, каждый стремится подставить ножку другому. Надо искать снова пристанища... Опять на регистраціи, — разговоръ несуразный. Встрѣчаемъ какого-то растерянnаго начальника чека. Расписались, какъ обычно.

— Вѣдь вы, кажется, профессоръ?

— Да.

— Послушайте, нельзя-ли мнѣ у васъ поучиться?

— Чему собственно?

— Да вотъ наукамъ... Я изъ шестого класса реальнаго училища. Ничего не знаю... Хотѣлось бы подучиться...

Мужъ говоритъ, что самъ-же этотъ начальникъ прочелъ ему запрещеніе заниматься профессіональнымъ дѣломъ, т. е. профессурой.

— Какъ же я буду учить васъ, начальника че-ка? И вы и я — провинимся, будемъ оба наказаны за ослушаніе...

— Да...

А лицо растерянное, глаза чего-то ищутъ. Послѣ узнаемъ, что ему «подставилъ ножку» его же сослуживецъ. Донесъ въ комячейку, что начальникъ поцѣловалъ на мосту чужую жену и что «населеніе ропщетъ». А такъ какъ «ропотъ населенія» сейчасъ принимается во вниманіе, то и состоялось постановленіе: начальника этого убрать въ другое, худшее мѣсто. Тогда онъ бросился въ кооперативъ, желая поставить тамъ свою кандидатуру въ правленіе. Отклонили кооператоры такую честь. Вотъ и захотѣлось подучиться... Но чему и какъ — кто же это знаетъ? Еще страннѣе разговоръ въ Вологодской чека, когда насъ оттуда высылали «въ 24 часа» въ другой городъ. Прихожу къ начальнику че-ка, веселому краснощекому ребочему какого-то петербургскаго завода.

— Что же это вы? спрашиваю. Долго будете возить насъ, стариковъ, по всей Россіи? Вы бы сдѣлали намъ теплушку, мы-бы и ѣздили, а то сами знаете, теперь квартиры не найдешь, замерзнешь. Сколько мы тутъ мучились съ квартирой. Устроили, окна вставили, печку сдѣлали, — а вы гоните куда-то въ 30° морозъ.

— Товарищъ Кускова! Вѣдь вы — человѣкъ политическій. Такъ?

— Ну, что же, что политическій. Изъ-за этого и ѣздить по всей Россіи?

— Недолго, недолго вамъ всѣмъ поѣздить осталось. Недолго!

Сладкая, загадочная улыбка.

— Это еще что такое? — спрашиваю.

— Недолго, товарищъ Кускова. Всѣ, всѣ, и вы, и эсъ-эры, и меньшевички — всѣ скоро на свободѣ будете.

— Да говорите толкомъ, что это еще за штуки.

— А такія штуки... Гинуя! Понимаете — Гинуя... *)

— Что же вы на «Гинуѣ» то призъ чтоль получите? И насъ наградите тогда... свободой?

— Призъ, товарищъ Кускова, призъ...

Краснощекій и веселый бѣгалъ вокругъ меня и потиралъ руки. Другой, сумрачный и болѣе умный, начальникъ Особаго Отдѣла, сидѣлъ молча и слушалъ.

— Понимаете, — признаютъ вѣдь насъ! Тогда — все разомъ перемѣнится. И свободу печати, и собраній, и стачекъ — все дадимъ. И васъ всѣхъ освободимъ!

— Да подождите. Еще признаютъ-ли?

— Что? Что вы говорите? — Понимаете, дѣло въ шляпѣ. Объ этомъ не стоитъ разговаривать...

— Вы очень бойкій, товарищъ. По моему — не признаютъ.

— А почему?

— Потому что, говорю, западные имперіалисты не любятъ въ долгъ ничего давать. Не послѣ «Гинуи», а передъ Генуей дайте свободу печати, собраній, стачекъ, освобожденіе заключенныхъ, возстановите свободу, тогда только заведутъ они рѣчь о признаніи...

— Да што вы, товарищъ Кускова! Ничего подобнаго! Наши то ужъ сговорились...

— Смотрите, не ошибитесь...

— Никакъ невозможно! Понимаете, признать должны. Иначе ни намъ, ни Европѣ жить нельзя.

— Ну, Европа-то и безъ васъ проживетъ... А вотъ вы-то...

Улыбка сдунута... Глаза смотрятъ куда-то вдаль. Вздохъ.

— Да... трудновато намъ... Вертѣть-то...

Вѣрно, товарищъ, «вертѣть» становится все труднѣй и труднѣй. Смазка истощилась, колеса пищатъ, свистятъ и не слушаются...

---

*) Дѣло было въ концѣ января 1922 г. — передъ сборами къ весенней Генуѣ.

III.

А еще ниже, тамъ, въ глубинѣ? О! тамъ — настоящая бродильня. Ходятъ, бродятъ думы народныя и нѣтъ имъ конца и предѣла. Не боятся уже выскочить наружу черезъ тяжелые обручи мужицкой головы. Разъ надумано — сказано. И какъ все пестро, какъ спутано... Везетъ насъ стража въ маленькій Кашинъ. Поѣздъ биткомъ набитъ. Насъ вводятъ въ вагонъ орточека, транспортной чека. Мѣсто, кажется оффиціальное. Много чекистовъ, много контролеровъ жел. дороги, а еще больше красноармейцевъ и разной посторонней публики за деньги пускаемой въ «удобный вагонъ». Хорошо удобство! Пріѣхали въ Кашинъ всѣ во вшахъ... Но въ вагонѣ — тепло, весело, гармоника, плясъ. Темнота — невообразимая, горитъ крошечный огарокъ. Стража наша милая, привѣтливая. Лица чисто-русскія, добрыя. Ѣдятъ съ нами нашу пищу, застѣнчиво благодарятъ. Сѣрыя шапки съ красной звѣздой, красивыя, къ лицу солдатамъ. На нашихъ лавкахъ другіе красноармейцы, ѣдутъ въ Кашинъ за покупками, на базаръ, спекулянты малаго калибра, съ небольшимъ «оборотомъ». Но все — коммунисты, неизвѣстно — почему. Тотчасъ же завязывается общій разговоръ.

— Ну, какъ же вамъ живется, спрашиваемъ. Рады, что войны теперь нѣтъ?

— Войны то нѣтъ... Да вотъ отпусковъ не даютъ, задерживаютъ... Ждали сейчасъ, а теперь, говорятъ, до весны...

— Такъ развѣ вамъ плохо въ городѣ-то, — вѣдь тутъ веселѣй, чего въ деревнѣ-то дѣлать? Въ деревнѣ-то лучше — что ли?

Лица какъ-то просвѣтлѣли. Что-то мягкое, мягкое скользнуло...

— Лучше! Вотъ сказали! Семь лѣтъ по казармамъ таскаемся, въ грязи, да въ холодѣ, безъ дѣла... Развѣ это жизнь?

— Какъ безъ дѣла? Вѣдь все воевали же вы, за Совѣтскую власть-то.

— Конечно, воевали... Да ужъ надоѣла жизнь-то эта военная. Ну ее къ чертямъ. Отдохнуть бы штоль. Не люди... Ни семьи тебѣ, ни двора... Такъ, вахлакъ какой-то бездомный.

Вагонъ настораживается.

— А съ бабами-то на базарахъ воюете да на вокзалахъ, это не дѣло? — злобно говоритъ пассажиръ.

— Ну, ты... сиди, кочень. Кто это теперь на базарахъ воюетъ, што ты врешь-то? Все отмѣнили... Слобода...

— Слобода, отмѣнили! Эхъ ты, селезень!

— А дома-то, въ деревнѣ, слышь, работниковъ нѣтъ, обрабатывать землю некому. Старые да малые. Разоренье... говоритъ другой красноармеецъ.

— Такъ вы бы въ своихъ совѣтахъ за разоруженіе стояли. Вѣдь вашъ голосъ имѣетъ же значеніе, говорю.

— Нельзя еще, задумчиво роняетъ красноармеецъ.

— Почему?

— Потому что еще не побѣдили мы.

— А побѣдите?

— Конечно побѣдимъ, если всѣ дружно стоять будемъ.

— А за что боретесь-то?

— Какъ за што? За землю, за волю... На шею не дадимъ себѣ сѣсть... Вотъ тамъ, на деревнѣ, подѣлились, разверстали, а мы тутъ — на стражѣ. Никого не пустимъ къ имъ-то, значитъ. Только что вотъ раціонъ хуже сталъ... Худѣемъ мы... Ѣсть хочется.

— Да вѣдь Красную Армію хорошо кормятъ?

— Кормили... Теперь хуже. Гдѣ же взять на такую силу! Осьмой годъ злобствуемъ... воюемъ...

— А надоѣла война?

— Охъ, какъ надоѣла! Знаемъ, твердо знаемъ, что стоять надо, — а надоѣло... Домой-бы.

— А вы давно коммунистъ?

— Какъ записали всѣхъ, третій годъ.

— Товарищъ! объясните мнѣ, пожалуйста, что-же это такое коммунизмъ-то. Мы вѣдь, контръ-революціонеры, плохо понимаемъ, что это такое.

— Коммунизмъ-то? А вотъ чтобы — всѣмъ по ровну и чтобы помѣщичьи гнѣзда выжечь. Чтобы чисто, значитъ, было.

— Ну, а дальше? Ну, положимъ, вырѣзали всѣхъ помѣщиковъ, раздѣлили землю, а дальше что?

— Дальше? Ну, жить будемъ. Обрабатывать землю, хлѣбъ продавать. На свободѣ, значитъ, чтобы никто не мѣшалъ.

— Да развѣ помѣщики мѣшали вамъ хлѣбъ продавать? Что вы это? Когда-же это было? Задумчивость. Вопросъ — новъ.

— Это вѣрно, не мѣшали. А только — сволочи они, господа-то. Бывало разсядутся за столъ, чего-чего нѣтъ. И поросята, и утята, и клубника зимой и винище, пьютъ и ѣдятъ, да на фортопьяно играютъ. А ты тутъ... скули... да ему служи... Подлые они, вотъ што. А то на войну пошлютъ, а сами съ кобелихами на тройкѣ катаются.

— Ну, это-то что. Вѣдь и сейчасъ васъ на войну посылаютъ, а сами на автомобиляхъ ѣздятъ.

— Ѣздятъ потому что нужно... За насъ значитъ, стараются. А тѣ — сволочи... Къ тому-же — земскіе начальники. Чуть-што — по уху. А теперь — самъ себѣ господинъ. Кто мнѣ по уху.

— А разстрѣливаютъ-то васъ мало?

— Разстрѣливаютъ за дѣло. Шпіонъ или ослушался приказа, или, допустимъ, зеленый, какъ-же не разстрѣливать? Стоять всѣмъ вмѣстѣ надо.

— Ну, хорошо. Значитъ, вы сейчасъ всѣмъ довольны. Жизнь хорошая.

— Не больно довольны... Потому бѣдность одолѣла. А вотъ господъ побѣдимъ, тогда только и вздохнемъ.

— Да вѣдь господа давно ужъ отстали, никто на васъ не нападаетъ, да что-то толку-то мало выходитъ. Все бѣднѣемъ.

— Бѣднѣемъ еще потому, что евреи тутъ путаются. Эти — хуже господъ.

—Ну, какъ вамъ не стыдно, товарищъ, гадости говорить. А еще коммунистъ! Причемъ-же тутъ евреи? Сами-же говорите «мы сами себѣ хозяева», почему-же не устраиваете все какъ нужно? Причемъ тутъ евреи?

— А при томъ... сумрачно говоритъ парень. Золото прячутъ... Сами съ золотыми зубами, а мы... Нешто можно сейчасъ на зубы золото ставить, когда война?

— Да развѣ одни евреи золотые зубы-то дѣлаютъ? Да и много-ли его на зубы-то надо. Развѣ бѣдность отъ этого?

— А, конешно, отъ этого. Зубы да кольца, да брошки, а все себѣ, а все себѣ. А мы — штобы, значитъ, вмѣстѣ, сообща.

— Ну, какъ-же сообща, что за пустяки. Землю вѣдь вы тоже дѣлите каждый для себя, тоже и лошадь, и корову...

Вопросъ снова неожиданный.

— Землю... землю... Земля совсѣмъ другое, — земля хозяина любитъ. Ну, и корова тоже, и лошадь. Какъ лошадь безъ хозяина? А золото — должно въ общую кассу итти, чтобы всѣмъ, значитъ. И на красную армію, и дѣтямъ сиротамъ, и воинамъ-раненымъ, — всѣмъ. А они все себѣ, по карманамъ...

Заливается гармоника. Кто-то пляшетъ, ухарски притопывая ногами и ударяя въ тактъ въ ладоши.

Ахъ яблочко, да ты яблочко
Ку-ды ты яблочко катишься
Въ В. Чеку попадешь — не воротишься
Да, не воротишься!

— Слушай, милый человѣкъ, вмѣшивается въ нашъ разговоръ юркій человѣчекъ въ какой-то странной плисовой поддевкѣ. Вотъ ты тутъ говоришь, — золото — чтобъ въ общую кассію, а землю — тебѣ. Что-же это за коммунія? Значитъ, *кому — на, а кому и нѣтъ?* Такъ штоль? Землю тебѣ, и лошадь тамъ, и корову — все тебѣ. А штобъ золота тамъ иль допустимъ деньги — все въ кассію, а изъ кассіи опять тебѣ-же на воиновъ, да на дѣтей. Ну, а допустимъ на промышленность — какъ-же — ничего? Землю тебѣ, а фабрики кому-же?

— Фабрики? Фабрики — рабочимъ, бойко отвѣчаетъ солдатъ.

— Ра-бо-чи-мъ! Вотъ оно што! Опоздалъ, милый человѣкъ, ей Богу опоздалъ! Ха-ха-ха! Твои-то тамъ наверху снюхались ужъ. Опоздалъ, — милъ человѣкъ! Ха-ха-ха!

— Ну, што ты ржешь-то, што ржешь-то, харя твоя поганая. Съ кѣмъ снюхались-то?

— Съ кѣмъ, съ кѣмъ! Ха-ха-ха! Да съ ими-то, съ капиталистами-то. Вотъ-те и коммунія. И опять выдетъ тоже — *кому — на, а кому — нѣтъ!* Вотъ-те и коммунія ваша. Эхъ, вы, лоботрясы!

Вагонъ въ восторгѣ. Споръ дѣлается общимъ. Гармоника визжитъ и заливается, лицъ почти не видно, тускло горитъ маленькій огарокъ. А споръ — жаркій; съ верхнихъ полокъ спускаются взъерошенныя головы и внимательно слушаютъ.

— А што снюхались, это вѣрно, — говоритъ степенный старикъ. Вотъ въ нашей мѣстности два года фабрика стояла, а теперича опять хозяинъ старый ее взялъ. То били, рубили, а теперь — на-те пожалуйте, все удовольствіе вамъ предоставимъ... Этакъ, пожалуй, скоро и помѣщики ввалятся.

— Не ввалятся, мрачно заявляетъ солдатъ. Ружье крѣпко держимъ.

— Ну, ужъ ружье ваше... Оно — съ поворотомъ. Сейчасъ однимъ, сейчасъ другимъ. Вотъ и ружье ваше. Кто прикажетъ, тотъ и хозяинъ вашъ. Что-ужъ тутъ... А только залѣзли въ трясину съ коммуніей-то. Какъ-то вылѣземъ.... Темный народъ.

— Ты больно умный... Старый чортъ, а все наровитъ обидѣть.

— Да што-ты, дуракъ эдакій. Кого обижаю-то? Самъ и то послушалъ, коммунистомъ былъ... Старикъ отвернулся, жевалъ губами.

— А теперь, дѣдушка, какъ-же?

— Ну какъ-же. Увидѣлъ все. Ну... ну и ушелъ. Пять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ отсидѣлъ.

— За что-же?

— Да вотъ за то, што ушелъ, да обманщиками изругалъ ихъ, коммунистовъ-то. Народъ перебулгачили, ободрали, оплевали, а я — съ ними буду. Какъ бы не такъ. А што темный мы народъ и обойти насъ кажный можетъ, это вѣрно. Но только не къ добру эта коммунія-то, вотъ што. Теперь-то очухались, вся деревня трясется, какъ-бы чего не было... Да ужъ поздно... Надѣлали дѣловъ...

—А ты-бы зарылся, дѣдъ, говоритъ иронически солдатъ. Больно зажился на бѣломъ свѣтѣ. Одно тебѣ скажу: у старыхъ — кишка короткая. Не выдержитъ. А молодой — онъ стоитъ и стоитъ. Крѣпко. И свое держитъ. Не выпуститъ.

— Эхъ, ты, длинная кишка. То-то она у тебя и болтается, длинная, а Левка за нее и дергаетъ.

— Какой Левка, что-ты порешь?

— Какой, такой, хозяинъ твой Левка. — Вагонъ — снова въ восторгѣ. Всѣ хохочутъ, заливаются. Солдатъ обиженъ до слезъ, вертитъ перчатку въ рукѣ, но словъ не находитъ. Побѣда, несомнѣнно, на сторонѣ старика. Никому и въ голову не приходитъ бояться че-ка или шпіоновъ. Свобода слова — въ вагонѣ полная. Никто не оглядывается, говорятъ совершенно невозможныя вещи — вслухъ. Споръ тянется всю ночь напролетъ. Тутъ-же вертится хорошенькій мальчишка лѣтъ 14 съ бойкими смышлеными глазами. На станціяхъ онъ носитъ намъ горячую воду въ большомъ солдатскомъ чайникѣ.

— Ты одинъ штоль — ѣдешь-то? спрашиваютъ мальчика.

— Одинъ! Еще не женился!

— Ахъ, ты, щенокъ. Да родные-то гдѣ?

— А кто ихъ знаетъ, на кой они мнѣ. Я годокъ въ тюрьмѣ оттрубилъ, а теперь вотъ — коммерціей занимаюсь.

Вагонъ снова хохочетъ. Дѣйствительно смѣшна гордая фигурка маленькаго коммерсанта. — Да куда ты ѣдешь-то, горе-коммерсантъ? «Коммерсантъ» — обиженъ. Распахиваетъ полушубокъ. На груди мѣшокъ, а въ мѣшкѣ — деньги.

— Вотъ куды. Милліончиковъ на 30 закуплю въ Кашинѣ ржи, а въ Москвѣ — продамъ. Такъ на такъ. Сто процентовъ прибыли! Вотъ те и горе! — Гордымъ взглядомъ окидываетъ всѣхъ. А ему — всего 14 лѣтъ... Вотъ она будущая коммунистическая Россія!

— А въ полицію тебя опять не заберутъ, паря, съ милльончиками-то?

— Полиція Богу душу отдала, а милиція — у меня на откупу. Будутъ мнѣ рожь таскать, а я — шу-шу, шу-шу, — бумажечками-то! Это они любятъ, вкусныя! — говоритъ мальчиш-

ка. Рожица удивительная; веселая, всезнающая... Старикъ зорко въ него вглядывается.

— Шу-шу, шу-шу. Вотъ эдакіе нами и правили. Они эту самую каммунію на насъ и напустили. А теперь — ишь, коммерсанты. А мы, старые, слюни распустили, слушали. Теперь ихъ выжимаемъ всѣхъ, коммунистовъ-то. Ну, а ты-то, коммерсантъ, коммунистъ штоль?

Мальчишка совершенно неожиданно пустился въ присядку и съ экспрессіей запѣлъ:

Ахъ, коммунія, коммунія моя!
Ахъ, и рожа то вся подлая твоя!
У коммуніи карманы всѣ въ дырахъ,
У коммуніи полъ-царствія въ ворахъ!
Ахъ коммунія, коммунія моя!
Ну и подлая-же рожа-то твоя!

Смотрю на своихъ солдатъ, стражниковъ. Смотрятъ слушаютъ, улыбаются. Неужели все это — сойдетъ? Вѣдь два года тому назадъ за такое «веселье» постояли-бы у стѣнки...

Нѣтъ, ничего. Мальчишка пляшетъ, гармоника играетъ, вагонъ хохочетъ. И сколько кругомъ жизни, сколько жизни... Куда она идетъ, эта пестрая жизнь? Отстоитъ-ли солдатъ съ ружьемъ, въ этой сѣрой шапкѣ съ пятиугольной звѣздой, раздѣленную землю или-же правъ старикъ: за фабрикантомъ придетъ помѣщикъ? Пестрыми полосами пошла вся русская жизнь и въ пестротѣ этой еще неясны основные цвѣта... Ходятъ и бродятъ по землѣ думы народныя. Тухнетъ власть всесильной «чеки», души оттаиваютъ, отходятъ. Это — основное.

Ек. Кускова

ПУТИ РОССІИ

Статья четвертая*)

I.

Въ 1843 году прусскій чиновникъ баронъ фонъ Гакстгаузенъ, путешествуя по Россіи, открылъ русскую земельную общину — міръ. Русская земельная община уже существовала столѣтія. Столѣтія русскіе крестьяне, съ упорствомъ и страстью, дѣлили землю. Въ архивахъ русскихъ канцелярій были накоплены груды документовъ объ «уравненіи земель». Но обо всемъ этомъ Западная Европа ничего не знала. Европа знала *свою* форму земельнаго владѣнія — частную земельную собственность, «право ненарушимое и священное». И о другихъ формахъ земельнаго владѣнія только смутно догадывалась.

Русская земельная община была открыта такъ же случайно, какъ случайно—по дорогѣ въ Индію—была открыта Россія. Въ XVIII в. вождь французскаго Просвѣщенія Жанъ-Жакъ Руссо, тоскуя о государствѣ равенства и свободы, обратилъ свое вниманіе на Польшу. Въ формахъ шляхетскаго народоправства Рѣчи Посполитой онъ усмотрѣлъ начала, близкія его ученію и способныя претвориться въ формы свободной демократіи. Идея упала на благодатную почву. Польскіе патріоты конца XVIII и первой половины XIX вѣка, мечтавшіе о возрожденіи польской государственности—свободной и демократической, съ любовью взростили эту идею, представили прошлое Польши въ свѣтѣ ученій Руссо и создали пышную теорію славянскаго «гминовладства». Славянскій народъ — особенный. Древне-славянскій общественный строй — явленіе исключительное; глубоко отличное отъ строя народовъ Запада. Въ этомъ строѣ воплощены были великіе принципы демократіи — начала равенства, брат-

*) Современныя Записки. №№ 2, 4, 7, 9.

ства и свободы. Основа жизни древняго славянства, — общинность. Власть принадлежала всему народу, была общинной. Не было ни господъ, ни царей. Всѣ были равны, всѣ были братья. Жили славяне въ селеніяхъ, носившихъ названіе: *слобода* или *свобода*. Въ земельномъ строѣ славянъ былъ воплощенъ земельный идеалъ Руссо. Руссо сказалъ о землѣ: «первый, кто, оградивши участокъ земли, вздумалъ сказать: *это мое*, и нашелъ людей довольно глупыхъ, чтобы ему повѣрить, былъ истиннымъ основателемъ гражданскаго общества. Отъ сколькихъ преступленій, войнъ, убійствъ, отъ сколькихъ бѣдствій и ужасовъ избавилъ бы человѣчество тотъ, кто выдернувъ колья и закопавши ровъ, кликнулъ бы себѣ подобнымъ: смотрите, не слушайтесь этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земные принадлежатъ всѣмъ, а земля никому!»*) Идея Руссо о «ничьей землѣ» была положена въ основу древне-славянскаго строя. Славяне не знали частной собственности на землю. Земля принадлежала всѣмъ и управлялась общиной. Община дѣлила землю на равныя части и отдавала участки «святой земли» своимъ членамъ въ пользованіе. По смерти владѣльца земля возвращалась къ общинѣ. — Демократическія начала древне-славянской жизни померкли въ дальнѣйшемъ теченіи славянской исторіи. Лишь въ государственномъ строѣ Польши они достигли большого развитія. Но и польская республика, въ своемъ позднемъ періодѣ, лишивъ народъ всякихъ правъ, уклонилась отъ древне-славянскаго общиннаго быта и потому пала. Славянскія начала сохранились на низахъ народной жизни — въ деревенской крестьянской общинѣ. Задача славянства сберечь этотъ драгоцѣнный обычай, возстановить демократическія основы древне-славянскаго быта и указать Европѣ пути къ обновленію. Славянству опредѣлено великое назначеніе. Роль Польши — мессіи народовъ. — Такъ создалась прекрасная и стройная теорія, духовнымъ творцомъ которой былъ Лелевель и вдохновеннымъ проповѣдникомъ Мицкевичъ **).

Теорія «гминовладства» въ очень слабой степени опиралась на научные историческіе источники. Она была построена апріорно и, въ значительной своей части, была соткана патріотической мечтой и политической фантазіей. И тѣмъ не менѣе значеніе ея въ духовной жизни XIX ст. было велико. Въ тече-

*) J.-J. Rousseau. Discours sur l'origine de l'inégalité. Considérations sur le gouvernement de Pologne.

**) Собѣстіанскій. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Харьковъ 1892. — Adam Mickiewicz, Les Slaves. Paris 1913.

ніе полувѣка она безраздѣльно господствовала въ польской литературѣ. Она опредѣлила развитіе чешской исторической науки. Проникнувъ въ Россію, она зажгла тамъ самое вдохновенное русское идейное теченіе—славянофильское. Но и на Западѣ она не осталась безъ вліянія. Лекціи Мицкевича въ Парижѣ произвели сильное впечатлѣніе на передовую демократію Европы. Въ славянскомъ общинномъ быту видѣли воплощеніе идей Руссо и Фурье. Въ славянахъ видѣли главныхъ носителей демократическихъ началъ, призванныхъ обновить устарѣвшій бытъ Европы. Выросъ интересъ къ славянскимъ народамъ. Предпринимались путешествія въ славянскія земли. И есть много основаній предполагать, что призрачной теоріи славянскаго общиннаго быта была обязана своимъ «открытіемъ» живая русская земельная община.

Въ 30-хъ годахъ Гакстгаузенъ, по порученію прусскаго правительства, изслѣдовалъ формы сельской жизни въ провинціяхъ прусской монархіи. Во время путешествія, въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ, въ быту сельскихъ учрежденій онъ встрѣтилъ «загадочныя отношенія, не вытекавшія изъ основъ чисто германской народной жизни». Гакстгаузенъ обратилъ вниманіе, что въ этихъ мѣстностяхъ въ былыя времена жили славянскія племена, впослѣдствіи истребленныя или германизированныя. Гакстгаузенъ былъ знакомъ съ духовными теченіями своей эпохи: знакомъ былъ и съ общинной теоріей славянскихъ ученыхъ. Отсюда его естественный выводъ: «загадочныя отношенія должны корениться въ основахъ славянской народной жизни и въ древнѣйшихъ славянскихъ учрежденіяхъ». Отсюда естественное желаніе: посѣтить и изучить славянскія земли, сохранившія сельскія учрежденія въ ихъ «первобытной чистотѣ». Гакстгаузенъ поѣхалъ въ Россію съ готовой теоріей славянскаго общиннаго быта и съ твердой увѣренностью, что онъ откроетъ древне-славянскую земельную общину. И, дѣйствительно, открытіе было сдѣлано немедленно и почти безъ труда. Въ Россіи знали о существованіи земельной общины. Знали не только чиновники вѣдомствъ, занимавшихся земельными дѣлами. Еще въ XVIII в. о ней писалъ Болтинъ. Слѣды знакомства съ земельной общиной можно встрѣтить въ «Русской Правдѣ» Пестеля. Въ 1842 г. о ней упоминалъ Хомяковъ. *) Но надо имѣть мужество сказать, что, въ общемъ и цѣломъ, до пріѣзда Гакстгаузена, русское общество о русской земельной общинѣ ничего не знало и на формы земельнаго быта русской деревни

*) Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россссіи въ XVIII и первой половинѣ XIX в. т. I. II. 1888. — Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ. 1909.

никакого вниманія не обращало. А между тѣмъ, земельную общину можно было «открыть» въ любой русской деревнѣ. Ее только надо было увидѣть и описать. Это и сдѣлалъ Гакстгаузенъ. Онъ *увидѣлъ* русскую земельную общину и далъ о ней восторженное описаніе. Русская земельная община — драгоцѣнный остатокъ славянской старины. Русское общинное устройство — «одно изъ замѣчательнѣйшихъ и интереснѣйшихъ государственныхъ учрежденій, какія только существуютъ въ мірѣ». Въ государствахъ Западной Европы замѣчаются предвѣстники соціальной революціи. Ея лозунгъ — уничтоженіе частной земельной собственности и провозглашеніе правъ каждаго на равный участокъ земли. Въ Россіи такая революція невозможна. Ибо въ Россіи эти порядки существуютъ издревле; ибо «мечты европейскихъ революціонеровъ имѣютъ уже свое реальное осуществленіе въ русской народной жизни»*). — Такъ стала извѣстна міру русская земельная община. Такъ геніальная фантазія Руссо и соціальная мечта польскихъ патріотовъ привели къ открытію одного изъ самыхъ удивительныхъ институтовъ русской жизни.

Открытіе русской земельной общины произвело большое впечатлѣніе на Западѣ. На ряду съ западной формой земельнаго владѣнія — частной земельной собственностью — на свѣтъ вышла новая форма земельнаго владѣня, причудливая и загадочная. Ее надо было понять и объяснить. Научная мысль Запада взялась за эту задачу съ большимъ увлеченіемъ.. Славянофильское объясненіе: земельная община — славянская *особенность,* было явно вызвано національными настроеніями и долго удовлетворять Западную Европу не могло. И, дѣйствительно, научное объясненіе вскорѣ было найдено. И русская земельная община легла въ основу знаменитой теоріи , einer vielgenannten Theorie — обаяніе которой не разсѣялось и понынѣ **).

Девятнадцатый вѣкъ — вершина европейской цивилизаціи. Западно-европейская культура поднялась на такую высоту, съ которой всѣ остальныя культуры земного шара могли казаться «отсталыми» или ничтожными. Великія цивилизаціи античнаго міра были отдѣлены отъ европейской вѣками исторіи. Среди современнаго человѣчества на всемъ земномъ шарѣ не было ни одной культуры живой и творящей. Отсюда гордое самоутвержденіе европейской культуры. Отсюда взглядъ на всю предшествующую исторію человѣчества, какъ на матеріалъ для построенія единой и высшей культуры—европейской. По аналогіи

*) Гакстгаузенъ. Изслѣдованія внутреннихъ отношеній народной жизни и сельскихъ учрежденій Россіи. Т. I. М. 1870.
**) Below. Probleme der Wirtschaftsgeschichte. 1920.

съ теоріями развитія органическаго міра создалось стройное историческое міросозерцаніе, въ которомъ историческія явленія укладывались въ томъ строгомъ и закономѣрномъ порядкѣ, въ какомъ укладываются отвлеченныя цифры въ законахъ математики. Человѣчество едино. Въ своемъ историческомъ развитіи человѣчество неуклонно движется по одной прямой линіи и въ одномъ направленіи. Исторія человѣчества — исторія восхожденія по ступенямъ культуры. Высшая ступень восхожденія — культура европейская. Чѣмъ дальше отъ европейской культуры, тѣмъ ниже ступень развитія. Всѣ народы проходятъ одни и тѣ же ступени культуры. Многіе остаются на низшихъ ступеняхъ. Это народы, обреченные исторіей —«народы вѣчной первобытности». Другіе подымаются ступенями выше. И лишь, немногіе — «историческіе» народы — подымаются на высоты культуры, чтобы составить основаніе для единой, общечеловѣческой культуры — европейской. Такъ создалась историческая пирамида человѣчества. Такъ медленно, но неуклонно подымалось человѣчество къ культурнымъ высотамъ современности. Съ точки зрѣнія такого историческаго построенія многообразіе культурныхъ формъ жизни народовъ объяснялось легко и просто. Различіе формъ — различіе ступеней развитія. Всѣ формы человѣческой жизни — семья, государство, хозяйство, религія, матеріальный и духовный бытъ — располагались по ступенямъ развитія культуры. Всякая вновь открытая форма — новая, еще не отмѣченная наукой ступень. Такъ легко и просто были созданы научныя «теоріи развитія»: семьи, государства, хозяйства. Такъ же легко и просто — благодаря открытію земельной общины — была создана теорія развитія земельнаго владѣнія.

Земельная собственность — форма земельнаго владѣнія, развившаяся на высотахъ европейской цивилизаціи. Это не естественная, изначально присущая человѣчеству форма земельнаго владѣнія, а высшая форма человѣческой культуры. Человѣчество пришло къ ней, пройдя многія ступени восхожденія. Чѣмъ дальше отъ частной собственности отстоитъ форма земельнаго владѣнія, тѣмъ ниже ступень ея развитія. Земельная община — открытая въ Россіи — далеко отстоитъ отъ частной земельной собственности, господствующей на Западѣ. Слѣдовательно, она представляетъ собою одну изъ низшихъ ступеней развитія земельнаго владѣнія. Земельная община совсѣмъ не славянская *особенность.* На извѣстныхъ ступеняхъ культуры она присуща народамъ всего міра. Въ 1821 г. слѣды общиннаго быта были отмѣчены Олуфсеномъ въ Даніи. Въ 1835 г.—Гансеномъ въ Германіи. Сочиненія Цезаря и Тацита свидѣтельство-

вали, что земельная община была единственной формой владѣнія древнихъ Германцевъ. *) Было обращено вниманіе на семейную общину южныхъ славянъ—задругу. Въ 1872 г. Мэнъ описалъ земельную общину Индіи. Такъ земельная община была установлена у различныхъ народовъ и въ разныхъ частяхъ свѣта.**) Отсюда естественный выводъ. Частная собственность—высшая форма развитія земельнаго владѣнія, присущая высоко культурнымъ народамъ. Общинное владѣніе—форма владѣнія народовъ отставшихъ. Лѣстница развитія земельнаго владѣнія была установлена такъ. На низшей ступени — коллективное владѣніе и коллективная обработка земли: «первобытный коммунизмъ». На слѣдующей ступени: коллективное владѣніе, но индивидуальная обработка земли. Земля принадлежитъ общинѣ, но періодически уравнительно распредѣляется между ея членами для индивидуальнаго хозяйствованія. Это стадія русской земельной общины и общины древнихъ германцевъ. Слѣдующая ступень: передѣлы земли прекращаются; полевые участки укрѣпляются въ частную собственность; въ общинномъ владѣніи остаются второстепенныя земельныя угодья — луга, лѣса, выгоны. Это стадія средневѣковой германской марки, альменды. И, наконецъ, высшая ступень: индивидуальная собственность на всѣ угодья — форма владѣнія современной Европы. Такъ была построена лѣстница развитія земельнаго владѣнія. Такъ русская земельная община, послужившая основаніемъ величественному зданію земельной теоріи, была отнесена этой теоріей къ формамъ первобытнаго человѣчества ***).

Русская земельная община вскорѣ отомстила за свое культурное униженіе. Породивши теорію земельнаго развитія, она первая нанесла ей смертельный ударъ.

Конецъ XIX и протекшія десятилѣтія XX в. принесли съ собою глубокія перемѣны въ культурномъ міросозерцаніи европейскихъ народовъ. Въ исторической наукѣ произошелъ переворотъ, не менѣе значительный, чѣмъ переворотъ, произведенный Эйнштейномъ въ наукахъ математическихъ. Археологическія открытія въ Египтѣ, Месопотаміи, Малой Азіи, на Критѣ развернули картину такихъ культурныхъ достиженій античныхъ цивилизацій, передъ которыми блѣднѣютъ многія культур-

*) G. Hanssen. Agrarhistorische Abhandlungen. B. I. 1880.

**) Мэнъ. Деревенскія общины на Востокѣ и Западѣ. С.-Петербургъ. 1874. — Lavelay. Das Ureigentum. Herausgegeben u. vervollständigt von K. Bücher. 1879.

***) Post. Grundriss der ethnologischen Jurisprudenz. B. I, II. 1895. — P. Wilutzki. Vorgeschichte des Rechts. I, II. 1903. — Lacombe. L'appropriation du Sol. 1912. — Leonhard. Flurgemeinschaft und Feudalität. (Schmollers Jahrbuch 1915. H. 2.)

ныя достиженія современности. Иногда можетъ казаться: чѣмъ древнѣе культура, тѣмъ выше ея достиженія. Культура эгейская, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, кажется выше культуры эллинской; культура древняго Египта — выше Новаго Царства. Легенда о золотомъ вѣкѣ, историческое построеніе о нисходящей линіи человѣчества становятся столь же закономѣрными и привлекающими вниманіе, какъ ученія о неуклонномъ прогрессѣ человѣчества и соціальная мечта о грядущемъ царствѣ свободы. Еще большее впечатлѣніе, чѣмъ открытіе древнихъ цивилизацій, произвело на Европу пробужденіе старыхъ культуръ Азіи. Народы, уже давно отданные европейской наукой въ вѣденіе этнографіи, на ряду съ первобытными народами Австраліи и Африки, оказались носителями глубокой и живой культуры, почти ничѣмъ не похожей на европейскую. Европейская культура—и въ пространствѣ и времени — оказалась одной, хотя изъ немногихъ, но равныхъ. Какая выше, какая прекраснѣй? На этотъ вопросъ научный отвѣтъ почти невозможенъ. Историческая пирамида человѣчества, съ такимъ искусствомъ возведенная наукой XIX в., разсыпалась почти безъ остатка. Человѣчество, въ своемъ историческомъ шествіи, идетъ не по прямой линіи и не въ одномъ направленіи. Исторія не знаетъ восходящей лѣстницы прогресса. Человѣчество подымается на большія высоты, снова спускается и снова начинаетъ тяжкій путь восхожденія. И гдѣ высшій пунктъ восхожденія — неизвѣстно. Нѣтъ единаго человѣчества. Оно не дано, оно духовно «*задано*». Создастся ли—дѣло вѣры и духовнаго прозрѣнія. Есть народы и культуры. И развитіе культуръ и народовъ многообразно и не совпадающе. Даже у очень родственныхъ народовъ, стоящихъ на одинаковой культурной высотѣ, возможны крайнія различія въ развитіи. Истоки человѣческой культуры наукой не найдены. Но не можетъ быть больше сомнѣнія, что развитіе культуры шло по многообразнымъ извилистымъ линіямъ и по направленіямъ, иногда діаметрально противоположнымъ. Путь развитія культуръ глубоко *индивидуаленъ*. Различіе формъ жизни человѣчества — не различіе ступеней развитія, а различіе культурныхъ индивидуальностей. Многія явленія, которыя разсматривались, какъ фазы общечеловѣческаго развитія, оказываются выраженіемъ мѣстной культуры—случайнымъ *эпизодомъ* человѣческой исторіи. И наоборотъ, громадныя культурныя явленія—въ особенности, культуръ востока—не укладывающіеся въ «схемы развитія», разсматривались, какъ мѣстныя «особенности». Теоріи «развитія» объясняли параллельныя явленія въ различныхъ странахъ одинаковыми свойствами человѣческой природы, одинаковымъ ходомъ развитія, однаковой степенью культуры. Современныя теоріи объ-

ясняютъ параллельныя явленія культурными *вліяніями*, культурными *заимствованіями*. Культурныя волны распространяются, покрываютъ другъ друга, перекрещиваются, смѣшиваются. И, въ результатѣ культурныхъ движеній, создаются области болѣе или менѣе однородной культуры — «культурные округа» человѣчества — «которые, подымаясь надъ границами расъ, языковъ и народовъ, связуютъ другъ съ другомъ отдѣльныя государственныя образованія и создаютъ между ними общность жизненныхъ формъ и взглядовъ» *).

При внимательномъ разсмотрѣніи вся населенная поверхность земного шара оказывается раздѣленной на такіе культурные округа. Существуютъ «округа» въ странахъ низшей культуры — культурные округа Австраліи, Африки, Америки. Еще большее значеніе имѣютъ культурные округа въ странахъ высокой и старой культуры — на Великомъ Континентѣ. Культурные круга имѣютъ *свои* формы хозяйства, государства, религіи, матеріальнаго и духовнаго быта, даже собственныя «лѣстницы развитія». Но и въ предѣлахъ этихъ культурныхъ округовъ далеко не всѣ культурныя формы однородны и распространеніе ихъ далеко не безпрерывно. Человѣчество слишкомъ подвижно и исторія его такъ многообразна. И все-таки, только въ «округахъ», въ этихъ культурныхъ единствахъ, глубоко индивидуальныхъ и неповторяемыхъ, можно искать тайну рожденія сложныхъ и загадочныхъ явленій исторіи. Общечеловѣческая «лѣстница развитія» убрана, и историческая наука никогда къ ней не вернется. Жизнь человѣчества раскрывается снова во всемъ своемъ пестромъ разнообразіи и многогранности **).

Вмѣстѣ съ общечеловѣческой лѣстницей прогресса, вмѣстѣ съ теоріями развитія семьи, государства, хозяйства отошла въ прошлое и теорія земельнаго развитія. Многообразіе формъ земельнаго владѣнія, ихъ пестрая и порой причудливая смѣна не уложились въ строгое и математически закономѣрное построеніе земельной теоріи. И замѣчательно: роковой ударъ земельной теоріи былъ нанесенъ русской земельной общиной. Русская земельная община была близко, рядомъ, въ той же Европѣ, гдѣ создавала свои теоріи историческая наука. Ее не надо было разыскивать среди далекихъ первобытныхъ народовъ, не надо было возстанавливать по неяснымъ свидѣтельствамъ старинныхъ авторовъ и архивныхъ документовъ. Земельная общи-

*) E. Meyer. Geschichte des Altertums. B. I Erste Hälfte. Einleitung. 3 Aufl. 1910.

**) Gräbner. Methode der Ethnologie. 1911. — Koppers. Die Ethnologische Wirtschaftsforschung. 1917.

на въ Россіи была такой же живой и законченной формой, какъ частная собственность на Западѣ. Пока не было сомнѣнія въ томъ, что это древняя форма владѣнія, непосредственно вышедшая изъ формъ первобытнаго коммунизма, до тѣхъ поръ земельная теорія стояла непоколебимо. Но, когда до Запада дошла правда о русской земельной общинѣ, уже давно извѣстная русской наукѣ, земельная теорія была потрясена въ самомъ своемъ основаніи. — Русская земельная община — не исконная форма русскаго земельнаго владѣнія, вышедшая изъ формъ первобытнаго коммунизма. Русская земельная община родилась въ поздніе вѣка русской исторіи, когда Россія представляла собою одно изъ величайшихъ государствъ въ мірѣ. Самыя раннія указанія на общинные передѣлы земли найдены исторической наукой въ документахъ XVI вѣка. Самыя смѣлыя предположенія не идутъ дальше XIV. *) Но эти указанія относятся только къ центральнымъ областямъ государства, гдѣ населеніе было относительно плотно, гдѣ государственная власть руководила хозяйственной жизнью. Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ позже дата возникновенія общинныхъ передѣловъ. Расцвѣтъ русской земельной общины — XVIII и, преимущественно, XIX вѣкъ. Самое поразительное въ исторіи русской земельной общины заключается въ томъ, что ея высшія достиженія и величайшій подъемъ ея творческихъ силъ приходится на 2-ую половину XIX в., когда государство русское раздвинуло свои границы на половину Великаго континента и когда русская духовная культура поднялась на несравненную высоту. Въ то время, какъ величайшій геній современности Левъ Толстой создавалъ свои творенія въ старомъ родовомъ имѣніи Тульской губерніи, окружные крестьяне, съ любовью и искусствомъ, дѣлили и равняли землю. Русская земельная община — не первобытная форма земельнаго владѣнія. Русская земельная община — высшая форма русской земледѣльческой культуры, для европейскаго взора такая же странная и причудливая, какъ утонченная форма земледѣльческой культуры Китая. Какой научный смыслъ можетъ имѣть, въ такомъ случаѣ, сравненіе русской земельной общины съ формой земельнаго строя древнихъ германцевъ, доисторическихъ латинянъ и грековъ или индійскихъ племенъ Америки. Разгадку русской земельной общины надо искать на высотахъ культуры, въ большихъ организованныхъ государствахъ. Но, во всякомъ случаѣ, въ схему земельной теоріи русская земельная община рѣшительно не укладывается. Или рус-

*) Павловъ Сильванскій. Феодализмъ въ удѣльной Руси 1910.

ская земельная община — случайная, мѣстная «особенность»; или теорія земельнаго развитія должна быть отвергнута.

Позднѣйшія научныя изысканія довершили разрушеніе земельной теоріи. Въ 1886 г. Лямпрехтъ установилъ, что знаменитыя Трирскія «подворщины» (Trierer Gehöferschaften), которыя разсматривались, какъ послѣдніе остатки древнегерманской земельной общины временъ Цезаря и Тацита, на самомъ дѣлѣ возникли въ средніе вѣка, не раньше 12-13 столѣтія. Лямпрехтъ пошелъ дальше, утверждая, что онѣ возникли на владѣльческой землѣ, подъ прямымъ воздѣйствіемъ помѣщичьяго крѣпостного права. Но, если даже принять другое объясненіе и согласиться, что «подворщины», подобно русской «долевой» деревнѣ, являются продуктомъ разложенія большой семьи, задруги, «печища», все равно къ древнимъ формамъ земельной общины, вышедшей изъ формъ первобытнаго коммунизма, ихъ больше относить нельзя. *) Вскорѣ историческая наука расшатала и другой устой земельной теоріи — славянскую задругу. Славянская задруга не имѣетъ ничего общаго съ передѣльной земельной общиной; и еще менѣе представляетъ собой форму первобытнаго коммунизма. Задруга — большая семья (около 20 человѣкъ въ среднемъ), владѣющая своимъ участкомъ земли на правахъ полной собственности. Земля невозбранно продается, закладывается и дарится. Есть научное направленіе, утверждающее, что задруга сравнительно позднее историческое явленіе, возникшее въ средніе вѣка подъ вліяніемъ финансово-податной политики Византіи и Турокъ**). — Древность земельной общины въ Индіи въ настоящее время также оспаривается. Въ текстахъ «буддійской Индіи» ея слѣдовъ найти не удалось. И, наконецъ, новѣйшія этнографическія изслѣдованія установили, что среди первобытныхъ народовъ земельная община нигдѣ не встрѣчается. ***) Такъ одни за другими были разрушены всѣ устои земельной теоріи.

Историческая наука не сразу отказалась отъ «общечеловѣческой лѣстницы прогресса», отъ «всеобщаго закона развитія». Не сразу отказалась она и отъ теоріи земельнаго развитія, объемлющей всѣ народы и страны. Вышеприведенные фак-

*) Lamprecht. Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter. 1886. — Ефименко, Южная Русь. т. I. 1905.

**) Markovic. Die serbische Hauskommunion. 1903. — Jirecek. Staat und Gesellschaft im Mittelalterlichen Serbien. 1912—14. — Dopsch. Die ältere Sozial- und Wirtschaftsverfassung der Alpenslaven. 1909.

***) Rhys Davids. Buddist India. London. 1911. — Jolly. Recht und Sitte. (Grundriss der Indo-Arischen Phil. und Altertumskunde. B. II. Heft 8.) — Koppers. Die Anfänge des menschlichen Gemeinschaftslebens. 1921.

ты не укладывались въ старую схему земельной теоріи. Историческая наука попыталась обновить схему, перестроить лѣстницу развитія, переставить ступени. Основаніемъ для перестройки снова взята была русская община. По аналогіи съ ходомъ развитія русской земельной общины схема мірового земельнаго развитія была установлена такъ. На низшихъ ступеняхъ развитія земля не принадлежитъ никому. Земля — res nullius. По мѣрѣ развитія земледѣльческой культуры земля занимается отдѣльными хозяевами и безпрепятственно осваивается въ личное владѣніе. Слѣдующая ступень: благодаря росту населенія или воздѣйствію помѣщичьей и государственной власти личное владѣніе переходитъ въ коллективное владѣніе поземельной общины, и земля періодически передѣляется между ея членами. Конечная ступень — разложеніе земельной общины и созданіе полной индивидуальной собственности. *) Такова новая схема. Она коренным образомъ отличается отъ старой. Старая схема начинала съ полнаго коллективизма и постепенно переходила къ индивидуальнымъ формамъ земельнаго владѣнія. Новая схема ликвидируетъ «первобытный коммунизмъ», какъ форму явно фантастическую, начинаетъ съ индивидуальныхъ формъ владѣнія и разсматриваетъ земельную общину, какъ одну изъ высокихъ ступеней культуры. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что новая схема гораздо ближе къ исторической дѣйствительности, чѣмъ старая. Она не только соотвѣтствуетъ ходу развитія русскаго земельнаго владѣнія, ибо, въ значительной степени, она снята съ него. Она соотвѣтствуетъ ходу развитія тѣхъ странъ и народовъ, гдѣ общинная форма земельнаго владѣнія достигла полнаго расцвѣта, какъ это было въ Индіи, на Явѣ, въ государствѣ Инковъ и древней Мексикѣ. И здѣсь, какъ въ Россіи, земельная община не являлась исконной формой земельнаго владѣнія и не представляла собою ступени первобытной культуры; она создалась тогда, когда населеніе этихъ странъ достигло значительной плотности, когда ихъ культура поднялась на большую высоту. Земельная община — форма земельнаго владѣнія довольно сложная и искусственная. На низкихъ ступеняхъ культуры она можетъ развиться только случайно. Пока земледѣліе слабо развито, пока земли много, у общественнаго коллектива нѣтъ основанія вмѣшиваться въ отношеніе земледѣльца къ землѣ и регулировать формы землепользованія. И лишь на извѣстныхъ

*) Dargun. Ursprung und Entwickelungsgeschichte des Eigentums. (Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft B. V. H. I. 1883.) — Hildebrand. Recht und Sitte. 1907. — Levinsky. The Origin of property. 1913. — М. Ковалевскій. Соціологія т. II. 1910.

высотахъ культуры, когда населеніе сгущается, когда земли становится мало, когда разгорается борьба за землю, общественный коллективъ можетъ вмѣшаться въ распредѣленіе земли и выработать строгія нормы земельно-общинной конституціи. Поднявъ земельную общину на высшія ступени культуры, новая схема земельной теоріи, несомнѣнно, во многихъ случаяхъ оказалась ближе къ исторической дѣйствительности, чѣмъ старая. Но и новая схема такъ же мало, какъ старая, пригодна быть схемой всеобщаго земельнаго развитія. Ибо и она не въ состояніи вобрать въ себя все многообразіе исторической жизни. Формы земельнаго владѣнія такъ же многообразны въ пространствѣ и времени, какъ многообразна вся историческая жизнь человѣчества. Нѣтъ единаго закона развитія земельнаго владѣнія. Земельная община не является общей и обязательной ступенью для всѣхъ странъ и народовъ. Линіи земельнаго развитія индивидуальны и извилисты и часто расходятся въ противоположныя стороны. Формы земельнаго владѣнія неразрывно связаны съ общей культурой страны, съ ея хозяйственнымъ и государственнымъ строемъ. Нельзя понять формы земельнаго владѣнія, не понявъ культуры страны, опредѣлившей ея развитіе, не вдвинувъ ея въ болѣе широкія культурныя единства — «культурные округа» человѣчества. Здѣсь, въ культурныхъ округахъ, ищетъ наука разгадки индивидуальныхъ и неповторяемыхъ явленій исторической жизни. Здѣсь же надо искать объясненія загадочныхъ явленій земельнаго строя. *)

Если окинуть взоромъ культурную поверхность земного шара и мысленно представить себѣ культурные подъемы въ видѣ горныхъ возвышеній, получится картина удивительно любопытная и невольно сохраняющаяся въ воображеніи. Три части свѣта — три материка: Австралія, Африка, Америка — будутъ представлять собою безконечныя равнины, легкія холмистыя возвышенности и невысокія плоскогорья. Лишь въ сѣверо-восточному углу Африки, въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій, поднималась къ небу вершина египетской культуры. Многіе ученые относятъ, однако, египетскую культурную возвышенность къ культурнымъ образованіямъ Азіи. Нѣкоторой высоты достигла и культура центральной Америки (Мексики, Перу). Но и относительно ея историческая наука споритъ: не является ли она отвѣтвленіемъ восточно-азіатской культуры. Зато значительная часть Великаго континента — Евразіи — представитъ собой горную страну съ грандіозными массивами и уходящими къ небу вершинами. Всѣ величайшія культурныя высоты

*) Tschuprow. Die Feldgemeinschaft. 1902.

находятся здѣсь (считая евразійской и культуру египетскую). Здѣсь расположены культурные округа, заключающіе въ себѣ всѣ культурныя цѣнности человѣчества — европейскій и азіатскій, Востокъ и Западъ. Здѣсь надо искать разгадки историческихъ явленій, возникающихъ на *высотахъ* человѣческой культуры.

Разгадку русской земельной общины искали вездѣ. Ее искали среди первобытныхъ народовъ всего міра. Ее искали въ земельномъ бытѣ доисторическихъ германцевъ, латинянъ и грековъ. Больше всего русскую земельную общину пытались сравнить съ земельными порядками средневѣковой Европы, исходя изъ твердаго убѣжденія, что средневѣковая Европа — Европа варварская. Менѣе всего разгадку русской земельной общины искали тамъ, гдѣ ее искать всего естественнѣе. Россія почти всю свою историческую жизнь примыкала къ культурному округу Востока. Ея государственныя, хозяйственныя, правовыя формы покрыты густымъ налетомъ восточной культуры. Культура западная проникла въ Россію только въ послѣднія столѣтія и только въ послѣднія десятилѣтія стала спускаться въ низы народной жизни. Что можетъ дать — для объясненія русскихъ формъ земельнаго владѣнія — сравненіе съ земельными формами Западной Европы, доисторическими или средневѣковыми. Русская историческая дѣйствительность всегда освѣщалась свѣтомъ Западной Европы, и въ этомъ было большое несчастье Россіи. Чѣмъ ярче былъ свѣтъ, чѣмъ детальнѣй сравненіе, тѣмъ неправильнѣе рисунокъ картины, тѣмъ извращеннѣе перспектива. Россія — Востокъ. Россія — область восточнаго культурнаго округа. И свѣтомъ Востока должна быть освѣщена ея историческая дѣйствительность. И тогда многое таинственное и загадочное въ ея исторіи станетъ простымъ и понятнымъ.

Культура Запада глубоко индивидуалистична. Изъ всѣхъ культурныхъ округовъ человѣчества только въ европейскомъ культурномъ округѣ человѣческая личность была признана и утверждена. Современные европейцы — люди крайняго индивидуализма — считаютъ утвержденіе личности въ европейской культурѣ недостаточнымъ и неполнымъ и подчеркнуто выдвигаютъ эпохи европейской исторіи, когда личность была стерта или угнетена. Но надо подняться на общечеловѣческую высоту и окинуть взоромъ культуры въ пространствѣ и времени, чтобы понять, какое крайнее и заостренное выраженіе приняло развитіе личности въ европейской культурѣ. Европейская культура существуетъ три тысячи лѣтъ. И всякая характеристика тысячелѣтней культуры неизбѣжно неправильна: она не охватываетъ всей смѣны эпохъ и событій. Ибо время неустан-

но творитъ и неустанно рождаетъ новыя формы. И все таки, у каждой культуры есть своя «душа» и свои неизгладимыя линіи. Неизгладимая линія культуры Запада — ея индивидуализмъ. Только въ европейскомъ культурномъ округѣ получила неограниченное признаніе религія Христа — религія божественной личности и самоцѣнной личности человѣческой. Только въ европейскомъ культурномъ округѣ философія, мораль и искусство построены на личномъ началѣ. Только въ европейскомъ культурномъ округѣ государство, хозяйство и право утверждаютъ личность. Долгое время историческая наука приписывала утвержденіе личности современной европейской культурѣ и отказывала въ этомъ культурѣ античной. Въ настоящее время историческая наука признаетъ иное. Идея человѣческой личности родилась въ античномъ мірѣ. Въ Греціи впервые увидѣла свѣтъ идея человѣка — гражданина и идея человѣка — личности. «Въ Греціи впервые индивидуализмъ достигъ своего полнаго развитія. Въ Греціи, и только въ Греціи, была осуществлена впервые настоящая свобода человѣка, во всѣхъ ея выраженіяхъ — моральная, политическая, интеллектуальная, художественная.» *) Современная цивилизація Запада, рожденная отъ цивилизаціи эллинской, приняла отъ нея идею человѣческой личности и подняла эту идею на недосягаемую высоту. И замѣчательно: всякій разъ, когда современная цивилизація возвращалась къ своимъ эллинскимъ истокамъ и переживала эпохи возрожденія, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизмѣнно переживала эпохи расцвѣта личности. Подъемы современной цивилизаціи—этапы развитія личности, этапы ея духовнаго освобожденія. 19 вѣкъ—вершина современной цивилизаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высшій подъемъ личности — эпоха ея неограниченнаго торжества. Въ исторіи Запада были эпохи униженія личности, эпохи ея духовной слабости. Но никогда, въ исторіи Запада, личность не умирала — даже въ средніе вѣка, даже въ эпохи абсолютизма. Глубоко въ средніе вѣка уходятъ истоки процесса, приведшаго Западъ къ эпохѣ Великаго Возрожденія. И глубоко въ средніе вѣка уходятъ истоки процесса, приведшаго къ возрожденію личности, ея духовному раскрытію. Борьба личности за ея политическое освобожденіе началась въ городскихъ коммунахъ средневѣковья, гдѣ родилась средневѣковая демократія — мать демократіи современной. Въ эпоху абсолютизма копились тѣ духовныя силы личности, которыя, въ концѣ концовъ, взорвали стѣсняющій ее государственный строй и утвердили ея права «священныя и неотъемлемыя». Во всей исторіи западной цивилизаціи—анти-

*) Eduard Meyer. The development of Individuality in Ancient History. (Kleine Schriften. 1910). — Kärst. Geschichte des Hellenismus. B. I. 2 Aufl. 1917.

чной и современной — была только одна эпоха, когда личность, казалось, была убита навѣки. Это была эпоха поздней римской имперіи—эпоха Константина и Діоклетіана. Но, вмѣстѣ съ личностью, тогда умирала и вся западная цивилизація. Ибо надъ Европой торжествовалъ Востокъ.

Государство Запада, въ существѣ своемъ, индивидуалистично. Оно не представляетъ собою нѣчто сверхчеловѣческое и божественное, царящее надъ личностью и поглощающее ее. Государство — собраніе отдѣльныхъ индивидуумовъ. Оно родилось изъ соглашенія людей. И, въ конечномъ итогѣ, оно служитъ отдѣльнымъ людямъ. Власть рождается изъ воли людей — народа; даже въ томъ случаѣ, если она передается одному лицу и освящается божественной санкціей. Таково ученіе о государствѣ, знакомое почти всѣмъ эпохамъ западной цивилизаціи*). Народовластіе—самая характерная форма государственности Запада. Среди первобытныхъ и варварскихъ народовъ міра встрѣчаются всѣ формы правленія — отъ прямого народоправства до крайняго абсолютизма. Но на высотахъ культуры исторія знаетъ только одинъ культурный округъ, гдѣ народовластіе было выражено полно и законченно — округъ западно-европейскій. Культура западно-европейскаго округа — не только античная и современная, но и *средневѣковая*—культура городская. Культура западнаго города почти неизмѣнно рождаетъ демократическія устремленія. Двѣ съ половиной тысячи лѣтъ тому назадъ, въ государствѣ Аѳинскомъ, народовластіе достигло такихъ формъ совершенства, какихъ не знаетъ еще современность. Въ городскихъ коммунахъ и республикахъ средневѣковья борьба за народовластіе велась съ большимъ напряженіемъ и страстью и нерѣдко демократія одерживала блестящія побѣды**). Современная культура, достигнувъ своей вершины, облеклась въ форму неограниченнаго народовластія и въ такомъ видѣ совершаетъ покореніе міра. И даже, проникая въ тѣло Востока, Западъ прививаетъ ему культуру демократіи. Въ этомъ напряженномъ устремленіи къ демократической государственности сказалась индивидуалистическая душа Запада. Утверждающая себя личность не можетъ допустить установленіе государственнаго закона безъ участія ея воли. Подлинная демократія возможна только тамъ, гдѣ существуетъ личность. И больше того. Утверждающая себя личность стремится къ освобожденію отъ внѣ-

*) Эйкенъ. Исторія и система средневѣковаго міросозерцанія. 1907. — Vom Altertum zur Gegenwart. 2 Aufl. 1921.

**) Luchaire. Les démocraties italiennes. 1915. — Pirenne. Les anciennes démocraties des Pays-Bas. 1910. — Allgemeine Verfassungs- und Verwaltungsgeschichte. — Kultur der Gegenwart T. II Abt. III. 1911.

шнихъ ограниченій и, въ конечномъ предѣлѣ, къ абсолютной свободѣ. Вотъ почему демократія, исходя изъ личности, — наиболѣе свободная форма государственнаго управленія. По самому существу своему, демократическая государственность не допускаетъ поглощенія личности и лишенія ея возможности свободнаго выраженія. Ученіе о поглощеніи личности античными демократіями теперь оставлено. Аѳинская республика была самымъ свободнымъ государствомъ въ Исторіи. «Свобода отъ всякаго принужденія, каково бы оно ни было, являлась стремленіемъ вѣка Перикла; и никогда, быть можетъ, этотъ идеалъ не осуществлялся болѣе въ такой мѣрѣ, какъ въ тогдашнихъ Аѳинахъ. — Въ Аѳинахъ господствовала неограниченная свобода слова... и законъ лишь настолько вмѣшивался въ частную жизнь гражданъ, насколько это было безусловно необходимо*). «Въ демократіяхъ каждый живетъ, какъ ему угодно, каждый по своей волѣ.» (Аристотель). «Въ демократіяхъ всякій имѣетъ волю дѣлать, что хочетъ.» (Платонъ). **) Въ Римѣ личность была болѣе связана государствомъ. Но и въ Римѣ «признаніе самостоятельной, независимой отъ велѣній государства личности, по крайней мѣрѣ, для homo sui juris, вытекала изъ существа первоначальныхъ государственныхъ учрежденій.» «Римлянинъ—лицо и по отношенію къ государству» ***) Современная демократія возвела свободу личности въ неизмѣнный законъ. Декларація правъ человѣка и гражданина — величайшая побѣда личности надъ государствомъ. Современная гражданская свобода — не столько право на участіе во власти, сколько свобода отъ государственной власти. Государство служитъ лицу и свою волю направляетъ на огражденіе его свободы. Безконечная мощь современнаго западнаго государства, покоряющаго цѣлые материки и склоняющагося передъ личностью — явленіе, исключительное въ исторіи и освѣщающее всю государственную культуру Запада.— Властъ государства надъ личностью была на Западѣ ограниченной не только въ эпохи торжества демократіи. Въ меньшей мѣрѣ это относится ко всѣмъ эпохамъ западной исторіи. Средневѣковое государство — слабое государство. Предѣлы его власти очень ограничены. Личность связана свободными договорными союзами и чувствуетъ себя, въ отношеніи государства, почти независимой. «Феодальная цивилизація создала новое понятіе государственнаго объединенія, основаннаго на свободѣ и на взаимныхъ обязательствахъ людей, добровольно связавшихъ себя

*) Beloch Griechische Geschichte. B II 1 Abt. 1914.
Wilamowitz-Möllendorf. Staat u. Gesellschaft der Griechen. 1910.
**) Карѣевъ. Государство-городъ античнаго міра, 1910.
***) Jellinek. Allgemeine Staatslehre. 1900.

договорами. Она способствовала возрожденію человѣческаго достоинства и индивидуальной энергіи».*) «Современныя конституціонныя гарантіи свободы находятся въ несомнѣнной исторической связи съ *средневѣковыми вольностями* и привилегіями отдѣльныхъ лицъ, корпорацій и сословій» (Еллинекъ). Эпоха абсолютизма, когда власть государства надъ личностью была, въ сравненіи съ другими эпохами, велика, длилась въ современной цивилизаціи недолго (2—3 столѣтія) и коснулась только части западныхъ государствъ. Но «даже въ эпоху безграничнаго абсолютизма нельзя было подавить убѣжденія, что индивидуальность и по отношенію къ государству представляетъ самодовлѣющую и правовую величину» (Еллинекъ). И надо сопоставить монархіи Востока съ абсолютическими государствами Запада, чтобы понять, какъ преувеличенно и несправедливо рисовала «тиранію государства надъ личностью» пронизанная индивидуализмомъ современная западная наука. Государство, поглощающее личность, на Западѣ не существовало; за исключеніемъ той эпохи, когда само западное государство было поглощено Востокомъ.

Формы государственности неодинаковы въ различныхъ культурныхъ округахъ человѣчества. Различны — по округамъ — и формы хозяйства и права. Хозяйственныя и правовыя формы западно-европейскаго округа такъ же своеобразны и характерны для этого округа, какъ своеобразна и характерна форма его государственности. Какъ въ другихъ областяхъ европейской жизни, опредѣляющими моментами въ развитіи хозяйственныхъ и правовыхъ формъ Запада были: индивидуализмъ западной культуры и, въ особенности, роль личности въ государствѣ Запада. Государство можетъ заниматься хозяйственной дѣятельностью и стать монопольнымъ хозяиномъ на своей территоріи; и оно можетъ почти совсѣмъ отказаться отъ хозяйствованія. Государство можетъ пользоваться рабочей силой своихъ подданныхъ и употреблять ее по своему усмотрѣнію; и оно можетъ сохранить за подданными полную свободу распоряженія ихъ рабочей силой. Государство можетъ распространить свою власть на всѣ вещи, находящіяся на его территоріи; и оно можетъ предоставить всѣ вещи для индивидуальнаго освоенія и для гражданскаго оборота **). Таковы крайнія линіи правовой и хозяйственной дѣятельности государства. Государство Запада пошло по линіи отказа отъ рабочей силы подданныхъ, отъ вещей

*) Boissonnade. Le travail dans l'Europe chrétienne au Moyen Age. 1921. — Below. Der deutsche Staat des Mittelalters. 1914.

**) M. Schmidt. Grundriss der ethnologischen Volkswirtschaftslehre. B. I. 1920. B. II. 1921.

и отъ хозяйствованія. Государство Запада слишкомъ индивидуалистично и слишкомъ бережетъ свободу личности, чтобы такъ далеко распространить свои полномочія. На Западѣ свободные граждане свободно распоряжаются своей рабочей силой; несвободные люди отдаютъ ее свободнымъ. Государство Запада почти не знаетъ института государственныхъ крѣпостныхъ и государственной барщины. Только въ исключительныхъ случаяхъ оно прибѣгаетъ къ принудительной работѣ подданныхъ. Какъ частный хозяинъ — для своихъ предпріятій — оно покупаетъ рабовъ и нанимаетъ рабочихъ. Рабочая сила личности независима отъ воли государства — это одна изъ опредѣляющихъ чертъ хозяйственной жизни Запада. — Государство Запада только въ ограниченныхъ размѣрахъ занимается хозяйственной дѣятельностью. Его самостоятельная промышленная и торговая дѣятельность всегда незначительна: постройка портовъ и мостовъ, прокладка дорогъ, возведеніе зданій общественной полезности; иногда, разработка рудниковъ и копей, торговля хлѣбомъ и нѣкоторыми предметами первой необходимости. Только въ рѣдкіе періоды (меркантилизмъ, современная война) промышленная и торговая дѣятельность государства нѣсколько увеличивается. Энергія государства, въ хозяйственной жизни, сосредоточивается почти исключительно въ области хозяйственной политики: государство покровительствуетъ и запрещаетъ различныя отрасли торговли и промышленности, регулируетъ ввозъ и вывозъ, устанавливаетъ рыночныя цѣны, опредѣляетъ условія труда. Дальше западное государство не идетъ. (Если исключить позднеримскій періодъ, когда государство Запада было перестроено по образцамъ Востока — тогда государство хозяйничало, пользовалось рабочей силой своихъ подданныхъ, держало хозяйственную жизнь въ своихъ рукахъ). Хозяйствуютъ на Западѣ отдѣльные люди и общественные союзы. Хозяйственная воля Запада сосредоточена въ личности. Отъ ея энергіи, иниціативы, предпріимчивости зависятъ хозяйственные подъемы и паденія. Государство составляетъ только внѣшнюю раму для хозяйствующихъ индивидуумовъ. При напряженности хозяйственной жизни Запада, ея устремленности къ городской — промышленной, торговой и финансовой — дѣятельности, неизмѣнно развиваются крайнія формы хозяйственнаго индивидуализма. Одной изъ наиболѣе рѣзко очерченныхъ формъ хозяйственнаго индивидуализма является хозяйство капиталистическое. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, капиталистическое хозяйство — наиболѣе характерная форма хозяйствованія западнаго округа. Старый взглядъ на капитализмъ, какъ на высшую стадію развитія, общую для хозяйства всего міра, оставленъ.

Культуры, достигшія высокаго развитія (Китай, Индія, Мексика),совсѣмъ не знали капиталистическихъ формъ хозяйствованія. *) И западной культурѣ совсѣмъ не нужны были тысячи лѣтъ развитія, чтобы достигнуть капиталистической стадіи. Капитализмъ существовалъ въ античной цивилизаціи Запада — въ Греціи и Римѣ. **)Въ современной цивилизаціи истоки капиталистическаго развитія уходятъ глубоко въ средніе вѣка, и капитализмъ 19 вѣка — только одна изъ вершинъ вѣкового подъема. Подъемы западной культуры неизмѣнно сопровождались развитіемъ индивидуализма и, прежде всего, индивидуализма экономическаго. Экономическій индивидуализмъ еще болѣе характеренъ для западной культуры, чѣмъ индивидуализмъ политическій. Предѣлы экономической власти государства надъ личностью еще болѣе ограничены, чѣмъ предѣлы власти политической. Этимъ объясняется то удивительное явленіе, что современная европейская демократія, вся пронизанная идеями соціальнаго равенства и соціальной справедливости, съ неувѣренностью и тревогой останавливается передъ соціальной доктриной, предлагающей осуществить эти идеи путемъ передачи хозяйства изъ рукъ личности въ руки государства. Демократія боится потерять индивидуальную экономическую свободу и, вмѣстѣ съ нею, личную свободу вообще. И еще больше она боится всемогущества государства и не вѣритъ въ его способности хозяйствовать. Здѣсь говоритъ тысячелѣтняя культура Запада. И сторонникамъ новаго ученія придется провести громадную воспитательную работу въ средѣ демократіи и найти формы хозяйства, примиряющія индивидуальную свободу съ государственнымъ вмѣшательствомъ, прежде чѣмъ они побѣдятъ индивидуалистическую душу западнаго человѣка.

Государство Запада, мало занимаясь хозяйственной дѣятельностью и не предъявляя претензій на рабочую силу своихъ подданныхъ, такъ же мало распространяетъ свою власть на вещи, находящіяся на его территоріи. Въ государствѣ Запада всѣ вещи (за исключеніемъ немногихъ вещей публичнаго права — моря, воды, дороги, общественныя зданія) находятся въ полномъ обладаніи частныхъ лицъ и свободно обращаются между ними для обмѣна. Въ отношеніи вещей — какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ — государство Запада отступаетъ передъ личностью. Когда государству надо сохранить какую-нибудь вещь за собой и не пустить ее въ частный оборотъ, оно дѣлаетъ это

*) Зомбартъ. Современный капитализмъ. т. I.
**) E. Meyer. Die Wirtschaftliche Entwicklung des Altertums. — Ferrero. Grandeur et décadence de Rome. T. I. 1918. — Salvioli. Le capitalisme dans le monde antique. 1906.

въ видѣ изъятія изъ общаго правила и часто съ опасеніемъ нарушить общественное правосознаніе. И, когда оно обладаетъ имуществомъ, оно распоряжается имъ, какъ частное лицо, на одинаковыхъ правахъ съ другими частными лицами. Почти во всѣ эпохи западной исторіи государственныя имущества представляли небольшую долю національнаго капитала. Государственное имущество Аѳинской республики было ничтожно, и только Ѳемистоклу удалось добиться того, чтобы доходы съ государственныхъ пріисковъ (серебряныхъ) шли на государственныя нужды, а не дѣлились между гражданами. *) Римская республика роздала свое громадное государственное имущество въ частныя руки и даже важнѣйшія отрасли администраціи, взиманіе податей и общественныя работы сдавала на откупъ отдѣльнымъ предпринимателямъ. **) Такъ же невелики были государственныя имущества и въ государствахъ современной цивилизаціи. Государство Запада отдало власть надъ вещами личности и власть эту ничѣмъ не ограничило. И западная личность использовала свою власть надъ вещами съ какой-то неудержимой яростью. Вещное право Запада глубоко индивидуалистично, и право собственности абсолютно, жестоко и деспотично. Мощь западнаго государства уходитъ на то, чтобы охранить священное право собственности отъ всякихъ посягательствъ. Въ Аѳинской республикѣ ежегодно архонтъ, немедленно по вступленію въ должность, оповѣщалъ черезъ глашатая: «Всякій, кто имѣетъ какое-нибудь имущество, остается его владѣтелемъ и безусловнымъ господиномъ». ***) Въ Римѣ охрана собственности считалась той задачей, во имя которой, главнымъ образомъ, созидаются государства. „Hanc enim ob causam maxime, ut sua tenerent, res publicae civitatesque constitutae sunt." (Цицеронъ). Современное государство разсматриваетъ собственность, какъ неотчуждаемое право личности, и защищаетъ ее всей своей мощью. Въ декларацiи правъ человѣка и гражданина сказано: «Цѣль всякаго политическаго союза есть охрана естественныхъ и неотчуждаемыхъ правъ человѣка. Права эти суть: свобода, *собственность*, безопасность и сопротивленіе угнетенію». «Собственность есть право ненарушимое и священное». Гражданское право Запада и, въ особенности, право имущественное — одно изъ величайшихъ достиженій всей западной цивилизаціи. Рожденное въ Греціи и получившее свое клас-

*) Neurath. Antike Wirtschaftsgeschichte.
**) Pöhlmann. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. B. II. 1912.
***) Glotz. Le travail dans la Grèce Ancienne. 1920.

сическое выраженіе въ Римѣ, оно охватываетъ всю западную цивилизацію единой связью и сообщаетъ ей характеръ внутренней цѣльности и неподражаемой оригинальности. Грандіозный памятникъ западнаго права — кодексъ императора Юстиніана—такъ же характеренъ и символиченъ для западной цивилизаціи, какъ характерны и символичны для цивилизаціи египетской пирамиды. И, какъ пирамиды Египта, памятникъ Юстиніана кажется вѣчнымъ и неразрушимымъ. И современная Европа, отойдя отъ него на разстояніе 14 вѣковъ, стоитъ къ нему ближе, чѣмъ Европа любого изъ предыдущихъ столѣтій. *)

Надо охватить культурный массивъ западнаго округа въ его цѣльности и запечатлѣть въ памяти его острыя очертанія; надо заглянуть въ «душу» западной цивилизаціи; надо оцѣнить ея индивидуализмъ, значеніе ея личности, характеръ ея государственности, форму ея хозяйствованія, собственническую «ярость» ея права, чтобы понять, какую злую шутку сыграла русская земельная община надъ той отраслью исторической науки, которая рисовала картину земельнаго развитія на Западѣ. Земельная община — одна изъ низшихъ ступеней земельнаго развитія. Индивидуальная собственность — высшая. Отсюда стремленіе исторической науки: трехтысячелѣтнюю исторію земельнаго владѣнія на Западѣ изобразить, какъ медленный и постепенный переходъ отъ формъ полнаго земельнаго коллективизма къ формамъ индивидуальнымъ. Западная наука слишкомъ утончена, чтобы невѣрно изображать факты; но общее освѣщеніе картины получалось глубоко неправильное. Раннія формы земельнаго владѣнія грековъ, римлянъ, кельтовъ, германцевъ удивительно напоминали русскую передѣльную земельную общину. Но и болѣе поздніе періоды земельнаго владѣнія, въ особенности, землевладѣніе средневѣковое изображались въ разрѣзѣ общины. Теперь историческая роль земельной общины болѣе или менѣе выяснена. Теоріи земельнаго развитія, объемлющія всѣ народы и страны, потеряли свое обаяніе. И мало по малу картина земельнаго владѣнія на Западѣ принимаетъ свои подлинныя очертанія и выступаетъ въ своемъ неповторяемомъ своеобразіи. Краткая исторія земельнаго владѣнія на Западѣ такова.

Раннія стадіи земельнаго владѣнія въ античной цивилизаціи Запада наукой не установлены. Исторія застаетъ носителей античной цивилизаціи Запада, грековъ и римлянъ, вполнѣ культурными народами, съ развитой государственностью, со строго

*) Wenger. Das Recht d. Griechen u. Römer. 1914.—Mitteis. Römisches Recht. Partsch. Der Griechische Gedanke in der Rechtswissenschaft. [Vom Altertum zur Gegenwart 1921]. — Mitteis. Römisches Privatrecht. B. I. 1908

очерченнымъ соціальнымъ укладомъ. Земля находится въ индивидуальномъ владѣніи, на правахъ частной собственности. Индивидуальная земельная собственность въ Римѣ не знаетъ никакихъ ограниченій. Въ нѣкоторыхъ государствахъ Греціи— преимущественно въ Спартѣ и другихъ дорическихъ государствахъ — индивидуальная собственность ограничена: участки полноправныхъ гражданъ — «жеребья», kleroi — неотчуждаемы и недѣлимы. Но эти ограниченія отнюдь не обусловливаются тѣмъ, что надъ индивидуальнымъ владѣніемъ стоитъ верховное право собственности — земельной общины или государства. Ограниченія объясняются тѣмъ, что Спарта и другія дорическія государства — государства *военныя*. Въ интересахъ военнаго государства сохранить въ цѣльности земельный участокъ гражданина-воина — необходимое условіе для выполненія лежащихъ на немъ обязательствъ по отношенію къ государству. Но и такія ограниченія встрѣчаются не часто и противорѣчатъ общеэллинскому праву. *) Историческое земельное право Греціи и, въ особенности, Рима — полновластная индивидуальная собственность. — Сторонники земельной теоріи считаютъ, что индивидуальная земельная собственность въ Греціи и Римѣ явилась продуктомъ долгаго историческаго развитія. Что въ ранніе доисторическіе періоды въ Греціи и Римѣ существовалъ аграрный коммунизмъ, смѣнившійся передѣльной общиной, которая, въ свою очередь, постепенно перешла въ индивидуальное владѣніе. Въ нѣкоторыхъ институтахъ гражданскаго права и соціальнаго строя Греціи и Рима (общественныя трапезы въ Спартѣ и на Критѣ, общія пастбища — ager compascuus — въ Римѣ, связанность владѣнія земельными участками и т. д.) сторонники земельной теоріи видятъ остатки земельнаго коммунизма и земельной общины. Въ случайныхъ замѣчаніяхъ античныхъ авторовъ видятъ указанія, подтверждающія ихъ гипотезу. Но всѣ эти указанія убѣдительны только тогда, когда доказана сама земельная теорія. Если аграрный коммунизмъ и передѣльная община — раннія стадіи земельнаго развитія, общія всѣмъ народамъ и странамъ, тогда законно, на основаніи немногихъ указаній, утверждать, что и Грецію, и Римъ пережили эти стадіи. Но, если теорія не доказана, тогда теряется научное право, на основаніи случайныхъ и спорныхъ указаній, утверждать существованіе аграрнаго коммунизма и передѣльной общины въ античномъ мірѣ. Начальныя стадіи земельнаго владѣнія въ Греціи и Римѣ остаются для науки скрытыми, и о нихъ возможны только гадательныя предположенія, на основаніи

*) Weber. Agrargeschichte (Altertum) [Handwörterbuch der Staatswissenschaften. B. I. 1909].

сравненія съ ранними стадіями земельнаго владѣнія въ другихъ странахъ и другихъ культурныхъ округахъ. Правда, и раннія формы земельнаго строя различны и многообразны, по различнымъ культурнымъ округамъ. Но, несмотря на ихъ многообразіе, раннія формы земельнаго владѣнія имѣютъ черты, отличающія ихъ отъ болѣе позднихъ формъ. И, вглядѣвшись въ нихъ, можно легче представить себѣ, каковы были доисторическія формы земельнаго владѣнія въ Греціи и Римѣ, предшествующія формамъ развитой земельной собственности. Этнографическая наука даетъ для этого много данныхъ.

Въ ранніе періоды хозяйственной жизни человѣчества, когда народы только начинаютъ переходъ къ земледѣльческому хозяйству, земля не имѣетъ постоянныхъ владѣльцевъ и не принадлежитъ никому. Земля — «ничья», res nullius . Каждый земледѣлецъ занимаетъ участокъ земли, въ мѣстѣ, ему удобномъ и въ размѣрѣ, отвѣчающемъ его хозяйственной нуждѣ. Земли такъ много, и нужда въ землѣ такъ невелика, что споръ между претендентами, обычно, не возникаетъ. Земля находится въ индивидуальномъ владѣніи занявшаго ее земледѣльца до тѣхъ поръ, пока длится обработка участка. Но это продолжается, обычно, недолго — часто годъ, два. Затѣмъ, земледѣлецъ переходитъ на новую, еще не тронутую землю. Покинутый участокъ снова становится «ничьимъ». Для прежняго владѣльца онъ больше не представляетъ никакой цѣнности. Когда плодородіе участка, черезъ нѣкоторое время, снова возстанавливается, онъ можетъ быть занятъ всякимъ желающимъ. Не воздѣланная земля, лѣса, пастбища находятся въ общемъ пользованіи. Первобытное государство (родъ, племя, тотемическая группа) тщательно охраняетъ свою хозяйственную территорію отъ внѣшнихъ посягательствъ и не допускаетъ постороннихъ лицъ занимать участки земли безъ своего разрѣшенія. Внутри хозяйственной территоріи государство не вмѣшивается въ отношеніе земледѣльца къ землѣ. — Является ли первобытное государство собственникомъ земли, находящейся въ предѣлахъ его территоріи? Это вопросъ спорный. И отвѣтъ на него разнится въ зависимости отъ того содержанія, которое вкладывается въ понятіе «собственности». Если подъ собственностью понимать ту полноту власти надъ вещью, которая присуща развитой культурѣ Запада, тогда о собственности на землю первобытнаго государства на можетъ быть и рѣчи. Право первобытнаго государста на землю выражено очень слабо и осуществляется только въ исключительныхъ случаяхъ. Но, если взять ограниченное и формальное понятіе собственности, по которому «собственникъ вещи есть то лицо, правовое усмотрѣніе кото-

раго, по существующему правопорядку, *въ конечномъ счетѣ* является опредѣляющимъ для вещи», *) тогда первобытное государство должно быть признано собственникомъ всей земли, находящейся въ предѣлахъ его территоріи. Ибо, *въ конечномъ счетѣ*, право первобытнаго государства на землю является опредѣляющимъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что право первобытнаго государства на землю является не выраженіемъ государственной власти надъ территоріей, а выраженіемъ хозяйственной власти надъ вещью. Первобытное государство не только управляетъ и властвуетъ; оно хозяйствуетъ и распространяетъ свои полномочія на рабочую силу своихъ подданныхъ и вещи. **) — Дальнѣйшее развитіе земельнаго владѣнія — въ разныхъ культурныхъ округахъ — идетъ по расходящимся линіямъ. По мѣрѣ развитія земледѣльческой культуры и роста земледѣльческаго населенія, потребность въ землѣ увеличивается, и земля пріобрѣтаетъ извѣстную цѣнность. Вмѣстѣ съ этимъ увеличиваются притязанія на землю, и права на землю крѣпнутъ. Въ однихъ культурныхъ округахъ укрѣпленіе земельныхъ правъ идетъ въ пользу государства. Тамъ, гдѣ первобытное государство развиваетъ свою хозяйственную дѣятельность и расширяетъ свои притязанія на рабочую силу подданныхъ и вещи, тамъ, прежде всего, оно стремится укрѣпить свои права на землю. Ибо, въ первобытномъ государствѣ, земля — главный источникъ дохода. Формальное право государства на землю наполняется реальнымъ содержаніемъ, и государство начинаетъ вмѣшиваться въ распоряженіе землей. Земельный участокъ, покинутый земледѣльцемъ, больше не становится «ничьимъ», а поступаетъ въ распоряженіе государства. Только съ согласія и разрѣшенія государства производится занятіе новыхъ участковъ. Въ случаяхъ нужды государство можетъ взять земельный участокъ у одного и передать его другому. Частный оборотъ на землю воспрещается. При занятіи новой территоріи, государство само распредѣляетъ землю и нарѣзаетъ отмѣренные участки — «жеребья». Когда земледѣліе становится господствующимъ промысломъ, и земельный просторъ исчезаетъ, государство становится полновластнымъ хозяиномъ и собственникомъ земли. Государство сдаетъ землю въ аренду или предоставляетъ ее во временное пользованіе, взимаетъ часть урожая въ свою пользу, связываетъ держателей земли круговой порукой, распредѣляетъ землю по своему усмо-

*) Stammler. Eigentum und Besitz. [Handwörterbuch der Staatswissenschaften B. III. 1909]. — Raehfahl. Zur Geschichte des Grundeigentums. [Conrads Jahrbücher 3. Folge B. XIX].

**) Schmidt. Grundriss der ethnologischen Wirtschaftslehre.

трѣнію и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, періодически передѣляетъ землю между держателями. Земельное владѣніе принимаетъ формы передѣльной земельной общины и ярко выраженнаго аграрнаго этатизма. Обычно однако такія формы возникаютъ только тогда, когда народы выходятъ на историческую арену и государственное развитіе поднимается на большую высоту. На низшихъ ступеняхъ культуры передѣльная земельная община и крайнія формы аграрнаго этатизма встрѣчаются рѣдко. — Въ другихъ культурныхъ округахъ развитіе земельнаго владѣнія идетъ въ противоположномъ направленіи — по линіи укрѣпленія индивидуальныхъ правъ на землю. Тамъ, гдѣ первобытное государство мало занимается хозяйственной дѣятельностью и отказывается отъ своихъ правъ на рабочую силу подданныхъ и вещи, тамъ право на землю укрѣпляется за индивидуальными владѣльцами. Участки земли, больше не обрабатываемые, еще долгое время сохраняются за ихъ прежними хозяевами и, въ концѣ концовъ, совсѣмъ закрѣпляются за ними. Земля поступаетъ въ гражданскій оборотъ — продается, наслѣдуется, дарится. Общія угодья — лѣса, пастбища постепенно сокращаются и наконецъ исчезаютъ. Ограниченія, связывающія индивидуальное владѣніе въ пользу семьи, рода, сосѣдей, падаютъ. И, въ концѣ концовъ, власть индивидуальнаго владѣльца надъ землей становится неограниченной, и возникаетъ полная индивидуальная земельная собственность. Обычно, однако, полная индивидуальная собственность на землю — такъ же, какъ развитыя формы передѣльной общины и земельнаго этатизма — появляются только на высокихъ ступеняхъ государственности. Индивидуальная собственность, встрѣчающаяся и среди некультурныхъ народовъ, выражена неясно и неполно. — Между крайними линіями развитія земельнаго владѣнія, ведущими къ неограниченной индивидуальной собственности и къ аграрному этатизму, существуютъ промежуточныя формы, въ которыхъ элементы индивидуализма, коллективизма и этатизма причудливо смѣшаны. Распространенная форма смѣшенія — индивидуальная собственность на обработанные участки и общее владѣніе угодьями, не требующими затраты труда — лѣсами, пастбищами. Но, вообще, формы земельнаго владѣнія, на низшихъ ступеняхъ культуры, чрезвычайно многообразны, и даже среди близкихъ и родственныхъ народовъ, стоящихъ на одинаковомъ культурномъ уровнѣ, крайняя пестрота формъ землевладѣнія — обычное явленіе. *)

*) Schurtz. Die Anfänge des Landbesitzes. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. B. III. 1900 No. 4, 5. — Lasch. Die Landwirtschaft der Naturvölker. Zeitschrift für Sozialwissenschaft. B. VII. 1904. No. 1, 2, 3, 4. —

Данныя исторической науки о раннихъ періодахъ земельнаго развитія въ различныхъ культурныхъ округахъ показываютъ, насколько апріорны и сомнительны предположенія сторонниковъ земельной теоріи о существованіи аграрнаго коммунизма и передѣльной общины въ доисторической Греціи и Римѣ. Гипотеза объ «аграрномъ коммунизмѣ» можетъ быть совершенно отброшена, ибо такая форма земельнаго хозяйства (совмѣстное владѣніе, совмѣстная обработка и совмѣстное потребленіе) почти нигдѣ не встрѣчается. Но и гипотеза о передѣльной общинѣ мало вѣроятна, ибо земельная община на раннихъ ступеняхъ хозяйства — явленіе исключительное. Возможно, что доисторическое античное государство обладало большимъ количествомъ правъ на землю, чѣмъ государство позднягo періода; возможно, что оно само нарѣзало участки земли — «жеребья» — гражданамъ и слѣдило за тѣмъ, чтобы земля не вовлекалась въ гражданскій оборотъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сравненіе съ ранними формами земельнаго владѣнія въ другихъ культурныхъ округахъ даетъ основаніе предполагать, что общее развитіе земельнаго владѣнія въ доисторической Греціи и Римѣ шло по линіи укрѣпленія индивидуальныхъ правъ на землю. Цивилизація античнаго міра, въ ея историческомъ періодѣ, вся пропитана элементами индивидуализма и собственности. Можно предполагать, что и доисторическая античная цивилизація развивалась въ томъ же направленіи, и что полновластная индивидуальная земельная собственность явилась завершеніемъ вѣкового культурнаго процесса. Передѣльная община и индивидуальная собственность являются не послѣдовательными этапами одной и той же линіи развитія, а крайними точками расходящихся линій. Античная цивилизація Запада шла по линіи, ведущей къ индивидуальной земельной собственности.

Классическіе періоды исторіи Греціи и Рима — эпохи неограниченнаго торжества земельнаго индивидуализма. Въ Греціи, на ряду съ индивидуальной собственностью частныхъ лицъ, другія формы земельнаго владѣнія почти не играли никакой роли. Не говоря о передѣльной общинѣ, въ исторической Греціи трудно указать примѣры совмѣстнаго владѣнія подсобными угодьями — лѣсами, лугами, пастбищами. Небольшія владѣнія городскихъ и деревенскихъ общинъ сдавались въ аренду частнымъ лицамъ Государственныя земельныя имущества и земельныя имущества религіозныхъ учрежденій были незначительны

Steinmetz. Rechtsverhältnisse von eingeborenen Völkern in Afrika und Ozeanien. 1903. — Cunow. Der Urkommunismus im Lichte der ethnologischen Forschung. Die Neue Zeit. No. 10, 11, 12. 1921.

(за исключеніемъ Спарты, гдѣ земельныя владѣнія королей играли нѣкоторую роль). *) Законы, связывавшіе индивидуальную собственность въ нѣкоторыхъ государствахъ Греціи, постепенно отмерли или потеряли значеніе. Власть частнаго лица надъ землей сдѣлалась неограниченной. Земля превратилась въ товаръ, свободно обращалась на рынкѣ и стала предметомъ спекуляціи. Мелкое землевладѣніе было распылено и задолжено. Крестьяне теряли свои участки, пролетаризировались и превращались въ арендаторовъ и наемныхъ рабочихъ. Земля концентрировалась въ рукахъ богачей, создавались крупныя земельныя владѣнія, и—на ряду съ другими формами капитализма—развивался капитализмъ аграрный. Аграрный капитализмъ и крупное землевладѣніе въ Греціи не достигли тѣхъ громадныхъ размѣровъ, которыхъ они достигли позднѣе въ Римѣ. Но и въ Греціи ихъ вліяніе на соціальную жизнь было значительно. Исторія Греціи насыщена борьбой между различными классами. И въ этой соціальной борьбѣ борьба за землю часто имѣла опредѣляющее значеніе. Уничтоженіе долговъ и раздѣлъ земель — обычные лозунги революціоннаго движенія. Въ исторіи греческихъ городскихъ общинъ государственные перевороты часто вызывались именно требованіями земельной реформы. И бывали случаи, когда соціальныя революціи удавались, и земля переходила изъ рукъ въ руки. Но, въ общемъ, борьба за справедливое распредѣленіе земель въ Греціи не дала никакихъ результатовъ. Индивидуальная собственность отстояла свою неограниченную власть надъ землей и, вмѣстѣ съ этимъ, возможность неограниченнаго расширенія земельнаго владѣнія. Индивидуальная земельная собственность и земельное равенство — понятія несовмѣстимыя. Эллинская цивилизація погибла, не разрѣшивъ этого противорѣчія. Расцвѣтшая на идеѣ индивидуальной собственности, она осталась этой идеѣ вѣрной до конца. **)

Исторія земельнаго владѣнія въ Римѣ еще болѣе характерна для цивилизаціи Запада, чѣмъ исторія земельнаго владѣнія въ Греціи. Индивидуальная земельная собственность въ Римѣ — съ самаго начала историческго періода — полновластна и неограничена. Уже въ древнѣйшей записи римскаго права, въ правѣ XII таблицъ, частная собственность выражена ярко и опредѣленно, утверждена абсолютная свобода завѣщанія и отчужденія, и мобилизація земли далеко продвинулась впередъ. Кол-

*) Paulys. Real-Encyclopedie der klassischen Altertumswissenschaft halbl. XXI 1921. (Kollektiveigentum).

**) Guiraut. La propriété foncière en Grèce. 1893. — Pöhlmann. Geschichte d. socialen Frage u. d. Socialismus in der antiken Welt. B. I. 1912. — Адлеръ. Изъ исторіи общественныхъ ученій. 1918.

лективное владѣніе въ историческомъ Римѣ ограничивалось небольшими участками совмѣстнаго выпаса (ager compascuus), принадлежащими владѣльцамъ близлежащихъ хуторовъ и отрубовъ. Удивительна судьба римскаго государственнаго землевладѣнія — ager publicus. Римъ — милитаристическое государство, неустанно раздвигавшее свои границы. Въ присоединяемыхъ территоріяхъ, по меньшей мѣрѣ, третья часть, а иногда вся земля объявлялась государственнымъ достояніемъ. Такимъ образомъ, государственное земельное имущество должно было бы непрестанно расти и достичь громадныхъ размѣровъ. На самомъ дѣлѣ происходило обратное. Земля неизмѣнно уходила изъ рукъ государства и сосредоточивалась въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ. Происходило это такъ. Небольшую часть своего земельнаго фонда государство продавало частнымъ лицамъ въ собственность или сдавало въ аренду. Нѣкоторую часть оно отдавало въ надѣлы воинамъ и гражданамъ; причемъ, съ момента надѣленія, государственная земля — ager publicus — становилась частной собственностью — ager privatus ex jure Quiritium.*) И, наконецъ, наиболѣе значительную часть своего земельнаго фонда государство предоставляло гражданамъ для свободной заимки (occupatio). Теоретически, занятая земля считалась собственностью государства и могла, въ любой моментъ, быть потребована государствомъ обратно; а заимщикъ считался не собственникомъ, а только «владѣльцемъ» земли и обязанъ былъ вносить государству за землю плату. Практически, дѣло обстояло иначе. Владѣніе заимщика ничѣмъ не отличалось отъ собственности. Земля продавалась, закладывалась, наслѣдовалась. Плата за землю государству не вносилась. Государство никогда не требовало земли обратно. Занятые участки считались государственными и одновременно частными publici privatique." Ожесточенная борьба за право государства получить обратно занятую землю и распредѣлить ее заново (во времена Гракховъ) кончилась полнымъ пораженіемъ и привела къ противоположнымъ результатамъ: земля была укрѣплена за старыми заимщиками въ полную квиритскую собственность. Къ эпохѣ имперіи государственный земельный фондъ въ Италіи былъ исчерпанъ до конца, и индивидуальная земельная собственность господствовала безраздѣльно. Иной была судьба земельнаго владѣнія въ заморскихъ провинціяхъ Рима. Но тамъ индивидуалистическій принципъ земельнаго вла-

*) Schwarze. Beiträge zur Geschichte altrömischer Agrarprobleme. 1912.

дѣнія Запада столкнулся съ культурой Востока. И очень скоро былъ поглощенъ ею *). — Въ исторіи земельнаго владѣнія Рима характерна не только побѣда личности надъ государствомъ, не только поглощеніе всѣхъ другихъ видовъ землевладѣнія землевладѣніемъ индивидуальнымъ; характерна сама форма индивидуальнаго земельнаго владѣнія и индивидуальнаго земельнаго хозяйства; характерны тѣ крайности, къ которымъ пришла, въ этихъ областяхъ, римская цивилизація. Форма земельнаго владѣнія историческаго Рима исключительна и глубоко тенденціозна въ своемъ хозяйственномъ и правовомъ устремленіи. Ея задача — дать личности абсолютную власть надъ земельнымъ участкомъ и абсолютную свободу въ распоряженіи землею и въ хозяйствованіи. Деревенскихъ поселеній въ историческомъ Римѣ почти не встрѣчается. Земледѣльцы живутъ или въ укрѣпленныхъ городахъ или въ отдѣльныхъ хуторахъ и имѣніяхъ. Отдѣльная усадьба (v i l l a) — символъ римскаго сельскаго поселенія. Культурная земельная площадь размежевана на правильные квадраты или четырехугольники. Каждый квадратъ обведенъ дорогами общественнаго назначенія. Участки отводились цѣльнымъ отрубомъ; если не въ одномъ, то, по возможности, въ смежныхъ квадратахъ. Не было черезполосицы и принудительнаго сѣвооборота. Земельные сервитуты были сведены къ строго необходимому минимуму. Благодаря частой сѣти дорогъ доступъ къ каждому участку былъ простъ и легокъ. Хозяйство каждаго участка велось въ полной независимости отъ методовъ хозяйства, примѣнявшихся на сосѣднихъ участкахъ. Хозяйственной предпріимчивости и хозяйственному произволу былъ предоставленъ полный просторъ. Техника земледѣлія достигала большой высоты и, въ то же время, участки земли оставались необработанными и заброшенными. **) Такъ же не ограниченъ былъ просторъ земельнаго оборота. На размежеванныя площади составлялись земельные планы и по этимъ планамъ права индивидуальныхъ собственниковъ устанавливались съ большой наглядностью и отчетливостью. Форма отчужденія земельныхъ участковъ была проста и удобна. Свобода распоряженія — продажи, завѣщанія, залога — ничѣмъ не ограничена. Все было сдѣлано для того, чтобы земля обращалась на рынкѣ такъ же легко и просто, какъ другія—движимыя—вещи

*) R o s t o w z e w. Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. 910. — R o s t o w z e w. Kolonat. (Handwörterbuch der Staatswissenschaften B. V.)

**) M e i t z e n. Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen. B. I. 1895. — M. W e b e r. Agrargeschichte (Handwörterbuch der Staatsw, B. I. 1909).

И, дѣйствительно, земля въ Римѣ была вещью, находящейся въ полной власти ея собственника, и, прежде всего, товаромъ для рынка. Мобилизація земли была крайне напряжена, сдѣлки на землю совершались съ большой легкостью, и Римъ игралъ роль «міровой земельной биржи». «Никогда — ни раньше, ни позже — и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ торговля недвижимостями не достигала такихъ размѣровъ, какъ въ Римѣ» *). Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, въ земельномъ хозяйствѣ развились крайнія формы хозяйственнаго индивидуализма — капиталистическія. Аграрный капитализмъ въ Римѣ достигъ «неслыханныхъ» размѣровъ. Земля уходила изъ рукъ мелкихъ собственниковъ и сосредоточивались въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ скота и рабовъ. Создавались громадныя земельныя владѣнія — латифундіи, — въ которыхъ, при помощи рабскаго труда, велось крупное плантаціонное хозяйство. И что самое характерное: крупное землевладѣніе и капиталистическое хозяйство возникали прежде всего на «государственной землѣ», предназначенной для частной заимки. Юридически, заимка государственной земли была предоставлена всѣмъ гражданамъ. Фактически земля попадала въ руки крупныхъ капиталистовъ; ибо для обработки земли необходимъ былъ оборотный капиталъ, котораго не было у мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Именно здѣсь, на государственной землѣ, возникъ тотъ «безграничный аграрный капитализмъ, подобнаго которому исторія никогда больше не знала». Государственное землевладѣніе не только уступило свое мѣсто землевладѣнію частному; оно способствовало развитію самыхъ крайнихъ «капиталистическихъ» формъ земельнаго индивидуализма. Такъ безраздѣльна была власть личности въ хозяйственной жизни Рима. Такъ индивидуалистически заострена была вся римская хозяйственная культура. Въ земельномъ владѣніи и земельномъ хозяйствѣ Рима индивидуалистическая хозяйственная культура античнаго Запада нашла свое высшее выраженіе. — Въ позднія эпохи римской имперіи земельный индивидуализмъ — вмѣстѣ съ другими формами индивидуализма — былъ значительно ограниченъ. Снова развилось государственное землевладѣніе. Государство наложило свою тяжелую руку на свободный оборотъ земли и свободную хозяйственную иниціативу. Крупное земледѣльческое хозяйство разложилось. Аграрный капитализмъ постепенно замеръ. Но весь этотъ процессъ не былъ новымъ этапомъ земельной культуры Запада. Это былъ процессъ угасанія западной культуры и поглощенія ея культурой Востока. Когда западная цивилизація стала снова возрождаться и снова обрати-

*) M. Weber. Die römische Agrargeschichte. 1891.

лась къ своимъ эллино-римскимъ истокамъ, земельное развитіе Запада снова направилось по тѣмъ путямъ, по которымъ шло развитіе земельнаго хозяйства Греціи и Рима*).

Земельное развитіе современной цивилизаціи Запада историческая наука XIX вѣка изображала такъ. Античная цивилизація Запада была смыта волнами варварскихъ нашествій. Вмѣстѣ съ нею были смыты формы земельнаго владѣнія античнаго міра. На голое, въ хозяйственномъ отношеніи, мѣсто пришли новые, первобытные народы и принесли съ собою новую, первобытную хозяйственную культуру. Города, промышленность, торговля, ремесла были уничтожены. Единственной формой хозяйственной жизни было хозяйство земельное. Развитіе земельнаго владѣнія началось съ самыхъ раннихъ, первобытныхъ ступеней. Сначала, земля находилась въ коллективномъ владѣніи и коллективной обработкѣ всѣхъ членовъ общины. Затѣмъ, пахотная земля дѣлилась на равныя части — гуфы — между членами общины и періодически поступала въ новый передѣлъ; другія земельныя угодья — лѣса, пастбища, пустоши — оставались въ общемъ владѣніи (марки, альменды, communia). Постепенно, передѣлы земли прекратились, и пахотная земля стала частной собственностью отдѣльныхъ лицъ. Но другія земельныя угодья продолжали оставаться въ общинномъ владѣніи все средневѣковье и, лишь подъ насильственнымъ вліяніемъ помѣщичьей и государственной власти, стали переходить въ частныя руки. Основная стихія средневѣковаго земельнаго владѣнія — *общинная*, изъ которой медленно и постепенно выдѣляется землевладѣніе индивидуальное. Окончательное торжество индивидуальнаго землевладѣнія — продутъ новаго времени **).

Вся эта схема культурнаго и земельнаго развитія Запада въ настоящее время подвергается коренному пересмотру. Культура Запада едина — не только въ пространствѣ, но и во времени. Такъ же едина, какъ едины — несмотря на тысячелѣтнее существованіе — культуры Китая и древняго Египта. Какъ въ исторіи Китая и Египта, въ исторіи Запада центры цивилизаціи перемѣщались съ одного мѣста на другое — съ береговъ Средиземнаго моря въ античную эпоху на берега Сѣвернаго моря въ современности. Какъ въ исторіи Китая и Египта, въ исторіи

*) Fleischmann. Altgermanische und altrömische Agrarverhältnisse. 1906. — Синайскій. Древне-римская община въ сравненіи съ казачьей общиной. Кіевъ 1915. — P. Louis. Le travail dans le monde Romain. 1912.

**) Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 1902. — Brunner. Deutsche Rechtsgeschichte. 2. Auflage. 1906. – Кулишеръ. Лекціи по исторіи экономическаго быта Западной Европы. Изд. 4-ое. 1916.

Запада были періоды подъема и упадка. Нѣтъ спора о томъ, что столѣтія, слѣдовавшія за гибелью западной римской имперіи, были періодомъ культурнаго паденія. И, въ сравненіи съ удивительными культурными подъемами античнаго міра и современности, культура средневѣковая можетъ казаться «варварской». Но въ общемъ культурномъ развитіи Запада *прерыва* не было. Переходъ отъ римской культуры къ средневѣковой не болѣе значителенъ, чѣмъ переходъ отъ эллинской культуры къ римской *). Римская культура не была сметена германскимъ нашествіемъ, и германцы не были первобытными варварами. Германцы воспитались на римской культурѣ, переняли ее у римлянъ и сохранили ее для будущаго. Ихъ отношеніе къ римскимъ порядкамъ глубоко консервативное **). Средневѣковая культура — непосредственное продолженіе культуры эллино-римской, несмотря на всѣ измѣненія принесенныя новыми народами, новой религіей и вліяніями Востока. — Такъ же, какъ въ общей культурѣ, не было перерыва и въ хозяйственной культурѣ Запада. Хозяйственное развитіе средневѣковой Европы не началось сначала — съ низшихъ, первобытныхъ ступеней. Западная Европа не была превращена въ пустыню и не поросла дикимъ лѣсомъ, какъ это часто предполагалось. Сохранились, хотя и въ полуразрушенномъ видѣ, римскіе города. Продолжали существовать ремесла и торговля. Не прекращалось денежное обращеніе. Сохранилось римское земледѣльческое хозяйство и техника с. х. культуръ. Несомнѣнно, что, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, хозяйственная культура Запада переживала періодъ глубокаго упадка, и пульсъ хозяйственной жизни бился чрезвычайно слабо. Но это былъ періодъ упадка высоко развитой культуры, а не начальный періодъ культуры первобытной. Вотъ почему, когда западная культура стала снова возрождаться, хозяйственное развитіе Запада пошло лихорадочно быстро; и не прошло нѣсколько столѣтій, какъ Европа снова стояла во главѣ міровой хозяйственной жизни. Вотъ почему формы современнаго хозяйства, во многихъ отношеніяхъ, такъ удивительно напоминаютъ формы хозяйства античнаго. Въ хозяйственномъ развитіи Запада были подъемы и паденія; въ немъ не было перерыва, не было перехода на новыя, идущія въ другомъ направленіи, линіи. Хозяйственная культура Запада такъ же едина, какъ едина вся — насчитывающая тысячелѣтія — западная цивилизація.

---

*) Keutgen. Über Dopsch: Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. Jahrbuch für Nationalökonomie. Oktober 1920.

**) Dopsch. Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung. B. I 1918. B. II 1920.

Формы земельнаго владѣнія современной западной цивилизаціи пестры и разнообразны. Исторія земельнаго владѣнія современнаго Запада еще не написана. Многое остается неяснымъ и неразгаданнымъ. И, однако, общія черты земельнаго владѣнія современной западной цивилизаціи легко уловимы; основныя линіи его развитія ясно намѣчены. Исторія земельнаго владѣнія современнаго Запада не начинается съ первобытныхъ ступеней. Доисторическія формы земельнаго владѣнія новыхъ народовъ, покорившихъ Западную Европу, до сихъ поръ остаются для науки нераскрытыми. И еще менѣе можетъ быть наукой установлено, какой характеръ приняло бы развитіе земельнаго владѣнія Германцевъ, если бы они жили изолированно отъ другихъ народовъ и не вступали бы въ общеніе съ мощной и поглощающей культурой Рима. На самомъ дѣлѣ, развитіе земельнаго владѣнія Запада происходило иначе. Когда Западная Европа вышла изъ хаоса «великаго переселенія» и принялась за устроеніе своей хозяйственной жизни, она нашла готовыя формы земельнаго владѣнія, оставленныя ей античной цивилизаціей. Основной формой земельнаго владѣнія, полученной ею отъ Рима, была индивидуальная земельная собственность. Индивидуальная земельная собственность и явилась той базой, на которой было построено все земельное владѣніе современной Европы. Въ странахъ старой римской культуры — Италіи, Испаніи, Франціи — индивидуальная земельная собственность была опредѣляющей формой земельнаго владѣнія съ самаго начальнаго періода современной цивилизаціи. Возможно, что въ странахъ Европы, куда римская культура проникала слабо — въ центральной и восточной Германіи, въ Скандинавіи — индивидуальная земельная собственность въ ранніе періоды была неизвѣстна. Возможно, что въ странахъ, гдѣ германцы селились сплошными массами (въ Англіи, Бельгіи, Сѣверной Франціи), индивидуальная собственность вначалѣ была выражена недостаточно четко. Но и въ этихъ странахъ развитіе земельнаго владѣнія шло въ направленіи укрѣпленія индивидуальныхъ правъ на землю и, въ историческую эпоху, благодаря вліянію римской традиціи, привело къ торжеству частной собственности. Правда, индивидуальная земельная собственность ранняго періода современной цивилизаціи далеко не совершенно воспроизводитъ классическій римскій прообразъ. Чистыя формы римской земельной собственности замутились еще въ послѣдній, упадочный періодъ римской имперіи. Вѣка развала и смятенія, вмѣстѣ съ притокомъ новыхъ народовъ, внесли еще большую путаницу въ старое римское зе-

мельное право*). Индивидуальная земельная собственность эпохи варварскихъ правъ ограничена правами семьи и родныхъ. Индивидуальная земельная собственность ранняго средневѣковья — владѣніе зависимое и условное. И всетаки — хотя въ неполномъ и несовершенномъ видѣ — индивидуальная земельная собственность, и въ раннія эпохи современной цивилизаціи, являлась доминирующей формой земельнаго владѣнія, на ряду съ которой другія формы имѣли только второстепенное значеніе. Ограниченія, связывавшія индивидуальное владѣніе въ средніе вѣка, объясняются не тѣмъ, что надъ правами индивидуума на землю стоятъ высшія права — земельнаго коллектива или государства. Ограниченія объясняются общимъ крѣпостнымъ и феодальнымъ характеромъ эпохи. Именно потому, что государство было безсильно и не распространяло своей власти на землю, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неспособно было защищать индивидуальныя права гражданъ, — и въ томъ числѣ индивидуальныя права на землю — именно поэтому и лица и земля связывались обязательствами частнаго договорнаго характера. Земля — въ средневѣковой Европѣ — несвободна. Идея собственности расщеплена. На одинъ земельный участокъ обычно двойное право собственности — верховнаго владѣльца и непосредственнаго пользователя. Кристально чистая форма римской индивидуальной земельной собственности вся опутана паутиной средневѣковыхъ ограниченій и обязательствъ. Индивидуальная земельная собственность борется не съ другими формами земельнаго владѣнія; стремится выдѣлить себя не изъ государственнаго землевладѣнія и не изъ землевладѣнія общиннаго. Индивидуальная земельная собственность старается освободить, развязать себя отъ путъ и обязательствъ, наложенныхъ на нее частными лицами; стремится приблизиться къ той идеальной формѣ земельнаго владѣнія, которую создала римская цивилизація. Исторія земельнаго владѣнія на Западѣ — исторія «освобожденія» земельной собственности. Этапы развитія европейскаго земельнаго владѣнія — этапы «рецепціи» римскаго земельнаго права **). Европейское земельное владѣніе—какъ вся европейская культура — возвращается къ своимъ эллино-римскимъ истокамъ. Форма индивидуальной земельной собственности постепенно кристаллизуется. Власть лица надъ землей становится снова полной и абсолютной. «Расщепленность» права земельной собственности исчезаетъ. Право собственности на

*) Halban Blumenstock Entstehung des deutschen Immobiliareigentums. 1894.

**) Виноградовъ. Римское право въ средневѣковой Европѣ. М. 1910.

земельный участокъ переходитъ къ одному лицу: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ «непосредственному пользователю» — крестьянину, въ другихъ къ «верховному владѣльцу» — помѣщику. Величайшая соціальная революція современной Европы — французская революція 18-го вѣка — была устремлена не на измѣненіе формъ земельнаго владѣнія; и только въ малой степени она перемѣстила землю изъ однѣхъ рукъ въ другія. Цѣль французской революціи и ея главное достиженіе — укрѣпленіе правъ индивидуальной земельной собственности, освобожденіе земельной собственности отъ всякихъ стѣсненій и обязательствъ, превращеніе фактическихъ владѣльцевъ земли въ полноправныхъ и неограниченныхъ собственниковъ. Процессъ, проходившій черезъ всю исторію земельнаго владѣнія современнаго Запада, нашелъ въ Великой революціи свое завершеніе. Вотъ почему уроки французской революціи въ земельной области обязательны только для тѣхъ странъ, которыя продѣлали тотъ же процессъ земельнаго развитія. Вотъ почему революціи въ странахъ, земельное развитіе которыхъ шло въ противоположномъ направленіи, могутъ привести и къ противоположнымъ результатамъ *). — Индивидуальная земельная собственность Западной Европы въ XIX вѣкѣ мало чѣмъ отличается отъ индивидуальной земельной собственности античнаго Рима. Земля — вещь, находящаяся въ полной власти отдѣльнаго лица. Земля — товаръ, такъ же свободно обращающійся на рынкѣ, какъ другіе товары. Кодексъ Наполеона — въ земельномъ правѣ — повторяетъ кодексъ Юстиніана. Индивидуализмъ такъ же пронизываетъ земельное владѣніе современной Европы, какъ онъ пронизывалъ земельное владѣніе Греціи и Рима. Вершины современной цивилизаціи удивительно напоминаютъ вершины цивилизаціи античной. Ибо культурный массивъ, на которомъ онѣ возвышаются, одинъ и тотъ же **).

Съ ранняго періода современной цивилизаціи Запада въ историческихъ документахъ встрѣчаются указанія на существованіе — наряду съ индивидуальнымъ земельнымъ владѣніемъ — землевладѣнія коллективнаго. Лѣса, воды, пастбища, пустоши—во многихъ странахъ Европы—находились въ коллективномъ владѣніи земельныхъ союзовъ, объединявшихъ жителей одной или нѣсколькихъ деревень. Указанія на коллективныя

*) Глаголева—Данини. Крестьянство и аграрный вопросъ въ эпоху великой революціи. (Анналы. Пет. 1922).

**) Dopsch. Die Wirtschaftsentwicklung der Karolingerzeit. B. I 1912. B. II 1913. — Renard et Weulersse. Le travail dans l'Europe moderne. Paris 1920. — Sée. Histoire du régime agraire en Europe aux XVIII et XIX S. Paris 1921.

формы земельнаго владѣнія—альменды, марки, communia — случайныя и неясныя въ 1-омъ тысячелѣтіи, встрѣчаются часто, начиная съ XI—XII в. и создаютъ впечатлѣніе, что, именно, въ эти столѣтія коллективное землевладѣніе крѣпнетъ и кристаллизуется, и земельные союзы, въ обладаніи которыхъ находятся коллективныя угодья, организуются и оформляются. Съ конца среднихъ вѣковъ начинается обратный процессъ — разложенія коллективныхъ формъ земельнаго владѣнія. Коллективныя земельныя угодья захватываются помѣщиками, дѣлятся между крестьянами и становятся частной собственностью отдѣльныхъ лицъ. Въ XVI — XVIII вв. этотъ процессъ протекаетъ лихорадочно быстро, все ускоряясь въ темпѣ. Въ XIX в. коллективное земельное владѣніе въ Западной Европѣ — случайное и рѣдкое явленіе, разсматриваемое, какъ историческій пережитокъ. Индивидуальная земельная собственность достигла не только неограниченной власти надъ землей. Она стала единственной формой земельнаго владѣнія Запада. — Откуда пошло коллективное владѣніе на Западѣ? Гдѣ его источники? Каково его историческое значеніе? — Сторонники земельной теоріи отвѣчаютъ: коллективное земельное владѣніе средневѣковаго Запада — продуктъ разложенія аграрнаго коммунизма и передѣльной общины древнихъ германцевъ. Это одна изъ стадій развитія, неизбѣжно проходимаго всѣми народами по пути отъ полнаго земельнаго коллективизма къ чистому индивидуальному владѣнію. Его значеніе въ современной цивилизаціи Запада и, въ особенности, въ ея средневѣковомъ періодѣ, громадно, ибо индивидуальная собственность только медленно и постепенно выдѣляется изъ господствующей и поглощающей ее коллективной земельной стихіи. Сторонники земельной теоріи утверждаютъ существованіе, въ быту древнихъ германцевъ, аграрнаго коммунизма и передѣльной общины на основаніи показаній — случайныхъ и неясныхъ — двухъ античныхъ авторовъ: Цезаря и Тацита. И дѣлаютъ это научно закономѣрно. Ибо, если теорія земельнаго развитія, общаго для всѣхъ народовъ. a priori принята, тогда для даннаго конкретнаго случая — развитія земельнаго владѣнія германцевъ — показанія Цезаря и Тацита могутъ считаться достаточными и убѣдительными. Труднѣе положеніе ученыхъ, отрицающихъ земельную теорію. Ибо изъ того, что теорія земельнаго развитія отвергнута и аграрный коммунизмъ и передѣльная община не найдены у другихъ народовъ, не достигшихъ высокихъ ступеней культуры, еще a priori не слѣдуетъ, что аграрный коммунизмъ и передѣльная община не существовали и у древнихъ германцевъ. Ткань исторической жизни сложна и узорчата. Фантазія исторіи почти неограничена.

И показанія Цезаря и Тацита волнуютъ научную совѣсть, требуютъ объясненія и неизбѣжно толкаютъ на построеніе новыхъ гипотезъ. Вотъ почему вопросъ о земельномъ строѣ древнихъ германцевъ считается однимъ изъ самыхъ спорныхъ въ исторической наукѣ*). Вотъ почему даже многіе противники земельной теоріи, не считающіе аграрнаго коммунизма и передѣльной общины необходимыми ступенями земельнаго развитія, готовы признать эти формы земельнаго владѣнія у древнихъ германцевъ и находятъ для этог особое объясненіе. Германцы — воинственныя племена, живущія часто походной жизнью. Исторія застаетъ германцевъ въ состояніи военнаго напряженія. Племена организованы въ военные союзы и двигаются въ походномъ порядкѣ. Въ интересахъ сохраненія боевой способности и военной организаціи занимаемая земля не передается въ индивидуальное владѣніе, а сообща обрабатывается или ежегодно передѣляется. Такимъ образомъ, аграрный коммунизмъ и передѣльная община—не нормальное явленіе соціальной жизни древнихъ германцевъ, объясняемое первобытнымъ характеромъ ихъ земельнаго владѣнія. Это явленіе временное, случайное, вызванное исключительными обстоятельствами — «военный коммунизмъ», «государственный соціализмъ военнаго времени». **) Теорія военнаго коммунизма и военной передѣльной общины, въ земельномъ быту древнихъ германцевъ, логически убѣдительна, ибо она больше другихъ соотвѣтствуетъ показаніямъ Цезаря и Тацита. Но и она кажется чисто искусственнымъ построеніемъ, ибо, въ историческую эпоху, ни въ одной изъ мѣстностей Западной Европы, занятыхъ германцами, ни земельнаго коммунизма, ни передѣльной общины не было найдено. — Проще и естественнѣе другое построеніе. Древніе германцы, какъ и большинство другихъ народовъ, еще не достигшихъ высокихъ ступеней культуры, не знали опредѣленно выраженной формы индивидуальной земельной собственности; и еще менѣе примѣняли, въ своемъ земельномъ быту, сложныя формы передѣльной общины. Каждый занималъ столько земли, сколько могъ обработать; и считалъ ее своею до тѣхъ поръ, пока она была ему нужна. Гражданскаго оборота на землю не было, ибо, при земельномъ просторѣ, земля не имѣла цѣнности. Земельная территорія, занятая опредѣленной группой, строго охранялась отъ захвата посторонними лицами. Внутри такой территоріи, земля, не поступавшая въ обработку и не занятая съ этою цѣлью

*) М. Ковалевскій. Экономическій ростъ Европы. Т. I. М. 1898.
**) Hoops. Waldbäume und Kulturpflanzen im germanischen Altertum. 1905. — M. Weber. Der Streit um den Charakter der altgermanischen Sozialverfassung. 1904 [Jahrbuch für Nationalökonomie. III. F. B. 28 H. 4].

отдѣльными лицами — лѣса, пастбища, пустоши — находилась въ общемъ владѣніи группы. Пользованіе этими угодьями не регулировалось никакими правилами, и земельный союзъ, охватывавшій всѣхъ жителей территоріи и въ распоряженіи котораго находились угодья, былъ слабо оформленъ. При ростѣ населенія и сокращеніи земельнаго простора цѣнность земли повышалась и права на землю крѣпли и оформлялись. Земли обрабатываемыя и занятыя отдѣльными лицами постепенно укрѣпились за ними на правахъ индивидуальной собственности. Земли необрабатываемыя остались въ общемъ владѣніи земельнаго союза; но пользованіе ими — въ виду недостатка угодій — стало регулироваться; и земельный союзъ, права и функціи котораго выросли, принялъ организованныя формы. — При такомъ построеніи, существованіе индивидуальной земельной собственности въ ранніе періоды современной цивилизаціи —не только въ странахъ старой римской культуры, но и въ странахъ, населенныхъ германцами—кажется понятнымъ и естественнымъ. Индивидуальная земельная собственность не явилась революціоннымъ новшествомъ въ земельномъ владѣніи германцевъ; ей не пришлось выбиваться изъ поглощающей стихіи аграрнаго коммунизма и передѣльной общины, ибо таковыхъ въ земельномъ быту германцевъ никогда не было. Индивидуальная земельная собственность выросла изъ тѣхъ индивидуальныхъ правъ, которыми германцы всегда обладали на обрабатываемые ими земельные участки. Римская традиція дала для крѣпнущихъ индивидуальныхъ земельныхъ правъ готовыя и испытанныя формы. Такъ же понятнымъ и естественнымъ кажется — при этомъ построеніи — существованіе и ростъ коллективныхъ формъ земельнаго владѣнія въ средневѣковой Европѣ. Коллективныя земельныя угодья средневѣковой Европы — не пережитокъ распадающейся древней германской передѣльной общины. Коллективныя земельныя формы выросли изъ тѣхъ не освоенныхъ личнымъ трудомъ земельныхъ угодій, которыми пользовались сообща члены земельнаго союза, занимавшаго опредѣленную территорію. Въ раннемъ средневѣковьѣ, когда необрабатываемыхъ угодій было много, пользованіе этими угодьями для членовъ союза было свободнымъ и не ограничивалось никакими правилами. Оттого коллективное земельное владѣніе такъ слабо выраженно въ документахъ 1-го тысячелѣтія; и земельный союзъ — носитель коллективныхъ правъ на землю— выступаетъ такъ неоформленно и неясно. Въ позднемъ средневѣковьѣ, когда земельный просторъ исчезаетъ, пользованіе общими угодьями строго регулируется, и коллективное землевладѣніе, вмѣстѣ съ земельнымъ союзомъ, выступаютъ отчетливо и организованно. Такимъ

образомъ, коллективное землевладѣніе и индивидуальная земельная собственность являются не послѣдовательными этапами одной линіи развитія средневѣковаго землевладѣнія. Это два параллельныхъ явленія, заключившихъ двѣ параллельныя линіи развитія: укрѣпленія индивидуальныхъ правъ на воздѣланныя земли, роста и оформленія коллективныхъ правъ на земли необрабатываемыя. Лишь съ конца средневѣковаго періода (въ Англіи еще раньше) коллективныя и индивидуальныя права на землю, до того времени мирно и параллельно развивавшіяся, приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, въ результатѣ котораго коллективныя права быстро и безповоротно исчезаютъ. *) — Отсюда вытекаетъ оцѣнка историческаго значенія коллективнаго землевладѣнія въ современной цивилизаціи Запада и, въ частности, въ ея средневѣковомъ періодѣ. И эта оцѣнка рѣшительно расходится съ тѣми взглядами, которые развивались сторонниками земельной теоріи. Коллективное землевладѣніе въ современной цивилизаціи Запада — и даже въ самые ранніе его періоды — не основная, господствующая стихія, изъ которой медленно и постепенно выбивается землевладѣніе индивидуальное. Взаимоотношеніе коллективнаго и индивидуальнаго землевладѣнія всегда было обратнымъ. Основная, господствующая стихія земельнаго владѣнія въ современной Европѣ, съ самаго ранняго ея періода, — индивидуальная земельная собственность, на ряду съ которой коллективныя формы землевладѣнія имѣютъ только подсобное, второстепенное значеніе. Ибо, съ самыхъ раннихъ періодовъ современной европейской цивилизаціи, какъ и во всей античной цивилизаціи Запада, основныя земельныя угодья, участки земли, въ которые вложенъ человѣческій трудъ — пашни, сады, виноградники, огороды — всегда находились въ индивидуальномъ владѣніи. Въ коллективномъ владѣніи находились земли неплодородныя (ager inutilis) и угодья, играющія — въ земледѣльческомъ хозяйствѣ — подсобную роль: пустоши, торфяники, болота, лѣса, пастбища, воды. Говорить, при этихъ условіяхъ, о существованіи земельной общины на Западѣ можно, только, беря самое широкое опредѣленіе этого понятія. Ибо «основнымъ изъ признаковъ общиннаго владѣнія надо считать права міра не на землю лишь, а на *воздѣланную* землю, иначе — на землю съ тру-

*) Stäbler. Zum Streit um die ältere deutsche Markgenossenschaft. [Neues Archiv der Ges. für ältere deutsche Geschichtskunde. B. 39 H. 3. 1904]. — Wopfner. Beiträge zur Geschichte der älteren Markgenossenschaft. [Mitteilungen des Instituts für österreich. Geschichtsforschung H. 4. B. XXXIII, B. XXXIV H. 1. 1913. — Wopfner. Über Dopsch: Historische Vierteljahrsschrift. XX. Jahrgang. 1920, H. 1. — Билимовичъ. Германское землеустроительное законодательство. 1908.

домъ, въ нее вложеннымъ». *) Въ этомъ «душа» поземельной общины. Въ этомъ — паѳосъ русскаго «міра». Та форма земельнаго владѣнія, которая имѣла широкое распространеніе въ средневѣковой Европѣ и которая на Западѣ называется *общинной*, — индивидуальная собственность на обработанныя земли и коллективное владѣніе на земли безплодныя и необрабатываемыя — близко подходитъ къ той формѣ владѣнія, которая въ Россіи называется *подворной* и обычно противополагается общинной. Въ «подворной» Малороссіи и теперь еще часто встрѣчается — при индивидуальномъ владѣніи пахотными угодьями — коллективное владѣніе лѣсами и пастбищами. Въ недавнемъ прошломъ это было обычное явленіе. Земельное владѣніе Россіи настолько насыщено коллективизмомъ, что тѣ формы земельнаго владѣнія, въ которыхъ коллективные элементы играютъ только подсобную роль, кажутся формами чисто индивидуальными. И наоборотъ. Земельное владѣніе Запада настолько индивидуалистично, что тѣ формы земельнаго владѣнія, въ которыхъ коллективные элементы имѣютъ нѣкоторое, хотя и второстепенное, значеніе, кажутся формами общинными. Между тѣмъ, въ земельномъ владѣніи Запада, даже въ средневѣковомъ его періодѣ, «общиннаго» очень мало. Не только общинное владѣніе не распространяется на главныя — пахотныя — угодья. Но и въ тѣхъ угодьяхъ, на которыя общинное владѣніе распространяется, его роль чисто зависимая, несамостоятельная. Общинныя угодья — лѣса, пастбища, пустоши — являются *дополненіемъ, придаткомъ* индивидуальнаго владѣнія — усадебной земли и пахотныхъ угодій. Каждый владѣлецъ усадебной и пахотной земли имѣетъ право пользованія въ общинныхъ угодьяхъ. Размѣры пользованія общинными угодьями опредѣляются размѣрами индивидуальной собственности (**pro rata possessionis**). Право на общинныя угодья неизмѣнно слѣдуетъ за находящимся въ индивидуальной собственности основнымъ земельнымъ участкомъ — вмѣстѣ съ нимъ продается, наслѣдуется, закладывается. Пока товарный оборотъ на землю слабъ, цѣнность общинныхъ угодій невелика, и составъ земельнаго союза, владѣющаго общинными угодьями, мало измѣнчивъ, до тѣхъ поръ индивидуальныя и коллективныя права могутъ мирно уживаться другъ съ другомъ, и общинное владѣніе сохраняетъ тѣнь самостоятельности. Но, когда гражданскій оборотъ на землю усиливается, и общинныя угодья, вмѣстѣ съ индивидуальной собственностью, вовлекаются въ круговоротъ товарнаго обмѣна; когда цѣнность общинныхъ угодій подымается, и къ ней со всѣхъ сторонъ протягиваются властныя

*) Ефименко. Южная Русь. Т. I. 1905.

руки членовъ общиннаго союза— индивидуальныхъ собственниковъ; когда составъ земельнаго союза начинаетъ часто мѣняться и онъ теряетъ свою былую спаянность и крѣпость, тогда для общинныхъ владѣній бьетъ смертный часъ. Общинныя владѣнія начинаютъ стѣснять земельныхъ собственниковъ: не только помѣщиковъ, но и крестьянъ. Они имъ кажутся ненужнымъ, вреднымъ придаткомъ, мѣшающимъ свободно распоряжаться землей и свободно на ней хозяйствовать. Общинныя земли кажутся безпризорными, брошенными — безъ хозяйскаго собственническаго глаза. Общинныя земли — «проклятыя», «злыя» земли. «Гуртове — чортове», говорятъ малороссы. Индивидуальные владѣльцы стремятся покончить съ общинными угодьями и раздѣлить ихъ въ полную собственность. И это удается съ удивительной легкостью. Борьба коллективныхъ и индивидуальныхъ правъ на землю на Западѣ не могла быть длительной и ожесточенной. Ибо это была борьба неравная. Слабыя и несамостоятельныя формы общиннаго владѣнія боролись съ индивидуальной собственностью — основной стихіей земельнаго владѣнія и всего хозяйственнаго порядка Запада. Борьба кончилась полнымъ пораженіемъ общиннаго землевладѣнія и была, въ общемъ, мало замѣтнымъ эпизодомъ въ исторіи земельнаго владѣнія Запада. Ибо и все общинное землевладѣніе на Западѣ было явленіемъ малозначительнымъ. — Если бы открытіе барона Гакстгаузена не поразило, въ свое время, умовъ западныхъ ученыхъ и русская передѣльная община не бросила своей тѣни на земельное владѣніе Запада, характеръ и значеніе коллективнаго землевладѣнія, въ исторіи современной европейской цивилизаціи, были бы давно правильно опредѣлены и оцѣнены. *)

Еще меньшее значеніе, чѣмъ общинное землевладѣніе, имѣло, въ исторіи современной европейской цивилизаціи, землевладѣніе государственное. Государство Запада, отказавшись отъ хозяйственной дѣятельности и отъ власти надъ вещами, отказалось и отъ власти надъ землей. Земля неизмѣнно уходила изъ рукъ государства и сосредоточивалась въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Въ началѣ современной цивилизаціи земельныя владѣнія западныхъ государствъ были значительны. Германскіе короли получили въ наслѣдство отъ Рима императорскіе домены и увеличивали свои владѣнія конфискаціями имѣній и захватами незанятой земли. Но это продолжалось недолго. Короли не въ состояніи были удержать въ своихъ рукахъ зем-

*) М. Ковалевскій. Происхожденіе мелкой крестьянской собственности во Франціи. 1912. — Лучицкій. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи наканунѣ революціи. 1912.

лю и вынуждены были раздавать ее церкви и знати. Уже въ IX в. королевское землевладѣніе сильно сузилось, а землевладѣніе церковное и аристократическое выросло до громадныхъ размѣровъ. Этотъ процессъ продолжался и въ слѣдующія столѣтія. Въ средніе вѣка королевскія владѣнія, въ нѣкоторыхъ странахъ, были еще велики, но, по существу своему, это не были земельныя владѣнія государства, а владѣнія сидѣвшихъ на тронѣ феодальныхъ собственниковъ. Въ новое время и эти владѣнія почти всюду перешли въ руки частныхъ лицъ. Въ современной Европѣ въ рукахъ государства находятся безплодныя земли и, мѣстами, лѣса.

Отвергнувъ общинныя и государственныя формы земельнаго владѣнія и идя по пути утвержденія единственной формы землевладѣнія — индивидуальной, — современная западная цивилизація, какъ и цивилизація античная, должна была неизбѣжно придти къ крайнимъ формамъ земельнаго индивидуализма — капиталистическимъ. Средневѣковое земельное хозяйство — хозяйство мелкое. Права на землю раздѣлены между помѣщикомъ и крестьяниномъ. Но помѣщикъ только «верховный владѣлецъ», получающій съ земли извѣстную часть дохода. Хозяйничаетъ на землѣ крестьянинъ. Предпринимательскаго хохозяйства не существуетъ. Это мѣняется съ конца среднихъ вѣковъ и, въ особенности, въ новое время. Между помѣщиками и крестьянами идетъ упорная борьба за право единоличной собственности на землю и, въ значительной части Европы, эта борьба кончается въ пользу помѣщиковъ. Въ Англіи, Даніи, Сѣверовосточной Германіи, восточныхъ провинціяхъ Австріи, Италіи, Прибалтійскихъ странахъ создаются громадныя земельныя владѣнія, не уступающія латифундіямъ Рима. «Я смотрю вокругъ себя — говорилъ графъ Лейстерскій — и я не вижу другихъ домовъ, кромѣ моего собственнаго. Я людоѣдъ изъ легенды и я съѣлъ всѣхъ моихъ сосѣдей». *) Въ нѣкоторыхъ странахъ и при крупномъ землевладѣніи преобладаетъ мелкое хозяйство—крестьянъ-арендаторовъ (Италія)). Въ другихъ (Англія, Восточная Германія) развивается крупное капиталистическое хозяйство, пользующееся трудомъ крѣпостныхъ или наемныхъ рабочихъ**). Очень вѣроятно, что земельный капитализмъ въ современной Европѣ не достигъ тѣхъ размѣровъ, какихъ онъ достигалъ въ Римѣ; ибо главная сфера притяженія современнаго капитала — промышленность, торговля и денежное обращеніе. Но и въ современной Европѣ капиталистическое земельное

*) Renard et Dulac. L'évolution industrielle et agricole. 1912.
**) Brodniz. Englische Wirtschaftsgeschichte. 1918, — Below. Territorium und Stadt. 1900.

хозяйство играло большую роль и роль эта, въ новое время, изъ столѣтія въ столѣтіе, дѣлалась все болѣе значительной. Поворотный моментъ въ исторіи крупнаго землевладѣнія и капиталистическаго земельнаго хозяйства — текущія десятилѣтія. Во многихъ странахъ Европы, въ настоящее время, лихорадочно проводятся земельныя реформы, ликвидирующія крупное землевладѣніе и, вмѣстѣ съ этимъ, подрѣзающія корни земельнаго капитализма. Но удивительное дѣло: во главѣ этого движенія идетъ Востокъ — Россія. И подъ заражающимъ вліяніемъ Востока — Россіи мѣняетъ свои пути земельнаго развитія Западная Европа. — Во многихъ странахъ современной Европы, въ отличіе отъ Рима, сохранились, въ значительныхъ размѣрахъ, самостоятельныя мелкія земельныя хозяйства — крестьянъ-собственниковъ. Тамъ, гдѣ вѣковая борьба между помѣщиками и крестьянами за единоличную собственность на землю кончилась въ пользу крестьянъ (Западная Германія, часть Франціи), самостоятельное мелкое хозяйство является преобладающимъ. Но и мелкое земельное хозяйство современной Европы развивалось въ томъ же направленіи, по которому шло развитіе всей хозяйственной жизни Запада — въ направленіи крайняго индивидуализма. Въ земельномъ хозяйствѣ крестьянъ средневѣковья имѣлись черты коллективистическія. Сельскія поселенія въ странахъ съ преобладающимъ германскимъ населеніемъ были, обычно, деревенскими. Земельные участки крестьянъ были не огорожены, а черезполосно разбросаны въ «открытыхъ» поляхъ. Пахотное хозяйство велось по правиламъ, общимъ и обязательнымъ для всѣхъ жителей села. Послѣ снятія жатвы, пахотная земля обращалась въ общее пастбище. Воля отдѣльнаго лица въ хозяйствованіи была еще болѣе связана, чѣмъ въ распоряженіи земельнымъ владѣніемъ. *) Для крестьянина новаго времени такія ограниченія въ хозяйствованіи кажутся столь же нестерпимыми, какъ ограниченія въ правѣ земельной собственности и ограниченія, связанныя съ участіемъ въ общинномъ владѣніи. Европейскій крестьянинъ хочетъ быть абсолютнымъ собственникомъ и ни отъ чьей воли независимымъ хозяиномъ. Отсюда неустанное стремленіе западнаго крестьянина округлить, огородить свое земельное владѣніе, выдѣлить свои земельные участки изъ черезполосицы «открытыхъ полей» и свести ихъ въ одно мѣсто. Процессъ разверстанія земли и консолидированія землевладѣнія, начавшійся въ Англіи еще въ средніе вѣка, развивается съ XVI в. на континентѣ и въ XVIII—XIX в. принимаетъ громадные размѣры. Земельная карта во многихъ странахъ Европы

*) Виноградовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. 1911.

мѣняетъ свой видъ. Пестрая черезполосица земельнаго владѣнія исчезаетъ. Земля каждаго владѣльца сведена въ одинъ или нѣсколько «отрубовъ». Хозяйствованіе по общимъ нормамъ съ «принудительнымъ сѣвооборотомъ» отмѣнено. Общая пастьба скота послѣ снятія жатвы уничтожена. Земельные сервитуты сведены къ минимуму. Какъ въ Римѣ, достигнута полная и абсолютная свобода хозяйствованія. Какъ въ Римѣ, земля разверстана на правильные четырехугольники; только рисунокъ разверстанія иной. Какъ въ Римѣ, идеаломъ поселенія сталъ хуторъ — отдѣльная усадьба. Во многихъ странахъ Европы (Англія, скандинавскія страны, Восточная Германія) достигнута идеальная форма индивидуальнаго земельнаго владѣнія. *) И, если въ другихъ странахъ (Франція, Бельгія, Голландія) этого не произошло и процессъ индивидуальнаго земельнаго устроенія идетъ крайне медленно, то случилось это потому, что на пути къ индивидуальному земельному идеалу стоятъ индивидуалистическіе земельные предразсудки: земельные собственники освятили границы своихъ земельныхъ участковъ и имъ кажется, что всякое нарушеніе этихъ границъ — неизбѣжное при новомъ земельномъ устроеніи — будетъ нарушеніемъ ихъ священныхъ правъ собственности. — Надо видѣть западнаго крестьянина — бретонскаго или валлійскаго — на его земельномъ участкѣ, окруженномъ валомъ или рвомъ, обнесенномъ колючей изгородью и даже каменной стѣной; надо вглядѣться въ его лицо — неукротимаго собственника, слившагося со своимъ земельнымъ владѣніемъ и отгородившаго себя отъ всего остального міра; надо вдуматься въ его психологію — независимаго и замкнутаго человѣка, для котораго «свобода» и «собственность» — понятія нерасторжимыя; чтобы хозяйственная «душа» Запада раскрылась съ убѣждающей очевидностью. Въ другихъ областяхъ хозяйственной жизни индивидуалистическая культура Запада нашла болѣе яркое выраженіе; нигдѣ она не отпечатлѣлась такъ полно и законченно, какъ въ мелкомъ земельномъ владѣніи крестьянина-собственника.

* *
*

Когда — въ 40-ыхъ годахъ XIX вѣка — западный путешественникъ баронъ фонъ Гакстгузенъ сдѣлалъ свое знаменитое открытіе и развернулъ передъ Европой причудливую картину русскихъ земельныхъ порядковъ, культурное взаимо-

*) Брущкусъ. Аграрный вопросъ и аграрная политика. П. 1922. — Кофодъ. Борьба съ чрезполосицей въ Россіи и заграницей. П. 1906.

отношеніе Европы и Россіи казалось простымъ и яснымъ и, въ широкихъ кругахъ европейскаго общества, сомнѣній не вызывало. Европа была «частью свѣта», географически, быть можетъ, не самой большой, но несравненной по своей культурной значительности. Европейская цивилизація — зрѣлой, глубоко уходящей въ вѣка, «единственной и общечеловѣческой». Россія была «первобытной» страной, раскинувшейся по необъятнымъ степямъ и непроходимымъ лѣсамъ. Ея цивилизація — молодой и варварской. Россія стояла на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, Европа — на высшихъ. Отсюда оцѣнка открытія Гакстгаузена. Русская земельная община — форма земельнаго владѣнія ранней, «первобытной» культуры. Форма земельнаго владѣнія зрѣлой культуры — западная индивидуальная собственность. Относительно будущихъ судебъ земельной общины мнѣнія расходились. Одни полагали: съ развитіемъ культуры земельная община исчезнетъ и замѣнится болѣе развитой формой земельнаго владѣнія — индивидуальной собственностью. Другіе думали иначе. Русская земельная община — ранняя стадія земельной культуры. Но въ ней много цѣннаго и привлекательнаго, отсутствующаго въ развитой земельной культурѣ Запада. Нужно ли, чтобы земельная община исчезла и замѣнилась индивидуальной собственностью? Индивидуальная собственность — высокая ступень земельной культуры. Но не высшая, не конечная. На высшей, предстоящей Западу ступени — полнаго земельнаго коллективизма — форма земельнаго владѣнія будетъ многимъ походить на русскую земельную общину. Нельзя ли Россіи, въ ея земельномъ развитіи, переступить промежуточныя ступени? Перейти съ низшей на самую высокую? — Въ это многіе вѣрили. Русскія общественныя теченія, въ вопросѣ о сохраненіи земельной общины, были почти единодушны. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, неизмѣнное сомнѣніе: можетъ ли «первобытность» устоять передъ «культурой»? И еще больше: можетъ ли «первобытность» побѣдить культуру — оказать на нее заражающее вліяніе? — Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось. Европа — «часть свѣта» — стала маленькой частью великаго Евразійскаго континента. Европейская культура — «единая и общечеловѣческая» — оказалась одною изъ многихъ и, быть можетъ, не самой значительной. И наиболѣе неожиданное: европейская культура — побѣдоносная и цвѣтущая — кажется завершенной и клонящейся къ упадку. То, что давно уже чуяли русскіе «варвары», что съ геніальной остротой переживалъ Герценъ, на нашихъ глазахъ раскрывается въ сознаніи европейскаго общества. Европа — на склонѣ. Ея духовное творчество не убѣждаетъ. Ея идеи теряютъ заражающую силу. Ея ма-

теріальная культура механически захватываетъ новыя и новыя страны. Но духовно и творчески она слабѣетъ. И извнѣ, со стороны ждетъ новаго и возрождающаго. *) — И въ положеніи Россіи многое измѣнилось. Послѣ «открытія» общины были сдѣланы новыя «открытія». Отрыта была русская литература, неимѣющая себѣ равной въ современности. Открыто русское искусство — старинная икона и современная музыка. Открыта героическая русская интеллигенція. Открыта русская «душа» — глубокая, религіозная и таинственная. И самое послѣднее «открытіе»: ужъ не Европа ведетъ за собою Россію, а Россія — казалось, убитая — духовно влечетъ къ себѣ Европу и, можетъ быть, Азію. **) — Мыслимы ли эти открытія въ «первобытной» культурѣ? Знаетъ ли исторія примѣры вліянія начинающей культуры на культуры, высоко развитыя? Не указываетъ ли это на другое: на то, что культура Россіи не молодая и не первобытная, а вѣковая и зрѣлая, но только иная, на западную не похожая; и, въ отличіе отъ западной, переживающая творческій подъемъ? И, если вся культура Россіи не молодая и не первобытная, не является ли и русская земельная община формой зрѣлой земельной культуры, но только иной, не западной — не пронизанной ея неукротимымъ индивидуализмомъ и ея собственнической яростью? И суждено ли Россіи — пройдя свои пути земельнаго развитія — итти теперь путями Запада, все равно, проходя всѣ ступени его восхожденія или сразу переступая на высшія?- Русскія общественныя теченія, въ вопросахъ земельнаго развитія Россіи, упорно смотрѣли на Западъ. Въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ искали указаній для Россіи. Тотъ страшный опытъ надъ земельнымъ строемъ Россіи, который производился большевистской властью, ставился по образцамъ предполагаемаго *будущаго* Запада. Теперь общественныя теченія, отвернувшіяся отъ большевистскаго опыта, обращаются къ *настоящему* Запада — къ его индивидуальной земельной собственности. Правильно ли это? Если Россія, въ своемъ земельномъ развитіи, не прошла вѣковыхъ путей Запада, можетъ ли она революціоннымъ порывомъ подняться на высоты, еще Западомъ не достигнутыя? Или, холоднымъ рѣшеніемъ, принять настоящія формы Запада, ей чуждыя и неизвѣстныя? Не будетъ ли ея земельное прошлое — какъ и въ другихъ областяхъ жизни — тяготѣть надъ ея будущимъ и опредѣлять

*) Spengler. Der Untergang des Abendlandes. B. II. 1922 — Освальдъ Шпенглеръ и Закатъ Европы. Статьи Бердяева, Букшпана, Степуна, Франка. Москва 1922.

**) Исходъ къ Востоку. Софія 1921. — На путяхъ. Утвержденіе Евразійцевъ. Книга 2-ая. 1922.

формы ея грядущаго земельнаго строительства? — Таковы вопросы, стоящіе передъ русскимъ сознаніемъ. Съ великой серьезностью должно русское общество искать на нихъ отвѣты. Вопросы духовнаго творчества пусть не отвращаютъ его отъ вопросовъ соціальнаго строительства. Ибо культура Россіи едина. И на тяжкомъ пути — возсозданія русской культуры — вопросы соціальнаго строительства и, прежде всего, вопросы земли займутъ опредѣляющее мѣсто.

И. Бунаковъ.

ДЕМОКРАТИЗАЦІЯ СОЦІАЛИЗМА

I.

Исторія соціализма окрашена одной чертой, которую можно характеризовать такъ: *борьба съ демократіей.*

Обычная формула: «демократія и соціализмъ» понималась не только какъ формула союза, но и какъ формула противопоставленія. Союзъ «и» часто означалъ только сочетаніе этимологическое, наоборотъ логическое удареніе придавало этому союзу характеръ раздѣлительный.

Борьба соціализма съ демократіей окрашиваетъ всю его исторію до нашихъ дней, когда коммунизмъ, придя къ власти, двойнымъ взмахомъ реальнаго меча и теоретизирующаго пера уничтожилъ демократію въ сферѣ своего господства и практически и идеологически. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что антидемократическая концепція коммунизма ни въ какой мѣрѣ не является его собственнымъ идеологическимъ достояніемъ. Ни одного новаго слова онъ тутъ не сказалъ. Онъ могъ полными пригоршнями черпать эти антидемократическіе принципы изъ старой, средней и новой исторіи соціализма, гдѣ все уже было дано въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и сочетаніяхъ. Эти позаимствованія были не столько сознательной рецепціей антидемократическихъ теченій въ соціализмѣ, сколько непроизвольнымъ подчиненіемъ и зараженіемъ тѣмъ стихійнымъ отталкиваніемъ отъ политической демократіи, какое — то слабѣе, то сильнѣе — всегда присуще было духовной атмосферѣ соціализма. Именно эта безсознательная сторона интересующаго насъ явленія, а не экзегетическія упражненія лукаво мудрствующихъ книжниковъ коммунизма, показала намъ во весь ростъ

всю опасность, грозящую соціализму. Это была *зараза,* распространившаяся не только на конквистадоровъ коммунизма, но и на безпощадно преслѣдуемыхъ ими противниковъ изъ лагеря «лѣваго соціализма». Первые отвергли, вторые «усомнились» и стали вносить поправки, въ которыхъ они чувствовали и чувствуютъ себя тѣмъ увѣреннѣе, что къ ихъ услугамъ въ исторіи соціализма имѣется безконечное множество теоретическихъ прецедентовъ.

Было бы, однако, ошибочно думать, что разочарованіе въ политической демократіи охватило только группы «слѣва». Нѣтъ, и «справа» въ станѣ соціализма повѣяло тѣмъ же духомъ. Разница заключается въ томъ, что если въ лѣвыхъ кругахъ демократіей жертвуютъ во имя сильно-дѣйствующихъ средствъ «соціальной революціи» и «диктатуры», то справа эти жертвы диктуются ослабленіемъ вѣры въ творческую роль государства и политическихъ методовъ вообще. У лѣвыхъ демократія тонетъ въ пучинахъ политическаго революціонаризма, у правыхъ въ тихой заводи экономическаго реформизма. Первые поворачиваются спиной къ демократіи, потому что сильно переоцѣниваютъ роль механическихъ, организаціонныхъ и распорядительныхъ функцій «сильной» власти, которая сама все можетъ; вторые потому, что роль эту сильно недооцѣниваютъ. Слишкомъ большая и слишкомъ малая вѣра въ творческое начало государственной власти приводитъ одинаково къ недооцѣнкѣ политической демократіи, какъ формы государственной жизни. Сгущенная экономика и сгущенная политика одинаково бьютъ по принципамъ демократіи.

Эта антидемократическая тенденція въ соціализмѣ имѣетъ глубокіе историческіе корни. Если взять эпоху развитія соціализма примѣрно съ первой четверти 19 столѣтія, то нельзя не замѣтить, что соціализмъ въ значительной мѣрѣ питался разочарованіемъ въ способности тѣхъ великихъ началъ, какія были провозглашены Великой Французской Революціей, дать счастье измученнымъ народамъ.

Вотъ революція, потрясшая весь міръ, вотъ скрижали свободы, въ грозѣ и бурѣ свѣтившія человѣчеству надежнымъ пристанищемъ. И что-же? много кругомъ развалинъ, — много горя и слезъ и болѣзней, и нужды, и голода. А счастья нѣтъ. Да и свободы нѣтъ: царитъ надъ Европой ночь «Священнаго Союза» угнетателей. Трудъ пригнетенъ къ землѣ. Нѣтъ, — очевидно, не въ политическихъ переворотахъ дѣло. Нужно измѣнить основы собственности. Таково широко разлитое настроеніе.

Въ художественно-философскомъ мышленіи воцаряется «Міровая скорбь». Въ соціальномъ мышленіи воцаряется соціализмъ не какъ проблема политическаго устройства народовъ, а преимущественно какъ проблема собственности. Утопическій соціализмъ той эпохи преимущественно аполитиченъ. Соціализмъ это *соціальный вопросъ*, но не политическій. Политическія перемѣны ничего не даютъ тѣмъ, кто не имѣетъ собственности. Соціализмъ — ученіе бѣдныхъ и обиженныхъ, развивается и идеологически крѣпнетъ, какъ реакція противъ «политическаго строя» въ защиту «экономическаго строя». Наоборотъ, идеологія расцвѣтающей буржуазіи, получившей въ великой бурѣ все, что ей нужно было, крѣпко держится за «политическій строй» и совершенно не интересуется строемъ экономическимъ. Здѣсь у нея все болѣе или менѣе въ порядкѣ. Тѣмъ усиленнѣй соціализмъ сосредоточиваетъ свое вниманіе именно на отношеніяхъ собственности. Демократія нужна буржуазіи, богатымъ. Бѣднымъ, пролетаріямъ нуженъ соціализмъ.

Прошло много десятилѣтій и соціализмъ не освободился отъ этого уклона своей идеологіи. Его великая вербующая сила среди трудящихся обязана своимъ происхожденіемъ именно этому господству въ немъ экономическаго начала. Массы были далеки отъ политики, отъ активнаго участія въ тѣхъ формахъ демократіи, какія тогда уже существовали. Онѣ были отъ этого далеки не только вслѣдствіе системы цензовыхъ привилегій, но и вслѣдствіе низкаго уровня своего интеллектуальнаго и политическаго развитія. Отъ политики онѣ были далеки, но зато онѣ всецѣло были захвачены рычагами экномики. Это была ихъ темница, въ которой рождались, жили, страдали и умирали, и эту темницу онѣ хорошо знали, чувствовали ее, какъ собственный недугъ и несчастье. Для нихъ проблемой былъ соціализмъ, но не демократія.

Прудонъ выразилъ эту тенденцію въ отчетливой формѣ, когда писалъ: «На мѣсто правительствъ . . . мы ставимъ промышленную организацію, на мѣсто законовъ мы ставимъ договоры . . . На мѣсто политическихъ властей мы ставимъ экономическія силы . . . На мѣсто государственной силы мы ставимъ коллективную силу . . . На мѣсто политической централизаціи мы ставимъ экономическую централизацію . . . » *) Было бы ошибочно думать, что здѣсь мы имѣемъ только специфически *анархистскую* форму этой тенденціи. То четкое раздѣленіе между анархизмомъ и соціализмомъ, какое мы сейчасъ прово-

*) Заимствую эти формулы изъ приводимой П. Новгородцевымъ цитаты изъ сочиненія Прудона: „Idée générale de la révolution au XIX-e siècle". См. „Объ общественномъ идеалѣ" стр. 337.

димъ, является достояніемъ сравнительно поздней эпохи въ исторіи развитія соціализма. Но даже и послѣ этого раздѣленія съ превращеніемъ анархизма въ обособленное, враждебное соціализму, теченіе, соціализмъ не освободился отъ своего недовѣрчиво индиферентнаго отношенія къ проблемѣ политической демократіи.

Мало того, даже въ наиболѣе разработанной системѣ соціализма, съ которой связано нынѣшнее міровое соціалистическое движеніе — въ марксизмѣ — этотъ индиферентизмъ, переходящій порою въ законченно-теоретическое отрицаніе творческой роли государства, умѣстился въ видѣ разрозненныхъ, плохо согласованныхъ со всей системой, фрагментовъ. Укажемъ хотя бы только на теорію исчезновенія государства у Энгельса и отчасти у Маркса.

II.

Можетъ показаться страннымъ, какъ это мы приписываемъ соціализму такое индиферентное или даже отрицательное отношеніе къ проблемамъ политической демократіи, когда соціализмъ принималъ живѣйшее участіе во всѣхъ политическихъ революціяхъ, ждалъ ихъ, предвѣщалъ, мечталъ о нихъ и звалъ къ нимъ массы, когда онъ весь кипѣлъ политическими страстями революціонной борьбы и тысячи борцовъ соціализма легли костьми на поляхъ политическихъ битвъ со старыми режимами. Все это такъ. Но присмотритесь поближе и вы увидите, что эти факты нисколько не противорѣчатъ нашему утвержденію. Ибо не было ни одной политической революціи, въ которую соціализмъ вступилъ бы во имя политической демократіи, какъ таковой. Не было ни одной революціи, въ которой соціалисты не видѣли бы непосредственнаго орудія непосредственнаго перехода къ соціалистическому строю. Не демократія воспламеняла ихъ сердца въ моментъ, когда они бросались навстрѣчу смерти, а соціализмъ, т. е. экономическое равенство.

Заняло бы слишкомъ много мѣста иллюстрировать это положеніе конкретными историческими примѣрами. Намъ поэтому приходится сослаться на работу Д. Далина, въ которой авторъ, совершенно, конечно, свободный отъ всякаго еретизма, подробно останавливается на отношеніи Маркса и Энгельса, Лассаля, Бебеля, Каутскаго къ происходившимъ въ ихъ время или къ ожидавшимся тогда революціямъ. Всюду въ общихъ чертахъ одно и тоже: съ политической революціей связаны на-

дежды «немедленнаго соціализма». *) Въ этомъ, а не въ политической демократіи, пафосъ борьбы. Съ древа политическаго кризиса должны быть сорваны райскія яблоки соціализма. Десятки разъ ошибались насчетъ возможности соціализма въ результатѣ очередной революціи, въ этихъ ошибкахъ сознавались открыто и честно, но только затѣмъ, чтобъ вновь ихъ повторить на дѣлѣ при слѣдующей исторической встрѣчѣ. Мало того, даже на примѣрѣ Лассаля, этого политикаquandmême, этого, пропитаннаго насквозь Гегелемъ и Руссо, государственника — можно видѣть какъ мало соціализмъ цѣнилъ политическую демократію, какъ автономную цѣнность эмансипирующагося человѣчества. Ибо для Лассаля его страстная борьба за всеобщее избирательное право, т. е. за одну изъ главныхъ основъ демократіи, была связана самымъ ближайшимъ и непосреднымъ образомъ съ идеей производительныхъ ассоціацій, которыя спасутъ міръ и водворятъ соціализмъ, какъ только государство откроетъ имъ широкія субсидіи. Для этого-то и нужно вообще всеобщее избирательное право, такъ какъ оно сможетъ дать такой составъ избранныхъ, который на этой помощи ассоціаціямъ сумѣетъ настоять.

Мы видимъ, что даже у этого страстнаго политическаго борца даже на почвѣ требованія всеобщаго избирательнаго права, не политическая демократія, а экономическая панацея является источникомъ революціонно-творческихъ порывовъ. Во всеобщемъ избирательномъ правѣ Лассаль видѣлъ гораздо меньше полезной работы общественнаго строительства, чѣмъ въ производительныхъ артеляхъ. Полезная работа была только въ послѣднихъ. Политическая демократія была только передаточнымъ механизмомъ.

Нужно сказать, что только въ работахъ русской «Группы Освобожденія Труда», т. е. главнымъ образомъ Плеханова, соціализмъ впервые ясно и прямо поставилъ вопросъ о самостоятельномъ значеніи политической демократіи. Въ борьбѣ съ народовольцами Плехановъ оперировалъ чистымъ понятіемъ политической революціи безъ всякихъ попытокъ срывать съ древа ея райскія яблоки соціализма. Долго русская соц.-демократія крѣпко держалась на ученіи Плеханова. Стоило однако въ 1905 г. загремѣть раскатамъ революціи, какъ множество учениковъ его сорвались съ теоретической узды и пошла писать губернія о перманентной революціи, пошли вводить явочнымъ порядкомъ 8-часовой рабочій день и т. п. И здѣсь задачи политиче-

*) См. „Послѣ войнъ и революцій" стр. 175—185, Берлинъ 1922 г. Издательство „Грани".

ской демократіи были или забыты, или принесены въ жертву «соціализму» — въ кавычкахъ, конечно, потому что иного соціализма и бытъ не могло. Что было въ 1917 г., когда «соціализмъ» въ итогѣ съѣлъ завоеванія революціи — это мы всѣ еще хорошо помнимъ.

Можно поэтому смѣло сказать, что до 1917 г. завоеваніе политической демократіи ни разу не играло автономной роли въ сознаніи вступавшихъ въ революцію сціалистическихъ партій. Отчасти это относится и къ Германской революціи 1918 г. Германскіе независимые с. д. считаютъ ее весьма «неудавшейся». Объ этомъ въ годовщину Веймарской конституціи, едва ли не самой совершенной изъ нынѣ дѣйствующихъ конституцій, писалъ органъ независимыхъ „Freiheit". Почти никакой не удалось осуществить соціализаціи. Правда, удалось уничтожить одно изъ опаснѣйшихъ гнѣздъ монархической и милитаристской реакціи, осуществить широчайшія формы политической демократіи и сдѣлать рабочій классъ, если пока не формальной, то реальной опорой государственно-правового развитія. Но такъ какъ никакого прямого соціалистическаго приза при этомъ не выиграли, то ясно, что революція была «неудавшейся».

Въ этомъ скорбно-брюзжащемъ отношеніи германскихъ независимыхъ с. д. къ германской революціи мы видимъ не только личный недостатокъ ихъ политическаго разума, но и весьма характерное отраженіе изживаемой, но далеко еще не изжитой болѣзни соціализма, выражающейся или въ отрицаніи самостоятельнаго значенія цѣнности политической демократіи, или въ слишкомъ низкой оцѣнкѣ этого значенія, или же, наконецъ, въ наиболѣе прочно пока удерживающейся формулѣ: соціализмъ — цѣль, политическая демократія — средство. Эту формулу мы разсмотримъ ниже. Пока же необходимо устранить одно часто встрѣчающееся недоразумѣніе.

Эту, характеризованную выше, болѣзнь принято именовать «утопизмомъ». Такъ поступаетъ и Д. Далинъ: Марксъ, Энгельсъ, Лассаль, Бебель и даже Каутскій — всѣ великіе представители соціализма были утопистами. Д. Далинъ въ этомъ отношеніи прямо безпощаденъ: «въ этомъ отношеніи грѣшны *всѣ* (курсивъ Д. Далина), въ томъ числѣ и творцы научнаго соціализма — пишетъ онъ. Иныя ошибки ихъ кажутся прямо непонятными сейчасъ. Смѣшно и глупо ихъ замалчивать. Наоборотъ надо вложить персты во всѣ раны» . . . и т. п. Вложивъ персты, авторъ вынимаетъ такую занозу: «Таковы ужъ общественныя науки. Въ нихъ человѣческія страсти и интересы пере-

крещиваются съ ходомъ научнаго анализа... Революціонное нетерпѣніе замѣняетъ собой научное изслѣдованіе. Революціонное нетерпѣніе — очень благородное чувство. Но когда оно замѣняетъ собой холодный и трезвый анализъ, соціализмъ продѣлываетъ обратный путь: *отъ науки къ утопіи»* *).

Положеніе, какъ видите, довольно безнадежное: «таковы ужъ общественныя науки», а потому «*грѣшны всѣ*». Грѣхъ же выражается въ томъ, что всѣ великіе соціалисты (о малыхъ ужъ и говорить не приходится) считали возможнымъ осуществленіе соціализма тогда, когда для этого было еще слишкомъ недостаточно предпосылокъ.

Теорія, согласно которой всякія ошибки и болѣзни соціализма сводятся къ «утопизму» — очень соблазнительная теорія; къ сожалѣнію, она мало что объясняетъ. Марксъ, Энгельсъ и другіе великіе и малые соціалисты заносились мечтой въ тотъ общественный строй, для котораго не было тогда предпосылокъ, но не потому, что они были утопистами и революціоннымъ нетерпѣніемъ замѣняли объективный анализъ, а потому что кромѣ «немедленнаго соціализма» у нихъ не было иной великой цѣли и великой страсти. Демократія, т. е. та форма общежитія, для которой предпосылки *были,* ихъ не воодушевляла, они ее не настолько цѣнили, чтобы пафосомъ ближайшихъ историческихъ возможностей напитать свое стремленіе къ революціонному творчеству. Политическая демократія стояла внѣ поля ихъ зрѣнія, да и объективно демократія находилась и какъ дѣйствительность, и какъ идеологія въ столь эмбріональномъ состояніи, что самыми геніальными усиліями ума нельзя было тогда представить себѣ роль и значеніе развернутыхъ формъ демократіи въ процессѣ освобожденія человѣчества. Поэтому соціализмъ не былъ той недостижимой цѣлью, которую выбирали вмѣсто достижимой, а былъ *единственной цѣлью,* являвшейся содержаніемъ революціоннаго сознанія.

Алхимика среднихъ вѣковъ, стремившагося превратить въ ретортѣ желѣзо въ золото, нельзя назвать утопистомъ. Но утопистомъ надо назвать того химика, который сейчасъ станетъ заниматься тѣмъ же дѣломъ. Поэтому не Марксъ былъ утопистомъ, а утопистами являются тѣ соціалисты, которые теперь еще, послѣ огромныхъ завоеваній демократіи и вполнѣ выяснившейся ея громадной роли, готовы перескочить, минуя ее, прямо въ обѣтованную землю соціализма. Поэтому не то удивительно, что Марксъ, Энгельсъ и Лассаль ставили себѣ недостижимыя,

*) См. стр. 175—176. Курсивъ Д. Далина.

утопическія цѣли, а то, что ихъ себѣ ставятъ люди, нынѣ себя называющіе «марксистами». *)

Только медленно и постепенно съ большими срывами и провалами соціализмъ включилъ въ содержаніе своихъ обѣтованій политическую демократію. Только съ быстрымъ ростомъ германской соц.-демократіи политическая демократія стала постепенно входить органическимъ элементомъ въ идеологію соціализма. Но процессъ этотъ далеко еще не закончился. Еще и нынѣ въ соціализмѣ демократическая идеологія подвергается каждый разъ риску быть затертой на сей разъ ужъ дѣйствительнымъ утопизмомъ. Соціализмъ все еще демократиченъ... «смотря по обстоятельствамъ». Насиженнаго мѣста въ соціализмѣ демократія еще не имѣетъ. Черезъ нее не только иногда стремятся «перескочить», но иногда на нее прямо наскочить.

III.

Происходитъ это изъ за принципіально неправильной постановки вопроса о роли демократіи въ соціализмѣ.

Наиболѣе, такъ сказать, снисходительная формула ихъ сожитія гласитъ такъ: соціализмъ — это цѣль, демократія это средство. Какъ средство для соціализма демократія пріемлема.

Самое это противопоставленіе: средство и цѣль — рисуется намъ въ настоящее время излишней метафизической роскошью. Содержаніе историческаго развитія нельзя разложить на цѣли и средства. Въ немъ все предыдущее есть средство для послѣдующаго. Каждая историческая фаза можетъ быть опредѣлена и какъ средство, и какъ цѣль въ зависимости отъ того, смотритъ ли наблюдатель впередъ или назадъ. Когда онъ смотритъ *назадъ*, то все ему рисуется въ видѣ цѣлей. Когда онъ смотритъ *впередъ*, то все ему рисуется въ видѣ средствъ. Обращаясь назадъ, мы находимъ, что капитализмъ былъ «цѣлью». Обращаясь впередъ, мы видимъ капитализмъ въ видѣ «средства». Съ этой точки зрѣнія мы получаемъ извѣстное право, вопреки обыкновенію, сказать: цѣли лежатъ позади насъ, впереди насъ только средства. Это звучитъ, какъ парадоксъ, но этотъ парадоксъ—только слѣдствіе метафизики цѣлей и средствъ.

*) Въ одномъ старомъ русскомъ словарѣ подъ словомъ „Алхимія“ я прочелъ слѣдующее: „Въ погонѣ за химерой алхимики открыли много химич. фактовъ... Съ развитіемъ научной химіи алхимія осталась удѣломъ исключительно шарлатановъ и невѣждъ“. Mutatis mutandis это относится и къ химикамъ и алхимикамъ общественно-историческаго развитія.

Соціалистическая теорія чувствуетъ все неудобство этихъ опасныхъ спекуляцій и пробуетъ спастись отъ философскихъ злоключеній, вводя наряду со средствами и цѣлями одну такъ-называемую «конечную цѣль» (Endziel). Но это нисколько не улучшаетъ, а наоборотъ только ухудшаетъ положеніе. Ибо «конечная цѣль» — это нѣчто, на чемъ прекращается исторія, на чемъ растворяется вся конкретная жизнь. Это можетъ быть блаженная, но все же смерть. И когда соціализмъ выдается за «конечную цѣль», то это только свидѣтельствуетъ о томъ, какъ легко соціологія переходитъ въ эсхатологію.

Насколько неустойчивы, противорѣчивы и совершенно безплодны всѣ эти спекуляціи со средствами и цѣлями, видно изъ того, что Каутскому очень легко доказать, что вовсе не соціализмъ является нашей цѣлью. И для этого онъ ссылается, какъ это ни покажется страннымъ, на Эрфуртскую программу. Онъ пишетъ: «Иногда между демократіей и соціализмомъ, т. е. обобществленіемъ средствъ и процесса производства проводятъ различіе, говоря: это обобществленіе является конечною цѣлью нашего движенія, а демократія не болѣе, какъ средство для этой цѣли, которое, смотря по обстоятельствамъ, можетъ оказаться непригоднымъ и даже явиться помѣхою. Строго говоря, однако, *не соціализмъ составляетъ нашу конечную цѣль,* а устраненіе «всякаго рода эксплуатаціи и угнетенія, будутъ ли они направлены противъ какого либо класса, партіи, пола или расы» (Эрфуртская программа).»

Здѣсь характерно вотъ что: вмѣсто положительной формулировки цѣли дается отрицательная. *Мы не желаемъ* гнета и эксплуатаціи въ какой бы то ни было формѣ. Чего же мы желаемъ? Мы желаемъ гнетъ и эксплуатацію уничтожить. Что же для этого нужно? Для этого нужны не только «общественная организація производства, но и демократическая организація общества». Здѣсь совершенно недвусмысленно не только демократія, но и соціализмъ выступаютъ вмѣстѣ, какъ средства для нѣкоторой цѣли, отрицательно при томъ формулируемой. Мало того, Каутскій еще болѣе подчеркиваетъ характеръ соціализма, именно какъ средства, когда говоритъ:

«Еслибъ намъ доказали, что мы въ этомъ ошибаемся, что освобожденіе пролетаріата и человѣчества вообще единственно или цѣлесообразнѣе всего можетъ быть достигнуто на основѣ частной собственности на средства производства, какъ это допускалъ Прудонъ, то мы должны были бы выбросить соціализмъ за бортъ, нисколько не отказываясь отъ нашей конечной цѣли;

мы обязаны были бы это сдѣлать какъ разъ въ интересахъ этой конечной цѣли» *).

Характерно, что эту оговорку, носящую, конечно, чисто условно-силлогистическій характеръ, Каутскій дѣлаетъ относительно одного изъ средствъ освобожденія: общественнаго производства, и не дѣлаетъ ея, ни въ этой работѣ, ни въ одной изъ послѣдующихъ, относительно другого средства: демократической организаціи общества. Демократію онъ даже и условно не соглашается «выбросить за бортъ». И эта, хотя и чисто формальная, разница вполнѣ понятна. Потому что демократія это такъ или иначе испытанное средство, имѣющее за собой десятилѣтія героической борьбы, а общественная организація производства только теперь начинаетъ свои первые многообѣщающіе шаги, тѣмъ болѣе обѣщающіе, чѣмъ прочнѣе завоевано другое средство освобожденія — демократическая организація общества.

Во всякомъ случаѣ искусственная іерархія цѣлей и средствъ, не состоятельная ни логически, ни соціологически, должна пасть. Демократія и соціализмъ равно средства для единой цѣли — свободы. Но свобода не конечная цѣль, а *безконечная*. Она не имѣетъ мѣры. И никакимъ, самымъ идеально-законченнымъ и проведеннымъ способомъ производства (соціализмъ), равно какъ и никакимъ идеально-проведеннымъ способомъ управленія (демократія) этой мѣры не наполнить. Тѣмъ и характерна отрицательная форма цѣли, выдвинутая Каутскимъ, что эта форма не упирается въ какой нибудь институтъ, который выражалъ бы всю полноту общественно-искомаго, а является только выраженіемъ постояннаго, наиболѣе общаго, но и наиболѣе сильнаго, стимула къ борьбѣ за индивидуальную и коллективную свободу.

Демократія и соціализмъ только два лика этой свободы. Личность, коллективность не желаютъ быть орудіями, средствомъ въ рукахъ другой личности или коллективности, стоящихъ надъ ними. И они ищутъ выхода. Они организуютъ на болѣе раціональныхъ, на болѣе справедливыхъ началахъ производство, обмѣнъ и распредѣленіе. И тогда они творятъ соціализмъ. Но они организуютъ на болѣе раціональныхъ, на болѣе справедливыхъ началахъ и формы гражданскаго общежитія, способы осуществленія, обмѣна и распредѣленія правъ и обязанностей. Тогда они творятъ демократію. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ они творятъ единое дѣло свободы, свободы отъ гнета, независимо отъ того, происходитъ ли этотъ гнетъ отъ соб-

*) См. Karl Kautsky: „Demokratie oder Diktatur". Berlin, 1920, bei P. Cassirer. Стр. 7-8.

ственности на власть или отъ власти надъ собственностью. Поэтому то безсмысленной является попытка изобразить одну форму служенія свободѣ средствомъ, а другую цѣлью. Не въ соціализмѣ находитъ свое оправданіе демократія, не ради соціализма идетъ за нее борьба, а и соціализмъ, и демократія находятъ равно свое оправданіе въ свободѣ. Ради нея происходитъ борьба и за соціализмъ, какъ ради нея въ другой области происходитъ борьба за науку, за умноженіе и распространеніе знаній.

IV.

Наука, демократія, соціализмъ — вотъ три великихъ пути, перекрещивающихся, сливающихся, но равно ведущихъ къ той «конечной» цѣли, которая есть безконечное стремленіе къ свободѣ. Невозможно вступить на одинъ изъ такихъ путей, чтобы рано или поздно не оказаться на другомъ. Это приводитъ насъ къ другой важной сторонѣ интересующей насъ проблемы. Оставимъ въ сторонѣ вопросъ о наукѣ, затронутый только мимоходомъ.

Возможенъ ли соціализмъ безъ демократіи? Возможна ли демократія безъ соціализма? На первый вопросъ большинство соціалистовъ нашего времени (не коммунисты) отвѣчаютъ отрицательно. Соціалистическій строй, т. е. строй общественнаго производства, будетъ существовать въ формахъ демократіи. Соціализмъ это eo ipso демократія. Изъ этого приходится сдѣлать нѣсколько исключеній для синдикалистской, правда сильно вывѣтрившейся уже, идеологіи и для такъ-называемаго «гильдейскаго соціализма», проектирующаго нѣчто въ родѣ двух-палатной системы; верхней — экономической, представляющей производителя, Homo Oeconomicus, и нижней — политической, представляющей гражданина, Homo politicus, съ явнымъ преобладаніемъ перваго надъ вторымъ.

За этими исключеніями современные соціалисты стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что политическая форма соціализма — это демократія. Безъ демократіи соціализмъ невозможенъ. Но именно въ этой формулѣ и кроется часто недооцѣнка демократіи. «Вы хотите демократіи? — Дайте намъ соціалистическій строй». Иначе говоря, борьба за демократію отодвигается на задній планъ. Впереди идетъ борьба за соціализмъ. Когда будетъ соціализмъ, будетъ и демократія. Въ этой концепціи она перестаетъ быть самостоятельный задачей соціалистическаго движенія. Демократія приложится. Она явится подробностью въ соціалистической организаціи хозяйства. Да въ концѣ кон-

цовъ это и неважно: если будетъ соціализмъ, то ужъ самый фактъ его существованія столь подавляюще значителенъ, что вопросъ о томъ, вырастетъ ли на этомъ базисѣ надстройка политической демократіи или какая нибудь иная — не можетъ не потерять своей остроты. Это въ мірѣ нынѣшнемъ, въ обстановкѣ капитализма вопросъ о демократіи играетъ такую важную роль. Но вырвитесь изъ пекла капитализма на просторъ соціализма и все это кипѣніе политическихъ страстей потеряетъ свой смыслъ.

Эта психологія снисходительнаго отношенія обладателя чего то великаго и всеобщаго къ спорамъ о маломъ и частномъ — эта гордыня базиса, скучно взирающаго на надстройку — она въ соціалистическомъ міровоззрѣніи играетъ весьма выдающуюся роль. Именно она порождаетъ у независимыхъ с. д. разочарованіе въ достиженіяхъ германской революціи, именно она заставляла русскихъ соціалистовъ «углублять» революцію, по ихъ субъективнымъ намѣреніямъ, и углублять ея могилу по объективнымъ результатамъ ихъ усилій. Именно эта психологія приводила къ тому, что всюду, гдѣ въ періодѣ революціи воздвигались надстройки демократіи, попытки углубленія революціи приводили къ гражданской войнѣ и вмѣстѣ съ нею къ истощенію базиса подъ этими надстройками.

Помнится, гдѣ-то В. Розановъ писалъ объ «Іисусѣ Сладчайшемъ», что во сладости его прогоркъ міръ. Такъ и у многихъ соціалистовъ во сладости соціализма горкнетъ демократія. Это старая традиція, идущая еще со середины прошлаго вѣка, когда у творцовъ современнаго соціализма вопросы демократіи и политической организаціи общества розрѣшались въ видѣ діалектическаго отрицанія, выбрасывавшаго вмѣстѣ съ водой абсолютизма и проблему государства вообще. Ленинъ въ своей работѣ «Государство и революція» усердно подобралъ всѣ отдѣльныя высказыванія Маркса и Энгельса и истолковалъ ихъ по своему. Не обошлось, конечно, безъ ловкости рукъ, но за всѣмъ тѣмъ остается несомнѣннымъ, что у первыхъ учителей соціализма проблемы демократіи не было, да и быть не могло хотя бы въ отдаленномъ сходствѣ съ тѣмъ, какъ, въ результатѣ огромныхъ перемѣнъ, произошедшихъ съ того времени, эта проблема стоитъ сейчасъ. Сами слова и понятія имѣли тогда не тотъ смыслъ, какой мы въ нихъ вкладываемъ нынѣ. Послѣдующіе комментаторы пытались модернизировать и сложить въ цѣльную картину разрозненные обрывки теоріи государства. Но друзья соціализма обречены были, въ своемъ стремленіи создать изъ всего этого пріятный идеалъ, на ту же неудачу, что и враги соціализма, ревнивымъ копаніемъ въ марксовомъ на-

слѣдіи пытавшіеся создать изъ всего этого отталкивающее пугало. Въ соціалистической идеологіи осталось только законное и понятное 3/4 вѣка тому назадъ и незаконное и вредное сейчасъ подчиненіе проблемы демократіи проблемѣ соціализма. Въ результатѣ, формула, гласящая, что соціализмъ невозможенъ безъ демократіи, слишкомъ часто воспринимается, какъ закланіе демократіи на алтарѣ соціализма.

Намъ остается теперь разсмотрѣть другой вопросъ, поставленный выше: возможна ли демократія безъ соціализма? Отвѣтъ на этотъ вопросъ какъ будто не вызываетъ никакихъ затрудненій. Мы имѣемъ рядъ несомнѣнныхъ демократій, гдѣ соціализма нѣтъ, а подчасъ и очень далеко до него. Каутскій, настаивающій на неразрывной связи соціализма и демократіи, подчеркивающій положеніе: «Нѣтъ соціализма безъ демократіи» — оговаривается, однако, о «невозможности придать этому положенію перевернутую форму» (Нѣтъ демократіи безъ соціализма — гласила бы она въ этомъ видѣ): «Демократія безъ соціализма вполнѣ возможна. Даже чистая демократія мыслима безъ соціализма, напримѣръ, въ мелко-крестьянскихъ обществахъ, въ которыхъ полное равенство экономическихъ условій для всѣхъ и каждаго имѣетъ въ своей основѣ частную собственность на средства производства».

Однако, этотъ примѣръ Каутскаго мало показателенъ. На почвѣ совершенно примитивныхъ экономическихъ отношеній и демократія является весьма примитивной. То, что она «чистая» — нисколько не противорѣчитъ тому, что она весьма примитивная. Демократія здѣсь чистая только потому, что передъ ней нѣтъ никакихъ сложныхъ задачъ. Она стоитъ по ту сторону добра и зла и скорѣе смахиваетъ на натуральную демократію нѣкоторыхъ животныхъ обществъ. Такіе примитивы столь же легко знаютъ соціализмъ безъ демократіи, какъ и демократію безъ соціализма. Каутскій самъ приводитъ примѣры послѣдняго рода. Однако, и этотъ «соціализмъ» и эту «демократію», приходится взять въ кавычки и въ кавычкахъ отдать по принадлежности — исторіи первобытной культуры.

Здѣсь однако интересно слѣдующее: примѣры примитивнаго соціализма на антидемократической основѣ нисколько, по мнѣнію Каутскаго, не опровергаютъ его тезиса — нѣтъ соціализма безъ демократіи. Онъ за этими примѣрами никакой доказательной силы не признаетъ, т. к. «для современныхъ людей подобный патріархальный режимъ былъ бы невыносимъ». Однако за обратными примѣрами примитивной демократіи на антисоціалистической основѣ онъ, какъ мы видѣли, эту доказательную силу признаетъ и на этомъ основаніи отвергаетъ

обратный тезисъ — нѣтъ демократіи безъ соціализма. Иначе говоря, для него гораздо болѣе ясна демократизирующая сила соціализма, чѣмъ соціализирующая сила демократіи.

Не трудно, однако, видѣть, что возраженіе о невыносимости для современныхъ людей патріархальныхъ отношеній относится не только къ антидемократическимъ примѣрамъ примитивнаго соціализма, но и къ антисоціалистическимъ примѣрамъ примитивной демократіи. Для современнаго человѣка невыносмо и то и другое выраженіе примитивныхъ началъ.

V.

Вопросъ о томъ, настолько ли же правиленъ тезисъ: нѣтъ демократіи безъ соціализма, какъ и тезисъ: нѣтъ соціализма безъ демократіи — приходится рѣшать не на основѣ того, что было и отмерло, не на основѣ законченныхъ фактовъ, а ихъ выясняющейся тенденціи, во всякомъ случаѣ на почвѣ современной, а не «чистой» демократіи. И вотъ на этой то почвѣ соціализмъ, какъ общественное хозяйство, является неуклонно и постоянно наростающимъ элементомъ общественнаго развитія.

Общественное хозяйство въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ муниципальныхъ, кооперативныхъ, чисто рабочихъ, государственныхъ и кончая разнообразными сочетаніями съ частнымъ капиталомъ, медленно но неуклонно завоевываетъ одну позицію за другой. И это при условіи, что нигдѣ почти соціалистическія партіи не стоятъ у власти, а во многихъ странахъ онѣ отъ нея отстранены или отстранились. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что стань завтра Англійская Рабочая Партія у власти, какъ процессъ завоеванія общественнымъ хозяйствомъ все новыхъ и новыхъ областей экономической жизни пойдетъ въ Англіи быстро и рѣшительно впередъ. Если процессъ соціализаціи хозяйства идетъ во многихъ странахъ не такъ быстро, какъ этого бы хотѣлось тамошнимъ соціалистамъ, то этому препятствуютъ не столько формы политической жизни,сколько органическая отсталость экономическаго развитія или задержка его, вызванная послѣ-военнымъ разореніемъ. Во всякомъ случаѣ, дальнѣйшій успѣхъ политической демократіи, вовлеченіе въ составъ дѣйствующей арміи демократіи все болѣе широкихъ массъ и ихъ политическихъ выразителей, частичное или полное овладѣніе механизмомъ демократической власти партіями труда само по себѣ означаетъ огромное расширеніе перспективъ и значительную реализацію плановъ общественнаго хозяйства.

Не нужно быть метафизикомъ и утверждать, что «по самому своему существу» развернутая форма демократіи приводитъ къ соціализму. Достаточно только констатировать факты изъ этой области. Демократія приводитъ въ движеніе какъ объективныя силы общественнаго хозяйства, такъ и субъективно заинтересованныя въ этомъ соціальныя группы. Поэтому мы и имѣемъ право перевернуть формулу: нѣтъ соціализма безъ демократіи — въ такую: нѣтъ демократіи безъ соціализма.

Само собой разумѣется, что здѣсь рѣчь идетъ только о высокихъ, развернутыхъ формахъ демократіи, когда соціалистически мыслящіе и настроенные элементы народа обладаютъ достаточнымъ вѣсомъ въ политической жизни. Но при этомъ не надо забывать: на сторону, если не соціализма, какъ цѣлостной идеологіи, то соціализаціи, какъ экономической реформы, въ этой обстановкѣ развернутой демократіи неизбѣжно переходятъ и чисто буржуазные элементы и не только изъ интеллигенціи, но и изъ такъ-называемыхъ «дѣловыхъ» сферъ. Знаменитые споры о «врастаніи» причинившіе столько огорченій т. н. ревизіонистамъ и т. н. ортодоксамъ, разрѣшаются въ этомъ несомнѣнномъ врастаніи демократіи въ соціализмъ.

Конечно, для соціалистовъ, для которыхъ соціализмъ становится замѣтнымъ только въ грохотѣ возстаній, въ сіяніи диктатуры пролетаріата, въ шумѣ и трескѣ «соціальной революціи» — этотъ процессъ «эманаціи» демократіей соціализма не играетъ никакой роли. Они лишь ждутъ «настоящаго дня». Но для тѣхъ, кто понимаетъ, что соціализмъ нельзя отнести къ нѣкоему рубежу, по одну сторону котораго соціализма «еще нѣтъ», а по другую онъ «уже есть» — для этихъ соціалистовъ соціализирующія тенденціи демокатіи фактъ огомнаго практическаго и теоретическаго значенія.

Эта соціализирующая тенденція проистекаетъ изъ того, что, стремясь къ формальному моменту равенства, демократія неизбѣжно наталкивается на нищету, невѣжество, порабощеніе личности экономическимъ гнетомъ, которые должны быть устранены для того, чтобы равенство изъ формулы превратилось въ фактъ. Соціальное законодательство въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія становится функціей демократіи. Она можетъ при этомъ даже не ставить себѣ никакихъ специфически экономическихъ задачъ. Но ей нужно отвоевать себѣ гражданина, политическую единицу. И, если для этого демократіи приходится ворваться въ область имущественныхъ отношеній, ибо въ нихъ, закованный въ цѣпи экономическаго рабства, погибаетъ въ нищетѣ гражданинъ, она сюда врывается, нисколько не задумываясь о предѣлахъ своей компетенціи. Она обяза-

на держать высоко знамя гражданина. И только этого ей достаточно, чтобы она не позволила никому принуждать гражданина работать больше 8 часовъ, самодержавно устанавливать правила внутренняго распорядка, принимать и увольнять рабочихъ безъ согласія всѣхъ рабочихъ, отрывать отъ ученія дѣтей, обрекать на голодъ безработнаго и т. д. и т. д.

Демократія стихійно и сознательно навязываетъ формы своего бытія экономическимъ отношеніямъ — и такъ возникаетъ, вмѣсто феодально-монархической фабрики, фабрика конституціонная, такъ постепенно право хозяина въ своемъ домѣ вытѣсняется правомъ коллектива въ народномъ хозяйствѣ и въ отдѣльныхъ его клѣточкахъ. Демократіи нужна свободная индивидуальность гражданина. И она вступаетъ за него въ бой со всѣми силами, похищающими у нея эту индивидуальность. И вотъ почему на извѣстной ступени своего развитія она приближается къ принципіальному разрыву съ капитализмомъ, когда онъ изъ фактора, освобождающаго личность, становится помѣхой для выявленія ея, безгранично растущаго, духовнаго и моральнаго содержанія. Демократія рождаетъ соціализмъ. Но, конечно, только въ томъ случаѣ, если ее не калѣчатъ искуственно преждевременными родами. Въ этихъ случаяхъ она рождаетъ не соціализмъ, а реакцію. Дѣтище это называютъ коммунизмомъ. Но отъ слова не станется.

Демократія рождаетъ соціализмъ. Рождаетъ ли соціализмъ демократію? До сихъ поръ такого случая не было. Если считать соціализмомъ то, что было въ Россіи, Венгріи, Баваріи, если считать соціализмомъ то, что устроили въ 18 вѣкѣ іезуиты въ Парагваѣ, то этотъ соціализмъ рождалъ не демократію, а деспотію. Правильнѣе будетъ, однако, сказать, что во всѣхъ этихъ случаяхъ соціализма не было. Потому что соціализму неоткуда взяться, если нѣтъ демократіи. Вопросъ о томъ, можетъ ли изъ соціализма родиться демократія — безсмысленный вопросъ. Потому что не дѣти рождаютъ своихъ матерей, а матери рождаютъ своихъ дѣтей. Соціалистамъ остается, слѣдовательно, позаботиться о здоровьѣ и благополучіи матерей. Тогда родятся и здоровыя и способныя къ жизни дѣти. А когда они родятся, надо будетъ позаботиться, чтобы они не убивали своихъ матерей. Потому что за это убійство исторія караетъ смертью. Примѣровъ было достаточно.

VI.

На нашихъ глазахъ въ соціалистическомъ міросозерцаніи происходитъ рѣзкій, крутой поворотъ, означающій въ предѣ-

лѣ своемъ принципіальный разрывъ съ прошлымъ. Въ краткихъ чертахъ этотъ поворотъ можетъ быть характеризованъ слѣдующимъ образомъ.

Осуществленіе соціалистическаго строя перестало рисоваться въ видѣ революціи въ смыслѣ насильственныхъ, одного или ряда короткихъ ударовъ свѣже захваченной пролетаріатомъ власти. Если раньше на основаніи нѣкоторыхъ высказываній Маркса максимальная уступка духу эволюціонизма выражалась въ томъ, что допускалась въ видѣ единичнаго *исключенія* возможность мирнаго перехода къ соціализму въ Англіи (Марксъ въ еще болѣе условномъ видѣ допускалъ такую возможность и для Голландіи), то теперь, въ позднѣйшихъ работахъ Каутскаго, *) насильственный переходъ къ соціализму не допускается даже и въ видѣ исключенія. Соціализмъ возможно осуществить только мирнымъ путемъ, путемъ ряда постепенныхъ, притомъ весьма осторожныхъ, не вносящихъ внезапной ломки въ экономическія отношенія, мѣропріятій демократическаго государства, встрѣчающихъ не только сочувствіе широкихъ массъ, но и пониманіе, и признаніе ими вытекающихъ отсюда для нихъ новыхъ, болѣе высокихъ и сложныхъ обязанностей въ предѣлахъ фабрики, бюро, канцелярій, союзныхъ объединеній, органовъ мѣстнаго и государственнаго хозяйственнаго и гражданскаго самоуправленія. Только такъ и ни въ какомъ случаѣ не иначе соціализмъ можетъ стать органическимъ, все болѣе расширяющимся началомъ соціальнаго прогресса, а не свалкой экспериментовъ, обреченныхъ на неудачу и на роль разрушителей народнаго хозяйства **).

Въ этой работѣ Каутскаго, которую я упомянулъ выше, этотъ, совершенно новый, подходъ къ проблемѣ соціализма опирается на многочисленный рядъ широко разбросанныхъ аргументовъ. То, что Каутскій называетъ «пролетарской революціей» — это не столько осуществленіе соціализма, сколько овладѣніе и максимальное расширеніе пролетаріатомъ общественно-политическаго аппарата демократіи. Здѣсь, а не въ сферѣ хозяйственной, проявляется пафосъ и драматизмъ борьбы. Не соціализмъ, какъ организація хозяйства, а демократія, какъ организація права, составляетъ центръ волевыхъ и эмоціальныхъ проявленій освободительной борьбы. Въ этомъ смыс-

*) См. въ особенности его послѣдній сводный трудъ, вышедшій въ концѣ іюня с. г.: „Die proletarische Revolution und ihr Programm" Internationale Bibliothek. Stuttgart. J Dietz. 1922.

**) Относящіяся къ этой проблемѣ соображенія были мною высказаны въ статьѣ „О диктатурѣ" въ 10-й кн. „Совр. Зап."

лѣ можно говорить о революціонной демократіи, но нельзя говорить о революціонномъ соціализмѣ.

Соціализмъ не работаетъ методами революціи. Но ими не можетъ не работать демократія. Въ области демократіи, когда народъ знаетъ и хочетъ осуществить ту или иную свою цѣль, онъ уже обладаетъ огромной силой для ея достиженія. Но въ области соціализма этихъ т. н. «субъективныхъ предпосылокъ» совершенно недостаточно. Матеріалы экономики куда менѣе эластичны и куда менѣе поддаются формирующему давленію воли, чѣмъ матеріалы политики. Абсолютизмъ, политическій гнетъ можно постепенно изживать, но можно и опрокинуть. Большей частью приходится его опрокидывать. Капитализмъ, хозяйственно-экономическій гнетъ можно только постепенно изживать, но нельзя опрокидывать, чтобы самимъ не погибнуть подъ его развалинами. Стиннесы на своихъ престолахъ сидятъ не только гораздо дольше, но и гораздо крѣпче, чѣмъ Вильгельмы на своихъ.

Соціализмъ это позитивное творчество. Меньше всего на его путяхъ возможна веселая наука разрушенія. Наоборотъ, это наука тяжелая, при которой результаты приложенія энергіи сказываются долго спустя послѣ ея приложенія, при которой нѣтъ и не можетъ быть ощущенія непосредственнаго успѣха и только на очень большой высотѣ научной и общественной проницательности можно провести соединительную линію между данными и искомыми общественно-экономическаго процесса.

Къ этому высокому интеллектуальному уровню надо приближать массы. Безъ этого соціализмъ, какъ ихъ кровное дѣло, а не какъ удачныя выдумка реформаторовъ, невозможенъ. Въ этомъ заключается одна изъ главнѣйшихъ задачъ соціалистической партіи. Но массовое движеніе не можетъ жить и развиваться какъ подготовительная школа соціализма. Оно должно питаться не только цѣлями, объективно реализуемыми въ дали временъ, но и субъективно-ощущаемыми, какъ непосредственный результатъ воли и борьбы, успѣхами своего времени. На эти запросы отвѣтъ даетъ демократія. Здѣсь по преимуществу область приложенія массовой энергіи, воли и знанія. Здѣсь психологическое удареніе въ героической симфоніи освободительнаго движенія.

Покуда соціализмъ рисовался въ видѣ прыжка, въ видѣ чуда соціальнаго преображенія и вознесенія, до тѣхъ поръ такой соціализмъ могъ служить духовной скрѣпой, притягивавшей усталыя головы и сердца къ нѣкоей свѣтлой точкѣ, къ нѣкоему рубежу, по другую сторону котораго находится всемірно-

историческое «нынѣ отпущаеши». Но соціалистическая мысль разстается, почти совершенно разсталась съ такой концепціей. Были сдѣланы пробы прыжковъ. Въ этой, въ *такой* борьбѣ выяснилось, что пролетаріатъ можетъ проиграть все, кромѣ своихъ цѣпей, и выиграть только новыя. И вотъ тѣ, которые говорятъ правду измученнымъ трудовымъ массамъ, тѣ волей-неволей обречены на роль холодныхъ, съ виду черствыхъ воспитателей, льющихъ холодную воду не только на головы идеологовъ (ихъ жалѣть нечего), но и на головы этихъ самыхъ массъ.

Они говорятъ массамъ, что соціальной революціи не будетъ, потому что соціальная революція уже происходитъ. И вотъ какая это простая, не торжественная, но мучительно трудная, связанная съ чрезвычайными жертвами — не для капиталистовъ, а для самихъ пролетаріевъ — вещь. Неоднократно въ своей новой работѣ Каутскій возвращается все къ одной и той же мысли, все къ одному и тому же предупрежденію: соціализмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ не сулитъ вамъ рѣзкаго улучшенія вашего матеріальнаго положенія. Соціализмъ потребуетъ отъ васъ ряда самоограниченій, отъ какихъ вы свободны при капитализмѣ. (Стачка). Соціализмъ — это колоссальное увеличеніе высокихъ, но сложныхъ и трудныхъ обязанностей, падающихъ на васъ. Если вы этого не можете и не хотите, то лучше не беритесь за соціализацію. Потому что вы гораздо больше потеряете, чѣмъ найдете.

Съ исключительной въ соціалистической литературѣ прямотой Каутскій предлагаетъ соціалистамъ уменьшить свои заботы о томъ, чтобы поскорѣе и рѣшительнѣе были проведены соціалистическія мѣропріятія. «Тамъ, гдѣ пролетаріатъ завоевалъ власть, намъ дѣйствительно нечего быть озабоченными тѣмъ, чтобъ онъ въ самой энергичной, непреклонной и безпощадной (rücksichtslosester) формѣ устремился бы къ соціалистическимъ мѣропріятіямъ. Для этого нѣтъ никакой надобности въ образованныхъ марксистахъ. Опасность заключается тутъ вовсе не въ томъ, что будетъ проявлено слишкомъ мало революціоннаго напора, а въ томъ, что онъ проявится въ нецѣлесообразныхъ формахъ, въ мѣрахъ, которыя приведутъ къ результатамъ, противоположнымъ желаемымъ... Вопросъ идетъ о томъ, будетъ ли пролетаріатъ, пришедшій къ власти, склоненъ проявить то самоограниченіе и самооглядку, которыхъ отъ него требуетъ марксизмъ». Послѣ всего пережитого въ послѣдніе годы, можно понять эту горькую и тяжелую роль, выпадающую на долю соціалистовъ. И можно понять ту злую иронію и безпощадную логику, какими Каутскій бьетъ соціа-

листовъ, стоящихъ на позиціи «углубленія революціи» („Das Weitertreiben der Revolution") *)

Но, если въ области соціализма, какъ экономическаго строительства, соціалистамъ приходится въ настоящее время выступать въ неблагодарной роли Кассндры, то съ чѣмъ же имъ предъ пролетаріатомъ выступать въ качествѣ провозвѣстниковъ прямыхъ и вѣрныхъ успѣховъ? Отвѣтъ тотъ же: съ идеалами демократіи, съ призывами къ массамъ научиться цѣнить и оберегать ея великія возможности. Если нельзя въ начальную эпоху соціалистическаго преобразованія питать надежды на рѣзкое улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ, если — наоборотъ — приходится подчеркивать необходимость съ ихъ стороны жертвъ и самоограниченій, то тѣмъ большее идеологическое значеніе въ соціалистическомъ движеніи должны пріобрѣсти проблемы демократіи. «Борьба пролетаріата, какъ уже неоднократно было указно, становится тогда тѣмъ больше борьбой за свободу и власть, чѣмъ меньше она является борьбой просто за хлѣбъ» **).

Хозяйственныя условія соціализированныхъ предпріятій, какъ и всего соціализирующагося общества, сильно суживая на первыхъ порахъ возможность непосредственныхъ экономическихъ выгодъ, допускаетъ, однако, широкій просторъ для улучшенія положенія рабочаго какъ личности, какъ гражданина. Не только *для соціализма,* но и *въ соціализмѣ* демократія выступаетъ на первый планъ. Здѣсь область наиболѣе широкихъ обѣтованій соціалистическаго движенія. Его притягательную силу приходится нынѣ характеризовать не столько въ терминахъ экономики, сколько въ терминахъ права, морали, культуры.

Вотъ почему, еслибы мы были сторонниками метафизическаго дѣленія единаго потока соціалистическаго движенія на цѣли и средства, еслибы мы поставлены были передъ альтернативной задачей рѣшить вопросъ: что есть цѣль и что есть средство, то, вопреки формулѣ I-го Интернаціонала, мы бы сказали: общественное производство есть средство, а демократія есть цѣль соціалистическаго движенія.

VII.

Но намъ нѣтъ надобности вязнуть въ этой схоластикѣ. Для насъ несомнѣнно только одно: является ли демократія

*) Такъ называется одна изъ главъ книги Каутскаго. Стр. 85—94.

**) Тамъ же, стр. 196.

цѣлью или средствомъ соціалистическаго движенія — она во всякомъ случаѣ его идеологическій центръ, его нравственная и психологическая опора, его героическое начало, его революціонное ядро.

Только въ свѣтѣ демократіи соціализмъ перестаетъ быть экономической реформой и становится цѣлостнымъ жизнеустремленіемъ широкаго, захватывающаго культурно-историческаго діапазона.

Безъ демократіи — соціализмъ только экономическая реформа въ предѣлахъ науки и только экономическій экспериментъ въ предѣлахъ утопіи. Соціализму нужно беречься, чтобы съ переходомъ его, необходимымъ и плодотворнымъ, изъ области утопическаго иллюзіонизма на почву тяжелой повседневной работы экономическаго строительства, его не поразилъ бы недугъ безкрылаго реформизма.

Прежде отъ этой опасности уходили методами «углубленія революціи», пареніемъ на авантюристическихъ высотахъ, разжиганіемъ соціальныхъ страстей, грячими ожиданіями «настоящаго дня», идеологіей «соціальнаго мифа» и т. д. Теперь весь этотъ примитивный инструментарій приходится бросить. Раньше или позже, но все это придется оставить. Тогда нужно посмотрѣть, не останемся ли мы послѣ этой операціи съ пустыми руками, или, что еще хуже, съ опустошенными сердцами, хотя и съ набитой трезвыми идеями головой. Несомнѣнно головной соціализмъ лучше кулачнаго. Но когда пустѣютъ сердца, то очень скоро начинаютъ безпомощно виснуть и головы. Отъ этой опасности соціализмъ какъ цѣлостное движеніе, а не только какъ экономическая реформа, можетъ и долженъ найти защиту, пропитавшись всѣмъ своимъ существомъ духомъ великихъ достиженій и еще болѣе великихъ стремленій демократіи. На этомъ пути онъ можетъ пройти между Сциллой соціально-политическаго вспышкопускательства и Харибдой прѣснаго экономизма.

Здѣсь передъ соціалистическими партіями и соціалистическими идеологами открывается безбрежное поле для работы. Ибо ошибочно думать, что демократія — это только сводъ законовъ и сумма учрежденій. Все это еще должно пройти черезъ сознаніе и чувство массъ, сдѣлаться ихъ «второй натурой». До этого мы еще очень и очень далеки.

Мы видимъ это поверхностное и холодное отношеніе къ цѣнностямъ демократіи на каждомъ шагу. Съ какой легкостью значительные отряды международнаго соціализма поддались на соблазны диктатуры! Какъ легко почти всюду, гдѣ власть попадала въ руки соціалистически-настроенныхъ массъ, онѣ об-

ращали добытую для себя свободу въ орудіе жестокаго и безсмысленнаго гнета надъ другими! Съ какимъ самоубійственнымъ рвеніемъ соціалисты, пришедшіе къ власти, воплощали въ жизнь одинъ за другимъ гнусные примѣры злобной фантазіи противниковъ соціализма! Съ какой ужасающей наивностью по всему міру международнаго соціализма прокатилась волна протестовъ противъ содержанія въ совѣтскихъ тюрьмахъ... соціалистовъ! Это было бы еще съ полъ-горя, если бы легкое, легкомысленное отношеніе къ принципамъ демократіи проявлялось только въ лидерствующихъ верхахъ соціалистическаго движенія въ результатѣ т. н. «строго послѣдовательнаго» примѣненія принциповъ т. н. «классовой борьбы».

Правда, убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ карается гораздо строже, чѣмъ убійство въ состояніи крайней запальчивости и раздраженія. Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самое ужасное заранѣе обдуманное намѣреніе не столько вредитъ обществу, сколько это состояніе запальчивости и раздраженія. Массы убивали завоеванія демократіи именно въ этомъ состояніи. Вожди—обдумывали намѣренія. Съ легкостью уничтожались завоеванія, о которыхъ мечтали и за которыя умирали не только отцы, дѣды и прадѣды, но и эти самыя запальчивыя, и эти самыя, обдумывающія свои намѣренія, дѣти.

Мы имѣли достаточно, слишкомъ много, случаевъ убѣдиться въ томъ, до чего поверхностно, непрочно сидятъ въ сознаніи и психикѣ соціалистическихъ массъ принципы демократіи. Не только Россія снабжала насъ этими примѣрами. Потому-то задача соціалистическаго движенія заключается не только въ томъ, чтобъ завоевать демократическую республику, свободы, всеобщее избирательное право и т. п. Это въ концѣ концовъ гораздо легче сдѣлать, чѣмъ завоевать для демократіи умы и чувства массъ. Даже и послѣ завоеванія демократической республики эта задача стоитъ во всей своей грандіозности и сложности. Всѣ контръ-революціи, въ томъ числѣ и русская контръ-революція, съ пятилѣтнимъ юбилеемъ которой нынѣ коммунисты другъ друга поздравляютъ, опирались на массы, которымъ стала недорога, безразлична, порою прямо ненавистна, ихъ же кровью добытая свобода. И потому соціализму это необходимо крѣпко запомнить: искусство удержанія свободы гораздо болѣе сложное и трудное искусство, чѣмъ искусство ея завоеванія.

Если въ завоеваніи свободы трудовые классы большей частью дѣйствуютъ рядомъ со всѣми прочими классами, являясь часто только ударной массой, то въ удержаніи свободы на ихъ долю выпадаетъ гораздо болѣе отвѣтственная и сознательная роль.

Потому что въ эту пору имущіе классы, продѣлавшіе революцію, проявляютъ тенденцію помириться со старыми силами, на основѣ того компромисса, который эти силы до революціи горделиво отвергали, а послѣ революціи весьма склонны принять *). Такъ завоеваніе демократіи и удержаніе ея становится главнымъ содержаніемъ соціалистическаго движенія.

Но демократія не замыкается въ кругъ правъ и институтовъ, хотя бы и весьма полно выявленныхъ самыми совершенными примѣрами настоящаго. Здѣсь предстоитъ еще огромная работа воплощенія новыхъ началъ и идей, безпрерывно выдвигаемыхъ въ качествѣ запросовъ жизни и исканій государственно-правовой мысли. Здѣсь процессъ творчества все новыхъ, все болѣе совершенныхъ орудій и институтовъ, все болѣе адекватныхъ народной волѣ и развивающимся запросамъ личности, не можетъ ни на минуту остановиться. Укажемъ для примѣра хотя бы на проблему защиты и проявленія правъ національныхъ, соціальныхъ и политическихъ меньшинствъ **).

Другой важный циклъ явленій относится къ демократизаціи отношеній въ промышленности. Здѣсь принципы, выработанные на опытѣ политической демократіи, переносятся въ сферу экономической жизни. Демократія уже здѣсь сдѣлала большіе успѣхи, но впереди еще путь глубокихъ трансформацій, въ предѣлѣ которыхъ теряетъ свой прежній смыслъ самое раздѣленіе между методами демократіи и методами соціализма. Демократія начинаетъ творить дѣло соціализма, *исходя изъ своихъ собственныхъ предпосылокъ.*

Наконецъ, старый міръ совсѣмъ ужъ позади. Мы прошли черезъ всѣ остатки капиталистическихъ отношеній и находимся въ обществѣ съ завершенной соціализаціей средствъ производства — мы въ соціалистическомъ строѣ. Представимъ себѣ это далекое и прекрасное будущее, и тогда мы вновь находимъ демократію, но ужъ какъ гегемона всего общественнаго процесса, какъ главное содержаніе коллективнаго творчества. Въ этомъ обществѣ именно потому, что оно овладѣло законами экономики и подчинило ихъ своей организованной волѣ, — въ этомъ обществѣ экономика поглощаетъ гораздо меньшую долю индивидуальныхъ и общественныхъ усилій, чѣмъ въ обществѣ, гдѣ экономическая жизнь, построенная на началахъ соб-

*) Вообще, всякій уже свергнутый монархъ гораздо либеральнѣе еще не свергнутаго,

**) Обзоръ относящихся сюда явленій и анализъ ихъ читатель найдетъ въ статьѣ М. В. Вишняка „Проблема правъ меньшинствъ“ въ сборникѣ „Современныя Проблемы“. Изданіе Я. Поволоцкаго. Парижъ 1922 г.

ственности и эксплуатаціи милліоновъ людей, вызываетъ бѣшеную и анархическую свалку интересовъ и страстей, горе и нищету массъ, обезпечивающихъ кровью и потомъ своимъ праздность и богатство единицъ. Въ этомъ обществѣ гражданинъ, личность высвобождается изъ подъ груды давящихъ его «экономическихъ факторовъ», поднимается отъ «базиса» къ «надстройкамъ»—и такимъ образомъ создаются условія для такого широкаго и многообразнаго проявленія общественно-культурной дѣятельности, для такого расцвѣта самыхъ тонкихъ и совершенныхъ формъ демократіи, что въ ея цвѣта окрашивается весь міръ человѣческаго жизнетворенія *).

Въ итогѣ, къ какому бы мы историческому моменту ни относили дѣйствіе силъ соціалистическаго движенія, какую сферу ихъ приложенія мы бы ни взяли, съ какой бы стороны ни подошли къ его задачамъ, успѣхамъ и разочарованіямъ — всюду мы наталкиваемся на демократію, какъ на сумму правъ и институтовъ и на демократію, какъ на идеологію свободной личности и свободныхъ коллективовъ. Всюду демократія, во всѣхъ этихъ смыслахъ, столпъ и утвержденіе правды соціализма.

Изъ тяжелаго кризиса, переживаемаго соціалистическимъ движеніемъ и соціалистической идеологіей, они могутъ выйти только въ томъ случаѣ, если всѣми силами ринутся на борьбу за демократію во внѣ, въ строѣ общественныхъ отношеній, и внутри себя, въ строѣ всего своего міросозерцанія и мироощущенія. Демократизація соціализма — таково кратко выраженное велѣніе времени.

Гейне въ своихъ очеркахъ по исторіи, философіи и религіи Германіи разсказываетъ прискорбную исторію одного англійскаго механика, который построилъ настоящаго человѣка. Внемъ все было, какъ у всѣхъ людей. Этотъ человѣкъ-автоматъ дѣлалъ все, что дѣлаютъ всѣ обыкновенные люди. Онъ говорилъ . . . Однажды онъ настойчиво потребовалъ у своего изобрѣтателя: дай мнѣ душу! Потому что все у него было какъ у всѣхъ людей, только души у него не было. Но души ему геніальный механикъ дать не могъ. Въ ужасѣ отъ все болѣе настойчивыхъ запросовъ на душу со стороны своей геніальной креатуры механикъ сѣлъ на корабль, чтобы спастись на континентѣ. Но и здѣсь его настигъ автоматъ, и все требовалъ настойчиво, безпощадно: дай мнѣ душу, душу дай мнѣ. Еще и нынѣ онъ носится за нимъ по

*) Мнѣ приходится на этой сторонѣ проблемы остановиться самымъ бѣглымъ образомъ, такъ какъ пооробнѣе я объ этомъ говорю въ статьѣ „Демократія и соціализмъ“ въ указанномъ выше сборникѣ.

всему міру и проситъ, и требуетъ: дай мнѣ душу, „give me a soul"...

Гейне рядомъ съ этимъ удивительнымъ автоматомъ ставитъ нѣмецкую классическую философію. Онъ видитъ, какъ она также носится по всему міру, но съ противоположной мольбою: дай мнѣ тѣло. Потому что все у нея есть, сколько угодно души, — тѣла только нѣтъ . . .

Мнѣ думается, что эти, набросанные рукой геніальнаго поэта, образы имѣютъ ближайшее отношеніе къ нашей темѣ.

— «Дай мнѣ душу», взываетъ соціализмъ, какъ экономическая категорія. «Дай мнѣ тѣло» — не менѣе настойчиво взываетъ демократія, какъ категорія культурно-правовая. Ясно, они не могутъ безъ тяжкихъ страданій жить другъ безъ друга, какъ не могутъ жить тѣло безъ души и душа безъ тѣла.

Демократіи нуженъ соціализмъ, чтобъ онъ освободилъ ей человѣка отъ гнета экономики. Соціализму нужна демократія, чтобы она наполнила этого освобожденнаго человѣка богатствомъ своего культурно-историческаго содержанія.

Соціалистическое движеніе должно дать тѣло душѣ и душу тѣлу. Оно это сдѣлаетъ, построивъ изъ этихъ элементовъ царство *соціалистической демократіи.*

Въ этомъ его всемірно-историческое призваніе.

Ст. Ивановичъ.

ВЕЛИКОБРИТАНІЯ и ИНДІЯ

(Окончаніе)*

4.

Мы несклонны придавать чрезмѣрное значеніе непосредственной пропагандѣ агентовъ Москвы въ самой Индіи. «Большевистская агитація» повсемѣстно служитъ въ наши дни наилучшимъ оправданіемъ неумѣлыхъ администраторовъ при постигающихъ ихъ неудачахъ. Сами англичане безъ всякаго воздѣйствія Ленина дали индусамъ достаточно пищи для мятежныхъ и революціонныхъ настроеній. Никакихъ реальныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о наличности большевистской пропаганды въ предѣлахъ самой Индіи, до настоящаго времени не удалось обнаружить, хотя индійскимъ правительствомъ еще въ 1920 г. было создано «особое бюро» для собиранія свѣдѣній о дѣйствіяхъ большевиковъ и воспрепятствованія пропагандѣ большевистскихъ агентовъ. Правда, англійскія власти полагаютъ, «что значительное количество бумажныхъ рублей ввозится въ Индію для содѣйствія мятежному движенію среди мѣстнаго населенія.»**) Въ концѣ 1919 года было издано запрещеніе пользованія русскими рублями подъ угрозой трехлѣтняго тюремнаго заключенія. Послѣ изданія этого распоряженія объ изъятіи русскихъ рублей, таковые были предъявлены для обмѣна на сумму свыше 2 мил. фун. ст. По мнѣнію «Таймса» такое огромное количество русскихъ денегъ могло проникнуть въ Индію лишь благодаря эмиссарамъ Ленина. Намъ кажется, что подобное утвержденіе не выдерживаетъ критики, ибо до войны Россія закупала въ Индіи весьма значительныя количества чая, джута и ряда другихъ продуктовъ, а съ другой стороны въ Индію сейчасъ понаѣхало много коммерсантовъ изъ Персіи и другихъ ближне- и дальне-восточныхъ странъ, при которыхъ также могли находиться русскія бумажныя деньги. Во всякомъ случаѣ, съ обезцѣненіемъ русскихъ бумажныхъ денегъ и сокращеніемъ золотого запаса, значеніе платной пропаганды едва ли

*) См. „Совр. Зап.“ кн. XI.
**) The Red flag in the East („Times“, Sept. 23, 1920).

можетъ оставаться значительнымъ. Характерно, что до настоящаго времени не удалось даже арестовать ни одного совѣтскаго эмиссара, хотя по словамъ весьма освѣдомленной въ Идійскихъ дѣлахъ и крайне враждебной коммунистамъ газеты Morning Post «иностранная большевистская пропаганда въ Индіи находится подъ постояннымъ тщательнымъ наблюденіемъ властей». *)

На самомъ дѣлѣ, Совѣтская власть и не нуждалась въ отправкѣ въ Индію своихъ эмиссаровъ. Раскаты революціонныхъ громовъ и такъ доносились по азіатскимъ равнинамъ и оставляли свой слѣдъ въ умахъ впечатлительной ителлигенціи Индіи. Мы уже упоминали, что первая революція 1905 г. послужила извѣстнымъ толчкомъ къ усиленію индійскаго революціоннаго движенія. По поводу событій 1917 г. органъ Анны Безантъ не безъ основанія заявлялъ еще два года тому назадъ: «Наши молодые революціонеры-заговорщики подвергались за свою дѣятельность смертной казни черезъ повѣшеніе или пожизненному тюремному заключенію. Теперь студенты-индусы съ изумленіемъ видятъ, какъ премьеръ Великобританіи радостно привѣтствуетъ результаты, достигнутые аналогичными дѣйствіями русскихъ молодыхъ людей, которые устраивали заговоры, взрывали поѣзда и въ свое время убили царя. Теперь бывшихъ цареубійцъ чтятъ, какъ мучениковъ, и тѣ изъ нихъ, которые остались въ живыхъ, съ торжествомъ возвращаются въ Россію, получившую свободу благодаря ихъ трудамъ. Имена, которыя прежде были прокляты, нынѣ стали священными». Какъ же было не отозваться индусамъ-революціонерамъ на воцареніе большевиковъ въ Москвѣ и на провозглашеніе ими безпощадной борьбы противъ англійскаго имперіализма?

У Совѣтской власти былъ кромѣ того другой, гораздо болѣе вѣрный способъ воздѣйствія на англичанъ въ Индіи — черезъ Афганистанъ и другія приграничныя, средне-азіатскія области. «Угроза Индіи со стороны германскаго оружія замѣняется болѣе страшной угрозой большевистскихъ идей. Эта зловѣщая сила находитъ въ Средней Азіи прекрасную почву для своего развитія — такъ характеризуетъ положеніе оффиціальная Синяя Книга о положеніи дѣлъ въ Индіи въ 1919 году **). Надежды на поддержку со стороны Москвы вѣроятно явились факторомъ, побудившимъ афганскаго Эмира предпринять еще въ апрѣлѣ 1919 г. походъ въ предѣлы Индіи.

*) „The Threat to India" (Morning Post, Oct. 23, 1920).
**) „Statement exhibiting the moral and material progress on condition of India"

Выйдя побѣдителями изъ этой войны, англичане однако лишь на время освободились отъ большевистскаго кошмара. Синяя Книга о положеніи Индіи въ слѣдующемъ, 1920 г. опредѣленно заявляетъ, что для надлежащаго пониманія взаимоотношеній между Индіей, Афганистаномъ и пограничными племенами, необходимо постоянно имѣть въ виду задній фонъ бурной большевистской дѣятельности. «Въ 1920 году», гласитъ Синяя Книга, «Совѣтское Правительство Россіи недвусмысленно заявило свое мнѣніе относительно Великобританіи; въ неоднократныхъ выступленіяхъ Ленинъ, Троцкій и Чичеринъ заявляли, что Британская Имперія является главнымъ врагомъ проповѣдуемыхъ имъ доктринъ. Неприкрыто враждебное отношеніе Совѣтскаго Правительства выражалось не въ однихъ только словахъ. Въ разсматриваемый нами періодъ постепенно становилось все болѣе яснымъ, что большевистская угроза нападенія на Индію не можетъ быть болѣе игнорирована.»

... «Побѣды надъ Колчакомъ, Деникинымъ и Врангелемъ и заключеніе мира съ Польшей развязали руки Московскому Правительству. При помощи арміи пропогандистовъ имъ удалось существенно укрѣпить свое положеніе въ Закавказьѣ и Туркестанѣ.» Охарактеризовавъ постепенный переходъ этихъ областей подъ власть Москвы, Синяя Книга продолжаетъ: «Кампанія мятежной пропаганды, основанная на сомнительномъ аргументѣ о совмѣстимости большевизма, заклятаго врага всѣхъ религій, съ ученіями Ислама, подготовила путь для дальнѣйшаго движенія... Общая вражда къ Англіи и союзникамъ содѣйствовала примиренію, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, такихъ традиціонныхъ враговъ, какъ русскіе большевики и турецкіе націоналисты; въ результатѣ въ серединѣ 1920 года союзъ большевизма и Ислама былъ открыто провозглашенъ». «Неуклонное продвиженіе большевистской власти по направленію къ Индіи не могло остаться безъ вліянія на отношенія Индіи съ пограничными государствами... Въ Персіи въ теченіе всего 1920 года положеніе было деликатнымъ... Большевистской пропагандѣ удалось предупредить ратификацію Англо-Персидскаго соглашенія. Это было сочтено за тріумфъ совѣтской дипломатіи. Съ точки зрѣнія же Персіи и Индіи это является прискорбнымъ фактомъ, облегчающимъ дѣйствіе разрушительной пропаганды, которымъ Русское Совѣтское Правительство такъ хорошо умѣетъ пользоваться».

Авторъ Синей Книги далѣе останавливается детально на взаимоотношеніи Индіи съ афганскимъ Эмиромъ, принявшемъ, послѣ появленія въ Кабулѣ миссіи Бравина, неустойчивый и колеблющійся характеръ. Онъ въ извѣстной степени утѣшаетъ

себя возникновеніемъ между афганцами и большевиками принципіальнаго разногласія. Афганцы мечтали о созданіи Великой Исламской Федераціи изъ среднихъ азіатскихъ государствъ: Хивы, Бухары, Фергана и Туркестана подъ ихъ гегемоніей. Большевикамъ эта мысль очевидно не улыбалась, ибо сильная мусульманская федерація государствъ закрывала бы имъ путь въ Индію. Отмѣтивъ затѣмъ переговоры, возникшіе между Эмиромъ и англійской делегаціей подъ руководствомъ Сэръ Генри Доббса, авторъ Синей Книги заканчиваетъ свое изложеніе слѣдующими знаменательными словами: «Слѣдуетъ надѣяться, что въ интересахъ какъ Афганистана, такъ и Британской Индіи, удастся возстановить старыя дружественныя отношенія довоеннаго періода. Путь *къ этому можетъ быть облегченъ благодаря заключенію торговаго соглашенія* между Совѣтскимъ Правительствомъ Россіи и правительствомъ его Величества, которое, какъ можно надѣяться, прояснитъ общую атмосферу.» Вотъ гдѣ ключъ къ пониманію самыхъ затаенныхъ мотивовъ англійской политики въ отношеніи Россіи.

Полгода послѣ заключенія договора съ Красинымъ дѣйствительно происходитъ подписаніе англо-афганскаго трактата. Ради возстановленія своего пошатнувшагося престижа Англія однако оказывается вынужденной пойти на самыя широкія уступки. Договоромъ 22 Ноября 1921 года Англія отказывается отъ своего исконнаго права контроля надъ внѣшними сношеніями Афганистана и разрѣшаетъ Эмиру назначить своего дипломатическаго представителя въ Лондонѣ и консуловъ въ главнѣйшихъ центрахъ Индіи. Разрѣшается также вновь ввозъ оружія въ Афганистанъ транзитомъ черезъ Индію и въ пограничную линію вносятся легкія измѣненія въ пользу Афгана.

Отношенія съ болѣе мелкими пограничными племенами продолжаютъ однако до настоящаго времени носить тревожный характеръ. Набѣги Махсудовъ и Вазировъ не прекращаются несмотря на карательныя экспедиціи, предпринимаемыя противъ нихъ. За 1919—20 гг. было совершено не менѣе 621 набѣговъ, во время которыхъ около 1.000 англійскихъ подданныхъ было убито, ранено или взято въ плѣнъ. Англійское правительство Индіи сочло себя даже вынужденнымъ оккупировать центральный Вазиристанъ въ разрѣзъ съ своей традиціонной политикой, согласно коей Вазиристану предназначалась роль буфера . . . И въ результатѣ британская власть въ Индіи чувствуетъ себя вынужденной заявить («Синяя Книга» стр. 16), что, съ воцареніемъ большевиковъ, «старая угроза появилась подъ новымъ видомъ на сѣверо-западной границѣ», а главнокомандующій лордъ

Роулинсонъ заявляетъ въ мартѣ 1921 года передъ законодательнымъ собраніемъ въ Дэли, что «значеніе большевистской угрозы сильно возросло и является нынѣ однимъ изъ мотивовъ, побуждающихъ настаивать на поддержаніи въ Индіи сильной и боеспособной арміи.»

5.

Подогрѣваемое цѣлымъ рядомъ психологическихъ, религіозныхъ и матеріальныхъ факторовъ, индійское національное движеніе могло разгорѣться до яркаго пламени лишь въ тотъ моментъ, когда у него явился призванный вождь, олицетворявшій собой всѣ народные надежды и идеалы. Читатели «Современныхъ Записокъ» уже знакомы изъ очерка Діонео *) съ личностью магатмы (пророка) Ганди. На этой своеобразнѣйшей фигурѣ стоитъ однако остановиться подробнѣе.

Воспитанникъ Лондонскаго Темпля, адвокатъ по профессіи, Ганди, достигнувъ зрѣлаго возраста, отрясъ отъ своихъ ногъ прахъ европейской цивилизаціи и объявилъ англичанамъ крестовый походъ во имя своихъ религіозныхъ вѣрованій. И его проповѣдь, обращенная къ вѣковымъ преданіямъ, предразсудкамъ и суевѣріямъ Индіи, оказалась болѣе способной вызвать энтузіазмъ народныхъ массъ, чѣмъ хитросплетенія и ораторское искусство даже самыхъ даровитыхъ политиковъ. Отзывы корреспондентовъ англійскихъ газетъ наглядно характеризуютъ его обликъ: «Ганди — индійскій Петръ-Пустынникъ. Въ частной жизни онъ аскетъ. Онъ появляется въ народѣ босымъ и окутаннымъ въ бумажный платокъ индусскаго крестьянина».**) «Нельзя не вѣрить искренности Ганди и полному отсутствію въ немъ всякихъ корыстныхъ и честолюбивыхъ мотивовъ. Соревнованіе съ нимъ невозможно. Его умственные процессы элементарны. Благодаря этому онъ постоянно вводитъ своихъ противниковъ въ затруднительное положеніе. Но они остаются безпомощными передъ нимъ ввиду того энтузіазма, который вызываетъ въ массахъ каждое его выступленіе». Вліяніе Ганди дѣйствительно неописуемо. Его наружность невзрачна и не производитъ никакого впечатлѣнія, но онъ буквально потрясаетъ слушателей, лишь только начинаетъ говорить по индусски или на отличномъ англійскомъ языкѣ, стилю котораго можетъ позавидовать всякій культурный англичанинъ. Слышатся возгласы: онъ больше чѣмъ простой человѣкъ, онъ истинный пророкъ» ***). Въ борьбѣ за

*) «Современныя Записки» т. V („Броженіе въ Индіи").
**) „Daily Telegraph" (January 26, 1921).
***) „Manchester Guardian" (Dec. 22, 1921).

равноправіе индусовъ въ южной Африкѣ Ганди впервые проникся убѣжденіемъ, что современное англійское правительство является олицетвореніемъ сатанинскаго начала, искони чуждымъ всему тому, чѣмъ долженъ дорожить праведный индусъ. Взгляды подобнаго рода не представляются для Индіи чѣмъ то новымъ. Фарраръ, написавшій подробное изслѣдованіе религій Индіи, еще задолго до войны и до появленія Ганди, такъ излагалъ сущность этихъ воззрѣній:

«Индійская цивилизація во всѣхъ ея отрасляхъ: религіи, воспитаніи, искусствѣ, промышленности, семейной жизни и управленіи — покоится на здоровыхъ, прекрасныхъ духовныхъ основахъ. Если въ теченіе столѣтій эти основы были иногда извращены, то это является въ значительной степени послѣдствіемъ жестокой агрессивной политики магометанъ въ прежніе дни и англичанъ въ наше время. Долгъ индуса-патріота — стремиться къ возстановленію исконной индійской жизни и цивилизаціи. Западная цивилизація во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ проникнута грубымъ матеріализмомъ, и проникновеніе ея въ Индію понижаетъ моральный уровень страны. Англійское правительство, миссіи, торговля, западныя вліянія всякаго рода — все это не здорово для Индіи. Для европейца нѣтъ мѣста въ странѣ — все должно принадлежать самимъ индійцамъ и ихъ долгъ передъ религіей освободиться отъ европейцевъ и отъ всѣхъ тѣхъ золъ, которыя они съ собой приносятъ. Всякое средство допустимо для достиженія этой высшей цѣли». *)

Отзвуки подобныхъ взглядовъ мы находимъ и во многихъ твореніяхъ Рабиндраната Тагора, хотя онъ и считаетъ себя врагомъ «націонализма», поскольку подъ словомъ «нація» понимается «группа, преслѣдующая чисто механическія цѣли».

Въ оффиціальной англійской Синей Книгѣ о положеніи дѣлъ въ Индіи мы можемъ найти прекрасную формулировку связи между ученіями Ганди и традиціонными воззрѣніями индусской древности. «Всякій индусъ», гласитъ Синяя Книга, «какъ бы онъ ни поддавался западному вліянію, всегда въ глубинѣ своей души преклоняется передъ аскетизмомъ. Даже образованные индійскіе джентльмены, играющіе выдающуюся роль въ общественной жизни, дорожатъ идеаломъ отрѣшенія отъ мірскихъ благъ. Указанія Ганди на превосходство душевной силы надъ матеріальной... имѣютъ логическую основу въ древней индійской доктринѣ «Дармы» («вѣчная истина» или «добро»)... Ганди стоитъ передъ глазами всѣхъ индусовъ не только какъ совершенный аскетъ, но и какъ совершенный проповѣдникъ индусской

*) Farrar „The religions of India".

традиціи — и это придаетъ ему неотразимую силу... Противъ все захлестывающей волны западнаго матеріализма и могущества, Ганди, своимъ презрительнымъ отношеніемъ къ тому что мы называемъ современной цивилизаціей, встаетъ передъ оскорбленнымъ національнымъ чувствомъ многихъ своихъ соотечественниковъ, какъ настоящая скала спасенія. Онъ олицетворяетъ собой чисто индійскую потусторонность, духъ, которымъ западъ никогда не обладалъ»...

«Смѣшно называть Ганди, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, Ленинымъ Индіи. Нельзя себѣ представить болѣе различныхъ, какъ по духу, такъ и по идеаламъ, людей, чѣмъ Индійскій пророкъ и вождь Московскихъ коммунистовъ,—пишетъ освѣдомленный англійскій публицистъ*).—Но въ одномъ мы не можемъ не усмотрѣть сходства между обоими этими дѣятелями. Оба они, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, стремятся къ полному, безоговорочному и немедленному воплощенію въ практическую жизнь исповѣдуемыхъ ими отвлеченныхъ догматическихъ построеній. Конечно, соотвѣтственно разницѣ идеаловъ и способы ихъ осуществленія различны. Не бурная творческая работа, а пассивное, восточное, толстовское непріятіе зла должно привести Ганди къ желанной имъ цѣли. «Мое движеніе», говоритъ самъ Ганди, «носитъ религіозный характеръ. Всякій богобоязненный человѣкъ долженъ отказаться отъ всякаго общенія со зломъ. Лучше умереть на пути Господнемъ, чѣмъ жить путями сатанинскими. Поэтому для всякаго, кто понимаетъ, что современное правительство Индіи олицетворяетъ собою дѣятельность Сатаны, не остается ничего другого, какъ отказаться отъ всякаго съ нимъ общенія.» **) Отвергая насильственные способы сверженія иноземной власти, Ганди по просту провозглашаетъ ей бойкотъ («Саціа-граха» т. е. «настаиваніе на правдѣ», вѣрнѣе «пассивное сопротивленіе»). По словамъ самого Ганди, «политическая борьба тѣмъ самымъ превращается въ религіозное и очищающее движеніе, которое съ каждымъ днемъ укрѣпляетъ силы націи, показываетъ слабыя мѣста и способы для ихъ устраненія... Смыслъ этого движенія въ добровольно принятомъ на себя страданіи, и поэтому оно содержитъ въ себѣ автоматическіе тормазы противъ всякихъ крайностей и нетерпѣнія. Способность націи къ страданію регулируетъ ея движеніе на пути къ свободѣ***)». Индія должна двигаться впередъ по указанной дорогѣ, покуда она не достигнетъ «Свараджа» т. е. полнаго національнаго самоопредѣленія.

*) „Indian Boycott" („The New Statesman", Sept. 18, 1920).
**) Въ журналѣ „Joung India" (Dec. 29, 1920).
***) Тамъ-же.

Намъ не приходится останавливаться на критикѣ исповѣдуемыхъ Ганди ученій. Установленіе новаго золотого вѣка на почвѣ старой индійской культуры со всѣми ея несомнѣнными пережитками народной темноты не менѣе фантастично, чѣмъ надежды на добровольный отказъ стомилліонныхъ массъ отъ всякаго примѣненія насилія въ политической борьбѣ. Наконецъ не нуждается въ доказательствахъ туманность и неопредѣленность самаго термина «Свараджъ». Ганди предусмотрительно воздерживался отъ всякихъ указаній относительно той формы, которую должно принять отстаиваемое имъ самоуправленіе. Даже въ самомъ основномъ вопросѣ — о будущихъ отношеніяхъ между свободной Индіей и Британской державой — онъ избѣгаетъ рѣшительнаго отвѣта, и, судя по послѣднимъ его выступленіямъ (на Индійскомъ Національномъ Конгрессѣ въ концѣ декабря 1921 года), онъ готовъ былъ бы при извѣстныхъ условіяхъ примириться съ главенствомъ англійской короны. «Идеальное государство Ганди повидимому должно состоять цѣликомъ изъ самодовлѣющихъ общинъ, въ которыхъ судъ и расправа творились бы совѣтами старшинъ, сидящихъ подъ тѣнью большихъ деревьевъ».*)

Мы знаемъ, однако, по многимъ историческимъ примѣрамъ (да и въ наши дни имѣемъ къ тому достаточныя доказательства) что именно наиболѣе утопичныя и туманныя ученія способны вызывать наибольшій энтузіазмъ массъ. Ганди выступилъ на широкую арену индійской общественной жизни въ тотъ моментъ, когда народная совѣсть была потрясена пэнджабскими расправами. Его дѣятельность началась призывомъ къ пассивному сопротивленію противъ репрессивныхъ законовъ Роулатта и расправъ генерала Дайера. Выставивъ, затѣмъ, на своемъ знамени возстановленіе правъ Халифа, онъ привлекъ къ себѣ сердца десятковъ милліоновъ индусовъ магометанскаго вѣроисповѣданія и заслужилъ отъ нихъ званіе «Вали» т. е. вице-короля или религіознаго вождя.

Въ Національномъ же Конгрессѣ, обиженномъ недостаточной широтой конституціонной реформы Монтэгю-Челмсфорда, Ганди нашелъ готовый аппаратъ для повсемѣстнаго распространенія своихъ ученій и осуществленія своей программы на дѣлѣ. Въ концѣ 1920 г. Національный Конгрессъ, на сессіи въ Начпурѣ, оффиціально ставитъ своей задачей достиженіе «Свараджа» народами Индіи всѣми законными и мирными средствами Изъ устава Конгресса исключается содержавшееся въ немъ ранѣе указаніе на вхожденіе Индіи въ Британскую Имперію въ каче-

*) „Таймсъ“, индійскій номеръ, 17 Ноября 1921 г.

ствѣ самоопредѣляющейся единицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ Конгрессомъ провозглашается политика отказа отъ всякаго сотрудничества съ англичанами по слѣдующей примѣрной схемѣ: 1) отказъ отъ титуловъ, почетныхъ должностей и должностей по назначенію въ органахъ мѣстнаго управленія, 2) отказъ отъ присутствія на правительственныхъ пріемахъ, 3) постепенное удаленіе дѣтей изъ учебныхъ заведеній, принадлежащихъ правительству, поддерживаемыхъ имъ и находящихся подъ его надзоромъ, и созданіе національныхъ школъ, 4) бойкотъ англійскихъ судовъ адвокатами и публикой, 5) отказъ отъ военной службы въ Месопотаміи, 6) отказъ отъ участія въ выборахъ въ представительныя учрежденія, 7) бойкотъ иностранныхъ товаровъ*).

Независимо отъ этого, намѣчается призывъ къ населенію объ отказѣ платить налоги, при дальнѣйшемъ развитіи пассивнаго сопротивленія. Самому конгрессу или его совѣту предоставляется опредѣлить моментъ, когда этотъ методъ борьбы будетъ признанъ цѣлесообразнымъ.

Особое вниманіе конгресса было обращено на организацію бойкота англійскихъ товаровъ.. «Вспомнимъ, что великая Библія англичанъ — это сборникъ ихъ торговыхъ законовъ» — такъ разсуждалъ въ своей заключительной рѣчи предсѣдатель конгресса Шарьяръ. «Статистическія выкладки, свидѣтельствующія о пониженіи доходности, имѣютъ гораздо большее вліяніе на взгляды и моральный калибръ средняго англичанина, чѣмъ какія-либо иныя соображенія. Наша цѣль — непосредственно повліять на доходы англійскихъ эксплоататоровъ Индіи. Мы будемъ бойкотировать анлійскіе товары, пріостановимъ вывозъ сырья и приведемъ англійскихъ плантаторовъ, коммерсантовъ и промышленниковъ, вслѣдствіе отказа въ рабочихъ рукахъ, къ постепенному истощенію — и это заставитъ ихъ измѣнить свое отношеніе къ намъ». **)

Въ дальнѣйшемъ, вліяніе Ганди на конгрессъ возрастаетъ съ удивительной быстротой. Какъ разъ незадолго до Нагпурской сессіи умеръ старый вождь экстремистовъ, Тилакъ, приверженецъ традиціоннаго господства браминской аристократіи. Благодаря своему вліянію, ему удалось, до самого послѣдняго момента, удерживать браминовъ — творцовъ и вождей индійскаго націонализма — отъ политики бойкота. Съ момента его

*) Въ видѣ курьеза отмѣтимъ, что по мнѣнію Ганди идеаломъ пассивнаго сопротивленія былъ бы отказъ индусскихъ отцовъ и матерей производить на свѣтъ дѣтей-рабовъ до того времени, покуда Индія не достигла бы самоопредѣленія (Чиролъ, стр. 215).

**) „Morning Post" (Jan. 3, 1921).

смерти пало послѣднее препятствіе, стоявшее на пути Ганди и его сторонниковъ къ подчиненію національнаго конгресса своему вліянію.

На послѣдней сессіи, засѣдавшей въ Ахмедабадѣ съ 27 по 29 декабря 1921 года, «Святому Вождю», магатмѣ Ганди, предоставляются диктаторскія права надъ всей организаціей конгресса и свободное распоряженіе всѣми ему принадлежащими, весьма значительными денежными средствами. Ему разрѣшается предпринимать отъ имени конгресса всѣ шаги, которые онъ сочтетъ нужными для достиженія конечной цѣли — свободы Индіи. Единственно лишь заключеніе мира съ Британскимъ правительствомъ подлежитъ окончательной санкціи конгресса. Ганди уполномоченъ даже къ назначенію себѣ преемника въ диктатурѣ въ тѣхъ случаяхъ, если онъ найдетъ это необходимымъ (вѣроятно при угрозѣ ареста или иной репрессивной мѣры). Стоя по прежнему на почвѣ пассивнаго сопротивленія и отвергая методы насилія и открытаго мятежа, конгрессъ, однако, расширяетъ программу своихъ дѣйствій. По усмотрѣнію мѣстныхъ комитетовъ Конгресса, каждая отдѣльная провинція можетъ быть немедленно призвана къ гражданскому неповиновенію и къ отказу отъ уплаты налоговъ. Кромѣ того, немедленно учреждается организація «національныхъ добровольцевъ» . . .

По внѣшней видимости, такимъ образомъ, создается дѣйствительно грозная обстановка. Но эта видимость еще не даетъ намъ права для окончательныхъ сужденій. Лишь учетъ силъ, противопоставленныхъ индійскому революціонному движенію въ этой послѣдней стадіи его развитія, позволитъ намъ сдѣлать достаточно обоснованные выводы.

6.

Въ полномъ сознаніи угрожающей ей опасности, Британская власть съ исключительнымъ умѣніемъ парируетъ наносимые ей удары. Для борьбы съ крайней партіей, при поддержкѣ и содѣйствіи этой власти, организуются болѣе умѣренные слои населенія Индіи. На туманные призывы къ немедленному осуществленію туманнаго «свараджа» она отвѣчаетъ отмѣнно — либеральнымъ и неуклоннымъ проведеніемъ въ жизнь намѣченныхъ конституціонныхъ реформъ, а восточному гипнотизеру Ганди она противопоставляетъ два совершеннѣйшихъ продукта западной культуры и цивилизаціи — хитроумнаго государст-

*) „Sedition in India" (Daily Telegraph, Dec. 30, 1921).

веннаго дѣятеля вице-короля лорда Рединга и молодого принца Уэльскаго, очаровавшаго своей улыбкой населеніе не одной дальней англійской колоніи.

Значеніе умѣренныхъ элементовъ въ Индіи обычно не достаточно оцѣнивается въ разныхъ газетныхъ корреспонденціяхъ, сосредоточивающихъ свое вниманіе на очередныхъ сенсаціяхъ революціонныхъ выступленій. Событія послѣднихъ лѣтъ безспорно ослабили позицію этихъ элементовъ. Въ качествѣ индійскихъ патріотовъ или правовѣрныхъ мусульманъ они были такъ-же глубоко задѣты расправами въ Пэнджабѣ или отношеніемъ Англіи къ турецкому вопросу, какъ и самые крайніе націоналисты. «Въ глубинѣ своей души они надѣются, что революціонное движеніе повлечетъ за собой новыя уступки власти». И все-же они представляютъ собою до настоящаго дня могущественный оплотъ для англійской власти.

Съ момента опубликованія королевскаго манифеста о конституціонныхъ реформахъ, многіе видные борцы за освобожденіе Индіи сочли свою миссію выполненной.

Ветеранъ націонализма Сурэндранатъ-Банерджи говорилъ на банкетѣ въ Калькуттѣ 31 января 1920 года, что связь Англіи съ Индіей установлена Провидѣніемъ для достиженія самыхъ высокихъ цѣлей. Индія никогда не займетъ должнаго мѣста среди народовъ земного шара и никогда не внесетъ свою лепту въ эволюцію человѣчества иначе, какъ путемъ ассоціаціи съ Британской Имперіей — наиболѣе свободнымъ государствомъ изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ. И онъ призывалъ своихъ слушателей къ дѣятельному сотрудничеству въ осуществленіи великихъ конституціонныхъ преобразованій.

Уже въ 1918 году умѣренные общественные дѣятели откололись отъ національнаго конгресса и создали свою собственную организацію, принявшую впослѣдствіе наименованіе «національной либеральной федераціи». Полагая, что созданіе провинціальныхъ парламентовъ и расширеніе представительнаго принципа въ органахъ центральнаго управленія представляетъ собою значительный шагъ впередъ, эти люди рѣшили вступить на путь использованія новыхъ конституціонныхъ методовъ, чтобы доказать на дѣлѣ возможность предоставленія населенію Индіи еще большей доли отвѣтственности въ опредѣленіи своихъ національныхъ судебъ.

Само собой разумѣется, что въ этихъ кругахъ установилось къ національному конгрессу рѣзко отрицательное отношеніе. По поводу Нагпурской сесіи, Анни Безантъ, порвавшая съ экстремистами послѣ дарованія Конституціи 1919 г. писала, что

*) „Times" (Febr. 9. 1822).

«политика конгресса должна привести страну къ мятежамъ, кровопролитію и гибели. Конгрессъ не допускаетъ болѣе свободы мысли и слова, а налагаетъ на своихъ участниковъ, принадлежащихъ къ меньшинству, нестерпимую тиранію». *) Предсѣдатель національной либеральной федераціи Чинтамани заявлялъ тогда-же, что «немедленное осуществленіе свараджа, выставленное въ качествѣ цѣли конгресса, является просто болѣе мягкимъ выраженіемъ для революціи».

Современный составъ національнаго конгресса даетъ его оппонентамъ не мало основаній для справедливой критики. Не подлежитъ сомнѣнію, что руководящая роль на конгрессѣ перешла отъ цвѣта индусской интеллигенціи къ мало образованнымъ, фанатическимъ элементамъ, лишеннымъ всякой конструктивной программы. Безусые юнцы являются, повидимому, преобладающимъ элементомъ среди конгрессистовъ. Намѣчаемые этими совершено незрѣлыми людьми способы борьбы, хотя и мирные сами по-себѣ, признаются весьма опасными въ смыслѣ тѣхъ послѣдствій, къ которымъ они неизбѣжно должны привести при осуществленіи на практикѣ.

И въ дѣйствительности мы видимъ, что лишь только населеніе, по призыву Ганди или его послѣдователей, устраиваетъ демонстративную забастовку, закрываетъ базары и т. п., немедленно-же возникаютъ безпорядки, сопровождающіеся столкновеніемъ съ полиціей и кровопролитіемъ. Ганди тогда заявляетъ о своемъ глубокомъ разочарованіи, налагаетъ на себя постъ и собирается уходить въ горы Гималаи, чтобы провести остатокъ своихъ дней въ созерцаніи. Но черезъ нѣкоторое время онъ кидаетъ новый призывъ, дающій снова тѣ-же неожиданные для него, но неизбѣжные результаты...

Осуществленіе провозглашеннаго конгрессомъ бойкота дало умѣреннымъ группировкамъ поводъ помѣряться силами съ экстремистами, и побѣда отнюдь не оставалась на сторонѣ этихъ послѣднихъ.

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, до февраля 1921 г. изъ пяти тысячъ индусовъ, обладающихъ почетными званіями или титулами, отказалось отъ нихъ всего лишь двадцать одинъ человѣкъ (наиболѣе видной фигурой среди нихъ былъ Рабиндранатъ Тагоръ, сложившій съ себя званіе англійскаго баронета; впослѣдствіи, однако, Тагоръ вновь отошелъ отъ эстремистовъ и высказалъ имъ свое осужденіе). Кромѣ того, было отклонено 42 почетныхъ и 248 платныхъ должностей. Изъ состава адвокатуры никто не отказался отъ практики **).

*) „Morning Post" (Jan. 11, 1921).
**) „Morning Post" (Nov. 2, 1920). „Times" (Nov. 3, 1920).

Въ коммерческихъ кругахъ Индіи предложеніе бойкота иностранныхъ товаровъ было встрѣчено съ явнымъ несочувствіемъ. Изъ 70-ти коммерческихъ организацій въ Бомбеѣ, одинъ лишь союзъ туземныхъ торговцевъ мануфактурнымъ товаромъ высказался за бойкотъ. Въ Бомбеѣ образовался спеціальный комитетъ для противодѣйствія движенію. Въ выпущенной имъ брошюрѣ Комитетъ указывалъ, что бойкотъ иностранныхъ товаровъ равносиленъ самоубійству. На огромныхъ пространствахъ Индіи единообразное проведеніе бойкота вообще не осуществимо при разобщенности отдѣльныхъ районовъ. Мѣстнаго производства совершенно не достаточно для покрытія потребностей страны. Индія вынуждена импортировать не менѣе 1/3 нужныхъ ей мануфактурныхъ товаровъ. Вслѣдствіе большого спроса на индійскую пряжу въ другихъ странахъ, надежды Ганди на развитіе ручного ткацкаго производства эфемерны. Индія совершенно не производитъ машинъ. Она не изготовляетъ даже гвоздей, винтовъ, булавокъ и тысячи другихъ предметовъ первой необходимости . . . *). Провозглашеніе бойкота особенно больно ударяло по карману купцовъ въ тотъ моментъ, когда ихъ склады, какъ мы уже упоминали выше, оказывались заваленными иностранными товарами на десятки милліоновъ фунтовъ.

Среди легко воспламеняющейся учащейся молодежи, призывъ къ бойкоту встрѣтилъ нѣсколько болѣе живой откликъ. Правда, совѣтъ наиболѣе вліятельнаго мусульманскаго учебнаго заведенія, колледжа Алигаръ, на засѣданіи, въ которомъ участвовало свыше 100 виднѣйшихъ представителей магометанства, подавляющимъ большинствомъ высказался за продолженіе занятій. Но двѣ трети студентовъ примкнули къ движенію, и колледжъ пришлось закрыть. Забастовочная волна распространилась также на колледжъ въ Амритсарѣ, колледжъ Мэдресэ въ Калькуттѣ и рядъ другихъ учебныхъ заведеній. Въ то-же время, однако, родители тайно продолжали вносить учителямъ плату за допущеніе бастующихъ студентовъ къ ближайшимъ экзаменамъ . . .

Наиболѣе важное значеніе во всей начатой Ганди и національнымъ конгрессомъ кампаніи имѣлъ бойкотъ выборовъ въ новыя представительныя учрежденія. Поголовное воздержаніе населенія означало бы срывъ всей конституціонной реформы и исчезновеніе всякихъ надеждъ на мирную эволюцію индійской государственности. Въ полной мѣрѣ, однако, и этотъ бойкотъ не удалось осуществить. Несмотря на то, что въ Дэли, Лагорѣ, Амритсарѣ и рядѣ другихъ городовъ толпы черни окружали вы-

*) „Boycott Movement in India" (Times, Trade Supplement, Jan. 1, 1921).

борныя собранія и пытались криками воздѣйствовать на избирателей, нападали на избирательныя комиссіи и чиновъ полиціи, несмотря на выставленіе въ нѣкоторыхъ округахъ шуточныхъ кандидатовъ изъ подонковъ общества, все-же не менѣе одной трети избирателей, *) а во многихъ округахъ даже отъ 50-ти до 70-ти процентовъ, явились къ урнамъ и дали возможность повсемѣстно произвести выборы.

Неудачи эти, правда, не обезкураживаютъ Ганди. Его дѣятельность напоминаетъ фокусы жонглера, который одинъ за другимъ подбрасываетъ цвѣтные мячи. Когда вниманіе публики ослабѣваетъ, онъ незамѣтно вводитъ новый мячъ. Не сумѣвъ побудить населеніе къ отказу отъ иностранной мануфактуры, онъ приступаетъ къ организаціи бойкота винныхъ лавокъ. **) Убѣдившись въ малой успѣшности своей дѣятельности среди интеллигенціи, онъ переноситъ свое вниманіе на крестьянъ. Агитаторы-гандисты убѣждаютъ ихъ, что вскорѣ наступитъ конецъ не только поборамъ помѣщиковъ-талукдаровъ, но и англійскому правленію вообще. Власть перейдетъ къ Ганди и наступитъ золотой вѣкъ, когда можно будетъ покупать хорошее сукно по 4 пенса ярдъ... ***) Въ результатѣ, въ провинціи Удъ и нѣкоторыхъ другихъ округахъ возникаютъ крестьянскія волненія на почвѣ неплатежа налоговъ и арендной платы. Однако эти спорадическія вспышки быстро подавляются, не оставляя за собой замѣтнаго слѣда.

7.

Передъ лицомъ всей этой непрекращающейся провокаціи, Британская власть съ поразительной выдержкой сохраняетъ свойственное англо-саксонской расѣ невозмутимое спокойствіе. Несмотря на бѣшеную травлю англо-индійской и части англійской печати, обвинявшей магатму Ганди въ организаціи возстанія и въ сообщничествѣ съ русскими коммунистами,****) правительство заявило, что оно не желаетъ нарушать свободу слова и печати въ тотъ моментъ, когда въ Индіи создаются представительныя учрежденія, и что оно вѣритъ въ здравый смыслъ населенія Индіи, которое убѣдится въ химеричности пассивнаго сопротивленія и въ пагубности его послѣдствій.*****) До послѣдней крайности англичане воздерживались отъ легкаго соблазна

*) „Unrest in India“ („Daily Telegraph“, Dec. 14, 1921).
**) „India“ („The Round Table“, September, 1921).
***) „Times“ (Jan. 17, 1921).
****) „Daily Telegraph“ (Jan. 14, 1921).
*****) „Morning Post“ (Dec. 28, 1920).

ареста Ганди и превращенія его въ мученика за идею, — вѣдь и безъ того на базарахъ Индіи разсказываютъ, что во время безпорядковъ въ Пэнджабѣ Ганди отрубили голову, а теперь у него выросла новая . . .*)

Несмотря на непрекращающуюся смуту, англичане дѣлаютъ все отъ нихъ зависящее дли насажденія въ Индіи парламентскаго строя. Во всѣхъ провинціяхъ созданы представительныя учрежденія, согласно закону 1919 года, и исполнительная власть передана въ руки отвѣтственныхъ туземныхъ министровъ, среди которыхъ мы видимъ многихъ видныхъ прежнихъ участниковъ національстическаго движенія. При этомъ, на практикѣ оказалось весьма затруднительнымъ ограничить ихъ компетенцію предѣлами, предусмотрѣнными этимъ закономъ, и понемногу рѣшенія министровъ-индусовъ начинаютъ распространяться и на область т. наз. «резервированныхъ» дѣлъ.

Вполнѣ гармонично протекала первая сессія центральнаго Индійскаго Законодательнаго Собранія, торжественное открытіе коего состоялось въ Дэли 9 ноября 1920 г. въ присутствіи дяди короля, герцога Коннаутскаго. Въ своемъ привѣтственномъ посланіи, король Георгъ заявлялъ молодому Индійскому Парламенту: «Въ теченіе долгихъ лѣтъ и даже поколѣній патріотическіе и лояльные индусы мечтали о «свараджѣ» для своего отечества. Сегодня для васъ зарождается свараджъ въ предѣлахъ моей Имперіи и открывается широкая возможность для прогресса по пути къ той свободѣ, которой пользуются другіе доминіоны».

Въ качествѣ перваго своего требованія Законодательное Собраніе выдвинуло отмѣну репрессивнаго законодательства и въ частности закона Роулатта. Другая резолюція требовала пересмотра законовъ о печати, въ смыслѣ отмѣны существующихъ ограниченій. Представители Британской власти присоединились къ обѣимъ этимъ резолюціямъ.

Они не возражали также, когда, подвергнувъ обсужденію событія въ Амритсарѣ, Парламентъ принялъ резолюцію, требующую отъ правительства признанія принципа равноправія для индусовъ и европейцевъ на всей территоріи Британской Имперіи и выраженія сожалѣнія по поводу нарушенія этого принципа при введеніи военнаго положенія въ Пэнджабѣ и въ выдачѣ вознагражденія родственникамъ убитыхъ въ Амритсарѣ.

Въ дружной атмосферѣ прошло также обсужденіе вопросовъ, связанныхъ съ бюджетомъ и арміей. Въ отношеніи бюджета, позиція правительства была существенно ослаблена на-

*) „Morning Post" (January 29, 1921).

личностью крупнаго дефицита. Тѣмъ не менѣе, разныя предложенія, клонящіяся къ радикальнымъ сокращеніямъ расходовъ, были отвергнуты депутатами изъ опасенія нарушить правильный ходъ правительственнаго механизма. Въ то же время, повышеніе доходныхъ статей, въ частности — ставокъ таможеннаго тарифа, прошло безъ всякихъ возраженій. Въ Англіи ланкаширскіе промышленники вздумали было возражать противъ новаго повышенія ввозныхъ пошлинъ — но кабинетъ устами Монтэгю рѣшительно заявилъ, что онъ не можетъ допустить вмѣшательства извнѣ во внутреннія дѣла Индіи. Особенно любопытнымъ фактомъ явилось обсужденіе индійскимъ парламентомъ военнаго бюджета и ряда другихъ вопросовъ обороны, первоначально вовсе не отнесенныхъ къ его компетенціи.

Ближайшимъ поводомъ къ тому послужило опубликованіе доклада комиссіи лорда Эшера о преобразованіи индійской арміи. Въ этомъ докладѣ указывалось, что центръ тяжести возможныхъ въ будущемъ для Великобританіи военныхъ операцій переходитъ съ запада на востокъ. «Намъ приходится считаться», заявляла комиссія, «съ возможностью операцій нашихъ армій на Среднемъ Востокѣ, базируясь частью на Индіи, а частью на Англіи... Индія допущена нынѣ къ партнерству въ Имперіи... и, слѣдовательно, Индійская армія не должна болѣе считаться мѣстной силой, а частью Имперской арміи, готовой служить въ любой части свѣта». Въ Индіи эта аргументація была принята весьма неблагосклонно. Она была истолкована, какъ желаніе возложить на Индійскую казну содержаніе болѣе крупныхъ военныхъ силъ, чѣмъ тѣ, которыя потребны для обороны страны. «Комиссія Эшера», писалъ Ага-Ханъ, «повидимому, мечтаетъ объ активной англійской гегемоніи въ Средней Азіи, причемъ индійская армія, а вовсе не англійская, должна играть роль щита и меча. Британская имперская политика въ Англіи съ ея туманными планами чрезвычайно напоминаетъ по своей психологіи ту, которая погубила Вторую Имперію во Франціи и довоенную Германію» *). Законодательное Собраніе не сочло возможнымъ пройти мимо всего этого вопроса и по детальномъ разсмотрѣніи доклада лорда Эшера приняло резолюцію слѣдующаго содержанія: Индійская армія должна находиться подъ полнымъ фактическимъ контролемъ Индійскаго Правительства. Никакое вмѣшательство со стороны англійскаго военнаго вѣдомства не должно быть допускаемо. Координація дѣйствій Индійской арміи съ дѣйствіями войскъ другихъ частей Имперіи можетъ быть устанавливаема не иначе, какъ на совмѣстныхъ совѣщаніяхъ. Въ другой резолюціи высказанъ рядъ пожеланій, ка-

*) Aga-Chan „British Policy in the East" (Times, Nov. 5, 1920).

сающихся реорганизаціи арміи и предоставленія туземному элементу болѣе широкаго мѣста въ офицерскомъ и командномъ составѣ. Въ данномъ случаѣ, англійская власть снова проявила самую примирительную тенденцію и молчаливо присоединилась къ выводамъ Законодательнаго Собранія.

Въ общемъ, Индійское Законодательное Собраніе, руководимое опытнымъ предсѣдателемъ, бывшимъ членомъ Англійской Палаты Общинъ — Уайтомъ, показало, что оно стоитъ на уровнѣ большихъ европейскихъ представительныхъ учрежденій.

«Ораторы», говоритъ сэръ Валентинъ Чиролъ, «порою достигали большого краснорѣчія, хотя и говорили по англійски, т. е. не на родномъ языкѣ». *) Другой компетентный наблюдатель также отмѣчаетъ, что рѣчи носили спокойный и достойный характеръ. «Индивидуальное чувство отвѣтственности, проявленное депутатами въ Дэли, во всякомъ случаѣ, не уступало тому, которое свойственно политикамъ въ Вашингтонѣ или Парижѣ». **) Четыре мѣсяца послѣ открытія сессіи, «Таймсъ» даетъ дѣятельности Законодательнаго Собранія слѣдующую безпристрастную оцѣнку: «Находясь подъ непрестаннымъ давленіемъ крайнихъ элементовъ, члены Индійскаго Парламента неуклонно воздерживались отъ предъявленія неосуществимыхъ требованій и избрали путь осторожныхъ и умѣренныхъ дѣйствій. Они проявили мудрость и самообладаніе, которыя въ значительной степени оправдываютъ великій опытъ реформы. Въ то же время работа Парламента дала правительству возможность доказать на дѣлѣ искренность своего намѣренія — привлечь индусовъ къ управленію страной и возложить на нихъ все возрастающую долю отвѣтственности». ***)

Нѣсколько позже, тотъ-же авторитетный англійскій органъ находилъ возможнымъ сдѣлать слѣдующіе окончательные выводы: «Смыслъ измѣненій, внесенныхъ реформами 1919 г. въ политическій строй Индіи, сводится къ тому, что политическая власть перешла изъ Лондона въ Дэли . . . Политическій суверенитетъ перенесенъ въ самую Индію, а за Англійскимъ Парламентомъ остается лишь формальная суверенная власть».****) Основная тенденція эта проводится во всѣхъ сферахъ Индійской администраціи: такъ, даже правленія Индійскихъ желѣзнодорожныхъ компаній, искони находившіяся въ Англіи, нынѣ

*) V. Chiroll „India old and New".
**) „The Round Table" (Jan. 1921).
***) „Times" (Mai 28, 1921).
****) „Times" (Indian Number, Nov. 17, 1921).

рѣшено перевести въ Индію. *) Свои либеральныя тенденціи англійская власть пытается проявить и въ сферѣ соціальныхъ вопросовъ, ассигнуя крупныя суммы для постройки рабочихъ жилищъ (11 мил. ф. ст. для одного Бомбея) и проводя въ жизнь постановленія Вашингтонской Международной Рабочей Конференціи. Трудъ дѣтей моложе 12-ти-лѣтняго возраста недавно окончательно запрещенъ. Новый законопроектъ, разработанный Правительствомъ и принятый въ осенней сессіи Законодательнаго Собранія, предусматриваетъ рядъ ограниченій въ пользованіи дѣтскимъ трудомъ до 15-ти лѣтняго возраста и устанавливаетъ въ качествѣ рабочаго времени 60 часовъ въ недѣлю съ тѣмъ, чтобы продолжительность дневной работы не превышала 12-ти часовъ.

Параллельно съ преобразованіемъ во внутреннемъ строѣ Индіи, Британское правительство понемногу пытается оформить и измѣнившееся международно-правовое положеніе страны, входящей отнынѣ въ составъ Британской Конфедераціи народовъ, пока, правда, еще не въ роли полноправнаго члена. Еще во время войны, Индія была привлечена къ участію въ Имперской военной Конференціи въ Лондонѣ, на которую было возложено высшее руководство всѣми вопросами обороны. Позже представители Индіи какъ особой націи въ лицѣ Магараджи Биканирскаго и мусульманина Ага-Хана поставили свою подпись подъ Версальскимъ трактатомъ. Индія получила право голоса на собраніи Лиги Націй и приняла дѣятельное участіе во всѣхъ ея сессіяхъ. Равнымъ образомъ, представитель Индіи былъ приглашенъ на Британскую Имперскую Конференцію, происходившую въ Лондонѣ лѣтомъ 1921 года.

Для проведенія своей осторожной, одновременно твердой и прогрессивной политики, англійское правительство не могло найти лучшаго исполнителя, чѣмъ лордъ Рединг, назначенный вице-королемъ въ 1921 г. на смѣну гуманнаго, но безцвѣтнаго Челмсфорда. Карьера новаго вершителя судебъ 300-тъ милліоннаго народа болѣе чѣмъ необычна. Онъ родился въ скромной семьѣ торговца фруктами и комиссіонера по судовымъ грузамъ, еврея Айзикса. Родители пытались дать сыну хорошее образованіе, но, еще до окончанія курса наукъ, онъ удралъ въ дальніе края, записавшись матросомъ на торговое судно, шедшее въ Ріо де-Жанейро и Калькутту. Опытъ однако, пришелся не по вкусу молодому Айзиксу, и 19-ти лѣтъ отъ роду онъ избираетъ себѣ поприще маклера на Лондонской биржѣ, откуда, впрочемъ, скоро переходитъ въ адвокатуру. Подъ старинными сводами лондонскаго Тэмпля, блестящія дарованія его находятъ се-

*) „Indian Railway Reform“ (Times, Sept. 17, 1921).

бѣ надлежащую оцѣнку. Айзикса выдвигаютъ на политическую арену, онъ дѣлается членомъ Палаты Общинъ и начинаетъ головокружительное восхожденіе къ почестямъ и славѣ. Асквитъ приглашаетъ его въ свой кабинетъ на должность генералъ-прокурора, затѣмъ одно за другимъ быстро слѣдуютъ назначенія: главнымъ судьей Англіи, членомъ Палаты Лордовъ, Верховнаго Комиссара Великобританскаго Правительства въ Вашингтонѣ по финансовымъ и коммерческимъ дѣламъ во время военныхъ дѣйствій и т. д., и т. д. Въ 1917 году, Айзиксъ, бывшій въ то время уже барономъ Рединъ, возводится въ графское достоинство. Незадолго до войны, нынѣшнему вице-королю было предъявлено въ печати обвиненіе въ какихъ-то сдѣлкахъ отъ своего имени и отъ имени Ллойдъ-Джорджа съ акціями Американской компаніи Маркони, въ которой былъ заинтересованъ его братъ. Палата Общинъ, разсмотрѣвъ все дѣло, отвергла наличность корыстныхъ мотивовъ. Враги Рединга, конечно, не забыли ни дѣла Маркони, все-же оставшагося не вполнѣ выясненнымъ, ни еврейскаго происхожденія лица, нынѣ занимающаго высшій административный постъ въ Британской Имперіи. Антисемитскій «Морнингъ Постъ» и посейчасъ твердитъ, что Индіей управляетъ настоящій еврейскій кагалъ, благо статсъ-секретарь по дѣламъ Индіи Монтэгю и верховный комиссаръ Индійскаго Правительства въ Лондонѣ сэръ Вильямъ Мейеръ — единовѣрцы вице-короля.

Но англійскій кабинетъ, конечно, зналъ, что онъ дѣлаетъ, когда, не считаясь съ вѣроисповѣдными соображеніями, посылалъ Рединга въ Дэли и Симлу. Съ гибкостью, приспособляемостью и быстротою ума графъ Рединъ сочетаетъ лучшія качества англійскаго судьи и государственнаго дѣятеля — строгое нелицепріятное чувство законности, терпимость къ чужимъ взглядамъ и способность къ компромиссамъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Рединга по пріѣздѣ въ Индію было приглашеніе въ вице-королевскую резиденцію магатмы Ганди. Бесѣда британскаго сановника, юриста и финансиста съ босымъ восточнымъ пророкомъ продолжалась два часа сряду. Содержаніе ея осталось неизвѣстнымъ, но когда-нибудь поэтъ индійскаго національнаго возрожденія найдетъ достойный сюжетъ въ этой, преисполненной драматизма, встрѣчѣ двухъ враговъ — представителей Запада и Востока...

Считая британскую позицію въ Индіи достаточно прочной, Рединъ не убоялся выступить въ роли горячаго поборника пріѣзда въ Индію принца Уэльскаго. Визитъ наслѣдника престола уже неоднократно откладывался, но Рединъ, повидимому, рѣшилъ, что если ждать полнаго умиротворенія Индіи, то Эдуарду

Уэльскому вообще не увидать лучшей своей колоніи, — и поѣздка была рѣшена.

Обстановка, въ которой протекало торжественное слѣдованіе принца по Индіи, наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что англійская власть въ странѣ во всякомъ случаѣ имѣетъ многочисленныхъ и вліятельныхъ сторонниковъ среди высшихъ классовъ и прежде всего среди туземныхъ князей, которые сами сильно обезпокоены ростомъ національнаго движенія и предъявленіемъ имъ недавно созданнымъ «конгрессомъ туземныхъ государствъ» требованій аналогичныхъ тѣмъ, которыя заявляются національнымъ конгрессомъ англичанамъ. Въ туземныхъ государствахъ принцу оказываются сказочные по роскоши пріемы. Въ Удайпурѣ волшебная иллюминація безчисленныхъ дворцовъ, окаймляющихъ озеро, представляетъ собою ни съ чѣмъ не сравнимое зрѣлище. Въ колледжѣ Майо сыновья владѣтельныхъ князей и раджей въ своихъ богатыхъ восточныхъ одѣяніяхъ, съ миніатюрными саблями, увѣшанными драгоцѣнными камнями, устраиваютъ молодому принцу восторженную овацію. Все путешествіе, пишетъ сопровождавшій принца корреспондентъ, представляетъ собою сплошное чередованіе цвѣтовъ, красокъ, богато убранныхъ улицъ, дворцовъ и храмовъ. «Тысячныя толпы народа, роскошные камни и драгоцѣнности, войска въ средневѣковыхъ доспѣхахъ и современныхъ блестящихъ мундирахъ; слоны, верблюды и лошади съ богатѣйшей сбруей; военные трубные оркестры, туземные барабаны; колокола храмовъ; жаркіе дни среди темной зелени садовъ, окружающихъ бѣлые дома, и кристально ясныя ночи съ воемъ шакаловъ подъ звѣзднымъ небомъ — таковы наши впечатлѣнія». *)

Все это очень поэтично и, вѣроятно, очень занимательно для будущаго британскаго короля. Но каковы чувства широкихъ массъ населенія и съ какими настроеніями встрѣчаетъ онъ своего юнаго гостя?

Въ этомъ отношеніи поѣздка принца безспорно даетъ обильную почву для пессимистическихъ разсужденій. Еще въ іюлѣ Комитетъ Всеиндійскаго національнаго Конгресса заявилъ, что, не питая враждебныхъ чувствъ лично противъ принца, онъ предлагаетъ воздержаться отъ привѣтствія ему, т. к. считаетъ пріѣздъ политическимъ шагомъ, направленнымъ къ укрѣпленію существующей системы и отдаленію срока введенія полнаго самоуправленія въ странѣ. Въ свое время національный конгрессъ бойкотировалъ пріѣздъ герцога Коннаутскаго — теперь этотъ бойкотъ было рѣшено повторить въ увеличенномъ размѣрѣ, широко подготовивъ его планомѣрной агитаціей. Въ день въѣз-

*) „Times“ (Dec. 1, 1921).

да принца въ какой-нибудь городъ, предполагалось объявить «харталъ», т. е. закрытіе всѣхъ базаровъ. Населеніе должно было оставаться въ своихъ домахъ и слѣдованіе принца проходить по пустыннымъ улицамъ. 17-го ноября, когда принцъ высадился въ Бомбеѣ, его привѣтствовали сотни тысячъ людей, и по первому, минутному впечатлѣнію могло казаться, что агитація гандистовъ осталась безплодной. Но въ тотъ-же вечеръ въ рабочихъ кварталахъ произошли серьезные безпорядки, вызвавшіе вооруженное вмѣшательство войскъ. Въ Алагабадѣ и нѣкоторыхъ другихъ центрахъ все населеніе попряталось по домамъ, и взглядамъ принца представилась мрачная картина пустынныхъ, какъ-бы вымершихъ городовъ. Въ Калькуттѣ, гдѣ положеніе внушало особую тревогу, бойкотъ прошелъ, вопреки ожиданіямъ, лишь частично.

Говорить о повсемѣстномъ успѣхѣ революціонеровъ безспорно не приходится: бойкотъ въ одномъ мѣстѣ компенсировался восторженными народными овваціями въ другомъ, — но гармоническій характеръ поѣздки все-же удалось нарушить. Принцъ своими глазами могъ убѣдиться въ томъ, насколько непопулярна англійская власть среди широкихъ слоевъ туземнаго населенія. Съ этой точки зрѣнія, оптимистическія предположенія лорда Рэдинга оправдались повидимому далеко не въ полной мѣрѣ. *)

Правда, если судить по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ англійскихъ корреспондентовъ, дѣятельность бойкотистовъ имѣла одинъ совершенно новый и неожиданный для нихъ результатъ: она вызвала извѣстную реакцію во всѣхъ умѣренныхъ слояхъ индійскаго общества. Особенно недовольно населеніе участившимся за послѣднее время насильственнымъ принужденіямъ къ «харталамъ» (закрытіе базаровъ). Въ теоріи харталъ долженъ быть добровольнымъ, но на практикѣ онъ влечетъ за собой всевозможныя непріятности для непримкнувшихъ, вплоть до разгрома домовъ и лавокъ или личныхъ насилій. Особенно отрезвляюще подѣйствовало на общественное мнѣніе проявленіе въ бойкотистскомъ движеніи хулиганскихъ элементовъ: безпорядки въ Бомбеѣ были вызваны преимущественно ими.

Въ срединѣ декабря 1921 г. англійскія власти впервые приступили къ широкимъ арестамъ среди представителей крайнихъ теченій. Предсѣдатель Національнаго Конгресса Бассъ, генеральный секретарь Конгресса и многіе ближайшіе сотрудники Ганди были преданы суду. Число арестованныхъ вскорѣ

*) „Observer" (March 12, 1922).

достигло 5.000. Наконецъ, 10 марта т.г. англійское правительство сдѣлало послѣдній и рѣшительный шагъ: оно арестовало Ганди.

Моментъ для подобной мѣры былъ избранъ весьма удачно. Уже въ ноябрѣ бомбейскій корреспондентъ «Таймса» отмѣчалъ упадокъ личнаго вліянія Ганди. Самъ пророкъ, будто-бы, сознаетъ, что его дѣло проиграно. Онъ упустилъ моментъ, когда могъ на время уйти въ горы, окруженный ореоломъ святости. Послѣднія публичныя заявленія Ганди свидѣтельствуютъ о безспорномъ разочарованіи народнаго вождя, граничащемъ съ настоящимъ отчаяніемъ. «Я хотѣлъ бы умереть отъ пули», заявляетъ онъ въ своемъ журналѣ Нава-Дживанъ, «я молю Бога, чтобы онъ мнѣ далъ смерть отъ рукъ правительства». *)

Населеніе на этотъ арестъ ничѣмъ не реагировало. Не реагировалъ и Комитетъ Всеиндійскаго Конгресса. Комитетъ еще за нѣсолько недѣль передъ тѣмъ обнаружилъ свое безсиліе, предложивъ мѣстному комитету въ Бардоли отказаться отъ провозглашеннаго имъ массоваго гражданскаго неповиновенія.

8.

Несмотря на пессимизмъ и тревогу англійскаго населенія, а также на серьезныя тренія въ Законодательномъ Собраніи, продолжающемъ свои протесты противъ непосильныхъ военныхъ расходовъ, чаша вѣсовъ въ данный моментъ какъ будто бы опредѣленно склоняется въ сторону Великобританіи. Націоналистическое движеніе сильно, но англійская власть во много разъ его сильнѣй. «Британская Имперія, — заявлялъ Ллойдъ Джорджъ 15 февраля въ Палатѣ Общинъ,—только что закончила великую, страшную и изнурительную войну. Но она не такъ изнурена, чтобы согласиться на обсужденіе какихъ либо предложеній, клонящихся къ умаленію суверенитета Императора-Короля надъ Индіей. Наша честь, наша совѣсть не позволяютъ намъ даже помышлять объ отказѣ отъ цивилизаторской миссіи, которую мы приняли на себя въ этой странѣ».

Съ другой стороны нельзя упускать изъ виду, что идеалы индійскаго націонализма туманны и утопичны, а поскольку они спускаются въ область практической политики, между ними и тѣми задачами, которыя ставитъ для дальнѣйшей своей дѣятельности англійское правительство, нѣтъ коренного расхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, постепенное установленіе въ Индіи вполнѣ конституціоннаго образа правленія съ отвѣтственнымъ мини-

*) „Daily Telegraph" (Febr. 10, 1922).
**) „Indian reform in peril" („Times", March 10, 1922).

стерствомъ и т. д. лежитъ въ основѣ всей реформы Монтэгю-Челмсфорда. Вхожденіе Индіи въ качествѣ полноправнаго члена въ Британскую федерацію также надо считать дѣломъ предрѣшеннымъ. На практикѣ, все сводится къ вопросу о срокахъ: пробудившееся самосознаніе индусовъ не желаетъ ждать десяти лѣтъ, предусмотрѣнныхъ закономъ 1919 г. для дальнѣйшаго распространенія представительнаго принципа въ дѣлѣ управленія Индіей, а англичане, подобно осторожнымъ опекунамъ, считаютъ націю еще недостаточно созрѣвшей для немедленнаго поступательнаго движенія по пути къ свободѣ и самоопредѣленію. Отсутствіе непримиримаго разногласія на политической почвѣ лучше всего характеризуется словами Ганди (на Національномъ Конгрессѣ въ Нагпурѣ): «я ни на минуту не утверждаю, что мы во что бы то ни стало и безусловно хотимъ положить конецъ связи съ Англіей. Если эта связь будетъ служить къ преуспѣянію Индіи, она должна быть сохранена, и лишь въ томъ случаѣ подлежитъ уничтоженію, если окажется несовмѣстимой съ нашимъ національнымъ достоинствомъ». Разумѣется, на пути мирной политической эволюціи Индіи стоятъ неисчислимыя затрудненія. «Безцѣльно говорить о свободѣ въ странѣ, гдѣ не царитъ свободный духъ», замѣчаетъ изслѣдователь индійскаго націонализма Джилькристъ. Кастовый строй, о которомъ мы уже говорили выше, трудно примирить съ этимъ свободнымъ духомъ. *) «Неужели вы думаете», сказалъ браминъ англійскому депутату Веджвуду, члену рабочей партіи, «что я, воплощеніе 20-тысячелѣтней мудрости и опыта, не знаю лучше, чѣмъ народъ, что дѣйствительно хорошо для этого народа?». Полное отсутствіе навыка къ самоуправленію у индусовъ тоже должно быть надлежащимъ образомъ учтено. Легко говорить объ отвѣтственномъ правительствѣ, о національной свободѣ и независимости, но несравненно труднѣе заставить населеніе заняться своими будничными мѣстными политическими дѣлами. Наконецъ, нельзя упускать изъ виду, что вся идеологія индійской гражданской администраціи, опирающейся на реакціонные слои англійскаго общества, рѣзко расходится съ традиціоннымъ либерализмомъ и широтой взглядовъ отвѣтственныхъ государственныхъ дѣятелей Великобританіи. Достаточно ознакомиться съ отдѣльными печатными трудами англо-индійскихъ бюрократовъ,**) чтобы убѣдиться въ ихъ духовномъ родствѣ съ самыми закоснѣлыми представителями нашего русскаго правящаго класса дореволюціоннаго времени . . .

*) Sir F. Beaman „Real difficulties of the Indian Problem („XIX Century and after", March, 1922).

**) Сравн. Sir Verrey Lorett „The Indian Nationalist Movement". 1921.

Но, несмотря на все это, пока-что, Биконсфильдъ можетъ продолжать нерушимо свой сонъ въ пышной гробницѣ Вестминстерскаго Аббатства. «Громадная лавина съ сѣвера», о которой Павелъ I и Вильгельмъ II мечтали еще ранѣе Ленина и Троцкаго — и повтореніе Сипайскаго возстанія, которое мерещится боязливымъ дамамъ Симлы и Бомбея, — еще могутъ заставить себя ждать.

Для нѣсколько болѣе отдаленнаго будущаго, однако, встаетъ гораздо болѣе серьезный вопросъ. Бывшій вице-король Индіи, лордъ Челмсфордъ, недавно высказалъ въ Верхней Палатѣ слѣдующее знаменательное сужденіе: « Основной факторъ современнаго положенія Индіи — расовая проблема. Проблема эта имѣетъ не мѣстный индійскій, а міровой характеръ. Цвѣтныя расы на всемъ земномъ шарѣ подымаются противъ верховенства бѣлыхъ. Въ прошломъ, мы управляли Индіей на основѣ признаваемаго всѣми превосходства британской расы. Этому притязанію превосходства нынѣ брошенъ вызовъ».

До настоящаго времени англичане не обнаружили ни малѣйшаго намѣренія пойти въ этой области на какіе либо компромиссы, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ дальнѣйшемъ они проявятъ большую уступчивость или широту взглядовъ. Превосходство бѣлой расы вообще и англо-саксонской въ частности — въ ихъ глазахъ аксіома, не требующая дальнѣйшихъ доказательствъ.

Мы только что говорили о томъ, какъ лондонскій кабинетъ стремится къ превращенію Индіи изъ колоніи въ составную часть Британской конфедераціи. Но какъ примирить съ этими заданіями расовыя ограниченія, которымъ подвергаются индусы въ англійскихъ колоніяхъ? Индусамъ закрытъ доступъ въ Канаду, Австралію и въ Южную Африку. Участникъ Версальской Конференціи Ага-Ханъ долженъ былъ отказаться отъ поѣздки въ Австралію изъ-за паспортныхъ стѣсненій. 150 тысячъ индусовъ, поселившихся въ Южной Африкѣ до введенія ограничительныхъ законовъ о въѣздѣ въ эту котонію, до сихъ поръ не уравнены въ правахъ съ остальными гражданами, и не далѣе, какъ въ концѣ 1919 г., парламентомъ Южно-Африканскаго Юніона былъ принятъ новый законъ «о правахъ азіатовъ въ торговлѣ и землевладѣніи», вводящій новыя мелочныя стѣсненія. «Какова цѣнность копартнершипа въ Имперіи, если таковой преслѣдуетъ исключительно цѣли расовой цивилизаціи для пользы однихъ только бѣлыхъ людей?» — резонно спрашиваетъ Чиролъ. *)

*) V. Chiroll „India old and New" p. 306.

Въ самую Англію въѣздъ индусамъ, конечно, не возбраняется, и въ этой «свободной странѣ» они вполнѣ свободны, съ точки зрѣнія закона, въ выборѣ своей профессіи. Но о томъ, что происходитъ на практикѣ, мы можемъ судить по письму студента-индуса, помѣщенному въ прошломъ году въ журналѣ «Британія и Индія». **) Пріятель этого студента получилъ мѣсто учителя въ пригородѣ Лондона. Его любило начальство, любили его и дѣти. По заявленію директора школы, онъ показалъ себя «джентльменомъ въ полномъ смыслѣ этого слова», «превосходнымъ, весьма добросовѣстнымъ преподавателемъ», но родители не пожелали, чтобы ихъ дѣти обучались у «цвѣтного» человѣка, и настояли на увольненіи учителя-индуса. Авторъ-студентъ добавляетъ: «Сыны Индіи привлекаются милліонами, чтобы проливать свою кровь для спасенія Индіи и Имперіи отъ опасности, но работать въ какомъ-либо англійскомъ учрежденіи оказывается для нихъ невозможнымъ. Имъ не даютъ работы на заводахъ. Даже въ рестораны ихъ не хотятъ принимать въ роли лакеевъ. Хозяева отказываются сдавать имъ помѣщеніе. И причина этому все одна — цвѣтъ нашей кожи. Но вѣдь сказалъ же нашъ извѣстный общественный дѣятель — Тилакъ, что мы можемъ забыть наши традиціи и нашу исторію, сдѣлать своими англійскій языкъ и литературу, принять англійскіе манеры и обычаи, — но измѣнить цвѣтъ нашей кожи — не въ нашей власти».

Напрасно было бы думать, что въ Индіи, гдѣ индусы должны были бы чувствовать себя дома, имъ не приходится наталкиваться на ту же стѣну расоваго предубѣжденія. Англичане, живущіе въ Индіи чужеземцами для исполненія тѣхъ или иныхъ коммерческихъ или политическхъ задачъ, отдѣлены соціальной пропастью отъ туземнаго населенія. Осуждая кастовый строй, бѣлые «сагибы» представляютъ собой наиболѣе замкнутую и обособленную касту. Бракъ англичанки и индуса въ такой же мѣрѣ немыслимъ, какъ и женитьба парія на дочери брамина. Доступъ въ гостиныя бѣлыхъ герметически закрытъ для лучшихъ представителей туземной интеллигенціи. Англійскій публицистъ Робертъ Блачфордъ разсказываетъ, что нѣкій лордъ Гаррисъ собирался пригласить своего пріятеля, индусскаго принца въ мѣстное офицерское собраніе. Офицеры отвѣтили, что принцъ можетъ прійти, если онъ желаетъ снять при входѣ обувь и подавать къ столу вмѣстѣ съ другими туземцами. . .*) Конечно, это анекдотъ, или случайная бравада. Но несомнѣнный

*) „Britain and India“ 1920.

**) R. Blatchford „Is India worth keeping“ (Sunday Herald, July 25-th, 1920).

фактъ, что индусы, состоящіе членами лучшихъ лондонскихъ клубовъ, до послѣдняго времени не допускались даже на порогъ англійскихъ клубовъ въ Бомбеѣ, когда они приходили туда, чтобы навѣстить своихъ друзей-англичанъ. Лишь недавно придуманъ палліативъ въ видѣ учрежденія новыхъ клубовъ въ крупнѣйшихъ городахъ Индіи, гдѣ доступъ открытъ одинаково англичанамъ и индусамъ.

Противъ расовыхъ предразсудковъ подобнаго рода, разумѣется, безсильны государственные дѣятели и политическіе реформаторы, даже если они сами ихъ не раздѣляютъ. Вопросъ тутъ переходитъ изъ сферы практической политики въ сферу національной психологіи. Мы повторяемъ — всякій англичанинъ, къ какой партіи и къ какому бы общественному слою онъ ни принадлежалъ, въ этомъ отношеніи проникнутъ однимъ и тѣмъ-же чувствомъ. Для того, чтобы судить о силѣ и распространеніи расовыхъ предразсудковъ въ массѣ, достаточно походить недѣлю, другую по лондонскимъ кинематографамъ. Сюжетъ каждой второй картины трагическая любовь какого-нибудь цвѣтного человѣка, „Coloured man" — индуса или японца къ бѣлой женщинѣ. Онъ уменъ, благороденъ, нерѣдко знатенъ — нерѣдко любимъ героиней, но соединеніе ихъ невозможно изъ-за разности въ расахъ.

И даже мыслящій и просвѣщенный англо-саксъ твердо вѣритъ въ два догмата. Во-первыхъ, онъ не сомнѣвается въ томъ, что на «высшую» расу возложено „The white mans, burden" (бремя бѣлаго человѣка) — провиденціальная миссія управлять остальнымъ человѣчествомъ и вести его по *своему* усмотрѣнію по пути цивилизаціи и прогресса. Во-вторыхъ, онъ разъ навсегда затвердилъ себѣ стихи Киплинга:

„East is East and West is West
And never the twain shall meet".

(Востокъ останется востокомъ, а западъ — западомъ, и никогда имъ обоимъ не соединиться).

Англійскій умъ никогда не сумѣетъ осуществить тотъ синтезъ между западомъ и востокомъ, о которомъ мечтали и продолжаютъ мечтать наши философы-публицисты. Въ этомъ заключается наиболѣе трагическая сторона англо-индійскихъ отношеній, наиболѣе опасный моментъ для дальнѣйшихъ судебъ британскаго владычества надъ Индіей.

К. Грюнвальдъ.

РУССКІЙ ВОПРОСЪ въ ГЕНУѢ и ГААГѢ

Совсѣмъ недавно, много спустя послѣ Генуи и Гааги, мнѣ пришлось бесѣдовать съ Франкомъ Вандерлипомъ. Не съ тѣмъ Вандерлипомъ, изъ-за котораго два года тому назадъ большевики подняли такой шумъ на весь міръ, а съ подлиннымъ извѣстнымъ американскимъ финансовымъ дѣятелемъ. Франкъ Вандерлипъ, какъ извѣстно, тотчасъ же по заключеніи перемирія совершилъ путешествіе по всей Европѣ. Онъ посѣтилъ страны, потрясенныя войной, страны побѣжденныя и страны побѣдительницы. Результатомъ его наблюденій, впечатлѣній, бесѣдъ, пристальнаго изученія Европы на слѣдующій день послѣ войны, явилась небольшая книжка «What happened to Europe?», которая произвела въ свое время большое впечатлѣніе.

Въ этой книгѣ Вандерлипъ, рисуя картину разоренія всѣхъ странъ и дезорганизаціи международныхъ экономическихъ отношеній въ результатѣ міровой войны, приходилъ къ заключенію о необходимости установленія международной экономической солидарности всѣхъ важнѣйшихъ странъ, какъ единственнаго способа возстановленія Европы изъ развалинъ, созданныхъ войной. Вандерлипъ не отрицалъ и для Сѣверной Америки необходимости участвовать въ общихъ усиліяхъ къ возстановленію мірового хозяйства. Послѣ двухлѣтняго промежутка Вандерлипъ теперь снова посѣтилъ Европу. Онъ снова объѣздилъ всѣ страны, преимущественно вновь созданныя государства или тѣ, въ которыхъ война оставила наиболѣе глубокія измѣненія. Вандерлипъ не просто банкиръ и милліардеръ. Вмѣстѣ съ практической дѣятельностью финансиста онъ соединяетъ способность къ большой наблюдательности, умѣніе распознавать происходящія явленія, обобщать, дѣлать выводы

широкаго соціологическаго значенія. Тѣмъ интереснѣе было узнать впечатлѣнія объективнаго наблюдателя такого рода.

Выводы Вандерлипа въ общемъ весьма далеки отъ оптимизма, но я не стану излагать ихъ подробно, такъ какъ это завело бы слишкомъ далеко.

Наблюденія Вандерлипа можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. «Европа душевно больна». Она не изжила еще военной горячки. Главнымъ недугомъ ея является то, что большинство странъ исповѣдуютъ въ своей политикѣ одинъ только принципъ — эгоизмъ (selfishness). Пока этотъ недугъ не будетъ изжитъ, Европа не сможетъ быть возстановлена. Вопросъ о международныхъ военныхъ долгахъ не можетъ быть разрѣшенъ, пока этотъ принципъ господствуетъ въ политикѣ всѣхъ странъ Европы. Безъ разрѣшенія этого вопроса не можетъ быть улучшенія финансоваго положенія отдѣльныхъ странъ, а это положеніе всегда будетъ давить и на состояніе производства въ странѣ и на ея положеніе на міровомъ рынкѣ. Съ международными военными долгами связана проблема репарацій, слѣдуемыхъ съ Германіи, которая также не сможетъ быть разрѣшена, пока не разрѣшенъ первый вопросъ. Только тогда, когда отдѣльныя страны окончательно поймутъ, что всѣ онѣ тѣсно зависятъ экономически другъ отъ друга и что поэтому возстановленіе всей Европы лежитъ въ интересахъ каждой изъ нихъ, можно будетъ говорить, что разрѣшеніе вопроса о возстановленіи Европы стало на правильный путь.

Въ томъ обществѣ, въ которомъ эти мысли были высказаны, въ обществѣ, состоявшемъ изъ представителей различныхъ національностей, заключенія Вандерлипа не могли не встрѣтить полнаго сочувствія. Эти соображенія сами по себѣ, несомнѣнно, были правильны. Но страннымъ показалось, что Вандерлипъ все время говоритъ объ одной только Европѣ.

Если въ Европѣ отдѣльныя страны зависятъ другъ отъ друга, то очевидно, что и въ міровомъ хозяйствѣ дѣйствуетъ тотъ же законъ. Если европейскія страны должны отрѣшиться отъ чрезмѣрнаго національнаго эгоизма и проникнуться въ своей политикѣ началами международной экономической солидарности, то очевидно, что та же политика должна господствовать въ отношеніяхъ между всѣми странами, во всемъ міровомъ хозяйствѣ. Почему же въ такомъ случаѣ Соед. Штаты отказываются участвовать въ международной экономической солидарности? Такой вопросъ былъ поставленъ Вандерлипу.

— Потому, — отвѣтилъ Вандерлипъ, — что Соед. Штаты не примутъ участія въ общихъ усиліяхъ къ возстановленію

Европы до тѣхъ поръ, пока европейскія страны не отрѣшатся отъ политики, основанной на эгоизмѣ.

Но такія же соображенія выставляютъ и европейскія страны по отношенію другъ къ другу. Каждая изъ нихъ требуетъ, чтобы другая страна дала свидѣтельство международной добродѣтели. Каждое государство въ Европѣ требуетъ отъ другого отказа отъ эгоистической политики. Однако, такой методъ ни на шагъ не подвигаетъ разрѣшенія проблемы возстановленія Европы. Правиленъ ли поэтому методъ, который примѣняютъ Соединенные Штаты?

Этотъ вопросъ остался безъ отвѣта.

* * *

Я привелъ эту бесѣду съ Вандерлипомъ, какъ показатель того, съ какой силой свирѣпствуетъ въ настоящее время политика безудержнаго національнаго эгоизма.

Вандерлипъ, который представляетъ довольно значительную часть общественнаго мнѣнія Соед. Штатовъ, вовсе не противъ участія Сѣверо-Американской республики въ европейскихъ дѣлахъ. Онъ достаточно уменъ и образованъ для того чтобы понимать, что Соед. Штаты столь же заинтересованы въ возстановленіи Европы, какъ Европа заинтересована въ ихъ помощи. Но даже и наиболѣе дальновидные американскіе дѣятели предпочитаютъ выжидать, пока Европа облагоразумится, вмѣсто того, чтобы теперь же, въ собственныхъ интересахъ Соед. Штатовъ, придти ей на помощь.

Эгоистическая политика, ожесточенная борьба интересовъ отдѣльныхъ государствъ длятся не только въ Европѣ, но и во всемъ міровомъ хозяйствѣ. Можно ли было при такихъ условіяхъ разсчитывать на то, что Генуя и Гаага принесутъ съ собой разрѣшеніе русскаго вопроса?

Русскій вопросъ — и это не надо забывать — къ моменту Генуи и во время Гааги былъ не только, или, вѣрнѣе, не столько вопросомъ о большевикахъ, сколько вопросомъ о Россіи. Но вопросъ о Россіи стоялъ въ январѣ и въ особенности затѣмъ въ апрѣлѣ 1922 года отнюдь не какъ вопросъ о возстановленіи Россіи.

Это обстоятельство съ самаго начала оказывало вліяне на «русскую политику» отдѣльныхъ государствъ.

Если бы рѣчь шла о большевикахъ, т. е. если бы вопросъ шелъ лишь о борьбѣ съ большевиками и объ ихъ устраненіи мирнымъ путемъ экономической интервенціи, то установленіе единаго европейскаго фронта было бы дѣломъ весьма

нетруднымъ. Симпатій коммунистическая политика ни въ одномъ изъ европейскихъ правительствъ не возбуждаетъ. Даже Ллойдъ Джорджъ, настаивавшій на соглашеніи съ совѣтскимъ коммунистическимъ правительствомъ незадолго до Генуи, въ той же рѣчи обрушился на соціалистовъ, объявивъ ихъ главнымъ предметомъ борьбы въ своей внутренней политикѣ. Еще менѣе можно было бы обвинять въ симпатіяхъ къ большевикамъ правительство Вирта и Ратенау. Тотъ, кто былъ въ Италіи во время Генуи, можетъ безъ труда засвидѣтельствовать, что у итальянскаго правительства коммунисты не въ фаворѣ.

Осуществимымъ, хотя и съ нѣкоторыми трудностями, явился бы единый фронтъ и въ томъ случаѣ, если бы рѣчь шла о соединенныхъ усиліяхъ европейскихъ государствъ для экономическаго возстановленія Россіи, какъ необходимаго фактора въ міровомъ хозяйствѣ. Генуэзская конференція безъ всякаго труда, какъ извѣстно, приняла постановленіе объ образованіи международнаго синдиката для помощи дѣлу экономическаго возстановленія отдѣльныхъ странъ. При обсужденіи будущей дѣятельности этого синдиката предполагалось, что эта дѣятельность распространится и на Россію.

Если тѣмъ не менѣе русскій вопросъ не былъ разрѣшенъ ни въ томъ, ни въ другомъ смыслѣ ни въ Генуѣ, ни въ Гаагѣ, то на это повліяли совсѣмъ иные факторы, которые сводятся въ сущности къ той же борьбѣ международныхъ интересовъ, которая заставила и Вандерлипа оставить безъ отвѣта поставленный ему вопросъ.

Русскій вопросъ съ самаго начала принялъ характеръ международнаго вопроса и Россія стала козыремъ, которымъ стали пользоваться различныя страны въ международной игрѣ.

Самымъ характернымъ проявленіемъ этой политики въ русскомъ вопросѣ явился британскій меморандумъ во время совѣщанія въ Каннахъ въ январѣ нынѣшняго года.

Этотъ меморандумъ предлагалъ Франціи военно-политическую помощь въ обмѣнъ за уступки въ русскомъ вопросѣ. Въ этомъ политическомъ документѣ, въ которомъ надо искать объясненія многихъ изъ происходящихъ нынѣ международныхъ событій, русскій вопросъ и проблема послѣ-военныхъ международныхъ политическихъ отношеній были тѣсно связаны другъ съ другомъ.

Россія давно стала козломъ отпущенія въ той политической борьбѣ, которая происходитъ въ международныхъ отношеніяхъ послѣ войны.

Вотъ почему Генуя и Гаага могутъ быть поняты лишь въ связи съ общей международной обстановкой. Ибо сквозь борьбу самолюбій Ллойдъ Джорджа и Пуанкарэ, сквозь необычайное миролюбіе Шанцера, биржевыя манипуляціи нефтяныхъ королей, ночныя свиданія между Ллойдъ Джорджемъ и Красинымъ въ Порто-Фино, торжественные обѣды съ нѣмцами въ генуэзскихъ отеляхъ, сквозь безконечную пеструю вереницу финансовыхъ дѣльцовъ, соціалистическихъ депутатовъ, титулованныхъ и нетитулованныхъ дамъ проступаетъ та борьба изъ за новыхъ международныхъ отношеній, которая составляетъ продолженіе войны и пытается завершить то, чего не успѣла или не смогла осуществить прерванная 11 ноября 1918 года война.

Для того, чтобы Европа могла разрѣшить русскій вопросъ въ международномъ порядкѣ, нужно было, чтобы отдѣльными государствами нестолько въ этомъ вопросѣ, а по совершенно инымъ вопросамъ международной политики предварительно было достигнуто соглашеніе.

Этого соглашенія, однако, не было. Русскій вопросъ былъ лишь однимъ изъ многихъ вопросовъ, стоящихъ на очереди. Имъ пользовались какъ факторомъ во взаимной борьбѣ до тѣхъ поръ, пока овладѣніе имъ казалось возможнымъ. И съ первымъ же исчезновеніемъ этой иллюзіи иные вопросы международнаго значенія вспыхнули съ такой силой, что русскій вопросъ утратилъ свой прежній интересъ и отошелъ на второй планъ. Надолго-ли — это будетъ зависѣть отъ международныхъ событій.

II.

На конференціяхъ въ Генуѣ и Гаагѣ Европа въ четвертый разъ пыталась разрѣшить русскій вопросъ при помощи международнаго вмѣшательства въ русскія дѣла.

Первая попытка, какъ извѣстно, имѣла мѣсто во время войны, когда Россія была нужна для борьбы съ общимъ тогда непріятелемъ. Теперь уже не секретъ, что союзныя державы въ началѣ колебались въ своемъ выборѣ между большевиками и ихъ противниками. Лишь послѣ того, какъ окончательно выяснилось что брестская политика совѣтскаго правительства не является случайной, и лишь послѣ образованія уфимской директоріи карта рѣшительно была поставлена на антибольшевистскія силы. Поддержка этимъ силамъ оказывалась до тѣхъ поръ, пока не выяснилось, что и на Западѣ побѣда принадлежитъ Антантѣ.

Вмѣстѣ съ перемиріемъ исчезли всякіе мотивы къ этой поддержкѣ и эвакуація юга, помимо цѣлаго ряда другихъ причинъ, была вызвана признаніемъ полной ненужности для военнаго дѣла въ виду выяснившагося исхода войны.

Военный разгромъ и революція въ Германіи, крушеніе революціи въ Австріи и Венгріи дѣлали Антанту достаточно сильной и безъ Россіи. Въ военномъ отношеніи Россія болѣе не была нужна.

Другая попытка разрѣшить тяготѣющую надъ всѣмъ міромъ русскую проблему путемъ соглашенія съ большевиками всѣхъ борющихся съ ними въ Россіи партій, попытка, извѣстная подъ названіемъ «Принкипо», потерпѣла крушеніе до того, какъ она получила реальныя формы.

Черезъ годъ послѣ этой неудачи Европа сдѣлала главную попытку войти въ нормальныя сношенія съ Россіей. Такой попыткой явилось рѣшеніе Верховнаго Совѣта о предоставленіи каждому изъ союзныхъ государствъ свободы дѣйствій въ дѣлѣ установленія торговыхъ сношеній съ совѣтской властью. Это было время, когда послѣвоенная Европа переживала острую нужду въ продовольствіи и сырьѣ. Европейскія страны находились тогда еще подъ вліяніемъ того жестокаго матеріальнаго оскудѣнія, которое оставила въ наслѣдство война. Сильная нужда господствовала прежде всего въ важнѣйшихъ предметахъ питанія. Огромный недостатокъ въ металлахъ, лѣсѣ, углѣ, нефти, кожахъ, хлопкѣ, каучукѣ, шерсти, маслахъ, давалъ себя чувствовать во многихъ странахъ. Транспортъ не былъ возстановленъ и это еще болѣе обостряло товарный голодъ, которому сопутствовалъ и денежный голодъ. Страны, не имѣвшія возможности возобновить производительность, были лишены возможности оплачивать продовольствіе и сырье, которое имъ нужно было въ огромномъ количествѣ. Международный товарообмѣнъ былъ дезорганизованъ изъ за товарнаго голода, съ одной стороны, изъ за денежнаго голода — съ другой.

Естественно поэтому то огромное впечатлѣніе, какое произвело на всю Европу заявленія Ллойдъ Джорджа о «русскихъ амбарахъ, ломящихся отъ зерна».

Идея объ использованіи «русскихъ амбаровъ» для смягченія кризиса въ Европѣ не принадлежала исключительно Ллойдъ Джорджу. Она раздѣлялась рабочей партіей и либеральными экономистами, которые отличались полнымъ незнаніемъ и непониманіемъ экономическихъ условій въ Россіи.

Формула, данная Ллойдъ Джорджемъ, имѣла большой успѣхъ, потому что она открывала наиболѣе простой и легкій

выходъ изъ того положенія, въ которомъ находилась Европа. За время войны со всѣхъ сторонъ встали многочисленныя, совершенно новыя международныя экономическія проблемы. Межвалютныя отношенія, международные государственные долги, проблема распредѣленія сырья, новая торговая политика — всѣмъ этимъ вопросамъ во время войны удѣлялось достаточно вниманія.

Версальская мирная конференція прошла мимо всѣхъ этихъ проблемъ. Она была занята миромъ политическимъ, она отдала дань общественному мнѣнію, создавъ Лигу націй, но ничего не сдѣлала для установленія мира экономическаго.

Черезъ годъ послѣ заключенія мира, когда политическія отношенія, казалось, были урегулированы, внезапно для государственныхъ дѣятелей, какъ зловѣщій призракъ, встали во всей своей силѣ грозныя и неумолимыя экономическія заботы.

Что нужно было сдѣлать для того, чтобы устранить эти заботы?

Нужно было пересмотрѣть всю международную экономическую политику, примѣнявшуюся послѣ войны, и нужно было приняться за разрѣшеніе чрезвычайно сложныхъ проблемъ, оставшихся въ наслѣдіе отъ войны.

Нужно было возстановить покупательную способность обѣднѣвшихъ странъ для того, чтобы возобновить производство въ Европѣ. Для этого надо было урегулировать межвалютныя отношенія. Разрѣшеніе международной валютной проблемы было связано съ оздоровленіемъ денежной системы въ большинствѣ европейскихъ странъ. Разрѣшеніе денежной проблемы въ свою очередь было связано съ вопросомъ о военной задолженности государствъ, разрѣшеніе котораго опять таки зависѣло также и отъ проблемы репарацій.

Достаточно было только слегка тронуть одинъ конецъ нитки для того, чтобы сразу размотался весь запутанный клубокъ безконечнаго количества проблемъ, связанныхъ съ возстановленіемъ Европы.

Но именно поэтому всѣ государства боялись дотронуться до этого конца.

Возстановленіе Европы зависѣло отъ двухъ условій, тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ: необходимо было освободить Европу отъ военнаго наслѣдства урегулированіемъ международныхъ экономическихъ отношеній и повысить производительность труда. О первомъ изъ этихъ условій только что шла рѣчь. Что касается производительности труда, то эта проблема заключалась отнюдь не въ томъ, или вѣрнѣе не только въ томъ, о

чемъ такъ много говорилось тотчасъ же по окончаніи войны — въ преодолѣніи пресловутой «vague de paresse», т. е. въ увеличеніи количества труда, отдаваемаго рабочимъ классомъ. Повышеніе производительности труда должно было бы означать повышеніе техническаго уровня производства и его организаціонныхъ формъ, что было связано съ проведеніемъ цѣлаго ряда глубокихъ экономическихъ и соціальныхъ реформъ.

Повышеніе производства означало увеличеніе средствъ производства, т. е. повышеніе органическаго состава капитала. Повышеніе производительности труда зависѣло отъ повышенія р е а л ь н о й части народнаго дохода, достающейся рабочему классу. Сдвигъ, который произошелъ въ отдѣльныхъ народныхъ хозяйствахъ за время войны, требовалъ различныхъ реформъ въ организаціи народнаго хозяйства*). Рабочій классъ тотчасъ же по окончаніи войны требовалъ именно такой политики, и къ его требованіямъ въ началѣ прислушивались буржуазно-капиталистическіе классы. Не только изъ страха, но также и потому, что во время войны реорганизація народнаго хозяйства считалась необходимой и въ средѣ многихъ буржуазныхъ экономистовъ и практическихъ дѣятелей**). Но сначала событія въ Венгріи и Австріи и неудачныя попытки соціализаціи въ Германіи, а затѣмъ, и главнымъ образомъ, абсурдная политика большевизма въ Россіи создали первую реакцію противъ этихъ требованій. Капитализмъ, дѣйствительно, оказался неспособнымъ разрѣшить вставшія передъ нимъ проблемы, связанныя съ послѣвоеннымъ кризисомъ. Эта неспособность бы-

*) См. Varga, die wirtschaftspol. Probleme der proletarischen Diktatur. Wien, 1921. Анализъ кризиса, который охватилъ капиталистическое хозяйство послѣ войны, вполнѣ правиленъ у Варги. Но Варга былъ неправъ, когда считалъ положеніе капиталистическихъ классовъ безвыходнымъ. Капиталистическіе классы были спасены до сихъ поръ именно рабочимъ классомъ.

**) Никто иной, какъ Ратенау явился однимъ изъ наиболѣе горячихъ защитниковъ новой системы хозяйства. См. его брошюру „Die neue Wirtschaft". Berlin 1918. Чрезвычайно характерной является интересная статья проф. Шумпетера (Sozialtstische Möglichkeiten von heute. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik 1921), который, считая соціализмъ необходимой формой организаціи народнаго хозяйства, признаетъ его осуществленіе возможнымъ, если бы не было военнаго и экономическаго разгрома Германіи и Австріи. См. также интересный анализъ измѣненій, происшедшихъ въ организаціи промышленности во время войны и ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій въ статьѣ германскаго экономиста Бекерата: Krä te, Ziele und Gestaltungen in der deutschen Industriewirtschaft — Weltwirtschaftliches Archiv іюнь и октябрь 1921 г. Характерно, что эти мнѣнія высказываются буржуазными экономистами даже теперь, послѣ неудачныхъ соціалистическихъ опытовъ въ различныхъ странахъ.

ла, однако, экономической, но не политической и отнюдь не означала, какъ думаетъ Варга, его крушенія. «Въ послѣднія десятилѣтія въ Германіи была произведена огромная организаціонная работа, которая можетъ способствовать осуществленію соціализма и сама по себѣ предохраняетъ его отъ временнаго и яркаго неуспѣха — писалъ еще въ 1921 г. проф. Шумпетеръ въ только что указанной статьѣ. — Но теперь буржуазія, оправившаяся отъ первоначальной паники передъ катастрофой, несомнѣнно не капитулировала бы безъ борьбы. Ей помогла бы въ томъ не только ея собственная сила, но еще болѣе существующая теперь въ Германіи небольшая, но издавна сильная консервативная партія. Соціалистическій характеръ прежняго правительства былъ возможенъ лишь потому, что нѣкоторые слои соціалъ-демократической партіи молчаливо отказались серьезно проводить соціалистическую программу и защищали буржуазный строй отъ подлинно революціонно-соціалистическихъ элементовъ съ такой же рѣшительностью, съ какой теперь это могъ бы сдѣлать любой консерваторъ. Если это правильно, то могутъ расчитывать на успѣхъ только такія соціалистическія мѣропріятія, которыя или пріемлемы въ отдѣльныхъ случаяхъ извѣстнымъ капиталистическимъ слоямъ, или представляются всей буржуазіи въ цѣломъ какъ еще пріемлемыя уступки. Осуществленіе чего либо сверхъ этого вообще невозможно, въ особенности парламентскимъ путемъ, между тѣмъ какъ 18 мѣсяцевъ тому назадъ положеніе было совершенно инымъ».

«18 мѣсяцевъ» тому назадъ міровой капитализмъ искалъ выхода изъ тяжелаго послѣвоеннаго кризиса и онъ думалъ найти его въ той формулѣ, которая обычно выдвигалась въ капиталистическомъ хозяйствѣ во времена торгово-промышленныхъ кризисовъ. Вмѣсто того, чтобы искать новыхъ формъ организаціи хозяйства, новыхъ техническихъ промысловъ, капиталистическое хозяйство въ такія эпохи ищетъ спасенія отъ кризиса въ новыхъ рынкахъ. Вмѣсто интенсификаціи хозяйства имѣетъ мѣсто политика экспансіи, которая проявляется то въ формѣ «мирнаго проникновенія», то въ формѣ военныхъ столкновеній. Эта внѣшняя политика неоднократно клеймилась рабочей партіей, которая совершенно справедливо указывала на то, что въ обоихъ случаяхъ эта политика отвлекала вниманіе отъ внутреннихъ реформъ собственнаго народнаго хозяйства страны, необходимость въ которыхъ обнаруживалъ происходящій кризисъ.

Совершенно та же формула и та же политика были примѣнены міровымъ капитализмомъ въ 1920 и 1921 годахъ, какъ

средство избавленія отъ разразившагося кризиса. Вмѣсто того, чтобы стать на путь серьезныхъ реформъ, вмѣсто того, чтобы заняться разрѣшеніемъ вставшихъ международныхъ экономическихъ проблемъ, вмѣсто урегулированія международныхъ экономическихъ отношеній, путемъ отказа отъ національнаго экономическаго эгоизма, путемъ экономическаго возстановленія Европы, міровой капитализмъ выставилъ въ качествѣ цѣлебнаго средства — соглашеніе съ совѣтской Россіей для открытія русскаго рынка.

И на этотъ разъ рабочія партіи почти всѣхъ странъ не только не возражали противъ этого лозунга и противъ такой политики, но поддерживали ее и сдѣлали ее своей политикой.

Поддерживая политику соглашенія съ совѣтской властью, какъ единственнаго средства для ликвидаціи мірового экономическаго кризиса, соціалистическіе и радикальные элементы въ дѣйствительности спасали міровой капитализмъ изъ его тяжелаго положенія. Они помогали ему отвлекать вниманіе широкихъ массъ отъ дѣйствительныхъ причинъ кризиса и избавляли, по крайней мѣрѣ на время, отъ необходимости приняться за разрѣшеніе грозныхъ международныхъ экономическихъ проблемъ.*)

«Возстановленіе рынковъ сбыта — вотъ что спасетъ Европу отъ гнетущаго ее кризиса!» Самъ по себѣ этотъ лозунгъ былъ вполнѣ правиленъ. Но обращенный въ сторону одной только Россіи, онъ заключалъ въ себѣ не разрѣшеніе, а наоборотъ, затягиваніе мірового кризиса. Почему капиталистическіе классы такъ охотно шли навстрѣчу этому лозунгу, примѣняя его къ одной только Россіи? Потому что полученіе русскаго рынка представлялось наиболѣе легкимъ дѣломъ. Россія всегда представлялась страной, гдѣ иностранному капиталу открыто наиболѣе широкое и легкое поприще.

Возстановленіе Западно-Европейскихъ рынковъ, Германіи, Австріи, Италіи, Франціи — означало возстановленіе покупательной способности этихъ странъ, а это было связано съ разрѣшеніемъ всѣхъ тѣхъ проблемъ, отъ которыхъ именно и хотѣли отмахнуться.

Европейскія страны слишкомъ тѣсно связаны культурно-экономическими узами для того, чтобы можно было разсчиты-

*) Каковы бы ни были политическіе мотивы, заставлявшіе эти элементы слѣдовать такой политикѣ, съ экономической точки зрѣнія эта политика была на руку капиталистическимъ классамъ.

вать на овладѣніе рынками этихъ странъ, не прибѣгая къ разрѣшенію наиболѣе жгучихъ международныхъ проблемъ.

Огромныя промышленныя и финансовыя объединенія, получившія такое сильное развитіе въ Европѣ, и до войны носили во многихъ случаяхъ международный характеръ. Международная солидарность капитала, какъ это ни покажется парадоксальнымъ, пережила войну. Соглашеніе между французскимъ и германскимъ капиталомъ, между англійскимъ и германскимъ капиталомъ оказывалось, въ сущности говоря, гораздо скорѣе осуществимымъ, чѣмъ соглашеніе между правительствами этихъ странъ. И хотя американскій, англійскій и французскій капиталъ попытался воспользоваться разореніемъ Германіи и Австріи для овладѣня нѣкоторыми отраслями народнаго хозяйства, но это могло идти лишь до извѣстныхъ предѣловъ. Сопротивляемость, напримѣръ, германскаго капитала оказалась довольно значительной. Въ Россіи все это было легче и проще. Тамъ не нужно было бы имѣть дѣла съ національнымъ капиталомъ, ни съ національной крѣпкой буржуазіей.

Цѣлый рядъ мотивовъ толкалъ европейскій капиталъ навстрѣчу политикѣ соглашенія съ совѣтской властью.

У себя на родинѣ приходилось выносить тяжелое податное бремя, сокращавшее прибавочную стоимость и задерживавшее процессъ накопленія, необходимый для воспроизводства; нужно было идти на уступки рабочему классу въ дѣлѣ повышенія заработной платы. Растущая дороговизна труда можетъ быть компенсирована лишь повышеніемъ производительности труда, а послѣдняя зависитъ теперь прежде всего отъ многочисленныхъ соціальныхъ и экономическихъ реформъ, которыя естественно тормозятся изъ-за полной неопредѣленности международнаго экономическаго положенія, связаннаго съ продолжающейся дезорганизаціей Европы. Уйдя въ Россію, капиталъ могъ бы быть избавленъ отъ всѣхъ этихъ докучливыхъ заботъ. Онъ имѣлъ бы дешевый трудъ, непритязательный рабочій классъ и цѣлый рядъ экономическихъ и финансовыхъ привилегій. *)

Рабочія партіи, думая поддержать русскую революцію, капиталистическіе классы, думая уничтожить возможности рево-

*) Въ Гаагѣ мнѣ пришлось бесѣдовать съ однимъ итальянскимъ делегатомъ, недавно побывавшимъ на югѣ Россіи. Этотъ делегатъ особенно интересовался условіями труда въ совѣтской Россіи и усиленно доказывалъ, что эти условія не могутъ быть такими же, къ какимъ привыкъ итальянскій рабочій. Ту же мысль, какъ извѣстно, развивалъ и Урквардтъ въ своихъ переговорахъ съ большевиками.

люціи въ Европѣ, объ стороны, каждая исходя изъ своихъ соображеній, шли на мирное вмѣшательство въ русскія дѣла въ международномъ порядкѣ.

Совѣтская власть, зазывая иностранныхъ капиталистовъ въ Россію, всячески пропагандируя на Западѣ въ рабочихъ массахъ мысль о томъ, что соглашеніе съ ней необходимо для смягченія мірового кризиса путемъ возстановленія русскаго рынка, поддерживала въ дѣйствительности политику мірового капитализма и помогала ему создавать въ рабочихъ массахъ иллюзіи и отвлекать ихъ вниманіе отъ внутреннихъ реформъ. Въ особенности послѣ того, какъ совѣтская власть отказалась отъ немедленной міровой соціальной революціи, ея настойчивость въ пропагандированіи необходимости соглашенія съ совѣтской Россіей помогала не развитію революціоннаго сознанія въ рабочихъ массахъ, а укрѣпленію западно-европейской буржуазіи.

Совѣтская власть и въ этомъ вопросѣ сыграла роль реакціоннаго фактора.

III.

Постановленіе Верховнаго Совѣта 1920 года привело прежде всего къ заключенію торговаго договора между Англіей и совѣтской Россіей 16 марта 1921 г.

По поводу этого договора англійскими государственными — политическими и экономическими дѣятелями было сказано много всевозможныхъ высокопарныхъ словъ, которыя въ равной мѣрѣ обнаруживали и весь цинизмъ англійской политики и совершенно исключительное невѣжество въ отношеніи Россіи. Тѣмъ не менѣе договоръ этотъ имѣлъ безспорно одинъ положительный результатъ. Онъ заставилъ Англію столкнуться непосредственно съ совѣтской экономической дѣйствительностью и обнаружить то, чего не подозрѣвали и многіе изъ европейскихъ противниковъ торговаго соглашенія съ совѣтской властью. Прежде всего торговля между Англіей и совѣтской Россіей дала ничтожные результаты. Всего лишь черезъ полгода, въ октябрѣ 1921 г. канцлеръ казначейства сэръ Робертъ Хорнъ, подводя итоги торговлѣ съ Россіей, долженъ былъ признать, что эта торговля не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ.

Въ теченіе всего 1921 г. Англія занимала первое мѣсто во внѣшней торговлѣ Россіи. Она доставляла 35,2% всего русскаго ввоза или 19,5 милл. пудовъ и поглощала 48% русскаго вывоза или 6, 2 милл. пудовъ. Въ совѣтскомъ ввозѣ Англія играла ог-

ромную роль. Въ англійской же внѣшней торговлѣ вывозъ въ Россію занималъ ничтожное мѣсто.*)

Вывозъ изъ Англіи въ 1921 году распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Вывозъ въ:	м. ф. ст.	въ %% къ общему вывозу.
Бр. Индію . .	111,5	13,7
Соед. Штаты .	64,5	7,9
Францію . . .	57,0	7,0
Австралію . .	48,4	5,9
Германію . .	40,7	5,0
Голландію . .	36,4	4,4
Россію	3,3	0,3

При такихъ ничтожныхъ размѣрахъ вывозъ въ Россію естественно не могъ оказать никакого вліянія на разрѣшеніе кризиса въ британскомъ народномъ хозяйствѣ.

При этомъ необходимо замѣтить, что вывозъ Англіи въ другія страны относительно остался безъ измѣненій по сравненію съ довоеннымъ временемъ. Вывозъ въ Индію, Соед. Штаты, Францію, въ страны, служившія главными покупателями британскихъ товаровъ, занимаетъ теперь почти то же мѣсто въ общемъ вывозѣ изъ Англіи, какое онъ занималъ и до войны. Между тѣмъ вывозъ въ Россію дѣйствительно сильно упалъ. Даже по наиболѣе высокимъ даннымъ «Экономиста» онъ составлялъ:

въ 1913 г.	27,7 м. ф. ст.	или 4,4%
въ 1919	17,5	1,8%
въ 1920	16,0	1,1%
въ 1921	8,8	1,5%
съ 1. Января 1919 г. по 1. Октября 1921 г. .	43,1	1,4%

Если принять во вниманіе то значительное повышеніе цѣнъ, которое произошло съ 1913 года, то нетрудно видѣть, что да-

*) Различные источники сообщаютъ различныя данныя. Совѣтская торговая делегація въ Лондонѣ опредѣляетъ свои закупки въ Англіи въ теченіе осени 1920 г. и въ теченіе всего 1921 г. въ 6.777.918 ф. ст. (См. Russian Information and Review N. 10, 15. February, 1922). По даннымъ The Economist вывозъ изъ Англіи въ Россію за первые 9 мѣсяцевъ 1921 г. составилъ 8,8 м. ф. ст. Но въ эту сумму входитъ вывозъ не только въ совѣтскую республику. (См. The Economist 19. November, 10. December, 31. December 1921 г. По даннымъ The Statist (18. February 1922) весь вывозъ изъ Англіи (вмѣстѣ въ реэкспортомъ) составилъ въ 1921 г. 3.323.760 ф. ст. Оффиціальная статистика, не дающая полныхъ данныхъ, ближе всего подходитъ къ этой послѣдней цифрѣ, изъ которой мы и будемъ исходить.

же сумма въ 9 м. ф. ст. обнаруживаетъ паденіе вывоза въ Россію до совершенно ничтожныхъ размѣровъ.

Еще нагляднѣе это, если сравнивать не цѣнность вывоза, а его количества:

Напримѣръ, вывозъ угля изъ Англіи въ Россію, до войны составлявшій въ 1913 г. 5. 998. 434 тонны, въ 1921 году достигъ не болѣе 138,878 т. Россія, занимавшая до войны въ англійскомъ вывозѣ угля четвертое мѣсто, въ 1921 году отошла на послѣднее мѣсто.

Вывозъ угля въ Россію въ 6 разъ меньше того количества, которое Англія вывезла въ Германію. До войны весь вывозъ угля изъ Англіи составлялъ 73, 4 м. т., вывозъ въ Россію составлялъ 8% этого количества.

Въ 1921 г. вывозъ угля изъ Англіи упалъ до 24,6 м. т. или въ три раза, а вывозъ въ Россію — въ 43 раза *). Въ то-же время доля другихъ странъ выросла: вывозъ во Францію, составлявшій въ 1913 году 17%, въ 1921 г. составлялъ 25,6%, вывозъ въ Скандинавскія страны увеличился съ 12 до 15%, доля Италіи осталась безъ измѣненій. При этомъ 1921 годъ являлся исключительно неблагопріятнымъ для вывоза угля изъ Англіи. Но и въ этомъ году русскій рынокъ ничѣмъ не помогъ англійскому вывозу угля, несмотря на то, что Россія сейчасъ нуждается въ привозѣ угля изъ заграницы. Больше всего совѣтская Россія закупала въ Англіи жизненныхъ припасовъ — 7,3 м. пудовъ за 11 мѣсяцевъ 1921 года.

Англія вывезла въ 1921 году текстильныхъ товаровъ вообще на 253 м. ф. ст., а въ Россію — на 2,3 м. ф. ст.; вывозъ машинъ изъ Англіи составлялъ 74 м. ф. ст., въ Россію — 493 тыс. ф. ст.

Такую же ничтожную роль игралъ и ввозъ въ Англію изъ Совѣтской Россіи, составившій за 1921 г. всего лишь 2,7 м. ф. ст. или 1,8%.

Распредѣленіе ввоза въ Англію между различными странами представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Ввозъ изъ:	м. ф. ст.	въ %
Соед. Штатовъ .	275	25,3
Аргентины . . .	68	6,2
Австраліи . . .	68	6,2
Канады	62	5,7
Франціи	53	4,8
Индіи	44	4,0
Даніи	41	3,7
Россіи	2,7	1,8

*) См. Accounts relating Trade and Navigation of the United Kingdom. December 1921.

— между тѣмъ какъ въ 1913 году ввозъ изъ Россіи составлялъ 40,3 милл. ф. ст. или 5,2% всего ввоза.

Въ ввозѣ въ Англію наиболѣе важныхъ для нея товаровъ Россія занимала совершенно незначительное мѣсто. Въ общемъ ввозѣ лѣса на 30 м. ф. ст. ввозъ изъ Россіи составилъ всего лишь 775 т. ф. ст. или 2,5%. Въ ввозѣ зерна на долю Россіи приходится 1/1000 часть.

Въ нынѣшнемъ году положеніе не измѣнилось къ лучшему: за первую четверть года весь ввозъ въ Англію составилъ 253,7 м. ф. ст., ввозъ изъ Россіи 543 т. ф. ст. или0,2%; вывозъ изъ Англіи достигалъ 214,8 м. ф. ст. въ томъ числѣ въ Россію—837 тыс. ф. ст. или почти 0,4%. Эти ничтожные размѣры товарообмѣна съ Россіей объяснялись отнюдь не отсутствіемъ въ Россіи спроса на иностранные товары. Наоборотъ, разрушеніе производства въ Россіи дѣлало этотъ спросъ огромнымъ, во много разъ больше того, какимъ онъ былъ до войны. Но покупательная способность совѣтской Россіи въ результатѣ совѣтской политики упала такъ низко, что Россія не могла ни покупать, ни, слѣдовательно, продавать то, что нужно было Европѣ. Россія не могла поэтому служить ни источникомъ необходимыхъ Европейскимъ странамъ матеріальныхъ рессуровъ, ни рынкомъ для сбыта продуктовъ ихъ производства.

Это опустошеніе производительныхъ силъ Россіи представилось передъ всей Европой въ наиболѣе вразумительной формѣ, когда въ Россіи разразился голодъ и совѣтская власть вынуждена была оффиціально обратиться къ Европѣ за помощью для спасенія населенія отъ голодной смерти.

О полученіи изъ Россіи продовольствія и сырья для спасенія Европы отъ постигшаго ее кризиса не могло быть и рѣчи при такихъ условіяхъ. Европѣ на этотъ разъ пришлось спасать Россію отъ голода. Первоначально эта борьба съ голодомъ въ Россіи представлялась въ видѣ благотворительной помощи, но очень быстро ознакомленіе съ совѣтской дѣйствительностью показало и иностранцамъ, что дѣло идетъ не только о томъ, чтобы смягчить голодъ 1921 года, но и избавить Россію и на ближайшіе годы, если не отъ неурожаевъ, то отъ голодной смерти милліоновъ людей.

Огромные размѣры, которые принялъ голодъ, и вызванныя имъ послѣдствія очень быстро обнаружили, что помощь голодающимъ можетъ и должна быть оказана въ международномъ масштабѣ. Но какъ только вопросу о помощи голодающимъ была дана именно такая, международная, постановка, выяснилось также, что борьба съ голодомъ въ совѣтской Россіи представляется совершенно сизифовой работой. Выяснилось, что по-

мощь голодающимъ въ Россіи есть не что иное, какъ помощь всей голодающей Россіи, но что спасать Россію отъ голода не значитъ только везти въ Россію хлѣбъ. Борьба съ голодомъ показала всѣмъ, что первымъ и необходимымъ условіемъ избавленія Россіи и Европы отъ призрака голодной смерти русскаго народа является возстановленіе сельскаго хозяйства, которое невозможно безъ возстановленія производительныхъ силъ Россіи вообще. Естественно, что при такихъ условіяхъ Европа должна была снова поставить передъ собой русскій вопросъ во всемъ его объемѣ. Если все равно нужно спасать Россію отъ голодной смерти, и если эта работа требуетъ принятія мѣръ въ международномъ масштабѣ для экономическаго возстановленія Россіи, то не цѣлесообразнѣе ли прямо приступить къ этому возстановленію во всемъ его объемѣ?

Отсюда и явилась основная мысль британскаго меморандума въ январѣ текущаго года.

Если до тѣхъ поръ рѣчь шла обычно о возстановленіи торговыхъ сношеній съ Россіей при большевикахъ и не взирая на большевиковъ, то съ конца прошлаго года вопросу была дана гораздо болѣе широкая постановка. Не торговля съ Россіей совѣтской, не имѣющей возможности вести нормальную внѣшнюю торговлю, а экономическое возстановленіе Россіи стало теперь въ центрѣ международныхъ экономическихъ проблемъ.

Но какъ можно было возстанавливать экономически одну только Россію, не пытаясь возстановить всю Европу?

Экономическое возстановленіе Россіи требуетъ широкаго участія въ этомъ дѣлѣ иностранныхъ капиталовъ. Одной странѣ, въ особенности въ Европѣ, такая задача не по силамъ. Нужны общія усилія всего международнаго капитала, а для этого нужно созданіе какого либо особаго международнаго организма. И этотъ организмъ былъ рѣшенъ, какъ извѣстно, въ видѣ международнаго консорціума на совѣщаніи экспертовъ на Каннской конференціи.

Въ то же время эксперты отлично сознавали, что ни о какомъ международномъ организмѣ не можетъ идти рѣчь до тѣхъ поръ, пока не будетъ достигнуто международное соглашеніе по другимъ вопросамъ. Созданіе международнаго консорціума связано съ вопросомъ о возстановленіи кредита въ Европѣ вообще. Но можетъ ли быть возстановленъ частный кредитъ, если надъ всей хозяйственной жизнью тяготѣютъ двѣ основныя проблемы, тщетно ждущія своего разрѣшенія: межвалютныя отношенія и внѣшніе военные долги? И Каннское совѣщаніе естественно включило въ программу Генуэзской конференціи всѣ указанные вопросы. Правда, формально вопросъ о военной за-

долженности не фигурировалъ, но такъ какъ онъ былъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о возстановленіи международнаго кредита, то обсужденіе государственныхъ военныхъ долговъ представлялось неизбѣжнымъ.

Съ экономической точки зрѣнія программа конференціи въ Генуѣ была задумана вполнѣ логично и выдержанно.

Связь, установленная въ этой программѣ между разрѣшеніемъ наиболѣе жгучихъ международныхъ экономическихъ проблемъ и экономическимъ возстановленіемъ Россіи, была не только вполнѣ законной, но и неизбѣжной. Для того, чтобы обѣ задачи, поставленныя передъ конференціей, могли быть выполнены — нужно было только лойяльно, добросовѣстно, искренно выполнить намѣченную программу. Другими словами, нужно было, признавъ, что экономическое возстановленіе Россіи невозможно безъ предварительнаго разрѣшенія всѣхъ остальныхъ международныхъ экономическихъ проблемъ, достигнуть соглашенія относительно этихъ послѣднихъ.

Но правильно намѣченная программа экономическаго возстановленія Европы была принесена въ жертву все той же политикѣ экономическаго національнзма и борьбѣ за обладаніе міровыми рынками.

Въ этой игрѣ Россія, ея экономическое возстановленіе отошли на десятый планъ. Россія явилась только тѣмъ козыремъ, которымъ пользовались для того, чтобы побить имъ противника.

IV.

Одинъ французскій публицистъ писалъ во время Генуэзской конференціи: «Конференція въ Спа была конференціей объ углѣ, Санъ-Ремо было конференціей о нефти. Генуя — продолженіе Санъ-Ремо». Теперь можно добавить, что и Гаага была въ этомъ отношеніи продолженіемъ Генуи.

Конференція въ Генуѣ имѣла два лица.

Чичеринскій цилиндръ, пріемъ у короля, чоканіе съ епископомъ, ночныя свиданія политическихъ дѣльцовъ, исторія съ нефтью, ярмарка политическаго тщеславія, биржа, на которой непрерывно шла игра то на повышеніе, то на пониженіе, безконечная стая министровъ, дипломатовъ, коммерческихъ дѣятелей, банкировъ, промышленниковъ, журналистовъ, шептавшихся за

кулисами, политическія проблемы, одна грознѣе другой, сыпавшіяся какъ изъ рога изобилія каждый день и создававшія вокругъ конференціи безпокойную атмосферу. Такова была одна сторона конференціи, наиболѣе знакомая широкой публикѣ. За этимъ политическимъ шумомъ не было слышно болѣе скромныхъ, менѣе крикливыхъ голосовъ тѣхъ экономическихъ комиссій, въ которыхъ происходила тихая, спокойная, на первый взглядъ будничная, но имѣющая огромное значеніе работа.

Какъ разъ въ тѣ дни, когда автомобили непрерывно сновали между Villa Albertis, Villa Raggio, Hotel Savoia въ мѣстахъ засѣданій комиссій шла спокойная, дѣловая, несравненно болѣе производительная работа. За дверьми этихъ комиссій исчезалъ или во всякомъ случаѣ смягчался тотъ ажіотажъ политической игры, который дѣлалъ невозможными благопріятные политическіе итоги конференціи.

Этотъ контрастъ между политической борьбой, происходившей за кулисами конференціи, и работой ея экономическихъ комиссій чрезвычайно поучителенъ. Онъ лишній разъ обнаруживалъ въ какой мѣрѣ народы измучены долголѣтней борьбой, какъ велико у всѣхъ желаніе найти общіе пути къ возстановленію нормальной экономической жизни. Тамъ, гдѣ обнаруживалась добрая воля, правильное пониманіе собственныхъ интересовъ, гдѣ ясно сознавалась невозможность возстановленія каждой отдѣльной страны внѣ международнаго урегулированія тяготѣющихъ надъ всѣми роковыхъ проблемъ — тамъ сразу оказывалось не столь труднымъ найти общій языкъ и придти къ общимъ рѣшеніямъ.

Мы вовсе не думаемъ утверждать, что и въ средѣ экономическихъ комиссій не было разногласій, что тамъ царила идиллія и не вспыхивали порой рѣзкіе антагонизмы противоположныхъ интересовъ. Далеко нѣтъ. И въ этихъ комиссіяхъ давало себя чувствовать различіе въ политикѣ отдѣльныхъ государствъ и различные интересы въ міровомъ хозяйствѣ. Тѣмъ не менѣе, при всякомъ столкновеніи различныхъ точекъ зрѣнія удавалось находить компромиссъ, не тотъ худой и вооруженный миръ, который сохранялся за кулисами конференціи въ политическихъ переговорахъ, а тотъ подлинный компромиссъ, въ которомъ противоположныя стороны шли на уступки другъ другу и обнаруживали желаніе общаго рѣшенія и общихъ дѣйствій. Даже совѣтская делегація очень быстро должна была оставить свою обычную развязность. Попытавшись вначалѣ третировать свысока представителей буржуазной экономической мысли, она не сумѣла однако ничего предложить взамѣнъ, кромѣ, какъ пра-

вильно замѣтилъ предсѣдатель экономической комиссіи г. Кольри, результатовъ своей политики въ Россіи и невольно должна была подчиниться общему тону, господствовавшему въ комиссіяхъ.

Тотъ, кто искалъ бы въ рѣшеніяхъ конференціи какого либо новаго слова по вопросу объ экономическомъ возстановленіи Европы, жестоко разочаровался бы. Конференція въ большинствѣ случаевъ повторила старыя слова, провозгласила въ значительной степени старыя истины. И въ этомъ ея заслуга, какъ совершенно правильно отмѣтили съ характернымъ единодушіемъ и Кольри, и итальянскій министръ торговли Росси и Ратенау.

Генуэзская конференція не изобрѣла провозглашенныхъ ею истинъ. Она ихъ только подобрала, какъ удачно замѣтилъ тотъ же Кольри, среди обилія расплодившихся химеръ, которыя гораздо старѣе и несравненно опаснѣе.

Идею экономической международной солидарности не перестаютъ провозглашать со времени окончанія войны. И тѣмъ не менѣе вся политика отдѣльныхъ государствъ со времени перемирія прямо противоположна этой идеѣ.

Ложное представленіе о томъ, что благополучіе, сила и богатство однѣхъ странъ можетъ быть построено на разореніи и ослабленіи всѣхъ остальныхъ странъ снова восторжествовало, какъ будто снова ожили сданныя въ архивъ идеи раннихъ меркантилистовъ, какъ будто Европа не знала всѣхъ завоеваній экономической и технической мысли въ теченіе 19-го и 20-го столѣтій, какъ будто пышный расцвѣтъ капитализма не обнаружилъ, наряду съ возбужденіемъ антагонизмовъ между отдѣльными народами, единства мірового хозяйства, этого могучаго фактора, безъ котораго былъ бы невозможенъ расцвѣтъ отдѣльныхъ странъ.

Конечно, весьма нетрудно указать на то, что и брюссельская финансовая конференція, и конференція въ Барселонѣ и рядъ международныхъ конференцій по вопросамъ труда, съ такой же набожностью провозглашали тѣ же благочестивыя истины и что генуэзская конференція лишній разъ повторила то, что было сказано и до нея. Если бы даже это и было такъ, то уже одно то обстоятельство, что практическій экономическій міръ и теоретическая экономическая мысль, несмотря на всю неприглядную международную дѣйствительность, упорно настаиваютъ на своемъ и лишній разъ предостерегаютъ отъ забвенія непреложныхъ экономическихъ законовъ — уже одно это обстоятельство, повторяемъ, было бы далеко не лишено значенія.

Но генуэзская конференція далеко не во всемъ явилась только повтореніемъ того, что было сдѣлано до нея. Она опиралась на работу продѣланную ранѣе ея предшественниками. Она имѣла возможность исходить уже изъ нѣкоторыхъ положеній, какъ уже установленныхъ, извѣстныхъ, общепризнанныхъ на печальномъ опытѣ послѣднихъ трехъ лѣтъ.

Напомнимъ вкратцѣ постановленія конференціи: возстановленіе международнаго кредита и возстановленіе международнаго обмѣна путемъ созданія особаго международнаго организма, имѣющаго своей цѣлью помогать экономическому возстановленію отдѣльныхъ странъ; необходимость соглашенія между центральными эмиссіонными банками и созывъ спеціальной конференціи послѣднихъ для международныхъ мѣропріятій въ области оздоровленія денежнаго обращенія и межвалютныхъ отношеній; правила необходимыя для оздоровленія государственныхъ финансовъ; освобожденіе международнаго товарообмѣна отъ искусственныхъ стѣсненій въ видѣ чрезмѣрно протекціонистской политики; отмѣна излишнихъ запрещеній и ограниченій ввоза и вывоза; подтвержденіе постановленій международной конференціи труда по вопросу о борьбѣ съ безработицей и т. п.

Такова была дѣловая сторона конференціи, которой однако никто не интересовался.

На всей конференціи лежала огромная, черная тѣнь русскаго вопроса, который въ концѣ концовъ свелся къ міровой борьбѣ изъ-за нефти. Возможными путями къ экономическому возстановленію Россіи рѣшительно никто не интересовался. Никто не пытался даже остановиться на нынѣшнемъ экономическомъ состояніи Россіи. Надо отдать справедливость совѣтской делегаціи, она говорила объ этомъ положеніи постольку, поскольку ей нужно было для разговоровъ о кредитѣ, но она никогда не договаривала до конца. О голодѣ въ Россіи не было и рѣчи. Совѣтскіе делегаты по мнѣнію корреспондента New York Times боялись говорить о голодѣ, потому что они боялись того впечатлѣнія, которое произвела бы на Европу въ Генуѣ неизбѣжно связанная съ голодомъ картина разоренія Россіи. То, о чемъ не говорили и сами большевики, еще менѣе интересовало и представителей различныхъ делегацій. Точно также послѣднихъ весьма мало волновалъ вопросъ о такъ называемомъ соглашеніи съ Совѣтской Россіей. Этому вопросу никто не придалъ серьезнаго значенія. Совѣтской делегаціи, пользовавшейся въ началѣ несомнѣнной популярностью, подъ конецъ перестали вѣрить. Никто не принималъ въ серьезъ заявленія Раковскаго, пустопорожняя болтовня котораго выяснилась очень скоро для

всѣхъ. Воспитанность Чичерина пріятно разочаровывала послѣ всѣхъ примитивныхъ представленій о большевикахъ. Литвиновъ завистливо держался въ тѣни, предвкушая провалъ своихъ соперниковъ — Чичерина и Красина, — и когда выступалъ, отталкивалъ вульгарностью и наглостью своей дипломатіи. Больше всѣхъ на мѣстѣ чувствовалъ себя Красинъ, который имѣлъ возможность въ обширномъ кругу, придавая себѣ томно-мечтательный видъ коммунистическаго Онѣгина, создавать фантастическіе и небезвыгодные прожекты всевозможныхъ грандіозныхъ финансовыхъ комбинацій.

Большевикамъ охотно прощали Литвинова, Раковскаго и Чичерина изъ за Красина. Первые три воплощали для европейскихъ дѣльцовъ коммунистическую сторону совѣтской Россіи съ ея ложью и искреннимъ фанатизмомъ въ одно и тоже время. Красинъ олицетворялъ собой то, что въ Совѣтской соціалистической республикѣ особенно привлекало международный капитализмъ — возможность легкой наживы.

Вопросъ, на которомъ работы «политической комиссіи по русскимъ дѣламъ» застряли на двѣ недѣли, вопросъ о способахъ признанія правъ прежнихъ собственниковъ по существу скрывалъ за юридической формой борьбу между англійскими капиталистами съ одной стороны и французскими и американскими, съ другой, въ вопросѣ объ обладаніи нефтяными источниками въ Россіи.

Эта борьба ведетъ свое начало издавна и здѣсь мы не будемъ на ней останавливаться. Борьба, имѣвшая мѣсто въ Генуѣ, явилась лишь однимъ изъ эпизодовъ, однимъ изъ этаповъ въ общей міровой борьбѣ изъ-за нефти *). То, что произошло въ Генуѣ, заслуживаетъ однако того, чтобы остановиться на немъ подробнѣе.

Интересы англо-голландскаго треста (Shell - Royal - Dutch) и Standard - Oil въ нефтяной промышленности въ Россіи общеизвѣстны. Послѣ большевистской революціи значительное количество нефтяныхъ акцій перешло, однако, къ французскимъ банкамъ, и французскіе капиталисты стали гораздо болѣе заинтересованными въ нефтяной промышленности.

Соглашеніе, которое Красинъ пытался заключить съ англо-голландскимъ трестомъ, должно было бы нарушить интересы и французовъ и американцевъ. Первоначально, совѣтское правительство, объединивъ въ одномъ управленіи всю нефтяную про-

*) См. С. Загорскій. — Международныя экономическія проблемы. Прага 1922 г. Гл. V.

мышленность, предполагало удержать въ своихъ рукахъ 25% всего капитала, 25% отдать прежнимъ собственникамъ, а 50% отдать группѣ, которая должна была состоять изъ Royal-Dutch-Shell, Standard Oil и Anglo Persian Comp. Этотъ планъ былъ разбитъ, однако, сначала всероссійскимъ съѣздомъ работниковъ нефтяной промышленности въ Москвѣ, принявшимъ постановленіе о раздѣленіи управленія на два района, грозненскій и бакинскій, а затѣмъ и отказомъ англо-голландскаго и американскаго треста совмѣстно участвовать въ этой комбинаціи. Старанія Красина достигнуть соглашенія между этими двумя трестами не увѣнчались успѣхомъ. Правительство Соед. Штатовъ категорически отказалось признать какую либо концессію на націонализованныя большевиками предпріятія. Представитель американскаго треста, Бедфордъ, уѣхалъ изъ Европы въ Нью-Іоркъ наканунѣ генуэзской конференціи и англичанамъ казалось, что американцы не заботятся о нефтяныхъ дѣлахъ въ Россіи.

Едва только, однако, въ Генуѣ Красинъ сообщилъ о достигнутомъ соглашеніи между нимъ и англичанами, какъ Америка появилась въ Генуѣ. Новый проектъ соглашенія предоставлялъ англо-голландскому тресту монопольное право вывоза нефти и керосина не только изъ Баку, но и изъ Грознаго. Если бы такое соглашеніе было заключено, то Standard Oil въ сбытѣ нефти принадлежащихъ ему въ Баку предпріятій зависѣлъ бы отъ англо-голландскаго треста. Standard Oil не могъ этого допустить и онъ поддержалъ французовъ и бельгійцевъ въ ихъ позиціи по вопросу о возстановленіи правъ прежнихъ собственниковъ въ Россіи. Для французскихъ банковъ, держателей русскихъ нефтяныхъ бумагъ, возвращеніе нефтяныхъ предпріятій ихъ прежнимъ собственникамъ означало бы гораздо большее повышеніе цѣны этихъ бумагъ, чѣмъ то, которое имѣло бы мѣсто при простомъ возмѣщеніи прежнимъ собственникамъ.

Вотъ почему позиція французской делегаціи въ этомъ вопросѣ была столь неустойчивой. Согласившись сначала на формулу, допускавшую компенсацію вмѣсто возвращенія предпріятій, французская делегація измѣнила свою точку зрѣнія, какъ только стало извѣстнымъ о готовящемся соглашеніи между Москвой и англо-голландскимъ трестомъ. Такъ какъ интересы французовъ и американцевъ въ этомъ вопросѣ совпадали, то Франція получила могущественную поддержку Америки, вмѣшательство которой рѣшило участь всей конференціи. Конференція въ Генуѣ была создана для разрѣшенія огромной важности міровыхъ экономическихъ проблемъ, въ томъ числѣ и для эконо-

мическаго возстановленія Россіи. Нефтяная проблема не связана съ одной только Россіей. Баку представляетъ не большее значеніе чѣмъ Месопотамія, Палестина, Джамби, изъ за которыхъ также идетъ борьба. И тѣмъ не менѣе, какъ справедливо замѣчаетъ Manchester Guardian, второстепенные интересы могучихъ трестовъ были достаточны для того, чтобы сорвать міровую конференцію. *)

V.

Политика совѣтской делегаціи въ Генуѣ оказала огромную услугу Франціи. Позиція французской делегаціи опредѣлилась директивами состоявшими въ томъ, чтобы обнаружить неспособность совѣтскаго правительства установить въ Россіи тѣ минимальныя условія, которыя были намѣчены въ резолюціи Каннскаго совѣщанія 6-го января 1922.

Англійская делегація съ Ллойдъ Джорджемъ во главѣ стояла на противоположной точкѣ зрѣнія. Ллойдъ Джорджъ вѣрилъ Красину, который увѣрялъ въ готовности совѣтской власти къ уступкамъ, Красинъ вѣрилъ Ллойдъ Джорджу, который обѣщалъ выхлопотать для совѣтскаго правительства кредиты.

Поведеніе совѣтскихъ представителей въ началѣ конференціи, въ первый ея періодъ, имѣло несомнѣнный успѣхъ. Чичеринъ, Красинъ, Раковскій наперерывъ доказывали, что совѣтское государство ничѣмъ не отличается отъ любого буржуазно-капиталистическаго государства (для доказательства этого была также выпущена извѣстная позорная брошюрка комиссаріата юстиціи); что не исключена возможность участія Совѣтской Россіи въ Лигѣ Націй и въ Международномъ Бюро Труда; что совѣтская власть готова идти на цѣлый рядъ уступокъ, вплоть до урегулированія вопроса о частной собственности бывшихъ ея владѣльцевъ, лишь бы достигнуть въ Европѣ мира и покоя.

При такихъ условіяхъ задача французской делегаціи была чрезвычайно неблагодарной. Вѣрилъ или не вѣрилъ заявленіямъ и политикѣ большевиковъ Ллойдъ Джорджъ, но онъ на нихъ опирался. Поколебать его позицію могъ только какой либо предметный урокъ. Этотъ урокъ постарались дать сами большевики. То дѣлая заявленія о признаніи требованій Каннской резолюціи, то беря обратно эти заявленія, ведя свою игру на

*) См. The influence of oil on the Genua Conference. Reconstruction in Europe Nr. 4.

расколъ между Англіей и Франціей и въ концѣ концовъ отказавшись отъ того, что они обѣщали въ началѣ, они слишкомъ грубо раскрыли свои карты. Послѣ всѣхъ стремленій доказать, что совѣтская республика стала на путь возстановленія у себя буржуазнаго законодательства, заявленія о непоколебимости коммунистическихъ принциповъ, сдѣланныя въ послѣднемъ отвѣтѣ совѣтской делегаціи, вывели изъ терпѣнія и самого Ллойдъ Джорджа, который былъ тѣмъ болѣе золъ, что послѣднее заявленіе большевиковъ являлось козыремъ для французской делегаціи и давало возможность Барту диктовать теперь условія англійскому премьеру *).

Гаага явилась результатомъ угрозъ Ллойдъ Джорджа по адресу Франціи. Между Генуей и Гаагой нетерпѣніе Ллойдъ Джорджа въ русскомъ вопросѣ въ значительной степени остыло подъ вліяніемъ причинъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Несомнѣнно, что въ Гаагу англійская делегація явилась съ инымъ настроеніемъ и съ иными инструкціями, чѣмъ тѣ, которыя она имѣла въ Генуѣ. Правда, англійская делегація желала достигнуть соглашенія съ большевиками, хотя далеко не всѣ члены ея были согласны между собой. Уайтъ готовъ былъ идти на любое соглашеніе, сэръ Филиппсъ, Ллойдъ Гриммъ — лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Но несомнѣнно, что съ самаго начала эти условія въ Гаагѣ были уже иными чѣмъ въ Генуѣ.

5-го іюля с. г., за 10 дней до того, какъ разыгрались событія, приведшія къ полному разрыву, мнѣ пришлось бесѣдовать съ Ллойдъ Гриммомъ. Рѣчъ шла о кредитахъ, которыхъ просили большевики въ запискѣ, поданной Литвиновымъ.

— Думаете ли Вы, — спросилъ я Гримма — что сумма, просимая большевиками, можетъ быть найдена?

— Да, но лишь въ теченіе довольно продолжительнаго времени.

---

*) Большимъ козыремъ въ рукахъ Барту являлась извѣстная исторія между Ллойдъ Джорджемъ и »Таймсомъ«. Требуя отъ Франціи уступокъ большевикамъ, Ллойдъ Джорджъ пригрозилъ Барту разрывомъ Антанты. Содержаніе бесѣды, которая велась съ глазу на глазъ, было передано тотчасъ же въ »Таймсѣ«. Среди консервативныхъ членовъ британскаго кабинета это извѣстіе произвело непріятное впечатлѣніе. Ллойдъ Джорджу пришлось спасать свое положеніе. Барту согласился дать письменное опроверженіе сообщеній »Таймса«, и, опираясь на это письмо Барту, Ллойдъ Джорджъ заявилъ, что сообщеніе газеты является злостной ложью. Послѣ отъѣзда большевиковъ настала очередь Барту требовать отъ Ллойдъ Джорджа »услуги«. Британскому премьеру пришлось согласиться на то, чтобы новая Конференція состоялась въ Гаагѣ, чтобы Генуя была ликвидирована и чтобы въ новой конференціи участвовали одни только эксперты.

— Могутъ ли эти кредиты дать правительства?

— Не думаю, во всякомъ случаѣ не британское правительство.

— На какихъ условіяхъ эти кредиты могли бы быть даны?

— Первымъ и самымъ главнымъ условіемъ является то, чтобы промышленность не находилась болѣе въ рукахъ совѣтскаго правительства.

Второе условіе — экономическія (концессіи, государственные доходы и т .п.) и юридическія гарантіи со стороны совѣтскаго правительства.

— Думаете ли Вы, что безъ этихъ условій соглашеніе все таки возможно?

— Ни въ какомъ случаѣ.

Это заявленіе Ллойдъ Гримма всецѣло подтверждалось его образомъ дѣйствій въ качествѣ предсѣдателя подкомиссіи о частной собственности.

О томъ, что Гриммъ дѣйствовалъ въ полномъ согласіи съ Ллойдъ Джорджемъ имѣется цѣлый рядъ доказательствъ, о которыхъ еще не настало время подробно разсказывать.

Такимъ образомъ, съ самаго начала позиція по отношенію къ большевикамъ въ Гаагѣ была иной, чѣмъ въ Генуѣ. Но и въ Гаагѣ — и это надо имѣть въ виду — англичане продолжали стоять на той точкѣ зрѣнія, что возвращеніе собственности ея прежнимъ владѣльцамъ не является conditio sine qua non соглашенія съ совѣтской властью и что возвращеніе можетъ быть замѣнено компенсаціей, которая возможна или въ формѣ передачи предпріятій, принадлежавшихъ ранѣе другимъ собственникамъ, или въ формѣ концессій на любое имущество или предпріятіе.

Въ Генуѣ, какъ извѣстно, было заключено соглашеніе между всѣми участниками конференціи о томъ, что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ отдѣльныя государства не будутъ заключать сепаратныхъ соглашеній съ совѣтскимъ правительствомъ и что никто не будетъ брать у большевиковъ предпріятія, принадлежавшія прежнимъ иностраннымъ собственникамъ иной національности.

Въ виду этого послѣдняго условія англичане особенно упорно стремились къ достиженію какого нибудь соглашенія.

Ибо въ этомъ случаѣ обѣщанія, данныя въ Генуѣ падали бы, и руки у англичанъ были бы развязаны. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что переговоры между Royal - Dutch - Shell и большевиками, прерванные въ Генуѣ, въ Гаагѣ снова возобновились.

Всѣ усилія англичанъ ни къ чему однако не привели и между участниками Гаагской конференціи въ концѣ концовъ создалось единодушное мнѣніе о невозможности соглашенія съ большевиками.

Три крупныхъ фактора сыграли въ этомъ единодушномъ отрицательномъ мнѣніи большую роль.

Гаагская конференція сыграла въ русской политикѣ ту положительную роль, что она впервые дала возможность международной конференціи вплотную подойти къ вопросу объ экономическомъ положеніи Совѣтской Россіи.

Когда Сокольниковъ представилъ свои объясненія о состояніи совѣтскихъ финансовъ и совѣтскаго народнаго хозяйства, сообщенныя имъ свѣдѣнія произвели ошеломляющее впечатлѣніе, не потому что иностранные эксперты вообще представляли себѣ положеніе Россіи въ розовомъ свѣтѣ, а потому что всѣ свѣдѣнія, распространяемыя заграницей о результатахъ большевистскаго хозяйничанья, казались или преувеличенными, или предвзятыми, или тогда, когда имъ вѣрили, были далеки отъ дѣйствительности, изображенной самимъ Сокольниковымъ.

Эмиссіи достигающія свыше 300 трилліоновъ рублей, отсутствіе какого бы то ни было реальнаго государственнаго бюджета и финансоваго хозяйства вообще, полная фантастичность всѣхъ предположеній совѣтскихъ финансовыхъ дѣятелей, рѣдкая безграмотность въ финансовыхъ вопросахъ, существованіе единственнаго источника государственныхъ доходовъ — бумажныхъ денегъ, катастрофически ничтожная реальная цѣнность извлекаемыхъ при помощи этого источника доходовъ — все это предстало передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ въ такомъ яркомъ видѣ, котораго ранѣе реально никто себѣ не представлялъ. При такомъ условіи сумма кредитовъ, 633¼ милліарда зол. руб. испрошенная Литвиновымъ оказалась не только не преувеличенной, но чрезмѣрно малой по сравненію съ тѣми затратами, которыя должны быть сдѣланы на экономическое возстановленіе Россіи.

Огромная сумма, нужная Россіи, ни въ какомъ случаѣ не могла быть получена отъ правительствъ. Но если единственнымъ выходомъ могло быть открытіе кредитовъ частными лицами и предпріятіями, то правительствамъ нечего было больше дѣлать. Задача экономическаго возстановленія въ томъ видѣ, въ какомъ она предстала въ Гаагѣ, оказалась настолько грандіозной и сложной, что всѣ прежнія представленія о томъ, что соглашеніе съ большевиками можетъ явиться началомъ этого возстановленія, показались теперь наивными илюзіями.

Можно сказать, что безграмотно-самоувѣренный докладъ Сскольникова отрезвилъ даже наиболѣе оптимистически настроенныхъ экспертовъ.

Въ сущности говоря, рѣшеніе, которое приняла конференція, означало слѣдующее. При томъ положеніи, въ которомъ находится Россія при большевикахъ и при той политикѣ, отъ которой совѣтская власть все еще упорно не желаетъ отказываться, заявляя, что она «можетъ ждать», роль правительствъ становится совершенно излишней. Международное урегулированіе русскаго вопроса путемъ соглашенія между всѣми государствами невозможно. Пускай отдѣльные капиталисты, если желаютъ, вступаютъ въ какія угодно соглашенія съ большевиками. Они гораздо скорѣе сумѣютъ, охраняя свои интересы, принудить совѣтскую власть къ необходимымъ уступкамъ. Совѣтская власть по политическимъ причинамъ не желаетъ идти на уступки. Разговоры съ правительствами придаютъ урегулированію русскаго вопроса такимъ путемъ политическій характеръ. Литвиновъ заявилъ, что на конференціяхъ въ Генуѣ и въ Гаагѣ происходитъ борьба двухъ міровъ и двухъ міровоззрѣній — коммунистическаго и буржуазно-капиталистическаго. Если попытки отдѣльныхъ капиталистовъ достигнуть соглашеній съ большевиками увѣнчаются успѣхомъ и если иностранные капиталисты начнутъ работать въ совѣтской Россіи, они гораздо скорѣе распознаютъ всю систему совѣтской республики, и экономическая зависимость отъ нихъ совѣтской власти скорѣе принудитъ ее къ окончательной капитуляціи, чѣмъ всѣ политическіе разговоры съ правительствами.

Большевики не поняли всей ироніи, скрывающейся въ такомъ рѣшеніи, и принялись кричать на всѣ лады о томъ, насколько предпочтительнѣе для нихъ сепаратныя соглашенія.

Однако и послѣднія оказались не столь легкимъ дѣломъ. И тутъ сыгралъ роль второй факторъ, оказавшій чуть ли не рѣшающее дѣйствіе — новое вмѣшательство Америки.

Какъ мы только что сказали, въ Гаагѣ переговоры между большевиками и Royal Dutch были возобновлены. И Красинъ и англо-голландскій трестъ хотѣли соглашенія съ Standard Oil, представители котораго присутствовали съ информаціонными цѣлями на всѣхъ совѣщаніяхъ. Задача англо-голландскаго треста состояла въ томъ, чтобы, обезпечивъ себѣ монополію въ Россіи, урегулировать отношенія съ американскимъ трестомъ, предоставивъ ему различныя компенсаціи. Понятно, американцы на это не пошли. Борьба, происходящая между двумя трестами на міровомъ рынкѣ, слишкомъ остра для того, чтобы настало время для полюбовнаго размежеванія ин-

тересовъ. Тѣмъ болѣе, что вопросъ о русской нефти тѣсно связанъ съ соглашеніемъ въ Санъ-Ремо, съ нефтью въ Месопотаміи, Джамби и другихъ мѣстахъ земного шара. Участіе Standard Oil въ комбинаціи, предлагавшейся Красинымъ, могло бы имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, если бы общій міровой вопросъ о нефти былъ рѣшенъ между Соед. Штатами и Англіей. Въ нефтяномъ вопросѣ такъ же, какъ и во всѣхъ остальныхъ, лишній разъ обнаружилось, что разрѣшеніе русскаго вопроса тѣсно связано со всѣми остальными міровыми проблемами. Соед. Штаты не могли допустить разрѣшенія одной только части міровой нефтяной проблемы. И такъ какъ вопросъ о роли Royal Dutch въ Россіи былъ тѣсно связанъ съ основной проблемой, наиболѣе занимавшей Гаагскую конференцію — проблемой частной собственности въ Совѣтской Россіи, то и въ Гаагѣ такъ же какъ и въ Генуѣ американцы получили весьма благопріятную позицію для вмѣшательства.

Изъ опубликованнаго послѣ Гааги оффиціальнаго сообщенія правительства Соед. Штатовъ ясно видно, что Сѣверо-Американское правительство потребовало отъ представителей правительствъ, присутствовавшихъ на Гаагской конференціи, торжественнаго подтвержденія, безъ ограниченія срока, соглашенія, принятаго въ Генуѣ. Заявленіе представителя Соед. Штатовъ носило ультимативный характеръ. И такъ какъ финансовыя отношенія съ Америкой далеки отъ урегулированія, то понятно, что среди участниковъ Гаагской конференціи не нашлось никого, кто рѣшился бы возражать противъ требованія, поставленнаго американскимъ «наблюдателемъ».

Америка второй разъ рѣшила судьбу и конференціи и совѣтской власти. Но ея вмѣшательство снова показало, что не въ большевистской Россіи лежитъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ международныхъ экономическихъ проблемъ, тяготѣющихъ надъ Европой. И это обстоятельство сыграло роль того третьяго фактора, который оказалъ вліяніе на позицію Англіи и на исходъ Гаагской конференціи.

VI.

Уже въ Генуѣ среди различнаго рода экспертовъ и политическихъ дѣятелей раздавались голоса о томъ, что забота о возстановленіи Россіи имѣетъ значеніе для будущаго и весьма отдаленнаго времени, но не для настоящаго. Въ Гаагѣ, когда экономическое положеніе Россіи стало еще болѣе яснымъ, эти голоса усилились. Самоувѣренныя заявленія большевиковъ о томъ, что

Европа нуждается въ Россіи больше чѣмъ послѣдняя въ Европѣ, уже не только никого не пугали, но вызывали улыбку.

Тѣмъ, кто строитъ свою политику на неизбѣжной заинтересованности Европы въ возстановленіи Россіи, надо имѣть въ виду эту несомнѣнно усиливающуюся тенденцію въ разсужденіяхъ иностранцевъ.

При всемъ тяжеломъ кризисѣ, который переживаетъ Европа и Америка, различныя страны начали понемногу приспособляться къ новому положенію вещей въ міровомъ хозяйствѣ.

За первые мѣсяцы этого года общая хозяйственная коньюнктура вообще подверглась улучшенію. Внѣшняя торговля получила значительное развитіе. Различныя страны или завоевываютъ новые рынки, или возстанавливаютъ свое вліяніе на старыхъ рынкахъ.

Взять хотя бы Соед. Штаты, относительно которыхъ существуетъ представленіе, что они переживаютъ наиболѣе тяжелый кризисъ. Это представленіе было правильно годъ тому назадъ, но не въ настоящее время. Въ этомъ году Соед. Штаты обнаруживаютъ вновь признаки начинающагося подъема. Ихъ производство увеличилось; завоеванные во время войны рынки служатъ пока достаточными потребителями и поставщиками. За послѣдній фискальный годъ 1921—1922 внѣшняя торговля Соед. Штатовъ дала сокращеніе ввоза на 1.046 милліоновъ долларовъ, сокращеніе вывоза на 2.746 милліоновъ.

Тѣмъ не менѣе общіе обороты, составлявшіе въ 1913—1914 гг. 4.257 милліоновъ долларовъ, достигли въ 1921—1922 г. — 6.377 милл. Ввозъ въ 1921 году превысилъ довоенный на 713 милл. долл., а вывозъ на 1.405 милл. долл.

«Наша внѣшняя торговля» — писалъ недавно New York Times — «меньше той, какой она могла быть, но гораздо выше довоенной. Данныя нашего международнаго товарообмѣна за послѣдній годъ заставляютъ гораздо болѣе бодро смотрѣть на положеніе вещей, чѣмъ это кажется на первый взглядъ, они несравненно утѣшительнѣе, чѣмъ этого можно было ожидать» *).

Въ 1922 году Соед. Штаты вывезли гораздо болѣе, чѣмъ въ предшествующіе два года съѣстныхъ припасовъ, нефти, мѣди, сахара, лѣса.

Сильно развили свою внѣшнюю торговлю Аргентина, Канада, Индія, и даже Японія, какъ разъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ упала торговля Россіи *).

---

*) New York Times, 20 іюля 1922 г.

**) См. Sir Baldwin. Accounts relating to the Trade and Commerce. London 1922.

Безспорно возстанавливаетъ свою внѣшнюю торговлю и Англія. Англія и сейчасъ вывозитъ въ Германію гораздо больше, чѣмъ въ Россію. Но и Германію и рынки центральной Европы ей постепенно удается замѣнять новыми. Общее сокращеніе британской внѣшней торговли по сравненію съ довоеннымъ временемъ гораздо меньше сокращенія ея торговли съ Россіей и съ центральной Европой.

Англія, для которой ввозъ русскаго лѣса сильно упалъ по сравненію съ довоеннымъ временемъ, болѣе чѣмъ удвоила свой ввозъ лѣса изъ Индіи, болѣе чѣмъ утроила ввозъ изъ Финляндіи, въ два съ половиной раза увеличила ввозъ изъ Швеціи, изъ Норвегіи, изъ Соед. Штатовъ и изъ Канады.

Хотя ввозъ шерсти изъ Россіи упалъ во много разъ, но общій ввозъ ея увеличился въ 1½ раза, за счетъ увеличенія ввоза изъ Аргентины, Франціи, Ю. Америки, Ю. Африки, Н. Зеландіи. Ввозъ льна въ Англію за 7 мѣсяцевъ 1922 года увеличился по сравненію съ прошлымъ годомъ въ 1½ раза, хотя ввозъ изъ Россіи продолжаетъ оставаться ничтожнымъ. То же происходитъ и въ отношеніи другихъ товаровъ, и также обстоитъ дѣло съ вывозомъ Англіи.

Наша гордая самоувѣренность въ томъ, что безъ насъ не обойдутся, постепенно становится все менѣе соотвѣтствующей дѣйствительности.

До войны Россія занимала одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ міровомъ хозяйствѣ, по оборотамъ своей внѣшней торговли. Въ вывозной торговлѣ Англіи, Германія занимала второе мѣсто въ мірѣ и первое мѣсто въ Европѣ, тогда какъ Россія стояла на 6 мѣстѣ. Во внѣшней торговлѣ Франціи и Соед. Штатовъ доля Россіи была еще меньше.

Въ томъ, что Россія должна и можетъ играть въ міровомъ хозяйствѣ огромную роль, не можетъ быть сомнѣній. Но до войны такой роли Россія не имѣла. Для того, чтобы вновь вернуть себѣ хотя бы прежнюю роль, Россіи нужно будетъ упорнымъ трудомъ отвоевывать положеніе на міровомъ рынкѣ. И для того, чтобы дать Россіи эту возможность, нужно, очевидно, затратить огромное количество средствъ и силъ. Стоитъ ли этого эта задача въ настоящій моментъ, когда вся Европа все еще дезорганизована, когда нужно возстанавливать цѣлыя страны, безъ которыхъ, даже при возстановленной Россіи, возстановленіе внѣшней торговли почти невозможно.

Россія была поставщикомъ сырья и продовольствія. Но какъ покупательница она играла роль гораздо меньшую, чѣмъ Германія, Франція, Соед. Штаты, скандинавскія страны и даже

Бельгія. Продовольствіе и сырье можно достать и въ другихъ странахъ.

И если Англія стремилась завязать торговыя сношенія съ Совѣтской Россіей, то это происходило не потому что она не могла получить того же въ Соед. Штатахъ, а потому что ей невыгодно было покупать эти товары въ Америкѣ. Но измѣненія въ міровыхъ цѣнахъ сдѣлали эту зависимость отъ Соед. Штатовъ и Ю. Америки менѣе чувствительной. Если вопросъ идетъ только о лишнихъ затратахъ, то вѣдь и возрожденіе Россіи связано съ ними. Между тѣмъ затраты на Россію въ лучшемъ случаѣ черезъ рядъ лѣтъ дадутъ въ лицѣ Россіи прежняго довоеннаго покупателя. Пока можно было надѣяться получить въ Россіи право неограниченнаго распоряженія естественными богатствами, все предпріятіе представляло интересъ. Но по мѣрѣ того, какъ выяснилась невозможность и трудность въ осуществленіи этого, правительственное соглашеніе съ большевиками утрачивало прежнее значеніе. Трудности при попыткѣ завладѣнія естественными богатствами Россіи заключаются въ неурегулированности отношеній съ Соед. Штатами и съ Франціей. Кромѣ того, затрата силъ и средствъ съ гораздо болѣе производительнымъ результатомъ, съ точки зрѣнія Англіи, можетъ быть совершена въ Германіи, которая играла для англійской торговли несравненно большую роль, чѣмъ Россія. Но заняться Германіей значило также приступить къ урегулированію отношеній прежде всего съ Франціей, а затѣмъ и съ Соед. Штатами. Такія разсужденія приходилось слышать въ Гаагѣ въ послѣднее время конференціи. Катастрофическое паденіе марки, нервное настроеніе Франціи занимали вниманіе въ гораздо большей степени, чѣмъ разговоры съ большевиками. И то, что происходило во «Дворцѣ Мира», въ концѣ концовъ стало интересовать гораздо меньше, чѣмъ биржевые бюллетени и сообщенія изъ Quay d'Orsay.

До недавняго времени проблема экономическаго возстановленія Европы разсматривалась исключительно съ точки зрѣнія возстановленія международнаго товарообмѣна. Сама по себѣ такая точка зрѣнія несомнѣнно правильна. Но, заботясь о возстановленіи международнаго обмѣна, союзныя державы игнорировали то обстоятельство, что всякій обмѣнъ есть въ конечномъ счетѣ обмѣнъ товарами, т. е. обмѣнъ продуктами народнаго труда. Если имѣть это обстоятельство въ виду, то ясно, что обмѣнъ возможенъ лишь тогда, когда производство не только возстановлено, но, кромѣ того, даетъ излишекъ надъ потребленіемъ. То, что составляетъ потребленіе страны, опредѣляется не только потребленіемъ народнаго хозяйства, но и той частью на-

роднаго дохода, которая поглощается государствомъ на его нужды. До войны эта часть потребленія не оказывала столь большого вліянія. Государственные расходы рѣдко превышали одну десятую часть народнаго дохода. Теперь они поглощаютъ одну пятую, одну треть и даже двѣ пятыхъ. Въ среднемъ не менѣе одной четверти народнаго дохода въ важнѣйшихъ странахъ Европы теперь достается государству и расходуется или на уплату по государственному долгу или на нужды государственнаго управленія. Это увеличеніе потребленія части народнаго дохода государствомъ вызвано сильнымъ увеличеніемъ государственныхъ расходовъ, въ которомъ главную роль играютъ государственные долги *).

Во Франціи внутренній государственный долгъ достигаетъ, напр., 243 милліардовъ франковъ. Ежегодныя уплаты по этому долгу превышаютъ 13 милліардовъ франковъ. Даже въ томъ случаѣ, если бы Германія аккуратно уплачивала ежегодно въ среднемъ три милліарда марокъ золотомъ, Франція не можетъ имѣть достаточно средствъ для того, чтобы и возстанавливать разрушенныя области и выдерживать огромное бремя государственнаго долга. Черезъ 6—7 лѣтъ ей придется прибѣгнуть къ новымъ займамъ для того, чтобы получить нужныя ей средства. Въ случаѣ уплаты Германіей по репараціямъ, ежегодные платежи Франціи по государственному долгу должны будутъ достигнуть 17 милліардовъ. Между тѣмъ уже въ настоящее время государственные доходы, основанные несомнѣнно на сильномъ податномъ напряженіи, достигаютъ 23½ милліардовъ. Черезъ 6—7 лѣтъ въ распоряженіи государства на его нужды будетъ оставаться не болѣе 4—5 милліардовъ, то есть въ три раза меньше того, что нужно для удовлетворенія потребностей страны**).

При этомъ разсчетѣ не приняты однако во вниманіе внѣшніе военные долги Франціи, достигающіе въ 1922 г. 35 милліардовъ золотыхъ франковъ, или по нынѣшнему курсу около 80 милліардовъ бумажныхъ франковъ.

Государственные долги увеличиваютъ такимъ образомъ въ настоящее время потребленіе страны и сокращаютъ тотъ из-

*) Подробныя свѣдѣнія объ этомъ читатель найдетъ въ моей книгѣ „Международныя экономическія проблемы". Прага, 1922.

**) См. докладъ Беранже во французскомъ сенатѣ по поводу бюджета расходовъ, покрываемыхъ платежами Германіи въ 1922 г. Senat. année 1922, № 181. Annexe au procès verbal de la séance du 14 Mars 1922. Даже такіе рѣзкіе критики нынѣшней финансовой политики французскаго правительства, какъ Кайо, настаиваютъ на томъ, что безъ платежей со стороны Германіи, Франціи грозитъ крушеніе. См. Caillaux. The financial situation of France Reconstruction in Europe. Manchester Guardian Commercial N. 5, July 1922.

лишекъ народнаго производства, который можетъ служить предметомъ международнаго товарообмѣна.

То же самое можно сказать и о Германіи, которая обладаетъ государственнымъ долгомъ въ 318 милліардовъ марокъ, и объ Италіи, государственный долгъ которой достигаетъ 100 милліардовъ лиръ. При этомъ напряженіе податныхъ силъ всюду признается достигшимъ чуть ли не послѣднихъ предѣловъ *), и въ то же время дефицитъ составляетъ въ Бельгіи 30%, въ Германіи 36%, въ Польшѣ 45%, во Франціи51%, даже въ Швейцаріи и Швеціи не менѣе 65% всего государственнаго бюджета**).

При такихъ условіяхъ всякія разсужденія о возстановленіи международнаго обмѣна должны были неизбѣжно оставаться внѣ всякаго вліянія на смягченіе мірового кризиса до тѣхъ поръ, пока союзныя державы не рѣшались затронуть самое существо вопроса. Но приведенный примѣръ обнаруживаетъ только одну сторону проблемы.

Необходимо указать также и на другую сторону.

Соед. Штаты упорно не желаютъ отказываться отъ того, что они заняли Европѣ во время міровой войны. Въ самые послѣдніе дни эта позиція Соед. Штатовъ была еще разъ подтверждена рѣшеніемъ Сената о томъ, чтобы суммы слѣдуемыя съ европейскихъ государствъ по военнымъ долгамъ были употреблены на дополнительныя пенсіи пострадавшимъ отъ войны американскимъ гражданамъ. Но въ своемъ упорствѣ Соед. Штаты идутъ еще дальше. Они не только стоятъ въ позѣ Шейлока, требуя отъ Европы фунтъ мяса, но и отказываются открывать европейскимъ странамъ кредиты, необходимые для возстановленія международнаго товарообмѣна. Между тѣмъ такая политика вредитъ прежде всего самой Сѣверо-Американской республикѣ.

Соед. Штаты являются въ настоящее время обладателями двухъ третей всего мірового золотого запаса. Федеральный резервный банкъ въ состояніи въ любой моментъ открыть кредиты на сумму почти до 4 милліардовъ долларовъ, при чемъ въ этомъ случаѣ его золотое обезпеченіе будетъ составлять не менѣе 40% *). И тѣмъ не менѣе Соед. Штаты открываютъ кредиты европейскимъ предпринимателямъ съ большимъ трудомъ.

Задолженность Европы Соед. Штатамъ достигаетъ 15 милліардовъ долларовъ, изъ которыхъ два милліарда находятся въ

*) См. по этому поводу интересную статю проф. Эйнарди: The financial prospects of Italy. Ibid.

**) См. Public Finance Statistics, v. II, 1922 г. League of Nations. Finance Committee.

***) См. Lamont. Foreign Trade Fallacies. Reconstruction in Europe. Manchester Guardian Commercial. June 1922.

частныхъ рукахъ въ формѣ обязательствъ американскаго правительства, 10 милліардовъ представляютъ собою военные долги самому американскому правительству со стороны европейскихъ странъ, 3 милліарда означаютъ частную задолженность, возникшую изъ международнаго обмѣна.

За послѣднія 7 лѣтъ, съ 1915 по 1922 годъ, вывозъ Соед. Штатовъ составилъ 42 милліарда долларовъ, а ввозъ менѣе половины этой суммы. 26 милліардами долларовъ опредѣляется сумма вывоза въ одну только Европу, которая въ свою очередь ввезла въ Соед. Штаты всего лишь на 5 милліардовъ долларовъ. Иными представляются результаты товарообмѣна между Соед. Штатами и всѣми остальными странами, которыя ввезли въ Соед. Штаты на 17 милліардовъ и вывезли изъ Соед. Штатовъ на 16 милліардовъ.

Эти данныя обнаруживаютъ, что излишки своего народнаго производства надъ народнымъ потребленіемъ Соед. Штаты вывозятъ почти исключительно въ Европу. Европа покрывала свои долги, вытекающіе изъ товарообмѣна, частью товарами, частью иными цѣнностями. Американцы въ настоящее время являются обладателями огромной суммы иностранныхъ цѣнностей и въ значительной степени владѣтелями надъ многими европейскими банками и предпріятіями всякаго рода. Паденіе валюты въ европейскихъ странахъ означаетъ огромныя потери для держателей европейскихъ цѣнностей въ Соед. Штатахъ. Американскіе дѣловые круги толкали банки на финансированіе внѣшней торговли съ Европой. Ибо ростъ задолженности Европы въ отношеніи ихъ означалъ переходъ къ нимъ европейскихъ цѣнностей. Поэтому для этихъ круговъ имѣетъ значеніе погашеніе только той задолженности въ 3 милліарда, которая вытекаетъ изъ нормальнаго международнаго обмѣна. Если бы отъ Европы потребовали уплаты суммы большей, чѣмъ та, которая связана съ внѣшней торговлей, это означало бы по словамъ проф. мичиганскаго университета Фридэй, ухудшеніе положенія Соед. Штатовъ. Если бы Европа дѣйствительно стала уплачивать кромѣ того еще и тѣ 10 милліардовъ долларовъ, которые связаны съ войной, и уплачивала бы ихъ или золотомъ или товарами, это вызвало бы въ Америкѣ подлинную катастрофу *).

Такъ какъ уплата внѣшнихъ долговъ возможна въ конечномъ счетѣ только путемъ вывоза товаровъ, то стремленіе къ уплатѣ военныхъ внѣшнихъ долговъ и стремленіе къ возстано-

*) Prof. David Friday. The Balance of indebtedness between the United States and Europe. The Manchester Guardian. Reconstruction in Europe. April 1922.

вленію международнаго обмѣна оказываются несовмѣстимыми другъ съ другомъ.

Такимъ образомъ проблема военной внѣшней задолженности и слѣдовательно проблема оздоровленія государственныхъ финансовъ европейскихъ странъ, какъ важнѣйшаго фактора ихъ экономическаго возстановленія, въ 1922 году должна была оказаться гораздо острѣе, чѣмъ проблема международнаго обмѣна взятая сама по себѣ, отдѣльно отъ всѣхъ остальныхъ международныхъ экономическихъ вопросовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ интересъ къ возстановленію Россіи долженъ былъ немного отойти на второй планъ. Ибо разрѣшеніе задачи возстановленія Россіи съ помощью Европы зависитъ прежде всего отъ возстановленія производства въ другихъ странахъ настолько, чтобы эти страны могли обладать излишками капиталовъ для снабженія ими Россіи.

Но рѣшеніе вопроса о взаимной военной задолженности невозможно безъ урегулированія вопроса о германскихъ репараціяхъ, съ которымъ въ свою очередь тѣсно связаны вопросы о возстановленіи Германіи и Франціи. На зависимость между этими проблемами указывалось уже давно. Совѣщаніе банкировъ въ Парижѣ, нота Бальфура, лондонская конференція, нота Пуанкарэ подтвердили то, что представлялось яснымъ съ самаго начала *).

Настроеніе нѣкоторыхъ государствъ постепенно дѣлало для нихъ — по крайней мѣрѣ въ данный моментъ — «русскую проблему» «менѣе интересной».

Вотъ почему въ послѣдніе дни Гаагской конференціи все чаще стали вспоминать постановленія экономическихъ комиссій въ Брюсселѣ и въ Генуѣ, преждевременно забытыя. Русская проблема, завершивъ свой кругъ въ Гаагѣ, вернулась къ своему исходному пункту. Она оказалась неразрѣшимой безъ реальныхъ мѣръ къ экономическому возстановленію Россіи. Въ принятіи же этихъ мѣръ европейскія государства оказывались

*) Было бы совершенно неправильнымъ считать, что только въ послѣднее время французская политика заняла позицію, благопріятную для установленія зависимости между репараціями и межсоюзными военными долгами. Еще 8 декабря 1921 г. Лушеръ во время пребыванія на дачѣ у Ллойдъ Джорджа въ Чекерсъ, предложилъ урегулировать вопросъ о репараціяхъ путемъ аннулированія части межсоюзныхъ долговъ. Ллодъ Джорджъ согласился съ этимъ планомъ, но предпочелъ позондировать почву въ Америкѣ, прежде чѣмъ принять рѣшеніе. Настроеніе въ Америкѣ оказалось неблагопріятнымъ и планъ былъ оставленъ. См. указанный докладъ Беранже.

связанными не только политикой большевиковъ, но и тѣмъ, что европейскія проблемы оставались неразрѣшенными.

То, что было забыто или сознательно игнорировалось съ 1920 года, вернуло европейскую политику къ тому положенію, отъ котораго нужно было начинать. Теперь и общая атмосфера оказывалась благопріятнѣе. Коммунистическій угаръ въ Европѣ прошелъ. Рабочія партіи перестали видѣть въ возстановленіи Россіи единственное средство спасенія мірового хозяйства отъ кризиса. Они почувствовали на себѣ кризисъ въ Германіи и во Франціи въ гораздо большей степени, чѣмъ русскій кризисъ.

Въ этомъ намѣчающемся поворотѣ нужно признать гораздо болѣе прогрессивную и положительную политику, чѣмъ та мнимо прогрессивная политика, которая подъ формулой признанія русской революціи скрывала желаніе отмахнуться отъ тяготѣющихъ надъ всѣмъ міромъ грозныхъ проблемъ и использовать Россію въ международной борьбѣ.

Съ русской точки зрѣнія эта новая политика также гораздо цѣлесообразнѣе. Экономическое возстановленіе Россіи при существованіи совѣтскаго строя перестаетъ быть въ глазахъ иностранцевъ задачей легко разрѣшимой при помощи простого установленія торговли или проникновенія нѣсколькихъ иностранныхъ капиталистовъ.

Пониманіе того, что русская проблема есть проблема возстановленія всего народнаго хозяйства Россіи въ цѣломъ и русской государственности, означало бы признаніе того, что Россія можетъ быть возстановлена лишь послѣ того, какъ она сама, собственными силами устранитъ препятствія, стоящія на пути къ этому возстановленію.

С. Загорскій.

НА РОДИНѢ

(Партія с.-р.)

I. «Судъ» надъ правыми эсъ-эрами. — Фарсъ на лобномъ мѣстѣ. — Видимость государственности. — «Эпизодъ гражданской войны». — Условная казнь. — Новое въ старомъ. — Соціально опасныя преступленія и преступники - рецидивисты. — Сильные духомъ и низкіе местью. — Цѣли «процесса». — Его достиженія. — II. П. с.-р. въ фокусѣ общественнаго вниманія. — «Судъ» надъ эсъ-эрами, какъ «исторія пролетарской революціи». — Пятилѣтняя тяжба между мартомъ и октябремъ, п. с.-р. и р. к. п. — Почему не удалась «хорошая революція»? — Почему «удался» октябрь? — Оставшійся выходъ. — III. «Грязная» политика и «постылыя» партіи. — Политическія партіи какъ «форма» современной государственности. — Политическіе принципы и релятивный нигилизмъ. — Пересмотръ партійной идеологіи. — Ревизія западно-европейскаго соціализма. — Ревизія программы п. с.-р. — Безоговорочный отказъ отъ всякой диктатуры. — Признаніе классовой борьбы за фактъ, а не норму. — Наилучшій исходъ переустройства поземельныхъ отношеній. — Частно-хозяйственное начало въ промышленности. — Учредительное Собраніе — завтрашній день русской исторіи.

«Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленіе».
(«Посланіе Декабристамъ»).

I.

Два долгихъ мѣсяца — съ 8-го іюня по 7-е августа — длилось трагическое дѣйство, носившее названіе «суда» надъ правыми соціалистами-революціонерами. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ находилось подъ постоянной угрозой физическое существованіе 22 подсудимыхъ. И въ теченіе того же срока не прерывались публичныя глумленія надъ тѣмъ, что составляло наибольшую цѣнность и святыню въ нравственномъ мірѣ обвиняемыхъ. Возведеннымъ на Голгоѳу, имъ ежечасно грозилъ самосудъ со стороны «народа», врывавшагося, съ соизволенія начальства,

даже въ залъ судебнаго засѣданія съ криками: «смерть!» Подъ той же угрозой пребывали они, когда послѣ безконечныхъ издѣвательствъ, испытанныхъ въ теченіе дня, поздней ночью возвращались къ себѣ «домой», въ темницу, при сдачѣ конвоирами и пріемкѣ тюремщиками . . .

Жуткимъ и трагичнымъ было положеніе подсудимыхъ. Жалкимъ — положеніе судей. И если бы надо было въ краткой формулѣ охарактеризовать судъ въ цѣломъ, его можно было бы назвать фарсомъ, разыграннымъ на лобномъ мѣстѣ . . .

Отдѣльные коммунисты, цѣлыя учрежденія, «Наркоматы» юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, «Ревкомы» и «Коминтернъ» дѣлали все, что могли, чтобы явить міру видимость подлинной государственной власти, стоящей выше личныхъ интересовъ и групповыхъ счетовъ, соблюдающей, пусть, дурные, но обязательные для нея законы, власти, не только пресѣкающей и разящей, но и творящей судъ и право. Былъ предсѣдатель, было сверхсмѣтное число прокуроровъ, проходили свидѣтели, эксперты, шпіоны и предатели, — словомъ, съ внѣшней стороны какъ будто бы все, что и какъ полагается въ подлинномъ процессѣ, — а желаннаго эффекта все-таки не получалось. Не получалось *процесса,* не было *суда.* Была довольно элементарная по существу, хотя и утонченная по кровожадности — расправа одной партіи съ попавшими ей въ руки 22 членами другой партіи.

Напрасно Луначарскій призывалъ трибуналъ «разсматривать вопросъ исключительно съ процессуальной точки зрѣнія» и не считаться съ «политическимъ» соглашеніемъ, заключеннымъ въ Берлинѣ къ тому же, не совѣтской властью, а «Коминтерномъ» (Коммунистическимъ Интернаціоналомъ). Напрасно Крыленко декламировалъ, что «на данномъ процессѣ его интересуютъ не общіе политико-соціологическіе вопросы, а вопросъ объ индивидуальной винѣ отдѣльныхъ участниковъ процесса». Напрасно Пятаковъ завѣрялъ, что «здѣсь не митингъ, а судъ, который разбираетъ вопросъ о живыхъ людяхъ, обвиняемыхъ въ тяжкихъ уголовныхъ дѣяніяхъ. Трибуналъ будетъ справедливъ, онъ не осудитъ невинныхъ, но и не оправдаетъ виновныхъ». Напрасно самъ трибуналъ постановлялъ: «настоящій судъ не партійное учрежденіе, а органъ правительства рабоче-крестьянскаго государства». Факты рѣзко разошлись со словами. Не было ни процесса, ни устанавливающаго виновность живыхъ людей суда, ни государственнаго учрежденія, ни справедливости. Былъ *эпизодъ гражданской войны,*—какъ уже послѣ того, какъ для всего міра обнажилось существо «процесса»,—цинично, но точно отмѣтилъ Суваринъ въ **L'Humanité** отъ 10. VIII.

И , спрашивается, къ чему было «пріобщать къ дѣлу» вороха всякихъ документовъ, резолюцій, газетъ и т. д., къ чему были эти буржуазно-процессуальные «занесенія въ протоколъ», «протесты», ссылки на статьи уложенія, указанія на инстанціи для обжалованія и проч., — вообще вся видимость безпристрастнаго и независимаго *государственнаго* суда, — когда въ заключеніе судоговоренія одинъ изъ наиболѣе агрессивныхъ его участниковъ (Бухаринъ) самъ призналъ: «мы не скрываемъ, что совѣтская диктатура есть опредѣленная форма нашей *партійной* диктатуры» («Извѣстія» №173)? Къ чему было останавливаться на дѣяніяхъ отдѣльныхъ лицъ, на «индивидуальной винѣ участниковъ процесса» («Извѣстія» №133), когда черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ тотъ же Крыленко съ одинаковой непринужденностью и въ противовѣсъ правилу, «дѣйствовавшему въ старыхъ царскихъ судахъ», о томъ, что «въ уголовныхъ дѣлахъ всякій несетъ отвѣтственность только за себя», выдвинетъ новый, коммунистическій принципъ: «если данный коллективъ является органомъ, который руководитъ дѣятельностью всѣхъ мѣстныхъ организацій и заявляетъ, что онъ несетъ отвѣтственность за дѣятельность всѣхъ этихъ организацій, то онъ подлежитъ отвѣтственности коллективно» («Извѣстія»№ 173)?

«Судъ», подобно всякому суду, закончился приговоромъ, «нелицепріятнымъ, суровымъ, но справедливымъ», по аттестаціи казенныхъ «Извѣстій» № 177, состоящимъ изъ двухъ частей. Первая болѣе пространная — типичная «стекловица», вобравшая въ себя всѣ сужденія и квалификаціи, которыя съ отмѣнной щедростью расточали по адресу с.-р. всѣ ихъ безчисленные обвинители и благородные защитники такъ наз. второй, предательской группы подсудимыхъ. Путемъ очень несложной интерполяціи нетрудно установить, что въ «приговорѣ» отъ Крыленко, что изъ рѣчи Покровскаго, изъ реплики Луначарскаго и т. д. Заключительный выводъ этого историко-политическаго «введенія» къ приговору гласитъ:

«Вся дѣятельность П. С.-Р. за истекшіе годы тяжелой борьбы рабоче-крестьянской Республики за свое существованіе свидѣтельствуетъ о томъ, что эта партія не соціалистическая, а буржуазная, что она используетъ свое соціалистическое названіе и входящіе въ нее соціалистическіе элементы для обмана массъ, что она является контръ-революціонной партіей враговъ народа, занимающей болѣе мирныя позиціи въ періоды наибольшихъ успѣховъ Совѣтской Республики и проявляющей лихорадочную дѣятельность на предметъ (?!) поднятія мятежей или содѣйствія таковымъ, когда положеніе Республики особенно трудно («Извѣстія» № 177).

Кто не знаетъ, что эту «идеологію» уже пять лѣтъ, какъ развиваютъ на всѣхъ совѣтскихъ площадяхъ и заборахъ, во всѣхъ засѣданіяхъ Ц. И. К., «Коминтерна» и иныхъ публичныхъ мѣстахъ?.. И стоило ли пытать подсудимыхъ; вывозить спеціальныхъ обвинителей изъ Германіи, Венгріи, Чехо-Словакіи; мобилизовать Клару Цеткинъ и Садуля; отрывать отъ насущнѣйшихъ государственныхъ заботъ о благѣ совѣтской республики Луначарскаго, Курскаго, Бухарина, Радека; стоило ли прибѣгать къ помощи монархистовъ и выкрадывать документы въ Парижѣ; тратить громадныя средства на кормленіе во всѣхъ странахъ свѣта сочувствующей коммунистамъ клаки; занимать изо дня въ день десятки столбцовъ совѣтской печати отчетомъ о «судѣ надъ правыми эсерами»; воспитывать въ совѣтскихъ гражданахъ непреклонную волю къ пролитію крови, — и все для того, чтобы лишній разъ заклеймить въ приговорѣ уже столько разъ заклейменную «партію буржуазныхъ заговорщиковъ, предателей рабочаго класса, лицемѣровъ и лакеевъ имперіалистовъ и толстосумовъ, низкихъ слугъ разбойничьяго капитала, партію продажной шпаги и убійцъ изъ-за угла вождей рабочаго класса и соціалистовъ» («Извѣстія» № 177)?!..

Помимо «идеологіи», приговоръ содержитъ въ себѣ и «практическую» часть. Въ немъ постановленіе о разстрѣлѣ двѣнадцати человѣкъ... И въ этомъ, по существу, конечно, нѣтъ ничего новаго. Ново только то, что примѣнявшаяся раньше на фронтѣ или въ боевой обстановкѣ, въ душныхъ подвалахъ Ч. К. и въ безвѣстныхъ, скрытыхъ отъ взоровъ застѣнкахъ, казнь получила теперь публичную легитимацію при дневномъ свѣтѣ, не какъ результатъ нетерпѣливаго эксцесса или случайной ошибки, а какъ нормальное явленіе, въ порядкѣ методическаго, подробнаго и тщательнаго «судебнаго» разслѣдованія. Ново только то, что большевистская власть, считающая себя источникомъ и средоточіемъ міровой революціонной благодати, не остановилась передъ вынесеніемъ смертнаго приговора виднѣйшимъ дѣятелямъ — пусть «буржуазной», мартовской — но все же даже большевиками неотрицаемой революціи.

Наконецъ, нова и необычайна — даже для большевиковъ — та форма, въ которой вынесенъ смертный приговоръ. Не то, что разсматривала дѣло «тройка», именовавшаяся Трибуналомъ, а приговоръ постановляла чрезвычайная коммунистическая конференція. Въ отсутствіе конференціи, «нормально» ея роль выполняетъ «пятерка», — такъ назыв. «политбюро». Необычно, даже для варварской власти, вынесеніе судебнаго приговора объ условной казни. «Принимая во вниманіе наличность отсталыхъ, запуганныхъ буржуазіей и обманутыхъ со-

ціалъ-демократіей слоевъ мірового рабочаго класса», президіумъ В. Ц. И. К. постановилъ: «приговоръ въ отношеніи къ подсудимымъ: Гоцу, Донскому, Герштейну, Гендельману, Лихачу, Н. Иванову, Е. Ратнеръ, Тимофееву, Морозову, Агапову, Альтовскому и Е. Ивановой, приговореннымъ къ высшей мѣрѣ наказанія, утвердить, но исполненіемъ пріостановить». Исполненіе казни поставлено, при этомъ, въ зависимость отъ наступленія фактическихъ обстоятельствъ, внѣ воли приговоренныхъ находящихся, и отложено на неопредѣленный срокъ: до прекращенія партіей с.-р. «фактически и на дѣлѣ подпольно-заговорщицкой, террористической, военно-шпіонской, повстанческой работы противъ власти рабочихъ и крестьянъ».

Надо ли говорить, что коммунистическіе стипендіаты тотчасъ же провозгласили эту помѣсь политическаго шантажа и заложничества актомъ «глубокой политической мудрости» («Извѣстія» № 177), а замѣну физическаго истребленія длительной психической пыткой — проявленіемъ небывалой въ исторіи гуманности и милосердія власти. Безстыдное «Наканунѣ» въ Берлинѣ и безграмотное «На Родину» въ Софіи пытались даже представить большевистскій приговоръ какъ особую форму условнаго осужденія. Между тѣмъ разница очевидна. Гуманность условнаго осужденія состоитъ въ томъ, что приговоръ не приводится въ исполненіе, если осужденный въ теченіе опредѣленнаго, сравнительно короткаго срока не совершитъ вторично правонарушенія. Жестокость же большевистскаго приговора состоитъ въ томъ, что участь осужденныхъ ставится въ зависимость не отъ того, *что* они совершили и даже не отъ того, что *они* совершатъ въ будущемъ, а отъ того, что произойдетъ внѣ всякой связи съ былой и будущей дѣятельностью осужденныхъ.

«Участь осужденныхъ больше не въ совѣтскихъ рукахъ, а въ рукахъ партіи с.-р.», «Совправительство вручило судьбу вождей партіи эсеровъ въ руки Чернова, Зензинова, Керенскаго», — подчеркиваютъ въ L'Humanité» и «Rote Fahne», коммунистическіе Nuntii in partibus infidelium Суваринъ и Радекъ, спеціально командированные во Францію и Германію для совращенія невѣрующихъ на путь коммунизма. А московская «Правда» №578 — та опредѣленно обѣщаетъ: «достаточно будетъ одной сожженной фабрики или одного коммуниста, убитаго «неизвѣстными», чтобы приговоренные поплатились жизнью».

Для доказательства незлобивости совѣтской власти большевистскіе прокуроры на судѣ аргументировали отъ «соціальной опасности» подсудимыхъ и всячески отгораживали со-

вѣтскую юстицію отъ упрека въ томъ, что она стоитъ на точкѣ зрѣнія мести и воздаянія. Въ дѣйствительности же большевистская власть не выдержала послѣдовательно ни теоріи соціальной опасности, выдвинутой буржуазными гуманистами еще въ то время, когда нынѣшніе «гуманисты» — коммунисты являли собой по преимуществу объектъ практическаго примѣненія буржуазнаго ученія о преступленіи и наказаніи, — ни старой, «классической» теоріи таліона. Она усвоила одновременно и ту, и другую въ мѣру политической пользы, которую можно извлечь изъ каждой.

На разстояніи всего нѣсколькихъ строкъ можно встрѣтить въ рѣчи главнаго обвинителя и «криминолога» Крыленки обѣ точки зрѣнія. «Приговоръ долженъ быть одинъ: разстрѣлъ всѣхъ до одного за всѣ преступленія, за всю кровь, за весь ужасъ, всѣ страданія» и т. д. И рядомъ съ этимъ «классическимъ» искорененіемъ «преступниковъ» — новѣйшее «гуманное» предупрежденіе «соціально-опасныхъ преступленій»: — «Кровь должна быть пролита здѣсь, чтобы въ будущемъ не проливалось крови или, по крайней мѣрѣ, проливалось ея меньше.» Ибо — «прежде всего надо блюсти, чтобы республика не потерпѣла вреда» («Извѣстія» № 170). — Въ своемъ рѣзвомъ усердіи прокуроръ - «классикъ» даже не замѣчаетъ, какъ смѣшна и жалка его фигура на «соціалистическомъ» форумѣ въ Москвѣ, повторяющая древнюю, какъ Римъ, формулу. Ему и въ голову не приходитъ, что уже сколько консуловъ блюло — ne quid detrimenti res publica capiat и почему-то все-таки «республики» не уберегли. Такъ ограничено большевистское воображеніе, что даже послѣ прыжка въ царство коммунистической свободы ничего, кромѣ повторенія формулы, насчитывающей двухтысячелѣтнюю давность и возлагающей всѣ свои упованія на дальнозоркость консуловъ, оно придумать не можетъ.

Для самозащиты «имперіалисты» во время міровой войны пользовались трупами павшихъ, — какъ брустверомъ для прикрытія и какъ опорной точкой для наступленія. Теперь коммунисты — идеологи и практики гражданской войны — пытаются использовать живую силу непріятеля —головы своихъ политическихъ противниковъ для укрѣпленія при ихъ помощи своихъ позицій... Но рядомъ съ главной цѣлью — самозащитой отъ «соціальной опасности», страхованіемъ своей жизни путемъ угрозы умерщвленіемъ захваченныхъ плѣнниковъ, большевистская власть не отказывается и отъ достиженія второстепенныхъ цѣлей, — въ частности и мести мелкой и... низкой. Она мститъ за всякое рѣзкое, задѣвающее ея престижъ слово и, обратно, — воздаетъ, щедро платитъ за каждое мягкое, осо-

бенно, послѣднее слово, которое можно будетъ представить какъ просьбу о пощадѣ, какъ готовность къ примиренію и — пуще всего — какъ намекъ на отреченіе отъ прошлаго и десолидаризацію съ политическими единомышленниками. «Красной» нитью, можно сказать, черезъ весь «процессъ» проходитъ до одержимости владѣвшее большевистскими агентами желаніе подтолкнуть подсудимыхъ къ самоотреченію и раскаянію. Здѣсь и страстное отстаиваніе интересовъ покаявшихся и предавшихъ, и принципіальная апологія отступничества и предательства.

Этого высшаго удовлетворенія подсудимые своимъ «судьямъ» не дали. На протяженіи всего «процесса», до «послѣдняго слова» включительно одинъ за другимъ поднимались они, чтобы свидѣтельствовать одно и то же. «Если бы я очутилась на свободѣ, я поступила бы такъ, какъ подсказывала бы моя ненависть къ вамъ, которая живетъ во мнѣ съ октября 1917 г.», — заявила Ел. Н. Иванова. «Вашимъ врагомъ я былъ, есть и останусь. Я и дальше буду служить тому дѣлу, которому служилъ, — освобожденію трудящихся», — подтвердилъ С. Морозовъ («Извѣстія» №174 отъ 5. VIII). «Луначарскій и Крыленко предлагали намъ покаяться, смириться и отречься отъ своей прошлой дѣятельности, — говорилъ Е. М. Тимофеевъ. Категорически заявляю, что ни покаянія, ни смиренія, ни отреченія вы съ этихъ скамей не дождетесь. Крыленко квалифицировалъ насъ какъ рецидивистовъ. Да, мы рецидивисты съ вашей точки зрѣнія. Мы нераскаянные преступники. Мы стоимъ на нашей прежней позиціи... Намъ съ вами не по пути, и мы останемся съ тѣми, кого вы называете «соціалъ-предателями». «Мы были и останемся соціалистами, — вторитъ ему А. Р. Гоцъ. Мы вели правильную линію. И дальше мы будемъ работать такъ же, какъ работали до сихъ поръ. Мы выполнимъ нашъ долгъ до конца, какая бы участь насъ здѣсь ни ожидала». («Извѣстія» №171) *)

Крыленко, Луначарскій и К-о пристаютъ къ подсудимымъ: отрекитесь, если не отъ себя и своихъ ближнихъ, то хотя бы отъ болѣе отдаленныхъ — пространственно и тактически, —

*) Эти, какъ и другія извлеченія изъ рѣчей и заявленій подсудимыхъ нами взяты изъ, къ сожалѣнію, единственно-существующаго «оффиціальнаго» источника. Многое изъ рѣчей подсудимыхъ «Извѣстіями», естественно, намѣренно искажено, другое же подано въ томъ видѣ, въ какомъ то представлялось интереснымъ большевику-репортеру, большевику-редактору, большевику-цензору и т. д. Пройдя сквозь множество большевистскихъ ситъ — слова подсудимыхъ потеряли не только въ выразительности, но иногда, несомнѣнно, и въ общемъ смыслѣ.

осудите своихъ заграничныхъ товарищей! И они, можетъ быть, искренне недоумѣвали, *органически* не понимали, когда Гоцъ заявлялъ: «мы считаемъ невозможнымъ передъ партіей, съ которой мы боремся, судить нашихъ товарищей». — Позируя подъ монтаньяра, Каменевъ въ «высшемъ органѣ совѣтской республики» настаиваетъ: «пусть наши враги склонятъ передъ нами головы, а кто не захочетъ склонить, пусть ее потеряетъ». И «враги» подобно людямъ первыхъ вѣковъ нашей эры, предпочитавшимъ умереть, но не поклониться генію римскаго императора, — готовы скорѣе потерять свои головы, но не склонить ихъ предъ идоломъ коммунизма. «Вы получите наши головы, чтобы положить ихъ къ ногамъ Коминтерна, но чести нашей вы не получите», — бросаетъ Тимофеевъ Феликсу Кону. — «И мертвые, и живые мы будемъ вамъ опасны». Можетъ быть, именно эти слова, достойныя римскаго стоика, побудили мстительныхъ «судей» сопричислить М. Я. Гендельмана къ подлежащимъ разстрѣлу и отдѣлить его отъ тѣхъ двухъ членовъ Центральнаго Комитета, которые оказались присуждены къ десятилѣтнему тюремному заключенію...

«Судъ надъ правыми эс-эрами» былъ созданъ въ интересахъ большевистской власти, для вящшаго прославленія совѣтской республики, для вящшаго ущемленія, моральнаго посрамленія и физическаго обезглавленія враждебной партіи. Достигли ли большевики своихъ цѣлей? Пошелъ ли «процессъ» имъ на пользу?

Не приходится сомнѣваться въ томъ, кто *лично* вышелъ побѣдителемъ изъ состязанія: Крыленко съ К-о, вооруженные до зубовъ физической силой, но нищіе и ничтожные морально, или Тимофеевъ съ товарищами, физически беззащитные, но непоколебимые духомъ и вѣрой, въ то, что именно они — «представители будущаго»? Большевики всячески стремились уничтожить, испепелить, вывѣтрить моральный обликъ подсудимыхъ. И чего они достигли? Только того, что безстрастное уваженіе къ понесеннымъ страданіямъ восполнилось искреннимъ преклоненіемъ предъ личнымъ героизмомъ и обаяніемъ. А большевики удовлетворили ли они свой примитивнѣйшій инстинктъ, свое ненасытное чувство мести, — приговоромъ, который Французская Конфедерація Труда (C. G. T.) сравниваетъ съ приговоромъ надъ Ферреро барселонскихъ фанатиковъ?.. Убить можно вѣдь только разъ. А пытать страхомъ можно только тѣхъ, кто испытываетъ страхъ смерти, кто съ томленіемъ въ душѣ, но не побѣдилъ его въ себѣ разъ и навсегда. А развѣ *до* «суда» Гоцъ съ товарищами не чувствовали себя фактическими заложниками на случай неудачи анти-большевистской револю-

ціи и потенціальными посредниками для «сдачи» власти въ случаѣ ея удачи? Какую новую, еще невѣдомую подсудимымъ муку могли причинить большевики легитимаціей прежняго фактическаго состоянiи? Или тѣ десять часовъ—съ 10 утра и до 8 вечера, — что приговоренныхъ къ смерти нарочито оставили въ невѣдѣніи о «милосердіи» В. Ц. И. К., конфирмовавшаго приговоръ, но пріостановившаго на неопредѣленный срокъ его исполненіе, эти десять часовъ, когда, въ ожиданіи прихода палачей, приговоренные подводили послѣдніе итоги прожитому и заготовляли прощальныя письма роднымъ, — эти часы стоили двухмѣсячныхъ трудовъ?..

Во всякомъ случаѣ, вовнѣ большевики намѣчали болѣе «высокія» цѣли; за индивидуальными представителями ненавистной п. с.-р. они видѣли самую партію. Въ нее они мѣтили. «Партія эсэровъ заслужила смерть, она должна умереть. Нужно падающаго толкнуть и ускорить смерть партіи» (Извѣстія» № 167). «Да, да, мы хотимъ это сдѣлать: убить, дискредитировать, распылить партію с.-р. И этотъ процессъ для того и создавался и къ этому идетъ» («Извѣстія» №173). Мы можемъ повѣрить автору этихъ словъ Луначарскому, когда онъ свидѣтельствуетъ о цѣляхъ, въ которыхъ «создавался» процессъ. Что же касается того, къ чему «идетъ», съ исчерпывающей полнотой можно будетъ судить лишь въ послѣдующемъ. Однако, и сейчасъ видно, что указанной Луначарскимъ цѣли «процессъ» не достигъ.

Изъ «суда» партія с.-р. вышла не только не дискредитированной и убитой, а, наоборотъ, — морально выросшей и окрѣпшей. Ея представители, воскресившіе лучшія традиціи партіи и личнымъ подвигомъ удостовѣрившіе, что живъ духъ подлинной революціи, что не перевелись еще на Руси, несмотря на «нэп» и общій маразмъ и разложеніе, честные и стойкіе люди, — привлекли къ себѣ и къ своей партіи вниманіе всего міра, всѣхъ партій и всѣхъ органовъ международнаго общественнаго мнѣнія. Невзирая ни на какія препятствія и препоны голосъ подсудимыхъ пріобрѣлъ необыкновенный резонансъ, и на защитѣ с.-р.-овъ *впервые* создался фактически единый фронтъ противъ большевиковъ. Соціалисты и несоціалисты, рабочіе и интеллигенты, лица, извѣстныя всему міру, и безвѣстныя коллективныя громады, правительства и общественныя учрежденія, за ничтожными исключеніями на крайнихъ, сходящихся другъ съ другомъ флангахъ, монархическомъ и коммунистическомъ, — всѣ съ затаеннымъ волненіемъ слѣдили за перипетіями героической борьбы, естественно, сочувствуя жертвамъ, а не палачамъ, доблести, а не мстительной кровожадности. И когда, подводя итоги тому, «чему учитъ процессъ», передовикъ «Извѣстій № 165 заявля-

етъ: «эс-эры—наши злѣйшіе враги», — партія по всей справедливости можетъ только гордиться такой аттестаціей со стороны тѣхъ, кто во славу революціи уничтожаютъ революціонеровъ и на крови соціалистовъ укрѣпляютъ твердыни «соціалистическаго отечества».

Луначарскій смыслъ «процесса» видѣлъ въ уничтоженіи партіи с.-р. Его коллега по обвиненію Садуль оказался болѣе дальнозоркимъ: за Гоцемъ онъ увидѣлъ не только партію с.-р., — онъ увидѣлъ притаившійся Второй Интернаціоналъ. Для него — «разоблачить эсэровъ это значитъ осудить Вандервельде» (Извѣстія» № 173).

Удалось ли э т о заданіе?

Категорически можно утверждать, что тоже не удалось. Можно на фактахъ иллюстрировать, какъ «процессъ» эс-эровъ повсемѣстно поднялъ престижъ и популярность руководимаго Вандервельде Второго Интернаціонала. Можно доказать, что въ связи съ «процессомъ», на почвѣ борьбы за жизнь эс-эровъ, произошло сближеніе 2½ Интернаціонала съ 2-ымъ. Этого ли добивались большевики, расколовшіе въ свое время Интернаціоналъ, конечно, не для того, чтобы своими же руками создать почву, на которой разошедшіеся люди и партіи стали бы вновь договариваться объ общихъ и солидарныхъ выступленіяхъ противъ тѣхъ, кто ихъ возстановилъ другъ противъ друга.

Вызвать въ средѣ западно-европейскихъ рабочихъ «осужденіе» Вандервельде и 2-го Интернаціонала «процессу» не удалось. Но болѣе здравыя сужденія о совѣтской власти, даже среди чрезмѣрно къ ней терпимыхъ, — «процессъ» уже вызвалъ. Даже Вѣнское объединеніе заговорило, наконецъ, о «неслыханномъ вѣроломствѣ» большевиковъ и неожиданно для себя обнаружило что «въ совѣтской Россіи буржуазное судоговореніе отнюдь не замѣнено соціалистическимъ (? !); наоборотъ, тамъ отъ буржуазной формы перешли къ варварской». Познаніе Западной Европой подлиннаго существа совѣтской власти идетъ весьма туго и медленно. Но оно все-таки движется впередъ. И «процессъ» эс-эровъ далъ весьма сильный толчекъ этому движенію, даже въ средѣ наиболѣе отсталыхъ въ этомъ отношеніи лѣвыхъ pro-большевистскихъ массъ.

Генуя и Гаага обнаружили передъ Европой образцы внѣшне-политической дѣятельности большевиковъ, ихъ дипломатію. «Процессъ» эс-эровъ широко развернулъ передъ Европой существо внутри-государственной политики большевиковъ, ея «судъ» и «право». И въ этомъ неоспоримое значеніе «процесса», независимо отъ цѣлей, какія ему ставились тѣми, кто его

«создавалъ». Этотъ результатъ уже сейчасъ ощутимъ. А тамъ, въ дальнѣйшемъ, быть можетъ, частично, но все-таки и на дѣлѣ исполнятся слова Вотерса, на основаніи личныхъ впечатлѣній утверждавшаго (въ брюссельскомъ «Peuple»), что «судъ» надъ эс-эрами составляетъ не только *сенсацію* «для лѣтописи правосудія», но и *эпоху* «въ исторіи русской революціи и интернаціонала».

II.

Объ стороны на «процессѣ» приложили не мало усилій къ тому, чтобы привлечь общественное вниманіе, россійское и международное, къ партіи с.-р. Эти усилія не пропали даромъ. Въ свѣтѣ прожекторовъ, наведенныхъ на п. с.-р. прессой всего міра, даже тѣ, кто мало интересовался или плохо разбирался въ русскихъ дѣлахъ, кто имѣли въ Европѣ и въ Америкѣ весьма смутное представленіе о борьбѣ эс-эровъ съ большевиками и даже вообще о существованіи п. с.-р., — напряженно слѣдили за развитіемъ «процесса». Параллельно съ почти рефлекторнымъ сочувствіемъ подсудимымъ эс-эрамъ, выросъ и общій интересъ къ п. с.-р., къ ея роли въ русской революціи въ прошломъ, къ ея возможностямъ въ будущемъ.

И когда на слѣдующій день послѣ приговора передовикъ «Извѣстій» № 177 заявляетъ: «конецъ суда надъ эс-эрами — это политическій конецъ партіи эс-эровъ», — онъ самъ, конечно, плохо вѣритъ своимъ словамъ. Въ слишкомъ кричащемъ противорѣчіи находятся они со всѣми другими передовицами тѣхъ же «Извѣстій», да и заявленіями самой власти. Еще не отзвучали обвинительныя рѣчи на «процессѣ», какъ коммунистическая конференція снова подтвердила: «революція въ самомъ непосредственномъ смыслѣ все еще находится въ опасности», и потому — «нельзя отказаться отъ примѣненія репрессій по отношенію къ с.-р.» Примѣняютъ репрессіи значитъ... существуютъ: и тѣ, кто ихъ примѣняетъ, и тѣ, очевидно, къ кому ихъ примѣняютъ. Доказательства послѣдняго имѣются, впрочемъ, и не только «отъ Декарта»...

Желая «передъ пролетаріатомъ всего міра возстановить картину развитія пролетарской революціи» и «написать исторію великаго мірового перелома» («Извѣстія» № 132), большевистскій трибуналъ формально слушалъ «дѣло двадцати двухъ», обвинявшихся «въ вооруженной борьбѣ противъ совѣтской власти, организаціи убійствъ и вооруженныхъ ограбленій

и измѣнническихъ сношеніяхъ съ иностранными государствами». По существу же онъ слушалъ свое собственное дѣло, — дѣло о томъ, какъ большевики захватили власть и утвердили свою партійную диктатуру, удерживая ее въ теченіе 5 лѣтъ, несмотря на всѣ усилія враждебныхъ этой диктатурѣ партій и группъ населенія, направленныя къ ея низверженію. Трибуналъ разсматривалъ тѣ эпизоды антибольшевистской борьбы, въ которыхъ руководящая роль выпала по преимуществу на долю партіи, интимнѣе другихъ, не за страхъ и не по нуждѣ, а за совѣсть связанной съ мартовской революціей, исповѣдывавшей «мартовскіе принципы» не только въ мартѣ 17-го года, а и много лѣтъ раньше и позже. Даже лицепріятное «Наканунѣ» №81 не могло не увидѣть, что «на судѣ оказались не обвиняемые передъ лицомъ объективной революціонной правды, а двѣ стороны». «Судьи утратили въ ожесточенной полемикѣ необходимую объективность, не сумѣли отдѣлаться отъ навязчивыхъ образовъ недавней борьбы, подсудимые — въ самыхъ своихъ ошибкахъ стали находить источникъ для «гордости побѣжденныхъ».

Тяжба шла между мартомъ и октябремъ: кто представляетъ отработанный шлакъ исторіи и кому принадлежитъ исторически ближайшій день?

Въ этой тяжбѣ эс-эры имѣли — и имѣютъ — противъ себя весьма существенный, для многихъ рѣшающій аргументъ, — тотъ, что эс-эры оказались на скамьѣ подсудимыхъ, на мѣстахъ же обвинителей и судей усѣлись и спокойно остались сидѣть большевики. «Побѣдителей не судятъ», «побѣжденный всегда виноватъ», — можетъ быть непріемлемымъ съ моральной точки зрѣнія, можетъ быть неправильнымъ фактически и исторически, но *психологически,* въ особенности, для массовой и примитивной психологіи — это неотразимо по своей убѣдительности. Можно сказать, весь консерватизмъ Монтэня покоится на тезисѣ о томъ, что всякое правительство лучше грядущаго уже тѣмъ, что оно существуетъ. И современный россійскій Монтэнь, консервативный коммунистъ Бухаринъ явно расчитывалъ на эту примитивную и массовую психологію, когда самодовольно укорялъ эс-эровъ: «ни Николай II, ни вы, ни буржуазія не могли править, а мы правимъ страной». И въ качествѣ уже умозаключенія отъ того, что, увы, есть, къ тому, что, по его мнѣнію, и должно быть: — «при данномъ соотношеніи силъ править можетъ только пролетаріатъ, и только черезъ насъ» («Извѣстія» № 173).

Безмѣрна сила фактическаго. Не только внутреннюю инерцію вырабатываетъ оно въ себѣ. Оно влечетъ къ себѣ извнѣ

всѣхъ «фактопоклонниковъ», «рабовъ минутнаго, поклонниковъ успѣха», вызывая стремленіе принять и, принявъ, признать и оправдать. Эс-эры на собственномъ опытѣ познали силу притяженія и отталкиванія, которую они къ себѣ попеременно возбуждали въ зависимости отъ перемѣщенія «фактическаго». Тѣмъ меньше у нихъ основаній — и психологическихъ и логическихъ — ставить знакъ равенства между фактическимъ и нормативнымъ. Какъ изъ того факта, что Николай II правилъ Россіей 22 года, отнюдь не воспослѣдовало того, что ему удалось править и 23-ій годъ, такъ изъ того, что большевики правятъ въ 1922 году, никакъ не слѣдуетъ, что они будутъ править и въ 1923-емъ. Наоборотъ, пятилѣтняя практика правленія большевиковъ обнаружила не случайную, а органическую ихъ неспособность къ государственному управленію. Прошлое и настоящее дѣлаетъ болѣе чѣмъ что-либо иллюзорной возможность управленія Россіей большевиками въ будущемъ. Въ послѣдовательномъ отрицаніи того, что «черезъ большевиковъ» правитъ Россіей пролетаріатъ, и въ неуклонномъ убѣжденіи, что въ Россіи невозможно править «только пролетаріату» или какой-нибудь одной политической партіи и заключается главный политическій смыслъ историческаго спора и борьбы п. с.-р. съ р. к. п. Это относится не только къ настоящему моменту. Это относится ко всему пятилѣтію.

Историческій рокъ — культурная и правовая отсталость Россіи — заставилъ революціонныя партіи въ Россіи съ одинаковымъ жаромъ молиться двумъ богамъ, двумъ абсолютамъ — соціализму и демократизму. Это было не только психологически трудно; не только логически немыслимо, — ибо абсолютное всегда едино; это оказалось и политически неосуществимымъ. «Любовь къ дальнему» затмевала «любовь къ ближнему», которая такъ и осталась неудовлетворенной, ибо внѣ соціалистической идеологіи послѣдовательнаго, безоговорочнаго и стойкаго до конца признанія демократическихъ принциповъ, увы, не оказалось. За время революціи не разъ болѣзненно ощущалась эта неудовлетворенность, этотъ оставшійся незаполненнымъ пробѣлъ. На хрупкія плечи соціалистической Маріи, которой, по традиціи, надлежало пещись совсѣмъ объ иномъ, выпало дополнительное бремя заботъ отсутствовавшей Марѳы: заботы о суетно-земномъ, объ элементарно-житейскомъ, о демократіи.

При всеобщемъ признаніи необходимости демократизаціи Россіи это признаніе не довлѣло себѣ. Демократизація цѣнилась не сама по себѣ, какъ таковая, какъ безусловность. Она расцѣнивалась условно, примѣнительно къ обстановкѣ, въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и мѣста, «постольку — по-

скольку» демократизація способствовала достиженію другихъ цѣлей и задачъ, выдвигавшихся различными партіями. Однѣ изъ нихъ подчиняли начало демократизаціи болѣе высокой, съ ихъ точки зрѣнія, задачѣ сохраненія государственной цѣлостности или групповыхъ привилегій; другія — болѣе высокимъ интересамъ исторически-передового класса или идеалу соціализма.

Въ ряду идеологическихъ причинъ срыва русской революціи одна изъ причинъ лежитъ въ условности признанія демократическаго принципа.

Партія с.-р. напряженно стремилась уберечь революцію отъ исторически неподготовленнаго — ни объективно, ни субъективно, — а потому безплоднаго и гибельнаго скачка въ царство соціалистической свободы. Однако послѣ первыхъ же полутора мѣсяцевъ шансы на благополучное завершеніе «самой солнечной, самой праздничной и самой безкровной», по выраженію А. Тома, революціи стали постепенно меркнуть. Здѣсь сказывалось, конечно, прежде всего наслѣдіе прошлаго, дефекты матеріальной и духовной культуры русскаго народа, вынужденнаго въ необъятной, непроѣзжей, разноплеменной, на три четверти безграмотной странѣ, во время небывалой въ исторіи міровой войны продѣлать «между прочимъ» революцію. И не какую-нибудь, — а для разрѣшенія сразу всѣхъ вопросовъ — политическихъ, національныхъ, соціальныхъ, — которые сгрудились всѣ вмѣстѣ и за вѣка тьмы и угнетенія предъявляли претензію на исключительное къ себѣ вниманіе и немедленное разрѣшеніе. Общенаціональная база, на которую опиралась революція вначалѣ, постепенно сокращалась. Съ первыхъ же часовъ революціи, можно сказать, надъ ея колыбелью стояли двѣ силы, двѣ точки приложенія революціонной энергіи общества и народа — одинаково самочинно возникшіе Временный Исполнительный Комитетъ Государственной Думы и Исполнительный Комитетъ Петроградскаго Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Сочетаніе этихъ силъ, соглашеніе между ними предуказывалось самой наличностью двоецентрія еще до того, какъ была осознана идея коалиціи. Но съ ходомъ революціи все опредѣленнѣе и рѣзче обозначалось расхожденіе этихъ центровъ и образованіе новыхъ, самостоятельныхъ «фокусовъ» на правомъ и на лѣвомъ флангахъ, при чемъ та и другая полярность главнаго врага стала видѣть — видитъ и сейчасъ — не въ своемъ антиподѣ, а въ промежуточномъ среднемъ, третьемъ центрѣ, въ демократіи. Въ послѣдніе мѣсяцы до октября главный врагъ фиксировался во Временномъ Правительствѣ и сливался съ личностью эс-эра Керенскаго. Послѣ октября — этимъ врагомъ по преимуществу признавалась партія с.-р.

«Не только политики враждебныхъ ему направленій, но и обыватель сплошь и рядомъ злорадствовалъ, желая наказать Керенскаго при помощи Ленина», — напомнилъ недавно П. Н. Милюковъ предоктябрьскую атмосферу («Послѣдн. Новости» отъ 16. VI), въ нѣкоторомъ, правда, противорѣчіи съ тѣмъ, какъ онъ ее описываетъ во второмъ выпускѣ т. I своей «Исторіи русской революціи», гдѣ поставленная дилемма — «Корниловъ или Ленинъ?» разрѣшается изображеніемъ А. Ф. Керенскаго въ положеніи человѣка, самого себя наказывающаго... Для сохраненія правильной исторической перспективы надо помнить, что не только обывателямъ, но и политикамъ была близка мысль проучить Керенскаго при помощи Ленина. Враждебныя Временному Правительству настроенія не ограничивались одними только правыми «направленіями». Достаточно вспомнить предоктябрьское настроеніе отца россійскаго марксизма и бывшаго вождя россійской соціалъ-демократіи Г. В. Плеханова. Въ своемъ стремленіи ускорить неизбѣжный моментъ физическаго столкновенія съ большевиками онъ, отвернувшись отъ Временнаго Правительства, всѣ свои надежды возложилъ на... Савинкова. «Онъ одинъ способенъ совершить прекрасными якобинскими методами очистительную работу... Это будетъ повтореніе авантюры Корнилова, но, быть можетъ, безъ Корнилова и, въ особенности, безъ подозрительныхъ элементовъ, которые окружали Корнилова». (Изъ письма Жака Садуля къ Альберту Тома отъ 18/31 октября 1917 г.). Не надо забывать, что и тезисъ «полуленинство страшнѣе Ленина», перефразированный позднѣе въ: эс-эры — не только, такъ наз., лѣвые эс-эры, но и *всѣ* эсэры — хуже, опаснѣе, вреднѣе, безчестнѣе и т. д. большевиковъ, — принадлежитъ тому же Г. В. Плеханову!..

При затянувшемся періодѣ — небываломъ въ исторіи другихъ революцій — власти Временнаго Правительства переоцѣнка значенія нравственнаго воздѣйствія и отказъ — частично вынужденный — отъ примѣненія физическихъ репрессій создали такую обстановку — моральную и фактическую, — при которой кучка неостанавливающихся ни передъ чѣмъ людей, сильныхъ волей къ побѣдѣ, при попустительствѣ однихъ и инертности громаднаго большинства могли, почти шутя, оказаться господами положенія, сначала, какъ они и сами думали, на дни, максимумъ на недѣли, а потомъ, неожиданно и для себя, и для всего міра, — на годы.

Мартовская революція и партія с.-р. съ ней и во имя ея, до и послѣ октября мучительно искала выхода не въ сторону «прекрасныхъ якобинскихъ методовъ», ведущихъ вправо или

влѣво, а въ сторону утвержденія методовъ демократіи. Такого выхода не удалось найти.

Теперь даже Ллойдъ-Джорджъ можетъ издѣваться надъ «революціонной Россіей и русскимъ народомъ настолько безпомощнымъ, что онъ не могъ продѣлать даже хорошей революціи».Онъ по справедливости можетъ считать «истиннымъ благословеніемъ для Европы, что первый взрывъ коммунизма произошелъ въ Россіи». Онъ можетъ мило шутить: «въ этомъ отношеніи Ленинъ и Троцкій были спасителями общества», а коммонеры «смѣхомъ», какъ отмѣчаетъ ремарка въ отчетѣ о засѣданіи Палаты Общинъ отъ 3-го августа с. г., могутъ благодушно подчеркнуть, что они оцѣнили аттическую соль своего премьера. Но россійская демократія и, въ частности, п. с.-р., поставленная передъ выборомъ: сдѣлать «хорошую революцію» для себя, но измѣнить общему дѣлу, или остаться вѣрной своему долгу съ рискомъ получить въ итогѣ скверную революцію, — безъ колебаній избрала послѣднее. Такой выборъ былъ наивенъ, страдалъ излишнимъ идеализмомъ. Онъ не предвидѣлъ, конечно, послѣдующаго — ни столь легкаго забвенія этой жертвы, ни столь быстрой готовности примириться съ авторами сепаратнаго мира. Но былъ ли для мартовской революціи данъ другой выходъ? Даже теперь, когда пятилѣтіе отдѣляетъ насъ отъ заката мартовской революціи и четырехлѣттіе отъ окончанія міровой войны, нашъ взоръ не открываетъ иной, болѣе благопріятной возможности. Революція могла себя сохранить, но погубить «душу», свою честь, либо, сохраняя честь, ей приходилось рисковать гибелью и, увы... погибнуть.

Не удалось выпрямить революцію и послѣ того, какъ демократія и, въ частности, п. с.-р. потеряла власть. Запаса революціонной энергіи хватало на то, чтобы въ теченіе пяти лѣтъ не угасало сопротивленіе большевистскому насилію, чтобы добиться частичныхъ результатовъ, чтобы, временами, освобождать отъ большевистской тираніи сравнительно значительныя территоріи. Недоставало, однако, силъ закрѣпить эти частичныя достиженія, настолько укрѣпиться на занятыхъ позиціяхъ, чтобы оказаться въ состояніи предупредить или отразить очередной ударъ справа, а потомъ опять слѣва. Побѣда эс-эровъ надъ совѣтской властью, одержанная на Волгѣ, послужила къ утвержденію диктатуры адмирала Колчака. Послѣ паденія диктатуры Колчака, какъ и послѣ паденія власти генер. Деникина въ Черноморьѣ, — на ихъ мѣста приходилъ неизмѣнно «ревкомъ», а не содѣйствовавшая ихъ паденію п. с.-р.

Не найденъ искомый, единственно устраивающій Россію, демократическій выходъ и по сей день. Но значитъ ли это, что

такого выхода и не существуетъ? Не свидѣтельствуютъ ли пореволюціонныя событія какъ разъ объ обратномъ, о томъ, что именно всѣ другіе, кромѣ искомаго, были *мнимыми* выходами, неизмѣнно приводившими Россію въ мертвенные тупики, а не на вольный просторъ, къ хлѣбу, свѣту и свободѣ? Рано или поздно выходъ, конечно, будетъ найденъ, тѣмъ болѣе, что теперь придется искать уже не «третьяго» выхода, — а единственно оставшагося, ибо тѣ, кто раньше сулили два разныхъ выхода, теперь сомкнули свои ряды на почвѣ общей ненависти къ главному врагу — демократіи и ведутъ къ одному и тому же.

Отъ большевиковъ и смѣновѣховцевъ, черезъ группы, частично представленныя въ «Рулѣ» и «Русской Мысли» и вплоть до крайнихъ монархистовъ тянется линія общаго фронта, согласно доказывающаго, что умѣренные соціалисты — вотъ источникъ всего зла: «большевики гораздо послѣдовательнѣе и просто интеллектуально честнѣе меньшевиковъ и эс-эровъ всѣхъ толковъ», «ихъ можно даже похвалить, какъ все же своего рода собирателей и возродителей такъ глупо и нелѣпо разсыпанной Временнымъ Правительствомъ государственной власти» и т. д. и т. п.—«Никто не можетъ замѣнить большевиковъ за исключеніемъ развѣ мясниковъ, генераловъ и бюрократовъ», — это не только бутада, случайно вырвавшаяся у Ленина въ Кронштадскіе дни и слишкомъ серьезно воспринятая Западомъ. Это — символъ политической вѣры обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ — большевиковъ и генераловъ, красной и черной Россіи. Когда черные предпочитаютъ, чтобы царь съ его окруженіемъ изъ «мясниковъ, генераловъ и бюрократовъ» пришелъ «лучше на 5 минутъ позже, нежели на 5 минутъ раньше», — они выражаютъ этимъ увѣренность, что лишнія «5 минутъ» большевистскаго правленія только безповоротнѣе скомпрометируютъ революцію и увеличатъ шансы черныхъ. И чернымъ, и краснымъ одинаково близко убѣжденіе Константина Леонтьева въ томъ, что «никакое польское возстаніе и никакая пугачевщина не могутъ повредить Россіи такъ, какъ могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституція». И вся разница между тѣми и другими въ томъ, что черные повторяютъ слова Леонтьева буквально: «на что намъ Россія не самодержавная и не православная», — тогда какъ большевики перефразировали ихъ на свой ладъ: «на что намъ Россія не коммунистическая и не совѣтская».

На протяженіи всего пятилѣтняго періода гражданской борьбы съ большевиками, боровшіяся противъ нихъ партіи и группы настолько легкомысленно расцѣнивали силы противника, настолько увѣрены были въ неминуемо-близкомъ паденіи боль-

шевиковъ, что часто больше интересовались тѣмъ, что будетъ на слѣдующій день послѣ паденія большевистской власти, чѣмъ тѣмъ, чтобы ускорить наступленіе желаннаго дня. И сейчасъ день удачнаго изъятія монархистами документовъ, такъ назыв., Административнаго центра былъ днемъ большого торжества не только для техническихъ исполнителей — полковниковъГорсткиныхъ и капитановъ Коротенко, получившихъ свои серебренники за возможное отягченіе участи эс-эровъ въ Москвѣ, но и для болѣе высокихъ ихъ покровителей, озабоченныхъ обезглавленіемъ эс-эровской партіи гораздо больше, нежели судьбой обреченныхъ и уже «кончающихся» большевиковъ.

Въ качественномъ, принципіальномъ противоположеніи марта октябрю, въ борьбѣ противъ октября во имя марта — весь смыслъ и пафосъ дѣятельности п. с.-р. Врядъ ли кто даже изъ самыхъ преданнѣйшихъ членовъ партіи соблазнится дать «феноменологическое» изображеніе русской революціи, раскрывающей историческій міровой разумъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ эс-эровскихъ лидеровъ и рядовыхъ членовъ партіи. Примѣръ общепризнаннаго авторитета въ исторической наукѣ П. Н. Милюкова, давшаго въ своихъ двухъ выпускахъ «Исторіи русской революціи» такого рода феноменологію к.-д.-ской партіи, — явится убѣдительнымъ въ этомъ отношеніи предостереженіемъ для всякаго смѣльчака... Да, ошибалась и грѣшила, и тяжко грѣшила партія соціалистовъ-революціонеровъ. Однако, многое должно ей проститься за то, что въ самыхъ безысходныхъ положеніяхъ она не угашала своего духа, не свертывала «народолюбческихъ» знаменъ, не отказывалась отъ активизма, не оставляла боевыхъ позицій, не отходила безотвѣтственно въ тылъ, въ ожиданіи пока другіе — или «исторія» — сдѣлаютъ то дѣло, которое должно быть сдѣлано, и, конечно, будетъ сдѣлано. Не поддаваясь всеобщей апатіи и разочарованію, не завороженная соблюденіемъ прежде всего чистоты своихъ партійныхъ ризъ, п. с.-р. вновь и вновь бралась — объективно — иногда за явно безнадежное дѣло...

Фактически эс-эры оказались биты на всѣхъ фронтахъ. Но въ *вину* имъ можно поставить это только въ томъ случаѣ, если забыть, что битой оказалась вся русская демократія, всѣ партіи и классы, весь русскій народъ, вся Россія. Значитъ ли это, что и для всѣхъ ихъ, какъ для п. с.-р., печальное фактическое должно стать длительной нормой? Не значитъ ли это, наоборотъ, — что съ оживленіемъ Россіи, съ воскресеніемъ россійской демократіи — оживетъ и плоть отъ ея плоти, кровь отъ ея крови — п. с.-р.?

III.

Стало своего рода хорошимъ тономъ отрицать значеніе политики и партій или, по меньшей мѣрѣ, — утверждать, что старыя партіи умерли, утратили свои соціально-политическія основанія, исчерпали идеологію. Особенно охотно и назойливо этотъ взглядъ на всякіе лады отстаиваютъ партійные диссиденты, отщепенцы и политическія одиночки. Они демагогически кичатся тѣмъ, что «мы не имѣемъ своей программы, идеологіи. Наши принципіальныя позиціи не являются интеллигентскимъ измышленіемъ. Мы беремъ то, къ чему пришли массы». Однако, не только политическимъ ушкуйникамъ типа Краснова или Савинкова и «смѣновѣховцамъ» всѣхъ мастей свойственна такая точка зрѣнія.

Этотъ взглядъ не совсѣмъ чуждъ и болѣе широкимъ кругамъ русской общественности, вновь переживающимъ теперь то самое желаніе оттолкнуться отъ «грязной» политики и «постылыхъ», ни къ чему, кромѣ упадка и раззора, не сумѣвшихъ привести партій, — которое такъ памятно по эпохѣ, слѣдовавшей за подъемомъ первой революціонной волны въ 1904—1907 гг. и еще раньше — въ 80-хъ годахъ. Какъ тогда, съ торжествомъ правительственнаго террора и отливомъ революціонной активности, возникла «теорія малыхъ дѣлъ», «экономизмъ», «ликвидаторство», обосновывавшіе отказъ отъ неоправданныхъ жизнью жертвъ, отходъ на вторыя позиціи и извѣстное примиренчество съ фактическимъ режимомъ, — такъ и сейчасъ въ «нэпѣ», въ «органическомъ врастаніи», въ «легальныхъ возможностяхъ», пріятіе не большевиковъ — о, нѣтъ, но «національной (!) октябрьской революціи» или другой варіантъ: не большевистскихъ совѣтовъ, о, нѣтъ, а свободныхъ или безпартійныхъ совѣтовъ, — становится выраженіемъ положительной программы тѣхъ, кто усталъ, кто отчаялся, кто самъ съ собой, въ душѣ уже капитулировалъ и лишь не имѣетъ мужества признаться въ томъ открыто. За тактической «гибкостью» вѣдь такъ часто скрывается отказъ отъ убѣжденій; а за готовностью прислушаться къ голосу жизни, за «реальной политикой» — отказъ отъ всякой своей политики или малодушное подчиненіе власти реальностей, силѣ и ходу вещей.

Отъ политики могутъ уйти отдѣльные люди, группы, цѣлые классы, большинство населенія. Пустующее мѣсто можетъ быть занято ничтожнымъ меньшинствомъ, немногими; политика можетъ вызывать восторгъ или возмущеніе, но та или иная, какая-ниб., чья-нибудь не можетъ не быть. Соціальная природа

не терпитъ свободнаго отъ политики пространства. А новѣйшее развитіе государственной жизни сдѣлало изъ политическихъ партій и ихъ соревнованія рычагъ, которымъ приводится въ движеніе весь государственный механизмъ также, какъ въ XVIII вѣкѣ его приводило въ движеніе взаимодѣйствіе сословныхъ чиновъ и учрежденій. Можно политику назвать экономикой, а партію — союзомъ, товариществомъ, братствомъ или орденомъ, — онѣ не утратятъ отъ того своихъ «трансцендентальныхъ» свойствъ, не перестанутъ быть *формой* современнаго государственнаго бытія.

Конечно, живыя, не-мумифицировавшіяся партіи не могутъ оставаться внѣ воздѣйствія жизни, и грандіозные сдвиги, происшедшіе въ Россіи, не могли не наложить своего отпечатка на всѣ россійскія политическія идеологіи и партійныя программы. Однако, было бы неосновательно умозаключать отсюда, что всѣ прежнія программы должны быть полностью сданы въ архивъ; всѣ партіи одинаково отправлены въ музей, подъ стекло; и что новое время по одному тому, что оно новое, требуетъ и новыхъ птицъ, и новыхъ пѣсенъ.

Когда говорятъ: «каждому овощу — свое время», это наблюденіе справедливо. Но сказать: каждой эпохѣ — своя идея, значитъ, расцѣнивать идею не по ея существу и внутренней значимости, а примѣнительно къ «текущему моменту». Къ чему можетъ привести такое «условное» отношеніе къ идеямъ, — показываетъ примѣръ большевиковъ. Они были за свободу и равенство до октября и оказались противъ этихъ идей послѣ. Они были за Учредительное Собраніе до того, какъ опредѣлилось, что большинство его враждебно совѣтской власти, и они отвергли «принципіально» идею У. С. послѣ того. Они были противъ идеи «совѣтовъ» въ 1905 г. и противъ реальныхъ «совѣтовъ» 1917 года, пока послѣдніе были въ своемъ большинствѣ настроены противъ большевиковъ; и они стали убѣжденными идеологами «совѣтизма» послѣ того, какъ «совѣты» стали большевистскими. Они были ожесточенными противниками соціализаціи земли до того, какъ эта «мелко-буржуазная» идея понадобилась для закрѣпленія ихъ власти, и они стали ея сторонниками тотчасъ же по наступленіи соотвѣтствующей «эпохи». И т. д. — Аналогичный примѣръ можно привести и изъ другого лагеря. «Всякія свободы нужны *постольку, поскольку* обезпечиваютъ требованія мира и труда», — писалъ совсѣмъ недавно Н. Езерскій въ «Рулѣ».

Какія бы поправки на пережитой опытъ ни дѣлать, отъ какихъ бы принциповъ ни пришлось, въ концѣ концовъ, отказаться, — самая необходимость въ принципахъ для политическихъ оцѣнокъ не подлежитъ оспариванію. Это отличаетъ поли-

тиковъ-ревизіонистовъ отъ политиковъ-нигилистовъ. Первые пересматриваютъ свои принципы по существу. Вторымъ нѣтъ нужды въ пересмотрѣ, ибо нѣтъ самыхъ принциповъ, есть лишь *функція* эпохи или времени года.

Партія с.-р., можетъ быть, активнѣе другихъ горѣвшая въ пламени революціонныхъ лѣтъ, оказалась, конечно, такъ же, какъ и другія, подвержена воздѣйствію этого пламени. Разрѣзанная многочисленными фронтами на рядъ сегментовъ, иногда совершенно другъ отъ друга разобщенныхъ и вынужденныхъ вести самостоятельно партійную политику, партія въ лицѣ отдѣльныхъ своихъ «фрагментовъ» зачастую давала разные отвѣты на одни и тѣ же вопросы. Эс-эры въ Грузіи защищали «лѣвоэсэровскую» идею трудовластія. Эс-эры на Дальнемъ Востокѣ въ виду японской опасности, изъ патріотическихъ соображеній, свободно вступали въ коалицію и направо, и налѣво, съ торгово-промышленной группой и съ большевиками. Эс-эры на югѣ — въ Крыму (на земско-городскомъ съѣздѣ въ Симферополѣ), въ Екатеринодарѣ (въ Комитетѣ защиты «фронта» Учредит. Собранія) и въ Одессѣ, въ поискахъ методовъ активнаго преодолѣнія большевистской диктатуры питали несбыточную, какъ обнаружилось впослѣдствіи, иллюзію о возможности образованія общенаціональнаго фронта на почвѣ соглашенія съ добровольческой арміей и признанія ею гегемоніи гражданской власти, освященной общественнымъ признаніемъ. Такая противоречивость объясняется конечно тѣмъ, что партійныя организаціи на основаніи своего опыта и окружающей ихъ мѣстной обстановки вынуждены были, изолированно отъ другихъ, принимать рѣшенія общаго порядка. Съ паденіемъ фронтовъ при первой технической возможности передъ партіей становится задача свести воедино все разнообразіе мѣстныхъ опытовъ, пересмотрѣть свои идеологическія позиціи и, отказавшись отъ унаслѣдованныхъ и обнаружившихъ свой тлѣнъ пережитковъ, привести въ соотвѣтствіе программно-должное съ исторически-сущимъ и возможнымъ.

Заранѣе допуская возможность извѣстнаго субъективизма и даже пристрастія, мы склонны все же думать, что идеологія и программа п. с.-р. устарѣла сравнительно менѣе другихъ. Тѣмъ не менѣе и въ ней немало архаизмовъ. Архаизмъ не въ томъ, что программа, утвержденная 2 января 1906 г., говоритъ о «современной Россіи», какъ о Россіи съ «медленно-измѣняющимися формами патріархальнаго дворянско-чиновничьяго царизма». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно было-бы замѣнить «русскій царизмъ» выраженіемъ «русскій коммунизмъ», «самодержавіе» — «совѣтской властью», чтобы вся дальнѣйшая ха-

рактеристика сохранилась въ полной неприкосновенности, какъ вполнѣ адэкватная современности. Несмотря на перемѣну «адресата», какъ злободневна, напримѣръ, та часть программы, гдѣ «п. с.-р. предостерегаетъ рабочій классъ противъ того «государственнаго соціализма», который является отчасти системой полумѣръ для усыпленія рабочаго класса, отчасти же своеобразнымъ государственнымъ капитализмомъ, сосредоточивая различныя отрасли производства и торговли въ рукахъ правящей бюрократіи ради ея фискальныхъ и политическихъ цѣлей!»

Главные архаизмы вызваны тѣмъ, что международный авторитетъ марксистской эрфуртской программы стоялъ въ началѣ нынѣшняго вѣка въ Россіи такъ высоко, что ему отдала дань, и немалую, даже немарксистская, народническая программа с.-р. — Идея *единаго* «соціально-революціоннаго переворота»; *условное* пріятіе «частичныхъ завоеваній» соціально-политической революціи — только тѣхъ, только «такихъ перемѣнъ», которыя бы «не заслоняли отъ рабочаго класса его конечной основной цѣли»; принципіальное противоположеніе какъ двухъ непримиримыхъ категорій — «обобществленія еще въ предѣлахъ буржуазнаго государства» и обобществленія за предѣлами послѣдняго (программы — minimum и maximum); наконецъ, — чтобы не говорить о такихъ сравнительно частностяхъ, какъ, напримѣръ, «смѣняемость во всякое время всѣхъ должностныхъ лицъ, включая депутатовъ и судей», — половинчатое признаніе «временной революціонной диктатуры рабочаго класса», которая «въ случаѣ надобности» *можетъ* потребоваться «послѣ полной побѣды рабочаго класса». Достаточно напомнить эти пункты программы 1906 г. и сопоставить ихъ съ тѣмъ, какъ сейчасъ смотрятъ на нѣкоторые изъ нихъ даже самые ортодоксальные умы и авторитеты, чтобы съ увѣренностью сказать, что эти архаизмы не долго уцѣлѣютъ въ программѣ п. с.-р.

Если самъ родоначальникъ эрфуртской программы и тридцатилѣтній ея паладинъ, правовѣрнѣйшій изъ марксистовъ, глава школы — Каутскій уже предлагаетъ отказаться отъ лозунга (Schlagwort) «диктатура пролетаріата», «несмотря на то, что его приняли Марксъ и Энгельсъ», значитъ, — дни этого лозунга сочтены. Чтобы смягчить горечь неизбѣжной утраты, Каутскій указываетъ, что этого «лозунга нѣтъ ни въ одной изъ программныхъ работъ Маркса и Энгельса, въ томъ числѣ и въ Коммунистическомъ Манифестѣ, хотя они ко времени его составленія во многомъ стояли ближе къ бланкистскому движенію, чѣмъ впослѣдствіи». По мнѣнію Каутскаго, «языкъ Коммунисти-

ческаго Манифеста, который говоритъ не о диктатурѣ, а о господствѣ (Herrschaft) пролетаріата на основѣ демократіи, завоеванной путемъ революціи, — можетъ и долженъ насъ полностью удовлетворять» („Von der Demokratie zur Staatssklaverei") — 1921. — S. 83-84.) Мы по всей справедливости можемъ считать совершенно недостаточнымъ то удовлетвореніе, которое намъ предлагаетъ Каутскій своей замѣной «диктатуры» «господствомъ». Но, какъ симптомъ, эта словесная замѣна весьма показательна. Даже въ ортодоксальномъ марксизмѣ происходитъ здоровая реакція въ пользу ревизіи традиціонныхъ догматовъ. По вѣрному замѣчанію того-же Каутскаго: «Политическіе лозунги гораздо больше черпаютъ свой смыслъ изъ исторіи, нежели изъ лексикона. Исторія сдѣлала выраженіе «диктатура пролетаріата» отличительнымъ признакомъ большевизма. Оно въ глазахъ массъ также неразрывно съ нимъ связано, какъ и обозначеніе коммунизма» (Тамъ же).

Тѣ смягченія, которыя внесла программа п. с.-р. въ заимствованную ею у марксизма идею диктатуры — упоминаніе объ ея условности («въ случаѣ надобности») и истолкованіе не въ формальномъ смыслѣ, какъ господство меньшинства надъ большинствомъ, а въ матеріальномъ, — какъ синонимъ «сильной власти», надѣленной спеціальными полномочіями, — конечно, не устраняли того вреда, который заключался въ этой идеѣ. Изъ эс-эровской идеологіи, равно какъ изъ ея лексикона, идея диктатуры, какъ и идея «господства», одного класса надъ другимъ должна быть изъята безоговорочно разъ и навсегда.

Приблизительно въ аналогичномъ положеніи оказывается и другой пунктъ программно-тактической ортодоксіи—возведеніе въ принципъ классовой борьбы и, какъ его оборотная сторона, — принципіальное отрицаніе соглашенія съ другими классами, въ особенности, — возможной съ ними коалиціи.

И здѣсь соціалистическая теорія и практика сдѣлали много шаговъ навстрѣчу здравому реализму. Тотъ же Каутскій, — конечно, снова отъ писаній Маркса и Энгельса, — неопровержимо доказываетъ, что, несмотря на «подчеркиваемую ими роль классовой борьбы въ политикѣ, обоимъ имъ никогда не приходило въ голову утверждать, что классъ только тогда можетъ съ успѣхомъ защищать свои интересы, если онъ себя совершенно изолируетъ»; и что «принципіальный отказъ отъ какой бы то ни было коалиціи при любыхъ условіяхъ беретъ свое начало отъ того пониманія классовой борьбы, которое разсматриваетъ всѣ буржуазныя партіи безъ исключенія, какъ сплошную реакціонную массу». Съ такимъ пониманіемъ никто такъ не боролся, по увѣренію Каутскаго, какъ именно Марксъ, потому что «оно

означаетъ не классовое сознаніе, а классовое тупоуміе» (берлинская «Freiheit» 1922 г.) Современность ставитъ вопросъ не въ формѣ альтернативы: или коалиція съ буржуазіей или исключительное господство рабочаго класса. Альтернатива такова: или коалиція, въ которой рабочія партіи могутъ оказывать свою долю вліянія, или исключительное господство — тоже «Herrschaft»! — злѣйшихъ враговъ рабочаго класса. Каутскій считаетъ, что «кто въ настоящее время еще отворачивается отъ коалиціонной политики, тотъ слѣпъ для знаменій времени, тотъ не справится съ его задачами», ибо « въ той стадіи, въ какой нынѣ находятся капиталистическія страны, — идея коалиціонной политики будетъ отвоевывать все большую почву». — Да что Каутскій, когда и «лѣвый» Отто Бауэръ, главная теоретическая сила 2½ Интернаціонала, несмотря на рядъ оговорокъ, допускаетъ, что «тамъ, гдѣ существуетъ равновѣсіе классовыхъ силъ, благодаря усиленію пролетарской мощи, — тамъ коалиціонное правительство можетъ въ извѣстные моменты стать необходимостью» («Freiheit» отъ 3. I с. г.) — Практически же — соціалистическія партіи Бельгіи, Германіи, Австріи (съ самимъ О. Бауэромъ во главѣ), Швеціи, Чехо-Словакіи въ разное время и по разнымъ мотивамъ давно уже вступили на путь коалиціонной политики, несмотря на энтузіастическую проповѣдь классовой борьбы.

Классовая борьба — какъ *фактъ,* а не какъ *норма,* какъ сущее и исторически неизбѣжное; классовое, какъ исходное для построенія программы и для борьбы за общечеловѣческое, съ подчиненіемъ этого классового всенародному и общечеловѣческому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда классъ, будь онъ даже трудовой классъ, вступаетъ въ конфликтъ съ цѣлымъ; словомъ, *отъ Маркса къ Лассалю* — такова та эволюція, которая все опредѣленнѣе обозначается въ современномъ соціалистическомъ сознаніи. Даже марксисты вынуждены отступить отъ теоріи и практики классовой борьбы какъ универсальнаго и абсолютнаго основоначала. Достаточно сказать, что въ ортодоксальнѣйшемъ Вѣнскомъ Объединеніи (2½ Интернаціоналъ) оказался всего одинъ безусловный сторонникъ совѣтской диктатуры, какъ классоваго господства трудящихся. Да и тотъ... «лѣвый эс-эръ» Александръ Шрейдеръ.

Тѣмъ болѣе, тѣмъ рѣшительнѣе и безповоротнѣе предстоитъ проэволюціонировать въ этомъ отношеніи эс-эрамъ. Несомнѣнная замедленность темпа этой эволюціи въ Россіи объясняется, конечно, специфическими условіями русской жизни, ея уродливымъ креномъ налѣво даже самыхъ непримиримыхъ

противниковъ нынѣшнихъ порядковъ въ Россіи, въ силу ихъ искусственной изоляціи отъ общенія съ міромъ и его опытомъ.

Заключенные всегда падки на иллюзіи. Игра воображенія иногда единственное утѣшеніе въ безысходномъ положеніи. Подъ герметически-закупореннымъ колпакомъ совѣтской цензуры, подъ непрекращающимся воздѣйствіемъ монопольной большевистской печати, для которой вымыселъ, преувеличеніе или искаженіе ничто, важенъ ближайшій, хотя бы быстро преходящій эффектъ, — антибольшевики-соціалисты не всегда правильно представляли себѣ міровую коньюнктуру и соціально-политическія международныя перспективы. Инстинктивная, не всегда даже осознаваемая надежда на революцію на Западѣ, которая выровняетъ «сорвавшуюся» русскую революцію и обуздетъ ея лже-пророковъ, побуждала даже предубѣжденныхъ противъ совѣтской информаціи чутко прислушиваться ко всѣмъ ея «даннымъ» о всемірной революціи, которая уже грянула: вчера—въ Берлинѣ, сегодня—въ Пекинѣ и Дублинѣ, и завтра — несомнѣнно въ Лондонѣ и Парижѣ . . . Послѣ недавней полемики (въ « Правдѣ») Преображенскаго съ Радекомъ, выяснившей, что «систематическая информація находилась въ рукахъ товарищей изъ Коммунистическаго Интернаціонала», приходится, конечно, только удивляться наивности Преображенскаго, спрашивающаго, почему «телеграфныя сообщенія агентства о Западной Европѣ не точны»; почему «Роста» «отрываетъ свои фактическія свѣдѣнія отъ общей картины европейской дѣйствительности, и русскій читатель съ изумленіемъ долженъ спрашивать себя, почему же не наступаетъ еще міровая революція?» . . . Зиновьевскій «Коминтернъ». Этимъ все сказано; объясненіе — всѣмъ неточностямъ . . .

Въ нездоровой совѣтской обстановкѣ многое, что, какъ пройденная ступень идеологіи, давно уже оставлено самыми «твердокаменными» изъ марксистовъ Запада, остается еще музыкой будущаго даже для п. с.-р., всегда гордившейся своимъ критицизмомъ и отвергавшей марксистскіе догматы и шаблоны.

Мы убѣждены, что, оправившись отъ той почти паники, въ которой п. с.-р. покинула ряды 2-го Интернаціонала, представивъ документъ во многомъ напоминающій худшіе образцы циммервальдъ-кинтальской полемики съ «соціалъ-патріотами», она осознаетъ свою ошибку и вернется въ лоно того международнаго соціалистическаго объединенія, съ которымъ она была связана въ теченіе всего своего существованія и къ которому она ближе всего по духу своей идеологіи и буквѣ программы. Только крайнее предубѣжденіе къ 2-му Интернаціоналу и переоцѣнка

возможностей 2½-го могли подсказать руководителямъ партіи въ 20-мъ году несчастную мысль выйти изъ объединенія, припадавшаго, по мнѣнію былыхъ циммервальдцевъ, на правую ногу, и вступить въ Вѣнское объединеніе, хромавшее одновременно на обѣ ноги: на лѣвую, поскольку оно отрицало «наивную вѣру въ демократію», и на правую, поскольку оно отрицало «слѣпую вѣру въ диктатуру», — и къ довершенію уродства еще явно косившее на лѣвый глазъ — въ сторону Москвы (Ср. подробнѣе ст. А. Сѣверова: «Вѣнскій Интернаціоналъ». — «Совр. Зап.» № 4).

Всего годъ понадобился для того, чтобы одинъ изъ тѣхъ, кто отъ имени п. с.-р. подг[illegible]салъ мало элегантный документъ о выходѣ изъ 2-го Интернаціонала, писалъ уже о 2½-мъ: «ни его происхожденіе, ни его настоящій составъ, по моему крайнему убѣжденію, не оправдываютъ его притязаній... Не этому горчичному зерну превратиться въ развѣсистое дерево, которое дастъ пріютъ рабочимъ демократіямъ всего міра». Послѣ предстоящаго формальнаго объединенія германской соціалъ-демократіи въ значительной мѣрѣ утрачивается самый смыслъ существованія Вѣнскаго Интернаціонала, ибо главные его кадры составляла партія германскихъ «независимыхъ», нынѣ сливающихся съ партіей «большинства», оставшейся вѣрной 2-му Интернаціоналу. Недаромъ дальновидный вождь россійской соціалъ-демократіи П. Б. Аксельродъ, несмотря на свой «циммервальдизмъ», наблюдая западно-европейскую обстановку, рѣзко осудилъ выходъ изъ 2-го Интернаціонала россійской соціалъ-демократіи еще тогда, когда его единомышленники предрѣшали этотъ выходъ, сидя въ Москвѣ, за совѣтской стѣной.

Съ установленіемъ правильныхъ и свободныхъ сношеній съ Европой многія иллюзіи рухнутъ, многіе предразсудки разсѣются, и мы не теряемъ надежды, что господствующимъ въ п. с.-р. станетъ настроеніе, которымъ проникнуты выходящія въ Россіи подпольно изданія, гдѣ можно встрѣтить твердое убѣжденіе въ томъ, что «всего пережитого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы для человѣка, у котораго есть хоть тѣнь народническихъ традицій, не могло быть другого мнѣнія: всѣ остатки бунтарства или утопическаго марксизма должны быть изжиты... На большевистскихъ путяхъ нѣтъ ни соціализма ни революціи.» (См. напр. «Революціонное Дѣло», выходящее въ Петроградѣ, № 1 отъ с. г.) — Вмѣстѣ съ прочими «остатками» партія «изживетъ», надо думать, и отрицаніе коалиціонной политики, которую на Западѣ не рискуетъ отвергать принципіально уже ни одинъ соціалистъ, къ какому бы Интернаціоналу онъ себя ни причислялъ.

Пересматривая свою идеологію и тактическія позиціи, п. с.-р. не миновать пересмотра и той части программы 1906 г., которая касается «переустройства поземельныхъ отношеній».

Здѣсь, можетъ быть, наиболѣе чувствительный и сложный пунктъ всей «ревизіи». Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ является и рѣшающимъ. Сумѣетъ партія внести поправку на ходъ событій послѣднихъ лѣтъ, и она вновь, быть можетъ, овладѣетъ этимъ «ходомъ» и направитъ «событія» въ желанное ей русло. Не рѣшится партія на такой шагъ — и тогда, сохранивъ вѣрность своему традиціонному прошлому, она рискуетъ потерять свое политическое будущее. Или — или.

«Въ вопросахъ переустройства поземельныхъ отношеній П. С.-Р. стремится опереться... въ особенности на распространенное среди русскаго крстьянства убѣжденіе, что земля ничья.» Это могло казаться правильнымъ тогда, когда писалась и утверждалась эта программа и въ теченіе десятилѣтія послѣ того. «Земля ничья» — было революціонирующей идеей, прогрессивной, направленной въ сторону удовлетворенія интересовъ крестьянскаго большинства, — когда земля была въ рукахъ помѣщиковъ. «Земля ничья» — утратило эти свойства съ тѣхъ поръ, какъ помѣщики исчезли, и земля фактически оказалась въ рукахъ крестьянства. Измѣнилось положеніе. Естественно, измѣнилось и «убѣжденіе». Вмѣсто «земля ничья» опредѣленно стало извѣстно, *чья* земля: — земля трудящихся на ней, земля — труду.

Еще въ 17-мъ году мнѣ приходилось указывать въ печати, что изъ всѣхъ аграрныхъ программъ, предлагавшихся различными политическими партіями, программа *соціализаціи земли,* вопреки полемическому изображенію ея противниками какъ пугачевскаго чернаго передѣла, является *единственной* программой, рѣшавшей вопросы не эмпирически, путемъ произвольныхъ фактическихъ перемѣщеній («отчужденіе», «надѣленіе», «отрѣзки», «экспропріація», «конфискація»), а принципіально и *на основѣ права.* На фонѣ идеалистическаго энтузіазма первой фазы революціи сильная власть могла бы не безъ шансовъ на успѣхъ произвести реформу юридически весьма деликатную и весьма сложную технически. Того, на что можно было расчитывать до и послѣ марта 17 года не случилось. «Сильной власти» не оказалось. Революція «не удалась». Октябрьскій срывъ произошелъ. Пять лѣтъ длится *фактическое* крестьянское землепользованіе. Пять лѣтъ «соціализируютъ» вразбродъ, «на мѣстахъ», «своими средствіями» дѣлятъ и «переправляютъ дѣлежку». Родилось неистребимое желаніе покончить съ фактическимъ состояніемъ, оформить его «на бумагѣ». Аракчеевскіе пріемы при-

нудительной коллективизаціи вызвали отталкиваніе отъ всякой хозяйственной коллективизаціи, отъ «коммуніи», «совхозовъ» и «соціализаціи». Такова ужъ природа большевистской власти: до чего бы ни коснулась ея мертвящая рука, все обращается въ прахъ и пепелъ. Если Россія, въ итогѣ большевистскаго пятилѣтія, сейчасъ дальше отъ соціализма, чѣмъ была до войны (К. Каутскій), то и шансы на проведеніе стройной правовой земельной реформы даже въ послѣ-большевистской Россіи приходится признать весьма низкими, приближающимися, быть можетъ, къ нулю. Съ соціализаціей земли случилось то же, что и съ диктатурой пролетаріата и коммунизмомъ. Исторія связала ихъ съ большевизмомъ. А политическіе лозунги, мы объ этомъ уже упоминали, гораздо тверже осознаются и усваиваются изъ хода исторіи, нежели изъ лексикона или программы...

Если бы, несмотря на весь хаосъ и вредъ землеустроительной политики большевиковъ, послѣбольшевистскому періоду русской исторіи удалось поставить въ равныя условія тягу къ участковому землепользованію (отруба, хутора) съ сохраненіемъ и развитіемъ общественнаго землепользованія (община, кооперація); если бы удалось предовратить уже теперь пропагандируемую въ совѣтской литературѣ идею созданія «крестьянскихъ майоратовъ» путемъ недробимаго единонаслѣдія; если бы, идя тѣмъ же путемъ «внутренней колонизаціи», какимъ идетъ Западная Европа, удалось уменьшить кадры безземельныхъ, непроизводительныхъ, антигосударственныхъ и антиобщественныхъ «люмпеновъ»; если бы наряду съ обезпеченіемъ земли за фактическимъ ея держателемъ — крестьяниномъ, въ предѣлахъ его производственной мощи, удалось установить максимальныя нормы съ отступленіемъ отъ нихъ только въ единичныхъ, строго опредѣленныхъ случаяхъ; если бы, избѣгнувъ частной собственности на землю, удалось укрѣпить землю въ твердое, хотя бы и наслѣдственное владѣніе трудящихся на ней, но безъ права залога и отчужденія ея, въ предупрежденіе *главнаго и неисправимаго зла* — обращенія земли въ товаръ съ неизбѣжными, въ такомъ случаѣ, мобилизаціей и спекуляціей землей; если бы, взамѣнъ субъективнаго публичнаго права на землю каждаго россійскаго гражданина, удалось закрѣпить хотя бы «въ конечномъ счетѣ» право на землю и ея нѣдра за государствомъ; — такой исходъ можно было бы почитать исключительно благополучнымъ для грядущаго сельско-хозяйственнаго и соціально-политическаго развитія Россіи.

Поскольку щупальцы большевизма глубже проникли въ промышленную сферу, — отталкиваніе отъ торгово-промышленной «націонализаціи» сильнѣе отталкиванія отъ сельско-хозяй-

ственной «соціализаціи». Этотъ моментъ усиливаетъ психологическую и экономическую потребность въ признаніи и даже поощреніи частно-хозяйственнаго интереса и иниціативы въ торгово-промышленныхъ отношеніяхъ страны, вернувшейся къ исторически неизбывной буржуазно-демократической стадіи своего развитія. Частная иниціатива предпринимателя, посредника, кредитора, — послѣ коммунистическаго опыта только выигравшая въ авторитетѣ и ставшая неустранимымъ элементомъ возстановленія русской промышленности и подъема производительныхъ силъ Россіи, вызоветъ необходимость въ законодательномъ признаніи ея пріобрѣтеній и «завоеваній». Однако, и въ промышленной области частная собственность не можетъ быть ничѣмъ неограниченной и абсолютной свободой распоряженія, вплоть до злоупотребленія своимъ правомъ. Частная собственность можетъ быть только *общественной функціей,* или *государственной службой, повинностью.* Говоря словами п. 3. ст. 153 нынѣшней германской конституціи, — «собственность обязываетъ. Пользованіе ею должно вмѣстѣ съ тѣмъ служить благу цѣлаго». (Sein Gebrauch soll zugleich Dienst sein für das Gemeine Beste).

Легко предвидѣть, что изложенное будетъ воспринято иными съ удовлетвореніемъ, другими — съ злорадствомъ, съ тревогой, или даже съ возмущеніемъ. Извѣстный своимъ радикализмомъ Григ. Ландау, можетъ быть, снова назоветъ «Современныя Записки» «интеллигентскимъ, умѣренно-консервативнымъ органомъ». А любители «революціонной стихіи» и «плебейскаго соціализма» снова упрекнутъ насъ въ «политической трезвенности» и приверженности къ соціализму «салонному, причесанному по всей модѣ для благопріятной встрѣчи буржуазной публикой». Злорадствующимъ, встревоженнымъ и возмущеннымъ мы выскажемъ лишь одно опасеніе: не захватили ли привитые большевизмомъ предразсудки гораздо болѣе широкіе круги, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда?! Даже противники большевиковъ незамѣтно для себя часто оказываются во власти большевистскихъ словъ и мышленія. — Конечно, если большевистскій коммунизмъ — это соціализмъ, тогда нашъ соціализмъ, являющійся тою же демократіей, распространенной изъ политической области въ область хозяйственную, — не есть соціализмъ. Если большевизмъ есть революція, то историческую заслугу п. с.-р. мы усматриваемъ именно въ томъ, что она была и есть неисправимая и сплошная «контръ-революція». П. с.-р. не дожидалась «нэпа», чтобы за обоими ликами «коммунизма» — пугачевскимъ и аракчеевскимъ — одинаково отрицать даже намекъ

на соціализмъ. И не отъ сближенія или сравненія съ «азіатскимъ соціализмомъ» можно притти къ правильному представленію о подлинномъ.

П. с.-р. болѣла максимализмомъ въ 1905—1906 гг. Она страдала отъ т. наз. «лѣваго эс-эрства» въ теченіе всего періода мартовской революціи. Она сравнительно легко и быстро освободилась отъ ставшей на совѣтскую платформу послѣ предательскаго coup d'état въ Омскѣ группы «Народъ». Перенеся три приступа той самой болѣзни, которую «самъ» Ленинъ діагностицировалъ какъ «революціонную чесотку», партійный организмъ долженъ былъ выработать въ себѣ нѣкоторую большую устойчивость противъ новой заразы.

Эту устойчивость партія пріобрѣтаетъ въ преданности идеѣ демократіи, увѣренности не отвлеченной, а стихійной, эмоціональной, что крайняя демократія, по слову Токвиля, преодолѣваетъ недостатки демократіи, что «бороться съ демократіей, значитъ бороться съ Богомъ».

Съ такимъ мироощущеніемъ партія, естественно, не можетъ отказаться отъ основного своего политическаго требованія — Учредительнаго Собранія. Какъ ни принято сейчасъ «въ хорошемъ обществѣ», — правомъ и лѣвомъ одинаково, — шельмовать и презирать это требованіе; какъ ни стараются увѣрить, что «по единодушному свидѣтельству всѣхъ пріѣзжающихъ, идея учредительнаго собранія не менѣе скомпрометирована, чѣмъ идея монархіи» («Руль» отъ 30—8); какъ ни убѣждаютъ насъ «освободиться отъ фетишизма формальной демократіи» («Соціалист. Вѣстникъ» № 17 (39)); какъ ни пропагандируютъ даже монархисты, что, по свидѣтельству опыта, «совѣты» при надлежащемъ (!) воздѣйствіи лицъ, стоящихъ у власти, являются послушнымъ орудіемъ у политически организованной группы (письмо Н. Тальберга къ ген. Батюшину), а весьма радикальные демократы, что «куріальная система удобное приложеніе къ мало культурному народу»; — насъ эти доказательства нимало не убѣждаютъ, модное увлеченіе «свободными совѣтами» не соблазняетъ такъ же, какъ и бонтонная сейчасъ хула на У. С.

Намъ уже приходилось отмѣчать на страницахъ «Соврем. Зап.» (т. IV, 361) «логику» массоваго стихійнаго движенія. Въ поискахъ оформляющаго его организаціоннаго центра, оно всегда прибѣгаетъ въ первую минуту къ уже существующимъ учрежденіямъ. И хотя бы эти учрежденія по существу преслѣдовали цѣли противоположныя цѣлямъ движенія, если исторически оно назрѣло, старыя учрежденія дѣлаютъ его цѣли своими и возглавляютъ все движеніе. Такъ было въ Англіи XVII вѣка съ Дол-

гимъ Парламентомъ. Такъ случилось во Франціи XVIII вѣка съ Генеральными Штатами. Такъ было въ Россіи съ IV Государственной Думой 27 февраля 1917 г. . . То же *можетъ* случиться и съ Совѣтами. Даже съ коммунистическими!.. Одно дѣло, поэтому, — «свободно избранные совѣты», какъ фактъ и возможность, возникающіе въ процессѣ самаго движенія. И совсѣмъ другое дѣло «свободные совѣты», какъ положительное требованіе и непосредственный лозунгъ. Во время петроградской стачки въ Кронштадскіе дни рабочіе выдвинули лозунгъ «Учредительное Собраніе». Вожди же — среди нихъ были и соціалисты — рекомендовали «беречь совѣты» и высказались въ пользу «совѣтской демократіи». Послѣ этого опыта уже не приходится ссылаться на «волю массъ». Практическая гибкость, казалось бы, менѣе всего позволяетъ заранѣе требовать «свободно-избранныхъ совѣтовъ». Надо недооцѣнивать психологическую реакцію противъ большевистскаго властвованія, чтобы допустить возможность сохраненія совѣтской системы послѣ паденія большевистской власти. Мы не говоримъ объ органическихъ дефектахъ всякихъ, даже свободно-избранныхъ совѣтовъ . . .

Когда большевики разгоняли Всероссійское Учредительное Собраніе, они, устами Бухарина, назвали его «вчерашнимъ днемъ революціи». Большинство У. С., подвергшееся разгону и принадлежавшее къ п. с.-р., полагало тогда—въ январѣ 1918 г. и позднѣе, — что Учредительное Собраніе есть текущій день русской революціи. Тяжкіе уроки жизни вынуждаютъ признать, что новое У. С. является *завтрашнимъ* днемъ русской исторіи.

Маркъ Вишнякъ

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Племя младое

(О „Серапіоновыхъ Братьяхъ")

I.

Въ русской беллетристикѣ годы революціи были рѣзкимъ перерывомъ. Еще звучали слабые голоса старыхъ поэтовъ и уже кричали громко новые, а художественной прозы, обычно столь обильной, въ Россіи не было. Часть беллетристовъ очутилась заграницей, оставшіеся замолкли, новыхъ не появлялось.

И вотъ передъ нами пышный расцвѣтъ именъ и произведеній. Впрочемъ, и м е н ъ пока едва ли не больше, чѣмъ произведеній, по крайней мѣрѣ, напечатанныхъ. Не было никого и вдругъ сколько ихъ: «Серапіоновы Братья», Пильнякъ, Яковлевъ!.. Невольно вспоминаешь Пушкинскія слова:

«Здравствуй, племя
Младое, незнакомое...»

Но не приходится и ждать, чтобы они переросли нашихъ «знакомцевъ» — и зашумѣли своими зелеными верхушками — шуму вокругъ нихъ уже и теперь много. Вспоминается шумъ вокругъ символистовъ въ 1907 году, вокругъ беллетристовъ изъ «Знанья» послѣ первыхъ успѣховъ Горькаго и Андреева.

Только то, что раньше было достояніемъ мелкой прессы — фотографіи, автобіографіи — перешло на страницы серьезныхъ журналовъ, какъ «Новая Русская Книга» и даже петербургскія «Литературныя Записки!..»

Въ этомъ повышенномъ интересѣ къ новымъ людямъ въ литературѣ есть не одно только праздное любопытство. Какъ и въ годы самодержавія, только безконечно радикальнѣе, обще-

ственные интересы благопопечительнымъ начальствомъ искусственно отводятся въ литературное русло. И во вниманіи къ «Серапіоновымъ братьямъ» есть доля общественнаго интереса, естественнаго жаднаго любопытства къ новымъ людямъ, дѣтямъ революціонной эпохи. Они очень молоды, эти «братья»! «Родился 20 лѣтъ тому назадъ къ ужасу родителей и собственному неудовольствію» пишетъ К. Каверинъ. «Родился въ 1902 году», сообщаетъ Л. Лунцъ. И только М. Зощенко нѣсколько старше: «мнѣ 27 лѣтъ. Впрочемъ Оленька Зивъ думаетъ, что мнѣ меньше!» Публика склонна думать, какъ Оленька Зивъ. Только дѣтство, изрѣдка отрочество ихъ лежитъ за водораздѣломъ 1914 года. Это первые юноши, и талантливые юноши, поколѣнія войны и революціи, которые говорятъ о себѣ и своими произведеніями, и въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ. И то, и другое — важные «человѣческіе документы», документы эпохи. Не говорятъ ли за тысячи своихъ молчаливыхъ братьевъ эти «Серапіоновы Братья»?, не являются ли они porte-parole своего поколѣнія?

Во всякомъ случаѣ, такъ ли это, или не такъ — «Литературныя Записки» были правы, когда предоставили мѣсто для ихъ самопризнаній. Нѣтъ основанія подозрѣвать ихъ, какъ это намъ пришлось слышать, въ нѣкоемъ маккіавелистическомъ планѣ: дать молодымъ людямъ показать себя въ своемъ естественномъ видѣ и тѣмъ ихъ скомпрометировать. Къ тому же видъ этотъ и пристоенъ, и скорѣе привлекателенъ. Трудно быть естественнымъ передъ объективомъ фотографа, трудно естественно говорить съ трибуны. Не избѣгли нѣкоторой бравады и рисовки и «Серапіоновы Братья». Чтобы не впасть въ тонъ некролога или curriculum vitae — они стараются оригинальничать и острить. Но острятъ мало и въ общемъ сообщаютъ дѣйствительно нужныя и интересныя вещи.

А жизнь суждена имъ была исключительно бурная. Въ другую эпоху того, что пережилъ каждый изъ нихъ — хватило бы на очень многихъ. Даже юность Горькаго или Шаляпина можетъ показаться прѣсной и мало разнообразной по сравненію съ Вс. Ивановымъ и Зощенко. Вотъ что пережилъ Вс. Ивановъ: «въ 14 лѣтъ началъ шляться. Былъ типографскимъ рабочимъ, матросомъ, клоуномъ и факиромъ — «Дервишъ Бенъ-Али Бей» (глоталъ шпаги, прокалывался булавками, прыгалъ черезъ ножи и факелы, фокусы показывалъ); ходилъ по Томску съ шарманкой; актерствовалъ въ ярмарочныхъ балаганахъ, куплетистомъ въ циркахъ, даже борцомъ.» Въ 1917 г. участвовалъ въ революціи, былъ въ красной гвардіи, былъ мобилизованъ Колчакомъ. Много разъ чудомъ избѣгалъ разстрѣла.

Лежалъ въ тифу въ вагонѣ 7 дней съ револьверомъ въ рукѣ, иначе бы сосѣди выбросили его изъ вагона, чтобы не заразиться, и онъ замерзъ бы въ степи. «Съ 1917 года — одна моя дорога — смертная. И тому что живъ—радуюсь!» Другой «Серапіонъ» — Зощенко дрался на дуэли, былъ на войнѣ добровольцемъ, былъ плотникомъ, сапожнымъ подмастерьемъ, телефонистомъ, милиціонеромъ, агентомъ уголовнаго розыска, карточнымъ игрокомъ, конторщикомъ, актеромъ, добровольцемъ въ Красной Арміи. И въ шутливой автобіографіи не шуткой кажется статистическая «таблица моихъ событій»:

Арестованъ — 6 разъ
Къ смерти приговоренъ—1 разъ
Раненъ — 3 раза.
Самоубійствомъ кончалъ — 2 раза.
Били меня — 3 раза.

И все это происходило не изъ авантюризма, а «просто такъ», «не везло!» А если другимъ «братьямъ» болѣе везло и за ними нѣтъ такой статистики и меньше приключеній, то все же и они прошли черезъ великую «авантюру» революціи.

Въ гражданской войнѣ всѣ они, частью добровольно, частью, можетъ быть, и случайно, очутились по одну сторону баррикады съ красными. Но сейчасъ, повидимому, отошли отъ политики. «Моя революція кончилась», пишетъ Константинъ Фединъ. «Россію люблю мужицкую и въ этомъ мнѣ съ большевиками по дорогѣ (sic!), но я не коммунистъ (не марксистъ, вѣрнѣе) и думаю, что никогда имъ не буду» (Слова М. Зощенко). «Сидѣлъ въ Чека и съ коммунистами разными ругался и буду ругаться, но знаю одно: та Россія единственная, которая есть, — она здѣсь. А остальныхъ Россій — книжныхъ, зарубежныхъ, карманныхъ знать не знаю и знать не хочу. Эту здѣсь люблю сильно и стоять за нее готовъ» — пишетъ Н. Тихоновъ. Это все считается хорошимъ тономъ у литературной молодежи—указавъ на свою въ общемъ лѣвизну, лягнуть «зарубежную Россію» и, особенно, подчеркнуть безпартійность и аполитичность. «Честное слово я не знаю, въ какой партіи Гучковъ», увѣряетъ Зощенко. «Когда фанатики-политиканы и подслѣповатые критики справа и слѣва разжигаютъ въ насъ рознь, бьютъ въ наши идеологическія расхожденія и кричатъ: «разойдитесь по партіямъ!» — мы не отвѣтимъ имъ» (Левъ Лунцъ).

И надо признать, что въ такой «аполитичности» есть доля правды, вѣрнѣе субъективной правоты. Казалось бы, чѣмъ богаче личность художника, чѣмъ сложнѣе его душа — тѣмъ богаче должно быть и его творчество. Зощенко восклицаетъ съ комическимъ ужасомъ: «Требуется нынѣ отъ писателя идеологія. Этакая, право, мнѣ непріятность!» На нѣтъ, разумѣется, и суда нѣтъ, но если бы

«идеологія» была, — казалось бы это ничему бы не помѣшало! Идеологія, политическій интересъ должны обогащать писателя, какъ всякое переживаніе, каждая сильная страсть. Но бѣда въ томъ, что политическая вѣра, политическая страсть очень властны, стремятся исключительно овладѣть душой и убить въ ней все другое. Мы не говоримъ уже объ узкой партійности съ ея опасностью шоръ и ограниченій творческой свободы. Политика не убила, а обогатила Данте, или Виктора Гюго, хотя они и «разошлись по партіямъ». Но этотъ грузъ могутъ вынести только очень сильные духомъ. Для большинства «политика» — ненужный балластъ, который лучше всего сбросить въ море и vogue la galère! Духовная гигіена средняго художника не выноситъ политики; жертвъ «гражданской» лирики и тенденціозной беллетристики не счесть въ русской литературѣ.

Vogue la galère! Легкія, безъ балласта, суденышки бросаетъ туда и сюда и порой заноситъ въ пристань берлинскаго «Наканунѣ». Это жаль, а, можетъ быть, когда-нибудь пожалѣютъ объ этомъ и сами «Серапіоны». Правда, несетъ ихъ туда вѣтеръ дующій слѣва, а для оцѣнки ихъ вѣдь не надо забывать не только того, куда они идутъ, но и откуда они приходятъ. Пусть они вспомнятъ, что какъ «аполитиченъ», безпартіенъ и широкъ ни былъ Чеховъ, однако и онъ, несмотря на свою дружбу съ Суворинымъ — ушелъ изъ «Новаго Времени». Но не принадлежатъ ли они къ числу «пассивныхъ» сотрудниковъ этой газеты, которая широко практикуетъ институтъ «пассивнаго» сотрудничества. Анна Ахматова разсказала уже, что безъ ея вѣдома попали туда ея стихи. Прекрасный разсказъ Вс. Иванова «Дите» былъ до «Наканунѣ» напечатанъ въ «Красной Газетѣ». Достойнѣе сотрудничать въ открытыхъ оффиціальныхъ правительственныхъ изданіяхъ, хотя бы это были изданья монополистовъ и душителей свободной печати, чѣмъ въ лицемѣрномъ оффиціозѣ, созданномъ для обмана и уловленія душъ!

«Я вышелъ изъ партіи (коммунистической), у меня тяжелая полка съ книгами, я пишу.» Всѣ они, повидимому, знаютъ сейчасъ одну страсть — литературу. «Въ зимніе, безтрамвайные вечера — разсказываетъ Е. Замятинъ (Литерат. Записки № 1) — я приходилъ сюда (въ Домъ Искусствъ) съ Карповки, чтобы говорить съ ними о языкѣ, о сюжетѣ, о ритмѣ, объ инструментовкѣ; въ темные вечера они приходили сюда отъ Технологическаго, отъ Александро-Невской Лавры, съ Васильевскаго». Въ тяжелые годы они находили въ себѣ силы учиться своему литературному ремеслу, «искусству писать чернилами девяностоградусной крѣпости (Е. Замятинъ). Да и раньше, въ годы

борьбы; они сильно отличались отъ своихъ красно-армейскихъ «одношапочниковъ». И тогда Зощенко чутко вслушивался и запоминалъ колоритный языкъ своего «Назара Ивановича», а Вс. Ивановъ, самъ едва избѣжавъ разстрѣла, смотря на трупы разстрѣлянныхъ, оставался художникомъ и находилъ въ себѣ силы подмѣтить: «Кровь на снѣгу, какъ линялый, изъѣденный молью бархатъ.» Воистину изысканный эстетъ, Оскаръ Уайльдъ подъ шапкой съ пятиугольной звѣздой! «Я поэтъ. Тутъ ничего не подѣлаешь», говоритъ Н. Тихоновъ. «Пока не повѣсили — пишу стихи.» И онъ же шутитъ: «недвижимость имѣю: въ 9-ой типографіи лежитъ моя книга «Орда», лежитъ крѣпко». Да и для всѣхъ нихъ, въ хаосѣ современности, литература не является ли единственной «недвижимостью», твердой цѣнностью! Всѣ они — настоящіе писатели, однодумы и однолюбы.

Не все въ душѣ ихъ выжегъ огонь революціи, не все оголили «Голые годы»! Многое выжгли и многое оголили, но они выгодно отличаются хотя бы отъ имажинистовъ, съ которыми насъ познакомили ихъ подвиги въ берлинскомъ «Домѣ Искусствъ» и ихъ автобіографіи въ «Новой Русской Книгѣ». Общее есть, родственныя и жесткія черты эпохи. Но «хулиганскій» налетъ слабѣе у «Серапіоновыхъ Братьевъ», чѣмъ у ихъ двоюродныхъ братьевъ — имажинистовъ. Наоборотъ, чувствуется въ нихъ порой нѣкоторая романтика, даже сентиментальность. У Федина — въ его воспоминаніяхъ о дѣтствѣ, о Балмашевѣ, въ его увлеченіи революціей, у Л. Лунца въ его горячемъ возгласѣ: «Братья! Есть еще нѣчто, что объединяетъ насъ, чего не докажешь и не объяснишь,—наша братская любовь. Мы не сочлены одного клуба, не коллеги, не товарищи, а—братья! И нѣтъ той силы въ мірѣ, которая разрушитъ единство крови, разорветъ союзъ родныхъ братьевъ!» Есть логика злобы и есть логика любви. Кто истинно и безкорыстно любитъ что-нибудь — надъ тѣмъ не властны темныя силы. И особенно любовь къ искусству, къ прекрасной формѣ, къ гармоніи сама гармонизируетъ душу и не даетъ овладѣть ею ни узкому фанатизму, ни цинизму, ни злобѣ. Отъ любви къ русской литературѣ прямой путь къ любви къ Россіи. И нигилизмъ, естественный въ революціонныя эпохи, не погаситъ пламени ихъ таланта.

II.

Каково же дарованіе «братьевъ» и что принесли они съ собою въ литературу? Прежде всего бросается въ глаза одна черта — ихъ «ученичество». Ихъ можно было бы назвать «первыми учениками» русской художественной прозы. Первыми и по времени, потому что они послѣ многолѣтняго перерыва впервые обновляютъ ка-

дры русской беллетристики. «Первыми и по достоинствамъ, ибо они старательные, умѣлые, внимательные ученики. Вотъ что пишетъ о нихъ въ своей замѣткѣ, маленькомъ критическомъ chef d'oeuvre'ѣ — Е. Замятинъ: «Никому изъ насъ, писателей старшихъ, не случалось пройти черезъ такую школу: мы всѣ самоучки. И въ такой школѣ, конечно, всегда есть опасность: создать шеренгу и униформу. Но отъ этой опасности Серапіоновы Братья, кажется, уже ушли: у каждаго изъ нихъ свое лицо и свой почеркъ.» И затѣмъ Е. Замятинъ кратко характеризуетъ ихъ «почерки». И при этомъ онъ немного похожъ на умнаго учителя, разбирающаго тетради своихъ учениковъ. «Серапіоновы Братья» прежде всего школа, студія, и сборникъ ихъ — показныя работы студіи.

Но не только «старшіе писатели» поколѣнія Е. Замятина не прошли черезъ «школу». Исторія литературы почти не знаетъ примѣровъ такого рода ученичества. Музыканты проходятъ черезъ консерваторіи, художники и скульпторы черезъ академіи или же «сидятъ у ногъ учителя» въ его мастерской. Рафаэль—ученикъ Перуджино, Леонардо-да-Винчи работалъ у Верроккіо. Въ литературѣ съ трудомъ вспоминаешь такія-же сочетанія именъ: Мопассанъ, учившійся у Флобера, кто еще? Развѣ — молодые люди изъ многочисленныхъ поэтическихъ студій? Эти студіи повысили нѣсколько уровень поэтической техники, но кто изъ истинныхъ поэтовъ прошелъ черезъ нихъ, кажется, ни одинъ!

Чѣмъ объяснить это? Вѣдь художественная проза, какъ и другія искусства, зиждется на техникѣ, на трудномъ «ремеслѣ.» Да, но сама эта техника менѣе «ремесленна», менѣе механична, чѣмъ техника другихъ искусствъ, она сама — искусство, она не приведена въ систему, у нея нѣтъ—канона. И потому каждый писатель самъ вырабатываетъ ее въ своей творческой мастерской, каждый выбираетъ себѣ безмолвныхъ учителей — книги и только духовно «сидитъ у ногъ учителя». Такъ было до сихъ поръ и это настраиваетъ скептически по отношенію къ тѣмъ, кто безмолвное, духовное ученичество у излюбленныхъ, родственныхъ по духу творцовъ сочеталъ съ ученичествомъ реальнымъ въ «студіи», въ школѣ. Можетъ быть, это предразсудокъ и «Серапіоновы Братья» призваны его разсѣять.

Но они не только «школа-студія», а немного и «школа-направленіе» или, по крайней мѣрѣ, зародышъ новаго направленія въ русской беллетристикѣ. Роль «школъ», литературныхъ группировокъ велика и въ общемъ благотворна. Русская литература знала уже немало такихъ школъ, и на нашей памяти сложилась и распалась большая символическая школа, искусственнымъ растеніемъ

не расцвѣтши отцвѣлъ акмеизмъ, владѣла вниманіемъ читателей группа беллетристовъ-реалистовъ изъ «Знанья», прооралъ о себѣ футуризмъ и на склонности одного поэта Есенина злоупотреблять образностью—нѣсколько другихъ, менѣе талантливыхъ, попытались построить маленькую школу «имажинизма». Въ нашей американизирующейся жизни—школа это прежде всего реклама, торговый знакъ, концентрирующій вниманіе читателей, или, если выражаться возвышеннѣй—лозунгъ, знамя. Школа даетъ ея участникамъ выгоды духовной, да и житейской кооперацiи. Ея положительная роль въ томъ, что литературныя тенденціи быстрѣе кристаллизуются (и иногда огрубляются), вопросы обостряются, споры закипаютъ ожесточеннѣе, литературная жизнь становится оживленнѣе. «Серапіоны» слишкомъ еще молоды и между ними пока не видно теоретиковъ. Это затрудняетъ образованіе школы. Къ тому же они не опираются ни на какое родственное теченіе на западѣ и только ищутъ себѣ тамъ отдѣльныхъ вождей и учителей: Гофманъ, Стивенсонъ, вотъ имена, которыя они называютъ. У нихъ мало теорій, больше инстинктивныхъ тяготѣній вкуса, еще не проявившихся съ достаточной силой въ собственномъ творчествѣ. Они недовольны старымъ и ищутъ новаго. Но они отнюдь не революціонеры въ искусствѣ, ничего не хотятъ ломать. Изъ недавняго прошлаго, повидимому, любятъ Замятина, Ремизова, кажется, и Бунина. Они хотятъ не революціи, а умѣренной реформы художественной прозы. И тенденціи ихъ общи имъ со многими современными писателями, какъ молодыми, такъ и старшими. Въ этомъ ихъ сила: — это не случайныя тенденціи, а общія настроенія времени. Въ этомъ же и ихъ слабость — они не монополія «Серапіоновыхъ Братьевъ» и не будутъ связаны только съ ихъ именами въ исторіи литературы, если даже допустить, что имена эти спасутся отъ забвенія.

Въ чемъ же ихъ устремленія? То, что они нашли, на чемъ учились и отъ чего хотятъ уйти — это специфическій видъ русскаго разсказа. Русскій разсказъ есть особая разновидность разсказа, «новеллы» — совершенно непохожая на разсказъ англійскій, или французскій (Исключеніе составляютъ проза символистовъ, Куприна). Увлеченіе критиковъ въ Россіи формальнымъ методомъ, надо надѣяться, приведетъ къ опредѣленію и детальному изученію русскаго разсказа и мы, можетъ быть, получимъ его графическую схему и точныя о немъ статистическія данныя, все что намъ обѣщаютъ новые методы. Пока же приходится ограничиться поверхностными «импрессіями». Для русскаго разсказа характеренъ особый медленный темпъ повѣствованія (ибо и въ белле-

тристикѣ есть свой «принципъ относительности» и въ каждомъ разсказѣ время течетъ по своему, быстрѣй, или медленнѣй). Русскій разсказъ пронизанъ насквозь и, можетъ быть, перегруженъ, пейзажемъ, причемъ въ немъ принята психологическая фикція, что описываемые люди все въ природѣ видятъ такъ отчетливо и детально какъ авторъ, опытный мастеръ художественнаго пейзажа, и что всѣ ихъ душевныя переживанія сопровождаются впечатлѣніями природы. Русскій разсказъ чуждъ внѣшней занимательности, фабулы, которую можно сравнить съ рисункомъ, или мелодіей, онъ построенъ на краскахъ и на гармоніи. Всѣ эти и другія черты, съ трудомъ поддающіяся формулировкѣ, особенно въ бѣглой замѣткѣ — развивались постепенно и высшей точки развитія, думается намъ, достигли у Бунина. Дальше по этому пути итти было нельзя. Самъ Бунинъ, давшій завершающіе, симфоническіе «Деревню» и «Суходолъ», которые онъ не могъ даже назвать разсказами, а назвалъ «поэмами» — ушелъ къ инымъ достиженіямъ «Господина изъ С.-Франциско», «Сновъ Ганга». Начинающіе беллетристы еще не опредѣлились, не затвердѣли въ чемъ-нибудь, они пластичнѣе своихъ старшихъ братьевъ, имъ легче пробовать. И вотъ они пробуютъ, щупаютъ почву въ разныхъ направленіяхъ, ставятъ новыя вѣхи. Такія вѣхи для нихъ Гофманъ съ его острой фантастикой, Стивенсонъ съ его мастерской фабулой, полной дѣйствія, даже Дюма съ его авантюрами. Пока все это мало замѣтно въ ихъ произведеніяхъ. Попытки въ Гофманскомъ родѣ есть только у Каверина и, по словамъ Е. Замятина, въ еще ненапечатанныхъ вещахъ Л. Лунца. Стивенсонъ и Дюма только почетные гости въ декларацiи Лунца. Все это еще не раскрытыя ими, только возможныя двери на вольный воздухъ. Итти по пути Гофмана и Стивенсона труднѣй, чѣмъ ихъ назвать.

Но главное — не это. Главное то, что революція и война взамѣнъ тяжкихъ испытаній подарила имъ безцѣнный опытъ: они побывали въ аду. Эти рѣдкія и тяжелыя переживанія они, большею частью, спѣшатъ использовать. Получается то, что Мих. Левидовъ назвалъ въ «Наканунѣ» — «литературой репортажа»: «будущая русская литература, лѣтъ этакъ на 20, не захочетъ поучать или страдать, а будетъ главнымъ образомъ литературой репортажа — широкаго, размашистаго, красочнаго: нужно вѣдь разсказать и показать «Новую Россію»... И дѣйствительно «Серапіоны» эту новую Россію, Россію войны и революціи, показываютъ. Показываютъ порою очень ярко, хотя можетъ быть и не такъ ярко какъ Пильнякъ, тоже вѣдь въ сущности старшій ихъ братъ, только болѣе кряжистый, съ болѣе обозначившейся индивидуальностью.

Можно пытаться намѣтить болѣе глубокую связь между беллетристикой и революціей и не считать революцію только богатой розсыпью впечатлѣній и красокъ. Можно говорить и объ ускорившемся темпѣ жизни и о созиданіи новой Россіи и о рожденіи новой личности, и о многомъ другомъ. Къ сожалѣнію такія углубленія служатъ больше нашей потребности въ стройныхъ схемахъ, чѣмъ объективной истинѣ. Соотношеніе между всѣми областями жизни и литературы несомнѣнно есть: ни одна область жизни и духа не закупорена герметически. Но характеръ сложныхъ взаимодѣйствій съ трудомъ поддается учету. Если бы литература сейчасъ была иной, созерцательной и мечтательной — критики такъ же увѣренно говорили бы о вліяніи революціи, но твердили бы объ усталости отъ жизни, объ исканіи въ литературѣ контраста къ дѣйствительности. Говорили бы, что революціонная дѣйствительность слишкомъ ярка, что она убиваетъ самый фабулистическій, самый уголовный разсказъ, и литература должна была уйти въ мечту. И въ томъ и въ другомъ случаѣ слова критиковъ имѣли бы видимость правды. Но не только ли видимость?

Что бы ни говорили критики, литература нынѣшняго дня передъ нами такова, какъ она есть. Желаніе ли перекричать жизнь или просто сильныя легкія и наклонность къ крику, — но для нея, въ которой есть тихіе Тургеневъ, Чеховъ, Зайцевъ, теперь характеренъ крикъ. Иногда очаровательно тонокъ Пильнякъ и онъ же даетъ грубо шаржированную картину жизни поѣзда, идущаго въ степь за хлѣбомъ. Очень хороши разсказы Назара Ивановича господина Синебрюхова у М. Зощенко, великолѣпно описано какъ воронъ клюетъ раненаго, но и здѣсь есть пожалуй «черезчуръ», неправдоподобность. Черезчуръ стилизованъ синеглазый Ерема у Вс. Иванова. Великолѣпны его партизаны въ разсказѣ «Дите» и многое даютъ намъ для пониманія революціи. Сюжетъ напоминаетъ одинъ Бретъ-Гартовскій разсказъ — грудной ребенокъ среди грубыхъ, полудикихъ мужчинъ. Но и тутъ ему надо дать сильный эффектъ и заставить своихъ партизанъ убить грудного киргизенка, чтобы не кормила его мать-киргизка въ ущербъ бѣлому товарищу по груди. Сплошной крикъ — разсказъ Л. Лунца — «Въ Пустынѣ». Есть два пути историческаго разсказа — «одѣвающій», украшающій, творящій «миѳы»—и «раздѣвающій», совлекающій украшенія, разрушающій легенды и миѳы. Первый — болѣе цѣнный и творческій. Но и второй, — путь Лунца, имѣетъ свою цѣнность. Однако сдѣлать изъ Моисея — кликушествующаго, эпилептическаго шамана — это опять крикъ, опредѣленное «черезчуръ», противорѣчащее всѣмъ источникамъ, всѣмъ даннымъ. И такой же крикъ въ

разсказѣ о собакахъ Федина, недаромъ говоритъ Замятинъ: «послѣ «Каштанки» и «Бѣлаго Клыка» писателямъ, особенно молодымъ, псовъ слѣдуетъ остерегаться». Песъ Федина слишкомъ трагиченъ, пожалуй, байроничен. Но у него, какъ и у другихъ «Серапіоновъ», есть замѣчательныя мѣста, и нельзя не запомнить образа издыхающей лошади: «изрѣдка она вздыхала и травинки разлетались изъ подъ ея морды по камнямъ».

Но къ чему разбирать детально эти разсказы, эти опыты. «Братья» слишкомъ мало еще написали, и о нихъ можно скорѣе гадать, чѣмъ судить. Знающій ихъ въ жизни, слѣдившій за ихъ развитіемъ и читавшій ихъ ненаписанныя вещи Е. Замятинъ въ своей замѣткѣ указалъ на вѣрность реалистическимъ традиціямъ К. Федина, на «взболтанность» Л. Лунца, въ которомъ «каждая частица находится во взвѣшенномъ состояніи и неизвѣстно какого цвѣта получится растворъ, когда въ немъ все осядетъ». Онъ отмѣтилъ даръ ироніи у Каверина и фольклоръ у Зощенко, Вс. Иванова и Никитина. «У Вс. Иванова — силы хоть отбавляй, но инструменты пока погрубѣй, чѣмъ у Зощенко и Никитина». «Слонимскій вмѣстѣ съ Кавериным и Лунцомъ склонны оперировать преимущественно архитектурными, сюжетными массами и сравнительно мало любятъ самое русское слово, музыку его и цвѣтъ». Статью Е. Замятина нужно или цѣликомъ процитировать или отослать къ ней читателя. Только напрасно онъ говоритъ, что «не стоитъ разыскивать метрики» и указывать на вліянія: «о Ленинѣ писали, что онъ изъ Саратовскихъ дворянъ: развѣ это мѣняетъ дѣло?» «Метрики» Серапіоновыхъ Братьевъ не стоитъ разыскивать только потому, что они слишкомъ молоды и неопредѣленны, но духовныя метрики вещь важная и нельзя вѣдь говорить о томъ же Ленинѣ, не указавъ на его отношеніе къ Марксу.

Серапіоновы Братья представляются пока писателями приблизительно одинаковой силы. Между ними не видно чемпіона. Если все же стать на путь Замятина, путь отчасти догадокъ, то я сказалъ бы, что больше всего вѣрю въ будущее Вс. Иванова и Л. Лунца. Зощенко слишкомъ быстро нашелъ себя въ мастерствѣ своего унтерофицерскаго «фольклора», Фединъ, какъ вѣрно говоритъ Замятинъ, застрялъ въ Горькомъ, Слонимскій не увѣренъ въ своей техникѣ. Но предсказанія трудны — и кто бы изъ нихъ ни выросъ въ крупнаго русскаго писателя, всѣхъ ихъ равно хочется привѣтствовать Пушкинскими словами:

«Здравствуй, племя
Младое, незнакомое»...

Михаилъ Цетлинъ.

„Закатъ Европы"

Въ Берлинѣ, въ изданіи «Геликонъ», евразійцы выпустили свой второй сборникъ — «На путяхъ. Утвержденіе Евразійцевъ». Подобно первой книгѣ ихъ — «Исходъ къ Востоку. Предчувствія и свершенія», вторая говоритъ намъ о «выходѣ Россіи изъ рамокъ современной европейской культуры», о грядущей культурѣ, имѣющій зародиться въ Россіи, Евразіи, о закатѣ Европы...

И та-же, въ сущности, тема звучитъ въ вышедшемъ недавно въ Москвѣ (изд. «Берегъ») сборникѣ статей «Освальдъ Шпенглеръ и закатъ Европы», гдѣ четыре автора — Ф. А. Степунъ, С. Л. Франкъ, Н. А. Бердяевъ и Я. М. Букшпанъ излагаютъ, комментируютъ и оспариваютъ извѣстную книгу Шпенглера —„Der Untergang des Abendlandes".

Евразійцы, нѣкоторые изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, относятся рѣзко отрицательно къ Шпенглеру. Съ другой стороны, сами авторы Московскаго сборника предупреждаютъ, что они не объединены общностью міросозерцанія: общее между ними «лишь въ сознаніи значительности самой темы — о духовной культурѣ и ея современномъ кризисѣ». Тѣмъ явственнѣе выступаетъ за этими отличіями и яркими противорѣчіями какое то глубокое внутреннее единство; единство даже не идейное: единство чувствъ, предчувствій, чаяній. Чувства эти охватываютъ многихъ; московскіе писатели и евразійцы не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія: они не одиноки въ своемъ своеобразномъ ощущеніи, въ ожиданіяхъ своихъ и надеждахъ: многіе изъ насъ имъ сочувствуютъ; многіе изъ тѣхъ даже, которые идейно чрезвычайно далеки отъ нихъ.

Дѣло идетъ о сознаніи, болѣе или менѣе отчетливомъ, относительности той западно-европейской культуры, которая, до послѣднихъ лѣтъ до войны, была въ нашемъ представленіи высшимъ типомъ культуры, мало сказать — культурой par excellence, единственно возможной, той формой жизни, которой искало, къ которой устремлялось все многовѣковое развитіе человѣчества. Въ этой формѣ было для насъ нѣчто абсолютное, непререкаемое: она будетъ еще измѣняться, эволюціонировать, но въ предуказанномъ уже сейчасъ направленіи и на основахъ, нынѣ уже крѣпко заложенныхъ. И вотъ, культура эта на нашихъ глазахъ теряетъ свой самоцѣнный, абсолютный характеръ: она въ ряду другихъ; она возникла подобно другимъ, до нея бывшимъ и подобно другимъ она закатится.

Когда евразійцы пишутъ («Два Міра» — Петръ Савицкій): «для философіи этой (евразій-

ства) зарожденіе, развитіе, умираніе культуръ суть внятные, непреложные факты», они всецѣло примыкаютъ къ Шпенглеру и къ московскимъ его комментаторамъ, особенно сочувственно развивающимъ эту мысль германскаго писателя. Но самая эта идея, высказывавшаяся неоднократно и раньше, получаетъ теперь особое распространеніе, развивается убѣдительно, разнообразно и успѣшно, именно потому, что особенно остро сейчасъ у многихъ чувство кризиса, какого то перелома, начала какихъ то новыхъ творческихъ опытовъ и свершеній. Не то же ли сознаніе живетъ, хотя и въ другой формѣ, въ «Скифахъ», столь чуждыхъ, въ остальномъ, и евразійцамъ, и Франку, и Бердяеву.

Нѣтъ сомнѣнія, что чувство это, катастрофизмъ и связанное съ нимъ, имъ питающееся ученіе о множественности культурныхъ типовъ, объ ихъ гибели и смѣнѣ, особенно влекутъ къ себѣ русскую мысль, отчасти и нѣмецкую, т. е. мышленіе тѣхъ странъ, изъ которыхъ одна уже выпадаетъ изъ круга европейскихъ культуръ, другая же — къ этому выпаденію какъ будто приближается. И думается, что самое возникновеніе, распространеніе и многообразное развитіе этой философской и исторической концепціи должны служить въ глазахъ наблюдателя доказательствомъ ея истинности, ея соотвѣтствія историческому моменту: теорія смѣняющихся культурныхъ типовъ, признаніе относительной лишь цѣнности западно-европейскаго строя — продукты закатывающейся культуры. Историческое чувство, повидимому, является принадлежностью умирающихъ эпохъ: лишь онѣ способны на справедливость и объективность по отношенію къ эпохамъ инымъ, имъ чуждымъ и враждебнымъ.

Въ періодъ роста своего и правильнаго развитія, европейская культура создала теорію прогресса, включившую всѣ различные культурные типы въ единую систему, разсматривавшую ихъ какъ рядъ ступеней восходящихъ. Въ періодъ кризиса, ставшаго явнымъ послѣ войны, но который видѣли и предчувствовали многіе уже давно, въ періодъ разложенія — распространяется теорія, уничтожающая эту стройную систему, разрушающая единство вносимое идеей прогресса въ пеструю смѣну культуръ и народовъ, утверждающая (Шпенглеръ) равноцѣнность и несводимое своеобразіе отдѣльныхъ періодовъ, оспаривающая гегемонію Западной Европы и чающая, что огонь новой жизни разгорится на Востокѣ, въ Россіи (Евразійцы, Скифы).

Въ общемъ авторы Московскаго сборника о Шпенглерѣ относятся чрезвычайно сочувственно къ идеямъ и оцѣнкамъ германскаго философа. Критика ихъ, и подчасъ довольно рѣзкая, касается лишь двухъ пунктовъ: незначительной роли отводимой Шпенглеромъ христі-

анству, и отказа его отъ единаго человѣчества, отъ единой исторіи, отъ единаго развитія. Русскіе критики Шпенглера стоятъ на религіозной точкѣ зрѣнія: Шпенглеръ хочетъ лишь быть біографомъ отдѣльныхъ культуръ; Шпенглеръ — релятивистъ: каждая эпоха обладаетъ своими истинами, своей наукой, точно такъ же, какъ каждая изъ нихъ имѣетъ свое искусство, свою религію, которыя погибаютъ вмѣстѣ съ нею и мертвы для послѣдующихъ эпохъ. Этотъ релятивизмъ Степунъ, и Франкъ, и Бердяевъ ограничиваютъ; за этой смѣной они хотятъ вскрыть какое то единство, какой то смыслъ, но конечно не въ идеѣ прогресса, созданіи западно-европейской мысли, они находятъ этотъ смыслъ. Противъ скептицизма и релятивизма Шпенглера они выдвигаютъ нѣкую абсолютную истину прозрѣваемую ими въ религіи, именно въ христіанствѣ, точнѣе даже (нѣкоторые изъ нихъ по крайней мѣрѣ) — въ православіи. Шпенглеръ служитъ имъ, поэтому, главнымъ образомъ орудіемъ борьбы противъ западно-европейской культуры, деградирующейся въ цивилизацію, гдѣ «Смертъ миѳа въ безвѣріи, живого творчества въ мертвой работѣ, космическаго разума въ практическомъ разсудкѣ, націи въ интернаціоналѣ, организма въ механизмѣ».

Но болѣзнь Запада уже установлена была задолго до Шпенглера, славянофилами — Кирѣевскимъ, Достоевскимъ, Леонтьевымъ. Опредѣленно ощущается, что именно къ нимъ примыкаютъ авторы сборника въ своемъ осужденіи раціоналистической, механической, всеуравнительной западной культуры или, по крайней мѣрѣ, какъ выражается Франкъ — одного ея теченія, того, которое опредѣляетъ ея поверхностные слои.

Тамъ, гдѣ авторы Московскаго сборника высказываются еще неувѣренно, лишь намекаютъ, или подготовляютъ и ограничиваются осторожными указаніями, тамъ евразійцы смѣло, категорически утверждаютъ; для нихъ уже сомнѣнія нѣтъ: и ученіе о многообразіи культурныхъ типовъ, о культурномъ своеобразіи Россіи, которая не есть Европа, но не есть также и Азія и представляетъ собою sui generis — Евразію, это ученіе, корни котораго восходятъ къ славянофильству, сочетается съ опредѣленно нео-славянофильскимъ русскимъ мессіанизмомъ: европейское человѣчество безнадежно больное, Россіи предстоитъ спасти его, явивъ намъ новую форму жизни.

II.

Въ идеологіи евразійцевъ — я говорю: евразійцевъ; но очевидно, что евразійцы лишь договариваютъ, наивно, смѣло, то именно, что чувствуютъ и думаютъ многіе русскіе историки, философы, критики, художники, зараженные въ той или иной формѣ мессіанизмомъ и ищу-

щіе выхода изъ европейской культуры, — въ этой идеологіи можно различить нѣсколько отдѣльныхъ моментовъ, психологически, субъективно тѣсно связанныхъ между собою, но логически самостоятельныхъ: множественность культурныхъ типовъ (культурный релятивизмъ); самостоятельность путей Россіи, своеобразіе ея культурнаго бытія (Евразія); отрицательная оцѣнка европейской культуры, переродившейся въ цивилизацію (закатъ Европы); утвержденіе грядущей культуры Россіи какъ религіозной православной; надежды возлагаемыя на церковь, теократическія быть можетъ даже мечты, націоналистическая мистика и, въ связи съ этимъ, антисоціалистическія тенденціи (славянофильскій мессіанизмъ).

Я не собираюсь дать исчерпывающую критику «евразійства», интереснаго главнымъ образомъ потому, что въ немъ доведены до обостренной чрезвычайно формы общераспространенныя среди насъ настроенія, мнѣ хотѣлось бы только указать, что въ немъ содержится болѣе объективно цѣннаго. Таковой представляется мысль объ «особыхъ путяхъ Россіи», о географическомъ, физическомъ своеобразіи этого міра, отличнаго отъ европейскаго, способнаго выработать свои формы жизни. Съ этой точки зрѣнія особенно интересны въ обоихъ сборникахъ евразійцевъ статьи Петра Савицкаго: «Степь и осѣдлость», «Континентъ — Океанъ», «Миграція культуры» и П. М. Бицилли — «Востокъ и Западъ въ исторіи стараго свѣта». Здѣсь мы — въ области фактовъ; правда, факты эти получаютъ иногда чрезвычайно смѣлыя и неожиданныя истолкованія, въ которыхъ сужденія по аналогіи играютъ чрезмѣрную роль, и выводы по значительности и категоричности своей часто не соотвѣтствуютъ скромности фактическаго матеріала. Но матеріалъ этотъ имѣется; мысль писателя опирается о реальную почву и постоянное соприкосновеніе этой мысли съ историческими и географическими данными, придаетъ ей крѣпость и убѣдительность. Въ этой области (сравнительное культуровѣдѣніе) ничего еще почти не сдѣлано, ибо существующія исторіи культуры проникнуты (кромѣ труда Шпенглера) идеей объ абсолютной цѣнности и единственности европеизма, съ точки зрѣнія котораго и расцѣниваются всѣ формы жизни. Статьи Савицкаго пропитаны культурнымъ релятивизмомъ: онъ отбрасываетъ европейскій метръ и стремится (въ полномъ согласіи со Шпенглеромъ и съ авторами Московскаго сборника) къ индивидуализаціи каждаго культурнаго типа, разсматриваемаго въ себѣ, какъ нѣчто болѣе или менѣе равноцѣнное въ своемъ своеобразіи.

Методъ этотъ можно признать правильнымъ — введя въ него, однако, извѣстный коррективъ, о которомъ ниже, —

и намѣчающимъ плодотворный новый путь; къ какой то истинѣ здѣсь мы подходимъ, и сразу значительно обогащается и расширяется нашъ историческій горизонтъ, опустошенный сѣрой идеей прогресса, съ помощью которой всѣ предшествующія историческія эпохи оказались низведенными на роль подготовительныхъ ступеней къ великолѣпному настоящему. Но утвержденіе особенности россійскаго континента, Евразіи и его историческаго значенія приводитъ, конечно, къ вопросу о характерѣ этой грядущей евразійской культуры, объ отличіяхъ ея отъ культуръ Востока и западно-европейской, о томъ ликѣ человѣческомъ, который она должна намъ явить. И тутъ мы вступаемъ въ область гаданій, экстатическихъ видѣній и пророчествъ, которыя субъективно, быть можетъ, и полны значенія, обладаютъ для авторовъ ихъ непререкаемостью и полной очевидностью, но со стороны представляются лишь «бряцаніемъ кимваловъ», утомляющимъ своей безсодержательностью и однообразіемъ.

Пифійствуетъ и Петръ Савицкій, но яростнѣе всѣхъ—Петръ Сувчинскій, статьи котораго («Вѣчный устой», «Типы творчества», «Сила слабыхъ», «Эпоха вѣры») нѣсколько напоминаютъ по пророческому пафосу своему и по тону рѣчи, богатой славянизмами — писанія Вячеслава Иванова, значительно имъ уступая, однако, въ напряженности и оригинальности мышленія. Того же типа, хотя и съ значительной претензіей на фактичность и строгую научность, статьи кн. Н. С. Трубецкого («Русская Проблема», «Религія Индіи и Христіанство», «Объ истинномъ и ложномъ патріотизмѣ»).

Въ этихъ восторженныхъ пророчествахъ и горячихъ обличеніяхъ Европейской цивилизаціи и русскаго западничества звучатъ, конечно, хорошо намъ знакомыя славянофильскія мелодіи. Въ этомъ бѣды нѣтъ большой: указаніе на ту или иную преемственность, на связь нынѣ развиваемыхъ идей съ тѣмъ или другимъ направленіемъ нисколько, конечно, не предрѣшаетъ оцѣнки этихъ идей. Однако, протекшія со временъ Кирѣевскаго, Хомякова и др. десятилѣтія, должны были насъ чему нибудь научить; нельзя преподносить намъ ихъ мысли почти въ той же оболочкѣ и не внося въ нихъ коррективовъ.

Возставая противъ европейской гегемоніи, защищая права отдѣльныхъ культурныхъ типовъ — Восточныхъ и др., евразійцы (въ особенности кн. Н. С. Трубецкой) стоятъ на точкѣ зрѣнія культурнаго релятивизма. Но едва они переходятъ къ судьбамъ Россіи и начинаютъ мечтать о грядущей культурѣ Евразіи, какъ тотчасъ возвращаются къ ученію о единственной, абсолютной, если такъ можно выразиться, культурѣ, которая должна исполнить всѣ чаянія человѣчества и явиться

синтезомъ, вѣнцомъ его усилій: европейскіе націонализмъ и самовлюбленность, столь осмѣиваемые кн. Н. С. Трубецкимъ и другими евразійцами, возрождаются въ евразійскомъ націонализмѣ; евразійская культура становится единственно спасающей. Она воплотитъ ту цѣльность духовную, ту гармонію, которой лишилась европейская цивилизація со времени Возрожденія.

Сладостныя надежды! Но гдѣ же залогъ ихъ осуществленія? Въ чемъ черпаютъ евразійцы увѣренность свою? Субъективныя, психологическія основанія этой увѣренности меня здѣсь сейчасъ не интересуютъ. Прозрѣнія и пророчества П. Сувчинскаго или Георгія Флоровскаго убѣдительны лишь для тѣхъ, кто вѣруетъ подобно имъ; въ другихъ они способны вызвать только чувство недоумѣнія и удивленія, нечуждаго, быть можетъ, и зависти: счастливы люди, стоящіе столь крѣпко!

Когда Георгій Флоровскій пишетъ:

«Жить и дѣйствовать въ церкви, творить свое дѣло въ духѣ Христовомъ, исходя изъ религіознаго воспріятія жизни — вотъ единственный путь, которымъ возможно выйти изъ историческихъ тупиковъ, образовавшихся среди развалинъ рухнувшей жизни. Великая Россія возстановится лишь послѣ того, какъ начнетъ созидаться русская православная культура, — и только православное дѣло, творчество въ духѣ и подъ сѣнью церкви есть въ наши дни праведное русское дѣло». Когда я читаю у П. Сувчинскаго: «короче говоря, въ будущемъ немыслимъ типъ генія-индивидуалиста, раскольника, отщепенца и «еретика». Все подлинно творческое будетъ укрѣплять, будить, развивать единую и общую форму вѣры. Всякая творческая воля, на какой бы крайности индивидуализма она ни стояла, помимо личнаго устремленія, окажется въ этой формѣ, съ ней сольется, ибо все будетъ подхвачено въ Единой Рукѣ... Утвердясь въ этой объединяющей формѣ — каждый перестанетъ строить с в о ю вавилонскую башню... а всѣ совокупно начнутъ возводить купольный храмъ, который бы крылилъ надъ землею и своимъ живымъ и горящимъ сводомъ накрывалъ бы землю, приближалъ бы небо къ землѣ, дѣлая твердь небесную — твердыней земли и пусть «Россія, смерчемъ скрученная въ столбъ» — будетъ однимъ изъ столповъ утвержденія и устоя этого свода»,—я склоненъ думать, что настроенія эти возникли и расцвѣли по закону контраста: они такъ сильны именно потому, что дѣйствительность имъ противорѣчитъ, потому что въ этой дѣйствительности нѣтъ ничего, что могло бы питать и обосновать эти мечты и стремленія.

Надежды, возлагаемыя на православную церковь, чаяніе какой то р у с с к о й п р а в о с л а в н о й к у л ь т у р ы, об-

ликъ которой остается совершенно неопредѣленнымъ — это конечно, отъ славянофиловъ, прогнозы которыхъ (между прочимъ и Достоевскаго) оказались совершенно ложными, но которые въ глазахъ евразійцевъ являются единственными истинными выразителями русскаго духа.

«Въ русскомъ XIX в. явственно различимы два обособленныхъ преемства. — Одно обнимаетъ занимающуюся въ 30 — 40 гг. зарю русскаго религіознаго творчества. Рождаясь изъ нѣдръ нѣкоего древняго духа, съ трудомъ преодолѣвая покровы окружающей среды, — религіозное озареніе вспыхиваетъ въ позднемъ Гоголѣ, славянофилахъ. Окружающее не властно заглушить лучи. Брезжащій свѣтъ разгорается въ творчествѣ Достоевскаго, Владиміра Соловьева и тѣхъ, кто былъ и есть съ ними. Какъ наслѣдіе XIX вѣка Россія обрѣтаетъ достояніе нравственно-совѣстной и богословской мысли, достояніе, поистинѣ, составляющее, въ выборѣ и сопоставленіи, — канонъ книгъ русскихъ, учительныхъ... Въ развитіи «европейской» культуры, въ предѣлахъ XIX в., — та совокупность писаній, которую мы именуемъ: канонъ книгъ русскихъ учительныхъ... по стилю и сущности не имѣютъ подобій... зато имѣетъ подобія иное преемство, сказывающееся въ судьбахъ русской культуры: преемство, начатое русскими просвѣтителями-обличителями XVIII и первой половины XIX вѣка, идущее, черезъ Добролюбова, Писарева, Михайловскаго, къ просвѣтителямъ-правителямъ большевистской эпохи; преемство позитивнаго міровоззрѣнія, идолопоклонства «наукѣ», преемство не скепсиса только, а «нигилизма» въ отношеніи къ «внѣнаучнымъ» началамъ человѣческаго бытія; преемство не улыбки авгуровъ, но громкаго смѣха кощунственныхъ... Скажутъ, быть можетъ: «два различныхъ направленія общественной мысли»; сказавъ, ошибутся: не два направленія, но два разныхъ историческихъ образованія, два раздѣльныхъ историческихъ міра... Къ первопроповѣдникамъ христіанства, къ истокамъ, начальнымъ моментамъ великаго историческаго цикла уводятъ проникающіе Хомякова и Достоевскаго, Леонтьева и Соловьева паѳосъ и озареніе. Къ позднимъ временамъ невѣрія (эпикурейскаго или коммунистическаго, безразлично), въ періоды «просвѣщенія», — достояніе убывающихъ культуръ — ведутъ міровоззрѣнія нигилистически — «научныя».

И дальше:

«Въ судьбахъ русскаго XIX вѣка невѣріе и истина «просвѣщенія» навѣяны, преподаны со стороны... Явленіе русскаго просвѣтительства - обличительства создалось въ обстановкѣ устраненія, забвенія преемства, взгляда на «Европу», какъ без-

раздѣльную законодательницу и госпожу».

Конечно, эта концепція въ корнѣ невѣрна. Она противорѣчитъ всему тому, что мы знаемъ о развитіи славянофильства и западничества и о представителяхъ этихъ двухъ направленій, въ извѣстной мѣрѣ — одинаково «западныхъ», ибо Гегель и Шеллингъ, и французскіе традиціоналисты повліяли на славянофиловъ не менѣе, чѣмъ европейскіе «просвѣтители», позитивисты и отрицатели — на западниковъ. Съ другой стороны, отказываться Россіи отъ всего западническаго движенія, какъ отъ чужероднаго — совершенно не приходится: Бѣлинскій, Чернышевскій, Писаревъ, Михайловскій, русскіе соціалисты и идеологи революціи не менѣе національныя и типичны для русской стихіи, чѣмъ Хомяковъ и др.

Впрочемъ, оспаривать подобныя «экзекуціи», сводящіяся къ обѣднѣнію народнаго духа во имя предвзятаго, узко-національнаго идеала — какъ то даже и неловко: ибо категоричность тона и безпрестанныя упорныя повторенія замѣняютъ здѣсь собою доказательства и анализъ сложнѣйшихъ проблемъ.

Хочется лишь отмѣтить мимоходомъ, что своимъ «евразійствомъ», въ такомъ узкомъ смыслѣ, обладаетъ каждая изъ европейскихъ странъ: если послушать французскихъ націоналистовъ и традиціоналистовъ въ родѣ Шарля Мора, то оказывается, что кромѣ великихъ классиковъ XVII в. и ихъ эпигоновъ, вся французская литература послѣднихъ двухъ столѣтій заражена различными формами германизма, предаетъ французское дѣло и осуждена на погибель.

III.

Не церковной мистикой своей, совершенно безплодной и неглубокой — если бы была она творчески сильна, то нашла бы и новыя формы выраженія, новый стиль, а не повторяла бы старыя формулы — не хвастливымъ и крикливымъ націонализмомъ своимъ интересно и значительно евразійство, не положительными своими идеалами, но отрицаніемъ своимъ, критикой, острымъ сознаніемъ кризиса европейской культуры, проникающимъ и Шпенглера и его русскихъ критиковъ и апологетовъ, предчувствіемъ «Заката Европы», радостнымъ — у однихъ, тоскливымъ и мрачнымъ — у другихъ.

Но въ этой формулѣ много неяснаго, смутнаго; она рождаетъ множество вопросовъ и ставитъ проблемы, которыя «могильщиками» Европы, будь то Евразійцы, или Бердяевъ, вовсе не затрагиваются, или же разрѣшаются мимоходомъ, нѣсколькими словами.

И, прежде всего: идетъ ли дѣло о закатѣ Западно-европейской культуры или же о вырожденіи и угасаніи Европы? Съ извѣстнымъ типомъ культуры

нельзя отожествлять творцовъ и носителей ея. «Фаустовскій человѣкъ» умираетъ, говоря словами Шпенглера; но исчерпывается ли современный европеецъ «Фаустомъ»? Иначе говоря, не способенъ ли современный европеецъ къ новому культурному творчеству. Что заставляетъ насъ вновь обращаться къ Востоку и ждать ex o r i e n t e l u x? Мы можемъ вполнѣ допустить (и въ статьяхъ Франка и Степуна возможность эта допускается), что кризисъ будетъ преодолѣнъ не извнѣ, не силами иного міра (Евразійскаго, Азіатскаго, Американскаго), но изнутри, самой же Европой.

Но вопросъ можетъ быть поставленъ и въ иной совершенно плоскости: возможно, что «закатываются» именно народы Европы, неспособные къ новому творчеству, духовно обезсилѣвшіе, физически вырождающіеся. Сама же европейская культура, возможно, расцвѣтетъ въ новыхъ формахъ въ Америкѣ, въ Азіи, въ Австраліи. Допустимо вполнѣ, что то паденіе напряженія творчества, которое замѣчается въ Западной Европѣ, перерожденіе культуры въ цивилизацію зависятъ отъ того, что истощилась въ Европѣ сама питательная почва, что усталъ европейскій человѣкъ, а вовсе не оттого, что отравлена европейская культура, что принципы ея заражены ядомъ смерти. Если трансплантація европеизма возможна, а факты свидѣтельствуютъ объ этой возможности, то кризисъ окажется лишь временнымъ и надежды евразійцевъ и «восточниковъ» не осуществятся.

Недоумѣніе вызываетъ также и отношеніе критиковъ европеизма къ христіанству въ той его формѣ, которая приняла наиболѣе дѣятельное участіе въ выработкѣ европейской культуры. Послѣдняя есть культура христіанская. За предѣлами Европы (я беру сейчасъ этотъ терминъ не въ его географическомъ, конечно, значеніи) нѣтъ христіанскихъ культуръ. Нужно признать, что христіанство культурно безплодно, или что въ европеизмѣ (съ Россіей включительно, до послѣднихъ лѣтъ) мы имѣемъ единственную христіанскую культуру. Но вырожденіе этой послѣдней въ цивилизацію — если такое вырожденіе дѣйствительно происходитъ — не ставитъ ли подъ сомнѣніе судьбы христіанства, какъ исторической силы? Если «закатъ Европы» означаетъ смерть европеизма какъ культурнаго типа, а не только уходъ съ авансцены исторіи европейскихъ народовъ, то не близки ли сумерки христіанства?

Мысль Шпенглера къ этому, конечно, не приходитъ, хотя вообще культурная роль христіанства въ его концепціи сводится почти на нѣтъ. Противники европеизма, въ частности евразійцы, вѣщаютъ намъ о какой то грядущей православной культурѣ; но лишь вѣрующіе, очевидно, могутъ разглядѣть

признаки ея приближенія; если судить о будущемъ по прошлому и настоящему, то дозволителенъ скептицизмъ.

Укажу въ заключеніе еще на одно обстоятельство, чрезвычайно осложняющее вопросъ о кризисѣ культуры и заставляющее насъ съ большой осторожностью относиться къ столь убѣдительной по многимъ причинамъ мысли о «закатѣ Европы».

Культурный релятивизмъ, отказъ отъ идеи прогресса, признаніе множественности культурныхъ типовъ и даже равноцѣнности ихъ — не должны закрывать отъ насъ того факта, что Западная Европа совершила великое, единственное дѣло: она создала идею человѣчества и воплотила эту идею, осуществивъ различными путями (отчасти мечемъ) единство земли. Насколько намъ извѣстно, европейская культура первая, единственная пріобрѣла планетарный характеръ. Можно презирать технику, проклинать ея развитіе, жертвы, приносимыя ей, но техника обратила фактически землю въ единое цѣлое. Римская государственность, съ одной стороны, христіанство, съ другой (католичество) выработали эту идею; развитіе наукъ дало орудіе осуществленія ея, и тотъ фактъ, что нынѣ земля составляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ единое цѣлое, ставитъ европейскую культуру въ особое привилегированное положеніе въ ряду другихъ культурныхъ типовъ.

Совершенно вѣрно: культуры рождаются и умираютъ; судя по аналогіи должна умереть и европейская культура, тѣмъ болѣе, что есть признаки, указывающіе на истощеніе Европы. Но эти угасшія культуры были культурами частными; ихъ ограниченности во времени соотвѣтствовала ихъ ограниченность въ пространствѣ, ихъ замкнутость. Нынѣ кругъ разбитъ: среди частныхъ, національныхъ, континентальныхъ культуръ возникла одна, которая, правдами и неправдами, охватила всю планету. Подлежитъ ли она также закону смерти, или найдетъ она въ себѣ силы переродиться и дать новые ростки? Сохранится ли ею пріобрѣтенное, созданное? Если сохранится, то мысль о единомъ общемъ развитіи человѣчества (одной изъ формъ каковой является идея прогресса) возрождается вновь, осложненная.

Б. Шлецеръ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ

Вѣра Фигнеръ: „Запечатлѣнный трудъ“. Ч. I. Изд. „Задруга“. Москва 1921 г.

Имя В. Н. Фигнеръ хорошо извѣстно въ русскихъ революціонныхъ и прогрессивныхъ кругахъ. Ей принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ славной плеядѣ революціонеровъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Связанная тѣсными узами дружбы и боевого товарищества съ большинствомъ наиболѣе видныхъ революціонныхъ дѣятелей того времени, В. Н. Фигнеръ лишь одна изъ всѣхъ ихъ прожила на свободѣ цѣлыхъ 7 лѣтъ (1876-1882 г.г.), принимая непосредственно самое активное участіе во всей дѣятельности тайнаго общества «Земля и Воля», а затѣмъ партіи «Народная Воля». «Кому же какъ не мнѣ — говоритъ она въ предисловіи — прослѣдить въ рамкахъ личнаго участія и переживанія (курсивъ мой) путь, которымъ шли мои товарищи, отдавшіе свою жизнь революціонному движенію». Этими словами ясно опредѣляются какъ содержаніе книги, такъ и заданія автора. Передъ нами не исторія революціоннаго движенія даннаго періода, даже не попытка охватить весь циклъ его революціонныхъ событій и выступленій. О многихъ изъ нихъ она упоминаетъ лишь мелькомъ, нѣкоторыхъ совсѣмъ не касается и подробно останавливается лишь на тѣхъ, — правда, очень многочисленныхъ и яркихъ, — которыя тѣсно переплетаются съ ея собственной жизнью и дѣятельностью. Такое сознательное ограниченіе сюжета можетъ вызвать нѣкоторое разочарованіе читателя, потому что именно В. Н. Фигнеръ была бы способна, можетъ быть, лучше чѣмъ кто-либо, выполнить эту историческую работу. Но зато, съ другой стороны, подобный автобіографическій характеръ книги придаетъ ей особое значеніе. Не говоря уже о томъ интересѣ, который вызываетъ къ себѣ личность автора, все, о чемъ пишетъ В. Н. Фигнеръ, происходило непосредственно на ея глазахъ, при ея лич-

номъ во всемъ участіи, пережито и перечувствовано ею самою и потому представляетъ въ высшей степени цѣнный и достовѣрный матеріалъ для будущаго историка русской революціи.

«Запечатлѣнный трудъ» есть повѣсть жизни В. Н. Фигнеръ съ самаго ея малолѣтства до ея заключенія въ Шлиссельбургъ. Первая четверть книги вполнѣ автобіографична: въ легкой, мѣстами поэтичной формѣ рисуются картины дѣтства, семейная обстановка и ея вліяніе на выработку личности автора, институтская жизнь, такъ мало дававшая уму и сердцу ребенка, вступленіе въ свѣтъ и замужество, отъѣздъ въ Швейцарію для поступленія въ университетъ и тѣ постороннія вліянія, которыя постепенно привели ее на революціонную дорогу. Уже въ институтѣ проявляется индивидуальность будущей революціонерки, когда уже въ старшихъ классахъ одна изъ классныхъ дамъ, выдѣлявшаяся изъ всѣхъ прочихъ по уму и образованію и вначалѣ очень благоволившая къ своей способной воспитанницѣ, начинаетъ какъ бы преслѣдовать ее, — между ними возникаетъ длительная борьба; и лишь по истеченіи 3-хъ лѣтъ эта классная наставница неожиданно приглашаетъ къ себѣ дѣвочку-подростка и говоритъ: «я устала бороться съ вами за вліяніе на классъ. Будемъ жить мирно». «Эти слова такъ удивили меня, — говоритъ В. Н. Фигнеръ, — что я не нашлась что отвѣтить: я не сознавала, что между нами идетъ борьба, да еще за вліяніе на классъ. И это говорила умная, — твердая Черноусова, мнѣ, которая была дѣвченкой въ сравненіи съ ней.»

17-ти лѣтъ В. Н. Фигнеръ кончаетъ Казанскій институтъ первой, съ золотымъ шифромъ. Передъ молодой красавицей дѣвушкой, матеріально обезпеченной, открывались блестящія свѣтскія перспективы. Но судьба, или вѣрнѣе сказать, весь складъ ея ума и сердца судили иное. Покидая институтъ, она несла въ душѣ уже свои самостоятельно выработанные ею императивы. «Согласовать слово съ дѣломъ», требовать этого согласованія отъ себя и отъ другихъ. И это стало, — говоритъ авторъ, — девизомъ моей жизни.»

Лучшіе годы своей жизни отдала В. Н. Фигнеръ дѣлу борьбы, революціи, разрушенія. И это тогда, когда не кровь проливать, а любовь расточать жаждало юное сердце. Вотъ какъ описываетъ она тѣ чувства и переживанія, которыя овладѣли ею во время ея пребыванія въ деревнѣ, куда ей удалось поступить на службу въ качествѣ фельдшерицы (сестра ея открыла тамъ же частную школу) и гдѣ онѣ скоро пріобрѣли любовь и довѣріе окружающихъ. «Такая жизнь, такое отношеніе къ намъ простыхъ душъ, имѣли такую чарующую прелесть, что мнѣ и теперь пріятно вспомнить ее: каждую минуту мы чувствовали, что мы нужны, что мы

не лишнія. Это сознаніе своей полезности и было той притягивающей силой, которая влекла нашу молодежь въ деревню, только тамъ можно было имѣть чистую душу и спокойную совѣсть. И если насъ оторвали отъ этой жизни, отъ этой дѣятельности, то въ этомъ были виноваты не мы». А между тѣмъ жизнь эта была трудная, тяжелая. «Не роскошь, тѣнь роскоши была изгнана изъ нашего обихода; мы не употребляли бѣлаго хлѣба, не видали мяса, каждый лишній кусокъ становился намъ поперекъ горла среди общей бѣдности и скудости».

И понятно поэтому какую душевную трагедію, сколько сердечныхъ мукъ должны были испытать молодые энтузіасты, чистые духомъ и сердцемъ, трогательно влюбленные въ свое дѣло, когда имъ пришлось поневолѣ прекратить эту столь желанную для нихъ работу и промѣнять ее на тѣсное подполье съ его тайною и вынужденнымъ обманомъ, закалить свою душу для жестокой борьбы и перековать орало на мечъ.

Весь этотъ автобіографическій очеркъ первыхъ 20 лѣтъ жизни является какъ бы вступленіемъ къ главной части книги, всецѣло посвященной тѣмъ революціоннымъ событіямъ и той многолѣтней борьбѣ, въ которой безъ перерыва 7 лѣтъ принимала самое дѣятельное участіе В. Н. Фигнеръ. Это поистинѣ «Запечатлѣнный трудъ» въ поученіе будущимъ поколѣніямъ.

Въ небольшой замѣткѣ трудно даже перечислить тотъ огромный матеріалъ, который даетъ книга. Передъ нами проходитъ цѣлый калейдоскопъ революціонныхъ событій, яркихъ и блестящихъ, цѣлый рядъ актовъ безстрашной борьбы, самоотверженной и упорной, которые въ свое время потрясали и волновали не только Россію, но и весь цивилизованный міръ, приковывая къ себѣ общее вниманіе.

Русское революціонное движеніе въ своемъ цѣломъ, какъ и всякое длительное соціальное явленіе, имѣетъ свои различныя эпохи, изъ которыхъ каждой присущъ свой особый колоритъ, индивидуальные, такъ сказать, психологическіе и моральные признаки. Та эпоха, которую живописуетъ В. Н. Фигнеръ, характеризуется прежде всего своимъ яркимъ идеализмомъ. Но это не тотъ мечтательный идеализмъ, который отрѣшается отъ грѣшной земли и живетъ въ области теоретическихъ умозрѣній, переходящихъ въ утопію. Это идеализмъ дѣйственный, тотчасъ же стремящійся примѣнить свои выводы къ реальной жизни, воплотить въ нее свои мечты и идеалы При такомъ идеализмѣ слово и дѣло не расходятся между собою.

Первое революціонное движеніе въ народъ, преимущественно пропагандистское на сѣверѣ (Впередовцы) и бунтарское (Бакунисты) — на югѣ къ 1876-му году уже замирало, завершало свой циклъ

«И пропагандисты и бунтари въ своей практической дѣятельности въ народѣ потерпѣли фіаско, т. е. какъ въ самомъ народѣ, такъ и въ политическихъ условіяхъ страны встрѣтили неожиданныя и неодолимыя препятствія къ осуществленію своей программы.... Несмотря на всѣ аресты часть ихъ все же уцѣлѣла и тогда болѣе опытные изъ нихъ приступили къ оцѣнкѣ прошлаго и затѣмъ къ выработкѣ новыхъ началъ революціонной тактики.»

Въ результатѣ этого критическаго пересмотра появилась новая программа, получившая названіе «народнической».

«Въ основаніе ея легла мысль, что русскій народъ, какъ и всякій другой, имѣетъ свое самобытное міросозерцаніе, соотвѣтствующее уровню его нравственныхъ и умственныхъ понятій... Необходимо сдѣлать попытку отправляться при революціонной дѣятельности въ народѣ отъ присущихъ ему въ данный моментъ стремленій и желаній и на своемъ знамени выставить уже самимъ народомъ созданные идеалы.»

Эти принципы легли въ основаніе общества «Земля и Воля», и сейчасъ же было приступлено къ практическому ихъ осуществленію. Нѣсколько десятковъ искушенныхъ уже опытомъ революціонеровъ разселяются по деревнямъ Саратовской, Самарской, Воронежской, Тамбовской и др. губерній въ качествѣ фельдшеровъ, фельдшерицъ, волостныхъ писарей, ремесленниковъ и т. д. Такимъ образомъ начинается кропотливая работа сближенія съ народомъ, привлеченія къ себѣ симпатій окружающаго населенія и революціоннаго на него воздѣйствія. Въ тоже время горожане приступаютъ къ агитаціи и боевой дѣятельности: цѣлый рядъ демонстрацій, рабочихъ стачекъ и террористическихъ актовъ имѣетъ мѣсто на протяженіи двухъ послѣдующихъ годовъ.

Эта новая народническая программа, включившая въ себя нѣкоторый элементъ активной политической борьбы, черезъ два года перестала уже удовлетворять, можетъ быть, именно наиболѣе активную и энергичную часть землевольцевъ. Новый опытъ постановки культурно-революціонной работы и не только въ деревняхъ, но и въ городахъ ясно показывалъ, что никакой систематической, планомѣрной дѣятельности этого характера въ рамкахъ существовавшаго полицейскаго режима быть не можетъ. Окружавшая дѣйствительность и усиливавшаяся реакція неуклонно направляли дѣйственныхъ революціонеровъ на опредѣленный, ясно вырисовавшійся путь активной политической борьбы.

«Мы уже ясно видѣли, — пишетъ В. Н. Фигнеръ, — что наше дѣло въ народѣ опять проиграно. Въ нашемъ лицѣ революціонная партія потерпѣла второе пораженіе, но уже не въ силу неопытности своихъ членовъ и теоретичности своей программы, или же-

ланія навязать народу чуждыя ему цѣли и недоступные идеалы. Нѣтъ и нѣтъ, — мы должны были сойти со сцены съ сознаніемъ что наша программа жизненна, что ея требованія имѣютъ реальную почву въ народной жизни, и все дѣло въ отсутствіи политической свободы... Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы вносили сознаніе, что народъ понимаетъ насъ, что онъ видитъ въ насъ своихъ друзей. Когда въ Вязьмино (мѣсто службы В. Н. Фигнеръ) явились жандармы и полиція, общій говоръ крестьянъ былъ: «все это потому, что «они» стоятъ за насъ». Когда позднѣе писарь распустилъ слухъ, что мы арестованы, а сестра Евгенія повѣшена, крестьяне ночью отправились къ Ермолаевымъ (сосѣди помѣщики, — друзья В. Н. Фигнеръ) узнать правда ли это. Они вернулись успокоенные и радостные»... И такое отношеніе къ новымъ деревенскимъ пришельцамъ было почти повсемѣстное.

Но подобная эволюція мнѣній въ нѣдрахъ «Земли и Воли» совершалась медленно и постепенно, вызывая ожесточенные и страстные споры. «И если такъ думали Александръ Михайловъ, Квятковскій и ихъ единомышленники, — то въ той же Петербургской группѣ «Земли и Воли», наряду съ ними находились ярые противники новыхъ взглядовъ, энергично и упрямо защищавшіе прежнюю позицію; таковы были Плехановъ и Мих. Поповъ, со всей рѣзкостью своихъ яркихъ индивидуальностей боровшіеся противъ новшествъ». До какой страстности доходила эта борьба двухъ теченій, показываетъ слѣдующій эпизодъ, передаваемый В. Н. Фигнеръ:

«Пререканія и распри дошли до апогея, когда весною 1879 года въ Петербургъ пріѣхалъ Александръ Соловьевъ уже съ готовымъ тайнымъ рѣшеніемъ. «Безрезультатна при существующихъ политическихъ условіяхъ жизнь революціонера въ деревнѣ», — таковъ былъ выводъ сдѣланный имъ послѣ опыта пребыванія въ ней. «Какой угодно цѣной надо добиваться измѣненія этихъ условій и, прежде всего, сломить реакцію въ лицѣ императора Александра II». И онъ рѣшилъ, что убьетъ его. Но для этого ему требовалась помощь, за которой онъ и обратился къ товарищамъ землевольцамъ. «Вопросъ о покушеніи былъ поставленъ въ центральной группѣ..., но при этомъ сочли необходимымъ умолчать о имени. Въ ходѣ преній было упомянуто, что рѣшеніе сдѣлать покушеніе непоколебимо и никакой отказъ не отвратитъ его. Это.. переполнило мѣру терпѣнія Плеханова и Попова. Возмущенный Поповъ воскликнулъ: «если среди Васъ найдется Каракозовъ, то не явится ли и новый Комиссаровъ, который не пожелаетъ считаться съ Вашимъ рѣшеніемъ». На это другъ Попова, Квятковскій, вмѣстѣ съ нимъ ходившій въ народъ, крикнулъ: «если этимъ Комиссаровымъ будешь ты, то я тебя убью.» Бурное столкновеніе кончилось компромиссомъ: «Земля и Воля» отказывала въ помощи покушенію,

но индивидуально, отдѣльные члены могли оказать ее.» Покушеніе, какъ извѣстно, состоялось.

Эпизодъ этотъ характеренъ и показываетъ, какъ болѣзненно нарождалось въ средѣ землевольческой организаціи новое направленіе и съ какимъ душевнымъ надломомъ разрывали люди старую дружбу и связи, расходясь по разнымъ дорогамъ.

Больше половины книги посвящено исторіи идей и дѣятельности партіи «Народной Воли». Даже краткій пересказъ всего этого невозможенъ. Можно попытаться только отмѣтить нѣкоторые общіе психологическіе признаки, характеризовавшіе этотъ моментъ.

Новое теченіе революціонной идеологіи и тактики не сразу, однако, завоевало себѣ господствующее положеніе. «Для того, — говоритъ В. Н. Фигнеръ — чтобы сломить оппозицію и дать новымъ взглядамъ окончательное преобладаніе въ революціонной средѣ, — потребовалось 1—1½ года неутомимой пропаганды и цѣлый рядъ ослѣпительныхъ фактовъ: общій ропотъ неудовольствія поднялся при выходѣ номера «Народной Воли» (№ 1), который, указывая на монархію, провозгласилъ свое „Delenda est Carthago“ и единодушный взрывъ рукоплесканій привѣтствовалъ 1-ое марта 1881 года». Въ свою очередь старое теченіе, воплотившееся въ «Черномъ Передѣлѣ», постепенно тихло и замирало и черезъ 3 года совсѣмъ сошло со сцены.

Подъ знаменами «Народной Воли» собрались наиболѣе активныя и самоотверженныя революціонныя единицы. Требованія, предъявляемыя къ членамъ партіи, были строгія, но отъ членовъ Исполнительнаго Комитета они были еще строже и, по словамъ В. Н. Фигнеръ, состояли, между прочимъ, въ слѣдующемъ: «1) въ обѣщаніи отдать всѣ духовныя силы свои на дѣло революціи, забыть ради него всѣ родственныя узы и личныя симпатіи, любовь и дружбу; 2) если это нужно, отдать и свою жизнь, не считаясь ни съ чѣмъ, не щадя никого и ничего; 3) не имѣть частной собственности, ничего своего, что не было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и собственность организаціи, членомъ которой состоишь; 4) отдавая всего себя тайному обществу, отказаться отъ индивидуальной воли, подчиняя ее волѣ большинства»...

«Эти требованія — говоритъ В. Н. Фигнеръ, — были велики, но они были легки для того, кто былъ одушевленъ революціоннымъ чувствомъ, тѣмъ напряженнымъ чувствомъ, которое не знаетъ ни преградъ, ни препятствій и идетъ прямо, не озираясь ни назадъ, ни направо, ни налѣво. Если бы они, эти требованія были меньше, если бы они не затрагивали такъ глубоко личности человѣка, они оставляли бы неудовлетворенность, а теперь своею строгостью и высотой они приподнимали личность и уводили ее отъ всякой обы-

денности; человѣкъ живѣе чувствовалъ, что въ немъ живетъ и долженъ жить идеалъ».

Такъ это и было на самомъ дѣлѣ. Отъ всей книги В. Н. Фигнеръ, отъ разсыпанныхъ по ней эпизодовъ борьбы небольшой кучки людей съ могущественнымъ противникомъ, несмотря на всю простоту разсказа, вѣетъ героическимъ. Изъ числа 28 членовъ Исполнительнаго Комитета, такъ сказать основоположниковъ «Народной Воли», къ началу 1883 г. уцѣлѣли только 4. Остальные уже легли костьми, завершивъ свою жизнь на висѣлицѣ, или вымирая быстрымъ темпомъ въ казематахъ Алексѣевскаго Равелина и Трубецкого Бастіона.

Всѣ лишенія, всѣ тяжести нелегальной жизни переносились просто и безропотно, какъ нѣчто вполнѣ естественное и неизбѣжное, и не день и два, а мѣсяцы и годы. С. Л. Перовская послѣ 1-го марта, истомленная и измученная тяжкими нервными переживаніями этого момента, въ ожиданіи близкой казни своихъ близкихъ друзей, предпочитала странствовать и ночевать по своимъ личнымъ знакомымъ, чѣмъ рисковать, можетъ быть, провалить своимъ приходомъ одну изъ нѣсколькихъ безопасныхъ конспиративныхъ квартиръ, существовавшихъ тогда въ Петербургѣ. За два дня до своего ареста она пришла вечеромъ къ В. Н. Фигнеръ. «Вѣрочка, можно у тебя ночевать? — спросила она, — разсказываетъ В. Н. Фигнеръ. Я смотрѣла на нее съ удивленіемъ и упрекомъ: «Какъ это ты спрашиваешь, развѣ можно объ этомъ спрашивать». Я спрашиваю, — отвѣчала Перовская, потому, что если въ домъ пріидутъ съ обыскомъ (тогда шли массовые обыски), то тебя повѣсятъ. Обнявъ ее и указывая на револьверъ, который лежалъ у изголовья моей постели, я сказала: «съ тобой или безъ тебя, если придутъ я буду стрѣлять»... Такова была душа Перовской, частицы души ея, потому что только частица ея была пріоткрыта мнѣ: въ то спѣшное время мы слишкомъ поверхностно относились къ психологіи другъ друга, мы дѣйствовали, а не наблюдали».

Тотъ идеализмъ, которымъ была проникнута психологія большинства революціонеровъ того времени, экстазъ борьбы и невольное пріученіе себя къ мысли о возможности и даже неизбѣжности скорой гибели и смерти, налагали на многихъ особый отпечатокъ «жертвенности» и «обреченности». Отпечатокъ этотъ не наблюдался извнѣ, но какъ то чувствовался, ощущался и зачаровывалъ другихъ. Характеризуя Суханова и описывая свое первое знакомство и дальнѣйшее сближеніе съ нимъ, В. Н. Фигнеръ говоритъ:

«Сухановъ былъ человѣкъ, котораго невозможно было не любить. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которыхъ чѣмъ больше узнаешь, тѣмъ болѣе любишь. Глубоко честный и безкорыстный, совершенно лишенный честолюбія, онъ былъ правдивъ и прямоду-

шенъ до такой степени, что приходилось удивляться, какъ такая личность, чистая какъ хрусталь, могла сложиться среди окружающей лжи, обмана и лицемѣрія»...

...«Послѣ первой встрѣчи съ нимъ мы (В. Фигнеръ, Перовская и Желябовъ) стали видаться часто и темой разговоровъ были разумѣется общественные и революціонные вопросы, тѣ партійные интересы, которыми мы народовольцы только и жили. Хотѣлось эти вопросы и интересы сдѣлать и для него такими же близкими и жгучими, какими они были для насъ... Сухановъ того времени былъ еще далеко не тѣмъ, какимъ наши другіе товарищи увидали его въ февралѣ и мартѣ 1881-го г. Но было видно, что недостаетъ только искры, чтобы онъ вспыхнулъ, и въ началѣ 1881 г. можно было уже сказать, что Сухановъ умретъ на эшафотѣ, что онъ создастъ себѣ эшафотъ даже среди условій, когда правительство предпочло бы отсутствіе громогласныхъ казней. А когда погибъ горячо любимый имъ Желябовъ, желѣзная рука котораго могла бы сдерживать его въ должныхъ предѣлахъ, возбужденное состояніе его въ ту тревожную для Комитета весну перешло всѣ границы: послѣ 1 марта онъ сталъ дѣйствовать съ лихорадочной поспѣшностью... Напрасно старались мы сдерживать его порывы... «Нѣтъ, нѣтъ, — возражалъ онъ, — годъ, два работы изо всѣхъ силъ, а потомъ конецъ»... Извѣстно, что онъ могъ избѣжать своей участи, его предупреждали объ опасности, онъ самъ, наконецъ, видѣлъ ее, но все же не хотѣлъ скрыться, какъ ему совѣтовали, какъ его уговаривали и хладнокровно ждалъ ареста, который означалъ гибель, потому что, помимо подавляющихъ уликъ, дальнѣйшій образъ дѣйствій его былъ опредѣленъ, обдуманъ и рѣшенъ.

То-же ощущеніе «жертвенности» и «обреченности» оставляла по себѣ С. Л. Перовская за послѣдніе мѣсяцы жизни своей на волѣ. Таково было впечатлѣніе, вынесенное и мною отъ многихъ встрѣчъ съ нею. Только что возвратившись изъ административной ссылки, я тогда, еще молодымъ студентомъ, познакомился съ С. Л. Перовской и видался съ нею по нѣкоторымъ революціоннымъ и Красно-Крестнымъ дѣламъ. Послѣ 1-го марта эти встрѣчи участились и въ теченіе послѣднихъ 10 дней до ея ареста я видался съ нею 3 раза. Приходила она на свиданія блѣдная, истомленная, но какъ только начинался разговоръ о дѣлѣ, она оживала и какъ бы преображалась.

Отчасти я зналъ, отчасти догадывался о близкомъ участіи Перовской въ событіи 1-го марта (сама она не обмолвилась объ этомъ ни словомъ). Опасность ея положенія, очевидная усталость и нервность ея побудили меня при послѣдней встрѣчѣ заговорить съ ней о необходимости хотя бы временнаго отъѣзда ея изъ Петербурга. Въ отвѣтъ на мои слова она не то разсердилась, не то

взволновалась: «Не будемте говорить объ этомъ», и она сдѣлала рѣзкій отрицательный жестъ рукою... «Развѣ теперь время говорить объ этомъ.»И, измѣнивъ, смягчивъ тонъ, она сказала: «Вы вступили на нашъ путь. Помните, что идя по немъ, надо всегда думать объ одномъ: готовить себя не къ жизни, а къ гибели и смерти».

На другой день С. Л. Перовская была арестована.

Съ той поры уже прошло 40 лѣтъ, но все это и теперь стоитъ у меня живо въ памяти и передъ глазами...

Въ свое время много обвиненій раздавалось изъ лагеря русскихъ марксистовъ противъ «Народной Воли» за якобинство якобы ея программы, проявившееся въ видѣ включенія въ нее пункта о «захватѣ власти». Трудно объяснить теперь, чѣмъ объяснялись эти нападки. Чего было тутъ больше: простого недоразумѣнія, игнорированія и непониманія политической ситуаціи при первыхъ эпизодахъ всякой революціи вообще; или же марксистскіе публицисты просто точили острія своихъ полемическихъ перьевъ на этомъ пунктѣ. Кто же, особенно теперь, послѣ всего пережитого, сталъ бы упрекать революціонную партію за то, что она, предвидя или подготовляя революцію, предусмотрѣла и отмѣтила въ своей программѣ тотъ переходный моментъ, когда старая власть низвергнута, а, новая, выражающая волю народа и имъ избранная, еще не успѣла и не могла сорганизоваться.

Въ программѣ «Народной Воли» вопросъ этотъ дебатировался именно въ такой формѣ, которая, казалось бы, не допускала возможности лжетолкованій. «Никогда, — говоритъ В. Н. Фигнеръ, — у насъ не было рѣчи о навязаніи большинству воли меньшинства, о декретированіи революціонныхъ соціалистическихъ преобразованій, что составляетъ ядро якобинской теоріи». Не было и тѣхъ привходящихъ индивидуальныхъ мотивовъ, которые могутъ вызывать мысль о якобинскихъ замыслахъ: не было и не могло быть тогда личныхъ устремленій, потому что не существовало никакой реальной почвы для игры личныхъ честолюбій. «Самый вопросъ о временномъ правительствѣ, — говоритъ В. Н. Фигнеръ, — при наличномъ составѣ партіи былъ у насъ вопросомъ скорѣе академическимъ, безъ мысли, что мы увидимъ его (врем. правительство), а тѣмъ болѣе войдемъ въ него, и ставился для стройности программы, для будущаго, когда революціонная партія разростется до обширныхъ размѣровъ». Въ программѣ своей и въ письмѣ къ Александру III Исполнительный Комитетъ провозгласилъ установленіе народовластія (Созывъ Учрѣдительнаго Собранія) и основъ демократическаго правового порядка, обезпечивающаго возможность мирной пропаганды соціализма, разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ смыслѣ передачи земли народу.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ теченіе всего десятилѣтія — съ начала 70-хъ до начала 80-хъ годовъ — въ области революціонной мысли совершалась значительная эволюція. Революціонная идеологія развивалась теоретически, исправлялась по указаніямъ опыта, очищаясь отъ утопій, политически созрѣвала и опредѣленно выставила, наконецъ, на своемъ знамени лозунгъ политической борьбы, идею политическаго переворота, какъ необходимаго преддверія для дальнѣйшихъ достиженій въ духѣ идей соціализма. Въ этой ясной постановкѣ политическаго вопроса на надлежащее мѣсто заключается большая заслуга второй половины 70-хъ годовъ и въ особенности партіи «Народной Воли».

Много страницъ своей книги посвящаетъ В Н. Фигнеръ изображенію событія 1-го марта, описанію революціонныхъ эпизодовъ ему предшествовавшихъ и его сопровождавшихъ, романтическихъ приключеній и трагическихъ индивидуальныхъ переживаній. Все это читается съ большимъ интересомъ и бросаетъ яркій свѣтъ какъ на психологію дѣйствующихъ лицъ, такъ и на общественную среду, ихъ окружавшую. Авторъ является апологетомъ акта 1-го марта какъ принципіально, такъ и во времени, — въ смыслѣ неизбѣжности и необходимости его для даннаго политическаго момента. Психологія и настроеніе самихъ революціонеровъ, ихъ надежды на успѣхъ задуманнаго и на его результаты были таковы, что неизбѣжно побуждали ихъ продолжать начатую борьбу, а сочувствіе общественныхъ круговъ и преувеличенное даже представленіе о могуществѣ Комитета еще болѣе окрыляли эти надежды и вызывали представленіе о необходимости во что бы то ни стало довести дѣло до конца. Нужно было жить въ ту эпоху, чтобы составить себѣ истинное представленіе о той вѣрѣ во всемогущество Исполнительнаго Комитета, которая царила въ русскихъ интеллигентныхъ кругахъ. Впродолженіе почти двухлѣтняго періода отъ 1-го марта до коронаціи циркулировали полуфантастическіе слухи о чемъ то грандіозномъ, имѣющимъ совершиться. Говорили о подкопѣ подъ Кремлевскій дворецъ, устроенномъ на случай коронаціи, о Кобозевѣ, взявшемъ уже подрядъ на электрическое освѣщеніе Успенскаго Собора во время коронаціоннаго торжества. И подобныхъ слуховъ и легендъ было не перечесть. Даже въ противномъ, враждебномъ лагерѣ наблюдался какой то сдвигъ, не въ смыслѣ сочувствія къ совершающимся событіямъ, конечно, а въ видѣ чувства удивленія и даже уваженія къ этимъ таинственнымъ революціонерамъ. Помню, какъ утромъ 1-го апрѣля въ день казни Перовской и Желябова, я, только что арестованный ночью, сидѣлъ, въ ожиданіи имѣющаго быть у меня обыска, въ канцеляріи Василеостровской части рядомъ съ дежурной надзирательской комнатой. Черезъ полу-затворенную дверь доносились слова

дежурныхъ надзирателей, только что вернувшихся изъ наряда съ мѣста казни и дѣлившихся съ другими полицейскими своими впечатлѣніями. «Вотъ женщина,—говорилъ одинъ,—гдѣ такихъ встрѣтишь? и не вздрогнула вѣдь...» «Будто не на смертъ шла, а такъ, на гулянье какое»—дополнялъ другой, и въ тонѣ ихъ слышалось почтительное изумленіе... Вспоминается исправникъ въ г. Камышловѣ, гдѣ партія наша, шедшая въ Сибирь весною 1882-го г., остановилась на ночлегъ. Исправникъ пріѣхалъ утромъ проводить насъ. И, говоря прощальное привѣтствіе съ пожеланіемъ скорѣе встрѣтить насъ возвращающимися обратно, онъ прибавилъ: «вѣдь я знаю, среди васъ есть такіе, передъ которыми за версту шапку снимешь». Помню тотчасъ же послѣ 1-го марта стараго инженернаго генерала, пріятеля моего отца, соратника Тотлебена по Севастопольской оборонѣ, наивнаго монархиста стараго типа. Изливъ все возмущеніе по поводу совершившагося, онъ вдругъ неожиданно добавилъ: «Но люди то, люди то каковы. Такихъ людей какъ Желябовъ нельзя лишать жизни. А Кибальчичъ. Его бы заточить навѣки, чтобы онъ могъ продолжать свою работу: не бомбы готовить, а свой летательный снарядъ изобрѣтать».

Всѣ эти и имъ подобные отзывы, отзывы простыхъ людей — людей толпы любопытны и показательны.

Вся дальнѣйшая часть книги рисуетъ позднѣйшую исторію революціоннаго движенія по 1883-ій г. Передавать содержаніе ея невозможно. Интересующійся долженъ самъ прочесть ее. Эта часть книги также содержитъ въ себѣ много интереснаго и богатаго матеріала. Возникновеніе военной организаціи, рядъ арестовъ и революціонныхъ неудачъ, тщетныя попытки возстановить центральную организацію, переговоры, открытые правительствомъ, съ Народной Волей черезъ Воронцова-Дашкова и Николадзе, выступленіе на сцену Дегаева и его губительная, предательская роль, арестъ и, наконецъ, судъ и проч. и проч. Въ концѣ концовъ изъ всѣхъ членовъ «Исполнительнаго Комитета» къ началу 1883 г. остается на свободѣ въ Россіи только одна В. Н. Фигнеръ. И тогда, съ оскудѣніемъ революціонныхъ силъ, наступаетъ періодъ паденія общественнаго настроенія. Положеніе становится трагичнымъ. Этимъ трагизмомъ и чувствомъ одиночества проникнута вся послѣдняя часть книги. Очень хорошо изображено это настроеніе въ одномъ изъ стихотвореній В. Н. Фигнеръ, посвященномъ Л. А. Волькенштейнъ — ея подругѣ по Шлиссельбургу. Въ немъ описываются тѣ чувства, которыя переживаются ею въ день суда:

«Было мнѣ въ эти дни не до новыхъ людей:
Жизнь прошедшая мнѣ рисовалась...
Проходилъ предо мной рядъ погибшихъ друзей,
Братство славное мнѣ вспоминалось...

Съ этимъ братствомъ несла я тревоги борьбы —
Силы сердца ему отдавала:
Всѣ несчастья, измѣны, удары судьбы
До послѣдняго дня раздѣляла...
Но союзъ нашъ, борьбою расшатанный, палъ,
Неудачи его сокрушили:
Безпощадно судъ смертью однихъ покаралъ,
Въ равелинѣ другихъ схоронили...
И пришлось въ день расчета одной мнѣ предстать
Съ грустнымъ взоромъ, назадъ обращеннымъ,
Между новыхъ людей одинокою стать
Съ думой тяжкою, съ сердцемъ стѣсненнымъ...»

Любопытенъ эпизодъ, имѣвшій мѣсто въ началѣ заключенія В. Н. Фигнеръ до суда.

«Прошелъ мѣсяцъ или полтора, — говоритъ она, — когда однажды ко мнѣ въ камеру вошелъ высокій пожилой жандармскій генералъ съ лицомъ, довольно красивымъ и симпатичнымъ. «Моя фамилія — Середа, — отрекомендовался онъ. — По высочайшему повелѣнію я назначенъ для разслѣдованія политической пропаганды въ войскахъ по всей Имперіи».

Онъ взялъ мою руку и, несмотря на сопротивленіе, поцѣловалъ ее. «Вы хорошій человѣкъ, — сказалъ онъ. — Ваше несчастье, что, выйдя замужъ, вы не имѣли дѣтей».

Послѣ этого оригинальнаго вступленія, когда мы сѣли, я задала вопросъ, какъ предполагаетъ онъ использовать свои широкія полномочія: думаетъ ли создать, подобно Желеховскому, процессъ-монстръ, и на этомъ сдѣлать карьеру, или, не раздувая дѣла, ограничиться преданіемъ суду немногихъ.

«Нѣтъ, создавать большого дѣла я не намѣренъ, — отвѣчалъ Середа, — суду будутъ преданы лишь самые дѣятельные.»

«Онъ такъ и сдѣлалъ: судили по нашему дѣлу 14 человѣкъ; изъ нихъ военныхъ было только шесть, а могли судить нѣсколько десятковъ.»

Жизнеописаніе В. Н. Фигнеръ доведено ею до вступленія ея въ Шлиссельбургъ. Проведенныя ею въ немъ 20 лѣтъ и выходъ ея на волю въ 1904-омъ г. должны составить содержаніе имѣющей появиться въ будущемъ 2-ой части.

Очень мало еще появилось въ свѣтъ воспоминаній по исторіи русской революціи, по богатству матеріала и по образности изложенія подобныхъ этой книгѣ. И хотя она касается прошлаго, интересъ ея современенъ. Революція въ Россіи не закончилась, и кто хочетъ быть ея дѣятелемъ, долженъ знать ея прошлое.

С. Ивановъ.

Alexander Block. Die Zwölf. Переводъ Вольфганга Грегера, съ иллюстраціями В. Н. Масютина. Издательство „Нева". Берлинъ.

Настоящая замѣтка, разумѣется, оставляетъ совершенно въ сторонѣ оригиналъ поэмы Блока, о которой такъ много писалось вслѣдствіе ея высокихъ достоинствъ, и особенно изъ за ея окончанія. Но нельзя не обратить вниманія читателей на нѣмецкій переводъ поэмы, сдѣланный Вольфгангомъ Грегеромъ.

Какъ извѣстно, изъ десяти переводовъ произведеній, написанныхъ стихами, девять непремѣнно губятъ переводимаго поэта. Переводы, которые о с т а л и с ь въ литературѣ, можно указать на перечетъ. Да и во многихъ изъ нихъ переводчикъ упорно отказывался принести себя въ жертву автору. Шатобріанъ не церемонился съ Мильтономъ, а Шелли съ Кальдерономъ. Знаменитый Лермонтовскій переводъ одного изъ лучшихъ стихотвореній Гете («Горныя вершины»...) имѣетъ довольно отдаленное сходство съ оригиналомъ: ритмъ совершенно измѣненъ и выпущенъ центральный стихъ, опредѣляющій музыкальность всей вещи. Можно напомнить и то, что Жуковскій переводилъ Гомера съ н ѣ м е ц к а г о, а Леконтъ де Лиль — съ л а т и н с к а г о языка. Я могъ бы указать лишь нѣсколько шедевровъ литературы, гдѣ переводъ совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ равенъ подлиннику. Такъ, «Довольно, пора мнѣ забыть...» гр. А. К. Толстого не уступаетъ Гейневскому «N u n i s t e s Z e i t» по энергіи и красотѣ выраженія. То же самое можно сказать объ англійскихъ переводахъ Данте, сдѣланныхъ Лонгфелло.

Нѣсколько неловко вспоминать столь знаменитые образцы по поводу только что вышедшей книги мало извѣстнаго автора. И тѣмъ не менѣе скажемъ: по точности, по близости къ подлиннику, по изумительному воспроизведенію всѣхъ ритмовъ, всѣхъ размѣровъ, всѣхъ оттѣнковъ выраженія поэмы, переводъ г. Грегера представляетъ собой с о в е р ш е н с т в о. Я ничего не могу выдѣлить изъ этого перевода: мнѣ пришлось бы выписать для сравненія полностью русскій и нѣмецкій тексты. Между тѣмъ, если есть произведеніе, которое почти невозможно хорошо перевести, то это именно «Двѣнадцать» Блока. Оказывается, «и невозможное возможно...» Поистинѣ Вольфгангъ Грегеръ — кладъ для русской литературы. Остается только пожелать, чтобы онъ перевелъ Лермонтова и Пушкина (Тютчевъ, вѣроятно, не въ его жанрѣ) такъ, какъ онъ перевелъ Блока.

Книга издана очень хорошо. Иллюстраціи г. Масютина извѣстны.

М. А.

„Единый соціалистическій фронтъ“ съ большевиками.

(Проф. Г. Г. Швиттау. Революція и народное хозяйство въ Россіи [1917-1921]. Изд. Центр. Т-ва Кооперативнаго Издательства. Берлинъ 1922. 378 стр.)

Многообѣщающее названіе, ученый титулъ автора, безукоризненная внѣшность солиднаго тома, выпущеннаго въ свѣтъ организаціей, правда, невѣдомой до сего, но носящей звучное наименованіе центральнаго «кооперативнаго» издательства, — мало соотвѣтствуютъ внутренней цѣнности новаго труда проф. Швиттау. Фактическая часть книги не представляетъ особаго интереса. Краткій обзоръ перемѣнъ, произошедшихъ въ основныхъ отрасляхъ русскаго народнаго хозяйства за время войны, революціи и большевистскаго режима, даетъ мало новаго въ сравненіи съ болѣе ранними и современными работами подобнаго рода С. Прокоповича, R. Labry, С. Загорскаго и др. Односторонность же и тенденціозность въ подборѣ матеріала, относящагося къ послѣднимъ годамъ, весьма ограничиваютъ, къ сожалѣнію, значеніе этой части книги и какъ справочнаго изданія.

Идеологически проф. Швиттау является сторонникомъ экономической политики большевиковъ. Конечно, прямо превозносить благодѣтельность системы, приведшей въ европейскомъ государствѣ XX в. къ милліонамъ голодныхъ смертей и сдѣлавшей людоѣдство бытовымъ явленіемъ, — затруднительно. Позиція проф. Швиттау осторожнѣе. Онъ, разумѣется, не коммунистъ, онъ даже позволяетъ себѣ «критику» большевиковъ; но, какъ человѣкъ науки, во имя научнаго безпристрастія, онъ «объективно» группируетъ все, что можетъ служить къ уменьшенію отвѣтственности и къ оправданію большевиковъ. Такъ, авторъ не ограничивается указаніемъ на общеизвѣстную роль войны въ экономическомъ истощеніи Россіи; онъ стремится и дальнѣйшее, совершенно безпримѣрное расточеніе народнаго хозяйства во время большевиковъ цѣликомъ возложить на отвѣтственность предшествовавшихъ режимовъ и «имперіалистической» войны. И выходитъ такъ, что россійское разореніе послѣднихъ лѣтъ совершалось какъ-то совершенно фатально, въ силу внутренней объективной неизбѣжности; большевики же, наоборотъ, въ мѣру ихъ возможности и со свойственной имъ энергіей, только боролись съ происходившимъ распадомъ. И если первоначальные ихъ планы, весьма сами по себѣ умѣренные и вполнѣ отвѣчавшіе духу времени, были въ дальнѣйшемъ искажены и выродились въ крайности, — то это произошло исключительно лишь «въ отвѣтъ на саботажъ буржуазіи», благодаря изоляціи большевиковъ со стороны другихъ соціалистическихъ партій,

вслѣдствіе «контръ-революціонныхъ» попытокъ борьбы съ совѣтской властью, и вообще ввиду «противодѣйствія косныхъ, хищныхъ, узко-эгоистическихъ элементовъ».

Въ оцѣнкѣ результатовъ большевистскаго хозяйствованія проф. Швиттау старательно избѣгаетъ сколько нибудь рѣзкихъ сужденій; ему, напр., лишь «трудно» судить объ успѣшности т. н. «ударныхъ» предпріятій; онъ только «не увѣренъ» въ осуществимости сенсаціоннаго плана производствомъ т. н. «совхозовъ» прокормить все городское населеніе и создать экспортный фондъ, и т. п. Но если о современномъ экономическомъ положеніи въ Сов. Россіи проф. Швиттау вынужденъ писать въ тонахъ все же по необходимости минорныхъ, то тѣмъ менѣе имѣетъ границъ его оптимизмъ относительно будущаго, особенно въ связи съ провозглашеніемъ «Нэпа.» Нѣтъ, кажется, ни одной области народнаго хозяйства, въ которой совѣтская власть, сознавшая свои ошибки и преодолѣвшая козни враговъ, не готовилась бы, на этотъ разъ окончательно, осчастливить своихъ подданныхъ уже въ ближайшемъ будущемъ. Сыграетъ при этомъ, конечно, предначертанную ей роль и электрификація, которая «можетъ дать прочную основу для составленія и осуществленія единаго для всей страны раціональнаго хозяйственнаго плана.»

Насъ мало интересуетъ субъективный источникъ того дальтонизма, съ которымъ проф. Швиттау воспринимаетъ свѣтъ и тѣни современной русской дѣйствительности. Запуганный ли это совѣтскій ученый, который свою весьма робкую критику спѣшитъ искупить неумѣренно расточаемыми доказательствами своей лойальности къ предержащей власти? — Авторъ какъ будто не случайно подчеркиваетъ, что изъ Россіи онъ выѣхалъ «не испытавъ никакого внѣшняго принужденія» и по окончаніи своей научной командировки намѣренъ возвратиться на родину. — Или же это — еще одинъ приспособившійся, сознательно окрасившійся въ защитный цвѣтъ ученый, въ порядкѣ служебной командировки уже иного порядка возглавляющій нынѣ «Наканунѣ», газету презрѣнную и продажную?

Для насъ существенно то обстоятельство, что среди стаи славныхъ—Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, Ключниковыхъ и Устряловыхъ новообращенный смѣновѣховецъ Швиттау представляетъ собою разновидность морфологически отличную: до сихъ поръ онъ заявлялъ себя с о ц і а л и с т о м ъ и такимъ образомъ къ «смѣнамъ вѣхъ» нынѣ онъ приходитъ не справа, а с л ѣ в а. Совершенно очевидно a p r i o r i, что не погрѣшая грубѣйшимъ образомъ противъ самыхъ основъ, теоретическихъ и моральныхъ, демократиче-

скаго соціализма, оказаться въ одномъ станѣ съ Ленинымъ, Дзержинскимъ, Слащевымъ и Гредескуломъ, — немыслимо. — Но какъ знаменіе нашего безвременья, соціально-политическій багажъ, съ которымъ бывшій соціалистъ перекочевалъ «на тотъ берегъ», — не можетъ быть совершенно лишенъ интереса.

«Міровая война устанавливаетъ конечный предѣлъ въ развитіи западно-европейскаго капитализма», утверждаетъ проф. Швиттау. «Независимо отъ какихъ бы то ни было реставраціонныхъ попытокъ онъ обреченъ на неминуемое умираніе».

Рѣчь, очевидно, идетъ вовсе не о тѣхъ болѣе или менѣе глубокихъ коррективахъ къ существовавшей до войны системѣ соціальныхъ отношеній, необходимость которыхъ въ Западной Европѣ признается многими даже буржуазными экономистами и политиками. Нѣтъ, по убѣжденію проф. Швиттау «идеей нашего времени» является подлинная соціальная революція, неизбѣжная въ самомъ ближайшемъ времени. Болѣе того: она уже началась... въ Россіи. «Русская Великая Революція, знаменуя собою наступленіе міровой революціи....можетъ окончиться только съ окончаніемъ міровой революціи, которая постепенно будетъ охватывать своимъ пламенемъ отдѣльныя страны».

Эти quasi — циммервальдовскія мелодіи не являются, впрочемъ, специфическими для проф. Швиттау, какъ смѣновѣховца-отъ-соціализма; онѣ не вытекаютъ изъ прежняго его міровоззрѣнія, но обязательны, очевидно, для смѣновѣховства, какъ своего рода казенный вицмундиръ. Въ устахъ бывшаго весьма умѣреннаго соціалиста онѣ не болѣе оригинальны — и не менѣе двусмысленны — чѣмъ напр. бурный пафосъ октябриста Бобрищева-Пушкина, еще ранѣе Швиттау провозгласившаго въ «Смѣнѣ Вѣхъ» «конецъ стараго міра» и пришествіе «соціальной революціи», провозвѣстница коей, русская революція, «какъ стремительный курьерскій поѣздъ», не могла остановиться на «жалкомъ полустанкѣ» — мартовской революціи.

Въ вопросахъ вѣры доказательства отъ разума не обязательны, — даже для профессора-экономиста, и эсхатологическій догматъ о пришествіи соціальной революціи м о г ъ внезапно озарить душу какъ октябриста, такъ и бывшаго соціалиста, не давая повода непремѣнно усомниться въ ихъ искренности и добросовѣстности. Credo quia absurdum. Иное дѣло — ихъ отношеніе къ политическому режиму совѣтской власти. Естественно и понятно, что Слащевы чувствуютъ себя въ Москвѣ приблизительно въ той же стихіи, что и въ Крыму; что нравственная щепетильность Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ столь же мало шокирована чрезвычайками и разстрѣлами, какъ въ свое время департаментомъ полиціи и царскими во-

енными судами. Но для искренняго демократа и соціалиста, въ самой основѣ міросозерцанія котораго, какъ конститутивный принципъ, не только политическій, но и моральный, лежатъ понятія свободы и минимума неотчуждаемыхъ гражданскихъ правъ, — переходъ «на тотъ берегъ» данъ только одинъ — по мосту р е н е г а т с т в а. И тѣмъ болѣе жалкое впечатлѣніе производятъ тѣ натяжки и софизмы, которыми безнадежно пытаются ex-демократы обосновать и придать «оттѣнокъ благородства» своей капитуляціи передъ режимомъ лжи и насилія.

Проф. Швиттау не закрываетъ глазъ на то, что господствующій въ Россіи строй является диктатурой «не столь пролетаріата, сколь коммунистической партіи», которой «не удалось до сихъ поръ придти къ соглашенію» ни съ рабочимъ классомъ ни съ крестьянствомъ. Но это — не бѣда. Важно то, что въ Россіи большевики производятъ «соціальный опытъ совершенно исключительнаго общемірового значенія». «Н е в а ж н ы т ѣ с р е д с т в а и п р і е м ы, при помощи которыхъ пытаются осуществить новый строй», и если совѣтская власть «не всегда въ состояніи разобраться въ относительныхъ качествахъ имѣющихся въ ея арсеналѣ орудій и средствъ», то въ этомъ виноваты встрѣчаемыя ею со всѣхъ сторонъ «противодѣйствіе, враждебность и открытая борьба», естественно вызвавшія со стороны большевиковъ примѣненіе террора.

И негодованіе проф. Швиттау направляется не противъ безумныхъ экспериментаторовъ, насилующихъ цѣлый народъ, а по адресу с о ц і а л и с т о в ъ, которые не только не стремятся раздѣлить съ большевиками отвѣтственность, но и пытаются бороться съ ними. Между тѣмъ, по мнѣнію Швиттау, «будущность совѣтско-коммунистическаго режима въ Россіи, его успѣхъ и продолжительность» всецѣло зависятъ отъ согласія съ большевиками соціалистовъ. Въ частности, значительную роль могла бы сыграть партія с-р: «по пересмотрѣ своихъ партійныхъ положеній, с-ры м о г л и б ы л е г к о д о г о в о р и т ь с я до принятія нѣкоторыхъ основныхъ общихъ положеній съ коммунистами и этимъ помочь послѣднимъ выйти изъ состоянія ихъ политической изолированности». И Швиттау обращается къ бывшимъ своимъ единомышленникамъ соціалистамъ, продолжающимъ «убивать свою вѣру и ослаблять свою волю мертвой догмой партійныхъ разногласій» съ патетическимъ возгласомъ: «мудро ли, честно ли всячески препятствовать осуществленію этого опыта, и, не дожидаясь его результатовъ (? В. Р.), кричать о его несостоятельности?!».

Ну, а н а р о д ъ, являющійся объектомъ этого опыта? — Профессора Швиттау нельзя упрекнуть, чтобы онъ, въ своемъ усердіи прозелита, позабылъ о немъ. Бывшій демократъ сознательно ски-

дываетъ его со счетовъ, — ибо, по его мнѣнію, «не совсѣмъ неправильно» сопоставленіе переживаемой нами эпохи съ Петровской эпохой «насильственнаго водворенія европеизма въ Россіи»; почему же не допустить «принудительнаго водворенія въ Россіи соціализма», «какъ новой и болѣе высокой формы соціально-экономическаго уклада»? О возвращеніи къ началамъ гражданской свободы и демократіи въ европейскомъ пониманіи этихъ словъ не можетъ быть и рѣчи: окончательная побѣда пролетаріата несетъ съ собою замѣну «формальной», «буржуазно-капиталистической» демократіи высшей формой народовластія — демократіей «соціалистически-пролетарской».

Въ чемъ же сущность этой «сверхъ-демократіи»?

Предпосылкой ея является всеобщее превращеніе въ большевиковъ... Современная разноклассовая демократія должна смѣниться однородной «опролетаризованной» массой; пестрыя антагонистическія партійно-политическія теченія — единымъ новымъ соціально-политическимъ міропониманіемъ, очевидно, большевистскимъ. Такъ какъ гражданскія свободы — «свобода совѣсти, убѣжденія и личнаго самоопредѣленія» могутъ быть обезпечены только лойальнымъ «членамъ совѣтско-коммунистическаго единенія», то возстановленіе демократическихъ принциповъ допустимо лишь «постольку — поскольку»: оно обусловливается «полнымъ, всеобщимъ и открытымъ признаніемъ совѣтско-коммунистическаго строя», отсутствіемъ «партій, направленныхъ къ подрыву этого строя», увѣренностью, что «возстановленіе демократическихъ свободъ не будетъ использовано въ реставраціонныхъ цѣляхъ»; самое прекращеніе террора проф. Швиттау обѣщаетъ лишь въ случаѣ, если «все русское общество въ цѣломъ» откажется отъ «контръ-революціи, т. е. отъ насильственнаго ниспроверженія достигнутаго революціей политическаго строя», и т. д. и т. д.

Иллюзія возможности «единаго соціалистическаго фронта съ большевиками» для совмѣстной ли борьбы за соціализмъ, или для того, чтобы этимъ путемъ вывести изъ трясины Россію, владѣла когда то довольно широкими кругами соціалистовъ. Слабый, еле теплящійся огонекъ этой утопіи въ ея чистомъ видѣ нынѣ еще поддерживается развѣ только бодрствующими весталками изъ «Соціалистическаго Вѣстника», да «представляющимъ» въ двухъ-съ-половинномъ интернаціоналѣ самого себя единственнымъ лѣвымъ с-ромъ А. Шрейдеромъ. Но гибридныя формы этой идеологіи не могутъ почитаться до конца изжитыми въ соціалистической сре-

дѣ, и потому внесеніе все большей ясности въ вопросъ о томъ, на какихъ основаніяхъ подобный общій фронтъ соціалистовъ съ большевиками вообще мыслимъ, не представляется излишнимъ и въ настоящее время.

Съ этой точки зрѣнія можно только отъ души привѣтствовать появленіе книги Швиттау, какъ исповѣдь бывшаго соціалиста въ моментъ перехода его на сторону торжествующихъ враговъ демократіи и соціализма. Не продавъ души, не заключить союза съ дьяволомъ. Патентъ лойальнаго члена «совѣтско-коммунистическаго единенія» демократомъ и соціалистомъ можетъ быть купленъ лишь страшной цѣной, — цѣной измѣны своимъ убѣжденіямъ. Скрыть это еще могутъ пытаться гибкіе языкомъ и совѣстью бывшіе люди вродѣ Н. Іорданскаго, Тана и др. Профессора Швиттау неловкость новичка и прямолинейный педантизмъ ученаго заставляетъ произносить вслухъ такіе выводы, вытекающіе изъ «пріятія совѣтской власти», о которыхъ тренированные «птенцы Стекловы» предпочитаютъ помалкивать. Тѣмъ лучше: колеблющіеся и неустойчивые могутъ по книгѣ Швиттау точнѣе измѣрить умственнымъ взоромъ пропасть, отдѣляющую демократію отъ большевизма, и глубину паденія, необходимую для того, чтобы очутиться «на другомъ берегу».

В. Р.

„Заря“. Органъ соціалъ-демократической мысли. Берлинъ. 1922. — №№ 1, 2, 3, 4 и 5

Двухнедѣльникъ «Заря» — здоровая реакція противъ идей и нравовъ, укоренившихся въ оффиціальныхъ органахъ россійской соціалъ-демократіи.

Руководители журнала опредѣляютъ его задачу, какъ борьбу съ «ядовитымъ наслѣдіемъ», которое оставилъ въ рядахъ соціалъ-демократіи даже послѣ своего ухода вышедшій изъ нея большевизмъ. Для «Зари», естественно, большевизмъ не прогрессивный элементъ русской революціи, а ея катастрофическій срывъ. Россія, ограбленная и истощенная, не стала болѣе зрѣлой для соціализма, чѣмъ до торжества т. н. диктатуры пролетаріата. Задача «Зари» не пріятіе и тѣмъ менѣе соглашеніе съ «исторически прогрессивнымъ большевизмомъ», а «подготовка силъ, которыя революціонной метлой выбросятъ его изъ русской жизни». Ея цѣль — не соціализмъ для демократіи и не демократія для соціализма, а *соціалистическая демократія*. Поэтому «Заря» возстаетъ противъ уклоненій соціалъ-демократической партіи отъ основныхъ принциповъ демократіи, въ частности, — отъ всеобщаго избиратель-

наго права и Учредительнаго Собранія. Журналъ хочетъ искать помощи интернаціональнаго соціализма въ его основныхъ демократическихъ теченіяхъ, представленныхъ во 2-мъ Интернаціоналѣ. Онъ обѣщаетъ бороться противъ диктаторскихъ и утопическихъ тенденцій, нашедшихъ себѣ убѣжище въ такъ называемомъ 2½-мъ Интернаціоналѣ.

Но главное его остріе направлено противъ тактики, усвоенной Заграничной Делегаціей Р. С. Д. Р. П. и ея органомъ «Соціалистич. Вѣстникомъ», противъ угнѣздившагося въ соц.-дем. Ц. К. «новаго либерализма», не оставившаго мысли мирнымъ и легальнымъ путемъ преодолѣть большевистскіе эксцессы; противъ молчаливо покорствующихъ и потворствующихъ «признанныхъ» «Соціалистич. Вѣстникомъ» соціалъ-демократовъ; противъ ставшаго «цивической добродѣтелью» замалчиванія своихъ партійныхъ грѣховъ и преступленій.

Кто слѣдитъ за нынѣшнимъ оффиціозомъ россійской соціалъ-демократіи, тотъ, дѣйствительно, имѣлъ возможность не разъ встрѣтить на его столбцахъ «стекловицу» достойную московскихъ «Извѣстій». Послѣ недолгаго сопротивленія большевикамъ удалось убѣдить меньшевиковъ въ томъ, что «формальная демократія» это фетишъ; что октябрь — это подлинная національная революція и что сами большевики, хотя, конечно, и не такіе хорошіе соціалисты, какъ меньшевики, но все же находятся съ ними въ соціалистическомъ родствѣ. «Соціалистич. Вѣстникъ» съ кичливой гордостью подчеркивалъ «соціальное родство тѣхъ слоевъ населенія, на которые опираются большевики и меньшевики». — Это было въ области идей. Въ области же нравовъ «Соціалистич. Вѣстникъ» полностью воскресилъ, до аромата включительно, старый духъ подпольной «Искры». Та же самодовольная увѣренность въ монопольномъ, и разъ и навсегда, обладаніи соціалистической истиной и революціонной благодатью. Тотъ же надзоръ за строжайшимъ соблюденіемъ вѣрными и послушными всѣхъ установленныхъ помазанниками каноновъ и ритуаловъ. Та же чисто жандармская расправа вплоть до отлученія и лишенія права «огня и воды» въ соціалистической семьѣ всѣхъ инако мыслящихъ или случайно несогласныхъ съ какой-либо «директивной» Ц. К., Ц. О. или Ц .Б. То же третированіе en canaille всѣхъ не «своихъ», хотя бы и соціалистовъ, не говоря уже, конечно, о демократахъ «просто» и тѣмъ менѣе о такомъ подломъ племени какъ либералы. Наконецъ, — не умирающій, обнажающій человѣка стиль: — ерничающій, высокомѣрный, гикающій и подхихикивающій съ пошловатымъ остроумничаніемъ и нуднымъ цитированіемъ Кузьмы Пруткова, Курочкина или Крылова...

«Соціалистическій Вѣстникъ» сумѣлъ, однако, превзойти и худшіе образцы и пріемы «Искры». Онъ не только надъ «подвѣдомственными» ему соціалъ-демократами творитъ судъ и расправу. Онъ подстрекаетъ къ аналогичной расправѣ со «своими» инакомыслящими и другихъ. «Соціал. Вѣстникъ» унизился до доносительства на неугодныхъ ему противниковъ: онъ грозитъ и предупреждаетъ подлежащую власть п. с.-р. о томъ, что ея «престижъ» требуетъ прежде всего примѣненія ею дисциплинарныхъ бичей и скорпіоновъ — «формальнаго исключенія изъ партіи людей, компрометирующихъ ее на каждомъ шагу» («Соц. В.» № 28).

«Соціал. Вѣстникъ» въ качествѣ блюстителя чести и престижа п. с.-р. — вещь вообще довольно курьезная. Но, какъ показатель нынѣшнихъ литературно-политическихъ нравовъ, «Соціал. Вѣстникъ» явленіе весьма прискорбное и грозное. Не намъ судить о размѣрахъ этого явленія. Въ «Зарѣ» имѣются указанія на то, что сфера вліянія нынѣшнихъ руководителей соціалъ-демократіи болѣе или менѣе значительна въ столицахъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, гдѣ все же дѣйствуютъ группы и другого теченія въ партіи. Чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ болѣе вліяніе нынѣшняго Ц. К. партіи падаетъ, а въ рядѣ областныхъ организацій (Одесса, отчасти Кіевъ, Крымъ, Уралъ, Баку и друг.) оно равно нулю. По утвержденію автора этихъ строкъ Л. Исаева, — дѣятельность соціалъ-демократической партіи въ этихъ мѣстностяхъ проходила не только безъ участія Ц. К., но весьма часто вразрѣзъ со всей его тактической позиціей.

«Заря» имѣетъ, конечно, единомышленниковъ не только въ Россіи № 2, но и въ Россіи № 1, въ совѣтской Россіи. Въ послѣдней книжкѣ какъ разъ напечатанъ такого рода документъ — заявленіе московской группы соціалъ-демократовъ, «марксистовъ, но не сектантовъ, застывшихъ на буквѣ закона»: они отрицаютъ «совѣтскую власть и совѣтскую систему» и утверждаютъ общегражданскую демократію, «четыреххвостку» и Учредительное Собраніе. Какъ бы численно ни расцѣнивать сочувствующую въ Россіи аудиторію послѣ пережитого опыта — когда изъ ничтожной «Искры» возгорѣлось пламя объявшее и испепелившее всю Россію, — не приходится сомнѣваться въ томъ, что и «Заря», если ей и не суждено стать зарей воскресенія Россіи, можетъ сыграть значительную роль въ оздоровленіи русскаго соціалистическаго сознанія и революціонныхъ нравовъ.

Журналъ не блещетъ крупными именами или ослѣпительными по яркости дарованіями. Въ блѣдно голубой, почти сѣрой обложкѣ, скромно и некрикливо, серьезно и въ выдержанномъ даже въ полемикѣ тонѣ «Заря» дѣлаетъ большое и нужное дѣло. Мы можемъ лишь пожелать ему всяческаго успѣха. Изъ отдѣльныхъ ста-

тей обращаютъ на себя вниманіе, помимо статей уже названнаго Л. Исаева, «Записки рабочаго» Г. Струмилло и послѣдняя статья Ст. Ивановича, въ которой авторъ убѣдительно доказываетъ, что «надо выбирать» между тремя силами, борющимися за обладаніе Россіей: русскимъ народомъ, большевистской властью и иностраннымъ капиталомъ. Путь перваго — революція. Путь второй — деспотизмъ. Путь третьяго — интервенція.

Главнымъ дефектомъ изданія мы считаемъ его языкъ. Здѣсь не только совершенно неистребимая, очевидно, у русскаго марксиста потребность, даже когда онъ подвергаетъ марксизмъ «ревизіи», — аргументировать непремѣнно отъ писанія Маркса, Плеханова, Каутскаго, пользуясь при этомъ привычными логическими категоріями и даже штампованными словосочетаніями: «революціонная метла», «возвращеніе отъ утопіи къ наукѣ» и т. п. Здѣсь болѣе серьезная небрежность и недопустимыя погрѣшности противъ русскаго языка. «Вскормленники», «пассованіе», «формальный партійный единомышленникъ», «мы дѣлаемъ открытыми столбцы журнала» и т. д., — это, согласитесь, уже черезчуръ. . . .

М. В.

Новая книга о языкѣ.

Le Langage, introduction linguistique à l'histoire par F. Vendryes, professeur à l'université de Paris. — „La renaissance du livre." Paris 1921. Єтр. XXVIII+439. Цѣна 15 фр.

Написать книгу о языкѣ, оставаясь въ то же время на почвѣ строго лингвистической, это не что иное, какъ составить курсъ языковѣдѣнія, предпріятіе заранѣе обреченное на неудачу при настоящемъ состояніи нашихъ знаній.

Мы уже знаемъ кое-что о языкахъ, но мы почти ничего еще не знаемъ о языкѣ. Только одно ученіе о звукахъ уже обладаетъ своими методами и крѣпко стоитъ на ногахъ, какъ въ своей исторической части (фонетика), такъ и въ описательной (фонологія — подсобная дисциплина). Другія же области языковѣдѣнія, какъ напр. морфологія и семантика (иначе, словарь) все еще представляютъ обширное поле для гипотезъ и даже для домысловъ. Пути развитія этой науки были таковы, что лишь въ самое послѣднее время подошла она къ общимъ проблемамъ языка и приступила къ разработкѣ методологическихъ вопросовъ.

F. Vendryes поставилъ себѣ иную, выполнимую, хотя и не легкую задачу: объяснить, что за наука лингвистика; какими проблемами она интересуется, какихъ результатовъ она достигла и какія стоящія на очереди задачи уже сформулировала. Выполнилъ онъ эту задачу чрезвычайно удачно, добросовѣстно и умѣло, даже ловко, и далъ хорошую книгу, написанную яснымъ и простымъ языкомъ, какъ только одни французы умѣютъ писать о серьезныхъ вещахъ.

Потребность въ такой книгѣ всѣми настойчиво ощущалась. Давно уже устарѣли иF. Müller, и I. Byrn и A. Hovelacque и D. Whitney. Неограмматиковъ «смѣнило новое поколѣніе: M. Brial, F. de Saussure, Фортунатовъ, И. Бодуэнъ-де-Куртенэ, A. Meillet, Ch. Bally и др. Пора было подвести новые итоги. Во время войны, въ 1916 г. вышла подобная книга, это составленныя по запискамъ слушателей лекціи покойнаго Ф. де-Соссюра, читанныя въ Женевскомъ университетѣ (F. de Saussure, Cours de lingui stique générale) изданныя его учениками проф. Ch. Bally и прив.-доц. Alb. Suchehaye. Это первый опытъ, хотя и неполный, созданія методологія лингвистики. Значеніе этой книги для языковѣдовъ огромное. Знаменитый ученый впервые обосновываетъ строгое различеніе діахроніи и синхроніи, и разграничиваетъ двѣ лингвистики — историческую и статическую; предлагаетъ новое ученіе о слогѣ; намѣчаетъ основы синтагматики и т. д. и т. д.

Нельзя не пожалѣть, что F. Vendryes, трудъ котораго былъ законченъ еще въ 1914 г., не использовалъ достаточнымъ образомъ лекцій де-Соссюра, хотя бы это и повлекло переработку нѣкоторыхъ частей его собственной книги. Теперь же въ ней оказались крупные недочеты, какъ напр. отсутствіе изложенія де-соссюровскаго ученія о слогѣ, полное умолчаніе о синтагматикѣ, часто недостаточно строгое разграниченіе исторіи и статики и т. д. Но эти, равно какъ и нѣкоторые другіе недостатки не умаляютъ огромной цѣнности книги. Если въ ней мало чувствуется присутствіе де-Соссюра, въ ней зато сказывается повсюду вліяніе учителя и друга автора A. Meiller, который въ свою очередь былъ другомъ и ученикомъ геніальнаго женевца.

Книга открывается главой, посвященной вопросу о зарожденіи языка и заключается очеркомъ, трактующимъ о языковомъ «прогрессѣ». Оба вопроса когда-то чрезвычайно волновали самихъ ученыхъ, теперь же ими интересуется, главнымъ образомъ, широкая публика. Авторъ обстоятельно разъясняетъ, почему первый вопросъ лежитъ за предѣлами лингвистики, которая всюду встрѣчается только съ организованными языками, имѣющими за собой

долгую исторію, и потому лишена возможности наблюдать зарожденіе языка. Изученіе дѣтскаго языка также не имѣетъ ничего общаго съ возникновеніемъ рѣчи: ребенокъ усваиваетъ уже организованный языкъ старшихъ. Нельзя заключать къ первобытному праязыку отъ такъ наз. «примитивныхъ» языковъ. Примитивныхъ языковъ, собственно говоря, нѣтъ: есть общества, психика и учрежденія которыхъ, съ нашей точки зрѣнія, кажутся примитивными. Но языки дикарей въ такой же степени приспособлены къ ихъ нуждамъ, какъ наши языки приспособлены къ нашимъ потребностямъ. Очень часто языки дикарей оказываются чрезвычайно сложными и въ грамматическомъ и въ словарномъ отношеніи. Нѣтъ никакихъ критеріевъ, чтобы судить о превосходствѣ одного языка надъ другимъ. Языки существуютъ, какъ соціально-техническія установленія, и такъ же непозволительно говорить объ абсолютномъ «прогрессѣ» въ области языка, какъ нельзя говорить объ абсолютномъ прогрессѣ въ области морали или политики. — Есть рѣзкая грань, отдѣляющая человѣческую рѣчь отъ языка животныхъ — это естественность, непроизвольность второго и символичность и условность человѣческаго слова. Вѣдь даже междометія не являются непроизвольными: уколовшись, французъ или русскій кричитъ — ай!, а нѣмецъ вскрикиваетъ — ау! Но можетъ ли наука задаваться вопросомъ, кто, гдѣ и когда первый осозналъ связь между даннымъ крикомъ и его значеніемъ, и сталъ сознательно пользоваться криками для выраженія своихъ желаній ? ! .

Книга состоитъ изъ слѣдующихъ частей: I Звуки, II Грамматика, III Словарь, IV Образованіе языковъ и V Письменность.

Чрезвычайно ясно, доступно и интересно даже и для непосвященныхъ изложено ученіе о звукахъ. Много вниманія удѣлено тому, чтобы показать, что звуки каждаго языка образуютъ систему. Всякая звуковая система характеризуется прежде всего большимъ или меньшимъ сближеніемъ, при произношеніи, неба и языка, губъ, зубовъ и т. д. Самое незначительное перемѣщеніе пункта сближенія и измѣненіе въ степени сближенія, влекутъ за собой видоизмѣненіе всей системы. Искаженія эти, конечно, безсознательны. Когда, напр., ребенокъ произноситъ (возьмемъ рѣзкій примѣръ) «уодка», онъ думаетъ, что говоритъ, какъ и старшіе — «лодка», въ противномъ случаѣ онъ стремился бы поправиться. Нѣкоторые лингвисты полагаютъ, что вообще никогда новое поколѣніе не усваиваетъ съ абсолютной точностью произношеніе отцовъ (теперешніе москвичи говорятъ «питухъ», «нивѣста», тогда какъ предыдущее поколѣніе говорило «пѣтухъ», невѣста»). — Отсюда возможность и даже неизбѣжность измѣненія во времени звуковыхъ системъ

языковъ. Но въ направленіи этихъ измѣненій нѣтъ никакой опредѣленности, тѣмъ менѣе можно говорить о какомъ нибудь «прогрессѣ» въ этой области. Не можетъ быть и рѣчи о переходѣ отъ болѣе «трудныхъ» звуковъ къ болѣе «легкимъ» — эти понятія совершенно относительныя. — Говоря о недостаткахъ этой главы, напомнимъ отсутствіе де-соссюровскаго ученія о слогѣ, что отмѣчаетъ и самъ авторъ (примѣч. на стр. 64) и его же градаціи „apertures". Слѣдовало бы отличать фонологію отъ фонетики. Жаль, что нѣтъ ни рисунка гортани, ни таблицъ соотношенія звуковъ; какъ въ дальнѣйшемъ вообще отсутствуютъ чертежи, схемы, карты, отчего изложеніе проигрываетъ въ наглядности.

Слѣдующая часть посвящена грамматикѣ. Прекрасно и подробно изложена глава, трактующая о морфенахъ, т.-е. формальныхъ элементахъ языка, и объ ихъ измѣненіи во времени. Авторъ совершенно не останавливается на возможности превращенія въ морфены случайно схожихъ въ звуковомъ и въ смысловомъ отношеніяхъ частей словъ. Впервые подробно изложено ученіе объ аффективной сторонѣ языка, опирающееся на работы Ch. Bally и Alb. Sechehaye. Непосвященная публика узнаетъ съ изумленіемъ, что до сихъ поръ еще не дано удовлетворительнаго опредѣленія слова, кромѣ развѣ слѣдующаго, принадлежащаго A. Meillet: Un mot résulte de l'association d'un sens donné à un ensemble de sons susceptible d'un emploi grammatical donné (Revue de Métaphys. et de Morale, Paris, 1913, стр. 11) Характеръ слова мѣняется отъ одной языковой системы къ другой. По тѣмъ же причинамъ А. Потебня не находилъ возможнымъ дать общее опредѣленіе предложенія. — Такъ же дѣло обстоитъ и съ грамматическими категоріями. Существуютъ языки (семитическіе и финно-угорскіе), въ которыхъ для насъ неощутимо даже основное различіе между именемъ и глаголомъ.

Авторъ прекрасно дѣлаетъ, что усиленно подчеркиваетъ несоотвѣтствіе между грамматическими и логическими категоріями, но на нашъ взглядъ онъ иногда заходитъ въ этомъ направленіи слишкомъ далеко. Какъ бы ни разнились между собою языковыя категоріи въ различныхъ нарѣчіяхъ и какъ бы, съ другой стороны, ни былъ несхожъ ходъ мышленія у различныхъ племенъ (см. напр. Lévy-Bruhl — Les fonctions mentales dans les sociétés inférieures, а также I. Frazer, The golden bow) у всѣхъ у нихъ имѣются нѣкоторыя черты общія всѣмъ представителямъ рода homo sapiens. Въ изученіи грамматическихъ категорій особо тщательное обращеніе съ лингвистическимъ методомъ — Въ книгѣ F. Vendryes'a категоріи рода, вида, залога, переходности и т. д. разсматриваются изолированно одна отъ другой, но въ ихъ разнообразномъ преломленіи во всевозможныхъ языковыхъ системахъ, отсюда сугубое впечатлѣніе ихъ абсурдности

съ точки зрѣнія логики. Такъ напр. одни языки различаютъ три рода, другіе два, третьи совсѣмъ не знаютъ родовъ; нѣкоторые языки при этомъ различаютъ одушевленность и неодушевленность; другіе же языки знаютъ только «сильный» и «слабый» родъ, иные распредѣляютъ предметы по «классамъ». Что общаго между всѣми этими представленіями, если ихъ подводить подъ терминъ «рода»?

Необходимо разсматривать грамматическія категоріи, въ предѣлахъ единой языковой системы, какъ связанные между собою члены единаго языкового механизма, тогда онѣ не покажутся намъ произвольными и даже безсмысленными. Но если напр. въ современномъ русскомъ глаголѣ категоріи дѣйствующаго лица, вида, залога, переходности и времени тѣсно сплетены между собою, то надо предположить, что такъ же обстояло дѣло и съ извѣстными намъ категоріями въ индо-европейскомъ праязыкѣ.

Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что индо-европ. праязыкъ прежде всего различалъ одушевленность и неодушевленность. Понятно, что, въ связи съ мистическимъ укладомъ мысли нашихъ предковъ, грань между обѣими категоріями не совпадала со свойственнымъ намъ дѣленіемъ именъ существительныхъ (хотя, почему «мертвецъ» грамматически одушевленный предметъ: «Тятя, тятя! наши сѣти притащили мертвеца!», а «трупъ» — неодушевленный?). У нѣкоторыхъ дикарей къ существамъ относятся не только свѣтила небесныя, громъ, дождь, но и растенія и даже табакъ, сани, огниво и т. д. Подлежащимъ во фразѣ могъ быть только одушевленный предметъ, т. е. подлинный дѣятель. Неодушевленные предметы были объектами дѣйствія и являлись дополненіями, но никогда подлежащими. Различеніе мужского и женскаго родовъ относилось, конечно, только къ одушевленнымъ предметамъ и опиралось на различеніе половъ и качествъ приписываемыхъ каждому полу, почему оно и могло не отражаться грамматически (ср. русскіе: «мужчина» и «женщина»). Фраза въ нашихъ языкахъ всегда имѣетъ дѣйственный, драматическій характеръ: подлежащее дѣйствуетъ и волитъ. Живой дѣятель заинтересованъ въ результатѣ своего дѣйствія, — отсюда различеніе результативнаго или совершеннаго вида и нерезультативнаго, несовершеннаго. Съ первымъ связана переходность дѣйствія: результатъ наиболѣе ощутимый заключается въ томъ, чтобы достичь объектъ дѣйствія. По тѣмъ же причинамъ индо-европейскій праязыкъ не зналъ пассива, ибо подлежащее всегда дѣйствовало. Возможно, что пассивъ появился только тогда, когда и неодушевленные предметы стали выступать въ качествѣ подлежащаго фразы (наполовину превратившейся въ грамматическую форму) въ тѣхъ случаяхъ, когда объектомъ ея оказывался одушевленный предметъ. Тутъ была

какая то несоразмѣрность между причиной и слѣдствіемъ, и пассивъ отражалъ эту непормальность (ср. въ русскомъ языкѣ «активный-пассивъ»: «солдата убило пулею»). — Возможно, что первыя безличныя предложенія, обозначающія явленія природы, были обязаны своимъ возникновеніемъ закону «табу», который запрещалъ по религіознымъ причинамъ называть нѣкоторыхъ дѣятелей по имени, и вмѣсто, скажемъ, «громъ гремитъ», говорили «этотъ», — а позже — «это гремитъ» и т. д. (Между прочимъ J. Vendryes совершенно не упоминаетъ о безличныхъ предложеніяхъ, кромѣ типа „*i t u r*“,) — Такое гипотетическое, но отнюдь не фантастическое построеніе было бы вполнѣ допустимо въ сочиненіи типа разсматриваемой нами книги.

Мы считаемъ также недостаткомъ книги, что авторъ не счелъ нужнымъ остановиться поподробнѣе на искуссвенныхъ языкахъ, напр. на эсперанто, чтобы путемъ анализа ихъ грамматики и словаря вскрыть глубже разницу между логическимъ и аффективнымъ языкомъ.

Третья глава изучаетъ семантическую сторону языка. Освѣщеніе обширнаго матеріяла согласовано съ новѣйшими ученіями. Слово имѣетъ значимость актуальную и единичную, т.-е. ограниченную моментомъ употребленія и его цѣлью (теорія Ch. Bally). При изученіи вопроса о томъ, какъ слова мѣняютъ значеніе и какъ понятія мѣняютъ свои имена, на первый планъ выдвинутъ соціальный факторъ, въ согласіи съ работами Durkheim'a, Bréal'я а также и A. Meiller, который учитъ, что главную причину измѣненій значенія словъ нужно искать въ томъ фактѣ, что лица говорящія распредѣлены между различными соціальными группами и что слова переходятъ изъ одной группы въ другую. Отмѣченъ и аффективный моментъ, т. е. потребность въ экспрессивности слова, которая, конечно, быстро выдыхается. — Въ этой части сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, подчеркнута разница между исторіей и статикой.

Предпослѣдняя глава разсматриваетъ вопросъ объ отношеніяхъ между языками: діалекты, говоры, семейства языковъ, жаргоны, литературный и «общій» языки и т. д. Вдохновенныя страницы (324—325) посвящены роли литературнаго языка въ дѣлѣ воспитанія языковой нормы, т. е. того идеальнаго языка, который служитъ намъ мѣриломъ правильности, точности и красоты нашей рѣчи. Онъ никогда не осуществимъ, но къ нему болѣе всего приближается языкъ нашихъ мастеровъ слова. Этотъ гимнъ литературному языку звучитъ особенно убѣдительно. Казалось бы, что современный лингвистъ будетъ всюду выдвигать приматъ разговорнаго языка передъ литературнымъ, хотя бы только для того, чтобы возможно рѣзче отмежеваться отъ филологовъ и лингвистовъ прежняго времени. Вѣдь тѣ считали письменные памятники един-

ственнымъ объектомъ достойнымъ вниманія ученаго, въ живомъ языкѣ, текучемъ и разнообразномъ, они видѣли лишь упадокъ и разрушеніе, и были готовы вмѣстѣ съ A. Schleicher 'омъ считать исторію врагомъ языка. — Полезно было бы нашимъ педагогамъ познакомиться съ этими страницами, какъ и со всей книгой, ибо они часто склонны пренебрегать языковой «нормой» въ дѣлѣ обученія родному языку, подъ предлогомъ свободнаго развитія индивидуальности ребенка..

Наконецъ, послѣдняя часть излагаетъ исторію письменности у различныхъ народовъ. Авторъ довольно подробно останавливается также на необходимости постепеннаго упрощенія орѳографіи современныхъ языковъ.

Отмѣтимъ слѣдующій непонятный намъ пропускъ. На стр. 412, авторъ говоритъ объ исчезновеніи изъ франц. яз. формы passé défini (je fis) въ связи съ опрощеніемъ passé indéfini (j'ai fait), которое ощущается теперь, какъ простая форма. Но онъ почему-то упускаетъ отмѣтить, что нѣкоторые говоры стремятся возстановить новое сложное прошедшее время въ формѣ j'ai en fait. — Оставленъ также безъ разсмотрѣнія такой большой фактъ, какъ сравнительно слабая діалектическая дифференціація въ великорусскомъ языкѣ.

Книга заслуживаетъ самаго большого вниманія со стороны какъ спеціалистовъ, такъ и широкой публики. Слѣдуетъ пожелать ей появиться и на русскомъ языкѣ.

Прив.-доцентъ **Сергѣй Карцевскій.**

„Мысль“. Журналъ Петербургскаго философскаго Общества, подъ редакціей Э. Л. Радлова и Н. О. Лосскаго.

Послѣ значительнаго перерыва вышелъ второй номеръ этого журнала, призваннаго, быть можетъ, замѣнить московскіе «Вопросы Философіи и Психологіи». Съ радостью мы констатируемъ, что работа философской мысли въ Россіи продолжается и что никакія потрясенія, политическія, экономическія, моральныя не въ силахъ парализовать дѣятельность чистаго, незаинтересованнаго мышленія, стремлящагося постигнуть внѣвременную значимость вещей.

Если бы не новое правописаніе, то, судя по первому впечатлѣнію, ничто не отличало бы послѣреволюціонную «Мысль» отъ старыхъ «Вопросовъ Философіи и Психологіи». Та же, какъ будто, бу-

мага почти — довольно скверная, та же и печать. Въ оглавленіи мы встрѣчаемъ знакомыя имена — А. И. Введенскій, Э. Л. Радловъ, Н. О. Лосскій, Ф. Ф. Зелинскій, Н. Н. Яковлевъ. Не помню лишь К. М. Милорадовича. Впечатлѣніе совершающейся спокойной, нормальной, несмотря на всѣ трудности, работы подтверждается и тономъ статей, тономъ выдержаннымъ, «академическимъ» вполнѣ, и содержаніемъ ихъ, далекимъ отъ всякой злобы дня. Исключеніе представляетъ лишь статья Введенскаго, докладъ прочитанный имъ въ Петербургскомъ философскомъ об-вѣ весною 1922 г. — «Судьба вѣры въ Бога въ борьбѣ съ атеизмомъ.» Рѣчь и здѣсь корректна и спокойна, какъ и подобаетъ философскому докладу, но характеръ его опредѣленно политическій, боевой, и онъ непосредственно вводитъ насъ въ напряженную атмосферу идейной и религіозной борьбы, вызванной атеистической пропагандой, офиціальной и офиціозной. Атмосфера эта намъ вполнѣ чужда, заграницей, и необходимо сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы понять и почувствовать тотъ пафосъ, которымъ и съ той, и съ другой стороны горятъ умы и сердца. Практическая цѣль доклада, боевой его характеръ, конечно, отразились на его содержательности. Многое здѣсь производитъ нѣсколько элементарное впечатлѣніе и авторъ значительно упростилъ проблему: онъ стоитъ на кантіанской точкѣ зрѣнія: бытіе Бога не подлежитъ доказательству, но и не можетъ быть опровергнуто наукой. Страннымъ пробѣломъ въ разсужденіяхъ автора представляется мнѣ полное умолчаніе имъ о злѣ, физическомъ и моральномъ: наличность зла являлась всегда главнымъ аргументомъ атеизма и психологически оправдывала и объясняла его.

Очеркъ Радлова о Русской философской Литературѣ XVII вѣка содержитъ интересный фактическій матеріалъ, онъ расчитанъ повидимому на нѣсколько номеровъ. Но характеристика умственныхъ теченій на Западѣ, которой открывается очеркъ, поражаетъ своей поверхностностью и элементарностью. Удивляешься, читая такую напр. фразу, достойную Иловайскаго: «Остается указать еще на одну черту 18-го вѣка, а именно на безнравственность и гниль, царившую въ бластящемъ по внѣшности обществѣ. Нравы были до того распущены, что мы съ удивленіемъ читаемъ о явленіяхъ, которыя считались возможными, даже въ придворныхъ сферахъ и которыя теперь вызываютъ отвращеніе даже среди простолюдиновъ». Безнравственность и гниль, конечно, не составляютъ специфической особенности 18-го вѣка, по сравненію хотя бы съ 20-мъ, но моральная гниль 18-го вѣка представляла нѣкоторыя особенности (сочетаніе любопытства, холодной злости и сентиментальности), которыя требовали болѣе глубокаго анализа.

О работѣ Лосскаго «конкретный и отвлеченный идеалъ — реализмъ» трудно судить, ибо во второмъ номерѣ дано лишь ея окончаніе; перваго же номера у меня нѣтъ подъ руками. Но явенъ догматическій характеръ изложенія, сказывавшійся, впрочемъ, уже и въ книгѣ «Міръ какъ органическое цѣлое». Близость къ Лейбницу стновится все болѣе замѣтной.

Интересна по затронутымъ проблемамъ, хотя и нѣсколько смутно написана статья Милорадовича: «Роль метафизики въ философіи». Тезисъ автора—метафизика не есть знаніе и не должна быть знаніемъ: «Намъ нужна метафизика, оставляющая волю свободной и открывающая пути общенія съ тѣмъ, что больше насъ и съ тѣми, кто нами любимъ. Но такою не можетъ быть метафизика въ видѣ знанія».

Обширенъ и чрезвычайно содержателенъ библіографическій и критическій отдѣлъ, гдѣ подробно реферируются: «Міровая соціальная проблема» Маслова, работы Зѣлинскаго о греческой религіи, «Очеркъ методологіи общественныхъ наукъ» Франка (представляющій собою дальнѣйшее развитіе и примѣненіе къ соціальной сферѣ идей и методовъ обоснованныхъ въ его же «Предметѣ Знанія»), «Коллективная рефлексологія» Бехтерева (остроумная критика Радлова) и др.

Въ хроникѣ даны подробныя свѣдѣнія о готовящемся новомъ переводѣ всѣхъ сочиненій Платона, предпринимаемомъ Петербургскимъ Философскимъ Об-вомъ и издательствомъ Академія. Изданіе расчитано на 15 томовъ, въ составъ редакціонной коллегіи входятъ представители какъ философской, такъ и филологической науки. Полнаго перевода Платона на русскій языкъ мы, какъ извѣстно, до сихъ поръ не имѣли, ибо Карповъ, приступившій въ 70-хъ годахъ къ подобному переводу, не закончилъ своего труда: имъ остались непереведенными «Законы», «Эпиномисъ» и нѣкоторые мелкіе діалоги, подлинность которыхъ оспаривается. Осталась незаконченной и работа Вл. Соловьева, предпринятая имъ въ 90-хъ годахъ.

Б. Шлецеръ.

Э. Радловъ. — Очеркъ Исторіи Русской Философіи. — Петербургъ, Книгоиздательство „Наука и Школа“, 1921 г.

Подробно и систематически развитой исторіи русской философіи у насъ до сихъ поръ еще не имѣется, хотя первый такой опытъ относится къ 1840 г. (Исторія философіи архимандрита Гавріила). Сравнительно многочисленны зато статьи, очерки и собранія матеріаловъ, касающіеся этого вопроса, вродѣ работъ Колубовскаго, Бо-

брова, Введенскаго и др. Наиболѣе полное изслѣдованіе русской философіи принадлежитъ Масарику, на нѣмецкомъ языкѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Петербургѣ вышелъ вторымъ, дополненнымъ изданіемъ «Очеркъ Исторіи Русской Философіи» Э. Радлова; первое изданіе этой книги появилось въ 1912 г.

Книгу открываешь съ понятнымъ интересомъ, какъ все то, что приходитъ къ намъ «оттуда», «съ того берега», тѣмъ болѣе, что за послѣднія пятнадцать лѣтъ мы наблюдаемъ значительный ростъ нашей философской мысли, которая, хотя и продолжаетъ пребывать подъ западно-европейскими вліяніями, нѣмецкими и французскими, однако, глубоко ассимилируя ихъ себѣ, своеобразно, по новому, ихъ преломляетъ, сочетаетъ и развиваетъ. Работы Франка, Лосскаго, Ильина— цѣнный вкладъ въ сокровищницу не только русской, но и европейской мысли и способны вполнѣ оказать обратное воздѣйствіе на западную философію, когда послѣдняя ихъ наконецъ «откроетъ».

Къ сожалѣнію, ожиданія читателя не оправдываются; и не только потому, что послѣднему, современному періоду русской философіи посвящено слишкомъ мало мѣста. Прежде всего, неудаченъ вовсе самый планъ книги: за общей характеристикой русской философской мысли слѣдуютъ главы посвященныя отдѣльнымъ школамъ и отдѣльнымъ философскимъ дисциплинамъ, автору приходится такимъ образомъ по нѣсколько разъ возвращаться подъ различными рубриками къ одному и тому же явленію. На неудобство это онъ и самъ, впрочемъ, указываетъ, въ коротенькомъ предисловіи, но читателю отъ этого нисколько не легче, тѣмъ болѣе, что однообразный, тусклый и мало выразительный языкъ Э. Радлова дѣлаетъ повторенія эти чрезвычайно утомительными. При этомъ, авторъ не обладаетъ талантомъ мѣткихъ и сжатыхъ характеристикъ. При всей краткости его изложеній и толкованій, они кажутся расплывчатыми и растянутыми, именно потому что ему никакъ не удается нащупать центральный стержень системы, ученія, вокругъ котораго строилась и складывалась мысль философа. Онъ не умѣетъ вскрыть первичную интуицію мыслителя или даже дать намъ о ней догадаться.

Рядомъ съ повтореніями — удивительные пробѣлы. Такое явленіе какъ творчество Льва Шестова отмѣчено слѣдующей, фактически неточной фразой: «Всѣ теченія находили откликъ на русской почвѣ. Такъ, Ницше вызвалъ цѣлый рядъ переводовъ и статей (Л. Шестовъ)»...

Ежегодникъ «Логосъ» упомянутъ мелькомъ, между прочимъ, и ни слова не сказано о нео-кантіанскомъ движеніи и группѣ писателей и философовъ, объединившихся вокругъ этого изданія.

Поражаетъ поверхностностью своей и банальностью характеристика морали и религіи Толстого. Совершенно неправильнымъ представляется противопоставленіе Толстого—Соловьеву, какъ западника—славянофилу, и болѣе чѣмъ странно звучитъ такое напр. утвержденіе: «этимъ двумъ мыслителямъ (Толстому и Соловьеву) пришлось пополнять и исправлять недостатки двухъ противоположныхъ направленій — славянофильства и западничества».

Авторъ выражаетъ надежду, что составленный имъ очеркъ «будетъ небезполезнымъ». Въ полезности этой, однако, сильно сомнѣваюсь: знакомому съ русской философіей читателю книга Э. Радлова ничего не сообщитъ значительнаго новаго; читателя въ этихъ вопросахъ неискушеннаго она не введетъ въ царство мысли, изъ-за указаннаго уже неумѣнія автора выдѣлить главное, основное. «Очеркъ» Э. Радлова могъ бы послужить справочникомъ, но въ немъ недостаточно полна и точна библіографія, и вовсе отсутствуетъ указатель именъ.

Б. Ш.

Списокъ новыхъ книгъ, поступившихъ въ Редакцію „Современныхъ Записокъ".

Н. В. Гоголь: Повѣсти. Переписка съ друзьями. — Берлинъ. 1922. Изд. Ладыжникова. Стр. 264.

Н. В. Гоголь: Женитьба. Игроки. — Берлинъ. Изд. Ладыжникова 1922. Стр. 127.

Н. В. Гоголь: Невскій проспектъ. Записки сумасшедшаго. — Берлинъ. Изд. И. П. Ладыжникова. 1922. Стр. 83.

С. Маковскій: Послѣдніе итоги живописи. — Русское Универсальное Издательство. Берлинъ. 1922. Стр. 166.

Записки Русскаго Экономическаго Общества въ Лондонѣ. Январь — мартъ. 1922. — Стр. 1054.

Report of the Preliminary Meeting at Genova, Switzerland. August 12—20, 1920. — Edit. „World Conference on faith and order".

А. Ф. Кони: „На жизненномъ пути". Т. III, ч. I. — Изд. Библіофилъ. Ревель — Берлинъ. 1922. Стр, 623.

Н. Тасинъ: „Катастрофа". — Русское Универсальное Издательство. Берлинъ. 1922. Стр. 293.

„Вмѣсто программы". Резолюціи I. и II. Всероссійскихъ Конференцій Анархо-Синдикалистовъ. — 1922. Стр. 45.

Ив. Наживинъ: „Среди потухшихъ маяковъ". — Изъ записокъ бѣженца. — К-во „Икаръ" Берлинъ. 1922. Стр. 237.

Максъ Даутендей: „Письма — сказки съ острова Явы". — Издат. С. Ефронъ. Берлинъ. Стр. 217.

Александръ Кусиковъ: „Птица Безымянная". Избранные стихи. 1917—1921. — Издат. „Скифы". Берлинъ. 1922. Стр. 62.

M. Rostovzeff: „A Large Estate in Egypt in the third century B. C." A Study in Economic History. — 1922. P. 204.

Алексѣй Ремизовъ: „Лалазаръ". Кавказскій сказъ. — Изд. Скиѳы". Берлинъ. 1922. Стр. 37.

Андрей Бѣлый: Стихи о Россіи. — Изд. „Эпоха", Берлинъ. Стр. 50.

Альманахъ „Русская Жизнь". Выпускъ 2-й. Іюль — Харбинъ. 1922 г.

Е. Лундбергъ: „Записки писателя". — „Огоньки". Берлинъ, 1922, Стр. 294.

Марія Шкапская: „Барабанъ строгаго господина". — Берлинъ. Стр. 57

Эротика въ русской поэзіи (Сборникъ стиховъ). Редакція и примѣчанія Бориса Бродскаго. — Русское Универсальное Издательство. Берлинъ. 1922. Стр. 192.

Александръ Амфитеатровъ: „Мечта" (Разсказы). — Русское Универсальное Изд-ство. Берлинъ. 1922. Стр. 126.

Франсисъ Жаммъ: „Исторія дѣвушки былыхъ временъ" (Клара д'Элебезъ). — Русск. Универс. Издат. Берлинъ. 1922 Стр. 63.

И. Василевскій (Не-Буква): „Графъ Витте и его мемуары". Русск. Универс. Издат. Берлинъ. 1922. Стр. 108.

А. Н. Островскій: „Бѣдность не порокъ". — Изд. Я. Поволоцкаго. Парижъ. Стр. 144.

Вл. Д. фонъ-Дитрихштейнъ: „На зыбкихъ граняхъ". Собраніе стиховъ 1916—1922 г.г. — Складъ Изд. Я. Поволоцкаго. Стр. 31.

А. Керенскій: „Издалека" Сборникъ статей (1920—1921 гг.). — Русск. Книгоиздательство Я. Поволоцкаго. Парижъ. Стр. 249.

Георгій Гребенщиковъ: „Путь человѣческій". — Русск. универс. Издательство. Берлинъ. Стр. 127.

„Современныя Проблемы". Сборникъ статей М. А. Алданова, М. В. Вишняка, Ю. Делевскаго, Ст. Ивановича, Н. М. Минскаго, Б. Э. Нольде, К. Р. Качоровскаго. — Русск. Книгоиздательство Я. Поволоцкаго. Парижъ 1922: Стр. 213.

Сергѣй Есенинъ: „Пугачевъ". — Русское Универсальное Издательство. Берлинъ. 1922. Стр. 61.

Московскій Альманахъ. — Изд. „Огоньки". Берлинъ. 1922. Стр. 215.

Б. Соколовъ: „Мятежъ или исканіе". — Издат. „Наша Рѣчь". Стр. 191.

Алексѣй Ремизовъ: „Мара". Книга разсказовъ. — Изд. „Эпоха". Берлинъ. Стр. 149.

Механическій Транспортъ. № 1. Техническій, иллюстрированный журналъ, посвященный вопросамъ развитія и примѣненія механическаго транспорта во всѣхъ странахъ міра. — Выходитъ ежемѣсячно подъ редакц. инж. Н. Г. Кузнецова.

Сергѣй Юрицынъ: „Въ Туманѣ" (Разсказъ) и другія произведенія. — 1922. Стр. 213.

„Новая Русская Книга" № 7. — Изд. Ладыжникова. Берлинъ.

Ф. Данъ: „Два года скитаній" (1919—1921) Берлинъ. 1922. Стр. 267.

СОДЕРЖАНІЕ

предыдущихъ книжекъ журнала „СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ"

КНИГА I.

Отъ Редакціи. — Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ* (Романъ). Главы I-XIII.—К. Бальмонтъ: *Изъ ночи* (Стихотвореніе). — Софья Федорченко: *Сказки.* — Марина Цвѣтаева: Стихотворенія. — К. Бальмонтъ: *Мысли о творчествѣ.* — В. Крандіевская: Стихотвореніе. — Амари: Стихотвореніе. — В. Зензиновъ: *Руское Устье.* (Изъ дневника ссыльнаго). — Л. Шестовъ. *Откровенія смерти* (Послѣднія произведенія Л. Н. Толстого). — Тихонъ Полнеръ: *О Л. Н. Толстомъ* (Клочки воспоминаній). — Николай Авксентьевъ: Patriotica. — С. Загорскій: *Соціально-экономическая реакція въ Совѣтской Россіи.* — З. Ленскій: *Положеніе русской кооперації.*—В. В. Рудневъ: Лига націй и международное рабочее законодательство.—С. А. Корфъ. *Федерализмъ и централизація въ современной Америкѣ.* — М. В. Вишнякъ: *На Родинѣ.* — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Проф. бар. Б. Э. Нольде: *Лига народовъ и международный судъ.* — С. П. Тюринъ: «Guild - Socialism.» — М. Цетлинъ: *Анри Барбюссъ.* — А. Койранскій: *Театръ въ Англіи.*

КНИГА II.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ (Романъ).* Гл. XIV-XVI. — К. Бальмонтъ: *Змѣй (Стихотвореніе).* — В. Зензиновъ: *Русское Устье* (Изъ дневника ссыльнаго). (Окончаніе). — Н. Крандіевская: Стихотвореніе. — Л. Шестовъ: *Откровенія смерти* (Окончаніе). — Г. Ловцкій: *Музыка и діалектика* (О творчествѣ А. Н. Скрябина). — И. И. Бунаковъ: *Пути Россіи* — А. М. Михельсонъ: *Америка противъ Англіи.* — А. Сѣверовъ. (А. И. Гуковскій) *Кризисъ международнаго соціализма.* — М. В. Вишнякъ: *На Родинѣ.* — Н. Авксентьевъ: *Сложеніе силъ.* КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Профессоръ М. И. Ростовцевъ: *Поминки.* — С. Поляковъ-Литовцевъ: *Объ искусствѣ благословляющемъ.* — А. Н. Мандельштамъ: *Постоянный международный судъ и начало равенства государствъ* — П. Н. Апостолъ: *Вопросы денежнаго обращенія на Брюссельской финансовой конференціи.* — С. Загорскій: *Экономическія проблемы мира.*

КНИГА III.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ.* (Романъ). Гл. XVII-XXШ. М. А. Алдановъ: *Святая Елена, маленькій островъ.* (Отрывокъ изъ неизданной книги).—Сергѣй Маковскій: *Скеле.* (Стихотвореніе). — Софья Федорченко: *Сказки и пѣсни буковинскія.* — И. Рѣпинъ: *О графѣ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ.*

(Личныя впечатлѣнія и воспоминанія). — С. Карцевскій: *Объ эстетикѣ Достоевскаго.* — Л. Шестовъ: *Тысяча и одна ночь.* — Проф. М. Ростовцевъ: *Происхожденіе Кіевской Руси.* — А. С. Орловъ: *Измѣненія цѣнъ и условій жизни трудящихся классовъ съ начала войны.* — С. А. Корфъ: *Возможна ли въ Россіи федерація.* — В. Гефдингъ: *Трехлѣтніе итоги.* (Очеркъ совѣтскаго хозяйства). — В. М.: *Замѣтки о Закавказьѣ.* — М. В. Вишнякъ: *На Родинѣ.* — А. Сѣверовъ: *Внутри-классовая борьба.* — Н. Д. Авксентьевъ: *Итоги.* — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. М. Слонимъ. *Поэтъ человѣчности.*—Б. Шлецеръ: *Музыкальное возрожденіе Франціи и русское вліяніе.* — Проф. С. Метальниковъ: *Проблема туберкулеза.*—М. Цетлинъ: *Истинно народные поэты и ихъ комментаторъ.* — А. Койранскій: *По поводу салона независимыхъ.* — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. Б. Шлецеръ: *Ромэнъ Ролланъ,* «Клерамбо». — В. Р. Dr. Jean Loris-Melicof, «La Révolution Russe et les nouvelles Républiques transcaucasiennes. (Bolchevisme et antibolchevisme».) М. В. Вишнякъ: Проф. Н. Устряловъ, «*Въ борьбѣ за Россію*». П. Н. Апостолъ: Francis Delaisi, «le Pétrole». — С. Загорскій: «The Russia-Economist».

КНИГА IV.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ* (Романъ) Гл. XXIII-XXVII. — М. А. Алдановъ: *Святая Елена, маленькій островъ* (Оконченіе). — Максимиліанъ Волошинъ: *Стихотворенія.* —Екатерина Брешковская: *Три анархиста:* П. А. Крапоткинъ, Мостъ и Луиза Мишель. — Проф. М. Ростовцевъ: *Международныя отношенія и международное право въ древнемъ мірѣ.* — С Загорскій: «*Открытіе Россіи*».—Бар. Б. Э. Нольде: *Германская Имперія.* — А. Михельсонъ: *Міровая борьба за нефть.* — И. Бунаковъ: *Пути Россіи.* — А. Сѣверовъ: *Вѣнскій интернаціоналъ.* — М. А. Вишнякъ: *На Родинѣ.* — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. К. Бальмонтъ: *Мысли о творчествѣ.*—В. Ладыженскій: *Церковь и государство въ совѣтской Россіи.*—Б. Шлецеръ: *Жизнь слова* (Поль Клюдель).—Проф. С. Метальниковъ: *Роль и значеніе оплодотворенія въ живой природѣ.* — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. М. А.: *А. И. Герценъ,* «Былое и Думы».—Б. Шлецеръ: *Кн. Н. С. Трубецкой,* «Европа и человѣчество». В. Р.: Roger Frank «Le Travail au pouvoir». — Маркъ Вишнякъ: *И. Штейнбергъ,* «Съ февраля по октябрь 1917 г.», *Б. Камковъ,* «Органическій недугъ» и *А. И. Шрейдеръ,* «Федеративная Совѣтская Республика». — А. О.: Simon Zagorski, «La république des soviets.» — С. П. Тюринъ: *Матеріалы по статистикѣ труда.* (Подъ ред. Зав. Отд. Стат. С. Г. Струмилина Изданіе Народн. Комиссаріата Труда, Москва, 1920 г.). — М. Ц.: *Русская Книга* (Ежем. кр.-библ. журн. подъ ред. проф. А. С. Ященко). — Г. Л.: M. Feitelberg «Das Papiergeldwesen im Räte-Russland», П. Апостолъ: «The Russian Economist.»

КНИГА V.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ* (Романъ). Гл. XXVIII-XXX IV. — Георгій Гребенщиковъ: *Чураевы* (Романъ) Часть I. Гл. I-IV. — С. Р. Минцловъ: *За мертвыми душами.* — К. Бальмонтъ: *Встрѣча* (Стихотвореніе). — Максимиліанъ Волошинъ: *1. Іезекіель. 2. Пресуществленіе.* (Стихотворенія). — Л. Шестовъ: *О корняхъ вещей.* — М. А. Алдановъ: *Два этюда: 1. Эрихъ Людендорфъ. 2. Жоржъ Клемансо.* — Ст. Ивановичъ: *Царство соціальной иллюзіи.*—К. Качоровскій: *Крестьянство и интеллигенція.*—Діонео: *Броженіе въ Индіи.*—М. В. Вишнякъ: *На Родинѣ.* — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. М. Цетлинъ: *О новомъ романѣ Мережковскаго.*—Л. Сотовъ: *Бессарабія и Россія (Письмо изъ Бессарабіи).* — Немановъ: *Азербейджанъ и Россія.* — М. Л. Гошиллеръ: *Кризисъ французскаго рабочаго движенія.* — В. Брейтвейтъ: *Три декрета.*—В. Рудневъ: *Демократизація промышленности.* — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. — А. Аргуновъ: *К. Н. Соколовъ, Правленіе генерала Деникина.*—Б. Шлецеръ: *Сергѣй Булгаковъ, На пиру боговъ.* — Рабиндранатъ Тагоръ, *Домъ и Міръ.* — Б. Ш.: Ж. Рони (Старшій), *Факелы и плошки.*—М. Вишнякъ: *Архивъ Русской Революціи, издаваемый І. В. Гессеномъ.*— Карцевскій: *Юрій Никольскій, Тургеневъ и Достоевскій.*

КНИГА VI.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ* (Романъ,) Гл. XXXV-XXXVIII. — Георгій Гребенщиковъ: *Чураевы* (Романъ). Часть I. Гл. V-VI Часть II. Гл. I-II. — С. Р. Минцловъ: *За мертвыми душами (Продолженіе).* — Марина Цвѣтаева: Стихотворенія—Кн. В. Оболенскій: *М. Е. Салтыковъ въ своей семьѣ.* —Г. Ловцкій: *Н. А. Римскій-Корсаковъ* (Источники его творчества). — Ст. Ивановичъ: *Сумерки русской соціалъ-демократіи.* —Проф. М. Ростовцевъ: *Идея прогресса и ея историческое обоснованіе.* — А. С. Орловъ: *Экономическій кризисъ въ Англіи и его послѣдствія.*—М. В. Вишнякъ: *На родинѣ.*—*В. В. Рудневъ. Къ вопроу о судьбахъ русской промышленности.*—КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. В. И. Талинъ: *По переписи.*—Н. Минскій:*Единственный свѣточъ.*—Л. Немановъ: *Трагедія Арменіи.*—Б. Шлецеръ. *Зеркальное творчество* (Марсель Прустъ).—С. Загорскій: *Проблемы новаго міра.*—А. Левинсонъ: *Свое и чужое. «Міръ Искусства». Два Художника.* — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. — М. *А. Д-ръ Г. А. Зивъ. Троцкій.* (По личнымъ воспоминаніямъ).— А. Аргуновъ: *Г.К.Гинсъ:* «Сибирь, Союзники и Колчакъ»; *Лидія Крестовская:* «Изъ исторіи волонтерскаго движенія воФранціи». — М. В.: Karl Kautsky, «Georgien». — Прив.-доц. С. Карцевскій: Pouchkine, «Boris Godounof», traduit par Marc Semenoff «Revue des études slaves.» — Б. Шлецеръ: *Шарль Андлеръ;* «Предшественники Ницше».

КНИГА VII.

Гр. Алексѣй Н. Толстой: *Хожденіе по мукамъ.* (Романъ) (Окончаніе). — Г. Гребенщиковъ: *Чураевы* (Ром.) Часть II. (Продолженіе). — Марина Цвѣтаева: Стихотворенія — Н. Крандіевская: Стихотворенія.—Амари: *Николай I.* (Изъ поэмы «Декабристы»). — В. Сиринъ: Стихотворенія. — Бальмонтъ: *Бѣлая Невѣста* (Повѣсть). — М. А. Алдановъ: *Девятое Термидора* (Отрывокъ изъ неизданной книги). — Проф. П. Г. Виноградовъ: *Перспективы историческаго правовѣдѣнія.*— С. В. Лурье: *Два пути* (Философія переживанія). — Н. М. Минскій: *Отъ Данте къ Блоку.* — Діонео: *Литература ирландскаго Возрожденія.* — И. Бунаковъ: *Пути Россіи.* (Статья вторая). — Кн. В. Оболенскій: *Воспоминанія о 1891 голодномъ годѣ.* — Ст. Ивановичъ: *Погибель.* — М. Вишнякъ: *На Родинѣ.* КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Х..... *Письмо изъ Россіи.* В. И. Талинъ: *По переписи* (Изъ записокъ совѣтскаго статистика).—Б. Шлецеръ: *Два полюса русской музыки* — Андрей Левинсонъ: *Сюаресъ.* — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.—А. Аргуновъ: *Г. К. Гинсъ.* «*Сибирь, Союзники и Колчакъ*», т. II. — Ст. Ивановичъ: *Г. В. Плехановъ:* «*Годъ на Родинѣ*», 2 тт.—Ст. И.: Ив. Наживинъ: «*Записки о революціи*». Б. Шлецеръ и М. В.: «*Знамя*», №№ 1 2. В. Р.: *Генр. Штребель:* «*Германская Революція*». — А. Левинсонъ: «*Жаръ-Птица*», № 1 — Б. Ш. *Шарль Андлеръ: Молодость Ницше.*

КНИГА VIII.

Г. Гребенщиковъ: *Чураевы* (Ром.) (Продолженіе). — С. Р. Минцловъ: *За мертвыми душами* (очерки) — Ив. Соколовъ-Микитовъ: *На сорочьемъ хвостѣ* (разсказъ). — М. Алдановъ: *Девятое Термидора* (Продолженіе). — Марина Цвѣтаева: Стихотворенія. — Н. Крандіевская: Стихотвореніе. — Левъ Шестовъ. *Преодолѣніе самоочевидностей* (Къ столѣтію рожденія Ф. М. Достоевскаго). — Ст. Ивановичъ: *Четыре года (*Юбилейныя замѣтки: 25 октября 1917—1921 г.). — С. Кобяковъ: *Красный судъ.* — Проф. бар. Б. Э. Нольде: *Вашингтонская конференція.* — Проф. С. О. Загорскій: *Голодъ въ Совѣтской Россіи.* — К. Грюнвальдъ: *Соціальныя и экономическія проблемы Чехо-Словакіи.* — А. Сѣверовъ: *Борьба классовъ и правительственная коалиція.*—М. В. Вишнякъ: *На родинѣ.*—КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Талинъ: *По переписи* (Изъ записокъ совѣтскаго статистика) (Продолженіе). — Анат. Байкаловъ: *Кооперація и экономическое возрожденіе Россіи.* — Борисъ Соколовъ: *Т. Г. Масарикъ.* — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. Ст. Ивановичъ. *П. Струве:* «*Итоги коммунистическаго хозяйства*». — М. Вишнякъ: «*Смѣна Вѣхъ*». — Проф. М. Лазерсонъ: *П. А. Сорокинъ. Система соціологіи.* — Б. Шлецеръ: *Рабиндранатъ Тагоръ о націонализмѣ.*

КНИГА IX.

В. Г. Короленко: *Письма къ Луначарскому.* — М. А. Алдановъ: *В. Г. Короленко.* — Г. Гребенщиковъ: *Чураевы* (ром.) Продолженіе. — А. М. Ремизовъ: *Русалія. Алалей и Лейла.* — Гр. А. Н. Толстой: *Н. Н. Буровъ и его настроенія.* — М. А. Алдановъ: *Девятое Термидора* (Продолженіе). — К. Бальмонтъ: Стихотворенія. — Вл. Познеръ: *Баллада о ночномъ обыскѣ.* — Левъ Шестовъ: *Преодолѣніе самоочевидностей* (Продолженіе). — Проф. А. А. Чупровъ: *Инфляція — дефляція.* — И. И. Бунаковъ: *Пути Россіи* (Статья третья) — А. Ф. Керенскій: *Февраль и октябрь*—М. В. Вишнякъ: *На родинѣ.*—КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. В. И. Талинъ: *По переписи* (Окончаніе). — Андрей Левинсонъ: *Гумилевъ.* — В. В. Рудневъ: *Армія и революція.* — М. Цетлинъ: *Астарта* (Новое о Байронѣ). — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. Пр. доц. С. Карцевскій: *Творчество Тургенева—Сборникъ.* Ст. Ивановичъ: *Архивъ Русской Революціи* т. т. I.—III. — Г. Лунцъ: А. Финнъ-Енотаевскій — *«Современное положеніе мірового хозяйства».* — *М. В.:* K.Kautsky – „Von der Demokratie zur Staatssklaverei. Eine Auseinandersetzung mit Trotzky".

КНИГА X.

Леонидъ Андреевъ: *«Собачій вальсъ».* Представленіе въ 4 дѣйствіхъ. Г. Гребенщиковъ: *Чураевы* (ром.) Окончаніе. — С. Р. Минцловъ. *За мертвыми душами.* (Очерки). — Сем. Юшкевичъ: *Алгебра* (Разсказъ). — Вяч. Ивановъ: *«Деревья»* (Вступленіе къ поэмѣ). З. Гиппіусъ, Н. А. Тэффи, Н. Крендіевская: Стихотворенія. — Левъ Шестовъ: *Преодолѣніе самоочевидностей* (окончаніе). — А. Ф. Керенскій: *Гатчина.* — Проф. С. А. Корфъ: *Итоги Вашингтонской конференціи* (Письмо изъ Вашингтона). — Сер. Масловъ: *Коллективно-земледѣльческое движеніе въ современной Россіи.* — Проф. М. И. Ростовцевъ: *Государство и личность въ хозяйственной жизни птолемеевскаго Египта.* — М. В :*Памяти В. Д. Набокова.* М. В. Вишнякъ: *На Родинѣ* («Мы» и «они»). — Н. Д. Авксентьевъ: *Признаніе или непризнаніе.* — А. Сѣверовъ: *Парадоксъ «единаго фронта»* —КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ. Проф. С. И. Метальниковъ: *О созданіи новой школы въ Россіи.* — Пр.-доц. Б. Миркинъ-Гецевичъ: *Чехословацкая конституція.* — Пр.-доц. С. Карцевскій: *Языкъ война и революція.* — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ. К. Мочульскій: А. Ахматова, Anno Domini MCMXXI. — С. Карцевскій: *Изд. Дома Литераторовъ: «Пушкинъ. Достоевскій»* — В. М. Зензиновъ: *«Че-Ка», сборникъ.* — Б. Шлецеръ: Propos d' Anatole France, rec. p. Gsell. — Paul C. O. Загорскій: Dr. Eug. Warga: Die wirtschaftlichen Probleme der proletarischen Diktatur. — Проф. В. Ф. Тотоміанцъ: *Н. А. Лазаркевичъ. Льняное дѣло въ Зап. Европѣ.*

КНИГА XI.

Илья Сургучевъ: «*Рѣки Вавилонскія*». Пьеса. — Андрей Бѣлый: *Преступленіе Николая Летаева.* — М. А. Алдановъ: *Девятое Термидора* (гл. XXX—XXXVIIII). — Марина Цвѣтаева: *Ханскій полонъ* (Стихотворенія). — В. Сиринъ: *Россія* (Стихотвореніе). — В. Г. Короленко: *Земли, земли!* (Наблюденія, размышленія, замѣтки). — Б. Шлецеръ: *Русскій споръ о культурѣ* («Переписка изъ двухъ угловъ») — К. Грюнвальдъ: *Великобританія и Индія.* — В. В. Рудневъ: *Больной городъ* («Красная» Москва). — М. В. Вишнякъ: *На Родинѣ.* — КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ: Ю. Делевскій: *Въ поискахъ общественнаго идеала.* — В. Лихницкій: *Вліяніе голода и холода на душевный строй населенія Сов. Россіи.* — М. Ип.: *Письмо о настроеніяхъ въ Совѣтской Россіи.* И. Демидовъ: — *Патріархъ Тихонъ и совѣтская власть.* — Н. Макѣевъ: *Америка Русскому Народу.* (Къ годовщинѣ работы АРА въ Россіи) — К. Гр-дъ: *Проблемы европейской экономической реконструкціи* (Нитти — Кейнсъ — Кайо). — Н. А. Ульяновъ: *Передвиженіе материковъ.* — КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ: К. Мочульскій: *Классицизмъ въ современной русской поэзіи.* — Т. Полнеръ: *Вл. Короленко,* — «*Исторія моего современника*». Т. III — М. Вишнякъ: «*Русская Мысль*» Мартъ. Дел-скій: «*Труды русскихъ ученыхъ заграницей*» Т. I. — А. Аргуновъ: Генералъ Спиридовичъ, «*Исторія большевизма въ Россіи*». — Проф. М. И. Ростовцевъ: *Новости археологической литературы изъ Россіи.*

ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ

Уже свыше 800 отвѣтовъ, подтверждающихъ полученіе высланныхъ мною посылокъ въ Европейскую и Азіатскую Россію, можно видѣть въ моемъ бюро.

МЕДИЦИНСКІЯ: ДОМАШНІЯ АПТЕЧКИ

состав. Г. СЕГАЛЬ, быв. фармацевтомъ Русск. Госп. въ Парижѣ. Аптечки содержатъ необходимые медикаменты 1-й помощи. Всѣ этикетки и способъ пріема лѣкарствъ на русск. яз.

АПТЕЧКА № 1
24 frs. 50 c.

АПТЕЧКА № 2
32 frs. 50 c.

Являясь единственнымъ представителемъ для Россіи и русскихъ учрежд. заграницей фабрикъ химико-фармацевтическихъ продуктовъ Gallix, Dubois, Muller & Co., беру на себя выполеніе заказовъ на всевозможные медикаменты и на всѣ предметы, касающіеся медицины.

Не забывайте при заказахъ противотифозныя, противохолерныя и противодизентерійныя таблетки проф. Безредки изъ Пастеровскаго Института.

Кромѣ аптечекъ, отправляются слѣдующія посылки.

Посылка № 1.
3 куска медицинск. мыла . . . . . 8 фр.
Посылка № 2.
3 куска туалетн. мыла 9 фр. 50.
Посылка № 3.
1 трубка зубной пасты, 1 зубная щетка, 2 куска медиц. мыла и 2 куска туалетн. мыла 15 фр.

Всѣ цѣны включаютъ упаковку и пересылку.

СЪѢСТНЫЯ ПОСЫЛКИ: Мною организована отправка съѣстныхъ посылокъ вѣсомъ по 500 граммовъ, доходящихъ со скоростью заказного письма, а также посылокъ въ $4^1/_2$ килогр. и въ $14^1/_2$ килогр. Всѣ продукты — извѣстной французъ-фирмы Juiien Damoy. Требуйте списокъ съѣстныхъ посылокъ. На отвѣтъ прошу прилагать марку, а изъ за-границы интернаціональные марки-купоны.

ВЕЩЕВЫЯ ПОСЫЛКИ, составленныя самими кліентами. Посылка въ 500 граммовъ 4 фр. 50, въ $4^1/_2$ килогр. — 28 фр.

Посылки отправляются во всѣ г. Россіи, Украйны, Кавказа, Крыма и Азіатской Россіи.

Заказы съ точнымъ указаніемъ адресата принимаются по адресу:

G. SEGAL 3, rue d'Anjou, Paris (8-e)

Телефонъ: Elysée 62-90, 62-91.

ЛОГОС

КНИГОТОРГОВОЕ-АКЦ.ОБ-ВО

Генеральное Представительство

Книгоиздательствъ: „Слово", „З.И. Гржебинъ", „С.Д. Зальцманъ", „Волга", „Геликонъ", „Эпоха", Библіонъ", „Трудъ" и др.

Журналовъ: „Архивъ русской революціи", „Современныя Записки", „Театръ" (б. Театръ и Жизнь), **„Эпопея".**

Г. г. Книгопродавцамъ мы отпускаемъ книги нижеслѣдующихъ издательствъ съ издательской скидкой.

„Библіофиъ", „Изд. Е. А. Гутновъ", „Глаголъ", „Знаніе", „Московское Книгоиздательство", „Литература" „О. Дьякова и Ко.", „Мысль", „Наука и Жизнь" (библ. Гешена), „Отто Кирхнеръ и Ко.", „Оренштейнъ" (учебники), „Росс.-Болг. Книгоиздательство", „Русская Мысль", „Русское Творчество", Универсальное Издательство и другихъ.

Обширный складъ изданныхъ въ Россіи и за границей русскихъ книгъ.

Быстрое и аккуратное выполненіе заказовъ.

Полный каталогъ находится въ печати.

LOGOS

BUCHERVERTRIEB-A.G.

BERLIN SW 68, MARKGRAFENSTR. 87

Telefon: Dönhof 55-63, 55-64

Telegramm-Adresse: LOGOSKNIGA

„ЗАРЯ“ **Органъ соц.-демократической мысли.**

ВЫШЕЛ № 6: Содержаніе: СТ. ИВАНОВИЧ. Когда спящій просыпается. С. ЗАГОРСКІЙ. Новая Россія. Л. ИСАЕВ. О нѣкоторыхъ рецептахъ спасенія. Г. СТРУМИЛЛО. Изъ записокъ рабочаго. Х... „Безъ цитатъ изъ Маркса“. А. БАЙКАЛОВ. Гильдейское движеніе въ Англіи. С. ИНГЕРМАН. Проблемы организованнаго труда. (Письмо изъ Америки). Соціалистическая хроника.

Цѣна отдѣльнаго № въ Германіи 30 марокъ.
Адресъ конторы: **Berlin NW 87, Levetzowstrasse 16.** Verlag „Grani“:
редакціи: **Berlin-Charlottenburg, Wilmersdorferstr. 80** III, b. Markiewitz.
Пріемъ по дѣламъ редакціи по средамъ отъ 11 до 1 ч. д.
Складъ изданія въ книжномъ складѣ „ГРАНИ“
Berlin, Bleibtreustrasse 41. Telefon: Steinplatz 5728.

Вышелъ и поступилъ въ продажу пятый номеръ ежемѣсячнаго критико-библіографическаго журнала

Новая Русская Книга

подъ редакціей проф. А. С. Ященко.
Издательство И. П. Ладыжникова.
Цѣна номера 75 марокъ
Адресъ редакціи: Berlin W 50, Augsburger Straße 33.
Адресъ конторы: Berlin W 50, Rankestraße 33.

ПОМОЩЬ РУССКИМ ХУДОЖНИКАМ

Послѣ окончательнаго подсчета доходовъ с Костюмированнаго Бала на Монпарнассѣ, организованнаго литературно-художественнымъ журналомъ **„УДАР“** издаваемым в Парижѣ Сергѣем Ромовым, редакція этого журнала отправила в Россію через Американское Бюро Хувера тридцать посылок по десяти долларов (приблизительно 4000 франков) по адресу нуждающихся художников Петрограда, Москвы и Одессы. Кромѣ того, редакція „УДАРА“ раздала в Парижѣ около 6000 франков нуждающимся художникам без различія національностей, хотя большинство пособій пришлось на русских художников. „УДАР“ предполагает также в началѣ осени организовать Аукціонную продажу картин и рисунков лучших французских и русских художников, доход с которой будет всецѣло предназначен помощи русским художникам.

„УДАР“ — литературно-художественная хроника Сергѣя Ромова, издаваемая в Парижѣ (144, Bd. de la Gare) скоро выйдет в увеличенном размѣрѣ, с обложкой и множеством репродукцій. Составъ сотрудниковъ значительно расширен. Третій номер „УДАРА“ появится в Сентябрѣ, и впредь будет выходить ежемѣсячно.

Продолжается подписка на 1922 годъ

на ежедневную газету, посвященную защитѣ русскихъ національныхъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, издающуюся въ г. Харбинѣ (Harbin, Manchouria Moskovskie riadi, 10.)

„РУССКІЙ ГОЛОСЪ"

За полтора года существованія газеты духовная физіономія „РУССКАГО ГОЛОСА" вполнѣ опредѣлилась для наших читателей. В будущем году, не отступая от принятых позиций, редакція употребит всѣ усилія на дальнѣйшее развитіе и улучшеніе газеты. Будет обращено серьезное вниманіе на вопросы литературы, науки, на вопросы профессіональнаго движенія в примѣненіи их к мѣстным интересам трудящихся полосы отчужденія Кит. Вост. жел. дор.

Извѣстный фельетонист А. А. ЯБЛОНОВСКІЙ по соглашенію предоставил „Русскому Голосу" право исключительнаго печатанія его фельетонов, которые поступают в редакцію нашей газеты в оригиналах прежде, чѣм они появляются в русских изданіях Западной Европы.

В теченіе 1921 года в „Русском Голосѣ" помѣстили статьи нижеслѣдующія лица: проф. М. Абросимов, Н. И. Абросимов (Дій), Л. С. Астахов, Т. А. Баженова, професс. Н. А. Бородин (Америка), Г. Г. Бондарь (Бразилія), Б. Н. Брадович, ген. Б. Б. Будберг (Америка), Я. Л. Бѣлоблоцкій, П. П. Васильев, П. В. Вологодскій, член госуд. думы Н. К. Волков (Франція), Е. Д. Воейкова, І. І. Вонсович, член госуд. думы С. В. Востротин, проф. Г. К. Гинс, Н. Н. Горчаков, ген. М. К. Дитерихс, С. А. Елачич, доцент Л. А. Зандер, прис. повѣр. А. И. Коробов, И. А. Кириллов (Франція), прис. повѣр. А. П. Кузнецов, Ф. И. Кучинскій, К. П. Лавров (Японія), В. С. Богинов, А. И. Нилус, Л. Никитин, А. М. Окороков (Японія), Пим, псевдоним (Пекин), А. В. Петров, † проф. Н. И. Петров, С. А. Поперек (Маманди), член владивост. народн. собр. И. И. Попов, Rire (псевдоним), кооператор А. Г. Сазонов, И. И. Серебренников, доцент Н. А. Стрѣлкевъ, член госуд. думы А. А. Скороходов, д-р А. М. Спасскій, А. М. Скерст, П. С. Троицкій, А. Г. Томашинскій, кн. Н. А. Ухтомскій, кооператор В. Г. Шишканов. проф. Энгельфельд.

Условія подписки:

	В золот. рублях или енах:			
	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	12 мѣс.
В г. Харбинѣ с доставкой	4,00	11,00	20,00	40,00
Для иногородних	4,50	12,00	23,00	45,00
За границу	5,00	15,00	30,00	60,00
Для служащих Кит. Вост. ж. д. в г. Харбинѣ и полосѣ отчужденія	3,00	8,00	15,00	30,00

Подписная плата принимается в америк. долларах по курсу
2 зол. р. = 1 американск. доллару

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS

13, Rue Bonaparte, PARIS (VI e) - Tel.: Gobelins 53-62

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

А. И. Деникинъ. — Очерки русской смуты. Томъ I: Фр.

Г. „Крушеніе власти и арміи" (въ 2 выпускахъ) 30.—

В. Плехановъ. — „Годъ на родинѣ". Полное собраніе статей и рѣчей 1917-1918 года. 2 тома 40.—

Б. Соколовъ. - На поворотѣ 5.—

Діонео. — Англія . . . . 5.—

Заблудовская. — Франція 5.—

Д-ръ Бортновскій. - Какъ сохранить свое здоровье 3.75

Ив. Наживинъ. — Осени поздней цвѣты запоздал. 2.—

К. Д. Бальмонтъ. — Свѣтлый часъ. (Стихи) . . 2.—

Б. А. Лазаревскій. — Птицы ночныя и др. разск. 2.—

Сем. Юшкевичъ. — Вышла изъ круга. (Повѣсть) 2 выпуска . . . . . 5.—

Г. Д. Гребенщиковъ. — Въ нѣкоторомъ царствѣ. (Очерки) . . . . . 3.—

А. Островскій. — Гроза (Драма) . . . . . 3.—

Л. А. Крестовская. - Русск. волонт. во Франціи . . 7.50

А. Блокъ. Двѣнадцать. Скиѳы . . . . . 10, 30 и 40

Дѣти дѣтямъ. — Сборники разсказовъ, написанныхъ и иллюстр. дѣтьми. Два выпуска. 2.50 и 3.00

Русскія сказки, иллюстрирован. дѣтьми, выпуски по . . 1.25, 1.75 и 2.50

«Родное». — Сборникъ стихотв. для русскихъ дѣтей, состав. Л. А. Коварской. 4.50

Иллюстрирован. библіотека французскихъ писателей:

Бурже. — Преступленіе 5.—
Жипъ. — Романъ котика 5.—
Мериме. — Графиня Діана 5.—
Мирбо. — Аббатъ Жюль 5.—
Прево. — Около любви . 5.—
Ришпэнъ. — Тина . . . . 5.—
Родъ. — Мишель Тесье . 5.—
Золя. — Избранные разск. 5.—

Вышла въ свѣтъ

новая книга

„ДНЕВНИКЪ"

Нелли Пташкиной

цѣна — 7 фр. 50

1. Сборникъ „Современныя проблемы" (статьи гг. Алданова, Вишняка, Делевскаго, Ст. Ивановича, Кочаровскаго, Нольде и Минскаго.
2. „Издалека". — Сборникъ статей А. Ф. Керенскаго.
3. Второй томъ книги ген. А. И. Деникина „Очерки русской смуты".
4. „Родные писатели" (для дѣтей старшаго возраста) Л. А. Коварской.

Въ іюлѣ выходятъ въ свѣтъ:

Собраніе сочиненій **Г. Д. Гребенщикова** въ шести томахъ.

„Въ огнѣ гражданской войны". Сергѣя Штерна.

Принимается подписка на всѣ періодическія изданія. На складѣ имѣются крымскія и кавказскія газеты конца прошлаго года.

Книги по русскимъ вопросамъ на французскомъ и др. языкахъ. Медицинскія книги. Научно-популярныя. Энциклопедическіе словари (Павленкова, Граната, Брокгауза). Календари.

Выдаются справки и принимаются заказы на русскія и иностранныя книги. Принимаются порученія по печатанію книгъ. Книжнымъ магазинамъ, общественнымъ учрежденіямъ и военнопленнымъ — скидка. Каталоги безплатно.

РУССКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО И КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

J. POVOLOZKY & Cie, ÉDITEURS

13, Rue Bonaparte, PARIS (VIe) - Tel.: Gobelins 53-62

Книги о Россіи на французскомъ языкѣ:

APRÈS 4 ANS DE REVOLUTION par Serge Maslow . 10 fr.
LÉNINE, par Landau-Aldanov 6.50
TERRORISME ET COMMUNISME, par Karl Kautsky . 8 fr.
LE VOYAGE DE CACHIN ET DE FROSSARD DANS LA RUSSIE DES SOVIETS, par le Dr. Boris Sokolov 6.50
LES TRÉSORS D'ART EN RUSSIE SOUS LE RÉGIME BOLCHEVISTE, par Alexandre Polovtzoff . . . . . 5 fr.
DEUX RÉVOLUTIONS: La Révolution Française. — La Révolution Russe, par Landau-Aldanov . . . . . 4.—
LE BILAN DU BOLCHEVISME EN RUSSIE, par Gavronsky 3.50
DANS LE ROYAUME DE LA FAMINE ET DE LA HAINE, par S. Volsky . . . . . 4 fr.
LE RÉGIME SOVIÉTIQUE, par Marc Vichniac 3.50
L'ŒUVRE ÉCONOMIQUE DES SOVIETS, par A. Axelrode 6 fr.
MES TRIBULATIONS DANS LA RUSSIE DES SOVIETS, par V. Tchernov . . . . . 5.—
L'EVOLUTION ACTUELLE DU BOLCHEVISME RUSSE, par Simon Zagorsky (Préface de M. Emile Vandervelde) 6,50
LES JUIFS DANS LA RÉVOLUTION RUSSE, par Boris Mirsky. (Avec préface de M. Salomon Reinach) . . 5 fr.
LA PROTECTION DES DROITS DES MINORITÉS DANS LES TRAITÉS INTERNATIONAUX DE 1919-1920, par Marc Vichniak . . . . . 4.—
LA DÉCOMPOSITION DE L'ARMÉE ET DU POUVOIR par le général Dénikine . . . . . 20 fr.

Разныя книги на французскомъ языкѣ:

M. A. ALDANOV. Sainte-Hélène petite ile. Roman historique. Un volume in-8° écu. Prix. . . . . 7 fr.
L'Inconnu sur les Villes, roman des foules modernes, par Marcello-Fabri. Prix 6,50
V. TH. TOTOMIANTZ. Anthologie coopérative. Avec prèface de M. Charles Gide . . . . . 15 fr

Русскій книжный магазинъ „МОСКВА“ въ Берлинѣ

Адресъ: Russische Buchhandlung Heinrich Sachs, Berlin SW 48, Wilhelmstr. 20 (тел. Lützow 567)

Библіотека и отд. „Вестенъ“: W 62, Nettelbeckstr. 15 (тел. Lützow 2847)

Въ скоромъ времени выходятъ въ собственномъ изданіи (по старой орфографіи)

А. Н. Толстой, Хожденіе по мукамъ

и его же, Любовь — книга золотая

Двѣ пасхальныхъ дѣтскихъ книги

1-го Марта выходитъ и разсылается безплатно

№ 1 „Вѣстникъ Русскаго Книжнаго Рынка“,

цѣль котораго освѣдомлять быстро и аккуратно зарубежные и россійскіе магазины и читающую публику о всѣхъ новыхъ книгахъ и о всѣхъ — столь частыхъ — измѣненіяхъ въ цѣнахъ на книги, ранѣе вышедшія (чему служилъ отчасти журналъ „Русская Книга“).

Вѣстникъ будетъ выходить перваго числа каждаго мѣсяца.

Изъ содержанія перваго номера:

Отъ издательства — Переходъ на новую орфографію — Русская книгоиздательская дѣятельность за рубежомъ — Издательская хроника.

Прибавленія:

Каталогъ маг. „МОСКВА“ № 9 „Февраль 1922 г.“
Каталогъ акц. о-ва Вальтера и Рапа въ Ригѣ.
Объявленія зарубежныхъ и россійскихъ издательствъ.

Торгово-промышленная газета:

„КОММЕРЧЕСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ“

годъ изданія III-ій

Редакторъ-Издатель: В. А. ЧИЛИКИНЪ

(Китай-Харбинъ, Китайская ул. 67)

Собственные корреспонденты во всѣхъ крупнѣйшихъ центрахъ міра. Собственные корреспонденты въ Совѣтской Россіи.

Подписная цѣна: для заграницы:
годъ — 10 руб. золотомъ $^1/_2$ года — 6 руб. золотомъ

ТИПОГРАФІЯ, ПЕРЕПЛЕТНАЯ, КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ и МАГАЗИНЪ

В. А. ЧИЛИКИНА

(Китай, Харбинъ, Китайская ул. 67)

Принимаются представительства солидныхъ издательствъ. / Принимаются на складъ и на комиссію: книги, журналы, газеты, ноты, справочники, учебники и т. п. / Всегда имѣются на складѣ всѣ Дальневосточные книги, журналы и газеты. / Постоянное полученіе всѣхъ новинокъ русскаго книжнаго рынка.

Текущіе счета:
Русско-Азіатскій банкъ, Чесенъ банкъ, Д. В. Взаимный Кредитъ

СТУДЕНТЪ **ежемѣсячный журналъ,**

издаваемый Объединеніемъ Русскихъ Эмигрантскихъ Студенческихъ Организацій (ОРЭСО) при участіи всѣхъ русскихъ студенческихъ организацій заграницей.

Поступилъ въ продажу № 2 обновленный и значительно расширенный. Продается во всѣхъ русскихъ книжныхъ магазинахъ и студенческихъ Союзахъ.

Отдѣлы журнала:

ОБЩІЙ (Дискуссіи, беллетристика и пр.)

ИНФОРМАЦІОННЫЙ (жизнь русскаго студенчества во всѣхъ странахъ Европы и Америки, жизнь иностраннаго студенчества).

РОЗЫСКИ, БИБЛІОГРАФІЯ, ОБЪЯВЛЕНІЯ и пр.

Въ № 2 помѣщенъ подробный отчетъ о I-мъ Съѣздѣ Россійскаго Эмигрантскаго Студенчества въ Прагѣ.

Высылается по полученіи полной стоимости. Выписывающіе изъ Конторы за пересылку не платятъ.

Цѣна: Чехословакія 8 к. ч., Германія, Польша, Эстонія, Латвія и Литва 30 г. м., Франція, Бельгія, Турція 2,50 фр. фр., Америка и Дальній Востокъ 30 центовъ, Сербія 10 динаръ, Болгарія, Румынія 20 левъ, Англія 1 шилл., Италія 4 лиры, Швейцарія 1,50 шв. фр., Скандинавскія страны 1 шв. крона.

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА:

Tchecoslovaquie, Praha II, Katerinska 40. „Student“.

Продолжается подписка

на 1922 годъ

(второй годъ изданія)

на ежедневную газету

„РИЖСКІЙ КУРЬЕРЪ“

Подписная плата на мѣсяцъ въ Латвіи 125 р.

За границей 160 р. Адр. редакц. и конторы:

Рига, Бл. Грѣшная 21

Ближайшее участіе принимаютъ:

Б. І. Витвицкая, Пр. В. М. Грибовскій. В. В. Гадалинъ, Ч. Дагаровъ, Д. І. Заборовскій, Л. Кормчій, Нео-Сильвестръ, Ю. Л. Маевскій, М. Мироновъ, Спектаторъ, А. Фрауэнштейнъ, А. Цвѣтковъ. Помѣстили статьи: О. Гросбергъ, И. М. Суховъ, Н. Н. Бордоносъ, С. Димовъ, Борисъ Ольгинскій, А. Г. Алексинскій, проф. Жаковъ, магистр. слов. В. М. Алексѣевъ, И. Славинскій, худ. Р. Депрерадовичъ, В. Семигальскій и др. Постоян. корресп. въ Ревелѣ, Вильнѣ, Варшавѣ, Парижѣ и др. гор.

Ред.-Изд. Д. І. Заборовскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1922 г. на ежедневную политическую, общественную и литературную газету

„ЗА СВОБОДУ!“

ВЫХОДИТ В ВАРШАВѢ

ДЕВИЗ ГАЗЕТЫ: „ЗА РОДИНУ и СВОБОДУ!“

В 1921 г. в газетѣ помѣщались статьи: Б. В. Савинкова, Д. В. Философова, А. А. Дикгоф-Деренталя, В. В.Уляницкаго. М. Н. Гнилорыбова, В. В. Португалова, Е. С. Шевченко, Л. Станиславскаго, В. М. Корчемнаго, А. Л. Бема, А. Г. Мягкова, И. Л. Соколова, П. Варра, В. Бранда, О. Воинова и др.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: В Польшѣ в мѣсяц 800 марок, за границу 900 марок. Цѣна номера 30 марок. Въ Болгаріи 1 л. 50 зл., Сербіи пол дин., Германіи 3 м. 20 пф., Румыніи 1 л. 20 б., Австріи 20 кр., Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и Константинополѣ 50 с.

ЦѢНЫ ОБ‘ЯВЛЕНІЙ: За одну миллиметровую строку на первой стр. 80 марок, среди текста 150 марок, на 4 стр. 50 марок. Об‘явленія о розыскѣ и ищущим занятія 20 марок за слово.

АДРЕС: WARSZAWA, NOWY ŚWIAT Nr. 22

Съ 28 августа 1922 г. выходитъ въ г. Ригѣ русская литературная и общественно-политическая газета

„ДЕНЬ“

при ближайшемъ участіи проф. К. И. АРАБАЖИНА

Цѣна номера въ Ригѣ и провинціи 5 руб.
Подписная цѣна на мѣсяцъ въ Латвіи 20 руб., заграницей 25 руб.

Выходитъ временно по понедѣльникамъ утромъ.

Главная контора и редакція: РИГА, Александровская ул. 28.

Требуются корреспонденты въ крупныхъ центрахъ Европы.

Въ первыхъ числахъ октября газета будетъ выходить ежедневно.

Ежемѣсячный
литературно-художественный и научно-публицистическій журналъ

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ

Редакціонная коллегія: С. А. Водовъ, М. С. Ильяшевичъ, К. К. Цегоевъ. — Главный редакторъ: К. К. Цегоевъ.
Изданіе Союза Русскихъ Студентовъ въ Чехословакіи.

Цѣна номера: обыкнов. — 10 кронъ ч., двойного — 15 кронъ ч.
Цѣна объявленій: 1 стр. — 700 кр., ½ стр. — 400 кр., ¼ стр. — 225 кр. и т. д.
Счетъ въ банкѣ: Union des Etudiants Russes. Zivnostenská Banka, Praha.

Адресъ: редакціи и главной конторы: Praha, Smichov, Přemyslova ul. 16 (Tchécoslovaquie).

ВЫШЛА ВТОРАЯ КНИЖКА

ДѢТИ—ДѢТЯМЪ

СБОРНИКЪ РАЗСКАЗОВЪ

написанныхъ и иллюстрированныхъ дѣтьми въ возрастѣ 10 до 13 лѣтъ.

Выходятъ неперіодически, подъ редакціей: И. и Л. КОВАРСКИХЪ

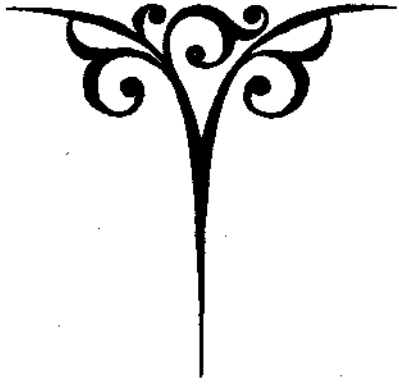
Цѣна 1-го выпуска 2 фр. 50
Цѣна 2-го выпуска 3 фр. —

Заброшенныя на чужбину русскія дѣти быстро отвыкаютъ отъ всего русскаго. Цѣль редакціи — содѣйствуя мышленію и творчеству дѣтей на русскомъ языкѣ, поддержать въ нихъ любовь къ родной рѣчи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:

J. POVOLOZKY et Cie
13, RUE BONAPARTE, PARIS (6e)

КАТАЛОГЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

СЕНТЯБРЬ
1922

ВЫШЕЛЪ ИЗЪ ПЕЧАТИ И РАЗСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО
ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ:
VERLAG EUGEN GUTNOFF
BERLIN S 14, DRESDNER STRASSE 82-83

Въ Ригѣ выходитъ независимая демократическая газета

«СЕГОДНЯ»

годъ изданія III

Обширная информація о жизни балтійскихъ государствъ.
Спеціальныя свѣдѣнія изъ Совѣтской Россіи.
Корреспонденты въ столичныхъ городахъ.
Подписная цѣна въ мѣсяцъ: Въ Латвіи 125 руб., заграницей 185 руб.
Редакція и главная контора: Lettonie, Riga, Гердерова площадь 1.

ИЗДАТЕЛЬСТВО РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ

Е. А. ГУТНОВА

✽

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

СПОЛОХИ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ПОЧТОВЫХЪ ОТДѢЛЕН. ГЕРМАНІИ, А ТАКЖЕ ВЪ ИЗДАТЕЛЬСТВѢ РЕДАК. АЛ. ДРОЗДОВЪ. ИЗДАТЕЛЬ Е. А. ГУТНОВЪ ПОДРОБНОСТИ ВЪ ЖУРНАЛѢ «СПОЛОХИ»

✽

АДРЕСЪ ДЛЯ ПРІЕМА ПОДПИСКИ И ОБЪЯВЛЕНІЙ

BERLIN S. 14, DRESDNER STR. 82—83

ТЕЛЕФОНЪ: MORITZPLATZ 2916 и 3315

ТЕЛЕГР. АДРЕСЪ: IRONDRUCK BERLIN

Общественно-политическій и литературный журналъ

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ

(2-й годъ изданія)

издаваемый при ближайшемъ участіи:

Н. Д. Авксеентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка,

А. И. Гуковскаго и В. В. Руднева.

Въ вышедшихъ по настоящее время книжкахъ „Современныхъ Записокъ" напечатаны беллетристическія произведенія: Леонида Андреева, М. А. Алданова, К. Д. Бальмонта, Андрея Бѣлаго, Г. Д. Гребенщикова, Е. И. Замятина, С. Р. Минцлова, А. М. Ремизова, Ив. Соколова-Микитова, Ильи Сургучева, гр. А. Н. Толстого, Софьи Федорченко, — Стихотворенія: Амари, К. Д. Бальмонта, Максимиліана Волошина, З. Гиппіусъ, Вячеслава Иванова, Н. Крандіевской, Сергѣя Маковскаго, В. Позднера, В. Сирина, Ѳедора Сологуба, Таффи, Марины Цвѣтаевой. — Дневники и воспоминанія: Е. К. Брешковской, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, кн. В. Оболенскаго, Т. И. Полнера, И. Е. Репина. — Статьи по вопросамъ литературы, искусства, философскимъ, политическимъ, экономическимъ и соціальнымъ: Н. Д. Авксентьева, М. А. Алданова, П. Н. Апостола, А. А. Аргунова, А. Байкалова, К. Д. Бальмонта, В. Брейтвейта, И. И. Бунакова, проф. П. Г. Виноградова, М. В. Вишняка, М. О. Гершензона, В. Гефдинга, М. Л. Гольдберга, К. К. Грюнвальда, А. И. Гуковскаго (А. Сѣверова), Ю. Делевскаго, И. Демидова, Діонео, проф. С. О. Загорскаго, Ст. Ивановича, прив.-доц. С. Карцевскаго, К. Р. Качоровскаго, А. Ф. Керенскаго, В. Г. Короленко, проф. С. А. Корфа, С. Кобякова, А. А. Койранскаго, Е. Д. Кусковой, В. Ладыженскаго, проф. М. Лазерсона, А. Я. Левинсона, З. Ленскаго, Г. Ловцкаго, С. В. Лурье, Г. М. Лунца, А. Н. Мандельштама, проф. С. И. Метальникова, Н. М. Минскаго, А. М. Михельсона, В. М., Л. Неманова, проф. бар. В. Э. Нольде, А. С. Орлова, С. Л. Полякова-Литовцева, проф. М. И. Ростовцева, В. В. Руднева, М. Л. Слонима, Б. Ф. Соколова, Л. Сотова, П. Тюрина, В. И. Талина, А. Н. Ульянова, проф. А. А. Чупрова, М. О. Цетлина, Л. И. Шестова, Б. Ф. Шлецера и др.

Журналъ выходитъ книжками объемомъ около 400 страницъ.

Адресъ Редакціи:

9bis, rue Vineuse, PARIS (XVIe)

Téléphone: PASSY 89-61

Складъ изданія:

LOGOS Büchervertrieb A. G., BERLIN SW 68

Markgrafenstrasse 87 **Telegr.-Adr.: Logoskniga**

Тарифъ объявленій: страница - 300 фр.; полъ-стран. - 160 фр.

№ № 1 — 3 распроданы, № № 4 и 5 остались въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ.

Русская Типографія Е. А. Гутнова
Berlin S 14, Dresdner Strasse 82-83

Le gérant: A. HAMBOURG